

Российская
национальная библиотека

Рукописные памятники

ВЫПУСК 3 Часть 1

Рукописное наследие
Евгения Ивановича Замятина

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Выпуск 3
Часть 1

РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ
ЕВГЕНИЯ ИВАНОВИЧА ЗАМЯТИНА

Санкт-Петербург
1997

Редколлегия: В. Н. Зайцев, Л. И. Бучина (ответственный редактор), М. Ю. Любимова
Составители: Л. И. Бучина,
М. Ю. Любимова
Предисловие и комментарии М. Ю. Любимовой
Каталог подготовлен Л. И. Бучиной
Подготовка текста — Л. И. Бучина и М. Ю. Любимова
Рецензенты: А. М. Грачева,
В. А. Туниманов
Редакторы: М. А. Бенина,
Н. Р. Бочкарева

В издании публикуются рукописные материалы Евгения Ивановича Замятина — творческие рукописи писателя, его письма к жене и другим лицам, разнообразные документы о его жизни и творчестве. Большая их часть публикуется впервые. В книге представлено описание всех рукописных материалов Е. И. и Л. Н. Замятиных, хранящихся в Российской национальной библиотеке.

Издание предназначено для специалистов, изучающих биографию и творчество Е. И. Замятина, а также для читателей, интересующихся историей отечественной литературы и культуры.

Издание выходит с ноября 1995 г.

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета РНБ

Изд. лиц. № 020246 от 17.10.91. Подписано к печати 07.02.97.
Формат 60×84/16. Бумага писчая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27,3. Уч. изд. л. 25,7. Тираж 600 экз. Заказ № 12

Издательство Российской национальной библиотеки, ОП.
191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18.

© Российская национальная библиотека
1997 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1

Предисловие	5
I Письма Е. И. Замятина. Публикации	9
Письма к Л. Н. Замятиной. 1906—1931	9
Письма к М. А. Замятиной	420
Письма, телеграммы, записки и другие документы	422

Часть 2

II Творческие рукописи Е. И. Замятина. Публикации	439
III Материалы Е. И. и Л. Н. Замятиных. Каталог	512
IV Приложения	541
Список использованных фондов	546
Список сокращений	547
Именной указатель	552

Портрет Замятина. Худож. Г. С. Верейский. 1927 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Возвращение Евгения Ивановича Замятина к российскому читателю после шести десятилетий забвения состоялось. За восемь лет, прошедших с момента первой публикации на родине романа «Мы»¹, выпущены сборники сочинений; его произведения регулярно публикуются в периодических изданиях, их изучают в школах, в высших учебных заведениях гуманитарного профиля. В 1992 г. словарь «Русские писатели» опубликовал обширную статью о творчестве Замятина².

Об устойчивом интересе российских и зарубежных исследователей к творчеству писателя свидетельствуют многочисленные статьи, доклады на научных конференциях³. К сожалению, анализ работ позволяет отметить и негативные явления, наметившиеся в освещении его личной и творческой биографии. Исследователи склонны замыкаться в кругу «Автобиографий» писателя, цитировать или пересказывать их как единственный достоверный источник; в некоторых работах встречаются досадные ошибки, ничем не подкрепленные домыслы и откровенные курьезы.

Существование таких неточностей, «фантазий» имеет и свои объективные причины: в России десятилетиями не изучалось творчество писателя и его биография, многие зарубежные исследователи не имели возможности работать в российских архивах⁴. Судьба

¹ Знамя. 1988. № 4. С. 126—177; № 5. С. 104—154.

² Туниманов В. А. Замятин // Русские писатели, 1800—1917: Биограф. слов. М., 1992. Т. 2. С. 320—323.

³ См.: Autour de Zamiatine: Actes du Colloque. Univ. de Lausanne, juin 1987. Suivi de Ecrits publiés / E. Zamiatin; Ed. par Leonid Heller.— Lausanne, 1989; Творчество Е. Замятина: Проблемы изучения и преподавания: Материалы Первых российских замятинских чтений. 21—23 сент. 1992 г. Тамбов, 1992; Творческое наследие Евгения Замятина: Взгляд из сегодня: Науч. ст., очерки, заметки, тез.: Ч. 1—2. Тамбов, 1994; Геллер Л. Замятинские чтения в Тамбове // Рус. мысль. 1995. 5—11 янв. С. 12; Его же. Замятин снова в Лозанне // Там же. 1996. 11—17 янв. С. 13.

⁴ Первая и по сей день единственная научная биография Замятина написана без использования материалов РНБ. См.: Shane A. The life and works of Evgenij Zamiatin.— Berkeley; Los Angeles, 1968.

распорядилась так, что отдельные части личного архива Замятина оказались в разных странах мира (Россия⁵, Франция⁶, США⁷), в государственных и частных собраниях, в некоторых до сих пор труднодоступных архивах; многочисленные письма и рукописи Замятина находятся в фондах его корреспондентов. Все это значительно затрудняет освоение рукописного наследия писателя, создает проблемы при подготовке собрания его сочинений.

Эти трудности преодолимы лишь при планомерном изучении многочисленных архивов с целью выявления неизвестных творческих рукописей и писем Замятина, документов, позволяющих с наибольшей полнотой осветить жизненный и литературный путь писателя, его идейные и художественные позиции, общественную деятельность, отношения с современниками.

«Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина» содержит публикацию всех рукописей писателя, хранящихся в Российской национальной библиотеке (большая их часть публикуется впервые), а также научное описание материалов Е. Замятина. Большая их часть находится в составе личного фонда Е. И. и Л. Н. Замятиных (ф. 292), который насчитывает 56 ед. хр.⁸

Материалы из архива Е. И. и Л. Н. Замятиных поступили в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в августе 1942 г. 8 августа сотрудник библиотеки А. П. Могилянский обследовал квартиру на улице Жуковского (д. 29, кв. 16), где после отъезда Замятиных за границу жила их домработница Агриппина (Аграфена) Павловна Гроздова, умершая, очевидно, в первую блокадную зиму или весной 1942 г. В докладной записке от 8 августа 1942 г. на имя М. В. Машковой, заведовавшей в то время Отделом комплектования ГПБ, Могилянский сообщал: «В комнате <...> оказались разбросанными по полу остатки личной библиотеки писателя (книги на русском, английском, немецком и французском языках, и его семейной переписки) <...> Всего книг наберется на несколько пачек, все может быть уложено на одну тележину. Книги

⁵ ИМЛИ. Ф. 47; ОР РНБ. Ф. 292; РГАЛИ. Ф. 1776.

⁶ См.: Hobzová D. Catalogue des archives parisiennes d'Evgenij Zamjatin // Cahiers du monde russe et soviétique. 1972. Vol. 13, № 2. P. 232—285. Недавно этот архив передан Н. Б. Сологуб в государственное хранилище: Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (Nanterre, Cedex).

⁷ См.: Russia in the twentieth century: The Catalog of the Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture / The Rare Book and Manuscript Libr.; Columbia Univ. Boston, 1987. P. 131. См. также: p. 41, 61, 132.

⁸ В 1961 г. фонд Е. И. и Л. Н. Замятиных был описан сотрудницей Отдела рукописей ГПБ Р. Б. Заборовой.

представляют большой интерес и безусловно подлежат включению в число книжных собраний ГПБ»⁹. 11 августа М. В. Машкова приняла на постоянное хранение материалы из архива писателя¹⁰.

Отдельные материалы Замятина были приобретены Публичной библиотекой в Книжной лавке писателей в декабре 1942 г.

Различные материалы, связанные с жизнью и творчеством Замятина, выявлены также в составе других личных фондов и собраний Российской национальной библиотеки.

Настоящее издание состоит из нескольких разделов: публикаций эпистолярного и творческого наследия Замятина, и научного описания материалов Е. И. и Л. Н. Замятиных.

Самое значительное место занимают письма Замятина к жене. Некоторые ранее неизвестные факты о жизни и деятельности писателя содержатся в его письмах к другим адресатам, в его деловой переписке. В издании представлены немногочисленные творческие материалы — ранние варианты рассказов, неопубликованные рецензии и предисловия, иные документы.

Тексты рукописей воспроизводятся по современным нормам правописания, с сохранением особенностей авторской пунктуации. Описки исправляются без редакторских оговорок. Слова, зачеркнутые, исправленные и дописанные Замятиным, специально оговариваются в комментариях. Конъектуры, предложенные публикаторами, приводятся в угловых скобках. «Каталог» включает описание материалов личного архива Е. И. и Л. Н. Замятиных и документов, выявленных в составе других фондов Отдела рукописей, Отдела эстампов и русского книжного фонда РНБ.

При описании документов и их систематизации учитывались правила, принятые в Отделе рукописей РНБ. Автографичность писем и дарственных надписей специально не отмечалась.

В каталоге публикуемые документы отмечаются астериском (*); необходимые комментарии к остальным даны вслед за их описанием.

В разделе «Приложения» помещены письмо сестры Е. И. Замятина — А. И. Волковой и четыре письма Л. Н. Замятиной, содержащие некоторые существенные подробности жизни писателя.

Данное издание снабжено именованным указателем и списком использованных фондов.

---

⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 3, № 724. Л. 42.

¹⁰ Эти факты освещены иначе в недавно выпущенном изд.: В память ушедших и во славу живущих: Хроника событий: 22 июня 1941 — 9 мая 1945 / Сост. С. А. Крючковский; РНБ. СПб., 1995. С. 150.

Составители выражают глубокую признательность за консультации и деятельную помощь в работе над книгой — Н. Б. Волковой (РГАЛИ), А. Ю. Галушкину и Е. Ю. Литвин (ИМЛИ), М. М. Павловой (ИРЛИ), Н. А. Чекмаревой (ЦГИА СПб), Эллен Скаруффи (Бахметевский архив, США), С. В. Волкову, Т. В. и А. П. Гагариным, И. Н. Пуниной, Л. Н. Радловой, А. Н. Тюрину, Н. Н. Школьникову, М. Д. Эльзону, а также многочисленным коллегам из Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербургского технического университета, Лебедянского краеведческого музея.

Составители считают своей приятной обязанностью выразить благодарность «Пушкинскому фонду», поддержавшему на первых этапах эту работу, а также сотрудникам Отдела рукописей РНБ Е. А. Пережогой и Д. О. Цыпкину за помощь в прочтении текстов.

Отзывы и замечания просим направлять по адресу: 191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18. Российская национальная библиотека. Заместителю директора по научной работе.

I

ПИСЬМА Е. И. ЗАМЯТИНА

Публикации

Письма к Л. Н. Замятиной. 1906—1931

В ноябре 1905 г. в жизни Евгения Замятина произошло событие, во многом определившее его дальнейшую судьбу — он встретил Людмилу Николаевну Усову (1883—1965), ставшую его невестой, а позднее женой.

В это время он — студент 3-го курса Кораблестроительного отделения Санкт-Петербургского политехнического института, она — слушательница фельдшерской школы; оба участвуют в нелегальных сходках и, вероятно, в деятельности одной из «боевых» социал-демократических организаций.

11 декабря 1905 г. Замятин был арестован, помещен в Дом предварительного заключения, и три месяца провел в одиночной камере на Шпалерной. С этого момента началась его переписка с Людмилой Николаевной — продолжавшаяся несколько десятилетий.

Большая часть писем Замятина уцелела, хотя есть невосполнимые утраты. Ответные письма до нас не дошли — исключение составляют четыре письма Людмилы Николаевны, относящиеся к лету 1916 г.

Сохранившиеся письма Замятина охватывают в общей сложности двадцать пять лет — с 26 марта (по ст. ст.) 1906 г. по 10 августа 1931 г., самую значительную часть его жизненного и творческого пути.

Людмила Николаевна на протяжении всей жизни была для Замятина самым близким человеком, с ней более, чем с кем-либо другим, писатель делился своими переживаниями и сомнениями, самыми заветными мыслями о жизни и об искусстве. Ей, как врачу, он сообщал о своих физических недомоганиях и моральной депрессии.

Ранние и поздние письма резко различаются по тону и стилю.

Письма 1906—1914 гг.— бурный поток чувств и эмоций, страстный монолог влюбленного юноши, любящего мужа. Письма, носящие глубоко личный характер, окрашены тем не менее в «цвета времени», затрагивают различные моменты российской жизни, содержат интересные высказывания и оценки событий, отдельных явлений литературы и искусства. Они уточняют сложившиеся представления не только о политических убеждениях молодого Замятина, его отношении к различным партиям и к их программам, его пониманию революции, но и об основах складывающегося мировоззрения будущего писателя, его художественных вкусах.

В письмах 1906—1914 гг. отразились такие эпизоды жизни Замятина, как ссылка в Лебедянь, пребывание в Гельсингфорсе накануне Свеаборгского восстания, деятельность в качестве «инженера для технических занятий» Отдела торговых портов Министерства торговли и промышленности, работа на Путиловском и Металлическом заводах, преподавание в Политехническом институте.

В 1913—1915 гг. Замятин работает на многих судостроительных заводах России от Астрахани до Архангельска. Вологда, Ярославль, Рыбинск, Кременчуг, Нижний Новгород, Николаев и Херсон — вот лишь краткий перечень городов, где он побывал, откуда отправлял письма. Малоизвестный эпизод кратковременной командировки в Берлин отразился в апрельских письмах 1914 г.

Людмила Николаевна рано обратила внимание на литературные способности Замятина; и Замятин регулярно извещал ее о том, как идет работа над очередным произведением — будь то «Сказка о Милой барышне» и притча «Премудрый Нгабами» (так и не вышедшие в свет), или повесть «Уездное», принеся Замятину известность.

Характер писем 1916—1917 гг., написанных в Англии, куда Замятин был командирован Военным министерством для наблюдения за строительством ледоколов для России, резко отличается от прежних. Их содержание и форма продиктованы внешними обстоятельствами: все они проходили военную цензуру. Эти письма лаконичны, написаны телеграфным стилем на открытых почтовых карточках.

1918 г.— переломный для Замятина: в это время литература становится главным делом его жизни, его основной профессией. Письма 1918—1931 гг., носящие глубоко личный характер, вместе с тем приобретают и серьезное историко-культурное значение, поскольку касаются многих сторон и отдельных эпизодов тогдашней литературной и театральной жизни Петрограда—Ленинграда и Моск-

вы, содержат сведения о встречах Замятина с писателями, художниками, режиссерами и актерами, о его отношениях с друзьями и коллегами.

Письма 1918—1931 гг. не столь подробны и обстоятельны, как прежде. Их лаконизм вполне закономерен: Людмила Николаевна знает обо всех литературных занятиях и общественной деятельности мужа, у них общие друзья и один круг знакомых. Она — его литературный секретарь, курьер, машинистка. Ей, первой, Замятин дарит свои, только что вышедшие книги. По свидетельству близкого друга Замятиных, художника Ю. П. Анненкова, «Замятин всегда давал ей на прочтение первоначальные наброски своих рукописей, и она неизменно делала казавшиеся ей нужными замечания, которые приводили иногда писателя к некоторым <...> изменениям текста». «Мое писательство,— шутил Замятин,— является у нас совместным»¹.

Об особой роли Людмилы Николаевны в жизни Замятина дает представление следующее его высказывание: «Как писатель, я, может быть, что-то из себя представляю <...>, но в жизненных трудностях я — совершенный ребенок, нуждающийся в нянюшкиных заботах. Людмила Николаевна в таких случаях — моя добрая няня»².

Людмила Николаевна в полном смысле слова делила с мужем все тяготы и невзгоды, поддерживала его в периоды замалчивания и яростной травли. В ноябре 1931 г. она вместе с мужем уехала из России.

С февраля 1932 г. Замятины постоянно живут во Франции. Евгений Иванович, в основном для заработка, пишет киносценарии, рецензии и статьи для европейских журналов; с трудом выкраивает время для продолжения работы над романом о вожде гуннов Атил-ле («Бич Божий»), для создания эссе и рассказов.

Замятины следят за общественно-политической и культурной жизнью на родине, поддерживают переписку с А. А. Ахматовой, М. А. Булгаковым, К. А. Фединым, М. Л. Слонимским, Е. Б. Анненковой, З. А. Никитиной и др. Близкие друзья — Ю. П. Анненков, Б. Д. и Е. Г. Григорьевы и А. М. Ремизов помогают Замятиным переносить моральные и материальные тяготы эмиграции.

Замятин скончался в Париже 10 марта 1937 г.; несколько близких друзей проводили его на кладбище в Тие.

---

¹ Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. Нью-Йорк, 1966. Т. 1. С. 249.

² Там же. С. 273.

Готовя письма к изданию, публикаторы встали перед естественной этической проблемой: представить письма полностью или изъять отдельные места, касающиеся семейной жизни Замятиных. Избрав первый путь — без купюр, — мы имели в виду следующие обстоятельства. Письма Замятина — существенный и порой единственный источник информации о его жизни и литературной деятельности. Вместе с тем письма эти — органическая часть его литературно-художественного наследия, дающая основу для изучения его мироощущения и творчества. Недаром Людмила Николаевна, по свидетельству Ю. Анненкова, «отличалась редкой бережливостью ко всему литературному наследству Замятина и тщательно охраняла все им написанное — до кратчайших заметок, записных книжек, всевозможных черновиков и писем. И это не только береглось, но, одновременно, и распределялось по хронологическим и иным признакам, с точными указаниями дат и другими пояснительными примечаниями»³. После смерти Евгения Ивановича она отдавала все время и силы, чтобы опубликовать неизданное⁴. В 1938 г. в Париже на русском языке вышел роман «Бич Божий», в 1952 г. в США Издательство им. Чехова опубликовало на русском языке полностью роман «Мы». Там же в 1955 г. вышла книга статей и эссе Замятина «Лица».

В письмах Замятина, которыми располагает Российская национальная библиотека, есть пробелы. Недостает «тюремных» писем и некоторых посланий из лебедянской ссылки 1906 г. — эти потери зафиксированы самим Замятиным. Отсутствуют письма 1917, 1919, 1920 (сохранилось лишь одно, недатированное), 1922 гг. Можно предположить, что отсутствующие письма 1917—1922 гг. могли быть конфискованы при обысках 15 февраля 1919 г. и 16 августа 1922 г.⁵ или исчезли позднее, уже после отъезда Замятиных из России.

Письма Замятина к жене в полном объеме публикуются впервые⁶.

Письма расположены в хронологической последовательности и имеют общую порядковую нумерацию. Если несколько писем были

³ Анненков Ю. Указ. соч. С. 285—286.

⁴ Людмила Николаевна умерла в 1965 г., ее похоронили в одной могиле с мужем на кладбище в предместье Парижа.

⁵ См.: Лахузен Т., Максимова Е., Эндрус Э. О синтетизме, математике и прочем... Роман «Мы» Е. И. Замятина. СПб., 1994. С. 104; Файман Г. «И всадили его в темницу...» // Рус. мысль. 1996. 25—31 янв. С. 11.

⁶ Часть писем Замятина к жене — за 1918—1923 гг. была опубликована ранее с некоторыми неточностями в журнале «Искусство Ленинграда» (1990. № 10. С. 90—100; № 11. С. 94—104). Отдельные отрывки из писем разных лет цитировались российскими и зарубежными исследователями.

отправлены одновременно, но имеют разные даты, то при нумерации им присваивается один номер.

Воспроизводя авторское расположение и написание даты и места, публикаторы перед каждым письмом в правом верхнем углу приводят курсивом полностью место и дату, придерживаясь принятого в России стиля.

Комментарий дается за текстом каждого письма. В нем приводятся сведения об именах, впервые встречающихся в тексте. При повторном упоминании имен, характеристика лица в дальнейшем опускается. В случае, когда фамилия или имя человека встречается в письмах с большим временным разрывом, в комментарии дается отсылка к номеру письма и номеру примечания, где имя атрибутируется впервые.

Комментатор не ставил перед собой задачи раскрыть цитаты из статей, философских трактатов, классической прозы и поэзии. Мы стремились как можно полнее отразить биографический аспект писем Замятина, представить исчерпывающие материалы к различным сюжетам, затронутым в них. Дополнительные сведения помогут исследователям жизни и творчества писателя в выявлении с наибольшей полнотой его окружения и послужат основой для дальнейших поисков рукописного наследия Замятина в отечественных и зарубежных архивах.

№ 1

26 марта 1906 г. Лебедянь

26/III. Утром.

Ну, что же? Я — свободен¹. Далеко позади безмолвные, томительные стены, железный звон замка, кусочек голубого неба, изрезанный безжалостно решеткою суровой, товарищей угрюмые, измученные лица, немые, серые, холодные, как камень, дни.. Все потонуло в той пучине, что зовется прошлым. Свободен я. И вместо сводов небо надо мной раскинулось весеннее, лазурное, и ласковый, и теплый шопот ветра — вместо молчанья каменного стен. Не вижу я Борьбы, с ее жестоким, гордым, страданьем искаженным лицом. Борются не умеют здесь: нельзя в болоте научиться плавать..

Спокойно катится по небу солнце и лениво спать ложится — страстей, страданий сильных оно не видит: под ним Спокойствие, покачиваясь, дремлет, глаза закрывши; бредет старуха вековая Покорность, дряхлую походкой и крадется чуть слышными шагами Вера

в черном одеянии и опытной рукой страдания заглушает в людях... и жизнь — коварно убивая смелость, гордость..

Дешевенькое, маленькое счастье кругом; в болоте мягком и удобном мирно дремлют люди..

Что ж мне не спится там? Что ж хочется туда, назад, к борьбе, к страданиям ближе? Что ж холодно и пусто так в душе?

...Опять один я, среди чужих, холодных стен. И камни серые тюрьмы мне ближе были: за камнями страдали люди там, как люди, камни говорили, а здесь... как камни, люди говорят, и за людьми — глухие, неподвижные, холодные мне видны камни²..

26/III. 12 час. н<очи>.

Наконец-то остался я сам с собою. Не вижу кругом чужих лиц, не слышу чужих, ненужных разговоров, таких далеких от моего строения, от всего, что меня мучит...

И все-таки сегодня вечером я сбросил с себя свою апатию, был оживлен. Поняли, отчего? — Оттого, что я получил вечером письмо от моей дорогой Люси, оттого, что мне показалось, что среди разнообразия своей жизни она еще не совсем забыла свою маленькую фантазию..

Правда, когда я потом вчитался в письмо, мне померещились там между строк кое-какие тени.

«Во-первых, в наших отношениях появилось что-то такое, что мешает мне писать так, как бы я хотела». О чем говорите Вы? Что и когда появилось? Я ничего не вижу и мне ничто не мешает писать Вам так, как я хочу (разве только моя пресловутая «корректность»? Ха! Ха! Ха!). Что же мешает Вам? Вы мне не сделаете больше удовольствия, к<a>к если будете говорить, спрашивать все, что Вы хотели бы. Давайте хоть теперь вознаградим себя за то, что так «непростительно, отчаянно глупо» прошли те 15 час<ов>. Откровенней было бы сказать не «прошли» глупо, а «провели» глупо. Да и то, по-моему, глупо-то провели только один вечер 13/III. Говорить тогда мне не хотелось, даже больше — я боялся говорить, боялся, чтобы не спугнуть ощущение, к<оторо>е было так ново и необычно для меня — потому что не я владел им (к<a>к всегда), а оно владело мной. Словами, анализом, я боялся выйти из-под власти этого ощущения и попасть опять в сферу влияния рассудка — а мне этого не хотелось. Хорошо ли, дурно ли это было? Хорошо, потому что мне было хорошо. Хотя и глупо — не думаю, чтобы было дурно, т<a>к к<a>к мы понимали, что это было глупо.— Если люди увлекаются сражением на шахматном поле, никто не назовет их за это дурака-

ми — потому что игроки ни на минуту не забывают, что имеют дело только с деревянными фигурами. Так и мы.

Во вторник я просто не мог говорить — слишком тяжело было на душе, с одной стороны потому, что в перспективе виднелось удушливое болото теперешней моей жизни, с другой — потому что нескольких часов после нескольких месяцев было слишком мало. А на Почтамтской улице, чтобы уйти от Вас, мне нужно было сделать громадное усилие воли. Тяжело было невыносимо, физически больно.. К этому присоединялась еще обида за себя, за свою волю, весь сильный и послушный аппарат которой вдруг оказался как будто поломанным, неподвижным, непослушным..

Вот почему особенно неприятно мне было читать в Вашем письме: «Вам хорошо было во вторник». Точно Вы смеетесь, дразните..

А на Николаевском вокзале³, повторю еще раз, мне было хорошо. Если у нас были и разные настроения, в этом ничего удивительного. Дело в том, что для меня увидеть Вас было совершенной неожиданностью: я почему-то был уверен, что Вы не придете. А видеть еще раз так хотелось.. И вдруг Вы, милая, пришли. Можете Вы понять мое настроение? В конце концов я согласен с Вами: несколько часов, проведенные нами вместе, прошли непростительно. Непростительно не потому, что глупо, а потому что, мне кажется, эти часы могли пройти в сто раз лучше, хотя тоже глупо.

Ну, да об этом уже поздно говорить. Впереди — будущее, а теперь — настоящее. У Вас это настоящее — жизнь, которая «так хороша и полна».. что больше нечего к ней прибавить, ну а у меня..

Можете Вы себе представить всю жажду работы, кипучей деятельности, опасностей, борьбы — после 4-х месячного вынужденного бездействия? И всю пустоту, неудовлетворенность жизни в совершенно противоположных условиях, условиях болота? И это болото действует скверно, — не в том смысле, к<a>к Вы, кажется, думаете, а в том, что <...>⁴

Я уже начинаю понемногу заниматься. Музыка почему-то не привлекает меня, к<a>к всегда, пение — тоже. Сижу один с своими книгами, с своими ... фантазиями. Мои фантазии? Вы думаете они пройдут? Как они пройдут, если я не хочу, чтобы они проходили, если, верней, я не могу, не в силах хотеть этого? Как может вылезть больной, если он не хочет лечиться, принимать лекарства? Да разве нужно лечиться? Разве Вы так думаете?

Ну, пишите же мне, говорите со мной, Люси дорогая. Пришлите карточку. Мне хочется посмотреть, каким милым свистком Вы были в гимназии. По <...>⁵

Дайте этот мой адрес Марии Ник<олаевне>⁶ и Борису⁷. Я получил от них на днях письмо. Передайте ответы, приложенные здесь.

Пишите, сколько и когда получаете от меня писем: мне интересно установить случаи пропажи, если такие будут. Пишите хоть вкратце о ж'дюфд^{8*}.

Крепко жму Вашу маленькую руку.

Ваш Е.

P.S. Зачем Вы говорите о своей карточке, «зачем она Вам?» etc. Вы опять за старое?

1. 11 декабря 1905 г. Замятин был арестован в квартире Константина фон Шульмана (Оренбургская ул., 27, кв. 1), где «происходило собрание членов Боевой дружины Выборгского района». При обыске квартиры полиция обнаружила оружие, «нелегальные издания социалистов-революционеров и социал-демократов <...> и значительный склад тенденциозных брошюр» (см.: ДП—2. Л. 5). 31 декабря Замятин был привлечен к дознанию в качестве обвиняемого. 19 января 1906 г. начальник Санкт-Петербургского губернского жандармского управления сообщил в департамент полиции: «При обыске Замятина у него ничего предосудительного найдено не было, но ввиду нахождения его в этой квартире, куда он по его словам, пришел как сотрудник газеты «Новая жизнь», для получения сведений для хроники газеты из помещающегося здесь же «Бюро союза волокнистых веществ», не дает основания сделать какой-либо определяющий вывод о его не участии в совершении государственного преступления, впредь до выяснения дознанием всех обстоятельств дела». (Цит. по: ДП—2. Л. 21). После трехмесячного заключения, по ходатайству отца, Замятина выслали на родину, в Лебедянь, под надзор полиции.

2. Тюремные впечатления Замятина нашли отражение в первом опубликованном рассказе «Один» (Образование. 1908. № 11). Главный герой — молодой человек Сергей Белов находится в заключении, любимая девушка Лелька пишет ему письма, посылает передачи, ходит на тюремные свидания. Белов не выдерживает заключения в одиночной камере, сходит с ума и выбрасывается в пролет тюремной лестницы во время прогулки.

3. Николаевский — ныне Московский вокзал в Петербурге.

4. Часть текста вырезана.

5. Часть текста вырезана.

6. Усова Мария Николаевна (1882—?) — сестра Людмилы Николаевны. Дата рождения установлена по данным департамента полиции на 2 янва-

---

* съезде (гайнопись).

ря 1904 г.: «<...> Слушательница Женского медицинского института Мария Николаевна Усова имеет от роду 21 год, православного вероисповедания, происходит из мещан г. Читы, окончила Читинскую гимназию и в 1901 г. поступила в число слушательниц Женского медицинского института. Усова проживает в д. № 7/9, кв. 12 по Б. Ружейной ул. В той же квартире проживает слушательница вышеупомянутых курсов Евгения Иванова Моллельсон». (Дело М. Н. Усовой. Л. 4).

7. Крылов Борис Васильевич — студент Санкт-Петербургского Политехнического института. М. Н. Усова и Б. В. Крылов были арестованы в ночь с 12 на 13 декабря в квартире на Сампсониевском пр., 27, в числе других 70 человек — по данным департамента полиции все арестованные принадлежали к местной организации РСДРП. При аресте у Крылова была изъята ручная типография, а также более 5 тысяч различных прокламаций (см.: ДП—1. Л. 3, 10, 15, 174). При аресте Б. Крылов указал свой возраст: 31 год.

8. Здесь и далее Замятин использует тайнопись. Предполагаемый ключ к шифру (верхний ряд — буквы русского алфавита, нижний ряд — условные знаки шифра):

а б в г д е ж з и к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я ъ
р с т у ф ъ д ю я ь ш х ц ч щ е ж з и к л м н о п ' а г ъ ю д

«ж'дюфд» означает «съезде». Можно предположить, что речь идет о готовившемся IV съезде РСДРП.

№ 2

6 апреля 1906 г. Лебедев

6/IV 06 г.

Мой милый, дорогой друг! Спасибо Вам за все Ваши заботы — газеты, <листки> etc., а еще больше спасибо за то, что Вы понимаете меня, верите в мою последовательность, прямолинейность в деле проведения известных идей. Что же это была бы за последовательность, если первая же неприятность заставит меня отойти в сторону и смотреть спокойно, сложивши руки, к<a>к работают... и гибнут товарищи! Да ведь такой (добровольный) абсентеизм может говорить либо о трусости его носителя, либо о том, что он раньше работал просто для препровождения времени. Плохого же мнения был обо мне Николай¹!

Я повторю еще раз, что когда-то писал уже Вам: если из тюрьмы выходят не мертвым (физич<ески> или нравств<енно>), то — более сильным, более непримиримым. К стимулам, толкавшим раньше в борьбу, стимулам характера, так сказать, академического — после тюрьмы, избиений, высылки etc. присоединяются еще стимулы

эмоциональные: чувство солидарности с товарищами с к<оторы>-ми соединяет общность пережитых страданий, оскорблений, чувство ненависти к мучителям, желанье мести и т. д. С теоретической точки зрения все этого сорта стимулы ценить, по-моему, нельзя, но на практике революц<ионного> движ<ения> большую, огромную роль играет именно реализация всех указанных чувств. Фанатики идей, т. е. те в к<отор>ых доминирующими являются факторы, близкие к эмоциональным — такие люди в области работы активной (не академичной) являются наиб<олее> энергичными. Но, с другой стороны, «натуры активные — лишены vis creativa»* — к<a>к соверш<енно> верно замечает Ницше², этот тонкий психолог.

Что касается до меня, то мне часто случалось замечать в себе недостаток именно эмоцион<альных> стимулов и, к<a>к результат такой конструкции моей натуры, некоторую односторонность в моей работе. Ще†сатрця† т зюегхд** пополняет этот недостаток и должно сообщить больше жизненности, облечь, так сказ<ать>, в плоть и кровь деятельность в опред<еленном> направлении. С другой стороны, первое перепрыгнутое препятствие, первый взятый барьер — дают возможность легче одолеть остальные, к<оторы>е неминуемо встретятся на пути...

Вот почему Вы, конечно, были правы, а не Николай: так или иначе — я снова <сифи ершчзрг т щрезья>*** и, быть мож<ет>, с большей пользой, чем раньше, если мне удастся за время своего изгнания пополнить многие пробелы.

Первое время (впрочем, оч<ень> несистематично — всл<едствие> своего настроения) старался выяснить свое отношение к кадетам — тут на помощь пришла и Ваша брош<юра> Тахоцкого³. Бесспорно, среди кадетов есть и искренний бурж<уазно>-демократич<еский> элемент, к<отор>ый в сущн<ости> должен был бы образовать отд<ельную> радикальн<ую> партию, но много и лицемеров. До выборов кадеты — положительно тот «молоток из десяти предметов», к<отор>ый продается на «вербе»: «кому что угодно! Пожалуйте! Сейчас молоток, сейчас нож, сейчас инструмент для ковыряния в зубах». Вот содержание их программы. После выборов — физиономия их становится яснее: о деструктивн<ой> работе в Думе — ни полслова, борьбу за всеобщ<ие> изб<ирательные> права — «до завтра», офици<альный> парт<ийный> орган после выборов заявляет: «наконец

---

* созидательной силы (лат.).

** Пребывание в тюрьме (тайнопись, буква «ю» не зашифрована).

*** буду работать в партии (тайнопись).

Россия имеет настоящих, законно выбранных представителей», и, наконец, этот перл совершенства — присяга самодержавию и глупейшие увертки по этому поводу! Свое отношение к ним я выяснил... Наряду с этим я штудировал положение 20 февр<аля>⁴ и различн<ые> комментарии на эту тему. Теперь перехожу к аграрному вопросу; очень кстати подоспел присланный Вами конспект проектов аграрных программ⁵. Очень возможно, что скоро я обращусь к Вам с просьбой о высылке кое-каких брошюр; как будет свободное время — разыщите их, где-н<и>б<удь> в книжн<ых> магаз<инах>.

Мои занятия идут, впрочем, вовсе не так, к<а>к я хотел бы. Часто мешают этому посторонние люди, к<оторы>е частенько толкуются в доме — всякие студенты, знакомые мои и моей сестры, ее жених⁶ (она выходит замуж — а я, пользуясь случаем, делаю наблюдения и увы! лишний раз убеждаюсь в справедливости своей теории). Последние дней 5 при хорошем сравнит<ельно> состоянии духа — скверно чувств<вовал> себя физически: лихорадка, головные боли, бронхит.. Вчера все-таки сел было писать Вам письмо, да бросил: чересчур уж мрачно выходило, ибо вчера настроение было убийственное — быть может оттого, что с утра читал такие вещи, к<а>к «Алексеевский равелин»⁷, газеты — о голодовках товарищей по тюрьмам, об избиваниях в Могилевск<ой> тюрьме⁸. Не хотелось ни смотреть ни на кого, ни говорить ни с кем..

— Сегодня, к счастью, чувствую себя бодро. Только голова что-то болит и плохо работает — письмо, пожалуй, покажется Вам неинтересным, пустым. Ну, что ж делать! Если б я писал Вам только тогда, когда бываю в хорошем настроении — это было бы слишком редко.

10 час<ов> веч<ера>.

Опять пришли и помешали мне ответить тотчас же на те два письма, к<оторы>е получил от Вас сегодня (от 3/IV и от 4/IV). А мне хотелось сделать это тотчас же...

Хороший мой, милый свисток! Ну, что ж мне делать с Вами? Опять Вы... Вы, кажется, даже рассердились на меня за мое письмо от 31/III?⁹ По крайней мере, мне слышится это в замечании о неуместности моего вопроса (о буржуазн<ом> либер<ализме>), в том тоне, к<оторы>м сказали Вы: «В моих письм<ах> нет ничего общего с Вашими теориями... Довольны?» Что Вы хотите сказать этой фразой? Я не понимаю, не хочу понимать того, что Вы, кажется, хотели сказать.. Я жду, что Вы объясните. Мне кажется, что Вы не поняли моих слов о следах моих теорий в Ваших письмах. Я хотел сказать,

что в следств<ие> моей теории о фантазиях Вы чуть ли не в каждом письме вотируете мне недоверие и редко-редко когда подарите ласковым словом. Не думаете же ли Вы, что мне так приятно это постоянное недоверие и что оно очень скрашивает мою теперешнюю жизнь? Или, быть может, мне довольно свободы передвижения по затхлым улицам затхлого городишка, встреч с черносотенцами и пуштоголовыми девицами, с головой ушедшими в наряды и кокетство? Не потому ли Вы говорите, что я должен быть счастливее Вас (у к<отор>ой такая полная жизнь!) здесь, в своей Леб<едяни>? Не желал бы я Вам такого счастья!

А впрочем, может быть, я и не то говорю: повторяю, голова сегодня плохо работает, мысли плохо укладываются на бумагу. Быть может в самом деле и Вы плохо себя чувствуете? Если издали, одно только описание, действует на меня — что ж должны испытывать Вы в этой атмосфере арестов, тюрем, <провалов>, к<а>к должны измучиться Ваши бедные нервы! Моя милая маленькая мужественная Люси! Вы <все-таки не очень старайтесь сесть>, а то ведь и мне будет больно. Какая счастливая случайность <то, что Вас нет на Юручечфцх*>¹⁰ Я понял в чем дело еще тогда, когда в перв<ый> раз прочитал об этом в газете и еще тогда у меня мелькнула мысль: «А что если бы там была Л.¹¹»? Помните, что если я долго не буду получать от Вас писем — я буду думать (!), <что Вы сели>. Не заставляйте меня «думать» так. Что за глупости — извините — говорите Вы о каких-то сроках переписки? Сами же говорили: «не считайтесь письмами». Я жду от Вас больше писем — ведь у Вас так много материала в Вашей богатой и разнообразной жизни. А у меня так уныло, тоскливо, однообразно все... Тоска и книги, книги и тоска... Могут ли доставить удовольствие мои серые, тоскливые письма? Не знаю... А если даже уж считаться хотите, так написал я Вам ровно столько же писем, сколько и Вы мне. За Пасху отправляю Вам второе (первое 3/IV или 4/IV — получили?)¹². Все Ваши письма от 31/III, от 3/IV и 4/IV — получил. В одном из них Вы задаете мне вопрос, чем Вы доставляли мне удовольствия (что в Вас доставляло мне удовольствие> сказал бы я)? Другими словами, почему Вы мне так милы и дороги? — В друг<ой> раз об этом; пока Вам придется ограничиться только констатированием факта...

Так Вы все-таки думаете, что я изменился в чем-ниб<удь> после тюрьмы? Вы все не верите мне? Изменились мои письма сравнительно с тюремными? Да ведь если я буду наполнять страницы сво-

---

* Загородном (тайнопись).

их писем тысячами ласковых и нежных слов, к<оторые> мне часто хочется говорить Вам, не будет ли это однообразно, не будет ли это смешно, наконец? Что Вы скажете? Милый мой, дорогой свисток!

Вы через строку читаете мои письма и не отвечаете на мои вопросы. Я спрашивал у Вас, что новое увидели Вы в наших отнош<ениях>, что мешает Вам писать так, к<а>к Вы хотели бы (Ваши выражения из 1-го письма). Вы ничего не ответили.

Вы как-то спрашивали у меня, к<то> Мар<ия> Андр<еевна>¹³? Она — с<оциал>-д<емократка>. Почему Вы спрашивали? Не потому ли, что она в письме к Вам понаписала каких-н<и>б<удь> ересей? Напишите, если да. Это интересует меня.

«Призыв»¹⁴ не высылают еще. Почему? Не понимаю. Мож<ет> б<ыть>, задерживают в почтамте?

1. Возможно, о нем Замятин писал два десятилетия спустя: «Однажды в декабре (1905 г.— М. Л.) вечером в мою комнату на Ломанском переулке пришел приятель, рабочий, крылоухий Николай В.— с бумажным мешком от филипповских булок, в мешке — пироксилин». (*Автобиография*— 28. С. 40).

2. Эта фраза и дальнейшие рассуждения Замятина позволяют предположить, что Замятин читал книгу немецкого философа Фридриха Ницше «По ту сторону добра и зла» в переводе Н. Полилова (СПб., 1905). Приведенная фраза не является точной цитатой и передает общий смысл текста Ницше из шестого раздела книги: «Мы ученые».

3. Замятин имеет в виду книгу Л. Д. Троцкого, изданную под псевдонимом: Тахоцкий Л. Одна или две палаты? СПб.: Новый мир, 1906.

4. 20 февраля 1906 г. был опубликован манифест «Учреждение Государственной Думы и Государственного Совета», он поставил Думу под контроль Государственного Совета, последний получил такие же законодательные права, что и сама Дума.

5. Возможно, Замятин имеет в виду «Проекты аграрной программы к предстоящему съезду» (опубликованы: Партийные известия. 1906. 20 марта. № 2).

6. Волкова Александра Ивановна (урожд. Замятина, 7 мая 1885—1957) — сестра Е. Замятина; ее будущий муж — Волков Владимир Васильевич (1873—1942) — учитель словесности, преподаватель мужской гимназии в Лебедяни. Сведения предоставлены С. В. Волковым.

7. Замятин читал книгу: Поляванов П. С. Алексеевский равелин: Отр. из воспоминаний. СПб., 1906; или ее второе издание: Поляванов П. С. Алексеевский равелин: Отр. из воспоминаний; Кончился: Рассказ. М.: Нар. Мысль (Е. Д. Мягкова), 1906.

8. 4 апреля политические заключенные в Херсоне, не добившись суда или освобождения, объявили голодовку.

9. Письмо не сохранилось.

10. 26 марта 1906 г. на Загородном пр., 40, в квартире учителя танцев Е. Ф. Эльснера полиция задержала группу из 50 человек, в том числе 5 женщин (см.: Хроника // Призыв. 1906. 28—30 марта).

11. Л. Н. Усова.

12. Письмо не сохранилось.

13. Неустановленное лицо. Мария Андреевна упоминается далее в письмах 3 октября 1909 г. и 5 июня 1911 г.

14. Газета «Призыв» выходила в Петербурге с 15 января по 15 июня 1906 г. С конца марта на ее страницах регулярно печатал свои работы В. С. Войтинский (под псевдонимом Сергей Петров).

№ 3

9 апреля 1906 г. Лебедянь

9/IV 06 г.

Дождь идет. Первый весенний дождь, свежий, чистый.. Упругие, молодые листья деревьев ласково раскрываются навстречу дождю — и нежные, сверкающие капли проникают в самое сердце их и наполняют их сладким трепетом.. И все дерево стоит, затаив дыханье, и изредка только чуть вздрагивает под поцелуями бесчисленных капель и чуть шепчет какое-то слово в ответ им. А они, капли—поцелуи, все сыплются сверху, сыплются сотнями, тысячами, дождем, точно пьяные жизнью, точно обезумевшие от счастья — прыгают по листьям, рассыпаются в мелкие брызги и сверкающими алмазами застывают, прикинув к ветвям...

Пушистое, мягкое облако низко и ласково опустилось над землей и дышит жизнью, молодою, сильною жизнью и счастьем дышит на нее.. А на горизонте улыбается уже голубое, ясное небо, и солнце ласкает черную бархатную землю своими горячими лучами..

— Ну, а теперь, когда я написал это и прочитал — мне смешно, мне почти стыдно! Ну, скажите мне Вы, смешно ведь это, глупо? Или нет?

Так всегда со мной.— Расколотый я человек, расколотый на двое. Одно «я» хочет верить, другое — не позволяет ему, одно — хочет чувствовать, хочет красивого — другое смеется над ним, показывает на него пальцами.. Одно — мягкое, теплое, другое — холодное, острое, беспощадное, к<a>к сталь..

И оно побеждает, холодное, оно побеждало всегда — с тех пор, как я стал думать. И жизнь была такая холодная.. Оттого я искал всегда нового, разнообразия, опасностей — иначе было бы слишком холодно, слишком пусто..

И вдруг — революция так хорошо встряхнула меня. Чувствовалось, что есть что-то сильное, огромное, гордое, — как смерч, поднимающий голову к небу — ради чего стоит жить. Да ведь это почти счастье! Цель жизни, хотя бы на время, полная жизнь, хотя бы на время — ради этого стоит жить!

А потом тюрьма — и сколько хорошего в ней, сколько хорошего пережито! Когда что-то подхватывает, как волна, мчит куда-то и нет уже своей воли — как хорошо! Вы не знаете этого чувства? Вы никогда не купались в прибое? — А мне вспоминается сейчас мое последнее купание в Яффе.— Вал огромный, мутно-зеленый, покрытый белой косматой пеной, катится медленно, все ближе, ближе — и вдруг с ревом хватает в свои мощные объятия, бросает, комкает, несет... Чувствуешь себя маленькой щепкой в его могучей власти, без силы, без воли, находишь какое-то странное удовольствие от ощущения своей ничтожности и бессилия, удовольствие — отдаться с головой во власть этого чудовища теплого, сильного.. Еще несколько порывов — и вас выбрасывает на горячий песок, под горячее солнце..

Так было в жаркой Яффе¹. Что-то похожее на это было и в холодном Петербурге. И досадно мне было, и рад я был, страшно рад этой волне. И теперь бывает..

Дорогой мой друг! Прежде всего, чтобы там ни было, Вы будете моим другом? Хорошим другом, настоящим? Ладно? Ведь настоящего друга, которого бы я очень любил и которому бы очень верил — у меня не было. А это так хорошо — иметь друга, быть с ним откровенным. Так хорошо? Идет? — Пишите же побольше о себе, о себе, что переживаете, переживали — только откровенно, как Вы бы говорили с братом. Расскажите, как Вы относились ко мне до тюрьмы, что думали обо мне, что думаете, спрашивайте меня...

Многого не написал. После. А то не успею отправить.

«Призыва» все нет.. Пишите о ж'дюфд*.

Пишите, как из моих писем нравятся Вам, чтобы я знал, как писать, чтобы доставить Вам удовольствие.— Привет Вам, горячий привет. Знаете какой?

---

* съезде (тайнопись).

Начинаю снова заниматься английским, стенографией. Привет Як<ову> Вас<ильевичу>².

1. Летом 1905 г. Замятин проходил практику на пароходе «Россия», который плавал от Одессы до Александрии. Это путешествие он описал в «Автобиографии»: «Константинополь, мечети, дервиши, базары, беломраморная набережная Смирны, бедуины Бейрута, белый Яффский прибой, черно-зеленый Афон, чумный Порт-Саид, желто-белая Африка, Александрия — с английскими полисменами, продавцами крокодиловых чучел, знаменитый Тартуш. Особенный, отдельный от всего, изумительный Иерусалим, где я с неделю жил в семье знакомого араба» (*Автобиография*—28. С. 39).

2. Неустановленное лицо.

№ 4

15 апреля 1906 г. Лебедезь

15/IV. 06 г.

Дорогой мой друг Люси!

Во исполнение Вашего желания («не будем больше говорить о доверии, недоверии, фантазиях и т. п.») и ратификованного так<им> обр<азом> договора — оставляю в стороне нес<олько> намеченных мною было запросов и ответов на Ваши запросы («вопрос» — в парламентском смысле), между прочим и ответ на Ваш запрос: «Чем я доставляла Вам удовольствия и были ли они? Ха! Ха! Ха!» (— «Ха! Ха!» — Ваши, а не мои). Ваше желание исключить все эти вопросы из порядка дня, думаю, обуславливается квалификацией их, отношением к категории «безусловно смешных и нелепых вещей» (цитаты, цитаты!). А я-таки, верно, изрядным количеством этой «категории» приправил свои прежние письма? Не так ли? — Ну, да Бог мой, я думаю, это мне простительно: если Вы полагаете, что Вы в таком Монрепо, к<a>к Леб<едазь>, сойдете с ума, так неужели же мне непозволительно настолько приблизиться к этому состоянию, чтобы говорить «безус<ловно> смешные и нелепые вещи», глупости etc.?

А впрочем.. Знаете, у меня, кажется, есть теория... о «глупостях». Постойте, сейчас немножко подумаю и испеку теорию..— Делание глупостей (сюда же относится и говорение их) — неприятно само по себе, независимо от своих последствий, неприятно потому, что оно (делание) является революцией против самодержавия рассудка, а этот деспот всегда страшно самолюбив. Всякое искреннее делание глупости — «покушение на низвержение госуд<арственного> строя»

и оскорбление величества, само собой, величеству — вещи неприятные. Итак, повторяю, неприятно делать глупости и быть смешным, смешить. Но всегда ли это неприятно? Нет, не всегда. Когда Вы смещите намеренно, говорите нелепости, сознавая это — тогда смещить, быть смешным не неприятно. Значит, не неприятны все сознательные глупости, о к<отор>ых вы знаете, что они — глупости, что они — ошибки. Эти сознательные ошибки нисколько не нарушают самодержавия рассудка, ибо они — «с дозволения начальства». — В высшей математике, этой чистейшей науке, царстве самого холодного, самого мертвого разума — в высшей математике нет ни одного вывода, в к<оторо>м не было бы известной доли неточности, приближения, ошибки. Эти ошибки я устанавливаю заранее, в начале каждого вывода. И вот это-то, что я делаю их сознательно, устанавливая их величину, учитывая их влияние — это и дает возможность в сущности ошибочным выводам, тем не менее, быть строго научными.

Ну, и что же следует из этой импровизированной теории, — спросите Вы. А просто Это по-моему в изв<естной> степени объясняет те психологические стимулы, к<оторы>е заставили меня создать «теорию о фантазиях», заставляют вносить сознательность, рассудочность в «делание глупостей».

Итак, две теории — «о фантазиях» и «о глупостях». Не глупости ли они обе, кстати говоря? Или нет?

Представьте, до сих пор Вы ни разу определенно не сказали, признаете Вы правильной мою «теорию о фантазиях», или нет. Скажите, мне это очень интересно (заметьте, если признаете, значит, и применительно к себе).

Что я слышу? Вы говорите мне, что я говорю о том, о чем хотел не говорить? Нет-с, извините. Я требую слова к порядку: я говорю не о фантазиях, — я говорю о теориях «о фантазиях». — Если можно запретить говорить об ограничении самодержавия в России — так это не <...>¹

1. Конец письма не сохранился.

№ 5

17 апреля 1906 г. Лебеднь

17/IV

Что с Вами, мой милый, дорогой мой друг? Вы больны были? У Вас плохое настроение? Почему? Не утомила ли Вас эта жизнь, в

к<оторо>й «события сменяются с невообразимой быстротой»? Напишите мне об этом чуть-чуть побольше и поподробнее, чем в той открытке, к<отору>ю получил от Вас вчера. Кстати говоря, к<a>к ни старался, не понял, что такое «Рев.» привет. А мне хочется понять. Вы скажете, что это?

Судя по Вашей открытке, думаю, что Вы не получили еще одного моего письма, посланного числа 10-го или 9-го апреля, хорошенько не помню: помню, что писал его во время дождя, грозы, писал что-то об этом. Получили ли Вы это письмо¹? Адресовано оно было на Ньюстадтскую². О пропавшем письме от 4/IV, не жалеите: ничего не было интересного.

17.IV. 4 ч<аса>.

Сейчас получил от Вас «Вестник Ж<изни>»³ и две брошюрки. Спасибо, милая, хорошая. Только знаете, мне просто иногда совестно. Ну, чем я могу отплатить Вам за все это? По крайней мере, сейчас?

..Проходят дни один за другим, все одинаковые, бесполезные, скучные. Солнце стало яркое, воздух теплый, душистый. Да что мне в них? Скучно одному, скучно без дела, без жизни..

Там, далеко, снова загорается могучий костер народного гнева, на котором пролетарий будет ковать свое счастье. Завтра, 1-го мая, во Франции заколыхаются красные знамена над головами, точно языки того пламени, которое горит в их душах. Быть может, крики оттуда долетят и в тюрьмы и снова разбудят надежду в измученных душах. Грустно, Люси, мучительно вспоминать об этих тюрьмах. Вы знаете, я иногда жалею, что не сижу еще до сих пор.. Эх, бедная Marie⁴! Что она мне никогда ничего не напишет? Что пишет она Вам? Как живет Борис, Ник<олай> Мих<айлович>⁵? Пишут еще Вам?

Мои занятия идут все не регулярно, не так, к<a>к хотелось бы. Завидую Вам, возможности слушать лекции.

Ниже привожу список брошюр, к<оторые>, будьте милы, вышлите либо наложенным платежом, либо так, посылкой — тогда я после пошлю Вам деньги.

Галеви. Анархизм и социализм. 10 к.

Агафонов. Индивидуализм и соц<иализ>м. 20 к.

Фалькенфельд. Маркс и Ницше. 6 к.

Гумплович. «Брак и своб<одная> любовь». 8 к.

Девилль. Очерк научного соц<иализ>ма. 7 к.

Каутский. Интеллигенция и пролетариат. 15 к.

Бebelь. Социализация общества. 20 к.

Бебель. Покушения и с<оциал>-д<емократ>ия. 8 к.

Каутский. Нет больше с<оциал>-д<емократ>ии, с предисловием Ленина.— 25 к.

Р. Р. Социализация земли.— 5 к.

Пешехонов. Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях. 30 к.

Чернов. К вопросу о капитализме и крестьянстве. 20 к.

Герценштейн. Аграрный вопрос. 35 к.

Каутский. Аграрный вопрос. 1 р. 40 к.

(Если можно, если вышло то Московское изд<ание> под редакцией Рожкова, без пропусков)

Приговор крестьян с. Маркова 5 штук 5 к.⁶

Книги не все для собственного употребления, не удивляйтесь поэтому подбору. Берут, читают. Все-таки как будто что-то делаешь...

К сожалению, вчера писем от 16/IV и 17/IV не успел отправить: Вам уж, видно, придется простить меня за неаккуратность. Зато я всегда сразу по-много пишу. Сегодня заказным отправить тоже не успел, пойду сейчас сам на вокзал и опущу в почтовый вагон. Я часто так делаю, во избежание..

Если в тех книгах, к<оторы>е Вы мне вышлете, будет часть «изъятых», то пошлите лучше по другому адресу.

Ну, до свидания, мой милый, хороший друг, боюсь, что до скорого свидания..

Ваш Е.

Боюсь думать о том, что будет со мной, если загорится в Питере какая-ниб<удь> история, начнется забастовка etc. Это будет такое состояние, без известий, без возможности уехать...

Уже Вы тогда пишете мне почаще.

Хоть коротенькие письма.

«Призыва» — все еще не получил.

В двух конвертах посылаю потому, что не могу послать заказным, а в одном — тяжело.

Напишите, что изображает из себя «совет безработных»?⁷

1. Письмо не сохранилось.

2. На ул. Ньюстадтской (Нюстадтской) (ныне — Лесной пр.) в д. 3, кв. 1 жили Усовы: Елизавета Ивановна с двумя дочерьми — Марией Николаевной и Людмилой Николаевной. Именно этот адрес сообщил Замятин отцу из тюрьмы 20 декабря 1905 г. на тот случай, если мать приедет хлопотать о его освобождении: «О моем местопребывании, если оно не изменится, и

т. п. мама может узнать у моих знакомых на Нюстальской ул., д. 3, кв. 1. Усовы. Оч<ень> симпатичные, простые люди». (Наше наследие. 1989. № 1. С. 116).

3. «Вестник жизни» — еженедельный научный, литературный и политический журнал. Выходил в Петербурге в 1906—1907 гг.

4. М. Н. Усова.

5. Вероятно, Николай Михайлович Матвеев, товарищ М. Н. Усовой по партийной работе. Об этом свидетельствуют документы в «Деле департамента полиции о слушательнице Санкт-Петербургского женского медицинского института Марии Николаевне Усовой» (ГАРФ. Ф. ДПОО, оп. 1905, № 1953). 29 ноября 1903 г. директор департамента полиции в письме начальнику Киевского охранного отделения просил установить личность автора письма (отправленного из Киева и полученного агентурным путем) на имя М. Н. Усовой (Л. 1). 4 января 1904 г. Киевское охранное отделение сообщило, что под кличкой «Изюбр» скрывается «чертежник Николай Михайлович Матвеев, 25 лет» (Л. 5). Ср. эти сведения с датами жизни Н. М. Матвеева — «1877—1951» в изд.: Гражданская война и интервенция в СССР: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1989. С. 348; «1886—1943» в изд.: Сергей Лазо: Воспоминания и документы. М., 1974. С. 237. Возможно, М. Н. Усова и Н. М. Матвеев были знакомы по Сибири: Матвеев — «из забайкальских казаков. Окончил Нерчинско-Заводское училище (1896)». (См.: Гражданская война... С. 348). Матвеев был знаком с матерью М. Н. Усовой — Елизаветой Ивановной, часто бывал по партийным делам в Петербурге, регулярно переписывался с Марией Николаевной — об этом свидетельствуют копии его писем, сохранившихся в делах департамента полиции (см.: *Дело М. Н. Усовой*. Л. 3, 5, 7, 10). 12 декабря 1905 г. Матвеев был арестован вместе с М. Н. Усовой и Б. В. Крыловым. По данным департамента полиции, он занимался «приобретением связей в среде войск и организации кружков из нижних чинов» в Василеостровском районе Петербурга (см. ДП—1. Л. 43).

Факт знакомства Замятина с Н. М. Матвеевым подтверждается также письмом Замятина к Людмиле Николаевне от 24 сентября 1921 г. (см. п. 203).

6. Речь идет о следующих книгах: Галеви Д. Анархизм и социализм / Пер. Л. Данилова и А. Вяхирева. М.: В. Д. Карчагин, 1906. 24 с. (Освободит. б-ка); Агафонов В. К. Индивидуализм и социализм. СПб.: Изд. В. И. Яковенко, 1906. 63 с. (Соц. б-ка); Фалькенфельд М. Маркс и Ницше: Пер. с нем. / Предисл. Я. В. Перовича. Одесса: (Новая заря), тип. «Техник», 1906. 24 с.; Гумплович В. Брак и свободная любовь / Полн. пер. со 2-го нем. изд. М. Аниана. (Одесса): Демос, 1906. 32 с. (Та же книга вышла в издательстве «Мысль» в 1906 г.); Девиль Г. Очерк научного социализма: Пер. с фр. (Киев): Гудок, (1906). 56 с.; Каутский К. Интеллигенция и пролетариат / Пер. с нем. М. Левина. (Одесса): Демос, 1905 (или ее 2-е изд., выпущенное в том же году);

Бebelь А. Социализация общества: Пер. с нем. (Киев): Е. М. Алексеева, 1905. 120 с.; Бебель А. Покушения и социал-демократия: Речь, произнес. в среду 2 нояб. 1898 г. в Берлине / Пер. с нем. А. Френа. 2-е изд. Одесса: М. С. Козман, (1905). 30 с.; Каутский К. ... Нет больше социал-демократии!: Ответ Центр. союзу нем. фабрикантов: Изд. в Германии по постановлению Центр. ком. Нем. социал-демократ. партии / Пер. с нем. М. Лапина и Д. Лещенко; Под ред. Д. Лещенко; С предисл. Н. Ленина. СПб.: Утро, 1906. 96 с.; Р. Р. [Гоц М. Я., Чернов В. М.] Социализация земли. Одесса: В. Распопов, 1906. 32 с.; Пешехонов А. В. Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях. СПб.: Ред. журн. «Рус. богатство», 1905. 65 с. (Книга вышла вторым и третьим изданием в том же году без изменений); Герценштейн М. Я. Аграрный вопрос. Национализация земли. Крестьянский банк. Выкупная операция. М.: Нар. право, 1906. [2], 92 с.; Каутский К. Аграрный вопрос / Пер. под ред. прив.-доц. Н. А. Рожкова. М.: Петров. б-ка в Москве, 1906. V, [3], 405 с.

7. Петербургский Совет безработных возник в марте 1906 г. как организация, ставящая своей целью добиться от Городской Думы устройства общественных работ для всех безработных. См. подробно: Войтинский В. С. Петербургский Совет безработных, 1906—1907. New-York, 1969; Малышев С. В. О питерском Совете безработных. М., 1932. О возникновении Совета безработных, о его деятельности регулярно писала газета «Волна», другие петербургские газеты.

№ 6

19—20 апреля 1906 г. Лебедянь

Окутан зеленым плащом старый, утрюмый утес —
Сторож безмолвный. Смотрит он вниз и молчит...
Извиваются змеями корни дряхлых плакучих берез.
Мрачно под ними... Коршун уныло кричит.
Опускается сверху холодный туман...
Серебряный смех ручейка прозвенел — и замолк, и потух —
В темном ущелье. Смелый, искал он пути —
Все вперед, через скалы и камни, бежал и стремился — и вдруг
Обступили утесы.. Некуда дальше итти..
Опускается сверху холодный туман...

Е. 19/IV 06

Приписка на лицевой стороне почтовой открытки

Мне понравилась эта открытка¹, поэтому (поэтому! Логика несколько отзывается «фантастичностью»! Не правда ли?) — поэтому

посылаю ее Вам.— Живу попрежнему: очень много одиночества, не так много книг, очень мало жизни..

Помета

20/IV. Е.

12/II—11. Евг. Замятин

1. На открытке нет почтового штемпеля. Вполне вероятно, что эта открытка, изображающая реку перед грозой, была вложена в письмо, отправленное позднее — в 1911 г.; этим и объясняется наличие пометы.

№ 7

22 апреля 1906 г. Лебедянь

22/IV

Меньше часа осталось, но я хочу все-таки непременно отправить Вам сегодня письмо.

Досадно. Мои письма, оказывается, не всегда благополучно добираются до Вас. После 6/IV было послано письмо (закрытое) 10/IV, 2 письма 17/IV, 21/IV (открытка). Письма 10/IV — очевидно не получили. Это письмо отправлял с вокзала. К сожалению, с этим же поездом уезжал жандарм — офицер (к<оторы>й, конечно, меня знает), и очень внимательно наблюдал, как я опускал письмо в почтовый вагон. Остальное может подсказать Вам фантазия.. Напишите о судьбе остальных моих писем.

— Весна чудная, нежная. Прямо перед балконом липа протягивает свои душистые объятя, черемуха вся в белом, точно невеста; молодые, нежно-зеленые листки березы стыдливо трепещут под ласками ветра..

А дальше, на площади обвеваемые весенним ароматом — точно легкие, стройные лани, точно пушистые летние облака носятся... доблестные покорители России, товарищи—стражники. Все в черном, на черных конях.. «Скачут и взад, и вперед», бросаются с обнаженными шашками в атаку на невидимого (внутреннего) врага, учатся рубить людей по всем правилам искусства.. Винтовки болтаются за спинами, нагайки привешены у седел.. Вот выходит к ним в белом кителе, с «изящной» нагайкой в руке, бравый их вождь, Господин Исправник.. «Здорово, ребята!» — «Рады стараться, Ваше...» Картинки? Ни на минутку не забудешь, что живешь в Тамбовской Манчж<урии>. Сколько пережитого вспоминается мне, сколько сцен с «покорителями» в виде действующих лиц.. 28 ноября 904 г.— Невский пр.¹, июнь 905 г.— Одесса ², октябрь, ноябрь, декабрь 905 г.— Петербург ³..

Эх, Люси милая, не знаю, к<a>к мне отсюда выбраться. К 1/V, к<a>к говор<ите> Вы, никогда не успею. Если даже будет амнистия (если!), известие о ней придет сюда не раньше 29—30 апр<еля>.

А тут еще qui pro quo с финансами выходит. Своих денег у меня всего-навсего руб<лей> 25, а просить у отца денег, чтобы жить в Петерб<урге> для дела, к<оторо>е он считает вредным и для меня, и вообще — я не хочу. Вот и подумаешь..

Потому-то я и хотел было устроиться на практику в Питере, если можно, а нет — так на рейс Петербург—Лондон. Но пока — ни шагу вперед в этом направлении. Я просил справиться Фед<ота> Федотыча⁴ (Вы ведь знаете его?), в Петерб<урге> ли декан Корабл<естроительного> факульт<ета> Боклевский⁵. Но от него до сих пор — ни слова. Думаю, что он.. сел. Быть может, Вы будете любезны спросить когда-ниб<удь> по телефону (в Канцелярию Инстит<ута> или в вестибюль Професс<орского> общеж<ития>), где теперь Боклевский? Тогда бы я мог затеять с ним переписку.

Одно я знаю, что долго еще — здесь не выдержу. Куда-ниб<удь> уеду. Тянет меня, между прочим, и моя привычка — странствовать. До свид<ания>, мой хороший друг.

Пишите, особенно это время, почаще, если что будет.

Ваш Е.

Яшу⁶ жаль ужасно. Передайте ему мой привет.

1. 28 ноября 1904 г. в Петербурге состоялась демонстрация с требованием созыва Учредительного собрания; демонстрация была разогнана полицией и казаками.

2. После окончания практики на пароходе «Россия» Замятин вернулся в Одессу и стал очевидцем бунта матросов на броненосце «Потемкин-Таврический» 14(27) июня 1905 г., о чем позднее вспоминал: «С машинистом „России“ — смывтый, затопленный, опьяненный толпой — бродил в порту весь день и всю ночь, среди выстрелов, пожаров, погромов». (*Автобиография*—28. С. 39).

3. Осенью 1905 г. в Петербурге произошли многочисленные забастовки и митинги, столкновения студентов и рабочих с войсками. 13(26) октября в Петербурге началась всеобщая забастовка.

4. Вероятно, Федот Федотович Прохоров — смотритель зданий Санкт-Петербургского политехнического института.

---

⁴ недоразумение (лат.).

5. Боклевский Константин Петрович (1862—1928) — инженер-кораблестроитель, с 1902 г. декан кораблестроительного отделения Санкт-Петербургского политехнического института.

6. Яша, он же Яков Васильевич — см. примеч. 3 к п. 3.

№ 8

5 мая 1906 г. Лебедянь

5/IV¹.

Передо мной два Ваших письма — от 27/IV и от 1—2/V. Какие они разные! Как в воде, в них отражаются разные настроения и много читаю я между строк и в том, и в другом. Грустно мне, зачем верны мои теории, зачем я прав..

Спасибо за письмо, за 2 №№ «Волны»², к<оторы>е получил за это время. Не возмущайтесь и не открешивайтесь, если я благодарю Вас иногда за это: это — не «просто товарищеские услуги», к<a>к Вы говорите, а больше. Почему никто из товарищей, оставшихся в Петерб<урге>, не делает этого кроме Вас? Если пишут, то отчего же никто не пишет так часто? Нет, Люси, тут надо поставить дилемму: либо уж Вы такой хороший товарищ, что делали бы то же по отношению ко всякому на моем месте, либо — попробовать допустить что-ниб<удь> еще — еще лучше (для меня). Эх, друг мой, мало во мне веры, способности верить! Это прямо какой-то органический недостаток. Знаете, иногда даже Вам я не умею верить. В неискренности — Вас, такую хорошую, такую честную — я, конечно, никогда не смею заподозрить, но я думаю, что у Вас часто бывает бессознательное надувательство самой себя. Так мне кажется. Это одна из вариаций все к той же старой теории..

Смотрите, не вздумайте обидеться — иначе я буду бояться говорить с Вами откровенно, а мне этого так хочется.

Да и не можете Вы обижаться: я и к себе отношусь так же, к<a>к к Вам. К Вам даже лучше, к себе и в себя — у меня еще меньше веры — особенно в себя, в свои силы, и особенно за последнее время. Если б было так, к<a>к Вы говорите: «Обладая литерат<урным> талантом, Вы всегда (!) можете помещать в наших газетах свои статьи». Если б было так — через неск<олько> дней я был бы уже в Петербурге! Но я этого не знаю. Не знаю, и откуда Вы знаете.. Эх, грусть одна с этим неверием..

Не совсем я понял Вашего вывода в последнем письме: «То... Вам совсем не стоит приезжать сюда». Или, вернее, Вы не совсем понимаете моего настроения — Вы забываете, что я уже почти полгода

(декабрь—май) оторван от привычной жизни и живу на разных Шпицбергенах. Полгода! Легко сказать! Поймите же, как мне хочется снова окунуться в туманные волны Петербурга, всей прежней жизни. Хочется попробовать поставить свою жизнь иначе, смелее, шире...

Ну, а потом Вы забываете еще об одном. Вы забываете о том, как мне хочется видеть Вас, быть с Вами, делить с Вами досуги, радости. Ведь весна на 23-м году жизни не повторяется («а годы проходят, все лучшие годы» — помните, однажды писали Вы мне в тюрьму?), да, вероятно, и эти фантазии, эти красивые болезни рассудка, дающие так много хорошего, сильного, свежего — редко попадают в жизнь. И эту чудную весну просидеть на своем Шпицбергене, если будет возможность выбраться из него! Заниматься, говорите Вы? К несчастью, не всегда я могу заниматься, по крайней мере, не всегда (а лишь периодически) бывает желание заниматься. Если я, тем не менее, не бросаю заниматься, так это для того, чтобы не сойти с ума, или не засесть по уши в болото. Иной раз не можешь сосредоточиться как следует потому, что «неотвязные мысли, как мухи, роями толпятся» — как поет товарищ Тартаков³. И эти мысли знаете о ком? Знаете. Ну, и злишься на себя, а поделаться ничего не можешь, не можешь заставить себя заниматься с увлечением, а это и нужно, чтобы получить от этого удовлетворение.

Словом — ненормальность, т. е. болезнь — рассудка и воли — острая ли, хроническая ли — Бог ее знает. Ну, что ж — виноват сам, самому захотелось заболеть этой болезнью, попробовать, какая она такая бывает...

И это я все пишу, чувствую, думаю? Как ни странно — я, оказывается...

Странно и то, что в такое время, время революц<ии>, я, для к<оторо>го иногда она (рев<олюция>) кажется иногда содержанием жизни — я говорю с Вами о вещах совсем посторонних. А впрочем ведь есть пословица «у кого что болит...» Да и странно было бы заставлять Вас читать в своих письмах передовые статьи, полные lamentаций по поводу «предательства» кадетов⁴, или монографии по агр<арному> вопро<осу>. Что касается до победы на съезде меньш<евиков>⁵, поступления предлож<ения> о легализации⁶, то это между прочим может знаменовать, что для русск<ой> рев<олюции> может наступить 1850 год. Тогда с<оциал>-д<емокра>т<ам> останется только сделать то, что сделал тогда Маркс⁷.

Ваш Е

Привет Мари.

Не пишите чепухи о том, что Ваше письмо от 1/V могло меня скомпрометировать. Я не забочусь о сокрытии своих убежд<ений>.

Возмутительно и обидно пропажа моих писем. Пропали два моих больших письма, наиболее содержательных и горячо написанных. А главное, я вовсе не хотел бы, чтобы кто-ниб<удь> посторонний заглядывал ко мне в душу, чтобы кто-н<и>б<удь> читал их, кроме Вас одной, для к<оторо>й они писались. Попробую воспроизвести их, пожалуй, но это уж не то...

Присылайте, мой дорогой друг, мне с<оциал>-д<емократичес<кие> газеты («Невск<ая> газета»⁸, «Волна») и «Вестник жизни» 4-й №. Выписать их не прошу, т<ак> к<ак> все-таки думаю, что приеду.

1. Исправлено карандашом на «V» рукой Л. Н. Замятиной.

2. «Волна» — первая ежедневная большевистская газета, выходила легально в Петербурге с 26 апреля (9 мая) по 24 мая (6 июня) 1906 г.

3. Тартаков Иоаким Викторович (1860—1923) — оперный певец, режиссер.

4. Главным поводом для упреков конституционно-демократической партии в предательстве послужило активное участие кадетов в выборах в Государственную Думу и их отказ от лозунга созыва всенародного Учредительного собрания.

5. На IV Объединительном съезде РСДРП (Стокгольм, 10—25 апреля 1906 г.) по всем вопросам были приняты резолюции, предложенные меньшевиками, они численно преобладали в составе руководящих органов партии, избранной на съезде.

6. В резолюции о Государственной Думе съезд признал желательным создать в Думе парламентскую фракцию социал-демократов.

7. В 1850 г., когда революция в Германии была окончательно подавлена, К. Маркс пришел к следующим выводам: 1) «о действительной революции не может быть и речи»; 2) открытое выступление «Союза Коммунистов» стало невозможным. Эти выводы обсуждались российскими социал-демократами применительно к ситуации, которая сложилась в России. См., в частности: Большевик [Ленин В. И.] Русская революция и задачи пролетариата // Партийные известия. 1906. 20 марта. № 2.

8. «Невская Газета» — легальный орган меньшевиков, ставившая своей задачей отстаивание классовых интересов промышленного и сельского пролетариата. Выходила в Петербурге ежедневно со 2(15) мая по 13(26) мая 1906 г.

9/V. 9 ч<асов> веч<ера>.

Мысли — неподвижные, серые, к<a>к эти тучи, которые замерли на небе и не шевелятся, точно боятся, точно ждут чего-то недоброго. Сумерки на душе, сумерки хмурые, усталые... Меркнут они все больше. И ни звездочки кругом. Серое все, безжизненное..

Тяжело жить..

«Жизнь так хороша, так прекрасна»,— говорите Вы. Я рад, если Вам это так кажется, рад, потому что всегда желаю, чтобы Вам было хорошо.

Ну, а я говорю: нет, это не верно.

Если вы искренно живете интересами тех, за кого боретесь — вы не можете быть счастливы: слишком много страданий кругом и слишком много их впереди, чтобы чувствовать себя счастливо.

А если вы не совсем искренно живете этими интересами, вы тоже не можете быть счастливы: ведь мы, которых величают «идейными интеллигентами», мы счастливы только тогда, когда чувствуем, что искренно «служим делу». А настолько искренно, чтоб живо, к<a>к свои, чувствовать чужие страдания, мы не можем.

Да это так и должно быть: ведь мы только «становимся на точку зрения другого класса». А ведь это, в сущности говоря, искусственность.

Ну, да это больше так, к слову. Я не думаю, чтобы эти вопросы, такие привычные и такие тонкие, могли влиять так резко. Много и других причин.

В семье — драма, молчаливая, тихая. Драма такая, к<a>к чеховский «Вишневый сад», к<a>к «Дядя Ваня». Семья разрушается, обваливаются красивые пристройки, остаются одни голые, старые, пустые стены.

Мать¹ всю жизнь жила только детьми — мною и сестрой. Теперь дети ушли: сестра — замуж, я совсем в другую, чужую жизнь. А она стоит и видит впереди себя одно пустое пространство: нет цели жизни, нечем дышать. Переживать это — тяжело невыносимо. Смотреть — тоже тяжело..

Сестра — человек с большими идейными запросами. Я думал ввести ее в круг тех же интересов, к<оторы>ми живу сам. Осенью она хотела ехать на курсы, но ... вышла замуж. И мне кажется, что

муж сделан совсем из другого теста и что она скоро разочаруется в нем. Боюсь, что и она чувствует то же. Смотреть на это — тоже тяжело..

А я сам — устал. Устал оттого, что нет жизни, которая толкала бы, будила, увлекала, не давала слишком много задумываться. А то иной раз, к<a>к сегодня, дойдет до того, что ни в себя и ни во что, кажется, не веришь, и ничего нет в душе — ни энергии, ни мысли: пусто там, как в вымершем доме..

И физически я чувствую себя очень неважно. Мне говорят, что я веду слишком сидячий образ жизни, что у меня нервы не в порядке. Может быть, может быть... Ну, что же делать, если я не могу здесь жить иначе. Если буду чувствовать себя так же скверно, попробую бросить книги и уехать на несколько дней в Липецк, благо в Тамб<овской> Манчжурии тоже город, т. е. в пределах моего перемещения. А там — чудные места, парки, озера, курорт, музыка. Там есть у меня родственники, знакомые. Когда-то мне там бывало весело. Попробую, хотя и знаю, что мне там живо все опостылеет. Мне нужно разнообразия хоть на несколько дней. Вы подумайте: три месяца убийственного однообразия тюрьмы, два месяца однообразия здесь.

А там — может быть, подоспеет амнистия, «милостиво прощены будут» мои «заблуждения» — и я уеду — в Петерб<ург>².

А я уеду, несмотря ни на что, ни на кого. Ведь в конце концов — я эгоист и даже хищник, если хотите. Marie права. Счастье одного покупается за счет счастья другого. Если хочешь быть счастливым — умей не жалеть других. Вот, по-моему, единственные пути, по к<о>торы>м идут к счастью. К сожалению, и хищником я не всегда умею быть: во мне еще много «интеллигентского».

Ну, а когда я приеду в Петербург, быть может, жизнь распустится, к<a>к весна? Не знаю. Особенно, сейчас — не знаю... Хорошо, если мы оба останемся к тому времени такими же, с теми же мыслями, чувствами, даже словами, к<a>к теперь, в письмах. А то, Вы помните, эти три дня после моего выхода из тюрьмы мы оба были какие-то странные, точно другие, точно мы не узнавали друг друга.

И если мы останемся те же, может быть хорошо, — не знаю, до чего хорошо..

А пока — все скверно.

По крайней мере, у меня. Вы счастливы хоть тем, что у Вас есть жизнь кругом Вас, богатая содержанием. Физически Вы тоже, говорите, чувствуете себя неважно? Попробуйте немножко позаботиться о себе в этом направлении.

Впрочем, уезжать из Петербурга я Вам ни в коем случае не хочу советовать. Если б даже это было для Вас и вредно.— Не жалеите себя, живите, живите скорей.

«Не тратьте свою жизнь? Беречь ее? Чтобы дольше протянуть ее? — Да ведь это все равно, что подарить чудную музыкальную пьесу, полную Шопеновской неги, огня Моцарта, Вагнеровских вакханалий, величия Бетховена, грусти Чайковского — и посоветовать играть ее не всю сразу, а... по строчке каждый день. Чтобы продлить удовольствие или вернее, чтобы ... исковеркать безжалостно, разорвать в мелкие клочки, растоптать всю красоту, всю радость этой музыки.— Так те, которые по кашлям пьют из чаши своей жизни — всю жизнь довольствуются разыгрыванием экзерциций или много-много берут отдельные, несвязные аккорды. И только тем доступна чудная, полная счастья и страданий, музыка, которые смело, запрокинувши голову, жадными глотками выпивают жизнь, не заглядывая, много ли еще осталось до дна, и не заботясь о том, что пьют они — яд или лекарство... Ведь все равно — надо выпить...»

Так я писал в тюрьме 12 февраля. Я делаю эту выписку потому, что мне хочется сказать Вам именно это. А такой энергии, к<a>к тогда, у меня сейчас нет. Сейчас я мог бы написать в другом тоне.

10/V. Черт возьми! У меня самая настоящая инфлуэнца! Ну, да ладно. Это не важно. Важно то, что психическое состояние у меня сегодня уж гораздо лучше. Решил поэтому продолжать письмо. Кажется, оно достигнет грандиозных размеров. Ну, пусть это будет Вам наказанием за Ваше замечание в прошлом письме: «письма, закрытки, открытки, а затем... ничего». Нет, Люси моя хорошая, пока я стою еще совсем на другом конце. Если иной раз и пишешь мало, так потому, что или в скверном настроении или находишься в слишком дурацком настроении, так что письмо может выйти слишком нелепым. А знаете, это время я пишу только Вам одной. Сам иногда получаю кое-откуда письма, но никому почти не отвечаю. С месяц уже, к<a>к получил письмо от Марии Андр<еевны>, из Мюнхена. До сих пор еще не ответил. Сегодня посылаю Вам часть того письма, к<оторо>е пропало. Другую часть полностью воспроизвести не могу, а эту часть я случайно записал тогда для себя, так что посылаю ее без изменений. В этом письме строгого логического объяснения на Ваш вопрос «почему?» я не даю. Да мне кажется такого вопроса нельзя и задавать: посмотрите в мою «теорию» — там Вы найдете, что для «почему» почти не нужно никаких условий. В моем письме, в «пропавшей грамоте», Вы найдете в сущности только ряд моментальных фотографических снимков, ряд отрывочных мыслей,

к<отор>ых Вы не знали тогда, когда они были (в этом я почти уверен).

Много глупостей, да я не хочу на это смотреть. Пришлите мне когда-ниб<удь> рецензию свою на эти мысли.

Из Ваших писем я, очевидно, не получил одного, того, к<ото-ро>е Вы называете «диким», неоконченным. И мне страшно жаль. Я люблю Ваши «дикости», тем более, что у Вас их так мало. Мне представляется, что это пропавшее Ваше письмо — было милое, чудесное, мне каж<ется>, что Вы просто там помнили, что <не> нужно оглядываться. Так? Скажите, что может<е> об эт<ом> н<еокончен-ном>.

Ни «Призыва», ни «Волны» — нет. Почему — не знаю. Получили мое закрытое письмо от 5/V? Если пропадают мои письма к Вам, быть мож<ет>, Вы сочтете нужным дать к<акой>-н<и>б<удь> другой адрес?

Вы живете с Marie вместе? И ... вместе читаете мои письма к Вам? На меня неск<олько> странное впечатление в эт<ом> отн<ошении> произвело письмо Marie, к<оторо>е я получил 8/V.

Получены Ваши письма от 2/V и 5/V. Больше пока нет.

Отрывок недошедшего письма с записями о событиях в жизни Замятина в ноябре—декабре 1905 г., приложенный к письму от 9—10 мая 1906 г.

.. Ъцкѣѣцм. т гчшгцч-ѣъццх. чсп*.

.. Тесная, маленькая библиотека, заставленная шкафами. Заседание еще не открыто. Оживленные лица, затихающий говор кругом. Я сижу рядом с Женей³. Публика все вливается в открытые двери. Вон знакомые товарищи.. Вон еще..

Я осматриваюсь кругом... и останавливаюсь. «Вот милая, славная!» — мелькает мысль..

.. Шум, толкотня. Сходят вниз в зал. Группируются, щчеря чч<рх>**. Проверка...

.. Вот везет! Да это — она, та самая, которую я видел наверху. Мне даже придется, пожалуй, «служить под ее начальством»! Мм.. Мне это не нравится! Сразу подчиниться этой девочке! Ну, а все-таки... это хорошо, что буду работать с ней: она славная..

... Как, она здесь, в политехникуме, у Бориса? Вот хорошо!

---

* Конференц<ия> в Вольно-эконом<ическом> общ<естве> (тайнопись, ключ см. примеч. 8 к п. 1).

** по район<ам> (тайнопись).

.. А-а! Она в самом деле, кажется, хочет распоряжаться другими! Сама боится запачкать свои маленькие руки! Ну постой же! Ага?! Что?..

.. Так мне необходимо зайти за свертком для Бориса на Нюст<адтскую>? Хорошо, очень хорошо.. Это мне нравится.

.. Мы пришли откуда-то и пообедали вдвоем на Нюст<адтской>. Ну, какая же она живая, непосредственная.. Как просто смотрит на вещи и как лучше других, этих ломак. «Вот те крест..» Вот смешная, милая девочка!

Приходит Верлюк⁴, еще кто-то.. Уходить в Лесной⁵ вместе с ними? Это самое благоразумное. Почему же мне так не хочется уходить? Хочется еще быть здесь? Придется, одному тащиться пешком в институт. Э! Все равно..

.. Мы — я, она и Веригин⁶, перевозим имущество с Муринского⁷ в Институт. Комические и веселые злоключения..

.. О, наконец-то! Мы тащимся вдвоем с Веригиным на извозчике и жалуемся ему дорогой на злую судьбу, которая заставляет переселяться из города.. Извозчик подает реплику: «За Вашей кралей (sic!) куда угодно поедешь». Мне нравится, что он говорит это, почему-то обращаясь ко мне..

.. Гм! Мне положительно необходимо переселиться в город. Квартира на Надеждинской⁸? Да, великолепная комната, и жить с товарищем. Все это хорошо. Но.. но почему же я выбрал другую квартиру⁹?..

.. Я начинаю жалеть, что дело происходит не у меня, а у Бор<иса>. Она каждый день туда ходит. И вдобавок, мне кажется, что Бор<ис>.. хорошо к ней относится. Ну, а она? Посмотрим, посмотрим..

.. Мы идем на Рождеств<енские> курсы¹⁰ на реферат о фракциях..

.. Ну, вот и теперь. До перерыва, почти все время разговаривала с ним и смеялась, а со мной.. О, великолепно! Мне тоже будет, мне должно быть весело..

Мы идем домой. Она — под руку с Бор<исом>. Однако! У них, очевидно, интересные разговоры! Они улетели вперед и не замечают этого, не замечают тех, к<оторы>е позади..

.. Мне остается только острить и посмеиваться над «молодыми людьми», к<оторы>е так увлекаются.. Я смеялся..

.. Она решила итти с Бор<исом> в театр. Я узнаю об этом после.. и не от нее. Странно! Почему это меня интересует? Какое мне дело? Пожалуйста! Мы сделаем так, что у меня этот вечер будет занят..

.. Но почему же мне так досадно?

.. Яша..

.. Нет, надо глубже уйти в дело, с головой..

.. О, как я доволен! Как я разозлил ее сегодня! Мне хочется делать ей больно, неприятно.. Она грозит, что не будет говорить со мной. Значит, для нее это совершенно все равно?

А-а! Она читает книжки и всецело предоставляет заниматься мною другим. Хорошо. Мы тоже будем заниматься другими. И пусть нам будет весело.

.. Ну, можно ли так толкать? Она плачет, бедная, милая девочка! А Мария, вместо того, чтобы оставить в покое, читает какие-то нотации. Что за свинство!

.. Мне хочется подойти и утешать ее так, к<a>к утешают маленьких детей, ласкают их.— Ну, нет. Я вовсе не хочу менять тона, я еще не забыл..

.. Мы идем на «Евреев»¹¹. Она прощается, и, по обыкновению, целует маму. Как-то смешно и трогательно это выходит, по-детски.— Это говорит, что она не совсем та, что кажется: у нее нежная душа..

.. «Евреи». К<a>к я рад, что мы рядом, так близко. Почему она так внимательна ко мне сегодня, больше внимательна, чем к Яше? И почему это так приятно мне?

.. Как хорошо вместе переживать все перипетии драмы! О, милая! Она сзади положила голову ко мне на плечо и смотрит так на сцену.. Я боюсь шевельнуться, чтобы не кончилось это.. Как мне хорошо..

1. Мария Александровна Замятина (урожд. Платонова, 1864—1925) — мать Е. И. Замятина; отец его — лебедянский священник Иван Дмитриевич Замятин (1853—1916).

2. Три недели спустя Замятин, вероятно нелегально, вернулся в Петербург. На отпускном билете стоит отметка, сделанная полицейским инспектором г. Лебедяни об отъезде Замятина, она датирована «30 мая 1906 г.». Вторая отметка — о прописке в Петербурге по адресу: «Пантелеймоновская ул., д. 8, кв. 7» проставлена полицейским Литейной части 1-го участка 4 июня 1906 г. (см.: *Дело студента*. Л. 58).

3. Литературная обработка и отрывочность записей затрудняют комментирование упоминаемых лиц, некоторых мест и событий.

4. Верлюк Борис Евдокимович — студент Санкт-Петербургского лесного института.

5. В Лесном участке Санкт-Петербурга располагался Политехнический институт и институтское общежитие (дорога в Сосновку, д. 1/3).

6. Веригин Михаил Петрович — студент Санкт-Петербургского политехнического института.

7. 2-й Муринский проспект (в Выборгском районе).

8. Надеждинская улица, идущая от Невского пр. до ул. Кирочной.

9. Замятин снял комнату неподалеку от дома, где жили Усовы. Об этом свидетельствует штамп о его прописке (сделан 15 ноября 1905 г.) по адресу: Ломанский пер., д. 7/6, кв. 20 (см.: *Дело студента*. Л. 53—54). Этот дом, на пересечении двух улиц, числился по Ньюстадтской как № 6.

10. Вероятно, речь идет о посещении Школы лекарских помощниц и фельдшерниц при городском Рождественском барачном лазарете в память Государыни Императрицы Марии Александровны на 2-й Рождественской ул., д. 4, где училась Л. Н. Усова.

11. Спектакль «Евреи» по пьесе Е. Н. Чирикова в Новом театре Л. Б. Яворской в Петербурге. Премьера состоялась 23 ноября, следующие спектакли шли 24, 25, 28 ноября, 1, 3, 4, 6, 7 и 9 декабря.

По свидетельству очевидцев, зритель становился участником происшедшего на сцене диспута по еврейскому вопросу: в финале натуралистически поставленная сцена погрома вызвала у зрителей истерические припадки и зрительный зал «превращался в сплошной стон» (Линский Вл. Новый театр // Театр и искусство. 1905. № 48. С. 740. См. также: Тамарин Н. Новый театр Л. Б. Яворской // Слово. 1905. 25 нояб.).

№ 10

20—23 мая 1906 г. Лебедянь

20/V

Сейчас я долго гулял в саду, в самой далекой аллее из лип и берез. Один ходил и думал.

Красив был серебряный месяц под легкой прозрачной фатой из облаков, красива была темная, старая аллея с причудливыми узорами на дорожке, сотканными из лунных лучей, красив был весь душистый вечер, унизанный жемчугом соловьиных трелей.

Я знал, что это было красиво. Только знал, но не чувствовал: ни на один миг. Это мне не доставило удовольствия. Все равно, как неоконченная картина: чудная женская головка с невырисованными глазами. Картина — красива, она должна быть красива, — когда будет окончена, а сейчас она не живая и не будит ни одного чувства. Так и мне, чтобы чувствовать красивое, нужно было оживить его, нужно, чтобы милый, дорогой человек был здесь..

Тогда, быть может, я понял бы, о чем поет соловей, увидел бы, как нежно прижались друг к другу молодые стройные березки, услышал бы, как бесчисленными поцелуями осыпает ветер куд-

рвяую липу, а она трепещет — тогда, быть может, я почувствовал бы содержание красоты.

Я говорю только «может быть», потому что нахожусь в состоянии, более скверном, чем когда-нибудь. Я не говорю «настроении», «расположении духа» и т. п.— с этим можно бы еще сладить. Нет, это прямо болезненное состояние. Даже в тюрьме с нервами не было ничего подобного, головные боли, бессонница, да мало ли еще что.

Заниматься почти совсем бросил, не потому что не хочу, а потому что не могу. Если бы я продолжал тот же образ жизни, то не знаю до чего дошел бы. С таким же удовольствием, как принимают лекарство, я хожу гулять, я купаюсь, я поеду в Липецк.

Оттого я так редко сравнительно писал Вам. Не преувеличивая, говорю, я не мог думать, чтобы писать, а писать не думая — не хотел. Сегодня еще я чувствую сравнительно лучше, способен еще, как видите, немножко думать.

23/V.

Я не дописал письма и не отправил его Вам, как мне ни хотелось это сделать. Ведь я непростительно редко писал Вам последнее время, и думаю — по крайней мере, хочется думать — это было Вам неприятно. Да? Ну, так простите меня, мой милый, хороший друг. О, если бы я был сейчас с Вами, я сумел бы заставить Вас забыть о моей неаккуратности! Я взял бы Вас за руки, крепко, стал бы говорить с Вами, стал бы...

Э, да что, впрочем, толковать о несбыточном, по крайней мере, сейчас, скоро!

А теперь Вы должны просто так, на слово, поверить мне, что не писал не потому что не хотел,— Вы должны понять мое состояние.

Бросил письмо недописанным потому, что мне предложили сделать прогулку пешком за 15 верст. Я отправился, потому что при моем состоянии — это самое лучшее лекарство: утомлением заставить забыть, выбросить хоть на время из головы тяжелые мысли. И в самом деле, сегодня, после этой экспедиции, я чувствую себя гораздо бодрее, по крайней мере, физически.

Я хочу сначала написать несколько слов по поводу Вашего письма от 15/V.

«Безусловно, личной жизни, нормальной у нас ... не может быть, но счастье ... Хотя что такое счастье, радость? Бессмыслица..»

В письме от 15/V Вы спрашиваете, между прочим, не был ли бы я разочарован свиданием с Вами в тюрьме.— Я скажу Вам только

одну мысль, к<оторая> родилась у меня однажды в тюрьме: я подумал, что из-за одних свиданий с Вами стоит сидеть!

В одном письме Вы к<a>к-то писали мне: «если бы Вы знали, к<a>к она (Marie) изменилась..» В каком отношении? Не в физическом же, ибо Вы мне писали по выходе ее¹, что она выглядит оччень хорошо. Напишите мне о ней.— Товар<ищу> Борису передайте мой привет, напиш<ите> о его деле².

1. М. Н. Усова провела несколько месяцев в заключении. 17 апреля 1906 г. Л. Н. Усова подала в департамент полиции ходатайство об освобождении сестры (см. ДП—1. Л. 193).

2. Б. Крылов в это время находился в заключении.

№ 11

27 июня 1906 г. Гельсингфорс¹

10/VII н.с.

Вы не поняли, о получении какого письма я спрашивал Вас: я спрашивал о первой открытке², к<оторая>, к<a>к оказ<алось>, получена.

Да дело не в том, что Вы не поняли, а в том, что это Вам кажется «странным и подозрительным». Что Вы хотите этим сказать? О, Люси, Люси! Неужели Вы хотите этим сказать, что подозреваете меня во лжи? Если это так — я не знаю, что подумать, я теряюсь..

А ведь это уже второй раз. Вы забыли, когда было в первый? Хорошо, я напому. Мы с Вами сидели вечером при открытых окнах, когда Вы были больны. Елиз<авета> Ив<ановна> говорила о том, что нужно закрыть окна, я поддержал ее, а Вы... назвали меня за это «оппортунистом», т. е. приписали мне гаденький, мелкий, унижительный поступок. Вы не хотели поверить, что я говорил это, заботясь о Вас, Вы не хотели понять, что в этот момент Вы были для меня, быть может, еще дороже, чем для Елиз<аветы> Ив<ановны>, не поняли — и поэтому..

Слушайте, Люси, запомните, что на мелкие гадости, мелкую ложь, мелкое подличанье я не способен. Возможно, что я способен делать очень дурные вещи, но не такие низенькие, маленькие. Запомните, что Вам лгать я не буду, хотя бы в своих интересах, т. к. ложь, даже маленькая, разрушит всю искренность моих отношений к Вам: белый лист с маленькой чернильной кляксой — уже не белый.. А искренность в себе в области моих отношений к Вам я ценю больше всего, потому что это для меня — редкость. Всякое отсутствие игры,

флирта (что мне всегда случалось наблюдать и даже, по-видимому, в самых честных и прямых людях) — вот что привлекает меня. Вот почему я всегда был откровенен с Вами, если даже это бывало и неприятно. Так будет, поверьте, и впредь.

Понимаете ли Вы, как мне неприятно, когда у Вас являются такие подозрения? Вы иронизируете в своей открытке. Не надо, или, по крайней мере, не часто. Это не прямой путь.

Вам не понравилось мое письмо? Вам не понравилась моя фраза «странно» и т. д.? Быть может, мысль была облечена в неудачную форму. Возможно. Я не спал ночь,— это раз, мало времени было, чтобы обдумывать — это два. А мысль — верная. И я повторю еще раз: да, странно. Странно, потому что ново и совершенно непривычно для меня мое чувство, странно для меня, что я над ним не властен, странно для меня видеть в себе эту искренность, странно, что мне так больно было уезжать из Петербурга. Такие мучительные моменты грусти я испытывал в первый раз; я с трудом владел собою — и это для меня странно, непривычно.

Вы не понимаете этого?

Вам не понравилось, кажется, и то, что я делился своими впечатлениями о Гельсингфорсе. Ну, о чем же писать Вам? О чем, скажите, Люси? Я просто говорил с Вами так, как стал бы говорить, если бы увидел Вас в этот момент. А передать всю нежность, с которой я стал бы целовать Ваши руки, волосы..— разве это можно? Говорить о том, что я на этом граните, на обломках скал над морем, где я сидел — что я сажал Вас мысленно рядом? Нужно говорить об этом?

Дайте адрес. Газеты высылать, чтоб Вас не затруднять, не стану просить пока — пока их я могу покупать здесь, в Гельс<ингфорсе>. Если нельзя будет — напишу.— В моем адресе: «лестн<ица> В».

Привет Mary. Напишу ей на днях на шведск<ом> и французском. Рад за Бориса.. и за Mary.

1. Первое из сохранившихся писем Замятина, отправленных из Гельсингфорса, где он проходил практику в Сандвикском корабельном доке. (*Автобиография*—28. С. 40).

2. Открытка в семейном архиве не сохранилась.

14/VII н/с 06 г.

Вот уже неделя прошла, а я все бездельничаю. Завод¹ стоит; заглядываю туда только изредка. Гуляю, читаю газеты и слушаю музыку на эспланаде, купаюсь, опять гуляю и наблюдаю нравы.

Эспланада — излюбленное место «суомаляйненского» и «свенского» гулянья. Чистенькие и аккуратненькие молочные студентки, скромные четырехугольные финские девицы, шикарные шведки в белых платьях, пижонистые русские моряки. И вдруг, среди всей этой фешэн-бельной компании появляются две русских синих рубашки — я и мой товарищ²! Можете представить себе большие глаза, которые делала вся эта публика, когда мы гуляли там и пили пиво. На нас смотрели так, как смотрели бы, вероятно, на голых папуасов, если б они вздумали прогуливаться по эспланаде.

Но мы — мужественно гуляли.

Когда мы сажались на лавочку, к нам приближалась стая мальчишек, чистильщиков сапог и сначала наблюдала варваров издали, потом осаждала их, дабы хоть немножко привести их в приличный вид — почистить им ботинки.

Слушай, друг любезный — говорю я — разве таким хулиганам чистят сапоги? Говорю в полной уверенности, что моя варварская речь останется непонятной мальчишке. И вдруг ... наивный вопрос.

«А разве вы — хулиганы?»

— Мальчишка подвергает нас внимательному и беспристрастному анализу, решает, что и подлинно мы — хулиганы, и грустно уходит.. Это был один из наших первых разговоров с туземцами.

Потом были и другие, не менее оригинальные. Однажды мы встретились с парой подгулявших суомаляйненцев. Останавливают нас, вытаскивают свои табакерки и любезно угощают: «Кушай!» Разумеется мы, варвары, к внутреннему употреблению табака не привыкшие, отказываемся. Туземцы настаивают: «По-чухонски, кушай, русский!» На наши отрицательные поматывания головой, один из них, видя, что мы смущаемся, поясняет любезно: «В морду (sic!). В морду закладывай!» Мы начинаем уже отступать, ожидая, что за сим последуют агрессивные мероприятия, но он демонстрирует перед нами опыт: всыпает горсть табаку в рот (= «закладывает в морду» — описательный способ выражения) и с наслаждением жует..

Мы — в купальне.

Немного непривычное зрелище для нашего глаза. Большой помост с целым амфитеатром лавочек, с нумерованными местами, точно в театре; посредине огромный бассейн; сзади какая-то деревянная башня с 3-мя этажами, кольца, трапеции... И все это усыпано голыми фигурами.

Купанье — здесь спорт, представление. Купаются по целым часам. Поплавают в воде (13°—14°R.), греются на солнце, опять плавают и опять греются; попьют кофе, прочитают газету — купаются опять. Какой-нибудь заморыш-мальчишка после нескольких рейсов дрожит весь, как осиновый лист — и все-таки считает долгом опять лезть в воду. От постоянного торчания на солнце — завязтые купальщики черномазы, как арабы. Студенты как люди ученые, как цвет суомалыйненской молодежи — идут впереди: чумазы, они плавают и ныряют, как рыбы, стоят на помосте на голове, с важным видом разгуливают на руках..

Голая публика непринужденно разместилась по амфитеатру; начинается спорт. Плавают в воде взапуски, ныряют, совершают дальние экспедиции к «камням» — с версту от купальни. Самое интересное и любимое занятие — прыгание в воду. Голые тела одно за другим шлепают в воду сначала с нижних этажей башни. Несколько искусников забираются на предпоследний этаж, сажени 4 высотой, разбегаются и, описывая красивую дугу, летят в воду при аплодисментах публики. На смельчаков вылезли смотреть из своей купальни девицы: целая стая женских голов торчит из-за забора дамской купальни.

Вот один в красном поясе, стоит, наконец, на самом верху, на высоте 5 сажен. Публика притихла, как перед рискованным salto mortale акробата. Несколько разбегаются он — и останавливается на краю. Наконец, решился — и летит, разбрызгивает воду и глубоко уходит в нее. Аплодисменты..

В кассовой комнате купальни — маленькая кофейня. За одним из столиков — парочка пьет кофе. Джентельмен — совершенно голый, в одном только купальном пояске, его дама — завернулась в купальную простыню. Сидят и пьют, при всем честном народе, который приходит сюда покупать билеты. Как Вам нравится?

Простота нравов — тут вообще большая. Пойдете вы вечером в какой-нибудь парк, на всякой мало-мальски красивой и удобной скале увидите десятки парочек, по-видимому, нисколько не смущающихся присутствием посторонних. Расположились на траве, в гамаках, сидят на деревьях, обнявшись, в самых непринужденных позах.

Чем это объяснить — патриархальностью? Когда я видел эти парочки — я вспоминал о Вас. Мне хотелось бродить, ездить по морю, сидеть на скалах, слушать музыку — с Вами.

Я думал, что это так и будет, что Вы когда-ниб<удь> приедете сюда. Но — Вы едете на Волгу. Ну что ж, поезжайте. Будете любоваться Волгой при луне, берегами ее, дышать свежим воздухом. Перестанете скверно себя чувствовать, пройдет ощущение пустоты, неудовлетворенности, будет весело. Ведь едет большая компания товарищей.

Правда, моя практика сейчас показалась мне какой-то пустой: нет этой середины — приезда Люси.. Ну, это пустяки. Поезжайте. Вам нужно поправиться.

А я постараюсь работать тут, в Гельс<ингфорсе>. Работы много.. Между прочим, с одним рабочим обменялся уроком шведского языка за русский. Не знаю, выйдет ли толк.. Леня какая-то..

Спасибо за адрес. Воспользуюсь им, так как без общества — скучно жить, без привычного общества. Эту неделю часть времени мы проводили в обществе русских туристов москвичей (три девицы и тип с ними — симпатичные ребята), но они завтра уезжают. С понедельника думаю «стать на работу»³.

Ваш Е

Какие славные вышли у Вас оба эти закрытые письма. Особенно первое.. Спасибо за них.

Вот сейчас — как мне хочется быть с Вами, моя милая, славная Люси, моя ласковая, нежная Люси⁴..

Это бывает со мной, когда проходит моя леня. А сейчас — ее как не бывало.

Ну, до свид<ания>, мой друг. Ведь Вы — друг мне? Да?

Слушайте, Люси, неужели Бор<иса>⁵ не выпустили?

1. Замятин имеет в виду Сандвикский корабельный док в Гельсингфорсе.

2. Вероятно, Ратьков Борис Валентинович. На это указывает заявление профессора Санкт-Петербургского политехнического института А. П. Фандер-Флита в Правление института от 19(30) июня 1906 г.: «Покорнейше прошу Правление назначить студенту Кораблестроительного отделения Е. Замятину пособие в размере 75 рублей, находящемуся на практических занятиях в Гельсингфорсе на Сандвикском корабельном доке, не платящем практикантам никакого вознаграждения. Считаю нужным упомянуть, что товарищу г. Замятина по практическим занятиям г. Ратькову <...> выдано пособие в этом же размере» (*Дело студента*. Л. 62).

3. Об этих и последующих событиях см.: Любимова М. Ю. Е. И. Замятин в годы первой русской революции: (Из писем Замятина 1906 г.) // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры в собраниях и архивах ГПБ: История России XIX—XX веков: Сб. науч. тр. / ГПБ. Л., 1991. С. 106—107.

4. Вскоре после этого Людмила Николаевна приехала к Замятину. На факт ее пребывания в Гельсингфорсе указывает письмо от 14 июля 1916 г., а также отрывок из «Автобиографии»: «Комната на Эрдхольмстатан, под окнами — море, скалы. По вечерам, когда чуть видны лица — митинги на сером граните. Ночью не видно лиц, теплый черный камень кажется мягким — оттого что рядом о н а, и легки, нежны лучи свеаборгских прожекторов» (*Автобиография*—28. С. 40).

5. Б. Крылов.

№ 13

19 апреля 1907 г. Лебедянь¹

Только два дня я, можно сказать, существую. А раньше.. А раньше у меня была otitis media* (медики должны понимать) + невралгия тройничного нерва. Очевидно, простудился. В четверг уехать из Питера не мог: боль к вечеру была страшная, не мог двигаться. В пятницу, благодаря кокаинам, пирамидолам и т. п. стало лучше и я уехал. Но зато в дороге! Уж и пасхальная затурения у меня была! Ну теперь ничего. Зато нравственное состояние очень неважное. Уезжаю из Леб<едяни> на след<ующей> нед<еле>. Думаю, что уж если не здесь, так в Питере-то получу письмо от Л.²

Е

1. Письмо датируется по штемпелю на почтовой карточке.

2. Л. Н. Усовой, проходившей в это время практику в г. Буй (Костромской губернии), куда было адресовано письмо.

№ 14

После 21 мая 1908 г.¹ Петербург

Милый мышонок.

Глубокоуважаемая М<ила> Н<иколаевна>.

Член Г<осударственной> Д<умы>, подлый октябрист², гучковец³, христопродавец Каменский⁴ по телефону просил (швейцара?

---

* воспаление среднего уха (лат.).

или меня?), передал Вам извинения, что не ответил на письмо: был-де болен и никуда не выходил из дому (врет, подлый). Что если Вы изволите зайти к нему часам к 7 веч<ера> обедать, напр<имер> — завтра,— то он-де будет очень рад (может, и не врет). Ему можно всегда позвонить, если угодно, по телефону Гос<ударственн>ой Думы.

Если меня не будет дома и придет Сергеев, то отдайте ему тетрадку с билетами его и марки (они лежат в желтой коробке для почт<овой> бумаги) и один рубль (возьмите один билет)². Рубль я Вам верну с 10% не позже завтрашнего дня.

Жеша.
Жек.

1. Письмо, написанное на визитной карточке «Евгений Иванович Замятин, морской инженер» датируется временем окончания института. Замятин защитил диплом «О выборе главных размерений грузовых судов» (см.: ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 7) и 21 мая 1908 г. окончил курс Кораблестроительного отделения Санкт-Петербургского политехнического института (*Дело студента*. Л. 1). 5 июня 1908 г. Замятин подал прошение министру торговли и промышленности о зачислении на службу. 17 июня Канцелярия министра запросила в Департаменте полиции сведения о политической благонадежности ходатайствующего Замятина, 3 июля получила ответ, в котором содержалась информация о декабрьском аресте 1905 г. Замятина. На этом основании Замятину было отказано в определении на службу (*Дело о службе инженера Замятина*. Л. 8—12).

Однако кто-то хлопотал за Замятина. 29 октября 1908 г. Департамент полиции уведомил Канцелярию министра торговли и промышленности «в том, что в отношении Замятина прекращено уголовное преследование по 126, 127 и др. статьям Уголовного Уложения». Отдел Торговых портов вновь ходатайствовал об определении на службу Замятина и с 27 ноября 1908 г. Замятин «определен на службу с причислением к Министерству, с откомандированием его для занятий в Отдел Торговых портов» (Там же. Л. 16—18).

2. «Октябристы» или «Союз 17 октября» сложился после октября 1905 г. из правого крыла земских съездов 1904—1905 гг. В Союз вступили Прогрессивно-экономическая партия, Торгово-промышленный союз. В собственно-политическую партию — оформленную, с партийной дисциплиной «Союз 17 октября» превратился осенью 1906 г.

3. Гучков А. И. (1862—1936) — крупный московский домовладелец и промышленник, один из основателей «Союза 17 октября» и октябристской газеты «Голос Москвы», председатель III Государственной Думы.

4. Каменский Андрей Андреевич — студент Санкт-Петербургского политехнического института, староста. Иронический эффект Замятин строит на совпадении его фамилии с фамилией председателя Центрального бюро партии октябристов П. В. Каменского. В журнале «Нива» в 1907 г. (№ 13, 31 марта) была опубликована фотография группы старост Политехнического института, вместе с директором института А. Г. Гагариным. На фотографии изображены Замятин и А. А. Каменский.

5. Вероятно, речь идет о членских взносах и билетах Общества морских инженеров, основанного в 1896 г. В него вступали выпускники кораблестроительного отделения Политехнического института.

№ 15

5 июня 1909 г. Сестрорецкий курорт¹

Пятница 5 июня. 09 г.

Не был вчера, потому что чувствовал себя достаточно скверно. Сегодня лучше. Сегодня другое: проснулся рано утром и не мог больше заснуть — думал, о тебе.

Мне все это надоело, утомило, измучило: боязнь твоих прикосновений, мыслей о тебе — боязнь — тогда, когда этого меньше всего хочется.

Вот что. Кажется, ты завтра вечером едешь в Шлиссельбург — в первый раз. Может быть ты захочешь, чтобы я поехал с тобой? Позвонишь завтра по телефону?

Е.

1. Переезд в Сестрорецкий курорт был связан со следующими событиями. 13 апреля 1909 г. газета «Русские ведомости» опубликовала сообщение об аресте на Выборгской стороне трех молодых людей, хранивших нелегальную литературу. Один из задержанных назвался Замятиным. Несмотря на то, что этот эпизод не имел отношения к Е. И. Замятину, родные поначалу решили, что речь идет о его аресте (см.: Замятина М. А. Письмо Е. И. Замятину 25 апр. 1909 г. // Наше наследие. 1989. № 1. С. 116). При установлении личности задержанного полиция выясняла также и местонахождение Е. И. Замятина, уже проходившего ранее по материалам департамента полиции — ему было запрещено проживать в Петербурге. Через двадцать лет Замятин описал эти события так: «Повестка: явиться в участок. В участке — зеленый листок: о розыске „студента университета Евгения Иванова Замятина“, на предмет высылки из Петербурга. Честно заявляю, что в университете никогда не был и что в листке, очевидно ошибка. Помню нос у пристава — крючком, знаком вопроса: „Гм... Придется навести

справки". Тем временем я переселяюсь в другой район: там через полгода — снова повестка, зеленый листок, „студент университета“, знак вопроса и справки. Так — пять лет, до 1911 года, когда наконец ошибка в зеленом листке была исправлена и меня выдворили из Петербурга». (*Автобиография*—28. С. 40—41). Административная высылка Замятина по делу 1905 г. была отменена только в 1913 г.

№ 16

14 июня 1909 г. Сестрорецкий курорт.

Воскресенье 14.VI 09 г.

Милый ты мой ландыш. Прежде чем сесть и читать, хочу несколько слов написать тебе.

Вот видишь ли, в чем дело. Распростившись с тобой, вернулся я в комнату, купил кое-что, чуть-чуть уже смеркаться начинало. Вошел в комнату — такую душную и жаркую — дохнул — и влилось в меня что-то новое, свежее и хорошее, как ветер весенний. Сначала не понял, что это были твои ландыши. Милые твои ландыши.

А потом сел и думал о них и о тебе. И решил — что ты сама — как белый, нежный ландыш, с опущенной печальной головкой, такой простой и милый. Ландыш чистый и нежный даже в тот момент, когда с трепетом раскрывает он свою белую чашечку навстречу кому-то — и еще сильнее благоухает — и отдается с такой безумно-нежной, самозабвенной улыбкой...

Мой милый, мой любимый ландыш — свежий, только что россою окропленный ландыш, — настоящий ландыш — лесной, пугливый чуть-чуть и боящийся солнца — вырос в тени.

Нюхаю твои ✕ и умиляюсь и целую уголки мои милые — как чашечки ландыша. И жму твою ручонку.

Вот тебе — завтра на ночь.

Е.

№ 17

27 июня 1909 г. Сестрорецкий курорт

27—VI/09

Что за безобразие со стороны Марии Хорошевой¹ — или чьей — что мне не позвонили по телефону. Я весь изогорчался по этому поводу. О сколь я был бы рад, если бы сегодня удалось предпологавшееся.

Ну, а завтра, а послезавтра?

Е.

1. Хорошева Мария Степановна (в замужестве — Зеленкова, 1886—?) — слушательница Женского медицинского института, позднее — врач, специалист по внутренним болезням, в 1913—1917 гг. работала в Глазной клинике Женского медицинского института и в Городском лазарете № 229.

№ 18

27 июля 1909 г. Сестрорецкий курорт

Люсинька, родная моя. Мне сегодня, сейчас — беспокойно и грустно. Почти также, как тогда, как была ты в понедельник в моей комнате. Если бы ты была со мной — может, было бы то же, что в понедельник, поплакали бы. Мне этого, впрочем, не стыдно — потому, что это при тебе. Потому, что тебе показывал я то, чего никогда и никому — даже самому себе. Потому, что в этот момент я в своем чувстве к тебе давал себе полную волю — говорить и делать, что захочется, совершенно забывая о разуме = о себе. Ибо, вероятно, моя суть — это разум, в конце концов.

Сестрорецкий курорт. 1909 г.

Вчера был у Миртовой¹ — ненадолго, а потом у Плонского. Разговаривали с Плонским о тебе. Вот что сказал он: «в такую нужно не влюбляться, а любить».

Боже мой — сколько раз он прав. У меня сжимается сейчас сердце, я стою перед тобой на коленях, я целую благоговейно твои руки и ноги. И ты — ты отдала мне свою любовь. Окажусь ли я в силах дать тебе еще больше — это нужно, чтобы я почувствовал себя счастливым? И дам ли я тебе больше счастья, чем мучений? Ребенок мой дорогой, моя радость — будет ли наше будущее так же хорошо, как настоящее? Я много думал сегодня об этом. И мне становилось иногда так страшно от мысли, что как-нибудь я стану терзать тебя. Ты подумай: тебя — которая во мне, тебя — родную мою, любовь мою, жену мою. Это так мучительно и страшно, что я думал: лучше убить себя. Может быть, Люсинька, когда-нибудь так и будет. Только пусть это будет нескоро.

А пока, девушка родная моя, нежная моя мать — приезжай, полюбим друг друга, посмотрим друг на друга. Приезжай, родная, в субботу. Зайдешь ко мне на одну маленькую минуточку; — чтобы мог я положить на грудь тебе голову.

Только сейчас принесли твое письмо. Бедный мой ребенок — это проклятая холера тебя совсем замучит. Постараюсь пораньше приехать в субботу. Приласкать, пригреть.

Прости, что пишу тебе то, что думаю. Но ведь ты этого и хочешь? Да?

27/09 г.

1. Возможно, Замятин так называет писательницу Ольгу Эммануиловну Негрескул (по первому мужу — Котылева, по второму Розенфельд, 1875—1939), издававшую свои произведения под псевдонимом «О. Миртов», в 1910-е гг. публиковала небольшие произведения в петербургских и московских журналах.

№ 19

29 июля 1909 г. Сестрорецкий курорт

29/VII 09 г.

Моя возлюбленная, мой маленький слабый ребенок, моя дорогая нежная мать. — Так должно быть, чтобы до дна исчерпать весь тот круг новых, странных, больших ощущений, идущих с любовью: больше, — с нашей — теперешней — любовью. Ощущений, примиряющих и сливающих с миром. Горячей, опьяняющей кущей на-

шей любви мы отрезаны от всего мира,— будто над нами свое собственное ночное небо, маленькое — и с огромными, пламенными и близкими звездами. Весь мир — и нас двое обнявшихся. И все-таки через ту же любовь — отделенные от мира — мы сливаемся с ним. Сливаемся потому, что плывем по течению. Плывем туда, куда толкает нас Природа. И в этом повиновении ей — такое наслаждение, потому что она огромна, велика, сильна — сильнее нас; такое же наслаждение, как подставить себя огромной, бьющей, комкающей волне. Инстинкт деторождения, инстинкт материнства ... Может быть этого и не будет, и может быть — еще сильнее от этого будет любовь? Может быть — то, что ты должна была бы отдать ребенку — ты отдашь мне? Может быть — тебе будет сладко от того, что я буду класть голову к тебе на грудь и брать ее губами, как ребенок, и называть тебя матерью? Может быть ты — мать — будешь все прощать мне, твоему ребенку? И, может быть, мне будет сладко тебе, слабой и маленькой, отдать свои силы, держать тебя — ребенка — на коленях, носить ребенка — на руках? Может быть — даже в том, что толкнувшую нас волю Природы мы обратим для себя — для своих огромных наслаждений — есть особое чувство — торжества над ней? — Вчерашние ласки наши как-то сильнее подействовали на меня, чем раньше. Может быть, оттого, что они были немного полнее (будут еще полнее), оттого что были так порывисты, неожиданны как-то.— То, что я писал,— это мои ощущения. Мне кажется, что я вырос, что-то пустое, мучившее пустотой, заполняется. Ибо я становлюсь — мужчиной, ты — женщиной. И теперь я думаю — так хорошо, так бесконечно хорошо, что любовь, что наслаждение любви, что полноту любви узнал я в твоих чистых, как снег на самой верхушке горы, у неба — объятьях. Все хорошо: что я был неопытен, что я был глуп — что я с тобой — первой испытываю такое полное безумное наслаждение. И буду испытывать. Пусть я болен от этого — от воздержности — то, что теперь есть — стоит больше, чем вся моя болезнь.

Прочитал, чувствую, что написал страшно мало, неотделанно, не везде последовательно. Ничего. В любви — все можно. Самое смешное, самое наивное. Ничего не нужно стыдиться. Так же делай и ты.

Если твоя кровь — священная и милая для меня кровь — целую ее — помешает тебе приехать — не приезжай лучше. Лучше подожду.

— Е — твой.

5 августа 1909 г. Петербург

5 авг. 909 г.

Пишу опять в Министерстве¹. — Целый день тут возился сегодня с чертежами. Выбирал чертежи, которые нужно послать в Архангельск. Штук сто чертежей пересмотрел. Устал малость.

А в общем — эти дни чувствовал себя недурно (физически). Вообрази — даже в понедельник (несмотря на воскресенье). В понедельник все утро — писал, кончал все ту же «Сказку о Милой Барышне»² и «Премудрый Нгабами»³. Попробовать надо малую толтику заработать. А то, коли ни у меня, ни у тебя денег не будет — тоже не сладко. — На писанье настроил-таки себя, наконец, задернувши тебя (внутри себя) занавесочкой. Заслонился от тебя — как от света, от которого так беспокоино и жарко. Ну, заслонился — и ничего, работаю. Английский тоже не забываю — а то что же это, если Мария Хорошева меня перещеголяет.

— Ну, хочу у тебе подумать, — особенно, если как-нибудь очень ласково, сейчас себя за веревочку дерну: «постой, милой, постой, не торопись, успеешь». Ничего, почти все время удавалось. Не знаю, что дальше будет.

— Все дни проводил в приятном обществе себя самого. Завтра день буду опять сидеть и писать. Хочу в пятницу сдать. — До субботы, значит? Может быть, я мог бы встретить тебя в Раздельной⁴, чтобы там погулять? Сообрази-ка и напиши открытку.

P.S. А все-таки, когда писал даже это письмо — щечки-то у милого разгорелись. Эх, тип.

Е

1. С ноября 1908 по декабрь 1918 г. Замятин состоял на службе в должности инженера для технических занятий при Отделе торговых портов Министерства торговли и промышленности.

2. «Сказка о Милой Барышне» не была опубликована.

3. Притча «Премудрый Нгабами» не была опубликована. Сохранился черновой автограф, датированный «1910—1916 гг.» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 1, № 2). Вероятно, именно «Сказку о Милой Барышне» и «Премудрого Нгабами» Замятин имел в виду, когда писал о судьбе своих ранних рассказов: «В печать их не отдавал: в каждом мне еще чувствовалось какое-то „не то“». (*Автобиография*—28. С. 41).

4. Платформа Раздельная — станция Финляндской железной дороги (ныне — Лисий Нос).

№ 21

21 августа 1909 г. Петербург

Смешная ты, маленькая¹. Ты как-будто спрашиваешь, можно ли тебе приехать в Сестрорецк. Ведь мне одинаково приятно — везде — ласкать тебя и принимать твои ласки (это, впрочем, бывает так редко, ленивица). Я сам сначала хотел в своей закрытке, к<отору>ю отправил вчера, просить тебя приехать в Сестр<орецк>, да вспомнил, что ты говорила при прощании в Усть-Ижоре²: что тебе не хочется прощаться с комнатой. Это, правда, будет немножко осенне, печально. Ну, что ж — если не боишься ты, я и подавно — хочу этого. Пусть будет осенне. Солнце яркое осенью, солнце среди падающего с грустным шумом дождя — еще ярче бывает, чем летом. Светлое еще ярче — болезненно ярко — на темном. Я не боюсь ничего — даже слез. Сладко залить слезы огнем. — Я напишу это письмо и пойду сейчас искать комнату (сейчас 11 ½ час<а>, я на Больш<ом> пр<оспекте> пишу). Приезжай в воскресенье утром, маленькая³, а то не знаю — не пришлось бы в понед<ельник> ехать на завод. Или вообще не был бы занят понедельник.

21 авг. 909

Е.

1. Слово «маленькая» зачеркнуто.

2. Адрес на закрытом письме рукой Замятина: «Усть-Тосно Людмиле Николаевне Усовой, г-же заведующей Ивановским баракком». Вероятно, Усть-Ижора была местом их встречи.

3. Слово «маленькая» зачеркнуто.

№ 22

31 августа 1909 г. Петербург

1.

31/VIII 11 ч<асов> у<тра>.

Люси — девушка моя дорогая — я по тебе соску-учился. Даже не по твоим самым близким ласкам (хотя я тебя видел сегодня во сне — очень), а по твоей улыбке — по твоей чудесной улыбке, которую я могу без конца целовать. О, мой уголки... — Сегодня — сейчас — написал даже маленькую мишенью «Улыбки»¹.

В субботу и вчера почти все время — попеременно — учился и играл на рояли. Больше учился.

В субботу вечером надоело одиночество — пошел к М. Хорошевой — она мне рассказала все о тебе. Потом пошел к Мар<ии> Ник<олаевне>. — В воскресенье вечером — еще больше надоело одиночество — не привык еще, погоди — привыкну. Пошел к Люб(к)е Куракиной². Конечно, не застал дома.

— В четверг (3 сент<ября>) М. Хорошева (очев<идно>, после экз<амена>) напросилась ко мне в гости — играть на клавикордах; Мар<ия> Ник<олаевна> узнала: «и я — говор<ит> — приду; купи только угощеньища». Не приедешь ли ты?

Е

2.

31/VIII 7 ч<асов> веч<ера>.

Люсинька — вот скандал-то! Мой немец, который так умилил меня, оказался прохвостом! Хотя он и приходил, и каялся, и просил извинения...

Вообрази — у него снимает все три комнаты кто-то, и платит солидную сумму. И вот он предлагает мне... искать себе комнату. Что ж ты с ним поделаешь! — Придется.. Пойду сейчас посмотреть, не заняты ли те 2 комнаты, к<оторы>е присмотрел себе — одна на Ораниенбаумской³, другая — на Церковной⁴.

Во всяком случае, до четверга или пятницы я в этой комнате пробуду — потому что эти 2 дня заняты. Завтра утром — поездка на Путиловский завод для одного осмотра. Послезавтра, вероятно, поеду на Металлический завод. А может быть, к четвергу—пятнице ты приедешь — и опять, как тогда, из Сестрорецка — поможешь мне уехать отсюда? Из этой комнаты, к<оторая> тебе так не понравилась?

— А еще вот что: что же ты, бессовестная, ничего не пишешь мне, ни когда ты приедешь, ни когда мне приехать? А? Люсинька любимая, а?

1. Миниатюра «Улыбки» — см. раздел II «Творческие рукописи...» наст. изд.

2. Любовь Куракина — знакомая Л. Н. Усовой и Е. И. Замятина.

3. Ораниенбаумская ул.— в Петроградском районе между Большим и Геслеровским проспектами.

4. Церковная улица — ныне ул. Блохина (Петроградская сторона).

№ 23

1 сентября¹ 1909 г. Петербург

Люсинька, маленькая моя, одинокая. Сейчас около часу — только вернулся — купался. Получил твое письмо. Так я рад бываю, когда ты хоть чуть сядешь в лыву² (насчет моего молчания).— А разве ты не получила моего письма, отправленного тебе в пятницу (кажется)? В к<оторо>м я писал, что «постараюсь в субботу (29) приехать пораньше?» Сегодня только отправил тебе еще одно письмо — все по тому же адресу — в Усть-Ижору. Очевидно, тоже не получила? — Пишу сейчас мало, потому что завтра рано вставать — в 8 — ехать на завод. Завтра не успел бы отправить письма. Постарайся получить хоть мое последнее, сегодняшнее (утреннее) письмо.

Детка моя дорогая, я бы с таким наслаждением сейчас приласкал, успокоил тебя. Чтоб тебе не было скверно. В любой вечер — я так хотел бы приехать к тебе — если бы знал, где ты.

Когда начал читать твое письмо — решил, было ехать завтра же, но — в середине — «завтра еду в Шлисс<ельбург>». Эх, свисток!

1. Карандашом рукой Л. Н. Усовой «31 авг.» На об. ее рукой — карандашная запись «Гулярная 22, кв. 78». Вероятно, именно по этому адресу Замятин снял комнату, в которой не смог остаться (см. п. № 24.)

2. Сесть в лыву — сесть в лужу (диал.).

№ 24

1 сентября 1909 г. Петербург

1 сентября 9 ч<асов> веч<ера>.

Люсинька, пишу в магазине, чтобы сегодня же письмо пошло.— Проклинаю моего немца. Если ты не получила моего письма, отправленного 31-го утром (в Ижору), то, пожалуй, и не знаешь, что немец выставляет меня с квартиры. За что? Здорово живешь,— потому что ему дали за все три комнаты солидную сумму (каковой, конечно, я не мог заплатить).

Устал сегодня страшно — после утренней поездки на Путиловский завод, где много пришлось ходить, не выспался,— а тут изволь бегать и искать себе комнату. Да еще горе то, что студенты (паршивцы!) разобрали теперь все лучшие комнаты,— осталась сушая дрянь.

Не знаю, как и быть.— Если не найду тут, придется искать в другом районе.

Люсинька — ты не знаешь (если не получ<ила> письма), что в четверг ко мне придут две или три медички. Не приедешь ли ты? Пораньше — час<ам> к 6. Мы бы с тобой — усталые чуть-чуть утешили, помилдовали друг друга.

Е (твой).

До пятницы — субботы проживу на Съезжинской 3, 3¹.

Только что получил твою телеграмму, что будешь в Ивановск<ом>².

1. Ул. Съезжинская, д. 3, кв. 3 — адрес В. Никольского.

2. Речь идет об Ивановском холерном бараке в Усть-Тосно, которым в это время заведовала Л. Н. Усова.

№ 25

9 сентября 1909.¹ Петербург

Среда.

Люсинька, не у Вас ли забыл я на столе лист бумаги, на к<ото>м сделан перевод статьи о кранах из Quinette de Rochemont'a², внизу выписаны франц<узские> слова. Напиши мне. Люсинька, я приеду к тебе в воскресенье — выеду в 10 ч<асов>, если есть такой пароход³, в 13, если — 10 час<ового> нет. Буду учиться у тебя — читать франц<узскую> книжку. Попробую, по крайней мере.

Чувствую себя вчера и сегодня — хорошо.

1. Датируется по штемпелю на почтовой открытке.

2. Замятин пишет о Э.-Т. Кинетт де Рошмоне (1838—1909), инженере, директоре департамента в Министерстве общественных работ Франции, авторе ряда работ по сооружению и деятельности портов и его докладе, прочитанном на XI конгрессе навигации в Санкт-Петербурге в 1908 г. См.: Quinette de Rochemont. Compte rendu des Travaux les plus récents exécutés dans les principaux ports maritimes / Association internationale permanente des Congrès de Navigation.— Bruxelles, [1908]. (XIme Congrès — Saint-Pétersbourg—1908 Section: Navigation maritime).

3. Вероятно, Замятин предполагал добраться по реке Тосне до Усть-Тосно, где в это время находилась Л. Н. Усова.

№ 26

23 сентября 1909 г. Петербург

Среда 23 сент 09 г.

Так все туманно, серо и грустно, и больно.

Боюсь, что не получишь вовремя письма, Люсинька, и будешь думать. Оттого пишу это — открытку.

Ну, конечно, вчера на сдаче элеватора совсем простудился. На службе сегодня, впрочем, был. Чувствую себя неважно.

Ой, какая осень везде и внутри.

Как тебе теперь скверно там.

Е.

№ 27

3 октября 1909 г. Петербург

3 окт. 909.

Моя милая маленькая жена. Мне так хотелось провести с тобою, как с женой, этот вечер — в четверг, так хотелось твоих ласк — и вдруг это несносное существо приволоклось. Он сидел еще после этого у меня до часу.

Я приехал бы к тебе сегодня, в субботу, если бы не боялся, что застану тебя не совсем здоровой, и только измучаю тебя и себя. — Ты напиши мне о твоём здоровье.

А еще вот о чем напиши. Когда ты приедешь — 10-го? И что будешь делать вечером? В клинике или нет? Спрашиваю вот почему. Вчера я получил открытку от М. А.¹, в коей она предлагает мне билет на 1-е предст<авление> андреевской «Анфисы»². Вчера же вечером я видел ее (не Анфису, а М. А.) и от билета отказался — потому, что приедешь ты. Тем не менее на «Анфису» и в частности на 1-е предст<авление> мне пойти интересно. Если бы ты не была в этот вечер в клинике, я купил бы тебе билет — пошли бы с тобой. Если хочешь — купил бы билет и Любочке³ — потому что мы втроем чувствуем себя очень мило. А 11-го были бы с тобой вдвоем. Напиши об этом поскорее, потому что иначе все билеты распродадут.

1. Вероятно, Мария Андреевна. Далее в письме от 5 июня 1911 г. Замятин расшифровывает эти инициалы. Фамилия не установлена.

2. Премьера спектакля «Анфиса» по пьесе Л. Н. Андреева состоялась 10 октября 1909 г. в Новом драматическом театре на Офицерской ул.

№ 28

15—16 октября 1909 г. Петербург

15 октября. 09 г.

Достаточно мне вспомнить ту, одну твою улыбку, которой никогда нельзя забыть. И я уже только о тебе могу думать — только о тебе, даже если — нарочно — хотел бы думать о другом. В этот момент весь мой организм — как-то почти физически — противится тому, чтобы не ты одна была в моих мыслях. И ты — одна.

И я думаю о тебе все больше, и о том, что мне — так же, как и тебе — да, — все больше хочется жить вместе с тобой, хочется даже мелочей повседневной жизни — вместе с тобой.

И если я здесь делаю паузу, утомленный напряжением своих мечтаний — и просыпаюсь после этой паузы — у меня осталась одна мысль: повседневной жизни. И во мне встает другое.

— Не хочу я обычности, ни за что, никогда. Пусть это будет даже обычное счастье — я боюсь его.

И все-таки я хочу его. И это желание уже владеет мною. Вот отчето говорю я «к сожалению»: к сожалению — люблю. Потому, что — оно владеет мною, а не я — им. Потому что оно — мягкое и нежное — тянет меня — на спокойную, ровную плоскость твердого счастья...

И вот еще о чем я думаю.

Есть в мире две силы — любовь и голод — только две. Первый создает всю реальность жизни, вторая — все иллюзии; первый — все полезное, вторая — все красивое. Все красивое — поступки, мысли, слова, лица, платья, картины, стихи.

Но все эти ценности — ценности красоты и ценности пользы — создаются только в движении, только в борьбе. Может быть — поэтому нельзя останавливаться, может быть — поэтому не нужно? Страшно?

16-го окт<ября>.

Только что получил твое письмо. Спешу отправить свое. — Думал, что приедешь в воскресенье.

Написанное мною раньше — почти отвечает тебе на все: как можно «любить и в то же время стремиться и огорчаться» ... И забывать о пристрастии.

— В том-то и дело, что о пристрастии не забываю, не могу забыть.

Правда относительно меня в твоём письме вот такая: никогда я не забываю о себе — о своей личности, никогда не забываю. Оттого так трудно поступиться мне чем-нибудь, касающимся основного — моей личности.

О сантиметрах моей любви — лучше б было не говорить. Сказала, потому что не знаешь, как много пережил в понедельник.

№ 29

30 декабря 1909 г. Лебедянь

30/XII 09 г.

Ну, милый мой ребенок, не надо. Живи в улыбках, не опускай уголков твоих чудесных, таких нежно-женских губ.— В пятницу вечером ты получишь мое письмо, в понедельник утром я, может быть, буду уже ласкать <т>ебя. И вечером, уж наверное.

Я отдыхаю здесь. Даже не пишу, даже почти не играю на рояли. Все спит во мне — и я этому рад.

Только временами я остро ощущал, что тебя нет. Уголки губ, чуть видные зубки, ласковая твоя, нежно-острая сквозь черную кофточку грудь... Чуть-чуть сейчас, чуть слышно — кружится у меня голова от мысли о ней, о твоей — о моей — милой грудке.

Но это, к счастью, бывало редко. Иначе бы я не отдыхал. А мне так нужен отдых, так нужен.

Я весь сплю. Мне никуда не хочется двинуться, не хочется даже выйти погулять. А здесь так хорошо, так бело все, чисто. Небо — либо ясное, синее — когда звенели морозы, либо мягкое, белое, тихое — как сейчас. И снег — лучше териокского.

Один раз вышел в свой сад, в солнечный морозный день. Почувствовал какую-то бодрость. Побежал по хрустящим сугробам, проваливался. Думал: хорошо было бы пустить на этот снег побегать милого зверенка — Люсиньку. Смеялась бы, была бы розовенькая, белочка. Тут она была бы родная чистому снегу, ясному небу.

— Вчера, чтобы сделать удовольствие сестре, пошел с нею в клуб, на маскарад. Такая тоска была и скука, такое чужое все. От скуки тьму курил, пил с мужем сестры какую-то ерунду, тоска, все чужое, скверно спал и скверно себя сегодня чувствую.

№ 30

5 июля 1910 г. Сестрорецкий курорт

5/VII. Понедельник

Вчера получил твое письмо. Рад, что хоть была не одна. Пиши скорей из Екатеринослава. В субботу было мне очень тяжело. Вдобавок, физически чувствовал очень скверно. Из Любани в Петербург поезд пришел только в 11 час^{ов}. На 11 ч^{асов} 35 ^{минут} в Сестрорецк — опоздал (вымокши предв^{арительно} под дождем), поехал только в час ночи, приехал в 2 ¼, дошел в 2, 35. В 3 лег. А утром уже в город. Сегодня — ничего.

№ 31

11 июля 1910 г. Сестрорецкий курорт

11 июля 10 г.

Девушка дорогая. Прости, что письмо выйдет не такое, как я хотел бы. Чувствую, что не держу сейчас руля в руках: две ночи подряд скверно спал, сегодня на особицу — часов 5 ½—6, и оттого сейчас — мигрень.

Я переселился наверх из своего подвала. Торжествовал ровно один вечер — сидя на балконе и распивая чай. На утро уж, конечно, голова моя бедная оказалась невыспанной. Утром лаяли собаки, утром дворник рубил дрова рядом, утром пролез откуда-то, подлый, свет.

Все это, конечно, только, предлоги, придирки: причина — в общем скверном состоянии нерв^{ов}. Может быть, эта вечная спешка: на душ, на поезд — не опоздать бы, — на трамвай, на пароход, — обратно, ах, не пропустить бы обед. И в отделе — много работы, перебегаешь от одной к другой, устаешь.

Может быть, сказывается в известной степени Ваше отсутствие, Тирлири. — В психике, пожалуй, я сейчас не очень способен разбираться — для этого нужна не туманная голова, но в физике кой-как могу.

— Я, конечно, нашел подчеркнутое тобой место: о пользе поддержания для артистов, художников etc. (подумаешь, какая стала скромненькая!). Увы, это было бы так, если бы свою беспокойную энергию (?) я направил бы на какое-нибудь творчество, — вместо любви (ибо любовь — ведь, только один из видов творчества). Но у меня совершенно нет времени писать. Оттого подчеркнутое место не могу к себе применить, и оттого мой аскетизм едва ли очень хо-

рошо действует на меня. Да и, вдобавок, вероятно, я — субъект с повышенной чувственностью, по крайней мере, психической (не то, что Вы — скромная девушка). И оттого вид этих откормленных самок, вечно мозолящих глаза — в поезде, на пляже, в концерте, — принимающих все меры к тому, чтобы вызывать у мужчин слишком определенные эмоции — все это, возможно, действует на меня, даже совершенно помимо моего сознания.

К довершению бед, отсутствовавшая в течение недели неизвестная особа, живущая тоже наверху, в другой комнате — вчера вернулась. Копалась там за стеной, стучала, подлая, кашляла — и не дала мне спать. Вероятно, переселюсь опять вниз, в подвал: там я, по крайней мере, спал хорошо. Посмотрю, как буду спать сегодня ночью.

Дальше, девушка — ты глупая. Очень мне нужны твои деньги. Больше не изволь глупить. Скажите пожалуйста: «прости, маленький, что только тридцать рублей». Вот ду... — писать рука не налегает, — но, может быть, поймешь. Сколько же ты себе-то оставила? Двадцать ру<блей>? Пожалуйста, не смей делаться тоньше, а то что ж это будет — только одни уголки и останутся, а все остальное — погибнет. Нет, уж, пожалуйста, будь поальтруистичней. Лучше ешь, изящней одевайся, форси — вот и найдешь употребление своим деньгам. А я, миленькая, с августа сам буду получать 225 — так что сядь в лыву, не угнаться тебе за мной. — Часть твоих денег я, вероятно, отдам Елиз<авете> Ив<ановне>. Я был у нее в субботу — ненадолго. Вероятно, знаешь, что она скоро уезжает.

Относительно Крыма и прочего — поговорим после. Я не знаю, как ты для себя считаешь возможной эту поездку: а твои обязанности — ведь, они тебя приковывают к месту. А если ты не прикована — так может быть, лучше поедешь в Знаменитую Лебедянь?

Вообще скажу, что ты, по обыкновению, соблазняешь меня, несчастная Ева. Конечно, пробыть свободное время в Вашем обществе — милой девушки — скромненькой-скромненькой — мне очень улыбается, но моя бедная литература! Она, ведь, тоже меня ревнует — к тебе. И тоже соблазняет меня. Напиши о твоих планах.

Вчера Елиз<авета> Ив<ановна> передала мне полученные на твое имя (на Матвеевскую)¹ две бумаги: одна с предлож<ением> от Харьк<овской> Упр<авы>, другая — из Петербургской. Хотел вчера о Петерб<ургской> послать тебе телеграмму, но оказ<алось>, что в Нов<о>-Михайл<овском>² телегр<афа> нет. Да потом решил, что уж поздно, и нег резона тебе переселяться в Питер, да и деньги забраны.

Е

P.S. Да, еще одно может быть употр<ебление> для твоих денег: Veritas-Progress, № 30800 из чистого золота. № 0 или 1³, какой велишь?

1. Матвеевская ул. в Петербурге — продолжение ул. Широкой за Большим пр.

2. Село Ново-Михайловское Екатеринославской губернии.

3. Речь идет об акушерско-гинекологическом инструментарии.

№ 32

22 июля 1910 г. Сестрорецкий курорт

22/VII 10.

Девушка, скромненькая-скромненькая (твоя!). Я, к сожалению, уж соскучился по вашим ручкам. Нет, не там, где пальцы, а выше, еще выше, где они такие милые — особенно, когда вы их согнете; кроме того, — там очень милые маленькие волосы.

Кроме того, если бы вы сидели в кресле — я охотно посидел бы на полу около вас, обнявши ваши милые ноги, и целовал сквозь платье милые колени, клал бы на них голову — с горячими щеками. Больше я ничего не хотел бы (а может быть, и вру?).

Девушка, как быть, я прихожу все же к выводу, что я к сожалению...

Правда, есть другие девушки, которые занимают меня, как непрочитанные книги — которые хотелось бы раскрыть и прочитать.

Правда, есть женщины, вид которых действует на мое (испорченное?) воображение, на чувственность.

Но девушка, которая дорога мне, которую мне может быть жаль, страдания которой больны мне — такая одна. Конечно, я говорю о «сейчас»; конечно, можно добавить ко всему сказанному «увы» — потому что это не совсем вяжется с моими теориями. Но все же, к сожалению...

Девушка, ты мало мне пишешь. Мне можно писать сейчас меньше. Все, что я написал — ты уже знаешь. Ничего нового в моей жизни нет.

А у тебя, ведь, новая рамка, в которую ты, милая картина, вставлена. Так напиши мне о рамке.

Что это за Ново-Михайловское, где ты живешь? Что там — поля, заводы? Где ты живешь, у кого? Что за люди с тобой? Что за комнатка твоя? Что ты ешь? Страшно ли с больными? Много ли? Были ли какие-ниб<удь> очень интересные? Как твоя милая матка? Все болит, так же, или меньше? Уже были menstrua? Была рада, девушка?

Вот ответ-ка мне. Да ответ-ка еще на вопросы, которые были в первом письме (закрытом, посланном в Нов<о>-Мих<айловское>; ты получила его?)

Теперь, девушка, обо мне. Я жил наверху (в комнате с балконом) очень недолго. Однажды ночевал в городе (утром нужно было ехать на завод, ночевал — не думай, что где-нибудь — у одного инженера моего), вернулся домой — оказывается соседка моя (по комнатке с балконом) заболела. Что-то вроде холеры. Переполошились, выписали ее сестру, которой мне и пришлось уступить комнату. А я опять — вниз. Недельку спал здесь хорошо — и, значит, чувствовал хорошо. Два дня — опять скверно. Много работы, приходится иной раз с 7 час<ов> утра ехать в город.

Пиши же, девушка.

Е.

№ 33

27 июля 1910 г. Сестрорецкий курорт

27 июля. 10 г.

Девушка, дорогая. Сейчас, рядом со мной кипит мое вечернее молоко. Наверху играют на рояли (я живу, конечно, как ты велела, в подвале). За окном тепло и темно. А я с ужасом думаю, насколько глубоко ты вошла в меня, бессовестная, как тебе не стыдно. Совсем — я уж никогда не буду в состоянии вылечиться от тебя. Разве когда-нибудь на время и немного. А сейчас, как увидишь из письма, ради тебя я изменяю даже своей жене — литературе.

Да, девушка, я о том, что уже скоро август и я свободен на месяц. Что с ним сделать, с месяцем? Твой план, девушка, во всяком случае, слаб. Сообрази, сколько дней я потрачу на дорогу к тебе, дороге домой, дорогу в Крым. Считай на все не меньше недели. Итого, выйдет — неск<олько> дней у тебя, неделю дома и неделю в Крыму с Вами, милая девушка. И никакого основательного впечатления от всего этого: и тут, и там этой неделей будет только по губам помазано, а все эти переезды страшно утомят. А я и так страшно устал сейчас. Уж 1 ½ недели отвратительно сплю; три дня подряд головные боли (бедный маленький!). Я хочу отдыха на одном месте. И потому предлагаю тебе на выбор несколько планов. 1-ый, по-видимому невыполнимый для обоих, — это, чтобы я ехал просто домой, сидел там и писал. Так я сделал бы, если б не был отравлен тобой, девушка. Но так как... — то 2-й план, — столь же радикальный, как и

первый, но в другом направлении: мне не ехать домой, а ехать с тобой, маленькой девушкой, куда-нибудь в глухое место у моря в Крыму. Неважно, будет писаться или нет — скорей всего нет — но зато, девушка, что это будет за месяц! Ведь мы с тобой в море-то вместе так ни разу и не купались, так и осталось пока в сказке, а все остальное вышло: нужно, как будто, чтобы и это вышло. Я уже расспрашивал сегодня. Есть, напр<имер>, говорят, очень чистая (чухонская) деревушка, верстах в 25 (на лошадях, подумай!) от Севастополя, где хорошо кормят, море, дешевая жизнь. Там бы тебе и мне отдохнуть, покупаться, не очень безобразничать, (но немного — можно?), погулять. Чтобы не тратить даром времени — либо я уеду попозже (числа 20-го), либо ты — раньше 25-го. Потому что едва ли очень хорошо у тебя в Старо-Михайловке и едва ли мне стоит жить там неделю — 1 ½. Вместо этой чухонской деревушки можно поселиться в Феодосии или Евпатории: там я знаю наверное — чудесное купанье, дно — бархат, вода — алмаз. Или там, где ты захочешь. Если б тебя перевели в какое-нибудь село, где бы тебе было мало работы, чтобы ты могла отдохнуть, мог бы, конечно, и я жить там этот месяц. Но, девушка, пожалуй, тебе нужно поосновательней отдохнуть. Мне-то твой лихорадочный вид совсем не нравится.

Мой третий план — это мне и тебе поселиться в Лебедяни. Откармливание, теннис, Дон, дом, план которого я тебе рисовал когда-то. Но не знаю, насколько тебе туда хочется. Если не очень — не надо. Потому что боюсь, что мне больше хочется быть с тобой только вдвоем. Хотя, может быть, условия жизни там, в Леб<едяни>, будут и лучше, и бесплатно. Но ведь мы с тобой до сих пор за деньгами очень не гонялись.

Мать по этому поводу пишет: «Очень бы хотелось видеть вас обоих у нас. Раньше я приглашала тебя просто вместе с нею (это ты, стало быть, девушка). Теперь, в виду неуспешности такого приглашения формулирую его иначе: я и отец твой шлем приглашение Людмиле Николаевне приехать. Ей тоже, вероятно, не мешает отдохнуть от Питера и работы в нашем затишье. Напиши ей об этом».

Но выбирай, девушка, то, что тебе искренно больше по душе. Не думай, чтобы меня огорчило то, что я не поеду к родителям. Я же говорил уж тебе, что ничьи огорчения меня ничуть не огорчают, кроме твоих.

Так вот, пиши, дитя, поскорей. Может быть, я выеду даже числа 10 августа или 11. Выеду, куда велишь. Мне хочется, девушка, прикоснуться к тебе, побыть с тобой — поскорей. Я так устал. Дай мне отдохнуть (но только не забудь — не мучь меня).

О том, что ты писала мне о Коняеве¹ и моем аскетизме — я думал, конечно, потому что мне приходилось (да и приходится) от аскетизма плоховато. Но не делал этого — не из боязни «измены» — потому что это «изменой» я не считаю. И даже, может быть, не из любви к тебе, а просто из эгоизма: потому что был бы тогда какой-то налет на наших ласках,— таких чисто — прозрачных, до слез. А соблазны и возможности — были.

Девушка, дай твой телеграфный адрес.

Не пишу я, девушка, потому что устаю страшно. По праздникам днем занимаюсь часов до 2-х туалетом (чищу, глажу, пришиваю), потом иду на душ, читаю газету, брожу в парке. Или сижу с хозяйевыми, играю в крокет, теннис.

Велишь, девушка, привезти тебе золотой прибор?

1. Коняев Валериан Семенович — врач, заведовал частной водолечебницей в Петербурге на Большой Московской ул., 6.

№ 34

1 августа 1910 г. Сестрорецкий курорт

1/VIII 10.

Девушка дорогая. Кажется, ты меня чуточку разлюбливаешь уже. Так мало пишешь. Раньше, бывало (когда я еще не был Вашим мужем), когда разъезжались — ты писала мне чаще.— А я, девушка, к сожалению, вижу, что ни капельки не смог тебя разлюбить. Наоборот, чувствую себя в этом отношении еще хуже. Из всего, что было у нас — все мучительное, что ты мне давала — я как-то забыл, а бесчисленное хорошее — упрочилось, отпечаталось на чем-то и положено у меня вместе со всем моим самым любимым. И хочется повторить все это, хорошее, достигнуть чего-нибудь еще более лучшего и менее омраченного. Так-то Люсинька (когда — я один о тебе думаю, я тебя всегда так зову).— Получила ли ты мои два закрытых письма — из них последнее, заказное. Когда ты долго молчишь — это меня, девушка, беспокоит. Отвечай, девушка, поскорее.

Е.

2 авг. 10 г.

Так вот ты как, бессовестная девочка. Уже другой кто-то, не я, может вызвать в тебе — чем бы то ни было, словами, касаниями, взглядом — те желания, к<оторы>е раньше мог вызывать только я? Нет, правда, девушка — ты стала меня немножко разлюбливать. Ну, Бог с тобой. Я не стал еще. Наоборот.

...Пламенные образы, мысли... Не спала ночь...— Девушка, я думал сейчас — когда читал твое письмо: если бы я написал ей не то, что пишу, а написал бы: «я разлюбил тебя» — вероятно, она в такую ночь могла бы отдаться этому, другому, и, может быть, забыть меня. Так показалось. Немножко грустно было читать твое письмо. И радостно — потому что так много жизни в нем чувствовалось: так ты молода еще, горяча, полна желания любить. Я рад.— Подожди немножко, девушка, и побереги для меня свою любовь: я, ведь, скоро приеду — ну, неделки через 1 ½. Тогда — в томные ночи — ты будешь томной. Ничто не будет висеть над нами. Девушка, мы будем счастливы. Девушка, подожди меня — как я тебя жду.

Из твоего письма я вижу, что ты одного моего закрытого письма — уж наверное не получила. Я послал его перед получением твоего от 17 июля — вероятно, числа 14—15. Спрашивал тебя о сотне вещей. Говорил много ласковых слов. И оно пропало.. Жаль. Получила же ты хоть следующее мое закрытое, заказное, посланное после получения твоего. Там я писал о планах использования моего свободного месяца: либо мне поехать домой и писать (с коротким заездом к тебе — но я этого не хочу); либо — нам с тобой, девушка, поехать на месяц в Крым, либо — нам с тобой — поехать в Лебедянь, на месяц. Пиши скорей. Я выеду числа 9—10 или 13—14.— Ты ни разу не написала, как добраться до тебя. Может случиться, что после этого моего письма я уж не успею получить от тебя ответа. Если не получила заказного моего и не напишешь, где мне слезть — будь добра, телеграфируй: название станции (Рутченково¹, вероятно?) и — как дальше — лошадьми? Если успеешь — напиши, что нужно тебе купить.

Вчера еще послал тебе письмо — закрытку.

1. Станция Рутченково в Екатеринославской губернии.

11 авг. 10 г.

Девушка, дорогая. Мне очень трудно не уезжать до 20-го, как ты велела: потому что я очень устал и уж привык к мысли, что уеду 6—5 (и мог бы). И вдруг ждать еще две недели, а может и больше. Больше вот почему: если ты можешь покинуть работу только 1 сент<ября>, а не раньше, не 23—24 авг<уста> — так мне нет смысла выезжать 20-го и жить неделю в Екатеринослав<е>. Еще меньше смысла заезжать на 3—4 дня домой, только раздражить там, так сказать, аппетит и уехать: это будет почти твоим старым, негодным планом. А так 20-е для меня удобно: 21 — суббота, мой свободный день, 22-е — воскресенье, так что я зажуливаю у «них» 2 дня и считаю отпуск с 23 авг<уста>. Самым лучшим было бы, по-моему, нам встретиться в Синельникове, и оттуда прямо в Севастополь. Конечно, нужно предварительно мне известить тебя о своем выезде телеграммой, ну, из Москвы, что ли. И хорошенько списаться предварительно (а я не знаю даже твоего теперешнего адреса: Бог тебя знает, где ты теперь — дойдет ли скоро письмо). Сначала я думал поехать в Кобулеты (около Батума¹), но туда из Севаст<ополя> пароход идет долго, не стоит терять время. Так что лучше — около Севастополя где-н<и>б<удь>, или Евпатория, Балаклава.

Телеграфируй мне число, когда ты можешь ехать.

Е

13/VIII

Девушка, милая. Ты что-то молчишь. Где ты? Написал письмо (11) и не отправил — ждал твоего нового адреса. Но пока все нет. Отправляю заказным по старому адресу. Авось дойдет. Буду ждать твоей телеграммы — когда ты сможешь уехать и где нам встретиться — в Екатеринослав<е> или в Синельникове. Я сейчас смотрел путеводитель — оказывается мне можно ехать, судя по карте, на Витебск, Жлобин, Конотоп, Ромодан, Кременчуг, Екатеринослав. М<ожет> б<ыть> в Екатеринослав<е> встретиться лучше, чем в Синельникове? Телеграфируй же: число, когда ты будешь свободна, и где встретиться велишь. (Если будешь очень долго молчать — уеду домой). Но как мне тебя найти в Екатеринослав<е>? На станции?

— Кстати, вопрос о деньгах. Может быть, тебя стеснит эта поездка — потому что ведь мы все-таки порядком протранжирились. Так

тогда не надо, хоть мне и хочется. Поедем в Лебедянь. Там тоже хорошо.

Итак, я жду, девушка, ответа (я послал тебе телеграмму 8-го²).

Когда вернемся в Питер — вероятно, будем жить на улице: все комнаты уж будут заняты.

Жму, девушк<a>, твою ручку.

Е

1. С 1 августа 1910 г. Замятин был назначен на должность техника 9-го разряда Управления работ Потийского порта с Батумом и Сухумом (см.: *Дело о службе инженера Замятина*. Л. 24—25).

2. Телеграмма не сохранилась.

№ 37

15 мая 1911 г. Петербург

15 мая 11 г.

О, Госпожа Мирла. Бесконечна повесть моих испытаний.. Впрочем, сначала две мелочи,— чтобы быть ближе к истине. В день Вашего отъезда, вернувшись домой, укладывал в шкаф Вашу черную шляпу. И, укладывая, должен сознаться,— поцеловал ее. А на другой день утром — несколько раз сказал вслух: «Мирлинька, Мирлинька».

Но договорить едва ли успел как следует — потому что пришли Никольский¹ и Лавров² и объявили, что едут в Лесное на идиотский (= спиритический) сеанс.

Поехали часов в 5. Яков³ был мрачен. Попили чаю, часов в 10 пошли гулять; гуляли до 11 ½. В 12 сели за столик. Яков отказался, ему-де Некраш⁴ запретил. Из упрямства сидели одни, без Якова, дураками с полчаса. Потом позвали Якова. Ничего интересного не вышло (хотя и то, что выходило, очень заинтересовало Коган-Бернштейна⁵). Яков хулиганил. Я разозлился, наконец, на дурацкое времяпрепровождение и первый бросил (вот умник!).

В город поехал с 2-х часовым трамваем. В 3 был в городе. Домой не решился итти: утром пришлось бы, значит, встать в ½ восьмого. Пошел в гостиницу на Широкой⁶ (несколько известную Вам). Встал в 9 ½ (с 4-х или 3 ½ — около 6 час.). Как только встал и попил кофе (у Филиппова⁷) побежал искать комнату. После службы то же. Ночевал опять на Широкой. На этот раз лег рано — часов в 12 (раньше помешали лечь те же Никольский с Лавровым). Часов до 4-х спал хорошо. Но в четыре — в соседний номер пришли какие-то маль-

чик и девочка и Бог знает, что там делали. Спал опять часов 5—6. Утром опять искал комнату; после службы — опять. — Такое времяпровождение — в сплошном бегании по лестницам — было все дни, включая четверг. А ночи — не выспался в гостинице. Извелся ужасно. Только в четверг нашел свое теперешнее обиталище: Гейслеровский пер<еулок>, д. 27, кв. 40. Вы помните этот дом: там живет Неслуховский⁸. Две больших комнаты, в одной — рояль, с ванной, электрич<еством>, (без присл<уги>) — за 32 руб. Конечно, дешево. Ухватился обеими руками. Но ... сегодня уже разбудили в 7 часов у<тра>: рубили где-то котлеты, ходили и т. д. Посмотрим, что будет дальше. Думаю: уж не выброситься ли мне из 4-го этажа, из своего окна? Или лучше — с аэроплана?

Получил свои 100 из Поти⁹ и 120 — за командировку на «Ермака». За всякими расплатами, долгами, за квартиру, etc — осталось теперь 100. Вера¹⁰ взыскала — 10 р. 50 к. Никитиной¹¹ деньги отдал, не забыл.

Вчера, один-одинешенек поехал на авиацию (вчера — первый день). Там, впрочем, недурно провел время, включая сюда и зрелище гибели авиатора Смита¹². М<ожет> б<ыть> поеду и сегодня, сейчас иду звонить к Никольскому. Во вторник у Никольск<ого> — сеанс.

1. Никольский Вадим Дмитриевич — инженер-электрик, правитель канцелярии Института гражданских инженеров, старший техник Технико-строительного комитета при Министерстве внутренних дел.

2. Лавров Алексей Максимович — чиновник особых поручений при министре путей сообщения.

3. Гребенщиков Яков Петрович (1888—1935) — библиотекарь.

4. Некраш Ликарион Витольевич — управляющий государственных сберкасс.

5. Коган-Бернштейн Яков Давидович — инженер, директор правления акционерного общества спичечной фабрики «Лапшин Василий Андреевич», директор-распорядитель акционерного общества «Вискоза».

6. Гостиница «Европа» помещалась на Широкой ул., 3.

7. Вероятно, в одной из двух булочных Д. И. Филиппова на Петроградской стороне (Большой пр., 32 или 61).

8. Неслуховский Константин Францевич — отставной полковник, преподаватель государственного права на Санкт-Петербургских курсах общества народных университетов.

9. С 13 октября 1910 г. Замятин был назначен инженером 9-го класса в Отделе торговых портов и одновременно исполнял обязанности техника

2-го разряда Управления работ Потийского порта (см.: *Дело о службе инженера Замятина*. Л. 31—36).

10. Смирнова Вера Николаевна — хозяйка дачи в Сестрорецке, где жил Замятин; Сестрорецк, ул. Зарубинская, 19.

11. Неустановленное лицо.

12. Главный авиатор Балтийского вагоностроительного завода в Риге В. Ф. Смит погиб во время полета в день открытия Второй авиационной недели в Петербурге 14 мая 1911 г.

№ 38

25 мая 1911 г. Петербург

29 мая 911 г.

Госпожа Мирла. Я думаю, с некоторым ужасом, неужели я, прежний, над которым не было никакой власти — неужели я прежний погиб? Я уже не могу направлять свою жизнь туда, куда мне захочется — может быть, просто из каприза, из любопытства, из-за случайного движения руки, повернувшей руль? Неужели теперь всегда будет какой-то странный компас, притягивающий мои желания, может быть, даже помимо хотений, — к одному определенному берегу? — И этот берег, конечно, Вы, госпожа Мирла.

Эти две недели я вел такую жизнь, что Ваше отсутствие для меня не было заметно. — Но вот вчера ночью, когда я ехал в поезде из Москвы; я в окно дышал воздухом полей и лесов и смотрел на далекую где-то грозу. — И вот, госпожа Мирла, очень захотелось быть в Ваших Чаплях¹.

Сегодня утром смотрел уже в Петербурге из окна на дождь — и то же, и то же. Увы! («— Лучше бы ты радовался, дурак, что так...» — «Очень надо радоваться. Я хочу быть свободным». — «Дурак, лучше будь счастливым, просто счастливым». — «А я не хочу быть просто счастливым». — «Ну, и дурак». — «А я тебя презираю, за то, что ты заставила меня так..»)

— Не знаю, может быть это потому, что весенняя природа, свежесть, дождь ассоциировались у меня с Вами, — с свежестью, силой и простотой Вашей весенней души. Немного, может быть, усталой — без дождя, но таящей в себе столько жизни.

Посылаю Вам, Госпожа, письмо, полученное для Вас.

Я разозлился на себя из-за Вас. Постараюсь быть своим господином сам.

Евг.

Из Москвы отправил Вам открытку², — получили ли? В открытке написал, что ездил в Москву на съезд³, куда меня командировали вместе с другим инженером.

1. Село Чапли Новомосковского уезда Екатеринославской губернии — ныне заповедник Аскания-Нова.

2. Упомянутая открытка не сохранилась.

3. С 14 по 22 апреля 1911 г. в Москве проходил Всероссийский съезд фабричных врачей и представителей фабричной промышленности. Факт участия в работе съезда не подтвержден: в списках участников его фамилии не было. По данным департамента полиции, Замятин, будучи в Москве в мае 1911 г., останавливался в гостинице «Метрополь» и 24 мая выбыл в Петербург, «за его прибытием было установлено наблюдение» (см.: ДП—4. Л. 2—3).

№ 39

30 мая 1911 г. Петербург

30/V—11.

Мирла, да напишите же мне, что за Чапли и как там Вы себя чувствуете; я ведь получил только открытку с адресом. — Боюсь, что со мною начнется прошлогодняя летняя история. Кажется, я очень.

Е.

№ 40

5 июня 1911 г. Петербург

5/VI—11.

Мирлинька, родная моя, Мирлинька, любовь моя, — ты победила. Твое маленькое милое тело, — такое близкое мне, твоя душа, — суровая, — и нежная, дикая, — и женская и непонятная мне еще до самой своей глубины — победили. И так мучительно, что вот сейчас, вот сегодня же — не могу положить головы на твои милые грудки, или на твой нежный живот — и долго лежать так, и видеть, как ты лежишь с закрытыми глазами и с улыбкой твоей. Мирлинька — ах, скорее бы, скорее бы.

Как я живу, или лучше, как жил — в подробностях я не писал потому, что ждал конца, чтобы написать тебе обо всем сразу.

С 17 или 18 мая здесь, в Петербурге, жила Мария Андреевна. Жила — потому что теперь она уже уехала. И потому, что она умерла для нашей — для твоей и моей жизни.

Я очень часто виделся с ней. Неделю или 1 ½ это очень занимало меня. Я добился того, что целовал ее. Нет, не до конца,— мне важней всего было начало.

И вот тут-то я почувствовал, насколько безмерно слаже для меня и дороже — твои руки и губы, такие родные,— твои ласки, уже слившиеся с моим существом. На некоторое время эта твоя власть даже издали — возмутила меня, мою самостоятельность. Я написал тебе письмо — ты, верно, его получила.

Но потом я почувствовал такую радость, что смогу написать тебе то, что пишу,— что теперь ты, ты — моя единственная. И я — отдался тебе.

Некоторое время я продолжал еще свою игру: теперь я ясно ощущал, что это — игра, а раньше — бог знает, иногда я сбивался.

И вот на прошлой неделе — три или четыре вечера — я сплошь издевался. Это делалось очень тонко, красиво. Несомненно, я был интересен и остроумен, как давно не бывал. Я играл с подъемом, с наслаждением — потому что я мстил.

Несомненно, что она полюбила меня. И тотчас же мой интерес к ней упал, как только я с достоверностью узнал это. Чтобы вылечиться,— мне необходимо было это.

Раньше в мой план входило больше: заставить ее отдаться. Но теперь я раздумал: слишком страшно было, что это станет призраком между мною и тобою,— если б ты даже и сумела забыть это. Может быть, так сладостно, как ты это делаешь — ты уж не сумела бы отдаваться мне.

Итак, повторяю, я ограничился немногим и скромным. И в конце концов, совершенно откровенно объяснил все мелочи игры и учтиво поблагодарил за участие в спектакле.

Надо отдать ей честь — она сумела прилично выйти из своего униженного положения, совершенно откровенно назвавши его своим именем. Оскорбление,— поднесенное мною, конечно, в изящной и корректной форме — было огромно. Это был конец.

Мне жаль было — не человека, а эпизода, с начала до конца выдуманного мною, но именно, в силу выдуманности, красивого, тонкого, острого, фантастического, безжалостного, насмешливого.

Вероятно, я попробую теперь предать прах его бумаге, предвзвительно изукрасивши.

Вот тебе — моя исповедь. Ты видишь — я говорю все, не скрывая. Может быть, теперь правда между нами будет более полной. Может быть, теперь мы будем еще ближе. Потому что теперь,— не знаю, надолго, или больше, чем надолго — ты — единственная.

Мне очень нужно, чтобы ты написала мне поскорей.

Евг.

№ 41

11 июня 1911 г. Петербург

11 июня 11 г.

Мирлинька. Я хотел тебе писать только после того, как получу твой ответ на мое последнее письмо (посланное ровно неделю назад), заказное. Хотя и был большой соблазн писать, потому что я получил два твоих письма, и из них особенно последнее (от 3 июня) — было такое нежное и сильное.

Случилась одна забавная история, из-за которой пишу, не дожидаясь твоего ответа.

Видишь ли, Мирлинька, меня, наконец-таки, самым настоящим образом высылают из Питера. Все же миленькие дали три—четыре дня сроку.

За эти дни я, конечно, прежде всего переберусь в Сестрорецк; попробую к Вере Николаевне; может удастся там жить, не прописываясь, или, по крайней мере, оттянуть прописку. Вот, на всякий случай, ее адрес: Сестрорецк, Зарубинская ул., д. 9, дача Смирнова. Или вот адрес Вадима Никольского, к^{оторо}му будет известен мой адрес, если не удастся устроиться у Веры. Петерб^{ургская} стор^{она}, Съезжинск^{ая} 8/1, кв. 11, Вад^{иму} Дмитр^{иевичу} Никольскому. Т^{ел}е^фон^ы 476—66.

Прежде всего я постараюсь уладить эту историю через Боклевского и других. Надежды, что удастся устроить сейчас же — не очень много. Если не удастся — придется устроить свой отпуск теперь же и попробовать что-н^иб^{удь} сделать в течение этого месяца. Жить долго, хотя бы и в Сестрорецке, и ездить каждый день в Петербург — рискованно, потому что, если заберут — то месяца три отсидки: не очень-то лестно.

Так вот. Вероятно, через несколько дней я уеду. Больше всего мне хотелось бы поехать к тебе и забыть все около тебя. Но не знаю — хочешь ли ты этого. Бог знает.— Ответь мне. Лучше всего на Вадима; другого адреса я пока не придумал.

Мирлинька. Помнишь, однажды я говорил: хоть бы меня выслали,— чтобы быть с тобою, далеко ото всех. Это случилось, почти.— Жду ответа.

Е.

Так пиши или телеграфируй по адресу Вадима.

№ 42

13—14 июня 1911 г. Петербург

13/VI—11. 10 час. веч.

Я получил сейчас твое письмо. Спасибо тебе, Мирлинька, родная моя. Мне лучше от него. Особенно тяжело мне было бы быть теперь одному. А, ведь, кроме тебя — у меня никого нет близкого на свете.

Мирлинька, Мирлинька,— попробуй представить, как я рад был твоему письму. И все-таки, как его мало, как нужна твоя хоть самая маленькая ласка: погладила бы немного лицо или голову, немножко прижалась — и все бы с плеч.

Да. Но я пишу так, как будто уверен, что мое вчерашнее письмо ты получила. А, ведь, на самом-то деле — бог знает. Вчера — воскресенье, заказное нельзя было послать.

Так, вот, Мирлинька,— я повторю в двух словах.— Вчера утром меня вызвали в участок. Охранка докопалась: что я — я, и предложила мне в три дня убраться из Петербурга.

Я пробую устранить высылку¹ и, главное, последствия ее — выставку из Министерства. Переезжаю завтра в Сестрорецк к Вере Ник<олаевне>. Адрес: Сестрорецк, Зарубинская ул., 19, дача Смирнов<а>. Его высокор<од>ию Георг<ию> Георг<иевичу> Смирнову² для Евг<ения> Ив<ановича> (фамилии не надо).

Сегодня утром съездил к Боклевскому. Он не подает особых надежд на благополучный исход. Единственное, что он хочет сделать — это поехать в Отдел и переговорить со всяким начальством. Но это мне не очень надо.

Больше всего меня огорчает, что придется служить где-н<и>-б<удь> на заводе,— в Николаеве, в Сормове. Заморская служба — заест. Был бы рад, если б удалось перевестись куда-ниб<удь> на юг по Отделу же Торг<овых> Портов. Но едва ли это удастся.

И еще огорчает: как же я буду без тебя, по крайней мере, ½ зимы. А, ведь, с чем—с чем, а с этим-то придется мириться. Да и дальше: неизвестно, ведь, кого ты больше любишь — меня или Питер..

Завтра решится многое, так как я пойду с покаянной по начальству. Если удастся отвести высылку — проживу в Сестрорецке до начала ию<л>я. Буду чуть не каждый день писать тебе — Мирлинька, единственная моя. Мое все.— Я особенно остро чувствую это сейчас: как бы нестрашно, может, даже весело было бы мне, если б была ты со мной.— Так вот, если удастся прожить до начала июля,— то в 1-х числах приеду прямо к тебе — мимо родителей. Ведь моя мать — ты. (Родителям я сейчас даже ничего и не пишу: одной тебе).

Если ничего сделать не удастся — тоже поеду прямо к тебе. Тогда телеграфирую.

— Не знаю, успею ли приписать что завтра утром.

Мирлинька, любимая моя. Еще раз — спасибо тебе за письмо.

Мирлинька, девушка моя — ах, как я устал, как устал. Вчера спал очень мало. Поскорее бы все кончилось — как-нибудь.— Усталость еще хуже от нестерпимой жары, небывалой: 35° на солнце, 29 — в тени. Задыхаюсь.

Е.

14/VI.

Сегодня спал часов около 8. Чувствую себя несколько лучше. К счастью, солнце иногда скрывается за облаками. Все размышляю о том, как уладить свои дела и куда потом девать себя. И куда хотела бы ты, чтоб я устроился,— если уж нельзя будет оставаться в Питере? — На Ижорском заводе — под Петербургом (если только можно), или на Коломенском — под Москвой, или на Сормовском — в Нижнем Нов<городе>, или на Николаевском? Напиши.

Е.

1. Замятину удавалось до этого времени избежать высылки из Петербурга благодаря ошибке, допущенной в материалах департамента полиции: в приказе о воспреещении жить в столице Замятин был назван студентом Санкт-Петербургского университета. Это позволяло ему каждый раз при встречах с полицией «заявлять, что воспреещение относится не к нему» (ДП—4. Л. 1). Эта «ошибка» была исправлена в июне 1911 г., и Замятин должен был выехать из Петербурга (см. также примеч. 1 к п. 15).

2. Смирнов Георгий Георгиевич — гвардии капитан, служил в артиллерийском комитете Главного артиллерийского управления.

15/VI—11.

Извиняюсь, что пишу карандашом и на такой бумаге.— Но, Мирлинька, мне, чуть ли не нелегальному теперь — простительно.

Мирлинька, я так одинок теперь, и такая радость даже это — написать тебе.

— Я сижу в комнате среди полного хаоса. Все уложено. 11 час. вечера.— Завтра уезжаю к Вере.— Вчера в мое отсутствие приходили околоточный, городской и старший дворник — «напомнить» мне о выезде. Сегодня, час<ов> в 9, уже при мне — пришли околоток и старший дворник,— и тоже напоминали. Но — все же я остался, хотя трехдневный срок истек сегодня в 12 час. дня.

Сегодня я был в градоначальстве. Подал бумагу, в которой, в некотором роде, вламываюсь в амбицию. Сумлеваюсь, штоп..— Боклевский пока пальцем не шевельнул. Завтра утром еще буду телефонить ему. Ты видишь — так я не сдаюсь. Все же жаль, что это вышло все не зимой, не раньше: тогда скорей можно было бы уладить — через каких-ниб<удь> почтенных особ, которые летом разъезжаются по имениям и заграницам. Прямо беда — никого нет.

К счастью, теперь я уже не без денег. Вчера получил за май 96 руб., а 20-го (если доживу) — получу за июнь — 100.

Устаю эти дни страшно. Извелся совсем. Бегаешь туда—сюда, ждешь, все же, как-ни-как, несколько волнуешься.— Вчера, несмотря ни на что, имел глупость пойти на «спир<итический> с<еанс>» к Никольскому. Был Яков Гр<ебенщиков> и «отец лжи» Ликарион¹, который только позавчера приехал. Просидел зря — ничего интересного не было до 2-х часов с хвостом. А проснулся сегодня — ½ восьмого; заснул часа в 3 ½. Итого...

Ах, как надоела вся эта канитель — уж выслали бы что-ли скорей окончательно. Так устал. Отдохнуть бы.

Спасибо тебе, Мирлинька, девушка моя дорогая, за последнее письмо — со снимками. И за твою великую и красивую любовь. Подожди, Мирлинька, кто знает,— может быть, я и сумею отплатить тебе за нее.— Я и раньше много себя — отдавал тебе. Теперь, мне кажется, я совсем перестаю бороться с тобой, я отдаюсь тебе.

Вот, возьми меня...— Мирлинька, как теперь я буду тебя любить, после того, как сказал: «ты меня победила».

Мирлинька, помни же, что ты у меня — одна сейчас, и пиши мне почаще — на Верин адрес, к<оторы>й я уже давал тебе, или,

если случайно не получила — на Отдел Торговых портов (Мыгнинская набережная 5/7)². Нет, лучше на Веру.

Девушка, становлюсь на колени перед тобой, целую сквозь платье обе твои грудки по очереди, очень долго. И иду спать. Я очень устал, Мирлинька, измучился.

Е.

16/VI.

Выспался. Настроение лучше. Не то, чтоб я оптимистически смотрел на исход дела,— нет. Просто, не так грустным представляется мое будущее вне Петербурга. Ведь мы еще молоды...

Сейчас перевезу вещи временно с этой квартиры на Широкую³, к швейцару, а часов в 5 — к Вере. Завтра опять напишу тебе.

Е.

1. Л. В. Некраш.

2. Отдел торговых портов Министерства торговли и промышленности находился на Мыгнинской наб., 5/7.

3. В гостиницу «Европа» (см. примеч. 6 к п. 37).

№ 44

19—20 июня 1911 г. Сестрорецк.

19/VI—11 г.

Мирлинька. Перед открытым окном зеленый луг, с желтыми и розовыми цветами, картофельное поле и дальше — лес. А если приглядеться — то видно, как сквозь деревья сверкает вода.

По утрам я хожу купаться. В ту самую купальню, где однажды вечером ты так долго лежала у меня на коленях, и я так тебя целовал.

4 комнаты внизу и три — сверху. Пока сверху, кроме меня, никого нет. Маленькая комната с большим окном: похожа на ту, в которой жила ты зимой. Стоит красная кушетка, твоя,— пропитанная нашими ласками. Твой круглый стол, с твоей черной скатертью. Этажерка, шкаф.

Дни переменчивые. Облака, жарко, дождь, холодно, ветер. По вечерам — туман, гонят мимо коров. Становится очень тихо, по-сельски. Кукует кукушка. И когда стемнеет — долго лают собаки.

Тогда, Мирлинька, я начинаю думать: ах, если бы ты была здесь, со мною наверху, вдвоем, только вдвоем.

И начинаю мечтать,— да, если хочешь, это лучше всего назвать так.

... Если я останусь в том же забавном положении, как и теперь: буду жить здесь и каждый день ездить в город. В конце концов — это не так уж грустно.

.. И вот, август, сентябрь и октябрь. Вера говорила, что за пустяки отдаст кому-ниб<удь> на зиму весь дом.

.. Дождь бьет в стекла. Завывает ветер. Сумерки, — которые были бы ужасны, мучительны, тоскливы, — осенние сумерки, с бесконечным дождем. Но мы здесь, в этом доме, одни, вдвоем. И вся тьма — только черная рамка к яркой, — еще более яркой от черноты, — картине.. Мы — вдвоем. Вдали лают собаки. Воет осеннее море. Голые, мертвые деревья. А мы — на ковре, у зажженной печи, нашими ласками смеемся надо всем, побеждаем все...

Мирлинька. Разве это так невозможно? Отложить решение вопроса до осени, — пока не приедут члены Думы, кой-кто из моих знакомых. А пока, после конца отпуска, — с середины августа — до середины октября прожить здесь. Тебе — нужно готовиться к экзаменам: мне — нужно быть с тобой, — может быть, писать. Кроме друг друга — нам никого не нужно. Осенью будет так похоже на Ивановское¹. Но лучше, но лучше: без призраков.

Не знаю, может быть, эти несколько дней купанья, свежего воздуха подействовали на меня, — но я чувствую себя лучше и равнодушно отношусь к своей судьбе. Или уж привык к этому. Но только — с аппетитом ем, лежа на красной кушетке — с наслаждением читаю, хорошо сплю. Сегодня проснулся в 10 час<ов> (лег в 12 ½).

Но, Мирлинька, прости меня, ради Бога: видел сегодня во сне девушку (— «И...?» — «И!»). Какую-то девушку с луны — ростом вдвое больше меня. И позавчера — то же самое. Мирлинька, прости. Но все же чувствую себя недурно. Купался сегодня два раза (до купанья — мин<ут> 12).

Вообще — с конца мая я начал было уменеть. Просыпался в 10, в 10 ½. Покруглела было физиономия. Но за эту неделю — все спустил. Только теперь опять начинаю приходить в себя. — Жду тебя увидеть, Мирлинька, толстой. Особенно позаботься о милых моих грудках. Пожалуйста, каждый день поливай их, и — уж так и быть — пусть солнце их побольше целует. А уж потом буду — я.

Теперь — о делах. Со среды — не был в градоначальстве, потому что в субботу хотел туда поехать Боклевский, и я ждал результатов его поездки. К сожалению, оказалось в субботу градоначальник не принимает. Так что — ничего нового. Боклевский напишет только письмо. Может быть, — пойду в понедельник. Если результаты будут очень убийственные, безнадежны, так что пока не стоит и начи-

нать хлопоты, — то постараюсь перевестись в Херсон — есть вакансия. — Если результаты будут небезнадежны — то либо хлопочу через свое начальство, либо — остаюсь здесь, езжу на службу, так — до начала июля, и потом — к тебе. С тем, чтобы осенью жить опять тут, но (быть может?) уже вдвоем.

И, наконец, если победа!..

20/VI.

Решил, Мирлинька, опять сегодня не итти в градоначальство. Потому что Костино письмо Драчевский² получит только сегодня; нужно дать время этому письму подействовать. Если меня окончат<ельно> выставили из Питера, — так все равно, приеду в понедельник или вторник; если оставили — тоже все равно.

Сегодня утром плотники не дали спать. Хотя и ходил купаться, все же чувствую себя неважно. Ах, Мирлинька, где же ты? Когда теперь получу от тебя письмо?

1. См. примеч. 2 к п. 24.

2. 19 июня 1911 г. Исполняющий обязанности директора Санкт-Петербургского политехнического института К. П. Боклевский направил Санкт-Петербургскому градоначальнику, генерал-майору Даниле Васильевичу Драчевскому ходатайство о разрешении Е. Замятину проживать в Петербурге. Сведения об этом содержатся в ответном письме градоначальника К. П. Боклевскому (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 8. Л. 1).

№ 45

25 июня 1911 г. Сестрорецк

25/VI—11.

Маленькая госпожа моя. Я все еще не знаю, где я и что со мной. Только в среду (22) я был у секрет<аря> градонач<альника> — оч<ень> милый человек¹. Он сообщил, что никакого ответа еще не получено. Рекомендовал обратиться в тот участок, где я жил, да мне неохота. Обещал справиться сам и ответить по телефону. Звонил в четверг, звонил в пятницу, все не удавалось его застать. Сегодня, наконец, дозвонился. — «Пойду, говорит, сейчас к генералу (сиречь, Драчевскому) и справлюсь. Позвоните через час». Звоню через час — нету. Через два — нету... — Откладывается, значит, до понедельника.

Я — все там же. Было бы очень хорошо здесь, если бы не эта история. Да если бы еще ты была здесь. Я — один, на верху из 3-х комнат. Купаюсь, хожу гулять. Хороший лес (или парк) из дубовых

и др<угих> лиственных деревьев. Чудесный воздух. Последние дни чувствую себя физически что-то не очень важно. Позавчера опять приходила во сне какая-то подлая девушка — не помню, не знаю, какая. Если б еще узнать наверное, что это была ты. Ты знаешь, ведь, как мне хочется отдать себя именно тебе.

Сегодня сообщили мне, что на следующей неделе командируют меня дня на 4 на Коломенский завод (возле Москвы). Жаль, если эта поездка оттянет на столько же отъезд в отпуск. И было бы хорошо, если бы удалось совместить то и другое. Да едва ли.

— Получил твое письмо, второе. Первое, в огромном пакете,— не получил еще: Вадим уехал за границу, без него один раз не удалось.

Мирлинька, напиши, до каких пор ты намерена быть в Чаплях и как относишься к плану на часть моего отпуска (конец) поехать со мной в Леб<едьянь>?

Е.

1. Секретарем Санкт-Петербургского градоначальника служил Владимир Николаевич Евреинов.

№ 46

27—29 июня 1911 г. Сестрорецк

27/VI—11

Моя маленькая госпожа. Как приятно мысленно подчиняться тебе и целовать твои руки, ставши на колени. И как я за это же не люблю тебя и себя — за то, что моя любовь к тебе и твоя ко мне — заставляют меня чему-то, кому-то подчиняться,— пусть этот кто-то даже и ты; за то, что я в чем-то стесняю себя, в чем-то обуздываю себя — пусть это делается даже ради великой чистоты и полноты наших ласк, твоих ласк.

Не знаю, что это: моя ли (еще) молодость, или привычка к слишком свободной морали, или испорченность, или, просто, явление физиологической категории — но все эти женщины, которых ежедневно видишь — они, увы, действуют на мое любопытство. Я с удовольствием посмотрел бы, как эта, или другая, или десятая — из неприступной, из богини — становится бесстыдной и послушной. Вероятней всего, я именно «посмотрел бы» на это, откуда-то сверху, улыбаясь, забывая о своем участии. [С тобой, при тебе — я никогда таким не бываю; кроме тебя — меня настоящего, непритворного, пожалуй, никто не знает, не видал.]

И, вот, Мирлинька, как ни странно это для меня, как ни позорно это для меня (— потому что это некоторая несвобода),— я любопытство свое прячу, я не позволяю себе. И кроме неприятного, постыдного — в этом есть и, увы, приятное: мысль о тебе,— что это ради тебя, ради любви к твоей любви,— что ты, маленькая моя госпожа — наградишь меня за это. Приятного, очевидно, больше: потому что все же, ведь, я поступаю так, а не иначе.

Берегись, Мирлинька, моей полной правды; она не очень легкая. Моим духовником человеку немного заинтересованному — быть, пожалуй, не очень-то приятно. Или ты все-таки хочешь быть моим духовником?

28/VI—11. 12 ч. ночи.

Мирлинька, я вот до чего дошел. Сейчас ложился спать. И так захотелось живее представить тебя, летнюю, теперешнюю, что стал разыскивать твои, присланные тобой чапельные снимки. Но они на дне корзинки, на самом дне. И рылся, злился — и не нашел. А так хотелось посмотреть тебя..

29/VI. 11. 2 ч. дня.¹

Да, Мирлинька, я-таки стал порядочным идиотом. Вижу тебя во сне. Утром просыпаюсь и думаю о тебе; иной раз — и не очень скромно. Сегодня утром перечитывал твои чапельные письма: уж это совсем, как ты. Плохо мое дело...— Единственное, что остается — это низвергнуться в пучину слияний, потерять себя и свою индивидуальность, не жить на земле, а переселиться куда-то еще — может быть, на таинственную Венеру. Это манит меня — как пропасть: совершенно, с головой отдаться тебе.

Вчера с утра весь день — очень скверно чувствовал себя (господи, даже спутал: вместо «себя» — написал «тебя»; плохо!). Спина — страсть как болела, голова, язык обложен был, хотя спал час<ов> 8. Думал, что совсем заболел. Огорчился — что без тебя. Но сегодня лучше. Хотя все же спина болит. Не знаю уж, отчего.

Мирлинька, а отчего же Вы так рано заболели 21—22-го? Это что же такое?

У Веры мне жить не очень-то хорошо. Да «нелегальному» где уж очень разбирать. Плотники и маляры приходили по утрам и стучали — не давали спать. А теперь будет еще хуже. В воскресенье придет отец и мать Георг<ия> Георг<иевича>, а потом и сестра его — с

двумя мальчишками. Пропало мое житье. Очень возможно, что на какую-ниб<удь> неделю — 1 ½ придется даже выселиться: не будет места у Веры. Досадно ужасно.— В последнем письме (посланном в субботу — 24-го, кажется) писал, что меня командировуют на Коломенский завод дня на 3—4. Я не очень рад: это утомит, а денег даст руб. 40—50. Раньше я думал уехать из СПб 8-го июля; из-за этой поездки придется, пожалуй, отложить на 14—15. Так что 17—18 буду с Вами, маленькая моя госпожа, буду Вашим. Поеду, как Вы приказали, во 2-м классе. Что привезти, кроме «Венеры» Манна²? Что велишь? Неужели ничего не нужно? — Мои дела с градоначальством, может быть, и уладятся. Я дотелефонился, наконец, секретарю градонач<альника>. Тот говорит, что бумаги отн<осительно> меня нет, но он думает, что все уладится; обещал сообщить мне по телефону в Отдел.

Е

1. Письмо отправлено вместе с предыдущим.

2. «Венера» — третья часть трилогии немецкого писателя Генриха Манна (1871—1950), «Богини, или Три романа герцогини Асси». На русском языке роман вышел в переводе А. Полоцкой в 1911 г. М., 1911. (Универс. б-ка; № 373—375).

№ 47

1 июля 1911 г. Сестрорецк

1-е июля 1911 г.

Во всяком случае — почти 1-е. Потому что сейчас без четверти 12 ночи. Я только что вернулся с своей — одинокой — прогулки. Ходил на берег моря, сидел на камне. Сзади — шумят дубы, впереди — холодный закат и холодный прибой, кругом никого. Сидел и думал об осени. О том, чтобы холодным осенним закатом однажды тут, на берегу, поцеловать тебя. О зиме. Пусть мы живем здесь, в Сестрорецке. Разве плохо тебе, зверенку, побегать зиму на воздухе? И мне, убогому? — И вот — ты в белой вязаной шапочке и в белой кофточке (наверно, будешь беда как мила!). Уж пусть и я в белой шапке — и едем на лыжах. А на коньках — хочешь? — Но как далеко, как далеко еще кажется все это. Даже более близкое — Чапли — кажутся какими-то невероятными, выдуманнными.— Нет, зверенок милый, приеду, приеду. Но боюсь, что позже, чем написал в последнем своем письме (увы, мне — это было написано вчера!). Сегодня говорил с Рождественским¹: не хочет, подлый, расстаться со мной

раньше 20-го. Ну, да я, все-таки, постараюсь кончить все, что нужно, раньше и уехать.

Мерлуша, я так радуюсь теперь каждому твоему письму: так же, как ты, наверно, моим, не меньше — вот те крест. Так ты поэтому пиши мне не ленись. О пустяках, обо всех мелочах твоей жизни: мне будет лестно.

В Коломну еду <в> воскресенье. Но так как пробуду там недолго, ты не переставай писать: пиши, как будто я никуда не уезжал.

Мирлинька. Ой, как я к тебе «хорошо отношусь», ой, Мирлинька. Ветер за окном и потемнело. Как бы нежно я прижал тебя сейчас. А потом сел бы на пол и положил голову к тебе на колени. Мирлинька, Мирлинька..

1-го утром.

Мирлинька, уж сделай одолжение — не желтей, будь толстой — ну, пожалуйста. Да и нечего огорчаться тебе особенно-то за меня. У меня сейчас самое главное огорчение — два дня живот болит: поеду на Колом<енский> завод, угощать будут, а у меня холера.— Мирлинька. Как мне стыдно. Я сегодня... опять... Не знаю, какая-то подлая девушка, презренная...

К Хорошевой заходил раза два, когда жил в городе: конечно, не было дома. Оставил ей свой адрес — не пришла. Теперь не знаю, что с ней. Дал ей и твой адрес.

Сегодня видел Ниша². Яков уехал; он скучает один — без Якова и без духов.

С градоначальством ничего нового.

1. Рождественский Александр Константинович — коллежский ассессор, инженер путей сообщения в Отделе торговых портов Министерства торговли и промышленности, преподаватель Института инженеров; позднее — профессор, автор работ о деятельности портов.

2. Вероятно, Л. В. Некраш.

№ 48

5 июля 1911 г. с. Боброво
Коломенского уезда Московской губ.

5/VII—11 г.

Госпожа моя. 12 час. утра, я только что вернулся с завода,— Коломенского, в свое помещение, отведенное мне здесь. Тут к приемщикам — с сиренью. Есть особый «дом для приезжающих», где каждому отводят номер, с письм<енным> столом, электр<ическим> ос-

вещ<ением>, широченной кроватью (!), кормят и поят. Кроме меня, здесь сейчас живет еще человек пять инженеров.

Но, увы, доктор,— я страдаю: cholera chronica^{*}. Помнишь, как в прошлом году, когда мы жили на Матвеевской. За эту неделю, с прошлого понедельника до этого,— я попробовал пообедать всего один раз, на Петров день (показалось, что выздоровел) — и увы, еще хуже. Питался все время бульоном и чаем. Подвело меня — так прямо страсть. Я уж и салол пил, и Гуниади-Янос¹, и опять салол с бензо-нафтолом,— все никакого толку. Вчера, наконец, пошел к тутошнему доктору (как все почти доктора,— очень мил) и получил от него бисмут с опием. За обедом — с завистью смотрю, как едят всякие колбасы и закуски и скромно ем бульончик и манную кашку, маленький ребеночек.— Вчера чувствовал себя очень скверно, болела голова, слабость,— может, потому еще, что не выспался в дороге. Сегодня ничего.

Здесь на заводе работают два моих товарища морских инженера. Забавно, что один из них как раз строит те шаланды, для приемки материала которых я сюда приехал. Так что приходится иметь с ним дело. Вчера вечером ездил к этим типам в гости, в Коломну (версты три от завода,— на извозчике); сегодня, вероятно, тоже поеду.

На заводе пробуду завтра весь день; в четверг думаю остаться только до обеда — до 12; после — уеду. В Питере буду в пятницу.

И, увы, не знаю — где буду. Когда я уезжал из Сестрорецка, Вера мне окончательно сообщила, что к ней приезжает п-ное количество родственников и что моя комната нужна. Придется искать другую. Не очень-то лестно. Хотя, с другой стороны и Вера, и Смирнов, и beau-frère^{**} — мне опротивели: дураки, черносотенцы: рад, что не буду иметь с ними дела.

Когда поспею закончить в Питере все дела и выехать, Мирлинька, к тебе — все еще точно не знаю. Самое позднее — 21-е июля. Ой, как поздно, как долго. Постараюсь раньше.

Мирлинька, пиши мне, пожалуй, все-таки по старому адресу, на Веру: пока-то я сообщу тебе новый. А у Веры я, все равно, оставляю свои вещи (кто знает, может быть, будем жить там осенью), беру с собой на новую квартиру только самое необходимое; буду, значит, к Вере по временам заходить. Или посылай заказным на Отдел Торговых Портов (Мытнинская наб<ережная> 5/7), мне.

Е.

---

* хроническая болезнь (лат.).

** шурин, деверь, свояк (фр.).

На днях получил письмо от Яши Гр<ебенщикова>.

1. Минеральная вода из группы Офенских минеральных вод из источника Гуниади-Янос (Венгрия) применялась при желудочных заболеваниях.

№ 49

12—13 июля 1911 г. Сестрорецк

Вторник 12 июля 11 г.

Половина одиннадцатого. Я сижу у окна в новой комнате, в к<о>тору>ю только что переехал. У окна потому, что если я чуть-чуть отхожу от окна — я получаю возможность наслаждаться всеми кухонными запахами. Отвратительная маленькая канурка¹, жаркая и душная, за которую я плачу 20 р.— за две недели...

Но искать что-ниб<удь> лучшее некогда. Да и так я устал сейчас, чувствую такую измученность, слабость, что не в силах искать.

Вечер за окном изумительный, южный — прелестное, разве только чуть-чуть бледное небо, верхушки сосен, музыка оркестра где-то недалеко. — И как все это сейчас непонятно мне, далеко, досадно: уж лучше бы лил дождь, была бы непогода за окном, ветер. — Я вернулся с Коломенского завода в СПб в субботу и т<ак> к<ак> было время до м<инистерст>ва, то зашел к Хорошевой. К удивлению, застал. Была рада, стала звать с собой в Павловск и в Царское. Не обещал ей наверное; уговорились — сказать окончательно по телефону.

В М<инистерст>ве узнал, что от градоначальника поступил в М<инистерст>во запрос о том, на основании какого отзыва о моей «благонадежности» был я принят в М<инистерст>во². И так как моя благонадежность изрядно подмочена, то такой запрос и ответ на него не предвещают мне ничего доброго... Я не унывал бы, если бы вообще был более здоровым. А так — едва ли я очень способен к труду более тяжелому, чем теперешний, и к существованию менее обеспеченному. Не очень весело смотрю я на будущее.

И вот вечером с горя поехал в Царское³.

Настоящее — хорошо только тобой. Так я радуюсь твоим письмам, твоей любви, Мирлинька моя. И так грустно знать, знать, что завтра я буду — один, что завтра ни за что не получу письма от тебя, ни одного слова..

Мирлинька. Так мне хочется сейчас быть маленьким около тебя, — около твоей, — такой материнской для меня, — груди. Моя милая маленькая, нежная, немножко печальная мама. Я ощущаю на своем лице твою руку..

Мой ребенок, моя мать, моя возлюбленная.. Сейчас я больше всего нуждаюсь в тебе, как в матери. С тех пор, как ты вошла в мою жизнь,— моя прежняя мать куда-то отошла, забылась. И во всех случаях, когда раньше я думал о матери — теперь думаю, (стал думать) о тебе. Насколько приятней иметь тебя — милой, сладкой матерью, тебя — которой можно говорить все (прежней матери я никогда ничего не говорил, с детства так); которая — равная и близкая, а не старшая — и потому чужая (бойся того, чтобы быть для меня когда-нибудь старшей,— бойся того, чтобы я боялся тебя).

— Музыка все играет, ветер свежеет за окном. Ты, мысленно, была уже теперь моей возлюбленной, и оттого — стала моим ребенком. Я так стосковался по тебе, по твоей нежности, стыдливости, бесстыдству, заботливости..

— Мирлинька, детка! Я посмотрел сейчас в «Биржевку» и сосчитал! Да, ведь, может быть, через каких-нибудь восемь дней я уж выеду. Только бы выехать, только бы выбраться отсюда. Доедешь быстро. А там.. А я-то, идиот, нанимал вчера комнату на 2 недели. Ну, да ничего. Деньги-то у меня еще есть. Сейчас около ста в кармане, да сто получу 20-го. Это единственное, что утешает меня. Не будь денег — прямо пропал бы. Потому что жизнь такая, как теперь, с этими вечными переездами, ездой в город и обратно — обходится страшно дорого. Дешево разве только то, что я уже третью неделю не обедаю.

— Шутки в сторону, а то, что делается с моим желудком — начинает тоже угнетать меня. Я страшно исхудал и ослабел за эти 2 1/2 недели бульона и чая. Болей нет, но как только выпьешь или съешь маленький кусочек - - сейчас же в брунс; немного болезненна перистальтика; вечно обложен язык. И в результате — страшная слабость, головные боли. И это теперь — когда мне нужна вся энергия.— Работы в Министерстве осталась тьма. С ужасом думаю: неужели не успею за эту неделю, к 20? Буду ездить теперь раньше. Да, что раньше. Вот завтра выеду раньше. Но нужно зайти в градоначальство, нужно в одну лабораторию (по минист<ерским> делам), постараться к доктору — о желудке. Вот день почти и пропал.

Есть еще одна сквернейшая надежда. Рождественский может получить командировку на неделю в Мариуполь. И тогда я должен буду остаться еще, потому что иначе никого не будет из инженеров,— я должен буду исполнять обязанности Р<ождественско>го. Но это будет лишь в том случае, если один завод успеет построить док до моего отъезда. Авось бог пронесет. Впрочем, все равно: 21—22 должен приехать Зарницкий⁴, и я сдам все ему — и уеду. Только

бы успеть кончить свои дела. Буду работать изо всех сил. Но у меня их так мало теперь.

Мирлинька, будет очень скверно, если еще и ты будешь больной. Что ты писала мне о какой-то малярии? Это прошло?

То, что ты будешь немножко больна к моему приезду — это-то пустяки, и меня не огорчает: ты немного вытрешься водой с одеколоном — и я очень тихо поцелую тебя сначала в волосы: а потом, когда ты немного раскроешься, — в твою розовую женскую тайну, с ее странным и милым мне запахом, с ее непонятными ощущениями, с ее милым бесстыдством и жадностью какого-то цветка.

Наверное, ты простишь меня за эти нескромные строки. Может быть, даже прочтешь их два раза, и постарайся себе все это представить — и у тебя немного забьется и сожмется сладко сердце. Да?

Е.

Нет, Мирлинька, я ничего не забуду купить. Даже больше куплю, чем ты просила.

Сегодня пришлось поехать в порт к 9 ½ утра. Устал — ужас. И уже 12 час.

Мирлинька. Я еще до твоего письма думал о Крыме. Может быть, поедем. Если меня не выставят из м<инистерст>ва и если не будет болеть живот. Помолись об этом Богу.

Из Колом<енского> зав<ода> я отправил тебе одно письмо.

13/VII 10 ½ час. у<тра>.

Вот моя сегодняшняя ночь. — Я лег, немного возбужденный своим письмом к тебе — около 12 ч. Страшными голосами начали лаять собаки, гремели извозчики по Дубковскому пер. (уг<ол> Дубк<овского> и Заруб<инского>), очень слышны были поезда. После часа заснул. В 6 ½ — заревел фабричный гудок, отчаянный, долгий, от которого никуда не скрыться. — Без 10 мин. 7 — заревел еще. В 7 ¼ — еще... Разбесились собаки. Я лежал и проклинал жизнь, — потому что три предыдущих ночи спал скверно. — Все-таки заснул — часов в 8 — проснулся в 10 (мое счастье, что я научился иногда поздно просыпаться). — Не знаю, что будет сегодня ночью.

Я о<чень> люблю вот такие приписки: всегда ищешь в них неожиданного. — Мирлинька, целую твои ручки: красивее их я ни у кого не видел.

1. Так у Замятина.

2. Запрос Санкт-Петербургского градоначальника и ответ управляющего Канцелярией министра торговли и промышленности хранятся в *Деле о службе инженера Замятина* (Л. 42—44).

3. Фраза «И вот вечером с горя поехал в Царское» вписана Замятиным позднее.

4. Зарницкий Леонид Митрофанович — инженер для технических занятий Строительной части Отдела торговых портов Министерства торговли и промышленности, сослуживец Замятина.

№ 50

16 июля 1911 г. Сестрорецк

Суббота, 16/VII—11.

Мирлинька. Вчерашнее твое письмо было такое милое и веселое: письмо молодого зверенка, радующегося жизни. Такие очаровательные дни с запахом сосен стоят в Сестрорецке.— А мне — только тяжко, только тяжко...

Так неудачно, так отвратительно все складывается.— Я по-прежнему болен, хую, ничего не ем. Обратился, наконец, к врачу — посоветовал массу вещей: отдых, танинные клизмы, строжайшая диета и безусловно доброкачественная пища, Эмс, Ралсгеон и т. д. (нашел катарр толстых кишек). Когда и где мне проделывать добрую половину всего этого — на моем бивуачном положении? Посоветовал — пить молоко и есть яйца.— Обратился к другому: «отнюдь не есть молока и яиц»; дал микстурку с опиумом, *bismut. salycilic., zinc. sulfurcarbolic. etc.*¹

В заключении — сейчас, в М<инистерст>ве (около 12 ½) чувствую жар и боль в горле, да и не в миндалинах, а где-то ниже и глубже,— какой-н<и>б<удь> нарыв. Сущее горе.

И... и вчера выяснилось, что в одной инстанции,— я уж проиграл дело в градоначальстве. Был там третьего дня и вчера. Вчера сказали: «дело передано в охранку; вас там ждут, пожалуйста туда». С трепетом неким отправляюсь в это священное учреждение (порвав предварительно по дороге, в Александровском саду, некоторые бумажонки и твои письма). Впускают. Захлопывается дверь — вроде предварилочной. Не знаю, выйду ли отсюда. Я ждал, что меня за мою наглость,— что высланный осмеливаюсь являться в столь священные учреждения — заберут и вышлют по этапу. Нет, отпустили. Были вежливы. Объяснили лишь, что в 1906 г. по окончании дела состоялось постановление о моей высылке,— постановление, в

к<оторо>м я ошибочно был назван студ<енгом> университета. Теперь разъяснилось — и вот, позвольте вам выйти вон. Советовали обратиться за разрешением к градоначальнику. А в градоначальстве вчера — в охранку. Знаем мы, что значат эти маневры. Вот я и не знаю еще, что мне теперь делать. Писать ли новое прошение градоначальнику, сообщив предварительно обо всем начальству и заставив и его написать нечто, или ждать до осени. Последнее было бы для меня приятнее, ибо слишком я уж устал и измучился, чтобы продолжать, и очень энергично, борьбу сейчас. Но уехать так — рискованно, потому что тогда из градоначальства могут сообщить без меня в отдел о высылке, что будет гораздо хуже и будет означать почти верную выставку. С другой стороны — заварить новую кашу сейчас, — так, может случиться, придется еще остаться неск<олько> дней здесь и после 20-го. А я так нуждаюсь в отдыхе, в том, чтобы погрузиться в твою любовь и в любовь к тебе..

Бог мой, как я устал, как нужны мне твои маленькие, нежные руки. И с каким ужасом думаю об осени и о половине зимы без тебя. Да и кто знает, какова ты будешь одна в Питере? Не.. забудешь ли меня? Ой, Мирлинька, страшновато мне.

— И того еще страшно, что мои письма со временем становятся похожими на твои.. Мирлинька, пиши мне еще: если и пропадет письмо — не беда. А если я останусь и не буду получать твоих писем, то..

1. Bismutum salicylicum, zincum sulfuricum (лат., мед.) — салициловисмутовая соль, серноцинковая соль.

№ 51

19 июля 1911 г. Петербург

19/VII 11.

Мирлинька, моя родная. Как я огорчен, как бешусь: в среду, 20-го, я не смогу выехать. Задерживает окончание разных дел в м<инистерст>ве (с к<оторы>м я еще не разобрался) и, главное, то, что до четверга не может быть созвано техническое совещание, на к<оторо>м я должен сделать доклад. В четверг или в пятницу я, может быть, и смог бы выехать, да ты, госпожа моя, — не велишь приезжать в воскресенье. Выгоднее всего (в смысле отпуска) мне уехать в субботу (посмотри календарь — конец августа), что я и сделаю. Все-таки телеграфирую. Буду, значит, во вторник — в Екатериносла-

ве.— Мои дела с градоначальством все еще in status quo^{*}. Девушка, а как же ты со своим институтом¹: выставилась или нет? «Речь»-то, ведь, кажется, читаешь²?

До свиданья, Мирлинька, моя единственная. Как я устал.

Вчера ночевал в Лесном. Поехали туда с Вадимом, был сеанс, совершенно неудачный. Сегодня ночью у Вадима.

1. Вероятно, с осени 1910 г. Л. Н. Усова — слушательница Женского медицинского института.

2. 15 июля 1911 г. было обнародовано распоряжение министра народного просвещения об увольнении всего состава слушательниц женского медицинского института за их участие в забастовках. 16(29) июля газета «Речь» опубликовала интервью с исполняющим обязанности директора института под названием «К увольнению слушательниц женского медицинского института (Беседа с и. о. директора проф. А. А. Кадыаном)». А. А. Кадыан сообщил, что забастовка проходила мирно и спокойно и что она не является поводом для увольнения слушательниц.

№ 52

Телеграмма

25 июля 1911 г. Петербург

Выеду вторник восемь тридцать вечера буду Екатеринославе четверг четыре сорок дня

№ 53

17 августа 1911 г. Белгород¹

Все мое мироощущение — в мигрени. Спал 1—1 ½ часа. Не дали. Проклятая дама каждые 10 мин<ут> хлопала дверью — выходила курить в коридор. Так всю ночь...

— Купил билет только до Купянска². В Купянске в 3.35 у<тра> пересадка — до Ельца последняя.

Е.

1. С 28 июля по 16 августа 1911 г. Е. И. Замятин жил у Л. Н. Усовой в селе Чапли. Письмо датируется по штемпелю на почтовой карточке.

2. Купянск — город в Харьковской губернии на реке Оскол, железнодорожный узел на линии Харьков—Белгород—Валуйки.

---

^{*} в прежнем положении (лат.).

18 августа 1911 г.¹ Балашов

Изнемогал от жары, страшной усталости. В Купянске — пересадка, в Валууйках — пересадка. С Валуек еду в I кл<асса>: во II — немисливо: опять не спать.

Е.

1. Письмо датируется по штемпелю на почтовой карточке.

21—22 августа 1911 г. Лебедянь

21.VIII.11.

Бюллетень № 1. 17—18/VIII. Дорога.. Ах, этот день после бессонной ночи. Лучше не писать о нем. Во всяком случае я был умен (был!) и с Валуек взял доплату до I кл<асса>. Отдельное купе.. Таким блаженством было растянуться на диване, иметь на столике чайник и выпить стакан чая с сухарями и «Дианой». И потом раздеться и спать! Спал с 9 час. веч<ера>, в общем часов около 9.— Утром, в Ельце нашел родителей и мужа сестры. Двое мужчин приехали кой-за какими покупателями в Елец. А отчасти, кажется, потому, что думали, что.. меня придется выносить из вагона.— Привезли бульону. Но сидеть на деревянном стуле с ½ 11 до 4 ½ — было очень тяжело. Под конец не выдержал и последних часа 2 лежал на дерев<янном> диване. Очень устал. Отдохнул только опять в купе до Лебедяни.— Дома был не очень обрадован перенаселением: дом сестры еще не настолько готов, чтобы там можно было жить, и поэтому она и ее муж, и ребенок — у нас. Положим, что у меня все же нашлась отдельная комната.

Бюллетень № 2. 19/VIII. Спал часов 7 ½. Накануне вечером делал клизму с висмутом — безрезультатно: ничего, кроме клизмы и небольшого куска слизи*. Небольшие боли. Утром у отца был доктор. Вытащили и меня — хотя я уверен, что о колите сумею ему больше рассказать, чем он мне.— И рассказал. Доктор нашел, что вероятно — неперепончатый колит (судя по характ<еру> болей) и что диета была слишком строга: нужно цыпленка etc. Пить — Виши лучше, чем Боржом. Итак, в первый же день утром — я пью какао с сухарями.— В 12 час.— рисовое пюре и бульон. В 2 ½—3 ч. обед из

* Всю дорогу стула не было.

3-х блюд: бульон, пюре из цыпленка (очень вкусно) и черничный кисель. В 5 ½ — чай и ½ стакана детской муки «Нестле»¹ (нечто вроде желе или киселя — вкусное). В 8 час.—8 ½ мясной сок и пюре из цыпленка.— Пил Виши и висмут с бензона<том>. После приемов пищи были дов<ольно> резкие боли в желудке, но я их определял, как нервные.— И не смущаясь, ел.— Аппетит был. Язык приличен. Клизмы не делал. Около 11 — лег в постель. Т — 35,9°. Пульс 48—50. Слабость.

Бюллетень № 3. 20/VIII. Спал не больше 5—5 ½ час.: ночью мешала какая-то муха, забравшаяся под одеяло. Самочувствие отвратительно. Но желудок пока держится. Утром — опять какао. Все время в постели. Не хотелось, не было сил даже написать Вам. Меню завтрака: мясной сок и рис<овое> пюре. После завтрака выволокся на воздух, в сад, и лежал часа 1 ½ (каково мне было проходить под сливными деревьями!). Обед: бульон, поджаренное в бульоне куриное пюре (это вкусно) и кисель из «Нестле».— Никаких грустных особенно ощущений после обеда (кроме, впрочем регулярной после всякого питания кислой отрыжки).— Вечером стакан овсян<ки>, какао и ½ стак<ана> чая. Ужин — как вчера.— Вечером клизма из крахмала.— Прошла почти без болей и с частичным, по крайней мере, успехом. Особ<енно> слизи было незаметно. Т — 35,8°.

21/VIII. Спал хорошо, часов с 8. Оттого самочувствие лучше. Встал, оделся. Пил какао и ел «Нестле». Завтрак — как вчера. Обед — бульон с рисом, поджар<енное> куриное пюре + картоф<ельное> пюре и немного желе. Чай + «Нестле». Ужин — бульон с рисом, вареное куриное пюре + немного морковного. Как видишь, прогрессирую.— Стула не было. Делаю опять крахмальную клизму. Как пройдет — напишу завтра утром. Получил ответ от Тимонова²: неопределенный, придется завтра писать в Брюссель французам.

Часа 2 лежал сегодня на воздухе.

22/VIII.

Сегодня не выспался. Чувствую неважно. Лежу. Отправляю письмо на вокзал. Холодно. Очень...

Е

1. «Нестле» — молочная мука для детского питания и для взрослых, страдающих желудочными заболеваниями.

2. Тимонов Всеволод Евгеньевич — член Технического совета Министерства торговли и промышленности.

24/VIII—11.

Пишу лежа. Лежу столько же, сколько в Чаплях, т. е. целый день. Разница та, что лежу одетый и встаю, чтобы есть и пить: да и нельзя,—обед-то, чать, из трех блюд (горе одно, а не блюда).— Нет, правда, блюдов много (сравнит<ельно> с Чаплями) и вкусные (относительно) вещи. Но толку пока мало. Клизм я все время не делал. Никаких закрепляющих средств не принимаю. А потому, кажется, опять начался понос. Были отправления: позавчера вечером, вчера утром, сегодня вечером и утром. Перистальтика — подозрительно оживленная. Дефекация без болей, ленточной слизи нет — есть небольшое количество стекловидной. Сплю все время плохо — меньше 8 час., когда 7, когда — 6. След<овательно>, и чувствую себя скверно. Пульс сегодня 54, $t = 36,1^{\circ}$.— Вчера пробовал примешать к бульону желток,— сошло благополучно; сегодня сделали нечто вроде пирожного из сбитого желтка — увьи! — В общем, я наблюдаю, пожалуй, улучшение только со стороны желудка, а не кишек.

Не помню, написал ли я, что из Ельца еще отправил письмо Щуровскому¹ в Москву, с просьбой известить, когда он может принять меня. До сих пор ответа нет. Все же я думаю (с матерью) поехать в Москву в пятницу, или, вернее, в субботу на этой неделе, т. е. 27-го с тем, чтобы пробыть там дня три, или два,— вообще-то, конечно, возможно меньше. Едва ли мы сумеем устроить так, чтобы встретиться в Москве. На всякий случай сделаем так что ли: я оставлю свой московский адрес на твое имя до востребования в главном московском почтамте (письмом).— Если же у тебя будет свободное время (в смысле начала экзаменов), так заехала бы ты сюда, в Лебед<янь>, на неск<олько> дней. А то, ведь, может случиться, что я пролежу здесь и позже, чем до 15-го сент<ября>. Мне будет лестно увидеть тебя. Предупреди только меня: напиши или телеграфируй. И поезжай лучше через Курск—Орел—Елец или Харьков—Купянск—Елец, а не через Белгород.— Уезжая, оставь мой (Лебедянь) адрес в Чаплях, чтобы по нем переслать, если что будет на мое имя.

— Я послал с дороги тебе две открытки: одну из Белгорода, другую из Валук. Закрытое письмо — дня три назад из Лебедяни. Почта, действит<ельно> невозможная: я уже по приезде в Лебедянь на

другой день получил свое письмо, в к<оторо>м писал, чтобы меня встретили в Ельце! Не знаю, поэтому, когда-то ты получишь мое письмо.— Так заехала бы, Мирла, а? Я буду рад. А ты — походишь по саду, поешь слив, яблок, груш (одна, увь)...

Е

До 1-го мне было бы выгодно поехать в Москву, чтобы там выяснить, сколько времени нужно для лечения и соответственно, продлить отпуск в М<инистерст>ве после 1-го сент<ября>.

* Понятно, если выеду позже субботы. Может быть, в эт<ом> случ<ае>, мы съедемся. Напиши, когда выезжаешь, 31-го или 1-го?

1. Щуровский Владимир Андреевич — врач.

№ 57

25 августа 1911 г. Лебедянь

25.VIII.

Сегодня получил ответ от Щуровского: прием назначен на поне-дельник 9 ч. у<тра>. Выеду, вероятно, в субботу вечером. 30-го, вероятно, уже смогу выехать из Москвы, т. е. 31-го буду дома,— в Лебедяни.

Вместе с этим, очевидно, пойдет мое закрытое письмо, написанное вчера.

До сих пор не получил еще денег от Зарницкого. Это мне не нравится.

Сегодня чувствую себя немного лучше. Начал впрыскивания мьпшьяку.

Е.З

Еще раз: если есть несколько дней свободных (т. е. экз<амен> не 15-го) и заедешь, то извести раньше.— В Москве, очев<идно>, встретиться не придется.

№ 58

Телеграмма

30 августа 1911 г. Москва

<Есть> время заезжай Лебедянь

№ 59

4 сентября 1911 г.¹ Лебедянь

Пять минут на письмо — потому что через пять мин<ут> нужно отправить заказное письмо в Отдел торг<овых> п<ортов> с извещением, что приеду только в середине сентября.— Приеду 15—18 сентября. Деньги от Зарницкого получил, следовательно, пока еще не... Хотя, впрочем, 100 р.— истратил на Москву. Теперь чувствую себя гораздо лучше. Начинаю есть котлеты из мяса, цветн<ую> капусту (конечно, без масла) и т. д. Ем дов<ольно> много и без плачевных, пока, результат<ов>.— Я послал тебе телеграмму и ждал, что заедешь. Очень жалею, что нет.

Немедленно напиши, что получила письмо, и по какому адресу писать письма. Есть всякие дела.

Е

1. Письмо датируется по штемпелю на почтовой карточке.

№ 60

5 сентября 1911 г. Лебедянь

5.IX.11 г.

Опять почти деловое письмо: хочу послать сегодня, мать едет сейчас на почту.

Итак — два слова о Москве. За поездку устал страшно. Не спал — без конца (однажды ночью спал только 2 часа). Денег истратил тьму.

Щуровский, у кого я был — нашел простой (не перепончатый) колит, расширение желудка, неврост<ению>. Хотел на 3—2 нед<ели> запрятать в санаторий. Я предпочел быть дома. Главное, что Щуровский разрешил многое есть.— И вот я теперь уже... пью кофе! Положим без кофеина, положим с молоком, положим — холодное и с сухой булкой. Но все же... Я завтракаю, обедаю и ужинаю (каши всякие на бульоне, котлеты (!) — простые и куриные, цветная капуста без масла, протертая морковь, крошечные кусочки черного хлеба в виде десерта; сегодня в первый раз ем молочную кашу — что-то будет). Силы значит<ельно> прибавились, хотя сплю очень скверно (по 5—6 час.). Вчера первый раз гулял мин<ут> 25 по улице.— Приеду в СПб между 15—20-м сент<ября>, т. е. конечно, не в СПб, а в Сестрорецк. Отсюда — мои просьбы к тебе: 1) Если не затруднит, побывай у Веры и зайкнись — насчет того, чтобы жить у нее наверху: мне, мол, доктор велел (это, впрочем, правда — Щуровский по-

ставил это условием). Скажи, что у меня (у нас, вернее) будет свой стол и, м<ожет> б<ыть>, своя прислуга: свой стол — тоже услов<ие> Щуровского. 2) Очень необходимо, чтобы ты разыскала технического переводчика (узнай, м<ожет> б<ыть> у Никольского по телеф<ону> или у Святловского¹, или так, по объявл<ению>): я на днях пришло тебе свой доклад для Конгресса², а ты немедленно же отдай его перевести на франц. яз. и перепис<ать> в неск<ольких> экз<емплярах> на машинке.

Ответь, пожал<уйста>, по какому адресу посылать доклад и вообще писать. Да поскорей.— Я очень жалел, что не заехали. Чудесная осень. Сижу и гуляю один в саду.

— Пришли, если можно, «Речь» за неск<олько> дней. Я стосковался без нее.

Е.

P.S. Хотел было выехать на вокзал за тобой на шарабане. Эх, ты!

1. Святловский Владимир Владимирович (1871—1927) — экономист, профессор Санкт-Петербургского университета.

2. В 1912 г. в Филадельфии состоялся XII Международный судоходный конгресс. Замятин подготовил к конгрессу доклад, который был опубликован в виде статьи «Будущее морского судостроения и дноуглубительные работы в морских каналах и портах» в журнале «Русское судоходство» (1912. № 1, 3).

№ 61

13 сентября 1911 г. Лебедянь

13/IX 11.

Нет, к 16-му я постараюсь не приехать: во-первых потому, что и без меня в милой компании будет, несомненно, весело — как было и 8-го, а во-вторых потому, что мне-то самому, с моим теперешним физическим и психическим состоянием в веселой компании будет вовсе не весело. Все равно, что сидеть и смотреть, как едят виноград и дыни — и самому есть проклятое рисовое пюре.

Особенно неважно себя чувствую последнюю неделю, когда, по видимому, все полуторамесячное лечение пошло к черту, и снова пришлось сесть на рисовое пюре, на сухари, на овсяный отвар, на клизмы..

Будет очень грустно, если по приезде мне придется в таком состоянии сначала бегать по ночевкам, т. е. еще не спать и еще разва-

ливаться, — или же бегать по Сестрорецку и искать помещение¹. Кто знает, может быть, так же, как и 8-го, Нишу или Якову не захочется ехать в Сестрорецк, и мне придется ехать в СПб так, наугад.

Я приеду, к сожалению, один: мать не может, т. к. 15—20 сент<ября> у сестры должен быть ребенок. Выеду я, очевидно, 16-го.

Вероятно, завтра или послезавтра я вышлю тебе свой доклад для Конгресса: пожалуйста, будь добра, разыщи переводчика на английский или французский. Это не затруднит так, как Сестрорецк, потому что ехать никуда не нужно, все под рукой. — Из министерства получил письмо, меня поманили командировкой в Филадельфию — и я решил закончить доклад. Получил от французов отсрочку. Работал, переутомлялся, злился. Сегодня кончу вечером и отдам реминтонировать. — Но чтобы работа не пропала даром, нужно очень поспешить с переводом и с дальнейшей перепиской на французском или английском. Было бы хорошо, если б в понедельник 17-го я имел уже переведенным доклад.

— Вере сам я ничего не написал: порассчитай, увидишь, что после получения письма от тебя уже было мало смысла: в письме Вере обо всем не напишешь, и, главное, в случае отрицательного ответа от нее — было бы уже поздно извещать тебя, — остался бы на мели.

Буду рад, если встречу с тобой на вокзале. Телеграфирую о выезде из Москвы.

Е

1. Возможно, из письма Людмилы Николаевны, Замятину стало известно об отказе Санкт-Петербургского градоначальника разрешить ему проживание в Петербурге. Об этом свидетельствуют два сохранившихся документа: 1) письмо К. П. Боклевского Замятину от 6 сентября 1911 г.:

«Милостивый Государь,

Евгений Иванович,

имею честь при сем препроводить для ознакомления копию письма С.-Петербургского Градоначальника за № 14483.

Прошу принять уверение в совершенном почтении.

К. Боклевский» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 8. Л. 2);

2) копия письма исполняющего должность Санкт-Петербургского градоначальника от 5 августа 1911 г.:

«Милостивый Государь

Константин Петрович,

вследствие письма Вашего от 19 июня сего года за № 472 имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что ввиду имеющихся в Подведомственном мне Охранном Отделении неблагоприятных сведений об инженере

для технических занятий при Отделе Торговых портов Министерства Торговли и промышленности коллежском секретаре Евгении Ивановиче Замятине, я признаю невозможным разрешить ему жительство в С.-Петербурге.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Подписал: О. Вендорф.» (Там же. Л. 1).

№ 62

15 сентября 1911 г. Лебедянь

15/IX—11.

Во-первых — чудо, изумительное: сегодня я спал 8 ½ час., сегодня у меня 2-й или третий раз за все время нет мигрени. Ты, здоровая девушка, неспособна оценить все значение этого.

Во-вторых — спасибо за телеграмму: я поеду теперь в Питер более спокойно, по крайней мере, будет обеспечена ночевка.

В-третьих — посылаю доклад. Ради какого-нибудь твоего Бога — поскорей отдай его в перевод. Около половины доклада переписано на машинке. Переписчик неожиданно уехал; приходится посылать остальное переписанным.

Будь добра сделать так:

Пойди к переводчику и покажи ему мою рукопись. Если он будет хорошо разбирать мой почерк, то оставь ему все — пусть переводит. Если откажется переводить с рукописи, — оставь ему переписанную на машинке половину, а остальное — немедленно отдай переписчику, чтобы поскорей переписали. Пока переводчик будет возиться с первой половиной — переписчик переписшет вторую, и ты будешь мила доставить ему эту вторую, переписанную на машинке половину, проверивши текст (цифры не надо проверять).

В общем, я нахожу, что цифры в докладе занимают столько места, что перевод — вовсе не большой, и с ним можно справиться скоро. Все равно, на какой язык переведут: французский или английский, — лишь бы поскорее, поскорее. Можно даже на немецкий, — только бы скорее. При прочих равных условиях — лучше всего английский¹. На все расходы — приготовь мне крупный счет. Я приеду, все-таки, с деньгами, да еще во вторник, 20-го, получу, очевидно, 140. Так что в этом отношении не пропаду.

Гораздо хуже с моими проклятыми кишками. Сегодня принял *natrum sulfuricum*².

Я приеду — едва ли в воскресенье и наверное — в понедельник. Чтобы не задерживать тебя (относит^{ельно} института) постараюсь

приехать в СПб часов 9 утра. Было бы хорошо, если бы я мог утром же до службы попасть к Лянгу³: надо же опять начинать лечиться. В понедельник же, может быть, уеду в Сестрорецк, с тем, чтобы приехать опять на службу только в среду или в четверг.

До свидания.

Е.

1. См. п. 70.

2. *Natrum sulfuricum, patrii sulfas* (лат.) — сульфат натрия, глауберова соль, слабительное средство.

3. Лянг (Ланг) Георгий Федорович (1875—1948) — приват-доцент Женского медицинского института и Военно-медицинской академии, врач Петропавловской больницы.

№ 63

24 декабря 1911 г. Подсолнечная¹

24/XII—11. 8 ½ час. веч.

Увы мне! — Правда, не очень праздничное выйдет письмо, но приходится начать с своих несчастий! — Болваны, окормили меня всякой снедью на масле, опять был сегодня понос, болит живот. Скоро позовут к Щуровскому (только сегодня приехал), и только уже после его заключений поставлена будет настоящая диета и начнется лечение.— Комната красивая, но... И не одно но. Комната рядом с брусом, утром и вечером ходят и щелкают дверями. Шумно. И довольно-таки светло утром.— Переходить в другую комнату у них в первый месяц «не принято». Идиоты. И требуют уже деньги за вторую половину месяца. Придется отдать. Если будет очень скверно,— уеду домой, а мою комнату пускай приедет займет отец: ему все равно нужно.

Погода очень хорошая, воздух роскошный. Но настроение скверное. К рояли не притрагиваюсь. Лежу в комнате и читаю. Публика не интересная и мало общительная.

Сегодня сел в лыву². Проснулся утром: 5 час. Лежу, лежу, жду, злюсь. Дождался до половины восьмого, стал одеваться. Вдруг стучат: пожалуйста чай пить. В столовой на часах: 9 ½. Значит, проснулся-то в 7, а мои часы стояли. И теперь стоят.— Напишу, когда будет лучше, а то сейчас трудно писать, злюсь.

P.S. Петербургских газет здесь нет.

1. На станции Подсолнечная Николаевской железной дороги находился Санаторий А. В. Вяхирева и М. Г. Майзеля.

2. См. примеч. 2 к п. 23.

№ 64

27 декабря 1911 г. Подсолнечная

27.XII.11.

Брунс — стал теперь опять у меня хороший, — благодаря диете. Но сильно преотвратительно. По ночам трещит паркет и будит меня, — я подсказываю на постели и не сплю. Вчера и сегодня — мигрень. Ничего не делаю, мои бумаги лежат. Играю немного на рояли. Живу в одиночестве. Начал обтирания с сегодняшнего дня. Сегодня солнце, 16°, тихо. Лежал на воздухе (?) целый час. Пиши мне. Очень тут скучно.

Е

Получила ли письмо от 25/XII?

№ 65

2 января 1912 г. Подсолнечная

2.I.12.

Ну, конечно, сначала о том, что составляет животрепещущий предмет моих огорчений и радостей? О кишках, о спанье, о брунсе. — Какая грустная участь — свою жизнь, как около центра, — вращать около брунса. Итак — начнем вращать.

Старый год кончился благополучно. И даже очень. После двух первых дней неурядиц — дальше кишки работали, как им подобает. Ел я нахально много — особенно хлеба (очень вкусный, вроде английского) и сливочного масла: масло ел и утром, и за обедом, и за ужином, едва ли не по $\frac{1}{4}$ ф<унта> в день. И ничего, сходило с рук. Выучил готовить мне без масла, так что обеды получились вроде лахтинских: суп, чаще всего с рисом, каша (рисовая, гречневая, Смоленская) — на молоке или без молока, с маслом, потом — рыба, или мозги, или котлеты: телятины этот тип Щуровский не разрешил. Ужин: каша опять, хлеб с маслом и такое же второе, как и за обедом. На сладкое за обедом и за ужином кисели, миндальное желе или иное, воздушный пирог.

Спал все время — скверно; едва ли хоть раз проснулся после 6 часов. Засыпаю в 11—11 ½. Почти каждый день — мигрень, с утра.— Полежишь час—полтора на воздухе — станет легче. К вечеру опять.

Сегодня переселился только вот — в деревянный санаторий. Думаю, не будет ли здесь тише, не буду ли лучше спать. Во всяком случае, думал — хуже не будет. И вот теперь — не знаю уже. Потому что.. Представь мой ужас: на стене около кровати нашел раздавленного клопа. Разозлился страшно. Позвоню, как кончу письмо, и велю сделать генеральную чистку.

Итак — о 1912 годе. Пока он неудачен. Вчера были кой-какие симптомы расстройства желудка; утром сегодня был обложен язык — и, увы, полупонос. Очень огорчен. Принял лянговскую пилюлю. Посмотрим, что будет дальше. Пока только бурчит и побаливает.

Вчера была у меня сестра с мужем. Она приехала на неск<олько> дней в Москву, и вот — сочла долгом заехать ко мне. Признаюсь, был не очень рад. Это нарушило мой режим, я почему-то волновался — такой стал идиот — может оттого и чувствую себя сегодня хуже. Письмо выйдет — *intermittens*^{*}, да что и делать, пишу усталый и в скверном настроении.— Возвращаюсь к новой комнате. Термометр на столе показ<ывает> 12°R. Вероятно, я от лежания на отк<рытом> воздухе приоб<в>ык к холоду, потому что от этой температуры пока не огорчаюсь. Пахнет в комнате скверно. Обстановка — куда хуже, чем в прежней. В перспективе клопы.— Но если клопов не будет и будет тихо, все остальное неважно. Все-таки больше месяца — я едва ли здесь выживу: вероятно, уеду домой, в Лебедянь или в Лахту¹.

Сегодня после обеда, огорчаясь, лежал на кровати и думал, госпожа Мирла, о Вас: если бы Вы были около — немножко утешился бы. Скорей бы выбраться отсюда.— В воскресенье свое — то верю, то опять нет; верю — редко. Хотя и есть благоприятные симптомы: за неделю вес дал + 3 ½ ф., несмотря на бессонницу.

Первые дни — только лежал: теперь иной раз и гуляю. Сегодня с горя — заставил даже себя покататься на коньках с полчаса.

Рад, что ваш тиф — кончился кинематографом. Получил газеты, был очень рад им. Получил одно письмо и карточку (вчера). Сам послал два письма, это — третье.

Скоро пришло открытку с программой увеселений, бывших у нас под новый год. Был музыкально-юмористический вечер. Пели куплеты,— на санаторские злобы дня, сочиненные довольно остро-

---

* прерванным (лат.).

умно одним типом. Прокатывали врачей, заведующих санаторией, а они сидели и глотали пилюли. Правда, прохвосты порядочные.

— Получил вчера открытку от Уржумцева²: едет в Москву, по дороге хочет заехать ко мне. Не очень-то рад.— Рад был бы Вам, да и то, боюсь, лопну от волнения. Дурак!

— Сiju все время без часов: свои отдал в починку — и до сих пор нет.— Бедняга Рождественский.— Я за журналы еще и не принимался.

Е

1. Лахта — пригород Петербурга, один из неуточненных адресов проживания Е. И. и Л. Н. осенью 1911 и зимой 1911—1912 гг.

2. Вероятно, Уржумцев Андрей Владимирович — сын Владимира Васильевича Уржумцева, товарища председателя имп. Общества судоходства, члена Совета съездов судовладельцев.

№ 66

3 января 1912 г. Подсолнечная

3.1.12. 9 час. веч. Писано — лежа.

Тишина и покой санаторской жизни? Хороша тишина, хорош покой? — «Тишина», описанная в первом письме и не дававшая мне спать — заставила меня переселиться в деревянный санаторий. А здесь...

О, проклятая вчерашняя ночь. С вечера — топили внизу, подо мной, печь антрацитом,— напустили сероуглероду через отдушину в мою комнату. Я не знал, куда деваться, что делать. Взял и налил скипидару. Кой-как заснул — в отвратительнейшем воздухе. Ночью проснулся,— ворочался, ворочался, зажег лампу,— и, о ужас, на стене нашел двух клопов.

— После этого почти всю ночь не спал. Лежал и лопался от нервного возбуждения, от злости.— Сегодня отчаянный понос (сейчас, к вечеру) и отчаянное настроение. Никакого просвета, никакого конца увечному существованию, с каждым таким разом терпения у меня остается все меньше. Возможно, что понос и от стола; кормят меня не очень-то важно.— Боюсь, что я не доживу здесь до конца месяца и уеду домой, если и дальше будет также скверно. Думаю, во всяком случае, дожить до субботы — до нового свидания со Щуровским.— Первая его консультация (24/XII) не дала мне ровно ничего нового и интересного. Диагноз: колит и «романит». Терапия... лавровишневые капли и decoctum condurango¹; клизмы из

крахмала и висмут при поносах. Да и той (клизмы) вот сейчас не могу сделать: фельдшерицы нет. Придется ограничиться лянговской пиллолей.— Диета, назначенная Шуровским, назначена была... с моих слов, потому что дело сводилось к разрешению того, что я переношу. Все то же, опротивевшее: курица, каша, рыба, и опять курица, и куриные котлеты, и все это без всяких соусов, безвкусное...

— Ах, госпожа Мирла, тяжело мне. И некуда голову приклонить. Нет Вас. Вы — мечтательница милая. Белый замок — с клопами и скверным запахом. У принца — болит живот и его недосказанные мечты — о клизме, его идеал — увы, недостижимый, по-видимому, — состояние, когда живот не болит, и можно есть, не дрожа от страха за каждый глоток.

4/1. 12 ч. Вчера на ночь выпил medinal² (в первый раз за все время) и поэтому проспал до 7 часов, т. е. около 8. Таким путем — чувствую себя сносно, несмотря на живот. Утром — ежедневный прием у врача (теперь новый, прежний ушел), мял кишки. Нисходящая ветвь ободочной кишки — очень болезненна, больше, чем бывало, даже раньше, у Лянга. Назначена диета из бульона и каш на бульоне, без мяса. Язык утром был изрядно обложен. Обливание утром было делать нельзя, на коньках кататься нельзя. Чувствую себя несчастным. С горя взялся даже за дела для м<инистерст>ва. Внизу у доктора поселились дети, днем вопят. И это санатория!

Напиши мне, г. доктор, твое мнение о моем отъезде домой раньше срока. Правда, пропадут деньги, но...

Пиши, Мирла. Присылай изредка газеты.

Е

1. Decoctum condurango (лат.) — отвар мыльняка.

2. Medinalum, barbitalum natricum (лат.) — барбитал натрия, снотворное.

№ 67

8 января 1912 г. Подсолнечная

8 января 1912 г.

Спасибо Вам, Мирла. Вы мне пишете, присылаете газеты. Вы помните обо мне, и больше. Иногда бывает нужно ощутить это, прикоснуться к этому, как к чему-то единственно прочному. Но эти «иногда» — приходят, когда начинаешь думать, оглядываться на себя. А делать это — здесь не очень-то полагается.

Но как хорошо можно приучиться бездельничать — когда это возводится в систему и когда видишь, что это делают все кругом с самым серьезным видом и без малейшего зазрения. Я отучаюсь даже читать. Лежу, напр<имер>, после обеда час 1 ½ на воздухе совершенным оболтусом. (Прочитал, впрочем, на днях «Юность» Чириковскую¹, прочтите; я часто вспоминал, читаячи, свой 905-ый год). До часу, до обеда, время совсем незаметно проходит. После утреннего завтрака — сидишь, ждешь приема у врача (теперь я перешел к новому, — о нем речь будет ниже). Часов около 10 ½—11 отправляюсь лежать на веранду — часов до 12. В 12 — иду на <каток>², до обеда катаюсь. После обеда — опять 1—1 ¼—½ лежу — и опять слегка катаюсь на катке, часов до 4—4 ½. Потом — чай. Вот теперь, после чаю, часов с 5 ½ — «свободное» время. Играю в это время на рояли, болгаю, иной раз — играю на бильярде (да!). От 7 до 8 — ужин. После 8 — опять такое же времяпровождение: бильярд, иной раз ненадолго прогулка (в одиночестве), или лежанье у себя в комнате с газетой. — О новом враче. Я не писал еще, кажется, что все три врача, заведующих санаторией (Майзель, Вяхирев и Поляков)³ — оказались воронежцами: кончили одну со мной гимназию, старше года на 2—3. Отношения установились хорошие, благодаря этому. И, пожалуй, к сожалению, потому что стесняешься ругаться, а иной раз, нужно было бы. Вот теперь мои горя: скверный воздух в комнате и плохая диета. Недавно подали тухлую ветчину утром; вчера за обедом — невероятно жирную кашу и тухлые котлеты: не стал ничего есть. Правда, тотчас же сварили яйца всмятку и дали вареной курицы, но... недурная диета! Все-таки за эту неделю, несмотря на расстройство кишечника и более строгую диету (несколько дней я был лишен сливочн<ого> масла, яиц, ограничен в мясе) я опять дал + 2 фунта. Всего вес (в платье, конечно) — 4 п<уда> 6 ф. Новый врач мой — Вяхирев. Ничего, дельный, как будто. В день получения Вашего письма с упоминанием об анализе экскрементов сам предложил мне сделать это: даже забавное совпадение. Кроме того, хочет взять и сделать анализ желудочного сока. Кроме обливаний — пока никакого лечения. В субботу, вчера, (тут дни очень путаются) Щуровский, встретившись со мной, сам предложил мне консультацию. Спрашивал, щупал. Ничего нового не дал. Пока оставил на той же диете. Кстати, какой второй диагноз Вам непонятен? Романит? Так это же — от *s. romanum*⁴: воспаление flexurae sigmoideae⁵. Я стараюсь увеличивать порции яиц и молока. Яиц съедаю пока по три в день: молока выпиваю (с какао) около стакана. Овощей пока почти не ем (только картофель).

Просыпаюсь, правда, не в 5, но все-таки часов в 6 ½—7. Иной раз бывает, что спишь часов 7 ½. А иной раз, как вчера и сегодня,— часов по 6 ½ — и тогда мигрень, легкая, положим. Как ни как, меня соблазняет перспектива исследований, предпринимаемых Вяхиревым — и я остаюсь еще в санатории, тем более, что после последних историй с диетой я все-таки поднял скандал — дело, кажется, немного будет лучше. Но больше месяца здесь не проживу.

Писать кончаю. Пора идти на ужин.

— Недавно получил письмо из дому: от Сабуровой⁶ пока никакого ответа. Рождественский пока все в забвении, да и как-то не огорчает меня это: настолько кажется странным и невероятным — работать здесь. О писани и не думаю.

Е.

1. Замятин прочел первую часть будущей тетралогии «Жизнь Тарханова» Е. Н. Чирикова («Юность», 1911; «Изгнание», 1913; «Возвращение», 1914; «Семья», 1925). Роман вышел двумя изданиями: Чириков Евг. Юность: Роман. М., 1911; 2-е изд.— Там же, 1912. Многие в этом романе, несмотря на то, что действие в нем происходит в конце 1880-х гг., было похожем на события в жизни Замятина в годы первой русской революции. Главный герой романа — студент университета Геннадий Тарханов увлечен общественной работой — он «библиотекарь» в нелегальной библиотеке, «судья чести» и «казначей землячества», «курсовой староста». За распространение и печатание нелегальной литературы он арестован, с ним арестованы его друзья и любимая девушка Зоя. После трехмесячного пребывания в тюрьме выпущен на поруки матери и уезжает на родину в Симбирск. О событиях прошлых лет Замятину напомнили некоторые сюжетные ходы романа — вечеринка, устроенная курсистками-фельдшерницами, театральный спектакль, на который Геннадий и Зоя идут вместе (правда, у Чирикова это — опера «Евгений Онегин»), посещение героя в тюрьме старушкой-матерью. Некоторые переживания и размышления Тарханова возвращали Замятина к пережитым когда-то чувствам и настроениям.

2. Слово «каток» случайно пропущено Замятиным.

3. Майзель Михаил Григорьевич, Вяхирев Александр Васильевич, Поляков Александр Леонтьевич — врачи санатория «Подсолнечная».

4. S. gomatum (лат.) — анатомический термин, отдел тонкого кишечника (полная сигма, сигмовидная кишка).

5. Flexurae sigmoideus (лат.) — сигмовидный изгиб.

6. Сабурова Мария Андреевна — фрейлина, дочь сенатора, председателя 1-го Департамента Государственного Совета Андрея Александровича Сабурова. Вероятно, М. А. Замятина обратилась к ней с прошением похло-

потать об отмене воспрещения Замятину проживать в Петербурге. В бумагах департамента полиции сохранились документы, это подтверждающие. На визитной карточке: «Мария Андреевна Сабурова, Фрейлина их Императорских Величеств Государыни Императрицы» рукой М. А. Сабуровой — ее обращение к вице-директору департамента полиции С. П. Белецкому: «Многоуважаемый Степан Петрович, не откажите, пожалуйста, на минуту принять г-жу Замятину для выяснения вопроса, который для нее весьма важен в данную минуту» (ДП—2. Л. 136—136 об.). Вскоре после получения этого обращения 7 марта 1913 г. С. П. Белецкий известил М. А. Сабурову о том, что дело Замятина прекращено (Там же. Л. 133).

№ 68

9—10 января 1912 г. Подсолнечная

9 января 1912 г.

Всякий раз, как мне становится очень скверно — я первым делом начинаю думать о тебе, Мирла (извиняюсь за фамильярность и «ты»: пора бы отвыкнуть, ведь уж более, чем полгода Вы перестали быть женой мне — в полном объеме этого слова). О Вас, Мирла. О Ваших нежных руках: ведь это единственное — и т. д. И о том, как мне было бы (будет?) трудно отказать от Вас и от этих нежных рук. И о том, что я теперешний — не имею права поддерживать Вашу (побледневшую — ибо я сам, объект, стал таким мертвым и бледным) любовь ко мне. И о том, что самым порядочным (ах, скажите пожалуйста: такой тип — и вдруг о порядочности!) было бы искусственно заставить погаснуть в Вас (последние) искры чувства. Потому что — чем, какими радостями могу я подарить Вас? А без меня, а избавившись от меня... ведь Вы так еще молоды, упруги, страстны, с такими красивыми руками, с такими улыбками; с таким звонким смехом...

— Так много Вам нужно еще, чтобы вышить себя до дна. А я — боюсь иногда, что уже вышил себя. Неприлично меняться бокалами, если у одного — пустой, у другого — полный. Это — жульничество. Пожалуй даже — дурной тон, что еще хуже.

— И вот, поэтому.. Хорошее «поэтому»: прихожу и кладу голову на Ваши колени.

Очень извиняюсь, больше не буду. Все дело в том, что сегодня проснулся в 5 утра, в том, что пишу, лежа, что сегодня уже три раза был понос, боли, тошнота, нет аппетита — настолько, что, вот, лежу в своей комнате — вместо ужина.

Ах, несчастье! Вероятно, все-таки играет роль тутошняя диета. Я останусь здесь, вероятно, числа до 15-го, чтобы получить эти два исследования (экскр<ементов> и желуд<очного> сока), установить разумным путем диету и лечение — а не наугад, и тогда уеду домой. Авось будет лучше. А если нет... — Уж, право, не знаю, что может быть..

Е

10 янв<аря>.

На ночь принял medinal'a. Проснулся в 8 ч. Изумительно! Сонное, но спокойное настроение. Язык очень обложен, но аппетит небольшой есть. Пил какао. За обедом — получу бульон.

№ 69

15 января 1912 г. Подсолнечная

Суббота. Января, неизвестно какого числа 1912 года.

А я только сегодня хотел писать тебе (извиняюсь): «я рад, что Вы поумнели,— бываете в театрах, на Гузике¹, что у Вас бывает Вадим и др., что Вы смеетесь». А она отказывается, и не хочет быть умной. Да, кажется, и впрямь не будет никогда. Ну, что ж, так счастливей живется. Самая пустота, вызываемая у таких людей отсутствием объекта чувств, самая грусть эта — является чем-то заполняющим жизнь. Гораздо хуже живется лунам — таким людям, как я, живущим призраками, обманчивыми, изменчивыми,— ночными тенями, неуловимыми, мелькающими,— совиными притворными рыданиями и притворным смехом,— светом зеленоватым, как вода, и холодным, скользящим поверху, высматривающим, жутким, зияющим.

Луны — потухшие, и могут светить лишь светом, отраженным от настоящего, горячего, красного солнца. Исчезнет солнце и у луны выставляется настоящий ее, оскаленный лик мертвеца.

Может быть — да, это возможно — солнцу приятно воскрешать мертвую луну,— приятно, потому что слишком велика его сила, потому что — избытие этой яркой силы и радостно расточать ее. Но...

Суббота же. Через пять минут.

О делах. Стул с понедельника нормален. Сначала — диета более строгая, затем — обычная, но с ограничением количества принимаемой пищи. Сон — все такой же, плохой (сегодня — не спал с 5 час., позавчера — тоже, вчера — с 6 ½ и т. д.). В результате сегодняшнего

взвешивания никакой прибавки в весе. На нуле. Было сделано микроскопическое исследование испражнений; консистенция нормальна, переваривание — идет; но это — во время строгой диеты и предполагается еще, теперь, когда опять вводятся в пищу жиры (слив. масло) и мясо.— В четверг было сделано выкачивание желудочного сока. Бр-бр-бр, какая неприятная вещь. Кончилось неудачно,— у меня нужно выкачивать раньше нормального срока, 45 мин. В понедельник будет еще, новое. С четверга же начали меня лечить синим светом,— прожектор с синим стеклом на область кишек, 10 минут, через день. По моему предложению, синим же светом обрабатывают и поясницу. Обливания каждый день 24°. С сегодня начинают ванны по вечерам — для улучшения сна. Лечение соблазняет меня остаться здесь еще. Увидим.

В четверг был у меня Уржумцев.

В общем, здесь мне не скучно. Играю теперь почти каждый день на бильярде, катаюсь на коньках понемногу, читаю очень мало, немного играю на рояли, часа по 3 лежу на воздухе. Дома — есть и преимущества, но есть и недостатки. Будет скучнее, буду читать больше, меньше буду на воздухе, не будет катка. Так что...

Впрочем, все увидим потом, после 20-го.

Рождественскому не написал еще ничего.

Лавровская история² ничего нового для меня не представляет и ни копейки не стоит. Читала, ведь, ответ градоначальника на письмо Боклевского³.

«Речь» у нас теперь выписывают.

Е

1. Ян Гузик, медиум. А. А. Блок в своем дневнике 1 января 1913 г. описал спиритический сеанс Я. Гузика в доме Е. В. и А. М. Аничковых (см.: Блок А. Дневник. М., 1989. С. 169—170).

2. О какой истории, связанной с Лавровым Алексеем Максимовичем, чиновником особых поручений при министре путей сообщения, идет речь — нами не установлено.

3. См. примеч. 1 к п. 61.

№ 70

21 января 1912 г. Подсолнечная

21.I.11¹.

Пожалуй, стоит начать с обзора за месяц. Общий tonus, несомненно, выше, сил больше; не измучиваясь, делаю небольшие, прав-

да, прогулки, катаюсь на коньках,— когда стоит хорошая погода, раза 2 в день; играю на бильярде. Положим, стоять долго около бильярда я не могу; положим, я наполовину катаюсь — наполовину сижу на лавочке. Но месяц назад о катке я бы, пожалуй, и не подумал. Играю на рояли по получасу и больше,— иной раз с удовольствием. А в Лахте, ведь, так редко звучало пианино. Общее увеличение веса за месяц — девять, почти десять фунтов. Ведь это тоже не так плохо? Последние 2 фунта прибавил сегодня.

— Кишки и желудок. С 10-го янв<аря>, когда последний раз был понос — все время были почти нормальные отправления; вчера — наполовину нормальное,— объясняю тем, что перекатался на катке. Отрыжки — несколько уменьшились, за последнюю неделю. Ем я довольно много; во всяком случае — часто бываю счастлив, т. е. наедаюсь досыта (для голодного — это первое счастье). Диета все та же; но все-таки в нее входит сливочное масло (*quantum satis*³), яйца, молочные каши, яблочные пироги, иногда — ростбиф.

С сегодняшнего дня начал принимать микстуру: *pepsini rossici*² 2,0; *acit. mural dilut*³ 1,0 и *ag. dest.*⁴ 200,0. Это — результат второго исследования желудочного сока. *Hyperaciditatis*⁵ — не оказалось, по крайней мере, по этому исследованию; наоборот, недостат<очно> *acid. mur.*, что-то около 8—10%. Судя, по сегодняшнему дню — микстурка, как будто, помогает.— Сон, сон... Вот мое горе. Как я завидовал Вам, здоровой девушке (хотя бы и не луне), спящей по 9 часов. Я аккуратно просыпаюсь в 5—6 часов. За последние 1 ½ нед<ели>, кажется, только раз проснулся около 7,— и то был счастлив. А то — каждый день головные боли (к<оторы>е, правда, проходят, когда побудешь на воздухе), фибриллярные подергивания etc. Делали ножные ванны на ночь, делали общие простые, теперь — соновые (28°, через день), но пока толку мало. К моим предложениям о гипнозе не очень-то сочувственно отнеслись.

Итог все-таки тот, что я еще останусь здесь, может быть, на неделю, может быть, на несколько дней, если... Дело в том, друг мой, что я немного соскучился по солнцу (?). Поехал бы поэтому в Гагры — но с Вами. Конечно, Гагры — не Балаклава, и я — далеко не тот (еще?), но... Санатория, сказать по правде, мне изрядно надоела, вместе со всей тугошней публикой. Есть неск<олько> типов и типич, к<оторы>х я совершенно не выношу. Я рискнул бы забросить на февраль и институт с Костей⁶ и Отдел с Рождественским. Но Ваши клиники? Их-то бросить жаль, если Вы чувствуете себя

³ в достаточном количестве (лат.).

теперь прилично, работоспособны, работаете с интересом и, вообще, наверстываете время, потерянное в Лахте.

Предложение Святловского, насколько я понимаю, относится, конечно, лишь к помещению. Да этого, конечно, более, чем достаточно, т. к. деньги у меня теперь, ведь, есть. Подумайте о Гаграх, да поскорей: если ехать, то теперь. — Разузнайте о том, какова там теперь погода; кто-то здесь мне говорил, что там в эту пору (в феврале) свирепый норд-ост с моря. Есть ли там водолечебница? И каково, вообще, Ваше мнение о Гаграх? И не слишком ли страшно ехать нам с Вами вдвоем? (Недавно видел Вас во сне — очень явственно, чересчур явственно).

Я не мог раньше написать Вам, потому что эти дни был занят: корректировал статью для «Русск<ого> судоходства». Случайно на днях прочитал в «Речи» оглавление о выходе 1-го № «Русск<ого> Суд<оходства>» и в проспекте — в числе прочих статей и моя (Кости Боклевского и моя — рядом⁷; как трогательно!). Пришел в ужас, потому что в конце статьи в расчетах было у меня наврано, а корректуры я еще не получал. Был поэтому очень обрадован, когда получил январский № только с частью статьи, и корректуру — для февральской книжки. И вот, два или три дня («умств<енный> труд» у меня от 5 ½ до 6 ½) сидел и корректировал. Остальное время все занято: лежанья, гулянья, еда, катанье, ванны, светолечение, прием у врача etc.

История Лавров—Кудырский⁸ меня заинтересовала. Но не верю... Потому что, ведь, ответ был послан, *наск<олько>* я помню, недели за 2 до моего отъезда в Екатеринослав, а в охранке я был (где мне сообщили результаты) — перед самым отъездом. Во всяком случае, о Лахте я думаю с изрядным отвращением и, конечно, с удовольствием жил бы в Питере. *Первое*, что нужно сделать — это узнать в градоначальстве, как разрешилось окончательно (если только могут быть сомнения) дело. Я думал сделать это, направивши Костю к Драчевскому. Но сейчас мне приходит в голову идея, не попросить ли Вас пойти в градоначальство, спросить секретаря градонач<альника> Евреинова, молодого человека очень милого и обязательного, — и навести просто у него справку. Результат справки может быть положительен, может быть отрицателен — да *ne vaut rien*^{*}. В случае отрицательном — у Евреинова же можно спросить, стоит ли начинать хлопоты. — И дальше уже можно было бы частным образом попытаться оказать влияние на градоначальство (хотя бы с помощью дамских ручек).

---

* не имеет значения (фр.).

— Пора итти ужинать. Прощаюсь с Вами. Жду от Вас ответа поскорей, особ<енно> о Гаграх. Один в Гагры я, пожалуй, не поеду: нет для этого ни энергии, ни охоты. Если почему-либо Вы выскажетесь о Гаграх отрицательно (в отношении меня или себя), тогда я недели на 1 ½—2 поеду в Лебединь. А потом... в Ляхту!

Е

P.S. Если Вам нужны деньги — очень прошу напишите мне; у меня сейчас есть свободные; переведу или дам довер<енность> Вадим<у>.

Вашу открытку получил. Начало мне понравилось.

— А Хорошева-то закрылась? («Всеобщая газета»⁹). Если у Нью<ни>¹⁰ руки не пахнут паталого-анатомическими препаратами, то...

Впрочем, то же касается и Вас.

Вадиму, Нишу (если он жив) и Лаврову — привет. На предмет нравоучения сообщите им, что здесь недавно лечилась одна дама-медиум, дошедшая до того, что по временам среди бела дня впадала в транс и беседовала с духами.

Вадиму особый привет от духа «ж-а».

Е

1. Замятин ошибся. Должно быть «12» (1912 г.).

2. *Pepsini rossici* (лат., мед.) — пепсин, средство для улучшения пищеварения.

3. *Acidum muriaticum ditut* (лат.) — раствор хлористоводородной кислоты.

4. *Argentum destillatus* (лат.) — дистиллированный раствор серебра.

5. *Hiper acitatas* (лат.) — повышенная кислотность.

6. Замятин преподает в Политехническом институте с октября 1911 г. На это указывает письмо К. П. Боклевского Замятину от 7 октября 1911 г.: «Согласно избранию Совета С.-Петербургского Политехнического института Императора Петра Великого, по представлению Кораблестроительного Отделения, Вы утверждены преподавателем по курсу корабельной архитектуры, сроком с 1 октября на 1911/12 учебный год» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 9).

7. Статья Замятина «Будущее морского судостроения и дноуглубительные работы в морских каналах и портах» была напечатана в журнале «Русское судоходство» в № 1 и 3 за 1912 г. В первом номере журнала за 1912 г. была напечатана статья К. П. Боклевского «Об условиях постройки коммерческих судов у нас и за границей».

8. Кудырский Роман Антонович — действительный статский советник, чиновник особых поручений при министре торговли и промышленности.

9. Еженедельная «Всеобщая газета» выходила в Петербурге в 1909—1911 гг. (редактор Н. П. Рябов, издатель К. П. Кириллов); М. С. Хорошева, вероятно, была ее сотрудником. Последний номер газеты (827) вышел 31 декабря 1911 г.

10. Здесь и далее Ньюней (Нюнькой, Нюничкой) Замятин называет М. С. Хорошеву.

№ 71

29 января 1912 г. Подсолнечная

29.I.12.

Письмо выйдет, вероятно, короче и хуже, чем какое-либо другое — потому что оно пишется в 7 час. утра, человеком невыспавшимся и с болью в левом виске. Я все не сплю и не сплю. Если просыпаюсь, как сегодня, в 6 ½ так и то уж хорошо. Хотя — какое хорошо, если вчера был принят мединал? Были как-то дни, когда спал до 4 и до 4 ½ часов. В результате — за неделю вес + только ¼ ф. (Хорошо, хоть не —). И увы,— в пятницу опять был понос, а вчера — опять сидел на полуголодной диете (без мяса). Тут, положим, я, кажется, сам виноват: объелся просто. Много катался на коньках перед обедом в пятницу, устал, проголодался и.— Каждый день теперь делают сосновые ванны 28° и каждый день (с завтрашнего) будут делать прогревание прожектором. Исследование (микроскопическое) отправления показало, что поперечно-полосатые мышцы или вообще мышцы — перевариваются (кишками) плохо, наполовину.

— В Гагры один я не поеду. Жаль, что Вы не согласились: то, что Вы нездоровы было бы только хорошо,— как раз два сапога составляли бы пару, да и Вам, вероятно, было бы небесполезно туда поехать. Ну, да теперь уж поздненько толковать об этом.

— Я решил масленицу пробыть в санатории. Все-таки воздух и условия пользования воздухом — здесь лучше, чем в Лебедяни. Да и читать я здесь меньше буду, чем дома. Может быть, в воскресенье на 1 неделку выеду в СПб (5-го), а может быть, в Лебедянь. Цель поездки в Лебедянь — запломбировать зубы. Потому что, как я буду пломбировать, живя в Лахте?

— Ах, эта Лахта? И вся эта история.

Милый друг. Я с удовольствием дал бы Вам полнейшую уверенность на ведение всего этого дела. Но как Вы можете быть уверенным, что действуя через Каменского (т. е. через Макарова¹) и, следовательно, вероятно, через Министров торговли и

пром<ышленности>, — Вы не сделаете хуже? Вот почему я и говорю, что нужно сначала узнать, есть ли надежда устроить это дело. Относительно Евреинова я писал в утвердительном смысле. И пишу еще раз: если у Вас, милое мое больное дитя, будет время и силы — то пойдите к Евреинову и узнайте. Чтобы Вам напрасно не ездить туда, узнайте сначала по телефону в Градонач<альстве>, там ли он.

В дальнейшем, если выяснится, что стоит поднимать всю эту историю — я, разумеется, доверяюсь Вам и предоставляю действовать, как угодно, если у Вас есть уверенность в благоприятном исходе. На всякий случай не забудьте о существовании удостоверения знаменитого от СПб судебной палаты — о прекращении дела. (Ах, как все это надоело!). —

О Вас. — Я очень огорчен Вашей малярией, — особенно, с точки зрения эгоистической, так как я больше люблю Вас здоровой, смеющейся и розовой, чтобы касаниями к Вам — прикоснуться к жизни. А Вы... дура (не обижайтесь, госпожа), что рискуете (театр) и не лечитесь. — Не забывайте, что я Вам должен 50 руб<блей>.

Е

На прошлой неделе я свихнулся и начал писать новый рассказ (из Владивостокской жизни! ²) — под влиянием рассказов одного типа в санат<ории>. Написал 2 главы и всю схему — и отложил. Устаю.

Пишите скорее.

Да, вот еще: Вы в Вашем доме в финском стиле ³ — надолго поселились?

1. Макаров Алексей Васильевич — служащий Канцелярии министра торговли и промышленности.

2. В это время Замятин работал над повестью, которой позднее дал название «На куличках». Сохранилась рукопись «Владивосток» — наброски к этой повести (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 1, № 21).

3. Это письмо отправлено Замятиным Людмиле Николаевне по адресу: Петербургская сторона, Гатчинская, 10, кв. 8, вероятно, именно этот дом он и имеет в виду.

№ 72

6 февраля 1912 г. Лебедянь

Лежу по 4 часа на воздухе (?), езжу лечить зубы, ленюсь. С любопытством жду известий о Евреинове. Письмо постараюсь написать

сегодня вечером. А это — только для того, чтобы сообщить, что мой адрес: Лебедань и т. д.

ЕвЗ

№ 73

7—8 февраля 1912 г. Лебедань

7/II—12 г.

Я вытаскил одно Ваше январское письмо: оно имеет для меня кое-какую связь с этим, последним. Я перечитывал, всматривался. И вот — маленькая мелочь. «Правда, теперь моя любовь — из бледных, неярких тонов», — вместо «неярких» — было сначала другое слово; может быть, более близкое к истине. Вечерних? Неужели уже вечер? Так скоро?

— «Моя любовь не нуждается ни в какой поддержке...» Милый друг, я не забываю почти ни одного слова из наших разговоров, и особенно — из некоторых. Увы, я ясно припоминаю один осенний разговор. — «Да, конечно, и моя любовь становится меньше, — раз она не встречает никакого ответа». Так говорила она — однажды. Теперь... — Бедная логика.

Да что, впрочем, логика. Очень много я полагаюсь на свои ощущения, инстинкт, чутье. Оно меня редко обманывает. Болезнь в одно прекрасное время становится меньше — не значит ли это, что она может стать и еще меньше, — что она излечима?

Я перехожу к вопросу о предстоящем мне (увы!) житье в Лахте (может быть, Вы и уловите какую-нибудь промежуточную ассоциацию).

— Нет, конечно, мне не только не «все равно» (как Вы сначала хотели написать), но даже и не «более менее безразлично» — быть там одному или с Вами. Но может быть — еще менее безразличен для меня вопрос о Вашем пребывании в городе, о связанных для Вас с этим удобствах и удовольствиях и — обратная сторона вопроса, — о неудобствах Ваших и неудовольствиях, связанных с пребыванием на Лахте. Я не чувствую себя вправе принимать от Вас и дальше какие-нибудь жертвы. Как ни странно для меня говорить о «праве», но, пожалуй, Вы — единственный человек, по отношению к которому я иногда чувствую себя не вправе делать то, что без малейшего зазрения совести делал бы (делал и делаю) по отношению к другим.

Вот отчего, если хватит у меня силы — не знаю только, хватит ли — постараюсь жить на Лахте один. Но, Бог мой, как будет груст-

но без Вас, — когда я представляю себе сейчас это. — Больше я этого, впрочем, не повторю. О, и для того, чтобы обмануть — я сумею подобрать достаточные доводы. Что-что, а уж вкуса-то у меня хватит, чтобы нарядить что-нибудь в костюм, выдержанный à la vérité*.

— Итак, мой милый друг, я буду Вашим «дорогим гостем». Это забавно — притти к Вам в качестве гостя. Но едва ли буду частым гостем, потому что, пока я в этой ссылке, мой образ жизни, даже при лучшем несколько физическом состоянии, — будет все тот же, что и до Рождества: вечные безумные мечты о поездках и вечная связанность с обедом и с ночевкой. И конечно — прежняя (или почти) усталость.

Это «почти» в скобках — не говорит ли Вам, что я чувствую себя все-таки несколько лучше? — Да, это есть, конечно. — Последняя неделя в санатории была очень неудачна: с 27 янв<аря> по воскресенье 5-го февр<аля> кишечник почти все время работал ненормально: то целиком жидко, то наполовину жидко. В субботу выкачивали меня еще раз. Вовремя не был принесен градуированный стаканчик и еще что-то, просрочили 40 мин., поздно стали выкачивать — в результате шиш. Спал четверг, пятницу и субботу до 7 и даже раз до 7 ½ час. Это, конечно, прогресс, хотя купленный ценою изрядных доз sabromin'a¹ (знакомо Вам это?). В дороге и дома — две ночи спал скверно. Зато воскресенье, понедельник и вторник — кишечник был нормален.

8/II—12.

Опять — в половине шестого... Но это бы еще неважно, — к недосыпанию я уже привык, хуже — другое: сегодня утром опять почему-то кишки расстроились. Это на меня действует гораздо хуже. Сегодня 18° мороза: лежать, пожалуй, на воздухе не придется. Пойду сейчас к сестре, попробую поиграть на рояли. Ее дом готов давно, она живет там. Поэтому в нашем доме очень тихо. Езжу каждый день к зубному врачу. Как будто — очень хороший и внимательный (на днях он переезжает в Москву, будет работать там). Глажу себя по голове за то, что придумал сделать это — лечить здесь зубы: оказалось, мне нужно чинить 7 или 8 зубов. Воображаю, как бы я измучился с ними, если бы делал это в Питере — от поезда до поезда. К концу недели все зубы, вероятно, будут закончены и я смогу уехать отсюда. Хотя, Бог мой, мне так не улыбается Лахта — пустая, холодная, брррр... Но надо же жить (да? зачем?). Если не буду чувствовать

---

* как подобает (фр.).

себя очень скверно, выеду в понедельник, т. е. в Питере буду в среду,— в среду же поеду в институт. А оттуда уже — в Лахту. Чтобы привести мою тюрьму в приличный вид, по крайней мере, в теплый,— мне кажется, нужно начать топить ее, вероятно, дня за три—четыре. Как мне ни неприятно отнимать у Вас для этого время, но придется попросить Вас: госпожа Мирла, не можете ли Вы в воскресенье поехать в очаровательную Лахту (взяв с собой, чтоб не было скучно, кого-ниб<удь> из очаровательных поклонников — и лыжи, буер etc.), дать денег Наталье Федоровне или Александру Ивановичу² на дрова и приказать топить эти дни квартиру. Маму я попрошу поехать раньше, но едва ли она сможет выехать раньше воскресенья. Поедет она ненадолго,— думаю, недели на 2—3—4: нужно вернуться домой, потому что сестра тоже собирается в санаторию, плохо себя чувствует — нужно быть кому-н<и>б<удь> при ее детях.

— А вдруг Вы мне напишете, что по справке у Евреинова оказалось, что ...? — Мечты, мечты — вроде Ваших о Сибири.

— Друг мой милый, не очень прислушивайтесь к тому, что было написано вчера с проницательностью Холмса: было такое уж глупое настроение. Стоит мне только увидеть Вас, выражение Вашего лица, чуть-чуть почувствовать Вас, чтобы... — Я жду письма.

Е.

1. Sabromin (лат.) — снотворное, которое недавно стал применять Замятин.

2. Наталья Федоровна и Александр Иванович — хозяева дома в Лахте.

№ 74

10 февраля 1912 г. Лебедянь

10/II—12.

Милый друг. Вы уж извините, что я так неурочно пишу Вам. Но что ж делать: захотелось. Видите ли, сегодня день необыкновенный: спал до 8 час. И вот, как только чувствую себя немного лучше, чуть больше в себе жизни — так хочется отдать ее на любовь к Вам.

— Лежал сейчас (5 час.) в зале, один. Воеет ветер, холодно. И думал о Вас: так хотелось поласкать Вас немного. Не Ваших ласк, а — ласкать Вас. Конечно, очень скромно. То, о чем я думал, Вы уж меня извините, было вот что: сначала немного прижаться к Вашим губам, немного — так, чтобы не лопнуло сердце: потом (простите, ради

Бога) поцеловать через платье Вашу грудь,— почему-то, я представлял, правую (вероятно, потому, что Вы сидите, а я стою перед Вами на коленях); и, наконец, как это ни странно, открыть и поцеловать Ваше правое колено.— Вот и все. Но должен сознаться, что даже и сейчас со мной Бог знает что делается: я дрожу. Что ж будет, когда это будет на самом деле? А ведь это будет. Вы мне напомните тогда, если я что сделаю не так или забуду сделать.

А если Вы захотите, чтобы однажды я совсем умер, то однажды... однажды вечером... Мирла, пусть однажды я умру.

— Все это, конечно, фантазии (а вдруг нет?). А действительность такова: сегодня часа три сидел у дантиста, положено 8 пломб, заплачено 29 ру<блей>. Один зуб болит; придется, вероятно, завтра высверливать пломбу. Завтра будет чиниться еще один зуб.

Моя мать заболела сегодня: хорошо, если не pneumonia*. Я, впрочем, думаю, что это какое-нибудь мышечное воспаление. Вот будет скандал, если она заболеет и не сможет ехать: ведь, Вы-то моей матерью не сможете быть — слишком молоды, слишком заняты, да, пожалуй, и я настолько-то люблю Вас, чтобы не эксплуатировать, как мать. Если она (мать) будет больна — не пришлось бы отложить отъезд. Если этого не будет, то завтра я пошлю Вам письмо для того, чтобы Вы отправили его в Институт: там будет просьба вывесить объявление студентам о том, что буду в Институте в среду.

Е.

Напишите, если успеете о Вашей «малярии» и о том, что в Лахте.

— Вчера занимались спиритизмом: я, сестра и тетка. Столик бегал очень энергично. Как бы не посидели и сегодня.

№ 75

12 февраля 1912 г. Лебедянь

12/II—12.

Болит голова, полна тумана. Оттого и письмо будет туманное, с медленным, еле ворочающимся языком.

Так скверно оттого, что скверно (очень) спал сегодня. И вообще — чувствую неважно. Кишки так ведут себя, что вчера делал две клизмы etc. В общем, значит, вот уж 2 недели, как опять испортилось все дело. А Вы-то писали мне однажды: «А дальше будет еще лучше — поверь мне». Зачем же Вы меня обманули?

---

* пневмония, воспаление легких (лат.).

Уж не везет — так не везет. У матери сегодня лихорадка и прочие не очень-то хорошие симптомы. Ясно, что ехать она завтра не сможет, — иначе может получиться история, что по приезде в Петербург, не она за мной будет ухаживать, а я за ней! Боюсь, что придется мне отложить отъезд — на 2—3 дня. Если она не поправится — придется ехать одному. Это мне улыбается еще меньше. Пропаду я один в Питере.

Если будет надежда на поправку матери (сегодня, сейчас придет доктор) — выеду с ней в четверг. Она отправится в Лахту, я — останусь пока в городе. Боюсь, что придется затруднить Вас и просить устроить мне ночевку (я не знаю, ведь, что делается в Лахте). Кстати, я не прочь хоть один вечер провести (с кем?) в городе, прежде, чем отправиться в тюрьму.

— Отчего Вы не пишете мне? Сегодня я мог бы уже получить от Вас письмо, но...

Напишите мне, госпожа моя. — Мне очень скверно и скучно. Боюсь, что с горя сегодня опять заверчу столик.

ЕвгЗ

№ 76

15 февраля 1912 г. Лебедянь

15/II—12.

Как я завидую Вам — здоровой, свободной делать, что угодно, девушке. — Я только что получил Вашу открытку. Вы веселитесь, каким бы то ни было весельем — я рад. А я...

Сегодня спал часа 4. Кишечник вчера был в отчаянном состоянии. Ну, и чтоб быть совсем наверху блаженства — я получил инфлуэнцу. Начало — в понедельник. Утром — отчаянная головная боль, боль в руках, ногах, легкое повышение темп<ературы>. Принял зверские дозы salyrigin'a и Natr. salycil¹. К вечеру лучше. Сегодня опять хуже. Из-за головной боли не спал сегодня ночью: спал часа 4.

Главное, что меня повергает в отчаяние — сегодня это отчаяние уже какое-то равнодушное к себе и немного ироническое — это мои кишки. С удовольствием подумывал: не пора ли кончить комедию? Впрочем, сначала еще кой-что попробую.

И прежде всего попробую приехать в Петербург. Pardon*, в Лахту. Выеду, — если не будет хуже, — в четверг или пятницу; если в

---

* извините (фр.).

пятницу — то поеду, д<олжно> быть, курьерским, т. е. буду в ПБ в субб<оту> вечером.— Мама тоже больна; поедет со мной.

Е.

1. Salypirin (лат.) — салипирин, лекарственный препарат из группы жаропонижающих средств; *patrii salycilas* (лат.) — салицилат натрия — противовоспалительное и жаропонижающее средство.

№ 77

30 августа 1912 г.¹ Клин

№ 1. Клин.

Мне начинает не везти. Ночью мои дураки-соседи (дама внизу и тип) говорили до часу о неомальтузианстве и о прочем. Заснул поздно, спал плохо. Дурак-проводник разбудил меня по ошибке на час раньше, чем нужно. И, наконец, часов в 5 — брунс 2+ (вечером был 4+) ². Конечно, потому что в Любани ел буттеры, пил чай, сушки etc.

По этому поводу пью в Клину чай с молок<ом> и маслом.

1. Датируется по штемпелю на почтовой карточке.

2. Словом «брунс» Замятины в переписке обозначали функционирование кишечного тракта, с его оценкой по пятибалльной системе.

№ 78

2 сентября 1912 г. Подсолнечная

Воскресенье, 2/IX—12.

Прескверно себя чувствую. Все время не высыпаюсь. С 7—7½ начинается ходьба, шум, не могу спать (я поселился в каменном доме). И, кроме того, светло; из-за этого вчера проснулся в 5 час.

Это не все. Брунс — увы. Вчера утром был 4+. А сегодня утром — 2=. Черт знает, почему. Вероятно, вчерашняя еда: утром были плохие яйца, — я, дурак, съел одно, получше; за обедом ел морковные котлеты, ростбиф, суп и яблочный зефир. И вот результаты.

Очевидно, я и двух недель не просижу в санатории, если дело будет так итти. Поеду домой.

Воздух очень хороший. Много лежу на воздухе. Позавчера и вчера играл, понемногу, в теннис. Публики много. Пасмурно, но не очень холодно, и дождя нет.

ЕвгЗ

7—8 сентября 1912 г. Подсолнечная.

7/IX—12. № 3

Потом 2-, потом 1. Так, кажется, четыре дня, — «жарил»; иной день по два раза. Наконец, я взялся за ум, вернее — за *argentum*¹. В результате — вчера брунс 4, сегодня тоже 4.

Кормят меня — отвратительно. Никогда не делают то, что прошу. Иногда из-за этого бываешь полуголодный. В общем чувствую себя не замечательно, похудел.

Взвешусь завтра — напишу вес; когда взвешивался первый раз — было (в платье) 3 п 28 ф. Не густо!

Барыба-дурак² лежит, ни с места. Ужо уеду домой (пока рассчитываю сделать это 14-го сентября) — там со скуки и допишу.

Здесь как-то не работается. Много лежу на своем балконе и читаю. Играю на рояли, в бильярд, в теннис, в шахматы. Сегодня (часов в 5 — сейчас около 4-х) собираюсь итти ловить рыбу. Совсем обращаюсь в детство.

В моем распоряжении — пара девиц, которые меня развлекают; одна из них — Щукина, о которой как-то говорили. Тогда я врал, конечно, — не был знаком с ней!

Получил сейчас два письма: одно из-за границы, другое из Питера. Долго недоумевал на счет заграничного, кто бы. Оказалось — Романов³. Другое — от Вадима. Об Эмбе⁴, конечно. Тоскует. Вчера от него имел письмо о том же. Написал ему и Кункину⁵ (у которого просил денег на оплату Эмб).

8/IX—12.

Сегодня брунс опять 2+. Я очень огорчен. Пожалуй, опять нужно будет *argentum*.

Спал сегодня и вчера около 8, позавчера около 7, те два дня — по 8—8 ½.

ЕЗ.

1. *Argenti nitras, argentum nitricum* (лат.) — ляпис, нитрат серебра — противовоспалительное средство при хроническом гастрите и язвенной болезни.

2. Анфим Барыба — герой повести Замятина «Уездное».

3. Вероятно, Романов Евгений Александрович — старший инспектор торгового мореплавания и портов, член Технического совещания Отдела торговых портов.

4. Эмб (от лат. embolium, иронич.) — любовная интрижка; здесь употребляется в значении «любовница».

5. Кункин Иосаф Яковлевич — морской инженер, однокурсник Замятина по Политехническому институту и его сослуживец.

№ 80

13 сентября 1912 г. Подсолнечная

13/IX—12 г.

№ 5

Je dois de vous annoncer, chère Ludmila Nicolaewna, que je me porte un peu mieux, qu'avant, mais seulement un peu. Quant à dormir, ça ne va pas bien; je puis dormir ne plus que 7 heures. Mais quant à mon brounce — ça va mieux: avant-hier il y avait le brounce 4, hier — aussi 4, aujourd'hui — presque 3x.

En général,— je me portais mieux dans S-Petersb<ourg>, qu'ici. Le même dit et mon poid: mon poid maintenant est seul<e>m<ent> 3 p. 25 ½ f.! (quand j'ai arrivé il y avait 3 p. 28 f.).

Et, en ces circonstances, je m'en vais de sanatorie — au demain ou après demain.

(Suite)

№ 5a

Je crois, que à la maison la nourriture sera mieux, et ça — est tout qu'il faut. Mon adresse sera, Vous savez, Lébédian, Tamb. goub. à moi.

Maintenant je m'adresse à vous, comme au médecin. Soyez si aimable, écrivez-moi le récépte d'argentum nitricum — pilules; je n'ai pas ce récépte chez moi. Et encore une prière: ayez la bonté faire que je prendrai la gazette «Речь», quoique deux fois dans la semaine.*

---

* Я должен Вам сообщить, дорогая Людмила Николаевна, что я чувствую себя немножко лучше, чем прежде, но только немножко. Что касается сна, то дело обстоит неважно; я могу спать только 7 часов. Но что касается моего брунса — с этим лучше — позавчера он был 4, вчера тоже 4, сегодня — около 3x.

В целом — я чувствовал себя лучше в С-Петербур<урге>, чем здесь. О том же говорит и мой вес: мой вес теперь только 3 п<уда> 25 ½ ф<унта>! (когда я приехал он был 3 п<уда> 28 ф<унтов>).

И при таких обстоятельствах я уезжаю из санатория — завтра или послезавтра.

(Продолжение)

№ 5a

Я думаю, что дома пища будет лучше, а это именно то, что мне нужно. Мой адрес, Вы знаете, Лебедьян, Тамб<овской> губ<ернии>, на мое имя.

Теперь я обращаюсь к Вам, как к врачу. Будьте столь любезны, выпишите мне рецепт на argentum nitricum — пилюли; у меня этого рецепта нет. И еще одна просьба: будьте добры, сделайте так, чтобы я получал газету «Речь», хотя бы два раза в неделю.

Pourquoi n'écrivez — Vous, rien? Ne m'oubliez pas. Et tous mes amis font la même chose: n'écrivent pas. Comment va Emba? Et vos affaires dans в Лигово?*

EZ.

1. Замятин изучает французский язык и допускает ошибки. Здесь и далее составители воспроизводят текст на иностранных языках без исправлений, особо не оговаривая ошибки. Перевод текста на русский сделан, исходя из общего смысла фраз. Также не оговариваются случаи транслитерации русских слов.

№ 81

15 сентября 1912 г. Москва

15/IX—12.

Уехал из санатория,— чтоб ему пусто быть. Чувствую себя неважно; спал последние ночи отвратительно; брунс 2+ и 2+. Вы ничего не пишете.

Все же — je baise vos mains** и поздравляю¹. Жду писем в Лебедянь.

Ев Замятин

1. Замятин поздравляет Людмилу Николаевну с приближающимися именинами.

№ 82

21 сентября 1912 г. Лебедянь

21/IX—12.

Да, конечно, эти три страницы Вашего письма не огорчили меня. Даже обрадовали, даже приятно их было читать. Приятно — потому что холодному, замерзающему, умирающему приятно подойти к горячему, — приятно соприкоснуться с горячим.— Так и я.

Но именно потому, что я пуст теперь, что я — умер, неверна половина Вашего письма, ненужна половина Ваших пыток. О, нет, не оправдываться я хочу: это — жалко, этого не позволяют моя любовь

---

* Почему Вы ничего не пишете? Не забывайте меня. И все мои друзья поступают так же: не пишут. Как поживает Эмба? Как Ваши дела в Лигово? (фр.)

** целую Ваши руки (фр.).

к свободе (да, бывало, конечно, что я и «драпировался»). Но просто, дело сейчас обстоит так, что ни одна женщина не волнует меня, ни одна — не дорога мне. Все — безразличны. Если есть у меня что-то, то именно к Вам. Я не решаюсь даже дать имя этому чему-то, это, конечно, только бледные зарницы далекой грозы. Но, во всяком случае, большего — у меня нет ни к кому. Это — правда, может быть, и очень печальная, и зависящая от того, что я вообще — мертв, пуст, что я намеренно поверхностно отношусь к жизни, что я часто себя ненавижу.

Бог мой, да не стоит говорить об этом. Все это — пустяки. Важно — министерство, институт, эмбы... Все, чем втираешь себе очки.

Итак, приеду я 1 или 2 октября. Если будет это 2-го, в тот же день поеду в Институт. Дома — сплю хорошо. Брунс — плохой; раза два только был хороший. Болит зуб.

Сейчас еду с мужем А<лександр> Ив<ановны>¹ сыграть на бильярде.

Барыбу понемногу пишу.

Евг.

1. В. В. Волков.

№ 83

26 сентября 1912 г. Лебедянь

26/IX—12.

Милая Мила Николаевна.

Я с удовольствием начинаю думать о том, что через несколько дней приеду в Петербург, увижу Вас. Не прочь даже насчет Лахты. Право. Очевидно, близится к концу месячный предел, после которого я всегда начинаю ощущать отсутствие Вас.

Я приеду либо 1-го вечером, либо 2-го утром. Если решу ехать с курьерским из Москвы 1-го, то телеграфирую. Так что вечером 1-го Вы загляните домой.

Но как же быть, если вечером: уже тащиться в Лахту? А будет ли там Лена, дрова etc.? Опять начинается Лахтинское. Ох...

Я последнюю неделю чувствую себя незамечательно. Брунс в начале недели совсем расстроился, особенно после того, как я раз как-то (после 2-) попробовал сделать клизму из соды + танина + 20 кап. иода (рецепт проф. Усова¹ в Москве). После этого понос жарил, жарил. Раза 4 в день. Вчера брунс был 4, сегодня — 3 (половина на половину).

Сплю после<дние> неск<олько> н<оче>й незамечательно. Барыбу пишу мало. Все перечитал, даже читать нечего. Вчера ездил играть в бильярд.

А в общем — уже хочу в Петербург.

Евг З.

Очень благодарен за «Речь», она доставила мне большое удовольствие.

1. Усов Павел Сергеевич — доктор медицины, приват-доцент Московского университета.

№ 84

6 июня 1913. Кострома¹

Ужас.— Правда, не с той стороны. Впечатление такое, что все время кто-то издевается. Кто?

В купе изводила девчонка — ребенок. Наконец, уходят. Я остаюсь один. Предвкушаю ночь. Спешу закрыть дверь купе.— Не закрывается, что-то хрустит. Секундочка.— И оказывается, хрустел мой палец (на левой руке). Весь ноготь почернел (на больш<ом> пальце), болел всю ночь, глаз ни на минуту не сомкнул — что-то дальше будет?

ЕЗ

Еду, вероятно, в 2 часа с пароходом. Так все тошно, так болит палец, что где уж тут по городу ходить.

1. Датируется по содержанию следующего письма.

№ 85

7 июня 1913 г. Кострома

7/VI 13 г.

Сегодня пальчик дал ночью спать. И утром ничего.— Вчера в Рыбинске пошел к доктору. Тот забинтовал с картоном, смазал иодом, сказал — может и нагноения не будет.— Выспался (несмотря на аховый шум), чувствую себя сносно. Вчера и сегодня брунс плохой; позавчера был приличный. Но ведь я вчера (после бессонной ночи) был голоден и ел, как сумасшедший.— Холод аховый, дождь идет.

Со мною едет Юнг¹ из Петерб<урга>, — помнишь, с которым встретились в Крыму? Ездили вместе на Ай-Петри?

ЕЗ

Выехал вчера в 2 из Рыбинска; имею отдельную каюту.

1. Юнг Эдмонд Эмильевич — инженер, жил в Петербурге по адресу: ул. Б. Зеленина, 2.

№ 86

8 июня 1913 г. Нижний Новгород

8/VI 13. Нижний

Ночью спал отвратно. В Нижнем — дождь, холод, отвратно. Пальчик попискивает, но тихонько. Купил для него в Нижнем предохранитель (Sic!). — Брунс сегодня неизвестен еще.

Это письмо будет Вам в Питер последним, если Вы уезжаете 13-го. Буду писать уж в Златоуст. Пишите мне, Мила Николаевна. Привет дуракам.

Евг З.

№ 87¹

14 июня 1913 г. Царицын

14/VI 13.

Только сегодня получил в Цариц<ыне> оба письма — открытку и закрытое. Газет — нет. В Нижн<ем> — ничего не получ<ил>. — Да, «господину», конечно, не так легко можно поверить, как поверит безмозглый палец.

Еду в Луганск, в отд<ельном> купе 1 кл<асса>. Но... не весело что-то. Кишки и проч<ее> — неважно: на заводе плохо кормили. Из Луганска напишу.

Е.

1. Письмо отправлено по адресу: Златоуст, ул. Никольская, 18.

16/VI 13.

Маленькая улочка. Дом с черепичной крышей. И по улочке мчит-ся какой-то невообразимый экипаж: дроги на четырех колесах с черными деревянными перекладинами; на перекладки положена пестрая ситцевая подушка, и на подушке сидит удивительный господин в ржежем пальто и под зонтиком.

Из этого описания ясно, что дело происходит не в другом каком месте, а в Луганске, под окном заводского «Гранд-Отеля».

Впрочем — *q[u]and même** — решено, что сегодня вечером я иду в театр. Да-с, в Луганский театр мишеньяюр, в «коммерческом общественном саду». Там же будет концерт и фейерверк. Целые дни здесь молчишь: надо хоть послушать, как кругом говорят.

Нет, здесь в городе (право, он, на мой взгляд, не очень хуже Царицына: оба лучше) — вечера еще не так страшны. А вот — когда сидел я в своем купе перед окном и ехал от Царицына. Была степь. Ровная, зеленая или желтая, одинаковая, безмолвная — и вправо, и влево, и впереди. Падало солнце — и так страшно умирала степь, так пустела, так страшно чернело ее лицо...

Очень одиноко и жутко было. В кармане у меня лежали два Ваших только что полученных письма. И я думал: «Но она совершенно искренно это говорит. Совершенно искренно не видит, потому что не хочет видеть, или, вернее, хочет, чтобы этого еще не.. Но разве могло этого не быть? Так нещадно толкла в ступе жизнь, что, естественно, должны были остаться одни черепки. Не могла уцелеть ваза? О! Вспомнить только, вспомнить только! Разве что-нибудь только похожее — могло быть тогда? Черепки. Может быть, жалость. Да, это. И еще — честность, особый вид честности. Развалины. И между камней нет-нет да и проскользнет змейкой — ненависть. О, только раз ее увидеть — и уж нельзя забыть, что она живет здесь в развалинах, и делает их страшными?» — Вот что думал я. Смотрел в окно в степь — такую пустую, что, казалось, что-то высасывала из меня.

Весь следующий день — степь, степь, степь. К ночи — запылали кругом огни доменных печей, полетела угольная пыль, потянулись какие-то вереницы вагонов. И все-таки — степь, пустая степь.

Итак,— иду веселиться в театр. Кажется, увеселяться разными Лугансками — мне предстоит еще довольно долго. Вчера получил

* вопреки всему, все-таки (фр.).

телеграмму от начальника работ Николаевского порта, в которой меня извещают, что есть материал для приемки еще на 2-х заводах: Никополь-Мариупольском и Донецко-Юрьевском. Никополь-Мариупольский завод, кажется, в Мариуполе, а где Донецко-Юрьевский — даже не знаю. Запросил сегодня телеграммой. Когда попаду в Николаев — не знаю. Если у Вас, Мила Николаевна, явится охота писать мне вот это время, — так пишите до востребования в Николаев, — приеду — получу. А то бросьте открытку в Енакиево, Русско-Бельгийский завод, Дом приезжих, мне. Вероятно, мне удастся выбраться из Луганска во вторник. И, вероятно, поеду прямо в Енакиево.

Мне уж немножко начинают надоедать эти странствования — не говоря уж об отдельных тяжелых моментах. Книжки почти все перечитал. Читаю тьму всяких газет. Почитайте «Русские ведомости» № 130 от 7 июня. Я купил это в Казани. Читаю — глядь фельетон о двух новых повестях — Чапыгинской (в «Русской Мысли») и о моей, о Барыбе¹. Дураки — хвалят. Если не найдете — я Вам пришлю вырезку (если захотите, понятно).

Сейчас передо мною самовар. Отдамся ему. Кормят — тоже (пока, впрочем, ел один раз) не очень замечательно. Брунс — вчера плохой. Я ем, не робею, много.

ЕЗ.

Как вчера меня ловко с вокзала прокатили на заводских лошадях, беда!

Спал сегодня хорошо.

Загорел я, как черт.

1. В газете «Рус. ведомости» (1913. 7 июня) была напечатана рецензия И. Н. Игнатова «Литературные отголоски: «Белый скит», повесть А. П. Чапыгина, «Уездное», повесть Евг. Замятина».

Повесть А. П. Чапыгина «Белый скит» напечатана в журнале «Рус. мысль» (1913. № 4—6), повесть Замятина «Уездное» в журнале «Заветы» (1913. № 5).

№ 89

22 июня 1913 г. Енакиево

22/VI 13.

Черт их возьми с этими заводами. Вот в Енакиеве этом сижу с понедельника. Завтра только выберусь отсюда. Часов по 6 в день

приходилось работать. Да еще иной день работа эта идет в кузнице. Жара адская, пасти печей кругом, стук, дым — отчаянно устаешь здесь. Вечерами только и способен был — лечь и лежать, в книжку глядеть. Раз только пошел в сад, где был кинемо и малорусский спектакль. Просидел до половины и ушел домой спать. Устаю так здорово, что сплю, как черт. Даром, что довольно хорошо слышно, как шумит и гремит завод, да и окно, конечно, далеко не герметически закупорено.

Окно в комнате — огромное; тройное, со ставнями. За окном — сад и видны зарева доменных заводских печей. Хорошая комната. И кормят здесь сносно, куда лучше, чем в Царицыне и чем в Луганске в «Гранд-Отеле» этом. Забавная здесь компания за столом: один старый путейский инженер, один англичанин (ни слова по-русски, кроме «нет корошо», и «водка»), один бельгиец, один немец, один хохол, один еврей и я. Компанию составляют: англичанин, хохол, еврей и я. Так и в театр ходили.

Здесь я ем то, что дают, т. е. не ем зелени и ем много мяса, масла. И — *horreur** — дня четыре—пять кишки лучше. Вероятно, той же диеты придется держаться и все остальное время, пока не доеду до Николаева. А там, может, для пробы перейду и опять на вегетарию.

Завтра вечером еду на ст<анцию> Алчевскую, часа три—четыре езды отсюда: там Донецко-Юрьевский зав<од>. С этого завода получил телеграмму — слава Богу, материалу немного. Так что во вторник смогу выехать в Луганск. (В Луганск — потому, что там материал на зав<оде> не был готов). Из Луганска в четверг — в Мариуполь. В пятницу — в Мариуполе (любопытно: там ли Борис Крылов¹? Едва ли). Сколько здесь придется просидеть — не знаю. Думаю, числа 3—4 удастся выехать в Николаев (наконец-то! Я просто начинаю о нем мечтать — так устал от кочеванья). Если будет тихое море — обязательно поеду морем. Так противно, жарко — тащиться в вагонах. В Луганске надеюсь получить от Вас, Мила Николаевна, открытку. Впрочем это будет в том случае, если Вы получили мою об этом (о Луганске) открытку, отправленную из Енакиева числа 19-го, 18-го². Во всяком случае Вы могли бы рискнуть написать мне в Мариуполь: Никополь-Мариупольский завод, Дом приезжих — мне. Я был бы рад получить от Вас письмо. А то что ж — царицынское то — старое уж.

ЕЗ.

---

* ужас (фр.).

1. См. примеч. 4 к п. 12.
2. Эта открытка не сохранилась.

№ 90

26 июня 1913 г. Луганск

26/VI 13

6 часов утра. Я еду в Мариуполь. Встать в 5 часов — *c'est trop pour moi**. Но выбора не было: если бы выехал вечером, то приехал бы в Мариуполь в 4 ½ часа у<тра> — все равно.

Черт его знает почему — жарко ли было, или угнетала мысль, что нужно не проспать 5 часов — но только всю ночь сегодня — не спал ни капельки. Даже удивительно. Около 4-х решил, что больше пытаться не стоит. Открыл окно. Утро — очаровательное. Но мне было не до любованья: такая началась холера, что беда. Тем не менее, наперекор стихиям, я на вокзале в Луганске выпил стакан (дрянного) кофе, — уж очень скверно себя чувствую. Холеру отношу на счет бессонной ночи. То же самое со мной было позавчера, когда я очень устал, злился и отвратительно спал на Донецко-Юрьевском заводе. А вчера кишки были хороши, и в Енакиеве дней 5 — тоже. Д<олжно> б<ыть> потому, что в Енак<иеве> аккуратно дважды в день пил водку (!)

На Донецк<ом> зав<оде> пришлось ночевать черт знает где, в трактире. Впрочем, комната была похожа на Валаамскую. Я вспоминал —

От Вас письма в Луганске не получил. А думал.

№ 91

29 июня 1913 г. Мариуполь

29/VI 13.

Сегодня, наконец, кончил приемку в Мариуполе. Мечтал утром встать, уложить вещи — и ехать в Николаев. И, о ужас: будят в ½ 8-го и приносят телеграмму — ехать в Царицын... Я еду все-таки в Николаев. Мой адрес там — Лондонская гостиница. Колит — отчаяннейший.

Завтра из Екатеринослава напишу.

---

* это уж слишком для меня (фр.).

30/VI 13.

Вот, видите ли, государыня-рыбка, я пишу Вам это письмо, сидя в Екатеринославе на вокзале. Здесь я — наперекор стихиям. Еду отсюда в Николаев, буду там завтра в 7 час^{ов} у^{тра}. Мой адрес — Лондонская гост^{иница}, прошу принять к сведению.

Теперь о злоключениях.— На Мариуп^{ольском} зав^{оде} я встретил Б. В. Ратькова (Гельсингф^{орс})¹. Мило проводили с ним время. Однажды нас потащил директор зав^{ода} на парадный ужин по пов^{оду} открытия нов^{ой} мастерской. Пришлось выпить шампанского. Кишочки запищали. На друг^{ой} день в пятницу кончил дела на зав^{оде}, решили с Ратьковым в субботу поехать на пароходе из Мариуп^{оля} в Керчь, из Керчи в Ялту. Я даже рассчит^{ал} зажулить неск^{олько} дней и прожить их в Ялте. Вечером ужинали с Ратьк^{овым} в Мариуполе. Черт его знает, какую гадость мне дали, но только поднялся ночью (на субб^{оту}) и утром (субб^{ота}) отчаянный колит, с болями. Все-таки на парох^{оде} из Мариуп^{оля} поехал. Колит—колит... Ничего не ел. Качало, публика крутом кормила рыб. Я-то ничего, но мысль о ночи — пугала. В Бердянске слез — и вот сегодня в Екатеринославе. Буду здесь болтаться до 6 час^{ов} веч^{ера} (сейчас 10 у^{тра}). Поеду в Потемк^{инский} сад. Сегодня живот не болит: принимаю каши с опием (Тильмана).— Да, вот что забыл: в субб^{оту} утром получил из Никол^{аева} телегр^{амму}, что мне нужно ехать опять в Царицын. Я послал это к черту: довольно, и еду в Николаев. Если Юстус² (в Никол^{аеве}) будет настаив^{ать} на таких поездках — откажусь, просто, от Николаева.

Недавно в московском «Руле» (газ^{ета})³ прочел фельетон о «Барыбе».

Мила Николаевна, я жду Ваших писем. В Мариуп^{оле} — не получил.

1. См. примеч. 2 к п. 12.

2. Юстус Лоренц Карлович — инженер, начальник работ в Николаеве (Херсонской губернии).

3. В газете «Руль» (1913. 24 июня) были напечатаны «Литературные заметки» Н. С. Клестова (Ангарского) под криптонимом: «Н. К-ов». Автор писал о Замятине: «произведение его оставляет такое сильное впечатление и о многом заставляет подумать».

№ 93

30 июня 1913 г. Екатеринослав

30/VI 13.

Ой, Мила Николаевна, как красиво в Потемкинском саду. Пишу — сидя на берегу, на камнях, внизу — Днепр. Как я завидую этим негодьям (и негодяйкам), которые купаются внизу, и как хочется самому и нельзя. С ума сойдешь от всех нельзя. Сегодня прохладно, тучки. Воздух роскошный. Заказал себе здесь «обед» (бульон из цыпленка с рисом и кисель).

Если понравится, просижу тут весь день, до поезда (и м<ожет> б<ыть,> напишу третье Вам письмо?).

№ 94

1 июля 1913 г. Николаев

1/VII

Кажется, вчера впопыхах написал на отправленных вчера 2-х (Вам) письмах: «Никольская 18». Еще раз пишу поэтому свой адрес: Николаев (Херс<онской> губ<ернии>), Лондонская гостиница, № 8.

Приехал в Николаев сегодня в ½ 7-го утра. Тепло, да. К нач<альнику> порта еще не ездил; м<ожет> б<ыть,> поеду после обеда или завтра. Будет объяснение по поводу моего возвр<ащения> сюда и отказа от дальнейших поездок.

ЕЗ.

Гостиница оч<ень> хорошая; как-то будут кормить.

№ 95

3 июля 1913 г. Николаев

3/VII 13.

Да, ваза, конечно, всегда была с трещинкой. Разве иногда только запаивалась эта трещинка на сильном огне. Но все-таки в такую вазу с трещиной можно было ставить цветы. А в черепки —

В эти отвратительные моменты я всегда думал: могло ли быть такое вот в Гельсингфорсе, или вот в Ивановском? И отвечаю: нет. — Следовательно... И ничего не поделаешь с этим силлогизмом.

Ах, Мила Николаевна, нет, не так легко я мирюсь с Вашим отсутствием. Я буду откровенен (издали легче): первые, скажем, неделю—полторы — во мне всегда бывает сильно чувство освобожде-

ния, вот от всех таких «моментов». Ну, а потом они забываются, и выступает на сцену другое. Другая Вы, которую я все-таки люблю, а первая — оседает где-то на дне. И о другой — в подходящий момент подумаешь: вот, хорошо было бы... Так было, скажем, в Потемкинском саду, на берегу Днепра, так было вот тут в Николаеве, на бульваре, на берегу Ингула и т. д. И так как, кажется, для меня закон «loin d[у] coeur — loin des yeux»^{*} — имеет обратно-пропорциональное значение, то, вероятно, чем дальше, тем это будет пуще. Иногда я недоволен собою, тем, что стал так слаб, беспомощен, что не могу быть один, не могу обойтись без Вас. Постараюсь поэтому все такие моменты, когда буду нуждаться в Вас, пережить одному. А когда будут мотивы какой-ниб<удь> более высокой марки...

Довольно. Вернемся к конкретному.

Мое путешествие по Волге? Первые дни до самого Саратова — мешал холод. Но все-таки многим любовался, и даже не только отвлеченно, но даже слегка испытывал подходящие эмоции. Это — в таких местах, как Ярославль, посад Пучеж и др. Дальше стало еще холоднее и оттепело только в Саратове. Везде при больших остановках слезал и ездил по городам с своим приятелем (наш Крымский тип)¹. С Саратова уж сидел на палубе и любовался берегами: высокие и красивые. Знакомств было мало. Образовалась под конец небольшая компания петербуржцев: я и мой приятель, один петерб<ургский> инженер с женой (как будто, еврей), умная дура — жена петерб<ургского> архитектора и офицер. Офицер — преподаватель где-то в академии, оконч<ил> универс<итет>, очень милый и забавный, рассказывал массу всяких вещей. Инженер (потенциальный еврей) тоже челоф :к бывалый и тоже рассказывал. Я, понятно, слушал. Обе жены — ничего замечательного. И это — все знакомства. В блокноте исписал разве две—три странички. — Во время странствий по заводам попадались любопытные типы, но немного, да и некогда было там глупостями заниматься, приходилось много работать. С удовольствием встретился на мариупольском зав<оде> с Ратьковым.

Вчера был, наконец, у нач<альни>ка работ. Рассказал ему, в чем дело. Был очень любезен. Либо потому, что я был в кителе своем со знаком, либо потому, что я к слову ввернул, что я, мол, преподаватель Института. Словом, дело кончилось тем, что дурак Куткин² едет завтра по заводам, а я сижу здесь.

---

^{*} с глаз долой — из сердца вон (фр.).

Вчера же приглашен был к нач<альни>ку работ (инж<енеру> Юстусу) обедать. Большой дом, сад террасками. Сам Юстус, старик, и его жена, беловолосая, только двое, Филемон и Бавкида³. Был еще за обедом какой-то племянник. Перед обедом Юстус на моторном катере обвез меня по Буту кругом всего Николаева (целый час). Просидел у Юстусов час<ов> до 6 веч<ера>. Устал: нужно было стараться, очки втирать, очаровывать на всякий случай. Получил приглашение на четверг на жур-фикс.

Видел вчера в Упр<авлен>ии работ (где получ<ил> 2 Ваших письма и одно Кункинское⁴) Куткина. Сегодня иду с ним в 1 час на завод.

Николаев — в общ<ем> недурной городок.

Много зелени на улицах — акации, некоторые цветут во второй раз. По вечерам — очень оживлен. Недурные магазины, конка, электричество, газетные киоски, итальянская опера, театр миньятюр. За городом недурной лесок или парк.— Как устроюсь оседло,— еще не знаю: комната или квартира. Узнал, что можно иметь на прокат мебель.

Теплоуховск<ие>⁵ лекарства начал принимать только вчера (кстати, что такое Atophan⁶? На мой взгляд — какой-то органич<еский> препарат, вроде панкреон⁷?). Пояса еще не начинал носить. Отговоркой для меня было то, что болел палец. Впрочем, он давно перестал болеть; ноготь — черный, страшный. В весе, вероятно, потерял, чувствую. Благодаря кашлям Тильмана (а это что такое, вероятно, есть опий?) унял холеру. Вчера было сносно. Что сегодня не знаю. Тоже удовл<етворительно>.

Посылаю 2 вырезки. Вы их не бросайте, Мила Николаевна. Поклон Марии.

Написал в «Заветы» — чтобы прислали оттиски и денег⁸.

1. Вероятно, Э. Юнг.

2. Куткин Иван Яковлевич — инженер, работал на Механическом заводе в Петербурге.

3. Филемон и Бавкида — герои древнегреческого мифа, синоним неразлучной пары супругов.

4. Письмо от И. Я. Кункина.

5. Теплоухов Константин Николаевич — врач, ассистент Императорского клинического института великой княгини Елены Павловны.

6. Atophan, Atophanum (лат.) — фенилщихониновая кислота — мочегонное средство.

7. Pancreas (лат.) — поджелудочная железа.

8. «Заветы» — ежемесячный литературно-политический журнал, выходил в Петербурге с апреля 1912 по июнь 1914 г. Редактор — П. П. Инфантьев, с 1913 г. — И. И. Краевский, в 1914 г. — Н. М. Кузьмин (он подписывал журнал по цензурным соображениям, фактически журнал редактировал С. Д. Мстиславский <Масловский>). Издатель — С. А. Иванчина-Писарева. В журнале принимали участие Иванов-Разумник, К. Р. Качоровский, В. В. Лункевич, С. П. Постников, А. В. Пешехонов, М. М. Пришвин, Б. В. Савинков, В. М. Чернов (редактор политического отдела) и др. Замятин просит прислать ему отгиски повести «Уездное» и гонорар за нее.

№ 96

15—18 июля 1913 г. Николаев

15/VII 13.

Как это у меня полагается — начинаю уж мечтать о Вас. Вот-де, приедет — пойти в яхт-клуб, повозить на моторной лодке. Хожу мимо гор всяких фруктов — думаю: мне-то уж куда там, а, вот, мол... Сижу в театре один, зеваю,— думаю: вот, если бы... — Ну, не старый ли дурак, а?

Все время искал квартиру — и тоже не без задней мысли, которую скрывал сам от себя. Но так, кажется, квартиры и не удастся найти: все плохие или непременно с условием, не меньше, чем на год. А я едва ли просижу тут год: чувствую что, не вытерплю. До декабря досижу — а дальше — конец. В Питер опять. Да и соблазн есть за границу съездить — в феврале—марте будет в Гамбурге приемка ледокола. Завтра смотрю еще одну — последнюю — квартиру. Если не подойдет — селюсь в комнатах (займу 2, меньше не хочу). Так медленно идут мои розыски оседлого помещения потому, что много дела: каждый день езжу (в форменном кителе и со знаком!) на завод, устаю — жарница, и на поиски остается мало времени. Впрочем, может, и к лучшему, что не нашел квартиру: квартира (маленьких нет, все 5—6 комнат) стоила бы дорого (руб. 50—60), мебель, и того пуще, прислуга здесь плохая — сгиб бы с этим делом. Тем более, что мои финансовые дела, по крайней мере, временно — не важны: проездил тьму денег, гостиница хорошая, но дорогая тоже. А «Заветы», черти проклятые, денег, понятно, и не думают посылать; на днях пошлю им второе письмо, уже менее любезное, чем первое.

Сказал я, что дела много. Да — но это временно, пока Куткин ездит — принимает материал по заводам. Как вернется он (через неделю—две) — я уж решил — забастую. Буду только раза 2 в неде-

лю ездить на землечерпальную эскадру — верст за 8 по Бугу. А то — буду дома сидеть (надеюсь, к тому времени «дом» будет), на пианино играть, может, и напишу кое-что.

Хотя — жарница такая, что куда там мозгам работать: тают они, мозги-то. В приличном, европейском, платье — днем и думать нечего ходить. Хожу, вот, в кителе одном, надетом на сетку — не иначе.

Чувствую себя не очень замечательно: кишки — день сносно, день плохо, и так — ни с того, ни с сего. Теплоуховские лекарства все еще не аккуратно принимаю, пояса — не ношу. Конечно — не купаюсь. Ем здесь, в ресторане гостиницы. Ресторан приличный, но обеды чаще всего приходится составлять из особых, своих, блюд (что, конечно, дороже).

Кончу, вот, письмо и спущусь в ресторан — поужинать слегка. Сижусь в закупоренной комнате — хотя чудесный вечер. Дело в том, что в июне и июле — здесь тьма противных каких-то черных жучков, которые массажируют в комнату, на лицо, на шею — черт их возьми, — так что приходится запирается. Кусочек листка оставляю на завтра: авось еще чудом каким получу от Вас письмо, и нужно будет на что-нибудь ответить.

18/VII.

Я приобрел, наконец, оседлость. Квартиры так и не нашел, к сожалению. Но зато нашел благодетельную старушку, у которой можно иметь помещение и стол. И что меня сейчас особенно привлекает — так это то, что можно месяца на 2 поселиться у ней на даче. Хозяйка (старушка эта) на дачу приезжает очень редко, так что в моем распоряжении будут большей частью 3 комн<аты> (2 этаж), одна из которых с балконом в сад; собственно моей — будет одна маленькая комн<ата>, где я буду спать. Платить буду за это — 30 рублей. В этих комнатах, наверху проживу до начала августа, а потом освобождается маленький флигель из 2-х комнат и передней — поселюсь там. Вот к этому времени может захотите приехать в Николаев и Вы? Здесь, на даче, хорошо: на самом берегу Буга, до воды спускается небольшой сад дачи. Есть купальня: кажется я рискну попробовать покупаться — будь что будет. Рядом, недалеко от дачи, небольшие рожицы, очень близко яхт-клуб. До конки, минимум 15 ходьбы.

Завтра приезжает (из поездки по заводам) Куткин, я сдаю ему дела и забастовываю: сижу на даче, на завод не еду. Буду отдыхать, а потом может, и напишу — побалуясь. — Получил письмо от Кункина из СПб; поздравляет меня с успехом: читал, говорит, в Бир-

жевке вечерней Измайловский фельетон¹, посвященный Барыбе. Я этого не читал; надо поискать. Да, в этом везет (денег и оттисков, впрочем, еще не получил от «Заветов»); а вот кишочки... Вчера у старушки нарочно завтраком ел черное мясо (филе) и выпил стакан кофе.— К вечеру — готово. Адрес: Николаев, Глазенаповская 12, ЕВР. О. А. Вимут для меня.

Мила Николаевна, так Вы в самом деле напишите мне поскорей, захотите ли Вы приехать «ко мне на дачу».— Обедать буду у этой самой госпожи Вимут, либо ездить к ней в город (½ часа), либо она мне будет присылать.

1. В газ. «Биржевые ведомости» (1913. 28 июня. Веч. вып.) был напечатан фельетон А. А. Измайлова «Пришедший хам».

№ 97

21—22 июля 1913 г. Николаев—Херсон

21/VII 13.

Дождь такой уютный,— открыто окно, и он шумит по крыше, шумит. На столе — самовар, лампа. Я один — наверху, в трех комнатах, на даче — один. И вот уютность эта самая — дождя, самовара, тени от лампы — еще больше подчеркивает одиночество.

Вот, понимаете, Мила Николаевна, вчера вышел я на балкон вечером (только вчера переехал на дачу) — под балконом качаются деревья, какие-то темные вершины, острые тополя,— и через деревья сквозит сумрачное небо и стальная вода. И — так это было красиво и так было одиноко мне, и так грустно. Сидел я на балконе — и звал Вас.— Кажется, окончательно я пропащий человек: никак, вот, все не могу без Вас.

Я жду от Вас ответа — насчет планта моего — приехать Вам и пожить здесь на даче, право, здесь мило. Сейчас, вот уж третий или четвертый день льет беспросветный дождь. Совсем бы, кажись, Питер, солнца нет,— а все-таки тепло; сегодня и без солнца было утром 18 ½°.

В пятницу получил телеграфный денежный перевод от «Заветов». Правда, немного — 200 руб<лей>, но это было чрезвычайно кстати. Деньги в кармане у меня еще были — рублей 60, но нужно было расплатиться в гостинице и потом заплатить за месяц вперед за комнату: никак не хватало. Ломал голову — лежал утром — как бы выкрутиться; из Питера царское жалованье переведут не рань-

ше 23—22-го. И вдруг — стучат в дверь — почтальон. Вот он, когда пригодился-то Барыба-дурак.

Разыскал (и украл) в библиотеке вечернюю Биржевку: двистительно¹, там есть целый Измайловский фельетончик, посвященный Барыбе и... мне (этот уникум Вам не посылаю — как бы не затерялся в дороге; вот приедете — прочтете). Как же ловко, должно быть, умею я притворяться: такие чудные, на самом деле на меня не похожие, предположения обо мне. Но в общем, пожалуй, Измайловский фельетон — наименее хвалительный; есть кой-какие кислые места.

Это — маленькое удовольствие скудной моей жизни. — Гораздо больше неудовольствий. Самое главное, конечно, — колит, colitis mucosa². Черт его знает, вот вчера — ни с того, ни с сего — ел самые невинные вещи — опять холера. Да и теперь это бывает куда свирепей, чем, скажем, весной, — теперь по-настоящему. С горя взялся за последнее: напялил на себя пояс Теплоуховский. Затянулся так, что живот трещит, бока (бедра) болят отчаянно. Но все-таки целый день сегодня терплю. И вот — *croyez vous*^{*} — сегодня лучше, меньше эти противные, тянущие боли, не было продолжений холеры. — Завтра утром в 11 сажусь на пароход и еду в Херсон (6 часов езды на пароходе), там будем доиспытывать опять рефулер; вернусь во вторник вечером, конечно — на дачу.

Что хорошо у южан у этих, — и тут на даче, и везде — так это ставни. Вообразите мое торжество: почти не надо завешивать.

Неподалеку от дачи — яхт-клуб; возле яхт-клуба есть наемные парусные лодки. Вот, приезжайте, катнемся когда-ниб<удь>.

Я — все последнее время сижу дома; абонировался в библиотеке — и читаю. Единственным выходом моим — был выход в театр; неприличнейший какой-то фарс.

Сегодня с дачи ездил только на обед в город, к хозяйке m-me Вимут (в дальнейшем, обеды в те дни, когда я не буду уезжать с дачи в город — будут мне присылать на дачу).

Ну, уж и публика у нее (сегодня обедало 3 посторонних гостей). Два инженера и товарищ прокурора (полезное для меня знакомство!). Черносотенцы — *hotteug*. Только и слышишь — жид, жид, жид... Раз, другой любопытно послушать, — но чтоб часто — не-ет. Из-за этого одного я откажусь от комн<аты> в доме, где живут Вимут, а возьму 2 комнаты в другом ее доме (на зиму).

Сегодня заходил в Лондонскую гост<иницу>; сказали, что мне было письмо, к<оторо>е уже отправили к Вимут. Но отправили по-

---

^{*} поверите ли (фр.).

чтою, так что получу я его только... во вторник, по возвращении из Херсона. Подозреваю, что письмо Ваше, хоть Вы меня письмами и не балуете.

Извините за карандаш — чернил на даче нет.

Последняя новость — я пью чай с 2 кусками сахара на стакан.—
Ваша наука.

22/VII 13.

Вот уж скоро Херсон. Я выехал на пароходе в 11 утра; сейчас 3 ½; часа в 4 ½ буду на месте. Пароход очень хороший; чисто, публики совсем почти нет. Это тебе не Валаам. Сегодня ветер очень свежий, и почти не качает. Вот, коли соберетесь приехать сюда, так мы с Вами могли бы как-ниб<удь> спутешествовать в Херсон, а то так и в Александровск. Билет до смешного дешев: до Херсона 1 р. 25 к. в 1 классе. Могли бы даже, в хорошую погоду — прокатиться в Константинополь: от Херсона часов 36—40 езды. И, кажется, с помощью моего товарища в Херсоне — портового техника — persona grata^{*} у капитанов — можно будет устроить эту поездку без заграничного паспорта.— Сегодня, увы — утром опять cholera nostra[s]^{**}; правда, только однократного вида, но...

Прощайте, Мила Н<иколае>вна.

1. Так в рукописи.

2. Colitis mucosa (лат.) — кишечная колика.

№ 98

26 июля 1913 г. Николаев

26/VII

Вот, Мила Николаевна, упился чаем (обязательно, чай у меня с видом, на балконе) и сажусь писать письмо — все на балконе же.— День очаровательный: не солнечный, а так — под зонтиком из мелких облачков. Вон скользят под парусами лодки, слышны плески и крики внизу — купают<ся> (до реки добежать — 2 минут¹). А я сию тут один, смотрю, молчу, думаю.

Вот когда я начинаю отдыхать. Куткин приехал из своей поездки по заводам; пушай работает. А я забастовал — и вот, три дня, до понедельника, не двинусь с дачи (обед приносят сюда).

^{*} личность, достойная доверия (лат.).

^{**} холера, европейская холера (лат.).

Пока — не работаю (я говорю, конечно, о бумагомараньи каком-н<и>б<удь>). Много читаю, гуляю, сижу одинешенек на берегу реки. Тут есть недалеко, минутах в 15 ходьбы — очаровательная рощица, местами пожиже, местами совсем тенистая; позавчера гулял в ней, все о Вас думал, вправо вертел, влево — да и заблудился как-то. Вышел — гляжу, какие-то бахчи незнакомые; пришлось дорогу спрашивать.

Внизу живет какая-то семья; двое детей и при них француженка-гувернантка, толстая такая дева в пенсне. Оказывается, никто из живущих на даче — не может ей соответствовать, кроме детей. А я все-таки, как никак, почти все понимаю и могу подавать подходящие реплики. Поэтому, по вечерам, уложивши детей, она избирает меня слушателем и рассказывает разнообразнейшие вещи: и о Нанси, своей милой родине, и о президенте Пуанкарэ, и о том, как забрались однажды к ним на дачу воры. Я доволен, что может, между делом, и научусь немного хорошему (сиречь, по-французски). Жалею, что никакого словарика или учебника.

К моему величайшему удовольствию — хозяйка, эта противная старушенция — вот уж неделю не приезжает на дачу — и я один себе царствую в 3-х комнатах. Она вчера (вчера я ездил в город и обедал у нее) уверяла меня, что те 2 комнаты — отдельный флигелек, о к<оторо>м я писал Вам — освободится в августе, в начале. Но я что-то ей не очень верю: лживая старушонка. Я думаю, впрочем, что если нельзя будет использовать этот флигель, так можно будет, если Вы пожелаете меня навестить, как-н<и>б<удь> устроить дело с тем помещением, где я живу. Старушонка до денег жадная — ну, и...

На днях получил письмо от очаровавшего Вас секретаря «Заветов». Пишет, что о «Барыбе» так много пишут, что ему трудно пересчитывать все в письме и что за журналом остается еще долг мне около 100 руб<лей> за «Барыбу». Вот. — Кроме того, получил на днях гнусное предложение от московского книгоиздательства «Современные Проблемы». Просят разрешения издать «Уездное» отдельной книжкой. Я решил, что если они такие дураки — так пусть себе издают. Условия — 15% стоимости каждой проданной книжки — автору; сам издатель, я так считаю, наживает на каждой книжке — не менее 30%—40%. Заработать на этом, можно, конечно, немного, но все же лестно, что находятся такие дураки, к<оторы>е предлагают делать отдельные издания. Пушай. — Получил вчера письмо, очень любезное, от Мироллобова². Пишет, что с осени начнет издавать журнал, вроде прежнего своего «Журнала для всех»³. Просит дать

что-ниб<удь> — и, чудак, предлагает авансом деньги, если они мне нужны. Думает: бедный, мол, литератор, наверно, закладывает уж последние штаны...

Ну вот, видите ли, какие дела. И так как — *noblesse oblige*^{*}, то, волей неволей, придется писать. Здесь, на даче, это удобно. Но сорбуть ли с силой — не знаю.

Кишечные дела — средне, но все же вчера, как будто, холера кончилась (тьфу-тьфу через левое плечо); тянулась 1 ½ недели.— Кормят меня — так себе; вчера вдруг получил — куриные котлеты... с перцем. Если будет так дальше, то после дачи я от этой милой старушки сбегу.

Что значит телеграмма? Мне казалось, что я пишу часто — куда чаще, чем Вы. Может, пропадают письма? Кажется 20 — и 23-го я отправил Вам 2 закрытых письма. Пишите мне чаще.

Каковы же, наконец, Ваши намерения? Когда и куда из Златоуста? — *A propos de bottes*^{**}: мой вес, неделю тому назад, был 3 п<уда> 17 ф<унтов>, но... в платье. След<овательно>, так: вероятно 3 п<уда> — 8 или 9 ф<унтов>.

Спал сегодня до 10 час<ов>; вчера видел Вас во сне — именно Вас. *Horreur!*

1. Иногда Замятин вместо существительного употребляет числительное и вместо слова пишет цифру.

2. Миролубов Виктор Сергеевич (1860—1939) — издатель и редактор ряда популярных журналов. Это письмо среди других писем Миролубова к Замятину сохранилось (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 141. Л. 2).

3. С 1901 г. Миролубов издавал «Журнал для всех» (с подзаголовком «Ежемесячный иллюстрированный литературный и научно-популярный журнал»); с № 4 за 1903 г. издание выходило под заглавием «Ежемесячный журнал для всех». В сентябре 1906 г. вышел последний, девятый номер — журнал был закрыт цензурой. С 1914 г. В. С. Миролубов начал издавать, а позднее и редактировать «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни» (с № 10 за 1914 г. — под названием «Ежемесячный журнал»), который выходил вплоть до 1918 г. Последний номер — 4/6.

---

* положение обязывает (фр.).

** без связи (фр.).

29/VII 13

У меня сегодня скверно что-то «там внутри». Нет, не в кишках, а на душе. Пасмурно. Вот, и к реке сходил, посидел — не легче. Видел — луна сквозь деревья, и деревья кажутся совсем черными, угольными, и на воде — серебро, и воздух, — а я только вижу это, но не чувствую.

Кишки — все тож и все тож. Это уже недели 2 без просвета (только на один день было чуть лучше). Эти 2 недели носил пояс, но Теплоуховских лекарств никаких не принимал, ежедневно ел курицу или цыпленка с рисом, кашу и кисель, — вещи самые невинные, принимал *tannalbin, bistuthum*¹, — и все-таки...^{*)}

Я, Мила Николаевна, начинаю серьезно подумывать, что, в конце концов, у меня *tbc*² кишек. И вот, как подумаешь — так не то, чтобы умирать не хочется, а хочется еще пожить, еще сделать.

Сегодня целый день ездил по лиману и морю и вернулся на дачу только к 9 часам^{<ам>} веч^{<ера>}. Ездил на казенном пароходе на земле-черпательный караван, аж под самый Очаков верст за 100. И так как пароход этот уходит из Ник^{<олаева>} часов около 8, то чтобы уехать с ним, мне нужно было на нем переночевать. Это я и сделал в воскресенье (спал, конечно, отвлратно, хотя каюта была очень милая, и вообще на пароходе отнoсились чрезв^{<ычайно>} предупредительно, как к некоему начальству). Сделал потому, что на дачу приехала хозяйка и гости, началась беготня, я злился, и решил лучше уехать. А сегодня вернулся, ах черт возьми, хозяйкина тетка, старушка старая, ночует здесь, на даче. Положим, что эту старушку (ей лет 80), я куда больше люблю, чем свою хозяйку, *m-me* Вимут, но все же и этой достаточно, чтобы в известной мере отравить существование. А это противное существо, когда я спрашиваю теперь насчет 2-х комнат — говорит «ничего пока еще не знаю». Раньше, небось, другое пела. — Если с этими комнатами ничего не выйдет, так я, ей-Богу, от этой особы уйду. Тут я проходил — видел на одной из соседних дач надпись: сдается квартира. Переселюсь туда, вот и все. Прислугу предлагает мне мать давно уж, специально дрессированную.

^{*)} С завтр^{<ашнего>} дня опять начинаю принимать все Теплоуховское и питаться кашами, рыбами, зеленью — без мяса. Так — на неделю, в виде последнего опыта. Раньше, когда я жил в гост^{<инице>} и был на такой диете, так дела лучше были.

30/VII. Спал сегодня хорошо. Утром принимал опять atophan и пр. Опять все холера. Погода прелестная, не жарко, ветер, Буг шумит. А мне не весело.

Сажусь работать — сиречь, писать, вернее переписывать (на завод не иду, к черту). В субботу вечером и воскр<есенье> утром — написал небольшой рассказец, так на $\frac{3}{4}$ печатн<ых> листа, назначаю его для Миролюбова. Называется «Непутевый малый»³ — тип милого забулдыги, московского студента⁴. Сколь хорошо выйдет — не знаю. Письмо это отправлю Вам завтра.

Мне нужно знать, когда Вы собираетесь, вообще, покинуть Зла-тоуст и когда хотите попасть в клиники. Вы мне это поскорей напишите.

7 час<ов> веч<ера>.

О, господи — так все хорошо здесь. И так мне все тошно. Прикидывал: да не уехать ли в сентябре в Питер? Вот, жду Вас и Вашего совета. А то, ей-Богу, что-то ум раскорячился (слыхали ли Вы когда-н<и>б<удь> такое выражение?).

Злился сегодня на обед: поздно принесли, и скверный (каша белая, капуста цветн<ая> переваренная и кисель клюквенный вместо черничного). Рыбы хозяйка не дает: дорога, говорит. Черт знает что.

Сегодня вечером пойду ужинать в ресторан, а то голоден. Днем гулял в лесу.

Так все хочется с Вам<и> бы<ть>, что Беда. Ну, вот, не везет, кляксу посадил в самом патетическом месте.

Такое настроение, что на этом бросаю письмо. А Вы мне ответ поскорее отпишите. Мне нужны Ваши письма.

Е.

Удивляюсь, как это вышло, что от меня не было писем 2 недели. Больше недели я не пропускал, да и то в досаде на то, что от Вас писем нет.

Мила Николаевна, если бы Вы только смогли меня любить по-прежнему, а не так, как... Право, могло бы хорошо нам быть!

1. Tannalbin bistuthum, tannalbinum (лат.) — таннальбин, вяжущее средство при острых и хронических заболеваниях кишечника.

2. Тбс.— туберкулез.

3. Первоначальное название рассказа «Непутевый».

4. Прототипом героя в рассказе «Непутевый» был Я. П. Гребенщиков. На это позднее указал Замятин в статье «Закулисы» (1930): «Ни его внешности, ни действительных событий его жизни в рассказе нет — и тем не

менее именно от этого человека взята основная тональность рассказа» (Соч. С. 466).

№ 100

3 августа 1913 г. Николаев

3/VIII 13.

До чего же очаровательна ночь здесь — вот сейчас. Луна, деревья резные, черные — не шелохнутся. Тепло до того, что я вот сейчас сидел над рекой (на ступеньках купальни) около часу почти неотданный: одна только шелковая рубашечка (конечно, кроме..). На реке не видно ничего — огни только на мосту — а голосов столько слышно, смеха, пение, что как будто все население речное вылезло со дна. Это все — лодки. Да вот, я сейчас посмотрел на термометр — 20°R. Это в 11 часов.

Что за жара была сегодня днем! За мною на дачу приехал на своей лошади хозяин судна, которое я должен был осмотреть (я тут, между прочим, исполняю обязанности портового техника). Вернулся часам к 4, к обеду, и так голова разболелась, что беда. Между прочим, любопытно: сегодня, первый раз в жизни — давали мне взятку, самую настоящую. Кончил осмотр, прощаюсь с хозяином, — «Благодарю вас, благодарю вас» — пожимает руку — и в моей руке две бумажки, не разглядел каких. Был очень сконфужен, когда я ему отдал назад.

Но это все — болтовня. А дело — дело в Вашем приезде. Понимаете, — сомневаюсь, что «флигель в две комнаты» скоро освободится; Вимут просто, я думаю, врала, чтобы меня завлечь на дачу. А по-моему, Вам есть смысл приехать скоро, пока здесь так хорошо. Может быть, удастся уломать m-me Вимут и устроиться с Вами наверху (где я живу). Это было бы, конечно, самое лучшее. Ну, а если нет? Что тогда? — Я смотрел здесь неск<олько> дач — все без мебели, не годятся. Завтра погляжу еще, есть еще — видел — сдаются. А если не найду и дач? В самом конце Спасска, где кончаются дачи, я видел 2 объявления о сдаче комнат, одна, помню у акушерки. Это — минут 15—12 ходьбы от дачи Вимут. Если Вы, несмотря на благоприятные обстоятельства все-таки захотели бы приехать, не удовлетворила ли бы Вас такая комната? Да, как в Гельсингфорсе. Но мы — особенно я — уж не те: я — будем откровенны — руина, по крайней мере пока. И вот что, Мила Николаевна, если Вы рассчитываете ехать скоро, то Вы, получивши это мое письмо — телеграфуйте, согласны ли даже на комбинацию с комнатой. Можно те-

леграфир<овать> на Глазенаповскую 12/2, или прямо на дачу Вимут № 6, Спасск, все равно. А я, устроивши все — телеграфирую Вам. А Вы, выехавши — мне, когда приедете (лучше послать — из Екатеринослава).

К сожалению, все-таки следующие недели 1 ½ (7—15 авг<уста>) я не буду совершенно свободен: Уткин¹ опять уезжает, и мне раза три в неделю придется ездить на завод. — Завтра и в воскресенье я сижу дома. — Сегодня отвратительно спал: мешала мышь, жарко, и потому еще, вероятно, что до самого сна писал — все тот рассказик «Непутевый малый». Сегодня — совсем кончил, кажется, недурно. Хотел бы показать Вам.

Холера — по-прежнему; таннальбином, или чем еще не знаю, добился только, что это бывает *une fois chaque jour*^{*}.

Е

Эти дни работал над рассказом, все сидел дома, — один раз только катался на моторной лодке. Внизу приехали хозяева. Я их почему-то презираю. Перестал гулять в саду, разговаривать с француженкой. Совсем одичал «ободиначел». И никуда одному не хочется. Вот жду Вас.

4-го августа. Чтоб Вам пусто было, Мила Николаевна: сегодня Вас видел во сне. — Холерка по-прежнему.

Иду сейчас отнести это письмо (кажется, есть ящик около яхт-клуба), а оттуда — посмотрю еще несколько дач. Жарища опять сегодня — уже 26° в тени (11 ч<асов> утра).

1. Уткин Николай Яковлевич — инженер, служил в Отделе торговых портов Министерства торговли и промышленности.

№ 101

Телеграмма

5 августа 1913 г. Николаев

Рад жду телеграммы две часа приезда дачу устроил имею легкую инфлуенцию

---

^{*} раз в день (фр.).

7/IX 13.

Дней пять, вот, как спали с меня путы, и появилось немножко энергии,— вероятно потому, что брунс стал еще хуже (частое очищение органа от продуктов распада и пр.).

В среду и в четверг пришлось рано вставать: ездил на моторном катере на «мой» рефулёр с дизелями. В среду — вдвоем с Юстусом, в ½ десятого отчалили от моста под бульваром; в четверг в 9 утра (horreur) отчалили оттуда с комиссией — все на рефулёр. Зато на завод совсем не хожу: пушай Куткин занимается.

В четверг положил перед собой лист чистой бумаги и карандаш — и сказал: «Ну, дурак,— пиши».

Понимаешь, Мила Николаевна — иногда прямо ужас берет вот, когда сядешь перед пустой белой бумагой: что написать? Как можно что-нибудь написать? А потом этот *timor primae noctis*^{*}, так сказать, проходит — и работаешь, если не с любострастием, то во всяком случае — как будто карандаш повазелинен, легко ходит по бумаге.

И вот — за четыре дня — из ничего создано 25 страниц — 6 глав. Правда, не всеми доволен, но есть места, к<оторы>е мне нравятся. И это преимущественно неожиданные, необдуманнные заранее.

Сегодня — не писал: утром ездил в Управление, вечером в 5 час<ов> — опять на катере на рефулёр; вернулся только в 8 час<ов>. Завтра до 12 ½ у<тра> — пишу; в час — еду на катере на рефулёр. В среду — к 10 ч<асам> у<тра> на завод с Юстусом.

Сегодня получил письмо от Рождественского, оч<ень> любезное. Сообщает, что командировка продолжена до 31 дек<абря>. Я доволен: это дает мне возможность использовать праздники. Сегодня же получил «Теплоход»¹ и оттиски «Барыбы» от «Заветов». Оттиски — неважные; все же пошлю на днях Нюне и Вам (тебе). Ради Бога, Мила Николаевна, напиши мне адрес Ниша — надо ему послать. А также Якова, если он здесь, новый адрес Вади (было ли новоселье?).

За присланное — «День»² и «В<естник> Знания»³ — спасибо. В тот вечер, как получил их, у меня на руках был соверш<енно> случайно № «Бирж<евых> Вед<омостей>». Утренний выпуск. Там фелетон Л. Василевского⁴ о поэзии и литературе. Читаю о том — о

* страх первой ночи (лат.).

сем, и между прочим фразу: «Нельзя сказать, что в литературе нет талантов... В наше время, когда пишут Л. Андреев, Мережковский, Сологуб... Когда появилась плеяда таких молодых, как И. Шмелев, Саша Черный, Замятин, Винниченко и др. ...»⁵ Comme ça *. Вырезал и спрятал.

Все об одном я и об одном. Но что ж, Мила Николаевна делать, когда это единственное, чем я забиваю немного пустой и дырявый мешок теперешней моей жизни. — Вчера перед закатом гулял около реки. Вечер был теплый, летний. Закат такой будящий, тревожный. В миллионный раз проклинал себя за то, что Вы не со мной... Но...

Мила Николаевна, хотя бы почаще только писали мне. Как-н<и>-б<удь> до декабря досижу, не подохну. А может быть...

Недели 3 назад свесился (в кителе) — 3 п<уда> 11 ф<унтов>; сегодня 3 п<уда> 17 ф<унтов> в пиджаке, т<ак> ч<то> вероятно вес — idem **. Брунс — idem. Сплю — разню.

Е.

Сегодня только первый день — сумрак. А то все дни такие ясные стояли, солнечные.

«Кумиры»⁶, наконец, прочел. В общем — читаю мало теперь, некогда.

В октябре будет на заводе спуск броненосца. Говорят — приедет царь⁷. Вот, гадаю все: пустят меня на спуск или нет?

1. В журнале «Теплоход» (1913—1914. № 1—4) опубликован выполненный Замятиным перевод с английского: «Положения Классификационного О-ва о судовых моторах внутреннего горения и взрывных», в журнале «Заветы» (1913. № 5) — повесть «Уездное».

2. Газета «День» (1913. 9 сент.) напечатала статью журналиста Р. Г. Крахмальникова (под псевдонимом Р. Григорьев) «Барыба».

3. Журнал «Вестник знания» (1913. № 7) опубликовал обзор текущей литературы «Бесслезные глаза» В. Г. Голикова, в нем значительное место уделено повести Замятина.

4. Василевский Лев Маркович (псевд. Авель, 1876—1936) — поэт, прозаик, журналист, литературный и театральный критик. С 1906 г. регулярно печатался в газете «Речь».

5. Источник цитаты не установлен.

6. «Кумиры» — роман английского писателя У. Дж. Локка.

---

* вот так-то, каково (фр.).

** тот же (лат.).

7. 18 октября 1913 г. в Николаеве были спущены на воду миноносцы «Беспокойный» и «Гневный». Николай II на этой церемонии не присутствовал. Городская газета на следующий день напечатала подробный отчет об этом событии (И. М.-с. Военно-морские торжества в Николаеве // Трудовая газ. (Николаев), 1913. 19 окт.). На спуске присутствовали: морской министр, генерал-адъютант, адмирал И. К. Григорович, начальник Главного управления кораблестроения вице-адмирал П. П. Муравьев и др. Корреспондент отметил также присутствие члена Правления Общества Николаевских заводов и верфей, профессора К. П. Боклевского.

№ 103

15—17 сентября 1913 г. Николаев

15/IX 13. 8 час. веч.

Ой, Мила Николаевна. Пусто, тихо, мертво в квартире. Потушил огонь, остановился — и страшно двинуться. Так тихо.

Напился чаю, выставил самовар, убрал за окно сливки, масло. И каждая такая мелочь напоминает о Вас.

Ложусь на диван читать. Да буду ли? Ничего нейдет на ум...

16/IX 10 час. в.

Ну, Мила Николаевна, какая без Вас мне тоска-а, беда. Я уж и не запомню, когда так скучал, разъезжаясь с Вами, как теперь. А может, правда — уезжать лучше, чем оставаться?

Вчера вечером пошел в Лондонскую ужинать. Встретил там тех самых трех дураков, которых мы видели за обедом 15-го. Пришлось сесть с ними за столик и выпить бокал белого вина. И... наутро холера — сверхнормальная.

Из-за холеры этой проснулся пол-девятого, побежал в брунс. Лег, полежал — девять с чет<верт>ью. Чего, думаю, спать, когда в 10 — приедут. Встал, мелом зубы почистил, тороплюсь. Дай-то, мол, Бог, чайку попить одному, с Биржевочкой вдвоем. Напился. Десять часов. Четверть одиннадцатого, половина. Жду-пожду, никого нетути.

Одиннадцать, двенадцать — пол-первого — никого. Ногтеш, не приехали! И почему? («А я знаю?»).

Отправился на завод, вернее в управление. Приехал Юстус. Проболтался там до пол-второго. Как-то из рук все валится, такое скверное без Вас настроение — на завод не поехал. Пошел по Соборной, зашел купил новых нот, чтобы в одиночестве себя утешить. Пообедал в Лондонской — довольно-таки незамечательно. Вернулся домой. Госкища такая, что не выдержал, пошел, купил Сен-Рафаэля

бутылку, и как настоящий алкоголик — начал пить рюмку за рюмкой, сам с собой вдвоем. Выпил таким манером шесть рюмок. И до 6 лежал в туманном состоянии, не читая. Пришел Иван. Булок не купил. Пока он ставил самовар, я сам сбегал за булками в лавочку за углом. Напился с горя чаем по самое горлушко и наелся меду. Впрочем, слаще не стало.

До пол-десятого играл. Попробовал читать — не могу (последнее дело). Сел писать письма — это первое.

Ужинать в Лондонскую не пойду — не хочется. Сварю себе яиц всмятку и какао.

Ну, приедут ли хоть завтра? Этак — сбежишь.

17/IX 12 час<ов> д<ня>.

Разбудили меня сегодня — кто-то шел по лестнице — в четверть восьмого. Лежал — лежал — не сплю, да и только. Наконец-то заснул. Просыпаюсь — четверть одиннадцатого. Значит, никто не звонил? Значит, опять не приехали? — Выхожу в столовую — сидят: Иван впустил через черный ход. Сейчас уехали на базар.

М. А.¹ приехала только недели на 2—3, не больше. Что-то я один буду делать?

1. Мария Александровна Замятина.

№ 104

23 сентября 1913 г. Николаев

23/IX 13.

Стою на почте в очереди — сдаю перевод в Питер, выписываю Биржевку (стыд!). А потом — еду на завод. — На завод езжу, приблизительно, через день — работой меня пока не очень заваливают. Себе работы — писальной — тоже не очень много даю. Вчера кончил «Три дня»¹. Сегодня вечером просмотрел и отдал в переписку.

Сегодня получил письмо от Иванова-Разумника². Извиняется, что не отвечал раньше, спрашивает, когда дам что-н<и>б<удь> в «Заветы»?

Какой я дурак, Мила Николаевна: стоял вот сейчас в очереди, писал — и опрокинул чернилку на перевод. Пришлось из очереди выйти. Горе... Уж ½ первого — сегодня не успею послать. Еду на завод.

Коська Боклевский в пятницу не приехал. В субботу я на заводе не был.

Нигде не бываю, сижу дома, кормлюсь. Сплю здорово (вчера проснулся ровно в 11 час<ов>). Был у Вимут³, расплатился. Вот чертовка-то — за обед из четырех блюд взяла по 1 р. 35 к.— вот жулик-то.

3.

Пиши мне о Питере — пиши. О театрах — если там будешь, о Вадях⁴, о Ланге⁵.

1. Об этом же рассказе Замятин сообщил А. В. Амфитеатрову 29 августа 1913 г.: «... написал <...> один очерк <...> — несколько эпизодов и несколько настроений толпы из истории Потемкинского бунта в Одессе, которого я был очевидцем» (Цит. по: *Темы и вариации*. С. 358).

2. Иванов-Разумник (наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов, 1878—1946) — литературовед и критик, вел в журнале «Заветы» литературно-критический отдел.

3. О. А. Вимут.

4. Один из них — Вадим Дмитриевич Никольский; кого еще имеет в виду Замятин, нами не установлено.

5. Г. Ф. Ланг. См. примеч. 3 к п. 62.

№ 105

24 сентября 1913 г. Николаев

24/IX 13. 8 час. веч.

Видишь ли, Мила Николаевна, — человек предполагает, а Бог располагает. И поэтому совершенно неожиданно-негаданно встретился я вчера на заводе с Коськой. Черт бы его взял, — он очень милый господин, конечно. Но из-за него вчера я вернулся домой в 5¼, поздно обедал, поздно ужинал, поздно лег спать, не выспался. Тем не менее так люблю его, что иду, вот, после чаю на свидание с ним — на заседание техническ<ого> об<щества>.

Вчера получил письмо от очаровательного Сергея Порфирьевича¹. Пишет: «Мы все очень опечалены, что Ваш новый рассказ миновал «Заветы» — это о «Непутевом»²-то. Прислал 2 рецензии — одна в «Дне» от 9/IX, другая в «Калужск<ом> Курьере»³. В «Дне» — фельетон «Барыба», очень интересный. Очевидно, в «Заветах» известие о том, что «Непутевый» попал не к ним — действует. Серг<ей> Порф<ирьевич> пишет «деньги — 100 руб<лей>» (раньше было только 75) — немедленно вышлем, куда прикажете, оттиски сегодня вышлю». — Впрочем, оттисков еще не получ<ил>.

Мила Николаевна, хочу просить, чтобы пошла на Невский и накупила мне рецензий. Значит нужны: 1) «Голос Москвы» от 14 июня⁴; 2) «День» от 9 сент<ября> № 243 и 3) «Свет» — да, да — «Свет»⁵. Здесь реценз<ия> была в июле, каж<ется>, так что это трудней разыскать. Коли трудно, так и не надо.

Это письмо,— четвертое по счету. Напиши, все ли получены?

Вероятно, займусь теперь переделкой «Непутевого». Сегодня написал 6 страниц, совсем новых и о новом.

1. Постников Сергей Порфирьевич (1883—1965) — журналист, издательский работник, редактор, один из основателей журнала «Заветы» (см. подробнее: Ушаков А. И. История гражданской войны в литературе русского зарубежья: Опыт изучения. М., 1993. С. 113—122).

2. «Непутевый» был опубликован в «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни» (1914. № 1).

3. В газете «Калужский курьер» была опубликована рецензия на повесть «Уездное»: А. С. «Света! Больше света!» (1913. 14 сент.).

4. В газете «Голос Москвы» (1913. 14(27) июня) был напечатан под псевдонимом «Олег Леонидов» обзор литературы О. Л. Шиманского «Листки из блокнота». Критик высоко оценил талант автора «Уездного»: «Это — самородок. Человек, безусловно, не книжный, вобравший в себя не премудрости печатного листа, а весь трепет и мощное дыхание жизни».

5. «Свет» — петербургская политическая, экономическая и литературная газета; имела подзаголовки: «ежедневная, независимая, самая дешевая и распространяемая газета». При сплошном просмотре номеров газеты «Свет» с 1 июня по 1 октября 1913 г. упоминаемую рецензию найти не удалось.

№ 106

25—27 сентября 1913 г. Николаев

25/IX 13.

Милая Мила Николаевна. Какое-то у меня сегодня беспокойное настроение. Сел было писать — не могу. Решил — дам себе отдых сегодня, сяду Миле Николаевне письмо писать.

Вчера вечером отправился, Коськи ради, на заседание Технического общества. Инженеров наших было несколько человек. Какой-то дурак предложил меня в члены. Выбрали. Придется заплатить за эту честь десять ру<блей>.

Читался в заседании скучнейший доклад об аэропланах. Кончили в половине двенадцатого. И — как я и ожидал — с Боклевским в Лондонскую ужинать.

Было нас человек двенадцать, в том числе три дамы. Ужин был скромный. Сначала водка и к ней тьма всяких закусок (водку я, конечно,пил — английскую). Белое вино (тоже, конечно,пил). И затем — по одному блюду, кто что заказывал. Закончили — кофе. Ни шампанского, ни тостов не было.

И все же домой я вернулся только в 2 часа. Конечно, не выспался. Конечно, cholera. Тем не менее — чувствую себя сносно.

Но какой сегодня день. Понимаешь, Мила Николаевна — я ездил в одном только черном кителе, и все-таки было жарко, прятался в тень. Совсем лето. И ночи последние — теплые. Вчера был очаровательный летний дождь.

И в такой день особенно горюю, что один — без Вас. Сегодня, как дурак, ходил, ездил и думал о Вас. Вот какие дела. «Ах, думаю, — вот, взяла бы да и приехала, так, неожиданно-негаданно, но...»

Ну, вот, и все, что сегодня хотел сказать. Что будет завтра — увидим. А сейчас — беру роман и ложусь читать.

27/IX. Довольно одинаково все это у нас идет: я ждал тоже письма, чтобы отправить это. — Ну, не скажу, чтоб у меня дела шли хорошо: кишки — все так же, пишу — гораздо меньше, чем хотел бы, сплю кверно. Вот уж четвертую ночь подряд сплю часов по 6: первая ночь — задержал Боклевский на зав<оде>, вторая — ужин с Боклевским в Лондонской, третья — вернулся поздно с завода, поздно обедал и проч<ее>, а вчера — писал «Непутевого» — и не мог заснуть очень долго. А проснулся — знаешь отчего? Проснулся — чувствую — зуб во рту, да большой какой. Вот так, думаю — здорово. Спичку зажег — поглядел, не зуб — а... мятная конфетка. Вот дурак-то, а? — Сегодня думаю взять ванну, авось буду спать.

Приехал сегодня дурак — Уткин, значит завтра и в понедельник не иду на завод, сижу и пишу. Кончаю переделку «Непутевого», уж хочу, чтоб вышел хороший рассказ, а то не очень он мне нравился. А потом примусь и за «Кулички»¹. — Что же дураки говорили о самом «Барыбе»? Да вот вопрос, — нет, не задам, Вы на язык слабы, не скажу. Ну, ладно, чертовка, я-те покажу когда-нибудь, я-те покажу: зачем мне про «Кумиры» написала? Убью. — Впрочем, я прочитал не все. Вижу: Гью и Рени, э, думаю, стоп. Но откуда же начинать читать письмо? Пропустил (закрыв рукою) строк пять, читаю: «Минна отравилась»². Ах, ты, чертовка, погоди.

Прощай, чертовочка. Хочу письмо отправить сегодня же, поэтому кончаю.

ЕЗ.

Нужен мне «Вестник Знания», июнь или июль, не помню, — июль, кажется. И, кроме того: «Голос Москвы» от 11 июня, «День» от 9 сент-
т<ября> и «Свет» от неизвестного июня.

1. Замятин вернулся к замыслу, который возник еще в январе 1912 г. (см. п. 71 и примеч. 2 к п. 71) и переработал рассказ «Владивосток» в повесть «На куличках» — о жизни военного отряда на Дальнем Востоке.

2. Гью Кольман, Ирен Мерриам (Рени), Минна Гарт — персонажи романа «Кумиры» У. Локка.

№ 107

30 сентября 1913 г. Николаев

30—IX—13.

Извини, милая Мила Николаевна, если письмо выйдет несуразное. Понимаешь, весь вечер вчера не было электричества и ½ вечера — сегодня. Только сейчас, вот, дали. Я чуть не лопнул от злости. Пробовал писать — не мог. Так — два вечера пропали. Не выспался. Не знаю, что сегодня буду делать. Сидеть дома — отчаянно скверно, итти — нет сил никуда, нет энергии.

От «Заветов» сегодня получил — не оттиски, а экземпляры майской книжки — 10 штук, черт бы их взял, не могли оттисков сделать.

Что-то все скверно: сплю скверно, брунс отчаянный. Argentum — пока без употребления, пробую еще раз настой некий. Хотя пока, конечно, результатов никаких. Но вся суть в том, что мне не хочется возиться с argentum — изобретаю предлог.

Жду писем.

ЕвгЗ.

«Непутевого» — почти кончил, но больше ни за что не принимаюсь.

№ 108

3 октября 1913 г. Николаев

3—IX¹—13.

А я все — закрытки да закрытки: часто пишу, оттого. — Понятие о строе моей жизни? Миленькая — да разве я живу теперь? Жить — прежде всего двигаться вперед. А я не знаю, зачем мне итти вперед, нет цели, не за чем. И если все-таки плетусь понемногу — то так, по какой<-то> странной старой инерции. Самое живое у меня здесь —

писанье, конечно. Всю эту неделю — очень плохо шло. Никак не мог приделать новый конец к «Непутевому». Принимался несколько раз, сделал четыре варианта — и ни один вполне не удовлетворил. Сегодня принялся, наконец, за «Кулички» — написал первые 3 страницы. — Вот два последних дня приходится рано вставать: в 8—8 ½. Нужно ездить на рефулёр, к <оторы>й перетащили в Николаев из Херсона. Подают моторный катер под бульвар — и еду (рефулёр стоит у Варваровки). Сегодня ездил вдвоем с Юстусом; Юстус звал на журфикс дурацкий. Делать нечего, пойду. Вернусь рано, т. к. завтра — едет на рефулёр комиссия в 9 утра: надо к этому времени чаю попить и поспеть. Обедал сегодня в ½ второго, чай пил в 6,— вот как. Чувствую — сносно. Сегодня с этой поездкой о брунсе забыл — и вечером был приличный.

ЕЗ

Получил письмо от «Совр<еменных> Проблем»². Пишут, что они «решили» выпустить том без «Непутевого». А я написал: запрещаю. — Пришли Вольфовские известия³.

1. Ошибочно. Должно быть — X.

2. Вероятно, Замятин получил письмо от владельца московского издательства «Современные проблемы» Николая Абрамовича Столяра (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 44); в нем содержалось предложение издать том повестей и рассказов. Однако условия, предложенные издателем, не удовлетворили Замятина (См. об этом: Письмо Е. Замятина Н. С. Ангарскому-Клестову от 14 февраля 1914 г. // РГБ. Ф. 9 (Н. С. Ангарский-Клестов), карт. 1, № 49. Л. 1).

3. Речь идет об иллюстрированном библиографическом журнале «Известия книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии», издавался с 1901 г. В 1908—1916 гг. — по 12 номеров в год. Редактор — Л. М. Вольф.

№ 109

12—13 октября 1913 г. Николаев

1913—X—12.

Истина и последняя близость... Ах, Миля Николаевна. Зачем она — истина? Зачем раздевать ложь и присматриваться к ней под микроскопом? Истина — самая последняя и самая настоящая — всегда страшна, под микроскопом — все безобразны... А может — и нет ее, истины-то.

Вот эта самая — истинная любовь, о которой я когда-то мечтал — когда был юн и глуп — есть ли она? Или, по крайней мере — есть ли она для меня, была, будет?

Нет, такой, истинной, настоящей, целой, нигде не разорванной (а юные и глупые мечтают о такой) — не будет. Сил для этого — у меня уже нет. Была ли? — Да, казалось, бывало, что такая истина моментами есть. Моментами.

А потом — цепь обрывалась, не было бесконечности, непрерывности — не было истины.

А теперь? Ведь я теперь — неживой. Что ж во мне может быть живого и настоящего? Какие-то уродливые недотыкомки — чувства есть. И эти чувства принадлежат Вам.

Ну, вот — значит, истина такова: такую любовью, которую она когда-то представлялась мне, когда я был еще жив — такую любовь — никого не люблю. А такую, какую теперь могу любить — люблю только Вас.

Впрочем, и это бедное существо — мою любовь — мы, ведь, не очень щадим: так иной раз дубасим его, что оно падает в обморок. И тогда во мне ничего не остается — кроме меня самого. А я — холоден, презрителен, живу в себе, не люблю людей. Таков я бываю и к Вам.

Что было бы, если б я теперь был другой, живой, как раньше? Диапазон жизни был бы больше, больше были бы колебания вверх и вниз. Несомненно бывали бы более яркие моменты любви к Вам и более глубокие, резкие разрывы. Они зависели бы не только от Вас, но и от меня. И вот почему.

Когда-то — во мне было жизни на двадцать человек и столько же любопытства к жизни, желания изведать ее. И столько же желания перешагнуть через людей, овладеть ими — многими. И столько же воли — перевернуть жизнь по-своему, устроить не так, как все.

Вот, если б я был такой — вероятно, я много себя отдавал бы другим — и мужчинам, и женщинам. Владел бы ими, создавал бы себе моменты кажущейся — как искра — блеснула и потухла — любви, падения, подъема, — раскрывал бы людей, может быть, резал бы, чтобы узнавать, — узнавал бы. И все это, вероятно, при постоянной доминанте — любви к Вам.

Слава Богу, Впрочем, что этого нет и не будет — слава Богу, я мертв — любопытства, к жизни, к людям — у меня уже, кажется, нет.

Оживить? Ведь, я — материалист, в конечном-то счете, и верю, что дух определяется телом. А кто же может теперь оживить мое тело? (Кроме... Теплоухова¹).

Ах, эта Ваша фраза о «московских друзьях»... Какой я простофиля. Я читаю это (как раз в конце страницы) — и думаю: «Вот любовь — вот, самоотверженность. Она думает, что мне так плохо, так скучно, что хочет...»

И вдруг — перевертываю страничку и... «чудовище, с зелеными глазами»... Знаете ли Вы ему имя? Ох, как я смеялся над собой, с каким удовольствием говорил себе: «Ах, простофиля, простофиля! И мог подумать только, что здесь что-то столь возвышенно-сверхчеловеческое»...

И это тоже, дальше, об оттисках, о «Заветах». Милый мой друг — и недруг. Оттиски я получил недавно, нужно было их переклеивать, чтобы дать им приличный вид (как сделал для Ньюни).

А я — писал много, некогда было этим заняться. Вот и не послал. И я очень рад, что послал оттиски раньше получения Вашего письма от 7/X, а то слишком было бы похоже, что испугался — и послал. Послал три оттиска, Вам, Ньюне и Уржумцеву². Больше пока никому не посылал.

... Похоже, что испугался. Почему — похоже? Ведь, я, и правда, иногда боюсь Вас. Нет сил, нет самообладания, как раньше — боюсь этих «обмороков» своего чувства — вот, и сейчас даже, когда пишу почти физическая боль в сердце. Милый мой друг, *bon tab[le]au*^{*}: любовь... и страх. Ах, что уж это за любовь.

1913—X—13.

Какой сегодня чудесный день, солнце, синяя вода, запах опавших листьев, тепло, веселая толпа.

А я опять ходил, бесконечно один — и думал: «Все-таки, все-таки во сколько раз я был бы счастливее, если бы здесь была она». Она — Вы, конечно.

И хотя в последнем письме Вы говорите: «Помните, если только Вы очень захотите — я буду с Вами» — все-таки я не знаю, не момент ли это жалости, не настроение ли, вызванное моим каким-нибудь жалобным письмом. Пожалуй, слишком трудно и неудобно было бы Вам уехать теперь из СПб. Ведь так?

А у меня опять — скверное, никудышнее настроение. Работать не могу, иду, должно быть, сегодня в театр — хотя и это не хочется.

«К куличкам» у меня написано страниц 40, т. е. может быть — половина. Но мне многое не нравится. Все же до отъезда надеюсь кончить.

---

^{*} хороша картина (фр.).

А отъезд этот — числа 15—20 декабря. В Лебедянь, наверное, не поезду — слишком неудобные поезда, да и не очень-то хочется. Поеду — или прямо в Петербург, а оттуда на святки все куда-н<и>-б<удь> в Финляндию (в Министерство явлюсь только 1-го января). А может быть, если б случилась эта неожиданная вещь и вы приехали — поехал бы с Вами в Крым или Гагры: каково-то там в это время?

Середину след<ующей> недели — пишу; понед<ельник> и вторн<ик> занят на двух заводах. В конце недели — спуски на всех заводах, приедет Костька, будут пиршества, буду пить. (Ах, с каким бы удовольствием пошел и напился сейчас). Мила Николаевна — потеха: для присутств<ия> на спуске нужно иметь фрак или черное пальто — и цилиндр. Пойду вот, раздоставать себе на прокат.

Кишки — idem. Никаких настоев не пью. Пил не потому, что верил, а оттого, что это давало мне какой-то предлог не начинать возиться с разными неприятными вещами.

ЕЗ.

Пометы Е. И. Змятина на пригласительном билете. 1913 г.

Спасибо за присланный понедельничный «День», жду еще. Сегодня не получил «Речь»; д<олжно> б<ыть> конфискована.

1. К. Н. Теплоухов. См. примеч. 5 к п. 95.

2. См. примеч. 2 к п. 65.

№ 110

17 октября 1913 г. Николаев

17—X—13.

Только, вот, сейчас, получил письмо. А ждал его, как...

Что мое письмо не получено — удивляюсь: я его послал в воскресенье или в понедельник¹.

В этом письме я не написал, что я уже целую неделю живу один, Мар<ия> Алекс<андровна> уехала. Что это была за неделя...

Ну ладно. До... нет, не знаю до чего.

Евг З.

1. От этого письма, отправленного из Николаева 8 октября 1913 г. (вторник), сохранился только конверт (Ф. 292, № 6. Л. 50).

№ 111

Телеграмма

18 октября 1913 г. Николаев

Не прикажете купить Вам билета Плевицкую¹ 28 октября театр Шеффера²

1. Плевицкая Надежда Васильевна (наст. фам. Винникова, 1854—1941) — певица, исполнительница русских народных песен. 27 октября «Николаевская газета» напечатала анонс: «Театр Шеффера в понедельник 28 октября только один концерт оригинальной русской народной певицы Надежды Васильевны Плевицкой, при участии артиста виртуоза А. Д. Доброхотова».

2. Театр Я. Я. Шеффера в Николаеве.

19 октября 1913 г. Николаев¹

Милая Мила Николаевна. Я сошел с ума — или — или не знаю что. Вот слушай.

Сейчас — половина пятого — ночи. А я не сплю. Сегодня, чтобы заглушить в себе это — я был в театре. В двенадцать вернулся, лег и...

Мила Николаевна, милая, единственная — безумно хочу тебя. Да, да, да. Тебя, тебя, тебя. Лежу, мучаюсь, мучаюсь, целую, вдыхаю, хочу. Сдавливаю себя, приказываю замолчать, заснуть, завтра надо работать... и не могу.

... Два, три. Наливаю себе воды, беру книгу, читаю. Целый час. Ну, может быть, теперь... — Нет, опять ты—ты—ты. Думаю, думаю... Ну, что же, послать еще телеграмму? Или письмо? Как? Когда...

Мечтаю о «последней близости». Говорю себе, что ее нет отчасти, а может и больше всего — потому, что мы не живем, как муж и жена. Вспоминаю о том, как это бывало последние разы, о всех противных приготовлениях... О том, как хочется сбросить все, все это мешающее и войти в тебя без всего мешающего, ненужного.

... И опять — хочу тебя, хочу тебя. И думаю: ну, как же тогда... Надо ей написать, чтобы купила вот это... пусть сама пойдет и купит, и пусть ей будет стыдно, это очень хорошо... За этот стыд, я ей... а если писать, значит нельзя телеграфировать...

И опять смотрю на часы — половина пятого. Не спать совсем? И не лучше ли будет — встать, сесть, написать все это, пусть знает... — Пишу...

Мила Николаевна — и так со мной не первый день,— отчего это? Я не хотел писать об этом, было стыдно. И так стыдно, и того стыдно, что не могу без вас жить здесь. Вот уже, вероятно, недели 1 ½ всячески мечтаю о тебе: и как о друге (все-таки ведь ты мне — друг, и можешь быть еще большим, если захочешь — захоти только), и как о женщине — о жене — называй, как хочешь. Так было, может быть, не в такой только бредовой форме, как теперь, и тогда, когда я написал тебе это последнее, закрытое, письмо, такое скептическое. И чтобы удержаться от такого сумасшедшего письма, как это — я и написал. Попробуй, пойми это — и...

В церквах благовестят к заутрене, за окном полусвет. Пойду, попробую опять... помучиться в кровати.

1. Отправлено со следующим письмом в одном конверте.

20 октября 1913 г. Николаев

20—X—13.

Милый друг (все-таки ты — друг мне, и могла бы куда большим, если захочешь) — милый друг, кажется мне, что ты переступишь даже через правду мою, когда узнаешь о всех моих Танталовых муках.

Меня все мучает. Когда, вот, вечер, как сейчас, еще нет огня и подпраздничный звон колоколов. И когда день ясный — а они все здесь, к несчастью, ясные и теплые, все хожу без пальто. И даже ночью — даже ночью.

Вчера почему-то я совсем сошел с ума. Никак, ни на минуту не мог заставить себя выпнать вас из головы. Три, четыре часа... я взял книгу, читал — авось, мол, забудусь. И только потушил огонь — опять то же. Очень хотел Вас.

Решил, что никак не избавиться от наваждения, если не встать и не написать письма Вам. Встал, написал — совсем бредовое письмо. Когда кончил — было уже 5 часов, рассветало немного, благовестили к заутрене.

Часа четыре спал, и сегодня — давно неиспытанное состояние: после бала. Такая же туманная и томная голова, немножко все кружится, немножко все лениво, так же не хочется ничего.

Письмо прочитал сегодня, конечно, не послал. Положил в ящик. Покажу «позже большим удовольствием».

Это правда, Мила Николаевна: «не выдержишь, скажешь — и как стыдно бывает потом».

Вот это-то мне и стыдно все время: не выдержать — не выдержать здесь без Вас и звать Вас, и писать такие письма, какие кладутся в ящик. Отчаянно стыдно.

Танталовое это состояние — у меня недели 1 ½ уже (ведь, обычный срок, в течение которого я могу еще существовать без Вас — месяц — он уж прошел). Было оно и тогда было написано мое криминально-правдивое письмо. И для того такое письмо и было написано, чтоб не написать бредового, за которое было бы стыдно.

Таковы были последние дни. И вот, к четвергу, мне казалось, я уж настолько сумел овладеть собой, что я опять даже начал писать. А в пятницу — а в субботу ночью...

Ну хорошо — вот что я думаю: ну, я сумею, допустим, с собою справиться — в старину ведь умел — сумею. Но нужно ли это? За чем? Не бесцельно ли? К чему уродовать, урезывать себе жизнь —

когда она и так уж много урезана — судьбой? Поразмыслишь так — и скажешь: нет, не нужно, как будто.

И вот, если б я наверное знал, что Вам не нужно быть в Петербурге, если б я наверное знал, что Вам скучно, нехорошо, что Вам наверное не жаль бросить Боброва, клинику, комнату — то...

Ах, Мила Николаевна. Вот, и эта телеграмма моя — о Плевницкой — из той же Танталовой оперы. Только чтоб не была «сантиментальность дурного тона» — придана шутливая форма. А ответ... «Позже большим удовольствием». Я его не понял, не понял, не понял.

Ах, напиши мне что-нибудь поскорей, протелеграфируй. Я не могу так — извелся.

ЕЗ.

Жалею, что не могу послать заказным: воскресенье.

М<ария> Ал<ександровна> уж неделя, как уехала. Прислуга — очень хороша — хорошо готовит, все сама делает.

№ 114

24 октября 1913 г. Николаев

24—X—13.

Милая Мила Николаевна: Вы мне очень мало пишете.— Впрочем, теперь я уже впал в апатию и протрацию. Очень поздно засыпаю — и еще позже просыпаюсь. Голова — как пустой котел. Три дня, вот — к карандашу и бумаге не прикасаюсь.

Вчера пользовал себя *argentum*'ом. И-и, как скверно потом — и вчера, и сегодня. Чтоб ему провалиться, Жоржику.

ЕвгЗ.

№ 115

26 октября 1913 г. Николаев

26—X—13, суббота.

Миленькая, если б ты была уже со мной — как хорошо бы было сегодня. Такой забавный день: утром я писал у открытого окна, очень тепло, полился ливень, загредел гром — гроза форменная. И сейчас — дождь, окно открыто, в комнате так уютно... может быть: одному — пусто. Получил телеграмму. Спасибо, милая Мила Николаевна, что приедешь — спасибо. Я буду рад, мне кажется, даже еще

больше, чем летом. Не знаю почему. Мне думается, что нам будет хорошо. Мы будем одни ведь, — никто не приходит, и я никуда не хожу. — Вчера мне принесли телеграмму в пол-шестого утра почему-то, и я уж не мог больше заснуть — думал. Сегодня тоже плохо спал — оттого не могу найти для письма достаточно сильных слов. Но то — так, ведь поймешь.

Милая Мила Николаевна — одна большая просьба. Поезжай непременно во II кл<ассе>, ладно? Если нужны деньги, телеграфируй. Шуба... стоит ли ее выкупать сейчас? А? По мне нет. Пожалуй, здесь и совсем не пригодится. Я думаю, в случае надобности можно будет отправить квитанцию Куткину, — он сделает.

Евг З.

Какой я глупый: позавчера послал, наконец, мальчикам оттиски — и забыл наклеить марки — им придется доплатить. Извинись — если увидишь.

№ 116

28 октября 1913 г. Николаев

28—X—13.

К счастью, состояния буйного помешательства бывают обычно непродолжительны. Так было и со мной. По прошествии припадков я впал было в протрацию и собирался писать соответственное апатическое письмо — как вдруг эта самая твоя милая телеграмма. Это апатию разогнало. Начал мечтать. Думать: «а не купить ли ей, в самом деле, билет на Плевещкую? А то вдруг приедет — и не будет...»

Опасения были напрасны...

Мила Николаевна — делай, конечно, так, как тебе удобно. Повторяю — буйное сумасшествие прошло, теперь — тихое помешательство *dementium praesox**. И в этом периоде сознание, что ты хочешь приехать и скоро приедешь — достаточно, чтобы предупредить новые припадки.

Итак, кончай все свои дела, посвятив им сколько надо времени, покупай билет 2-го класса — и...

Милая Мила Николаевна — насчет Рождественских праздников окончательно мы решим после, вместе, после дискуссии. В Лебедянь, между прочим, я еще и потому не хочу ехать, что отчаяннейшее со-

---

* преждевременное безумие, сумасшествие (лат.).

общение, невероятное. Из Николаева у меня все же есть мысль уехать, 20-го декабря, а куда? — еще вопрос.

Недавно мне предлагали устроить себе бесплатный проезд на пароходе из Николаева в Галац — бесплатный и без заграничного паспорта. Это уж недурно, а? Может, это мы и проделаем? Во всяком случае, мы, я думаю, проедем в Одессу, так как с начала ноября пароходы начнут ходить днем.

Итак, Мила Николаевна, моя миленькая, я тихо и смирно тебя жду. Пока — знаешь ли что я надумал? — лечиться. Пошел вчера в водолечебницу — благо она близко — а сегодня уж первый раз проделывал... манипуляции. Они вот какие: 1) душ на живот в 33° под давлением; 2) ванна (5 м<инут>) в 26° (будет постепенно понижаться t<емперату>ра) с легким массажем после ванны и 3) дождевой душ — 24°, кажется, словом довольно прохладный — 1 ½ мин<уты>. А через день вместо душа будет обертывание в 43° на ½ часа с каким-то особым приспособлением на живот — этого еще не делали, не знаю. Все удовольствие — 20 р<ублей> в месяц. Правда, не так уж дорого?

В водолечебнице взвесился голый — как это ни совестно. Вес — 3 п<уда> 13 ф<унтов>, это тоже, пожалуй, неплохо. И еще одно: по неведомой причине 2 дня приличный брунс (уж не телеграмма ли?).

Еле-еле отвертелся на днях от поездки в Александровск и на заводы: боялся — уеду и вдруг ты-то и прикатишь. Ну, ничего, пронесло, уехал Уткин, а я езжу на завод — день, а другой день — пишу: хочу кончить «Кулички» вчерне до твоего приезда, чтобы можно было прочитать их.

Так, до свиданья, миленькая. Пиши же больше.

Е.

Миленькая — миленькая, до чего сейчас все-таки хочу Вас целовать,— беда...

Ну, да авось холодной водицей вылечусь.

№ 117

30—31 октября 1913 г. Николаев

30—X—1913. 11 час. н.

Вот, ходил сейчас гулять мимо Реального училища — и думал: с Милой Николаевной однажды пойдем сюда ко всенощной. Как-нибудь нагрешим — и пойдем грехи замаливать. Доходил до театра: там сегодня «премьера» (hotteur) Арцыбашевская «Ревность»¹ — вот

как у нас. Нет, право — репертуар терпимый — и играют иногда прилично. А в воскресенье — был на Плевницкой. В некоторых своих вещах она меня восхитила, а в других — псевдо-народных — прямо слушать было противно.

А Вы, значит, так без Плевницкой и останетесь: вот-те и «позже с большим удовольствием». Эх, миленькая — но все-таки: когда же оно это позже? Дай мне какую-нибудь цифирочку.

Миленькая, прости — я устал писать «На куличках» — не могу. Вчера вот — усадил себя, писал, а потом часов до 3-х не спал. Вот, когда приедешь, погружусь в тебя, обновлюсь, прочитаю тебе написанное — вот, тогда только, может, опять возьмусь медленно, понемногу. Так все-таки мне, пожалуй, нельзя работать, как я работал. А все-таки — черновая работа кончена, вышло страниц 80 с лишком. Пока не очень-то нравится. Даже больше: пока — все это мне осточертело, как-то и не думается об этом, а только о... Да, знаешь, конечно, о ком и о чем.

Здесь — с неделю уже осень. Сначала были туманы — теплые. Потом дожди. То тепло, то холодно. Вчера, вот, в ватном пальто было холодно ехать на завод, а сегодня утром — в летнем бегал, как раз. Так что, миленькая, я пошлю тебе завтра деньги, а ты — если будет время — поручи взять шубу. Но, Мила Николаевна — ради Господа Бога — если это хоть на день может задержать — не надо: после выпьем, Куткин — мальчик старательный, все сделает.

А купить... а купить мне нужно было бы вот что. Первое — портплед, гладкий коричневый: мой уже ни к черту не годен. И это опять — если будет время, а то — в Одессе купим, или здесь можно заказать — я справлялся, можно. Второе и третье — два сборника: издательства «Сирин»² и изд<ательст>ва «Энергия»³ — надо посмотреть, что это. Но это все — пустяки. Самое главное — поскорее привози же себя. И, миленькая, извести меня телеграммой. Приезжай лучше так, чтобы попасть в Николаев в 12 час<ов> дня. Поезжай во II классе, непременно ешь в вагон-ресторане. И вот что еще: можешь не приезжать совсем, если не будешь у меня ничего есть — так же, как летом. Что за безобразие: испортила свои миленькие «гр<уди>». Ну, да уж так и быть — поцелую их и такими, какие они есть — если дашь обещание исправиться и исправить их. Ну, даешь? Ну, смотри, то-то.

Миленькая,— значит привози с собой все теплоты, какие есть,— ей-Богу, стало здорово холодно.

(А к... не хочешь купить? А-а, то-то, ну, так и не спрашивай, что надо).

Миленькая, нет, сейчас я не пошлю на шубу денег, раздумал. Уж лучше это сделать в конце ноября, когда получу наградные: тогда без всяких затруднений. А — то сейчас — как бы не обанкротиться.

Посылаю только четвертную — на всякие мелкие мои покупки. Из книг, Мила Николаевна, не купишь ли еще вот что: «Развороченные черепа, IX альманах эго-футуристов ц<ена> 50 коп<еек>»⁴. Только, чур, читать вместе. Сейчас сбегая на почту, а потом — в водолечебницу: сегодня обергывание, кишочки что-то опять расхлябались, только на три дня были лучше.

1. Арцыбашев Михаил Петрович (1878—1927) — писатель. Как драматург дебютировал драмой «Ревность» (1913). Спектакль «Ревность», поставленный петербургской труппой Театра К. Н. Незлобина (премьера — 17 октября 1913 г.) — стал сенсацией сезона, имел кассовый успех.

В Николаеве «Ревность» была поставлена драматической труппой Товарищества В. Н. Викторова и 30 октября 1913 г. сыграна в Театре Я. Я. Шеффера.

2. Замятин имеет в виду изд.: Сирин: Сб. первый. СПб., 1913.

Позднее Замятин написал рецензии на первый и второй сборники «Сирин» (опубл.: Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1914. № 4. С. 157—158).

3. Имеется в виду изд.: Энергия: Сб. 1 / Под ред. А. Амфитеатрова. СПб., 1913.

Предполагалось, что Замятин примет участие в сборниках «Энергия» (См.: Письмо А. В. Амфитеатрова к М. Горькому от 26 сентября 1913 г. — ЛН—95. С. 436). 29 августа 1913 г. Замятин писал редактору А. В. Амфитеатрову о своем согласии работать в сборниках и просил сообщить размер гонорара (См. *Темы и вариации*. Р. 358). Велись переговоры о публикации повести «На куличках» (См. Письмо секретаря редакции З. М. Пешкова к Замятину от 17 сентября 1913 г. // ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 41), однако ни повесть, ни другие рассказы в сборниках «Энергия» не печатались.

Вскоре Замятин опубликовал рецензию на первый и второй сборники «Энергия» в «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни» (1914. № 3. С. 156—157).

4. Речь идет об издании: Развороченные черепа. СПб., 1913 (Эгофутуристы. IX [альм].).

5 ноября 1913 г. Николаев

Вторник 5—X¹—13.

Миленькая, я хотел бы, чтоб это мое письмо было последним — чтоб следующие уже не застали тебя в Питере...

Дня четыре последних здесь были очаровательные, свежие, тихие, солнечные. А сегодня двинулся туман и ветер с моря — не знаю, будет ли хорошо к Вашему приезду.

Я хожу, лечусь кажинный Божий день; толку пока мало, кишки все idem, а нервишки — и еще хуже. Ну, это-то уж, не от лечения, конечно, а от другого.. Плохо стал спать — беда: последние дни засыпаю все часа в 3, в 3 с лишком — и просыпаюсь около 11 — голова сумная.— «Кулички» мне надоели уж. Начерно я набросал их — и заложил. При теперешнем моем состоянии они уже рас — и отвлекать меня. Нужно было что-нибудь новое, занялся новым, совсем неожиданным рассказом, который уже почти и кончил — написано 6 глав, осталась одна².

И этого все-таки мало: веду себя нынче в театр на «Не убий» Андреева³. Это — в наказание Вам за то, что «10 дней» все растут...

Конечно, знаю, что такое «dementia graecox»: да у меня и есть — преждевременное старческое слабоумие.

Книжек-то купи. Не купишь ли Розановское «Уединенное»?⁴

1. «X» исправлено Л. Н. Замятиной на «XI».

2. Вероятно, речь идет о рассказе «Чрево», действительно состоящем из семи глав.

3. 5 ноября 1913 г. драматическая труппа Товарищества В. Н. Викторова играла спектакль «Каинова печать» («Не убий») по пьесе Л. Н. Андреева в театре Я. Я. Шеффера. См.: [Анонс] // Николаевская газ. 1913. 5 нояб.; Н. Театр и музыка: «Не убий» // Там же. 7 нояб.

4. Имеется в виду изд.: Розанов В. Уединенное. СПб., 1912.

23 декабря 1913 г. Елец

23—XII—13

Ладно, сначала хорошее. Это: брунс вчера и вчерашний сон. С Валуек устроился в купе один, дал кондуктору рупь — и спал, как на углу Никольской—Наваринской¹, часов 8; встал без ¼ 9. А пло-

хое... О, ich bin ein Dumkopf^{2*}! В Харькове купил-таки порт-плед (очень> хороший). От свежего воздуха после бессонной ночи mein Kopf war noch dummer^{**}. И, verstehen sie^{***}, в толкотне, на вокзале — у меня украли etwa dreizig Rubel, es mögt sein — ein wenig mehr, es mögt — ein wenig — weniger! Noch ich dankte dem gott, das mein^{****} железнодоро<оружный> билет и багажн<ая> квит<анция> остались целы. Это испортило мне вчерашний день. А сегодня — уж все позади. Javohl, das geld — das ist trün-trawa^{*****}. Сегодня — все белое, метель, люди неспешные, инеи. С половины 11-го (немн<ого> опоздали) вот уже 4 часа прошли незаметно. Пил чай — с расположением, читал «Речь» за пятницу (прочти о Prüfunge der nieren mit Jodkali^{*****})³, гулял 45 мин<ут>. Впереди — обед (consommé avec oeuf riabchik avec brousnika^{*****}), парикмахер, «от бурсы до снятия сана». Auf Wiedersehen. Seien sie glücklich nehmen Sie mein Küsse.

Euer Eug. Zamiatin^{*****}.

Рождественский номер «Огонька»⁴ уже купил и прочитал. А рождественский и понедельничный «Дня» — жду слегка.

1. Ул. Никольская и Наваринская — в Николаеве.

2. Замятин в написании немецкого текста допускает ошибки. Текст воспроизводится с максимальным приближением к оригиналу. Перевод на русский сделан, исходя из общего смысла фраз. Случаи транслитерации особо не отмечаются.

3. В пятницу, 20 декабря 1913 г. (2 января 1914 г.) в газете «Речь» был опубликован отчет «Съезд терапевтов». В нем, в частности, рассказывалось об опытах врачей М. Н. Ерофеева и В. А. Дегтярева с введением в человеческий организм йодкалия для определения недостаточной функции почек.

4. Замятин читал рождественский номер еженедельного художественно-литературного журнала «Огонек» от 22 декабря 1913 г. (№ 51). Ни произведений Замятина, ни отзывов на его произведения в журнале нет.

* О, я дурак! (нем.).

** моя голова была еще глупее (нем.).

*** понимаете ли (нем.).

**** около тридцати рублей, может быть немножко больше, может быть, немножко меньше! И я поблагодарил бога за то, что мой (нем.).

***** Не правда ли, деньги — это трюн-трава (нем.).

***** Опытах на зверях йодкалием (нем.).

***** консоме и рябчик с брусникой (фр.).

***** До свидания. Будьте счастливы, примите мои поцелуи. Ваш Евг. Замятин (нем.).

28 декабря 1913 г. Николаев

28—XII—1913.

Завтра еду — беспременно. Ничего здесь не сделал: лень обуяла страшная. Лежал — и читал, и читал. Разве только нынче вечером удастся переписать главу из «Куличек».

Погода здесь — прелестная: снег чистый, часто солнце. Но это радовало день. А дальше стало скучно.

Публика сегодня идет на спектакль и прочее. Я сижу дома. Все время никуда не ходил, даже мало гулял. Один вечер азартно резался в карты. Вчера на паре ездили прокатиться в лес, верст за 10. Вот и все мои развлечения.

Книги в Петербург привезу непрочитанными: нашел здесь кое-что интересное и прочитал.

Чем повиты мои дни? Немножко сусального золотца — и серое, много серого.

Спать мешают крысы: гибель их под полом, скребут и пищат. Все-таки сплю сносно: жидов над головой нету.

Брунс — переменный: очень хорошо, obs.^{*}, средне, и снова — очень хорошо, obs., очень средне. И так далее. До бесконечности.

Агру еле удалось выпроводить. Вышла такая история, что ее родители не прислали за ней во время лошадей. Она разозлилась на них и говорит: не поеду, да и только. И я уж проделал такую вещь: тайно нанял извозчика, извозчик подал, — пожалуйста, Аграфена Павловна¹. Поехала. И только с версту отъехала — встретила высланных за ней лошадей. Все это было рано утром на первый день. Пока что без нее кормят не плохо.

Только вот сейчас получил Ваше письмо. Получено ли мое письмо из Ельца с историей Dummkopf'a?

Известием о квартирах афраппирован.

«Речь» получаю, «Биржевку» нет.

Обещанного рождественского «Дня» не получ<ил>.

1. Гроздова Аграфена (Агриппина — по паспорту) Павловна (?—1942) — стала позднее домработницей Л. Н. и Е. И. Замятиных.

* obs.— неясно, туманно — сокращенное от obscure (лат.).

13 апреля 1914 г. Вержболово

13—IV—1914. 9 ч. у.

Французскую жоивку выжили к ночи из купе и спали втроем: я и два немца (= ж...). Немцы спали по 12 часов, я — не больше 2-х. Немцы встали в 6 час<ов>, я от них не отстал. Решил вознаградить убытки органа питания: с утра попил чаю и съел котлетку. Зябрю немецкие слова: при размене денег (мелочь) уже подпустил фразу. Утром (в 7) было серо и скверно. Теперь — очаровательно, можно — без пальто.

Ваш Е.

Чувствую себя пока терпимо. В вагоне больше всего мне понравился — брунс. У меня такового еще не было.

14—15 апреля 1914 г. Берлин

14—23 april 14

9 час<ов> в<ечера> (петерб<ургское> вр<емя>)

Вышел сегодня днем странствовать в своем (паршивом) пальто, и так было жарко, что беда; от жары еще больше устал, от универсальных прелестей универсального Werthenu'a* — еще больше устал. К 5 часам пульс был собачий — от усталости, жары и... волнения: еще бы, миленькая, пальто да костюм — поди-ка выбери, а уж коли дело дойдет до покупок Вам, то... Купил себе den Palletot und den Kostüme (ganze Anzug**), и Вам... einc Stücke nur***. Из-за собачьей усталости ничего сегодня не поглядел, кроме Thiergarten'a: очарователен, липы юно-зеленые, цветов (тюльпанов) — тьма, сирень цветет... А все-таки, несмотря на сирень (т. е. я к брунсу — с сиренью, водил его задарма по Thiergarten****, а он...), когда сел обедать, почувствовал, что брунс будет отчаянный. А-а, так, думаю? Взял да и выпил бокал мюнхенского пива. Хорошо! Брунс сегодня утром был само собой — так себе, а еще один раз — аховый. Tant mieux***** —

* Универмаг (иск. нем.).

** пальто и костюм, полный комплект (иск. нем.).

*** только одну вещь (иск. нем.).

**** Тиргартен (иск. нем.).

***** тем лучше (фр.).

нечего будет бояться.— Принесли чай (без самоварчика!). Сажусь услаждаться.

8 ч<асов> веч<ера> 15—24 апр.

Сегодняшний день для меня лучше вчерашнего: первое — видел, во сне, что пил чай из большого стакана, а не из чашечки, как здесь; а второе — выспался (должно быть, стакан помог). Куда способней был ходить и глядеть.— Утром после чаю — опять делал покупки; обжужливают, вероятно, меня, знатного иностранца, здорово. Ну, ладно: казна-матушка вытерпит. После покупок в 2 ½ ч<аса> — отправился в Zoologischergarten*. Здесь — прелестно. Навеки запомнились две вещи: телята какой-то африк<анской> антилопы, очаровательные дети, и главное — языком облизывают глаза — изумительно (наверно, в русских зоолог<ических> садах такого № нет); ну, и еще очень мне понравился один кроночка¹, — снаружи — ничего особенного, но... небесно-синего цвета язычишко — умилительно.

В Zoologischergarten — обедал. М—м—м... Ну, ладно, авось до черники доживу. Надо сказать, — (радуйся, Мила Николаевна) флакон с Тильмановскими каплями я раздавил (!) в жилетном кармане, два дня несло от меня эфиром и валерианой, беда. Вчера уж купил тутошних капель: Тильмана не оказалось, дали Russische Choleren-Tropfen** (местное название?). И прекрасно как будто действует: несмотря на вчерашнее пиво — сегодня: bruns war nicht***.

Сегодня должен приехать Романов²; что будем с ним вечер делать — не знаю. В Дрезден, как видишь, ни в какой не поехал: очень вчера устал, не до того было.

Боюсь, что профершиплюсь, и придется деньги занимать. Иду, отправляю письмо, auf Wiedersehen, meine güte****.

ЕЗ.

P.S. Воскресную «Речь» прочитал: рви.

1. Так Замятин называет птицу кроншнеп (кроншнель).

2. Е. А. Романов. См. примеч. 3 к п. 79.

* Зоологический сад (иск. нем.).

** русские холерные капли (нем., иск.).

*** брусна не было (нем.).

**** до свидания, моя дорогая (нем.).

16 апреля 1914 г. Берлин

Среда 16/IV. 14 г.

Вчера с одним из инспекторов вечером пошли в Palais de danses* — смотреть танго. Ну, уж... Спать лег очень поздно, часа в 3. Выспался не весьма. Опять бегал за покупками. Накупи-ил, беда. Часа в 4 (сейчас 3 1/2) пойду (опять с инспект<ором>) обедать. После обеда, м<ожет> б<ыть>, покатаемся, а потом, час<ов> в 8 веч<ера> в Штеттин. Получил Ваше письмо.

Евг Замятин.

1 июня 1914 г.¹ Москва

Милая Мила Николаевна. Доехал без крушения, но тем не менее сокрушался всю ночь, часов до 4—5: только около этого времени заснул. Перешел во 2-й вагон в 4-х местное купе. Там был уже какой-то и<дио>т, к<отор>ый всю ночь храпел и распространял parfum'ы**. Боялся, что совсем не засну: кой-как поспал малость. Голова болит. Брунс — не плохой, но и не замечательный. Написал сейчас письмо Управляющему Контр<ольной> Палатой² и вот это (пил уже, конечно, чай). Сейчас иду в адресн<ый> стол, по части Б. Крыл<ова>³. А потом не знаю куда. В Москве — не жарко.

Е. (целую вас⁴)

1. Датируется по штемпелю на почтовой карточке.
2. Управляющим Контрольной палатой был действительный статский советник Александр Михайлович Масловский.
3. См. примеч. 4 к п. 12.
4. Так у Е. И. Замятина.

---

* Дворец танцев (фр.), здесь — мюзик-холл.

** ароматы (фр.).

2 июня 1914 г. Коломенский завод

2—VI—1914

Испекся, испекся на заводе. Вернулся в час домой — так пульс был 150, совсем собачий. Выпил сверх штата целую бутылку Боржома. Сейчас еду в Москву, оттуда в Нижний — если, впрочем, достану билет; не достану — ночью в Москве. Из Нижнего придется поехать в Кулебаки, к<a>к выясняется: это около Мурома (муромские огурцы). Из Кулебак — опять в Нижний, из Нижнего — по Волге. Седни выспался, — часов 9, хотя над ухом свистели всю ночь поезда. Живу день пока без брунса, — некогда: хочу даром его свозить в Москву. Обед сегодня (на Коломенском зав<оде>) был для меня подходящий: суп зеленый, циплята (отнюдь не «цы») жареные, муссы. Прощай, целую. Ешь же, пожалуйста, Мила Николаевна, смотри.

Е.З.

3 июня 1914 г. Нижний Новгород

Вторник, 3-ье июня 1914.

Ой миленькая, ой, милая: опять ночь не спал. Еле достал место от Москвы до Нижнего во II кл<ассе>. Купе было набито, жара убийственная, духота смертельная. Спал часа 2—3. Такая же жарница и в Нижнем. Заводишко Добровых¹ — паршивый: оттуда извозчиков не было, пришлось ½ Нижнего пешком пропереть. — Ну, зато, кажется, несчастья мои кончаются: завтра в 12 у<тра> сажусь на пароход — и по Оке — реке еду в Муром, от Мурома — 30 в<ерст> до Кулебак. На пароходе же в 9 вечера выеду в Нижний; здесь буду в пятн<ищу> и в этот день выеду в Рыбинск. Авось, отдохну. — Сейчас забегу на пристань, нет ли Вашего письма. А потом — в гости (?) чай пить: чиновничек контрольный любопытный старичок, — так к нему, изучать быт.

Целую Вас, Милая.

P.S. Брунс: вчера 5, сегодня 2.

1. Механический и котельный завод Товарищества «Добровы и Набогольц» в Нижнем Новгороде.

4—5 июня 1914 г.

Пароход Нижний Новгород—Муром

4 июня 1914. 1 час дня.

Ой, миленькая, какая благодать: сижу на носу парохода, еду по Оке — и пишу письмо. Ветерок, лесом пахнет. Глаза не слипаются, к<а>к вчера, а на Божий свет глядят. А барышня, муромская, должествующая по-муромски быть изящной, говорит: «А иде у вас тут марки почтовые продаются?», — четыре костромских о, беда! Народ же тут. Вот вчера фрукт, почти незнакомый, в гости вечером позвал и держал до 12 ночи. Балы-ык какой был, сад како-ой. Ночевал в Нижнем в номерах «Восточный Базар» (sic, миленькая). Хорошо, без насекомых, но за отсутствие оных дерут. На прист<ани> «Кавк<аз> и Мерк<урий>»¹ письма от Вас не было; м<ожет> б<ыть> получу послезавтра, когда вернусь в Нижний. Сейчас еду на Кулебакский завод, около Муром. Оттуда в Нижний, Рыбинск, Петерб<ург>. В Петерб<урге>, по моим расч<етам>, буду утром в воскр<есень>; уж не поиди, миленькая, в клинику. Я тебе за это подарок привезу, нынче уж купил: этот подарок ты давно хотела.

5/VI 7 часов. Ночь вчера мало спал: к счастью, или несчастью — встретил на пароходе типа, со слов к<оторо>го записал неск<олько> песен и т. п. Оч<ень> интересно. Сегодня встать на пароход пришлось рано, часов 8, т<ак> <что> опять не выспался (записывал часов до 1—1 ½ ночи). Не знаю, высплось ли и нынче: в том же доме и этаже заводский клуб, и будет до часу игра на бильярде, а завтра утром как бы плотники не приперли с 5 часов. Беда.— Утром завтра, в 7 часов с чем-то (логтеур, бедный я) — еду в Нижний и оттуда на пароход в 9 ч<асов> веч<ера> на Рыбинск. Если не достану каюты, на парох<оде> — уж не знаю, что и делать. В воскр<есень> буду в Рыбинске и только в понед<ельник> — в Петерб<урге>.

Миленькая, я по Вас соскучился, это верно.

Е.

1. «Кавказ и Меркурий» — пароходное общество, было образовано 21 мая 1858 г. для развития пассажирских, торговых и почтовых сообщений по Каспийскому морю, реке Волге и ее притокам.

№ 128

6 июня 1914 г. Арзамас

Двадцать два несчастья ждали меня в Кулебаках. Первое — пароход опаздывает (на 12 часов!), на пароходе ехать в Нижний нельзя: надо в поезде, в 6 утра; увы, это я сегодня и сделал. Второе: комары, смертельны, несусветные, едучие. Третье: в доме приезжих на заводе помещается и клуб, и вчера играли до часу на бильярде, и я — не спал (комната моя была напротив бильярдной). Четвертое: дом приезжих, бревенчатый, — штукатурился внутри; воздух в комнате — отчаянный, дышать нечем; стены сырые такие, что к утру все мое платье оказалось мокрым. Пятое несчастье: плотники, <оторы>е начали свою работу в доме со светом и... Будем надеяться, что пятым — несчастья кончатся и до 22-го не дойдут. Решил, в надежде на окончание несчастий — ехать на пароходе, несмотря на желание поскорей попасть в Питер: раззадорили меня кой-какие записи в моей книжке. Не перепадет ли, мол, еще что?

ЕЗ.

6—VI—1914. Станция Арзамас.

Ел вчера за обедом — осетрину и свиные отбивные...

№ 129

Телеграмма¹

8 июня 1914 г. Рыбинск

Завтра утром 9 приеду рад

1. Телеграмма отправлена по адресу: Петербург, Лахтинская ул., 20, кв. 36. Усовой.

№ 130

12 июля 1914 г. Лебедянь

12—VII—14. 11 ч. утра.

Знаешь ли, миленькая, я, кажется, действительно... впрочем, знаешь, кто я. Ниженаписанное дает лишнее подтверждение.

Приехал в Лебедянь — никого нет: ни лошади, ни встречи, ни музыки. Выругался. Поехал на извозчике. Еду — думаю: «А, как же, мол, телеграмма? За телеграмму 45 коп<еек> плачено». 45 копеек...

Стало быть шесть слов: «Лебедянь Тамбовской приеду пятницу 8 утра». Вот и все... Понимаешь, видишь? Вероятно, на телеграфе в Москве поняли, что адресовано какой-то жидовке с фамилией «Тамбовская», Элька. Вот так.

Генерал со мной в купе оказался милейшим мужчиной. Говорили с ним о политике, о забастовке¹, о Распутине². Часов 5 спал. А сегодня — уже 9 ½ часов: лег в 11 по петерб<ургскому>, встал около 9. Жарища, работать нельзя, болтаюсь зря в саду. Вечер и ночь — замечательные, нежаркие. Брунс вчера в вагоне — аховый; сегодня уже сносно.— Му-ух тьмы.— Письмо и газету получил.

Е

P.S. И еще я потому ..., что в вагоне расшиб часы.

1. С 20 июня (3 июля) 1914 г. начались забастовки в знак протеста против вмешательства полиции в бакинскую стачку. С 6 по 12 (19—25) июля в Петербурге бастовало около 300 тыс. рабочих, строились баррикады, проходили уличные демонстрации.

2. Распутин (Новых) Григорий Алексеевич (1872—1916) — «старец», близкий к императрице Александре Федоровне и Николаю II. Вполне вероятно, что Замятин и его собеседник обсуждали подробности покушения на Г. Распутина в с. Покровском Тобольской губ.: «фанатическая поклонница Илиодора ударила «старца» в живот, но он выжил» (см., например: Рус. слово. 1914. 1 июля. № 150. Другие газеты также печатали известия о покушении на Распутина).

№ 131

14—16 июля 1914 г. Лебедянь

14—VII—14.

Миленья, Вам придется меня извинить: я хожу в теннисной рубашке и ничегошеньки не делаю (пока). Тому причиной — температура. Читаю — читаю — читаю. Укрываюсь в тень. Валюсь на траву. Делаю шаг только для того, чтоб поглядеть: а не спелая ли валяется груша, не желтое ли яблоко? И спелое — сую себе в рот, увы, жую, сосу («... шашу»). Последствия — ясны всякому, имеющему мало-мальски весомый мозг (стало быть, не мне).

Впрочем, чувствую себя эти дни недурно, только бы не писать, — а то даже в крокет играть способен (вчера и сегодня). Быть может, завтра соберусь даже в лес (тот самый); о том напишу.

Ай, миленькая,— презираю Лебедянь, как Вы, также. Вчера — жара такая, какой в Петербурге не бывало. До 6 час<ов> веч<ера> — нигде места себе не мог найти. Вечером, ночью и утром сегодня болит голова. Вчера вечером — 37,4°. Ничего не понимаю: это от жары? — А rporos : у моего племянника, к<оторы>й является для меня 1/1000 Шиша (ибо я покупал в Москве подарки),— доктор какой-то в Москве нашел значительно увеличенной селезенку; значит ли это, что была малярия — или будет? или?

Я проповедую, что малярия в презренной Лебедяни есть; мне проповедуют, что малярии нет. Обращаюсь к Вашему почтенному авторитету за разрешением вопроса о способе заражения малярией: исключительно ли чрез укусы комаров или и еще как-н<и>б<удь>? — И еще с одним вопросом к Вам же: почему сердечная мышца — поперечно-полосатая, а не гладкая? Ведь эта мышца, не управляемая человеком, стало быть, ей след<овало> бы быть гладкой? И вот что еще, Мила Николаевна, посмотри-ка на меня, а в следующем письме я напишу, почему занялся вопросом о мышцах. (Хобиасы, вместе с привезенными мной, оказались у племянника в трех экземплярах¹).

Мила Николаевна, пиши(те), какова температура (воды!) в Зла-тоусте; каково там Вам? Откармливают? А вот что, а что если я Лебедянь совсем презрю? Если здесь все время жарница такая будет?

Ну, ладно. До свидания.

ЕЗ.

Брунс, д<ура>к, ммм...

1. Вероятно, Замятин имеет в виду детскую книгу: Каррик В. Хобиасы: (Англ. сказка). СПб., 1912. (Сказки—картинки; № 22).

№ 132

25 июля 1914 г. Лебедянь

25—VII—914.

Миленькая, я Вам послал три закрытых письма (из них 2 закрыт-ки). Не знаю, все ли получены, а только я порешил подождать Ва-шего письма — и получил только вчера, шло 7 дён. Конечно, все по

¹ кстати (фр.).

случаю войны. Поезда ходят неправильно, газеты получаются не каждый день. А «Речь» было совсем прикрыли, да Иоська и Мошка умолили¹: выпустили их — и стали они писать потретоически² (во вчерашней «Речи» — сведения о том, что Драчевского выставили, а на его месте — князь Оболенский³. И еще о том, что Жоржика⁴ взяли на войну и что вообще городские обезврачевели: самым завалящим рады,— все хорошие — поехали на войну).

Вчера в Лебеядни все, кроме меня, ходили с портретами, флагами и кричали уру. А я сидел дома и писал.

Небо вняло моим молитвам: холодина с неделю стоял аховый. Но на меня это подействовало благотворно: Костя — почти написан, осталась одна, нецелая, глава. Всего — 9 глав, небольших; печатных — стр. 20. Все это — конечно, еще вчерне, но, право, кажется, будет недурно: забавно⁵.

Вчера отправил письмо жиду, Карле Рождественскому⁶: вот, мол, я где, в Лебеядни; как хотите, вызывайте. Право, я не прочь поехать в Питер: там, должно быть, теперь любопытно. А особенно, если б поехали и Вы.

Погода такова, что в лесу, конечно, и думать мне нечего жить. А так, был один раз в лесу,— прелестно. Недурно и тут (когда прохладно) в городе. Одно плохо: миллионы в саду яблук и груш. Груши — очаровательные; яблоки тоже. В результате — я поглощаю их сок, за чтением Чехова. А еще в дальнейшем результат — брунс аховый. Впрочем изредка, к<a>к и сегодня — 4. По этому случаю я закаялся сегодня не пить яблук (от Вознесенья — до Поднесенья).

Все письмо — написано гусиным (Вы, конечно, написали бы гусиным) пером. А «мущина» — я пишу нарочно; это старинное правописание, оно мне нравится, и Чехов⁷ так же писал. А Вы пишете зелеными деревьями... Ох, доктора—доктора...

Е...

«Кулички»-то — послать?

Не спичься, ради Бога, особенно.

1. Замятин имеет в виду ответственного редактора газеты «Речь» Николая Константиновича Элькина и редактора Иосифа Владимировича Гессена.

2. Так у Е. Замятина.

3. Вместо Данилы Васильевича Драчевского на должность Санкт-Петербургского градоначальника был назначен генерал-майор Александр Николаевич Оболенский.

4. Г. Ф. Ланга.

5. Замятин имеет в виду рассказ «Алатырь» (Рус. мысль. 1915. № 9).

6. Так Замятин называет А. К. Рождественского.

7. А. П. Чехов.

№ 133

28 июля 1914 г. Лебединь

28—VII—1914.

Ужасно, миленькая, ужасно: какая презренная Лебединь. Из последних семи ночей — пять я спал очень мало, из-за блох, форменных, породистых. Просто — в отчаянии. Не дождусь конца месяца. Сейчас посылаю старшему дворнику телеграмму о ремонте, — он еще не начинал.

Понимаешь ли, ведь все (мальчики) ушли на войну: Ниш, Вадя — бедный, старик — Сергей Владимирович, Сереня Жохов. Может случиться, — взяли нашего старшего дворника, и тогда, что уж делать, не знаю. Может случить<ся> — и даже так и должно быть — приехал из Берлина Павловский: что делать тогда, и как он теперь в Петербурге без мебели? И еще одно: в Думе принят законопроект о том, чтобы все кредиты не спешные, в том числе на сооружение портов, ледоколов и пр., — отнести на военные надобности¹. А ведь у нас в Отделе — из 9 инженеров, работающих, вместе с Рождественским², только двое (я и Зарницкий³) занимаем штатные места, а остальные содержались на отчисления с строительных кредитов (на ледоколы). Стало быть, где они все, что с ними? И стало быть, меня должны вот-вот потребовать?

Я в растерянных чувствах состою. Почему-то именно со вчерашнего дня (вероятно, потому что кончил писать) — и у меня явились желания быть с Вами (боюсь употребить Ваше слово «соединиться», — оно несколько двусмысленно). И вот что, Мила Николаевна, сейчас же, как получишь мое письмо, пиши мне, или лучше телеграфируй только одно слово «да», — если мне можно приехать ненадолго к Вам в Златоуст. — Писать я больше не хочу и не могу: закончил (начерно) Костю и написал (в день) маленький рассказик для Лундберга или Миролдобова⁴. Итак, миленькая, сообрази, и если мне можно и имеет смысл приехать к Вам, то телеграфируй: Лебединь, инженеру Замятину, да. А если нет — так не телеграфируй, а пиши письмо.

После холодов — сегодня опять жара, солнце. Во всех церквах — звон, по случаю открытия в Тамбове мощей еп<ископа> Питириима. Под звон-то плясать бы, а тут...

Всех писем я послал в Златоуст 5, это шестое, — должно быть получила — мало. А последнее письмо из Злат<оуста> я получил.

Брунс все время — незамечательный.

Е.

1. 24 мая 1914 г. в Государственной Думе обсуждалась смета расходов Министерства торговли и промышленности. 10 июня Государственная Дума приняла ряд законопроектов об увеличении расходов на оборону и Черноморский флот.

2. А. К. Рождественский в это время был старшим инженером по заказам землечерпательных снарядов и плавучих средств в Отделе торговых портов Министерства торговли и промышленности.

3. Л. М. Зарницкий вместе с Замятиным служил в Отделе торговых портов.

4. Вероятно, рассказ «Апрель», который Замятин предполагал передать или Евгению Германовичу Лундбергу (1883—1965), возглавлявшему литературный отдел петербургского литературно-политического журнала «Современник», или Виктору Сергеевичу Миролдобову — издателю «Ежемесячного журнала литературы, науки и общественной жизни». Рассказ был опубликован в журнале «Современник» (1915. № 4. С. 12—19).

№ 134

8—9 ноября 1914 г. Харьков—Кременчуг

Харьков. 8—XI—1914

Приехали в Харьков с опозданием. «Ах, — думаю, — не поспеем на скорый — то в 11». беру носильщика. «Еще не ушел поезд в Николаев?» — «Никак нет. В половине второго ночи...»

Вот те и фунт. Поезда-то здесь, оказ<ывается>, по-военному ходят. Никаких скорых. Приедем в Николаев только завтра вечером в 8, увы. И как еще устроюсь я, беспаспортный? Это меня нервирует.

Еду в I кл<ассе>, но будут ли места, чтоб ночью лежать — не знаю...

Е.

Брунс сегодня — терпимый.

9—XI. Ночью ехал в 2-х местном купе вдвоем. Спал часов 6. Сейчас в Кременчуге упилился чаем. Чувствую себя сносно. Но ехать, ... увы: в Кр<еменчуге> сидим 2 часа! В Николаеве будем часов в 12 ночи...

Сейчас купил здесь «Отечество». Почему-то, увы, Щеголев вставил мою фамилию в число сотрудников, да еще полностью «Е. И. Замятин...»¹

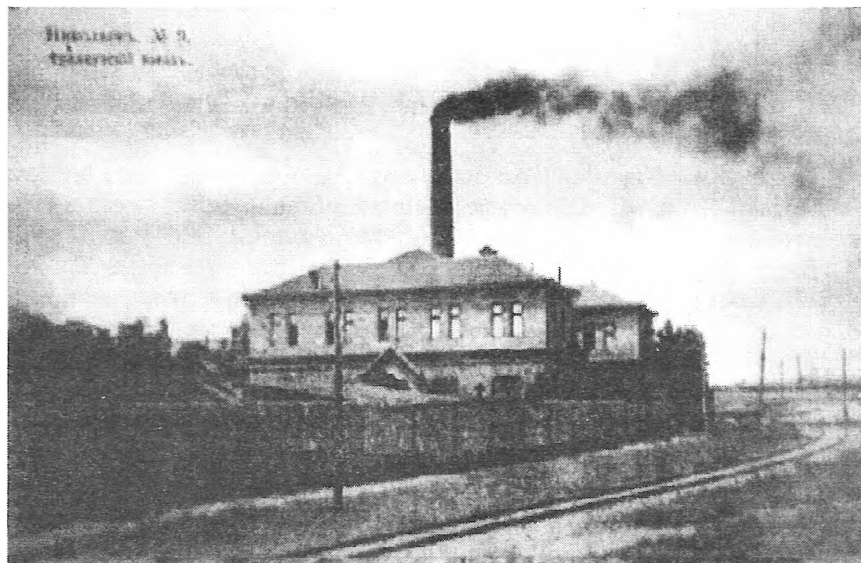
1. 2 ноября 1914 г. в первом номере журнала «Отечество — иллюстрированная летопись» был помещен анонс о предполагаемых участниках издания. Среди других имен были названы Е. И. Замятин и П. Е. Щеголев. Ни одно из произведений Замятина не было опубликовано в «Отечестве», но его имя повторялось в анонсах следующих выпусков в 1914 г. (№ 2, 3, 5, 7) и в 1915 г. (№ 2—9, 12). П. Е. Щеголев был редактором журнала.

№ 135

10 ноября 1914 г. Николаев

Город Николаев, французский завод.
10—XI—1914.

Гулял сейчас по бульвару. Красиво. Но холод — преестественный, в шубочке — токо-токо.

Французский завод в Николаеве. 1913 г.

Сегодня в час дня едем к Юстусу. Приехали вчера в 12 ночи, легли в 2, а встал я, horreur, в 8 час<ов>, так что опять не выспался. Надеюсь нынче вечером быть уж в Херсоне и там отоспаться.

Брунс — терпимый.

Вам кланяются: Вымут, Пимен и Жан «а я знаю?»¹

Е.

1. Замятин передает Людмиле Николаевне поклоны от людей, с которыми она познакомилась во время своего пребывания в Николаеве. Среди них — хозяйка квартиры, которую снимал Замятин, — О. А. Вимут.

№ 136

11 ноября 1914 г. Херсон

11—XI—914.

Стараюсь, знаешь ли, упитываюсь. Но выспаться никак не могу: рано приходится вставать. Одно спасенье: часов с 4-х работать уже нельзя, обедаем... и ложусь спать. Сегодня, например, после обеда спал часа 1 ½, стал — как стеклышко.

Гостиница «Лондонская» в Николаеве. 1914 г.

Испытания рефулёров начинаем только завтра; всего придется испытать 4 штуки, это займет не менее 4-х дней. Придется поспу-чать.

Как мне надоел старик, мой спутник,— не можешь себе предста-вить: болтает—болтает, без конца, изволь слушать. Я уже стал запи-раться от него.

Холодина в Херсоне — беда. В шубе нынче замерз, потому что мороз 9,5°. Вечером полегче, так что завтра, может и потеплеет.

Брунс — терпимый, лучше, чем в СПб, как это ни странно.

«Речь» — не читаю, нету. Плохо. Скучно. Пожалуйста, ты-то не скучай: у тебя «Речь» есть.

Е

№ 137

13 ноября 1914 г. Херсон

13—XI—914. 10 час. веч.

Сейчас вернулся с прогулки. На столе хрипит самовар. За ок-ном — мороз, небо — как хрусталь, и рождественские звезды. Воз-дух и небо единственные два приличные в Херсоне продукта,— ос-тальное — дрянь, особенно булки. К счастью, воздухом питаться при-ходится много. Встаю в начале десятого: чай. К одиннадцати — наша очередь; моя и моего старика (мы поделились на очереди), итти на рефулёр. Там — заводской завтрак в час: ветчина, семга, масло, сыр (замечательный), десятифунтовая банка икры, чай. Дежуриим на ре-ф<улере> с 11 до 4-х. Все время на палубе. Около 5, в шестом — обедаем. После обеда — читаю и — *horreur* — сплю, час—полчаса. Потом иду гулять. И начинай сначала.

Когда все это кончится — черт его знает. Если не умилюстивится Юстус (председатель), то провозимся долго, еще недели 1 ½. Но я думаю — умилюстивится. Я поднимаю в Комиссии против него бунт, мой старик—генерал уже сагитирован,— надеюсь оборудовать дело.

Письма от Вас не получил пока. И паспорта тоже. Напиши мне, миленькая.

Брунс вчера был — аховый. Сегодня — приличный. Сплю хоро-шо.

Е.

Увы, денег, очевидно ни шишика не останется. Так и обдирают, беда. Живу в «Петрогр<адской> гостин<ище>».

14 ноября 1914 г. Херсон

14—XI—1914.

Вот сегодня вечером, знаешь ли, меня уже настоящая тоска забрала, не знал, куда деваться. А ведь положенных двух недель не прошло: всего одна. Только в воскр<есенье> выяснится, удастся ли сократить презренное и бесконечное наше пребывание в Херсоне. К четвергу 20-го ноября, по-видимому, не удастся вернуться ни в каком случае. Поэтому будь добра, Мила Николаевна, пошли в Институт городскую телеграмму такую: «Здесь. Политехнический институт. Дежурному помощнику инспектора. <В> четверг, двадцатого, не могу вести упражнения <на> кораблестроительном <факультете> первого <курса и> инженерном <факультете> последнего курса. Преподаватель (sic!) Замятин».

Пишу и пишу каждый день Вам письма, от Вас — ничего. Ну, ладно. Завтра, с горя, хочу начать развлекаться: с одним мальчиком, знакомым, пойду в тутошний театр, а в воскресенье — в гости обедать (экономия...) Сейчас хочу написать жалостное письмо Рождественскому: не вызовет ли он из Херсона?

Адрес — еще раз: Херсон, Петроградская гост<иница>, № 53.

Портовое управление в Херсоне. 1914 г.

Телегр<амму> пошли в среду вечером. Если понадобятся деньги — звони Кункину.

Брунс седни — пристойный.

№ 139

16 ноября 1914 г. Херсон

16—XI—1914.

Я — стиль все-таки выдерживаю и пишу Вам кажинный день. Невзирая на то, что от Вас не имею ни полслова. — Пишу на новоселье: в прежнем нумере — узрел на стене клопа, пришел в *hoteur* — и немедля выселился. Попал, вероятно, из огня да в полымя: над ухом — звонки. Но выбора не было. — Наши дела улучшаются: река становится, может быть, это застопорит эти паршивые ре<фулеры>, и я выеду домой. Юстуса умилосердили: согласился сократить испытания. Т<ак> ч<то> по моим расчетам — в субботу 22-го, м<ожет> б<ыть> и выеду. Черт бы их всех подрал: пропали два праздника 14 и 21/XI.

Сегодня — не работали. Утром часа 1 ½ гулял. Встал поздно: накануне был в театре. Ну уж... В самых трагических местах — разбирал смех. Обедал сегодня в гостях у инженера, товарища по политехникуму. Вечер — сижу дома. Попил чаю, переселился. Почитаю «Мир приключений»¹ Вадин², о подводных лодках, прогуляюсь, лягу спать...

Е

Брунс сегодня — вполне удовлетвор<ительный>. Должно быть потому, что вчера трижды чай пил.

1. «Мир приключений» — ежемесячный иллюстрированный сборник романов, повестей и рассказов; выходил в Петербурге в 1910—1916 гг.

2. В. Д. Никольского.

№ 140

19 ноября 1914 г. Херсон

19—XI—1914.

Где же Вы, Мила Николаевна? Я начинаю думать: уж не уехали ли на войну? Не получено ни одного слова.

В субботу постараюсь выехать, и вероятно — удастся. Тогда — во вторник буду в Петерб^{урге} в 11 утра.

Чувствую себя не оч^{ень} замечательно: плохо сплю. Три дня — кишки хороши. Почему — неведомо: питание варварское. Люблю сыр, ем постоянно. Груши...

Е.

№ 141

30 марта 1915 г. Кременчуг

30—III—915.

Ну, милая Мила Николаевна, еду в таких же ужасах, к^ак и тогда — в Херсон. Народу в Харькове лезло видимо-невидимо, а носильщик мой билет I кл^{асса} не достал. Сел во II. Жара — смертопыхательная, курево табачное, саврасии какие-то неподобные в купе понабились: 6 человек. Эти самые свои части разложили, куда там — уж лечь, сиди. А тут — голова разболелась, жарю (и сегодня утром — тож), чистое горе. В 3 часа ночи перебрался в купе I кл^{асса} 2-х местное: наверху — я, внизу — Ваш соплеменник. Выпил аспири^нцу (Вас добром помянул за порошки). Должно быть, часа 3 спал. В Николаеве будем не раньше 12 н^{очи}.

ЕЗ.

№ 142

31 марта 1915 г. Харьков

Воскр. 11 ч. ночи Харьков

Несчастный я, несчастный — разнесчастный: вчера перестали ходить скорые поезда в Николаев. Сижу до половины второго. Еду без плацкарты, безо всего... В Николаеве буду завтра ночью, hotteur, черт, дьявол.

А какая погода была весь день, поля зеленые, жаворонки...

Е

Дочитываю Лондона, увы.
Брунс сегодня хорош.

1 апреля 1915 г. Николаев

1—IV—1915.

Сижу я у окошка открытого, солнца — целая прорва, лето. И пишу тебе (это Чехов¹, а не я) письмо. Передо мною «Речь», а впереди — перспектива самовара, домашнего хлеба, сыра... Со всем этим придется просидеть в Николаеве, кажется, дольше, чем думал: сегодня отчаянный шторм, нечего и думать выходить в море. Если будет также и завтра — не выйдем и завтра. Так и будем, у моря сидеть и погоды ждать. Если завтра погодка утихомирится, то рассчитываю выехать в субботу—воскресенье.— Чувствую себя прилично, сплю, как убитый — да только мало: приходится вставать в ½ девятого, чтобы успеть чаем упиться и поспеть к 10 на завод.— Вам кланяется Иешке², а Агре — Сапожников.

Ваш ЕЗ

Попил. 7 часов.
Солнца уж нет.
Иду на бульвар.

1. Замятин, вероятно, читает письма А. П. Чехова. В 1912—1916 гг. вышло в свет шеститомное издание «Письма А. П. Чехова» под редакцией М. П. Чеховой и с биографическими очерками М. П. Чехова, причем первые три тома были тогда же переизданы с исправлениями и дополнениями (М., 1913—1915). Позднее творческая биография А. П. Чехова стала предметом специальных работ Замятина. См. об этом: Соч. С. 327—343, 556.

2. И. Я. Кункин.

№ 144

5 мая 1915 г. Астрахань

5—V—1915.

От Саратова — жарница была смертная. Чтобы пить чай — пришлось ехать в международном вагоне. И тут-то начался мой ужас: клопы. Переселялся ночью в другое купе. В конце концов спал хорошо. В Астрахани — дождичек и прохладно. Это бы хорошо, но плохо то, что испытания начнутся только с понедельника. Черт бы взял всех и<дио>тов в Министерстве!

ЕЗ

№ 145

8 мая 1915 г. Ярославль

8—V—1915. Ярославль.

Вчера почти не спал. Тем не менее на Волге так божественно, что чувствую себя хорошо. Писать — лень, лень сейчас — общая — невероятная. Бр<унс> вч<ера> и сег<одня> удовлетворит<ельный>.

Жарко. Бегаю по Ярославлю без пальто (куда там!).

Е.

№ 146

12 мая 1915 г. Саратул

12—V—1915. Саратул.

Первые дни ехал молчальником: стал говорить только сегодня. Да и то потому, что капитан — невероятно похож на Ланга. Позавчера и вчера было холодно: на палубу носа не показать. Сегодня — торчал весь день на палубе. По Каме — ехать скучно. Сплю плохо два дня. Да и вообще — не очень.

Е.

На заводе — возможно, задержусь больше, чем думал.

№ 147

8 июня 1915 г. Астрахань¹

В Астрахани отвратительно, гнусно. В каждом доме — фабрика сероводорода. Мухи — хуже немцев насаждают. И наконец — клопы. Позавчера в час ночи поднял в «Люксе»² скандал и уехал оттуда. Теперь существую в «Номерах 1914 года»³. Пока — чисто. Жара смертельная. Брунс — вчера аховый. Пью неимоверно. Вероятно, в пятницу — отсюда в Баку.

Е

1. Датируется по почтовому штемпелю.

2. Новый отель «Люкс» помещался на Полицейской ул.

3. Вероятно, гостиница в Астрахани. Адрес и фамилия владельца не установлены.

17 июня 1915 г. Тифлис

17—VI—915. Тифлис.

Как только в Астрахани сел на морской пароход — сразу почувствовал себя лучше. Путешествие это (3 дня) было приятное: не начало. В Баку — чувствовал себя уже терпимо. Был несчастным человеком только сегодня: подумать только — встал в 5 часов (чтобы ехать скорым в Тифлис). Продолжать мое путешествие завтра (по Военно-Грузинской) оказалось невозможно: выеду (автомобилем) послезавтра, а 19-го выеду из Вл<a>д<i>и>кав<a>з> в... Лебедянь. Не жалею, что остаюсь на день в Тифлисе: выплось, а главное посмотрю город. Кажется красив (насколько можно судить ночью).

Е.

Мила Николаевна, не пошлете ли в Лебедянь в заказн<ом> письме порошков десяток.

4 июля 1915 г. Москва

4—VII—915. Курский вокзал.

Сегодня утром приехал в Москву (из Лебедяни). Из Москвы, волею судеб, еду отнюдь не в Петербург, а на Воткинский завод (телегр<амму> получил в Лебедяни). Сегодня вечером в 8 буду в Нижнем, завтра утром — из Нижнего, во вторник утром — на Вотк<инском> з<аводе>. Не хотите ли Вы, Мила Николаевна, сделать со мной часть обратного пути — по Волге? Если, конечно, Ваш жестокий Фриц Вас отпустит и если Вы захотите. Вы могли бы проехать по ж<елезной> д<ороге> до Нижнего, оттуда Волгой до Казани (сутки), а от Казани я бы Вам сопутствовал до Рыбинска. Вся история заняла бы у Вас суток 5—6. Если и это много — можно до Нижнего и оттуда в Рыбинск. Если мой внезапный план Вы примете, телеграфируйте мне Вотк<инский> зав<од> до востреб<ования>, а я Вам в СПб и затем в Каз<ань>*) или Нижн<ий>*) до востреб<ования>.

*) Гл<авный> почтампт.

Евг. З.

На Вотк<инском> з<аводе> буду суток двое, не больше 3-х.

№ 150

31 июля 1915 г. Череповец¹

Череповец. 11 ч. у

Только сейчас встал. Спал, как звереныш, до ½ одиннадцатого. В вагоне холод адовый. Моросит дождь. Опоздываем уже часа на 2. Сейчас сажусь пить чай. И все вспоминаю Вас.

Евг З.

1. Датируется по почтовому штемпелю.

№ 151

31 июля 1915 г. Вологда

Вологда. 31—VII—915.

В Вологде — ужасно. Купе — четырехместное, 5 человек, пока — наверху. Не знаю, как буду пить и есть. Опоздали уже на 4 часа.

ЕвгЗ.

№ 152

1 августа 1915 г. Архангельск

Архангельск. 7 ч. в. 1—VIII—915.

Октябрь — Петербургский октябрь, понимаете, Мила Николаевна? В драповом пальто — и то холодно. Приехал, объехал все гостиницы — мест нет. Приходится ехать на ледокол, просить там каюту (верст 5 киселя хлебать; пообедал, чтоб не так холодно было ехать). Скверно. Даже Вам в Петербурге — завидую.

Евг З.

P.S. Ночью в вагоне — спал недурно. Плетеная коробка — пуста.

№ 153

3 августа 1915 г. Архангельск

3—VIII—1915.

Третий день. Все тот же октябрь, помаленьку к нему привыкаю. В субботу — объездил все гостиницы, места не нашел — и отправился на ледокол «Канаду», тут и живу, и питаюсь. М—м—м, средне... Не высыпаюсь. Вероятно, в четверг (на казенном, конечно, па-

роходе) поеду в Сороки, дня на 2—3—4; оттуда — в Архангельск и, надеюсь, в Петербург.

Евг З.

№ 154

6 августа 1915 г. Архангельск

6—VIII—1915.

Милая Мила Николаевна. Случилось чудо: в Архангельске взошло солнце, и стало тепло. Так как я еще к тому ж и выспался нынче (проснулся в 10), то смотрю на Божий мир снисходительней. Выезжаем в Сороку, по-видимому, завтра. Все дни было много дела, сегодня, кажется, будет посвободней. Часа в 4 — отправляюсь осматривать подв<одные> лодки (есть 2); вечером, т. е. в 6 отправляюсь на гости к одному инженеру; большому угощале: семга какая, сорокская, пироги какие с морошкой, с черникой — ну-у. На «Канаде» нравы строгие: чай до 9 ½, обед в 12, чай в 4, ужин в 6, чай в 9. Утром всегда с 7 — шум отчаянный. Все недосыпал, выучился спать под шум только дня 2—3. Ем — что дают; бр<унс> — конечно, не весьмашный.

ЕЗ.

Ни одного письма от Вас, ничего, не получил.

№ 155

8 августа 1915 г. Архангельск

8—V¹—1915.

Сегодня в 4 часа выхожу <в> Сороку на казенном пароходе «Мурман». В качестве председателя — заgrabил на пароходе одноместную большую каюту. Ей-Богу, даже неловко. Надеюсь отоспаться здесь после «Канады». А так, помимо сна, чувствую себя хорошо; даже наладились кишки.

Если выехал в Сороку — это значит выехал уже в Петербург.

Письмо и рецепт получил, — спасибо. Бегу сейчас за покупками.

ЕвгЗ

1. Замятин ошибся. К письму приложен конверт с почтовым штемпелем: «8.8.1915. Архангельск».

№ 156

6 марта 1916 г. Москва¹

Павелецк<ий> вокзал. 6—III—1916.

Ура: лежу в купе на верхн<ей> лавочке,— предел мечтаний. Для обратн<ого> пути I кл<асса> нельзя достать: все расписывается заранее. Придется ехать пакостно.

С час спал в гостинице.

Е.

1. Вероятно, эта поездка в Москву была связана с предстоящей командировкой Замятина в Англию. См. примеч. 1 к п. 157.

№ 157

25 марта 1916 г. Торнео

25—III—1916. Торнео¹.

1²

Солнце в окна жарит нещадно. С 2-х часов сидим на вокзале (еще паспорта не вернули). Народу — тьма. Голова трещит. Не доспал, все-таки. Вероятно, от усталости и головной боли — легче внутри. Напишите мне, Милуша, не дожидаясь телеграммы, письмо New-Castle on Tyne, Station — Hotel. Как доехали? — Поклон Широкой³.

Евг. Замят.

1. Через финский город Торнео (на границе со Швецией) Замятин едет в Англию, куда он командирован для наблюдения за постройкой ледоколов для России. Сохранилась копия Всеподданнейшего прошения министра торговли и промышленности князя Всеволода Николаевича Шаховского:

«По обстоятельствам военного времени Министерством Торговли и Промышленности, в целях надлежащего использования зимней навигации в Белом море заказываются в Англии три морских и пять торговых ледоколов.

Для наблюдения за постройкой означенных ледоколов представляется необходимым командировать в Англию инженера для технических занятий при Отделе Торговых Портов, морского инженера, титулярного Советника Замятина.

Имея в виду, что существующими законоположениями не установлено нормы выдачи пособий гражданским чинам при командировках их за границу, а также вследствие исключительных обстоятельств военного време-

ни и необходимости следования в Англию кружным путем, я полагал бы выдавать за означенную командировку инженеру Замятину, в течение всего времени пребывания его в командировке, суточные в размере 20 рублей в день, и проездные в Англию 350 рублей, с отнесением означенных расходов в кредит, отпущенный по Особому журналу Совета Министров от 22 декабря 1915 года на расходы по заказу и приобретению ледокольных и иных плавучих средств для подготовки Белого моря в кампании 1916—1917 годов.

Сим приемлю долг всеподданнейше испрашивать ВЫСОЧАЙШЕГО ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволение на утверждение предполагаемой меры по выдаче инженеру Замятину путевого довольствия по командировке его в Англию» (РГИА. Ф. 23, оп. 15, № 378. Л. 14).

Высочайшее соизволение было получено 22 февраля 1916 г.

2. Письма №№ 157—184 имеют авторскую нумерацию.

3. В 1914—1917 гг. Замятины жили на Широкой ул., 29, кв. 33.

№ 158

28 марта 1916 г. Кристиания

28—III—1916.

2. Engineer E. Zamiatin. Kristiania.

Вот, Милуша, я и в Христиании. Тут — дамы в летних шляпах, солнце. В отеле — выспался. Сейчас — в банк, потом — за город на Holmenkollen¹. Часы уже на час позади наших, но я упорно не перевожу. Не переведу и в Англии, где разница будет уже 1 ч. 40 м. Так выйдет, что как будто режим не изменится: буду поздно ложиться, поздно вставать.

Против меня в купе вчера ехал самый настоящий немец. Affreux!^{*}

1. Хольменколлен — пригород Осло.

№ 159

3—4 апреля 1916 г. Лондон¹

Вербное воскресенье. 3/16 апреля 1916 г.

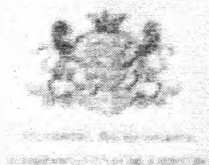
3

В Христиании пробыл сутки. Весь город в горах, как Ялта. Но только горы — синие, в соснах, туманные. А с горы — какой вид на фиорды! Жаль уезжать было.

---

^{*} ужасный (фр.).

Из Бергена выплыл во вторник вместо часу дня — в пять, и вместо «Наакон» — на паршивеньком каком-то. Все время был сильный ветер. Качало свирепо. Полпути я лежал, пропустил один обед и один завтрак. Думал: Вы бы от такой качки, бедная Милуша, прямо бы умирали. Чемоданы ползут; бутылки со стола летят на пол; пойдешь — попадаешь об стены лбом. Шли около 40 часов. Были в Нью-Кастле только утром в четверг.

ROYAL MAIL

STRAND.

LONDON W.C.

Вторник Воскресенье 5/11 1876 г.

В Ирландии пытался сушить.
Все горы в тумане, как в Англии. Но
такие горы — такие, во сколько,
туманные. А в море — какой туман
на море! Мне усталый было.
Из Бергена выплыл во втор-
ник вместо часу дня — в пять, и
вместо «Наакон» — на паршивеньком
каком-то. Все время был сильный
ветер. Качало свирепо. Полпути

В Нью-Кастле встретил меня русский инженер, с его помощью я все мытарства прошел очень удобно. Но сам Нью-Кастль — какой противный. Все улицы, все жилые дома — одинаковые, понимаете — совершенно одинаковые, как амбары хлебные в Питере возле Александро-Невской Лавры. Когда мы ехали мимо, я спросил: «Это у вас что за склады?» — «Это жилые дома»...

На другой день оказалось возможным уехать в Лондон; езды часов 6. И мимо мелькают все те же амбарные города, одинаковые, стриженные под нулевой номер. Ужас, какое отсутствие воображения. — В Лондоне сижу с субботы, ничего не делаю, хожу — глазею и делаю покупки. Может быть, удастся просидеть здесь всю страстную неделю. Еще в путешествии познакомился с одним русским журналистом, к<оторы>й сейчас тоже в Лондоне. Этот тип познакомил меня с зятем Гржебина², вчера был там в гостях. Была Зин<аида> Венгерова³ и еще кое-кто из русской колонии. Было совсем порусски. Венгерова дала много рекомендаций в Глазго; туда и постараюсь устроиться жить.

Евг Замятин.

1. Письмо написано на почтовой бумаге «Hotel Cecil Strand London. W.C.»

2. Вероятно, брат жены издателя Зиновия Исаевича Гржебина — Марии Константиновны — Дориомедов Михаил Константинович.

3. Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867—1941) — историк западноевропейской литературы, критик, переводчица.

№ 160

4 апреля 1916 г.¹ Лондон

4

Одновременно отправляю закрытое письмо. Сижу сейчас в Лондоне — так, без дела. Чувствую себя прилично. Получили ли о моем благополучном прибытии известие от Ку<н>кина? Будете мне, Мила Николаевна, писать — пишите по-русски, но только поразборчивей. Пока можно адресовать: England, New-Castle on Tyne, Station — Hotel, to M-r E. Zamiatin.

1. Датируется по штемпелю на почтовой карточке.

8 апреля 1916 г. Лондон

8/21—IV—1916 г. Лондон.

5

Спутники мои все разбрелись. Тот инженер, что приехал со мной из Нью-Кэстля, уехал обратно. Я — один. Очень один. Все эти дни суегился с портным, с покупками, истратил тьму денег. А с сегодня, с пятницы, тут — праздники. Все закрыто. Просто объезжал Лондон на верхушке омнибуса, сидел в парке. Сегодня только получил номера «Речи» от 26-го и 27-го марта. С любопытством прочитал все от доски до доски. Подписался здесь на 3 мес<яца>. Книг русских достать здесь нельзя. Сжальтесь надо мной, Милуша, присылайте мне кое-когда журналы, книги. Пришлите новую книжку «Северн <ых> Записок», где повесть Есенина ¹, «Железную пяту» Джека Лондона ². Как насчет рецензий о моей книге? — Какой чудной народ англичане: самое у них неприличное — оставить ложку в чаю, а когда я вчера в аптеке спросил таннальбину — у меня потребовали рецепт. А доктор стоит две гиней (20 ру<блей>), беда! Послезавтра — в Нью-Кэстль (New-Castle on Tyne, Cavendish-Place 10, Eugene I. Zamiatin). Через месяц из Нью-Кэстля в Глазго, на все время.

Евг З.

1. Повесть «Яр» С. А. Есенина печаталась в журнале «Северные Записки» за 1916 (№ 2—5).

2. Вероятно, книгу: Лондон Дж. Железная пята. Пг., 1916.

№ 162

17 апреля 1916 г. Нью-Кэстль

30/17—IV—1916. Нью-Кэстль.

№ 6

Милая, мужественная Милуша. Сидел сейчас один, в сумерках, камин шипит, вспоминал Вас. Какой Вы были милой и мужественной все это время и как мужественно прощались со мной в Белоострове. Никогда не забуду, как сидел я за окном в приемной таможни, а Вы ходили там, по платформе, уже отрезанная вот этой тонкой стеклянной стеной. Уже не достать Вас, не взять Вашу руку, не услышать Вас. И через полчаса, через минуту — будете уходить все дальше, стена будет все расти...

Сидел я в сумерках у камина и горевал, что так испортил Вам жизнь. И вот что я думал: немножко рано я встретил Вас. Надо, чтоб это было после, когда я уже немножко «укипел» бы, как говорят тамбовцы про щи; надо, чтоб Вы были моей последней. А так, может случиться, Вы будете первой и будете последней (тут уже Ваша воля), но все это — боль.

В Нью-Кастле — неделя. Такие у меня все плохие настроения, что руки ни на что не поднимаются. Не занимаюсь ни английским, ни литературой своей. В Нью-Кастле, по-видимому, придется остаться на все время. Город большой, но скучный непроходимо. Мало мне симпатичная русская публика, глупейшие театры — нечто вроде живого кинематографа, добродетельная английская публика... Тоска.

Поселился временно в комнатах, т. е. полагаются мне, по обычаю, спальня — во втором этаже, и столовая — в первом. Тут же утром и вечером чай с кой-какою закуской, а обедать и завтракать таскаюсь в ресторан, в городе (полчаса). Хочу взять квартиру, тогда дам новый адрес, а пока все тот же Central-Station-Hôtel, New-Castle on Tyne, To Eugene I. Zamiatin, Naval Architect.

ЕвгЗамят

Ничего от Вас еще не получал.

№ 163

22 апреля 1916 г. Нью-Кастль

22—IV/5—V 1916. Ньюкастль.

№ 7

Получил недавно Ваше первое письмо, от 28—III. Шло около 3-х недель. Спасибо, Милуша, так я был рад этой открытке. Ваше письмо было первым, полученным мной из России. Думаю, что мне живется тут куда скушнее, чем Вам: у Вас хоть ех * -муж, Нюня, а у меня — шиш. А уж как на Пироговском съезде¹ приволакивались за Вами — беда. С своей публикой, министерск<ой>, кроме делов<ых> отнош<ений>, кажется, никаких не будет. В воскресенье иду в гости к русскому здешнему консулу². А вообще — утешаюсь только чеховскими письмами³ да «Речью». Да и то, сегодня в «Речи» смотрю: «Кряжи»⁴ мои. Вот тебе, одолжили: после того, к<a>к они уж были напечатаны в книге. Скандал. Написал письмо Ремизову⁵.— Посы-

---

* бывший (лат.).

лайте мне «Журн<ал> журналов»⁶, пишите. — В Нью-Кастле свихнулся насчет кишек: абъелся⁷ фруктов (масса здесь), а также в ресторане обкормили перцем — всюду перец. С квартирой еще не устроился. Души принимать еще не начал.

Е Замят.

1. Внеочередной Пироговский съезд проходил в Петрограде с 14 по 17 апреля 1916 г. Пироговские съезды — съезды Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова, наиболее представительные собрания врачей дореволюционной России, объединявшие представителей всех медицинских специальностей. На Пироговские съезды собирались по 2—2,5 тыс. делегатов, т. е. каждый десятый врач России.

2. Буткевич Евгений Адольфович — русский консул в Нью-Кастле на Тайне, статский советник.

3. См. примеч. 1 к п. 143.

4. Рассказ «Кряжи» был напечатан в пасхальном номере газеты «Речь» (1916. 10 апр.).

5. Это письмо Замятина к Ремизову сохранилось (см. ИРЛИ. Ф. 256, оп. 1, № 97. Л. 3). В нем Замятин упрекал Ремизова в том, что не без его участия рассказ «Кряжи» был напечатан в газете «Речь» после публикации в сборнике «Уездное» (Пг., 1916). Замятин просил Ремизова сообщить в редакцию газеты о своем отказе от гонорара (см.: *Замятин — Ремизову*. С. 177—178). Людмила Николаевна, еще не зная об этом решении мужа, 18 апреля 1916 г. обратилась с письмом в контору газеты «Речь» с просьбой перевести ей гонорар «за рассказ «Кряжи» в пасхальном № «Речи» (по расчету 25—30 коп. за строку)». (РГАЛИ. Ф. 1666 (Редакция газ. «Речь»), оп. 1, № 947).

6. В седьмом номере «Журнала Журналов» за 1916 г. И. М. Василевский (псевд. Не-Буква) в обзоре «Грядущая сила» отозвался о сборнике «Уездное».

7. Так у Е. Замятина. Этот сюжет Замятин шутовски обыгрывает в письме А. М. Ремизову: «В Англии мне живется неважно, кормят все имбирем да перцем, полезно разве только для подготовки к геенне огненной» (*Замятин — Ремизову*. С. 178).

№ 164

28 апреля 1916 г. Нью-Кастль

11—V/28—IV 1916. Ньюкастль.

№ 8¹

Так в чем же дело? Отчего трудно писать? Это жаль, потому что Ваших писем я жду, к<a>к манны небесной. Я живу все так же, т. е.

плохо. С квартирой все еще не устроился, кишки пищат, ничего не пишу. Занимаюсь с учителем (итальянцем, sic!) по-английски; вероятно, болтаю теперь уже терпимо, но понимаю иной раз — с трудом. — На прошл<ой неделе раз>² 5 подряд видел Вас во сне (т. е. дней 5). Один раз проснулся в ужасе: приснилось, что Вы кричали во сне. Пишите про себя. Как теперь Ваше здоровье — по правде, а то напишу Нюнке. — О делах. В «Биржевке» надо взять по 20 коп<е-ек>³, напишите им, чтоб Вам прислали. Ну их к черту. Но уж больше ничего им не дам. — Ремизов Вам д<олжен> прислать не оттиск «Зеницы», а сборник и оттиски⁴. Так и скажите. — Пришлите мне «Сев<ерные> Записки» с пов<естью> «Яр» С. Есенина⁵, посылайте «Летопись»⁶, «Журн<ал> журн<алов>», копии рецензий. — Вчера обедал в гостях и с тоски зеленой выпил столько вина, сколько уже лет 6 не пил. Компания была очень русская (с русским консулом включ<ительно>); домой попал только в четв<ертом> часу; то-то, небось, англичанка ужасалась!

Е Замят.

1. Номера писем с 8 по 13 (27 мая—9 июня) исправлены Л. Н. Замятиной.

2. Слова «неделе раз» стерты.

3. Замятин имеет в виду гонорар за рассказ «Письменно» в газете «Биржевые ведомости» (21 марта. Утр. вып.) — по 20 копеек за строку.

4. Рассказ под названием «О святом грехе Зеницы-девы» был опубликован значительно позднее в газете «Дело народа» (1917. 15 окт.). Замятин, вероятно, просит Людмилу Николаевну забрать сборник «Пряник осиротевшим детям» (Пг., 1916) с его рассказом «Картинка».

5. См. примеч. 1 к п. 161.

6. В четвертом номере журнала «Летопись» за 1916 г. были опубликованы три рассказа Замятина: «Бог», «Дьячок» и «Петька» (под названием «Дрянь-мальчишка»).

№ 165

7 мая 1916 г. Нью-Кастль

7/20—V—1916. Ньюкастль.

№ 9

Ой, Милуша, Вы не совсем верьте своему принципалу насчет Англии. По крайней мере, последнее время я был на 1 миллиметр от того, чтоб соблазнять Вас Англией. Еле уже еле удержался. Скоро едет в Англию разная публика из Отдела. Может, позвоните Ку<н>-

кину и передадите мне, что захотите. В том числе книг, газет, может б<ыть>, возьмут даже Ваше письмо, проведенное через цензуру. И наконец — таннальбину граммов 50—100, ибо здесь никак не достать, а кишки мои — тово... Спасибо за письма Пасхальные. Перечитывал их несколько раз. А теперь уже неделю ничего не получаю. «День» с рецензией Ашешова¹ — так и не получил. — А вообще скушно, скушно, Милуша, непроходимо. Со скуки хожу в один русск<ий> дом, играю в карты и пью вино. — Со след<ующей> недели мой адрес: New-Castle on Tyne, Jesmond, 19 Sanderson Road. Eugene I. Zamiatin, naval architect (для писем).

1. Речь идет о статье журналиста Николая Петровича Ашешова (1866—1923) «Литературные заметки: Жуткая явь», напечатанной в газете «День» 10 апреля. В большой по объему и очень благожелательной по тону статье автор, в частности, писал: «Среди моря современной беллетристической пошлости приметно горит огнями таланта — Е. Замятин».

№ 166

Телеграмма

11 мая 1916 г. Нью-Кастль

New address New-Castle 19 Sanderson Road Zamiatin *

№ 167

14 мая 1916 г. Нью-Кастль

27/14—V—1916. Ньюкастль. 19 Sanderson Rd.

№ 10

Великолепная погода, жарко. Под боком — недурной парк, с водопадом, с оврагом, но итти никуда не хочется. Живу теперь уже на квартире, все это достаточно удобно, никто не мешает ни играть на пианино, ни писать: не хочется ни того, ни другого. Такая апатия во мне тем более странна, что физически я — приличен. Vergons **... Работы (на заводах) у меня довольно много. Или, вернее, не столько работы, сколько путешествие: приходится ездить более или менее часто на 4 завода (мин<ут> 40—50 в один конец на кажд<ый> завод) и пореже на 2 других. К английскому образу жизни, т. е. к раннему вставанию, я, по-видимому, так и не привыкну, встаю в 10 ½, в 11, а

---

* Новый адрес: Нью-Кастль 19. Сандерсон Роуд. Замятин (англ.).
** посмотрим (фр.).

то и позже! Моя англичанка (прислуга) сперва пугалась: не умер ли? — а теперь уж привыкла. Готовит она (англичанка) прилично, но грязнуля порядочная. Вспомнишь про Агру. Где она?

ЕвгЗ.

№ 168

17 мая 1916 г. Нью-Кастль

17/30—V—1916. Ньюкастль. 19 Sanderson Road.

№ 11

Был у меня праздник на днях: пришли русские механики и принесли с собой Ваш пакет. Боже ты мой: письма — Ваши и Яковское¹, книги, газеты... Спасибо, Милуша, не забывайте меня и впредь. Пошлите мне весь «Журнал журналов». И еще мне нужен таннальбин. Оказии в Англию будут. Пусть Ремизов скажет в «Северных записках», чтобы «Африку» печатали только осенью². А «Кулич<ки>» Гр<игорий> Ильич, м<ожет> б<ыть>, попробовал бы провести в Москве, раз их не приняли в Питере³? Насчет квартиры — скоро скажу окончательно; м<ожет> б<ыть>, даже телеграфирую. Деньгами моими распоряжайтесь, пожалуйста, не стесняясь. Кстати, кончили ли расчет с книжн<ым> магаз<ином> Попова⁴ и сколько там получили? С «Биржев<ых> Ведом<остей>» возьмите по 20 коп. за строку, черт с ними: с паршивой овцы — хоть шерсти клок. Но больше им — шиш. Мне нужны еще книги: «Разговоры с дьяволом» П. Успенского, оккультные рассказы⁵ и «Обломки крушения» ром<ан> В. Локка⁶, а также копия вырезки из «Киевск<ой> мысли»⁷ о нас.

Евг Замят.

1. Я. П. Гребенщикова.

2. Несмотря на просьбу Замятина, журнал «Сев. записки» опубликовал рассказ «Африка» весной 1916 г. (№ 4/5). Рассказ был написан еще осенью 1915 г.: Замятин прочел его в редакции «Ежемесячного журнала...» 15 ноября, о чем свидетельствует дневниковая запись литератора Б. А. Лазаревского: «Молодой, еще мало известный беллетрист Замятин прочел свой рассказ „Африка“... Рассказ как музыка, на фоне поморской промысловой жизни... Казалось бы зверский холод, гарпунщики-китобойцы, где уж там быть изящной грезе любви, а вот... у него вышло нежно и трогательно, точно у Мирры Лохвицкой — но в грезе...» В этот день после чтения рас-

сказа Замятин сделал запись в альбоме Лазаревского — отрывок из рассказа «Африка» (ИРЛИ. Ф. 145 (арх. Б. А. Лазаревского), № 10. Л. 46об.—47).

3. Повесть «На куличках» была напечатана в журнале «Заветы» (1914. № 3. С. 35—209). Цензура расценила описание быта небольшого военного отряда на Дальнем Востоке как клевету на русскую армию. 11 марта 1914 г. Санкт-Петербургский комитет по делам печати наложил на журнал арест. Санкт-Петербургский окружной суд на заседании 22 апреля постановил это решение оставить в силе, до изъятия всей повести из журнала (см. Дело 1-го Отделения Канцелярии Главного Управления по делам печати Об издании в г. С.-Петербурге журнала «Заветы» // РГИА. Ф. 776, оп. 10 (1912), № 161. Л. 207—223; Дело Санкт-Петербургского комитета по делам печати 1912 г. Об издании журнала «Заветы» // Там же. Ф. 777, оп. 18, № 229. Л. 66—82; Материалы по делу Петроградского окружного суда о редакторе журнала «Заветы» Н. М. Кузьмине, обвиняемом в напечатании 11 марта 1914 г. статьи Евг. Замятина «На куличка<x>» антиправительственного характера // Там же. Ф. 857, оп. 1, № 1372; см. также: *Анненков*. С. 262—264). Автор и редакция журнала были привлечены к суду (см. *Автобиография*—28. С. 41). Редакция изъяла «На куличках» и выпустила номер вторым изданием, заменив повесть Замятина рассказом В. Я. Шишкова «Суд скорый: (Рассказ из тунгусской жизни)», который был значительно меньше по объему; поэтому в номере «3-а» (2-е изд.) страницы с 74 по 109 отсутствуют.

Дальнейшие попытки Замятина добиться цензурного разрешения на публикацию повести не увенчались успехом.

4. Книжный магазин М. В. Попова (М. А. Ясного) находился на Невском пр., 66.

5. Книга Петра Демьяновича Успенского (1878—1947) «Разговоры с дьяволом: Оккультные рассказы» (Пг., 1916).

6. Замятин имеет в виду издание: Локк У. Д. Обломки крушения: Роман / Пер. с англ. З. Журавской. М., 1916.

7. Вероятно, рецензия: Лиров М. [Литваков М. С.]. Белые заметки: Е. Замятин. «Уездное» // Киев. мысль. 1916. 9 марта.

№ 169

17 мая 1916 г. Нью-Кастль
17/30—V—1916. Newcastle, 19 Sanderson Rd.

№ 12

А теперь — письмо неделовое. Что Вы за ересь в письме развели: «... без жизненной радости, к<отора>я м<ожет> б<ыть> и вообще

ненужная вещь». Как прикажете понимать? Пессимизм, квиетизм¹ или просто все на свете обрыдло?

А я, наоборот, чувствую, что жизненная радость — необходимая вещь. Я живу безгорестно и безрадостно, и чувствую, что зацветаю плесенью, к<a>к летом стоячий пруд. Писать не могу.— К счастью (а может — к несчастью, ибо мешает всколыхнуться) очень много работы. После чаю утром сажусь за расчеты — часа на 1 ½—2; завтракаю, еду на завод; возвращаюсь часов в 7, обедаю; после обеда часто приходит помощник мой, механик, и тоже всякие деловые разговоры на час, на два. Сейчас, впрочем, самое тяжелое время: утверждение чертежей. Иной раз известный Вам Леман² путается под ногами и портит мне настроение.— Вчера приснилось, что я — Вы и что я (= Вы) вижу во сне один из тех снов, от к<оторы>х Вы кричали. Боже мой, до чего я весь Вами пророс!

Евг Замят.

Напишите в Лебединь, что я жив и зд<оров>.

1. Квиетизм (от лат. quietus — спокойный) — здесь: безучастное, пассивное отношение к жизни.

2. Леман Эмилий Густавович — инспектор мореплавания и торговых портов.

№ 170

27 мая 1916 г. Нью-Кастль

9—VI/27—V 1916. Ньюкастль.

№ 13

Я не имею от Вас писем уже больше 2-х недель. А я живу плохо. Был болен — желанием видеть Вас. Насилу—насилу перемогся; теперь, к<a>к будто, даже здоров. Припадок был сильнее, чем в 1913 г. в Николаеве, потому что физически я все-таки теперь не совсем лярва¹. Кто знает, может быть, удастся мне издали от Вас большому научиться, чем вблизи — я говорю о науке не головной, конечно.

Должен Вас, кстати, предупредить, что в лярву непременно обращусь, если не получу от Вас таннальбину: кишки мои — никуда.— Апатия у меня все та же: ничего не пишу, английским не занимаюсь.— С квартирой — как хотите: найдется другая — хорошо бы переменить (верхн<ий> этаж — необязателен, горяч<ая> вода —

тоже); не найдется — все равно. Жду писем. Напишите, как Вы живете? Справляйтесь у Кукинана насчет okazji в Англию.

Е.

Собираюсь от скуки ходить здесь на публичные спиритические сеансы.

1. Лява (от лат. larva) — призрак.

№ 171

30 мая 1916 г. Нью-Кастль

12—VI/30—V—1916. Ньюкастль.

№ 13

Так-таки и нет от Вас писем. Ну, ладно.— Погода ужасная: холод осенний, ветер воет. Настроение приблизительно такое же. Неуютно очень.— Завтра еду в Глазго.

Работы сейчас порядком. Встаю иной день в 10, т. е. по-настоящему в 9, ибо здесь так называемое summer-time, летнее время. Тотчас после чаю на заводе, а возвращаюсь часом в 6—6½. Дома еще бывает всякая переписка деловая с заводами, да все это по-английски. Некогда даже книги почитать, газеты залеживаются.

И все же хочу просить Вас подписаться для меня на «Речь» месяца на 3, с 1-го июля. Деньги, ведь, Вы можете черпать для моих надобностей у Кукинана или в магазине Попова¹. Посмотрите книгу критическую новую Б. Садовского (название «Ледоход»² забыл), издательство «Скорпион»³, — нет ли о нас? Если есть, пришлите. Также последний «Шиповник»⁴.

ЕвгЗамятин

Все-таки не забывайте меня совсем.

1. См. примеч. 4 к п. 168.

2. Слово «Ледоход» приписано позднее.

3. Замятин ошибся, назвав издательство «Скорпион». Речь идет об издании: Садовской Б. А. Ледоход: Ст. и заметки. Пг., 1916.

4. Петербургское издательство «Шиповник», организованное в 1906 г. З. И. Гржебиным и С. Ю. Копельманом, выпускало одноименные литературно-художественные альманахи (1907—1917, 26 книг). Вероятно, Замятин просит прислать 24-ю или 25-ю книгу альманаха.

4 июня 1916 г. Нью-Кастль

17/4—VI—1916. Ньюкастль.

№ 14

Уже больше трех недель — ни полслова от Вас. Где Вы? Живы ли Вы? Разве только в Березайке¹ — там, так и быть, простительно забыть о бедном изгое. — Три дня пробыл в Глазго. Хороший город, не сравнить с Ньюкастлем, жаль, что не в Глазго суждено мне жить. Вернулся из хорошего города — с жесточайшим насморком: right english*. Получил кипу газет и писем, из них одно русское: от Разумника В<асильевича>, Разумник из Песочков² и тот написал, а Вы... Впрочем, если это у Вас обдуманно, то так мне и стоит.

Из газет узнал о выходе «Пряника», где и я емь³ и о том, что в 4-ой книжке «Сев<ерных> Зап<исок>» моя «Африка» напечатана. И ничего-то я не знаю, ничего не вижу, ах, зелено-скушно. О каких-то многочисленных статьях об «Уездном»⁴ пишет Разумник в письме. А у меня руки коротки, чтобы достать их...

Скушно. Если Вы живы и Яков жив — поклон ему.

Евг. Замятин.

1. Березайка — поселок и станция на железной дороге Петербург—Москва, неподалеку от Бологого.

2. Иванов-Разумник в мае—июле отдыхал в дер. Песочки в Псковской губернии. См.: Письма Иванова-Разумника А. А. Блоку от 31 мая, 5 и 15 июля 1916 г. // Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1981. С. 397—401 (Лит. наследство; Т. 92, кн. 2).

3. В альманахе «Пряник осиротевшим детям» (Пг., 1916) был опубликован рассказ «Картинки». См. раздел II «Творческие рукописи» наст. изд.

4. Первый сборник произведений Замятина «Уездное. Повести и рассказы» вызвал большое количество откликов. См.: В. А. Туниманов. Замятин // Русские писатели, 1800—1917: Биогр. слов. М., 1992. Т. 2. С. 321.

---

* настоящий английский (англ.).

№ 173*8 июня 1916 г. Нью-Кастль*

21/8—VI—1916. Ньюкастль.

№ 15

Получил от Вас сразу 2 письма: от 14 и от 17 мая, одно, очевидно, пропало (№ 1). Я чувствую себя неважно: стал что-то плохо спать, кишки — вся их прежняя доблесть к чертям собачьим. Был в Глазго (писал ли об этом?) три дня, там простудился, вот уж неделю хожу с насморком жестоким, а два дня — голова болит, как у некрещеного. Дела на заводах много; устаю. Обедаю дома. Прислуга — явственно, приворовывает и не все хорошо готовит, к тому же глуха, но менять мне ее некогда. Квартира на английский лад: внизу столовая и гостиная, кухня; во втором этаже — кабинетик и спальня, ванна; в третьем — комната для прислуги, кладовая, — вот и весь дом. Но только холодно в комнатах, пусто и скупно.

Пришлите мне порошков по части кишек. Напишите: как вы-то, здоровы?

Е.Замятин.

№ 174*10 июня 1916 г. Нью-Кастль*

23—VI—1916 г.

№ 16

Если Вы когда-нибудь у себя, на Широкой улице 29, завидовали мне, так не завидуйте больше: так пусты мои дни и ночи, как в августе желтое ржаное жнивье. Чтобы не слышно было, как в этой пустоте нестерпимой ветер воет, я мало дома сидел, ходил туда и сюда, чтобы побольше устать. А теперь уж, кажется, так устал, что больше и некуда. Симптом хороший: подряд каждый день — небывалые у меня головные боли. Надо себе окорот положить — попробовать надо.

В квартире у меня, в числе прочей мебели, имеется рулетка — какая была у Вади¹. Собираюсь завтра устроить у себя игру. Вот мои гости: русский консул с женой; итальянский консул; французский консул с женой; португальский капитан и испанец — секретарь

русского консула. Забавная компанийка, не правда ли? А все-таки одного Яшку Гребенщикова я предпочел бы всем им.

ЕвгЗамят

Исполняющей мои обязанности Нюне — низкий поклон и благодарность.

Е З.

1. В. Д. Никольский.

№ 175
Телеграмма

18 июня 1916 г. Нью-Кастль

If you wish and could come New-Castle our quarter transmit with furniture till january or leave furniture conservation telegraph answer Zamiatin *

№ 176

27 июня 1916 г. Нью-Кастль

10—VII/27—VI—1916. Ньюкастль.

№ 17

Писем от Вас мало. И нет ответа на телеграмму, к<отору>ю послал неделю назад. Ну ладно. Вот Вам за это обвинительный акт:

1) Маловато Вы мне послали таннинг-альбумината, надо еще, ведь я его чайными ложк<ами> ем, 2) до сих пор я не знаю, рассчитался ли с Вами книжный магазин Попова за мою книгу, а узнать это Вам, по совести, ведь не так сложно; 3) узнайте у Попова, намерены ли они переиздавать «Уездное» осенью, на как<ой> бумаге и с какой обложкой, сколько экземпля<яров>; 4) получите деньги в «Се<верных> Записках» за «Африку» и возьмите там книжку и оттиски; 5) в числе прочих книг просил я «Разговоры с дьяволом», оккультные расск<азы> П. Успенского; 6) рецензии, к<оторы>е нельзя послать в виде вырезок, можно переписать на машинке и затем провести через цензуру, к<а>к письма; 7) не знаю, выписали ли мне «Речь» на 3—4 мес<яца> с 1 июля ст<арого> ст<илия>.

---

* Если Вы хотите и можете приехать в Нью-Кастль, сдайте нашу квартиру вместе с мебелью до января или оставьте мебель на сохранение. Телеграфируйте ответ. Замятин (англ.).

А затем — спасибо за все.

Е.

Плохо мне, Милуша, плохо, плохо.

№ 177
Телеграмма

9 июля 1916 г. Нью-Кастль

Ces possible devra<i> rester New-Castle jusque janvier ne changera pas ca votre decision telegraphiez Zamiatin*

№ 178

14 июля 1916 г. Нью-Кастль

27/14—VII—1916. Ньюкастль.

Итак, вот она и последняя, вторая, Ваша телеграмма. Теперь можно взяться и за письмо. До сих пор не хотелось, потому что была забавная — оказывается, забавная — уверенность в том, что буду говорить с Вами не посредством писем. Ну, и потом надо было, чтобы Ваше решение сложилось совсем свободно (Вы же знаете, какой я поклонник свободы), а если бы я писал — я стал бы своими письмами разжалобивать, разнюнивать Вас, так к<a>к пока чем дальше, тем я чувствую себя хуже.

Впрочем, вероятно, теперь сумею взять себя в руки. Самое по нынешнему времени неприятное — скажем так — ждать ответов на телеграммы — уже прошло. Соблазнять Вас Англией, и сам при этом соблазняться, больше не буду. И право, очень жалко, что поставил Вас «в положение отказывающей» (плагиат узнаете?). А Впрочем, это было забавно, как все новое, потому что до сих пор редко случалось, чтобы женщины отказывали мне.

Кстати, еще об одном редкостном ощущении, за которое тоже спасибо. В последнем из полученных мною Ваших писем, от 12/VI, была фраза: «Живу это время несколько необычно для себя», которая в течение нескольких секунд или даже минуты (!) заставила меня испытать нечто вроде человеческой ревности. Право, chère Усова, Вы — роковая женщина: Вам суждено, кажется, разбудить во мне все человеческие — я разумею земные, не воображаемые — страсти, одну за другой. Это становится, наконец, опасным...

---

* Возможно, мне надо будет остаться в Нью-Кастле до января. Не изменит ли это Ваше решение. Телеграфируйте. Замятин (фр.).

А говоря без шуток, пребывание в таком Ньюкастле действует вроде некой предварилки: от жестокого одиночества человек становится чувствительным. Подумать только: человек за 20 лет, далеконо-ко ушедший, ночью занимается мечтами, голубыми, розовыми и ярко-красными преимущественно — вместо того, чтобы мирно спать или реализовать размышления возможно скорее и проще. Куда лучше призвать этого корректнейшего и беспощаднейшего полисмена — рассудок, как это сделали Вы сперва и как это сделал я теперь.

Но я запоздал с этим немного. Вы были, как всегда, умнее меня и оттого теперь цветете. Я этому серьезно и очень рад: я боялся другого. А то, что Вы написали: «Я пополнила; это нехорошо и стыдно без Вас» — это чушь. Молодости и здоровья — меньше всего надо стыдиться, можно стыдиться нездоровья и немолодости, какие есть у меня. Недавно получил письмо от Мар<ии> Ник<олаевны> Могиланской (ну как же после этого не сказать, что справедливо ядовитое замечание одного из Ваших писем об «украшениях» в моей жизни?). Содержание этого письма, конечно, слишком интимно, чтобы его передавать, и я скажу только, что в нем порадовало меня упоминание о Вашем свежем, отдохнувшем виде. В новом году надеюсь увидеть Вас помолодевшей лет на пять — больше не надо: раньше Вы вовсе не были женщиной. И надо сделать так, чтобы Вы и тогда жили безгорестно. А уж радость, раньше или позже, сама собою придет, просто потому что Вы ее стоите, для радости — простой, человеческой, милой радости — Вы созданы.

Ну вот и все. Почти уже три часа. Много нынче дела было, устал. Если будете вспоминать обо мне и присылать русских книг — буду рад: трудно без книг. А если пришлете с оказией лекарств — тан-нальбину побольше — поклонюсь низко, нужда у меня в этом большая. А не пришлете — и на старой ласке спасибо.

Евг Замятин.

P.S. Вспомнил случайно: десять лет назад Вы не побоялись ехать ко мне в Гельсингфорс. Как много воды утекло: не вся ли? Это так, платонически: с путешествием Вашим решено, аминь. И Вы решили, и я решил.

№ 179
Телеграмма

19 июля 1916 г. Нью-Кастль

Je resterai angleterre jusqua janvier en tout cas Zamiatin *

№ 180

19 июля 1916 г. Нью-Кастль

1 августа 1916. Ньюкастль.

Никто еще не поил меня такою горечью, как Вы теперь. Неделю за неделей, день за днем ждать ответа — и получать отказ, или уклончивое что-то, или вовсе ничего — как не получил я ответа на третью мою телеграмму. И у меня уже нет больше сил повторить этот опыт еще раз, четвертый раз, опять — ждать и не дожидаться.

К несчастью, я все-таки еще не избавился от этой маниакальной идеи о Вас. Я не могу ни писать, ни работать, ни спать. Я не живу, а корчусь. И чтобы вылечиться — придется прибегнуть к средствам очень ядовитым.

Но как же это случилось, как это могло случиться, что Вы не поняли, как Вы нужны были именно теперь и как я хотел Вас видеть? Если бы Вы были прежней, какой я оставил полгода назад, какой я Вас помню в Белоострове — Вам и в голову не пришло бы спрятаться за трудности путешествия. Будь у Вас настоящее, сильное, желание — ничего бы не было невозможного и трудного.

Стало быть, Вы не прежняя, что-то изменилось (ведь, полгода — не маленький срок). Что изменилось — я не знаю. Быть может, Вы слишком оценили прелесть покоя «безгорестной жизни», жизни без меня. Быть может, Вы нашли себе что-нибудь более подходящее и удобное, чем я, вечно лезущий, как мой дьячок¹, в небо — которого нет. Ну что ж, я мешать Вам не буду.

Хуже, если это было результатом непонятого мне упрямства и мудрствований. Тогда это ошибка, и что выйдет из этой ошибки — Бог знает. А ведь теперь я больше чем когда-нибудь понял, что Вы для меня. И знать, что это поздно...

Может быть, некоторое время я не буду писать, пока все это не кончу в себе.

ЕЗамятин.

1. Персонаж рассказа Замятина «Дьячок».

* Я останусь в Англии до января в любом случае. Замятин (фр.).

№ 181

21 июля 1916 г. Нью-Кастль

4—VIII/21—VII—1916. Ньюкастль.

№ 20

Чудачка Вы, погляжу я. Разве можно так утешать: «Не забуду, а тем более совсем». А не совсем? Разодолжила, нечего сказать. Положим, что Вы ведь все молодеете, по компетентному свид<етельству> Якова,— а молодости свойственно говорить все, что думаешь. Не то, что мы старые, у к<оторы>х язык за семью замками: и сказал бы вот — да не скажешь.

А я живу по-прежнему — нехорошо. Настали ночи темные, ни зги, ветер воет, одному — жуть...

Знаю, что скоро приедет механик к нам из Питера; неужто и с этим ничего не пришлете, как вышло с недавно приехавшим? Ваши письма приходят нелепо: по 2—3 сразу или сначала позже напи<санные>, потом старые.

ЕвгЗ.

№ 182

24 июля 1916 г. Нью-Кастль

6—VIII—1916.

№ 24¹

Получил неск<олько> Ваших писем из Березайки: заказн<ых> закрыт<ых> нет. Как будто, я был прав не во всем. Но в том, что не приехав Вы сделали ошибку — в этом я прав.

Ваши отказы и неотчет на последн<ую> мою телеграмму вылили на меня столько холодной воды, что желания мои начинают гаснуть. Но это обойдется мне дорого. Живу с вечными перебоями сердца и с постоянным globus Histericus. Все на свете — мне все равно. Получил на днях книги и «Журн<ал> журн<алов>» — все это лежит нечитанным.

Третью свою телегр<амму>, с извещением, что останусь до января <во> всяк<ом> случ<ае>,— послал, чтобы вызвать Вас хоть этим сюда. И т<ак> к<а>к не помогло, то м<ожет> б<ыть> уеду раньше. А впрочем — едва ли: просто энергии не хватит подняться с места.

Евг Замят.

1. Ошибка в нумерации, должно быть «№ 21».

№ 183

24 июля 1916 г. Нью-Кастль

7—VIII/24—VII—1916. <Ньюкастль>.

№ 21¹

Ваши письма идут не спеша: сегодня получил от 15/VI, письмо шло месяц и 9 дней. А из Лебедяни заказное — сегодня же — получ<ил> через 16 дней. Попробуйте посылать заказные и закрытые, если, конечно, найдется охота и время. А вот Вам благодатная тема: «Несколько белых ночей, которые изменили мой внешний образ жизни» — цитата из Вашего письма от 15/VI. Напишите об этом; пока Вы дали только заглавие, очень заинтриговывающее.— Я по-прежнему — никудашный; пробовал писать — не могу. Начинаю опять всячески истреблять себя; в субботу — вернулся домой в 8 утра — играли, веселились и пили. Помогает шлоховато; думаю по-пробовать посерьезней заняться английским языком, а единственный для этого способ, как говорят, брать уроки не у учителя, а у учительницы, и по возм<ожности> подходящей внешности.

Е 3.

Кажется, скоро начну брать души; когда-то это мне помогало. Во всяк<ом> случ<ае> — сильное средство.

1. Ошибка в нумерации, должно быть «№ 22».

№ 184

27 июля 1916 г. Нью-Кастль

9—VIII/27—VII—1916.

№ 23

Ну вот, вчера наконец начал принимать души. Первый раз — опущения довольно сильные; потом — вероятно, привыкну.

Погода все время — очаровательная. Вчера была ночь — теплая и тихая на диво; полночи просидел в садике перед домом, любовался, была красивая ночь. И так презирал Вас — за то, что Вас нет здесь: была бы такая невероятно острая, такая особенная ночь.

Мне горько и больно терять Вас, а я чувствую с каждым днем — Вы уходите и уходите. И скоро уйдете совсем. А я уже из упрямства — буду только помогать Вам уйти.

Чувствую себя по-прежнему скверно. Таннальбину, конечно, и в помине нет, а здесь, в аптеках, как я писал — не достать. Последнее письмо от Вас — от 15/VI.

Е.Замятин

№ 185

31 июля 1916 г. Нью-Кастль

13 августа 1916. Ньюкастль.

Никто и никогда не поил меня такой горечью, как Вы теперь. И хуже всего, что это так медленно, день за днем, неделя за неделей. Три недели заставить меня ждать ответа на первую телеграмму; вовсе не ответить на третью.

Но как же это случилось, как это могло случиться, что Вы не поняли, как Вы мне нужны были именно теперь и как я хотел Вас видеть?

Если бы Вы были прежней, какой я Вас оставил полгода назад — Вы бы поняли, Вы почувствовали бы. Вам — прежней — и в голову не пришло бы спрятаться за трудности путешествия.

Стало быть, Вы не прежняя, какой я верил. Стало быть, что-то изменилось — и многое. Положим, полгода — не маленький срок.

Если Вам случилось найти для себя что-нибудь попроще и поближе к земле, чем я,— это хорошо. По крайней мере, для Вас. С любимым Вы будете счастливей, чем со мной, вечным фантазером, вечным лезущим, как мой дьячок, в небо — которого нет.

Ну, а если не это, не белые ночи — другое что-нибудь — я боюсь, что Вы сделали ошибку. И хуже всего, что ошибка эта, может случиться, будет иметь последствия, которые изменить очень трудно.

А ведь я любил Вас, Милуша, очень любил: теперь это больше, чем когда-нибудь, увидел.

Евг Замятин.

Не ждите писем особенно скоро; пока все не кончу в себе — помолчу.

№ 186

31 июля 1916 г. Нью-Кастль

13—VIII—1916. Ньюкастль.

Вы ушли, Милуша, Вы ушли — я это знаю, я чувствую, хоть и не получал от Вас никаких писем об этом.

Этот месяц был ужасный. Изо дня в день, из ночи в ночь — я тонул, тонул в тоске. И эти последние дни, когда я еще мог получить от Вас телеграмму — уже совсем нестерпимое что-то.

Я не знал, что я так любил Вас. Любил — потому что теперь, в бессонные ночи — я тушу, тушу в себе огонь — и должен он потухнуть или я, иначе — нет сил.

Это — конец, Милуша, прощайте. Вероятно, я не смогу уже писать Вам, — по крайней мере — долго не смогу.

Письмо пошло в понедельник; до понедельника буду ждать.

Е Замятин.

№ 187

Телеграмма

9 августа 1916 г. Нью-Кастль

Lettre reçue arrivez vite telegraphiez Zamiatin *

№ 188

Телеграмма

10 августа 1916 г. Нью-Кастль

Buy ticket bennes company buy apparatus of ivory Rojers take your doctors diplome commite anybody collect criticisme of my book expect you Zamiatin **

---

* Письмо получил. Приезжайте поскорее. Телеграфируйте. Замятин (фр.).

** Покупайте билет «Bennes company». Купите инструменты из слоновой кости Роджера. Возьмите свой докторский диплом. Поручите кому-нибудь собирать критику на мою книгу. Жду Вас. Замятин (англ.).

№ 189
Телеграмма

1 сентября 1916 г. Нью-Кастль

Health pretty well glad at last see you¹ Zamiatin^{*}

1. Людмила Николаевна приехала к Замятину в Нью-Кастль. На это указывает письмо Замятина к Ремизову, написанное 5(18) декабря 1916 г. в квартире на Сандерсон роуд, 19 и подписанное Е. И. Замятиным и Л. Н. Усовой (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 51).

№ 190

29—30 августа 1918 г. Москва

29—VIII—1918. Москва

Несчастный я, и несчастное было мое путешествие. Вот повесть моих злоключений.

Первое: Святловский сел по левую руку от меня, и в мое левое — глухое — ухо всю дорогу терзал меня рассказами.

Второе: купил доплату до I кл<асса> в Березайке — и ½ ночи сидел на скамеечке в коридоре вагона, ½ ночи — в купе. Ни минуты не спал.

Третье — в Москве. Трамвай — в десять раз ужаснее самых ужасных в Питере. Взял носильщика и поехал к Гусину¹. По дороге случилось то же, что с Вами перед отъездом, но только гораздо хуже. Вытащили бумажник, 200 или 300 руб<лей> — не знаю (напишите, сколько, Вы помните лучше, сколько у меня было, 1200 или 1300, 1000 была, к счастью, спрятана в другом месте). Жалко не денег, а досадно, что ухнули все документы, и я теперь — беспаспортный бродяга, вроде Чуковского². Весь день сегодня мыкался по комиссариатам, делал разные заявления об утере и пр. Удастся ли завтра уехать без документов — не знаю; остались целы только свидетельство о явке к призывному участку и диплом. Утром еду доставать билет на Павелецкий вокзал. Пишу Шишкову³, Виттенбергу⁴, Неймарку⁵ — о возобновлении разных документов. Вот видите, как меня отпустить одного.

---

^{*} Самочувствие превосходное. Рад, наконец, увидеть Вас. Замятин (англ.).

Четвертое — с Задругой⁶, по-видимому, ничего не устроится, ни с альманахом, ни со сказками. Досадно. Вероятно, так и придется «Кулички» печатать прямо в книге.

Устал, замучился и изнервничался сегодня ужасно. Прошел пешком десятки верст: в трамваях ездить невыносимо. Может, хоть, спать буду.

На несчастье конечное — сейчас к Гусину пришли какие-то гости, и кажется, не придется рано лечь спать.

Ну вот, пожалейте меня. Спокойной ночи.

ЕЗ

Чтоб не забыть — новость: в Москву разрешено ввозить каждому до 1 ½ пудов хлеба; хлеб подешевел уже на 100 руб<лей> на пуде. Вероятно, это коснется и Питера.

30—VIII

Удалось получить квиток на получение билета вне очереди — <с> помощью своего собств<енного> красноречия в И<сполнительном> К<омитете> Павелецкой дороги. Еду, стало быть, нынче.

Святловскому передайте, что Задруга может решить вопрос об издании его книги только по прочтении рукописи⁷.

ЕЗ.

1. Гусин — наст. фам. Вячеслава Павловича Полонского (1866—1932) — критика, историка, редактора журнала «Печать и революция» (1921—1929).

2. Чуковский Корней Иванович (Николай Корнеевич Корнейчуков, 1882—1969) — писатель, литературовед, критик.

3. Шишков Вячеслав Яковлевич (1873—1945) — писатель, еще в 1914 г. отозвался рецензией на рассказ «Непутевый» (Сиб. жизнь. 1914. 25 марта).

4. Вероятно, Витгенберг Михаил Борисович — издательский работник.

5. Неймарк Максимилиан Бергольдович — переводчик. Замятин передал ему право на перевод всех своих литературных произведений. Сохранилось обязательство М. Б. Неймарка об использовании переданных ему Замятиным авторских прав — документ заверен нотариусом 21 августа 1918 г. (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2; № 49).

6. «Задруга» — кооперативное товарищество издательского и печатного дела (основано в декабре 1911 г.). В письме, начатом 11 и законченном 16 сентября 1918 г. в Лебедяни Замятин писал А. М. Ремизову: «Был в Москве в «Задруге»: мудологи какие-то, прости Господи. Едва ли мы с ними кашу сварим» (*Замятин — Ремизову*. С. 179). В «Задруге» произведения Замятина не издавались.

7. См. примеч. 1 к п. 60. В «Задруге» работы В. В. Святловского не издавались. Позднее Госиздат выпустил две его книги: «Русский утопический роман» (Пг., 1922) и «Каталог утопий» (М.; Пг., 1923).

№ 191

3 сентября 1918 г. Лебединь

3—IX. 1918. Лебединь.

Вот повесть о моих дальнейших приключениях. С талоном на внеочередной билет мне предложили явиться после 5 час<ов> веч<е-ра>. Я приехал в 6; билета уже не оказалось... И я снова — перед проблемой космической: достать билет.

Вернулся к Гусину; переночевал. С утра, к 12 — я был уже на вокзале. Решил засесть там на целый день, уехать во что бы то ни стало. Опять отправился в Исп<олнительный> К<омитет>, видел, как передо мною отказали ряду пассажиров в талоне на внеочередь. С важным видом предъявил свой просроченный талон — и, к удивлению, получил новый. Два часа стоял перед кассой — впереди толпы тысячи в три — получил, наконец, билет. На вокзале умеренно пообедал (тарелка воды и ломтик мяса). За обедом купил газету с историей необычайных приключений Урицкого и Ленина¹ (бедная: Вы в отчаянии, I am sure *). Кругом разговоры, что будет сегодня обыск на вокзале, будут проверять документы всех отъезжающих² — и прочее. Мне, беспаспортному, было очень лестно.

Как же, все-таки, попасть в поезд с билетом? Снаружи — тысячная очередь уже обилеченных. Никто не знает, как попасть изнутри вокзала, но все советуют из вокзала не уходить: снаружи — все равно не попасть. Носильщиков нет.

С 6 ½ часов, с вещами, становлюсь в некую организующуюся очередь. Никто из стоящих не знает, верная ли это очередь: кто говорит — на Елец, кто говорит — на Саратов. Милиционеры мимоходом наводят порядок: женщину с ребенком, к<отора>я всовывалась в очередь, — хватили прикладом; солдата — по щекам. В костюме и пальто — жарыща нестерпимая, изнемогаю. Кто<-то> прибегает и истопленно кричит, что на Елец не эта, а другая очередь. Несемса с чемоданами туда. Стоим час. Анонс оказывается ошибочным: возвращаемся в хвост прежней очереди. И так — до 10 ½. В 10 ½ вместо 8 ½, попали, наконец, на платформу и в поезд.

---

* я уверен (англ.).

И дальше — знакомое путешествие в субботний день по Приморской дороге, помноженное на 5, ибо оно продолжается не три и не четыре, а двадцать часов. Висят на подножках, на тормозах, набито на площадках. Все это в связи с новейшим декретом о провозе 1 ½ пудов³: прут за хлебом.

Я стоял на площадке II кл<асса>; часть ночи сидел на чемодане своем. Поезд плетется, как приморский. В час ночи у Каширы, подъем (Горская). И как на Приморской — паровоз нейдет. В вагонах — абсолютная тьма. Дождь. Стоим час, два, три. Через три часа — отцепляем паровоз встречного товарного поезда, к<оторы>й помогает взобраться на горку. Плетемся. К рассвету в нашем вагоне от прелестей путешествия помирает человек. Всех выгоняют из вагона и переселяют в свиной вагон — еще со следами пребывания свиней. Часов в 12 дня — опять подъем, и опять стоим два часа до встречного паровоза. В Лебедянь попал только в 8 вечера. За 24 часа — выпил только стакан чаю (нашелся благодетель с чайник<ом>), съел оставшиеся у меня 1 ½ хлеба изделия Алекс<андры> Ив<ановны> и все каковые таблетки. Вероятно, никогда в жизни не был еще так измучен. Если бы мог знать — не рискнул бы ехать.

Невзирая ни на какие декреты, лебедянские красноармейцы совершенно не дают вывозить муки. А тут можно даже достать белой. Поэтому, если можно, запасайтесь от Святловских.

Погода совершенно летняя; жарница. Совдепы, под страхом расстрела, запретили купаться (сырая вода, ведь, в реке). Яблок в саду почти нет, есть груши. Ем яйца и белый хлеб. На днях вернется сюда от матери Агра. Пишите мне и Брониславу, чтобы высправил мне новую выписку на выезд. Целую Ньюно.

Евг Замят

1. 30 августа 1918 г. в Петрограде было совершено покушение на В. И. Ленина и был убит председатель Петроградской чрезвычайной комиссии Моисей Соломонович Урицкий.

2. Известия ВЦИК (1918. 3 сент.) сообщали: «Комиссариат Внутренних Дел утвердил ходатайство Тамбовского Губисполкома о воспреещении въезда в город Тамбов ввиду продовольственного и квартирного кризиса».

3. 24—25 августа 1918 г. Московский и Петроградский Советы рабочих и крестьянских депутатов приняли постановление о свободном ввозе полутора пудов продовольственных товаров населением в Москву и Петроград.

9—IX—1918. Лебедянь.

Очень прозрачные, прохладные дни. Железные, черные ночи с несчетными звездами. В доме — запах яблок (корзинка с яблоками — под моим письменным столом; решето, полное китайских яблочек — на рояли). Перед открытым балконом — липы, улица — зеленая.

И все-таки по зеленой улице совдепы скачут. Идут аресты заложников. Издан декрет об учете и обязат<ельном> обучении мужеска пола от 18 до 40¹...

В Лебедянь наехало кормиться много пришлого люда. И потому идет бесцеремоннейшее уплотнение — хотя тут вселяют вовсе не рабочих, а просто приехавших на кормление буржуев.

И у матери в доме одна комната занята квартирантами. Это более или менее мешает мне существовать, т. к. моя комната (лучшая) — рядом с квартирантской. Хоть и тихие, а иной раз будят утром или спугнут настроение работать.

С пятницы стал себя засаживать за стол: беда, никак не пишется². Еле написал за два дня маленький рассказ в 100 строк («Надежное место»³), пустяковый. «Пирог»⁴ никак не выпекается: боюсь — так и останется с сырью.

Вчера приходил тот самый дядя, к<оторо>го Вы видели в Питере — Лебедянский? Просят прочесть как<ую>-н<и>б<удь> публичную лекцию — или лекции — в Нар<одном> Университете. Я согласился прочесть пару лекций о современной Англии. Так что на днях будут расклеены по Лебедяни соответствующие громокипящие афиши.

Товарищи-коммунисты в Лебедяни здорово орудуют. На днях (с неделю) позакрыли все до одного магазины — всех сортов, не только съестные; оказывается, национализируют всю торговлю, опережая своей предприимчивостью Москву далеко. Пока, поэтому, с неделю ничего нельзя купить: мяса, спичек, соли. Говорят, скоро магазины откроются; сейчас идет учет. Поживем — увидим.

Мясо и прочее съестное здесь с успехом достается по знакомству.

Пропитываюсь — в изобилии. Ем 3 яйца утром (давняя мечта!), белые пышки на сметане (как охотно угостил бы ими Вас). К обеду — полубелый хлеб (помните, нам такой присылали в Питер?); на черный хлеб — и не смотрю. Кажется, ем слишком много; в результате кишочки подчас шалят. Первые дни спал очень хорошо — по 9

часов; вчера и сегодня — плохо, м<ожет> б<ыть> потому, что много курю, подстегивая себя на работу.

Сегодня была Агра. Она в дороге простудилась, пролежала две недели, очень похудела. Обещалась вернуться к воскресенью 15-го, чтобы остаться здесь. С нею в дороге было тоже приключений не мало. Все вещи довезла.

Декрет о 1 ½ пудах продовольствия в силе до 1 окт<ября>⁵ только. Попытаюсь до тех пор отправить в Питер запасов.

10. IX.

Сегодня выспал себя, хоть и с трудом. Иду на почту. Попросите Нюничку поцеловать Вас и сами — ее поцелуйте.

1. 29 июля 1918 г. Совет Народных Комиссаров постановил считать военнообязанными всех граждан РСФСР, годных к военной службе, в возрасте от 18 до 40 лет.

2. 11 сентября Замятин писал В. П. Полонскому: «Отдохнуть не удается — и писать тоже. Страдаю двумя отвратительными болезнями: бессонницей и бесписицей, этакое, знаете, состояньице, когда ни одного слова с пера не слезает» (РГАЛИ. Ф. 1328 (В. П. Полонский), оп. 1, № 147. Л. 2).

3. Рассказ «Надежное место» был опубликован в журнале «Жизнь искусства» (1924. № 1. 1 янв.) под названием «В Задонск на богомолье». Сохранился первый вариант рассказа, имевший заглавие «Вдова Полипанова» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 1, № 57).

4. Первоначальное название рассказа «Сподручица грешных».

5. Совет Народных Комиссаров РСФСР «в целях пресечения спекуляции, восстановления твердых цен и правильной организации снабжения населения хлебом исключительно через советские продовольственные органы» с 1 октября отменил действия постановлений Московского и Петроградского Советов о ввозе продовольствия в эти города. Были созданы заградительные отряды для пресечения «незаконного» провоза муки и других продовольственных продуктов (Собр. узаконений и распоряжений рабочего и крестьян. правительства 1918. № 71. 2 окт. Отд. 1. Стб. 775).

№ 193

24 сентября 1918 г. Лебедянь

24 IX—1918. Лебедянь.

Нынче или завтра Агра выезжает с 1 ½ пудами муки и пшена в Питер. Ум у меня совсем раскорячился, не знаю, где быть придется зимой — тут, в Лебедяни, или в Питере. Плохо, в конце концов, и

тут, и там. Тут в доме тесновато, и не по нутру мне вся здешняя жизнь. А в Питере — будет голодно и, может быть, холодно, и еще миллион вещей. Но на всякий случай решил муку послать: не нужна будет — продадим.

Хочется посоветоваться с Вами, Вы у меня, Милуша, разумная. А как посоветоваться: я Вам послал три письма — от Вас получил только одно.

Вот что я делаю: я посылаю Вам телеграмму о выезде Агры. Может быть, Вы приедете в Питер, а оттуда (я не знаю, когда вообще переселится вся Березайка¹ в Питер) — в Лебедянь? Ведь, помнится, Вы около 1-го окт<ября> уже собирались в Питер, а я бы еще посидел здесь недели 2—3, пока хорошая погода. Что Вам одной делать в Питере? После 1-го или около 1-го, думаю, мешочническая волна кончится (действие декрета до 1-го), ехать будет не так скверно, как мне. А приедете — я буду рад Вам, как радовались Жук и Мушка всякому Вашему выходу из Березайского дома, и так же буду прыгать около Вас. Агра будет здесь. Вам прежней мучительной возни со мною не будет. Вы — после Березайского черного — покормите здесь белым хлебом и, если хотите, начнете работать в больнице². Может быть, решим организовать здесь и зиму, а, может быть, вместе поедем в Питер.

Теперь вот у Вас в Питере какие дела — если, разумеется, Вы поедете в Питер.

1) Выяснить с Витгенбергом все относительно моих книг: как идет печатание, взят ли выбранный мною шрифт, какая бумага, что относительно обложки, насколько нужно мое присутствие и пр. Телеф<он> Витгенберга, Михаила Борисовича, 5-04-70 (около 3-х и после 6).

2) Хорошо повидаться с Чуковским, узнать у него относительно сборника «Петербург»².

3) Узнайте, если можно, действительно ли лиц от 18 до 45 из Питера не выпускают, т. е. если захочу поехать туда на время — грозит ли опасность застрять там совсем?

4) Узнать (м<ожет> б<ыть>, через Ку<н>кина — от Боклевского) освобождаются ли от призыва в Красную армию преп<одаватели> высших учебн<ых> заведений? И что вообще питерская публика предпринимает в этом отношении. Вопрос-то ведь серьезный.

Если бы вздумали ехать и пришлось бы быть в Москве — вот адрес Полонского: Малая Дмитровка, 3, кв. 17 (около Страстного Монастыря), или служебный: Варварка 1, дом «Деловой Двор», Управляющий делами Центротекстиля.

Я себя веду плохо. Прескверно сплю; невзирая на отличное питание — кажется, не толстею; колитически — не очень замечателен; тьму курю; мало гуляю; много сижу за письменным столом — и больше все зря.

Долго возился с «Пирогом», но все-таки привел его в такой вид, что не совестно выставить на показ³. Начало — все заново. Около недели затратил на подготовку материала для публичной лекции, которая и состоялась в воскресенье. Народу было много: собрались глазеть на чудо природы — живого человека, печатающего (говорят) книжки. По соображениям цензурного характера сюжет был переменен, и вместо «Современной Англии» — была «Современная литература»⁴. Заняло все это развлечение около двух часов. Не подзрел, что еще не отвык совсем от публичных выступлений: на эстраде чувствовал себя неприлично спокойно. Лекция шла под флагом Народного Ун<иверсите>та. С Лебедянского К<омите>та Просвещения слушало за лекцию руб<лей> 200, минимум — полтора.

До эстрады, и после эстрады — все время живу в своей норе. Незамечательное настроение.

Ну вот, Милуша. Осмотритесь там, в Питере и на Широкой 29: есть ли в доме дрова, есть ли в городе что-нибудь, кроме воблы, и прочее. Если Вам не будет охоты тащиться в Лебедянь и если для меня нет особого риска ехать в Питер — или нужно — сообщите: я выеду раньше. А нет — приезжайте, и отсюда куда-н<и>б<удь> вместе.

Боюсь, что яблок послать не удастся: в поезде творится ужасное (последние дни декрета) и еле-еле удастся (если удастся) сесть с мук<ой>.

Е.

P.S. М<ожет> б<ыть> у Кункина есть разрешение на провоз 1 ½ пудов для меня — возьмите. Он живет теперь Гатчинская 7, кв. 8.

Хорошо бы почитать теперь к<аких>-н<и>б<удь> книжек новых, хоть «Былое»⁵.

Увидите Даманскую — крадите у ней книг и передайте благодарность за сахарин и деньги — и за книгу ее⁶.

Посылаю ящик груш и яблок.

*) Как врачу, Вам и по здешним совдепским законам, кажется, полагается особая приемная комната, так что можно будет устроиться.

1. Станция Николаевской железной дороги (Валдайский уезд).

2. Вероятно, об этом же сборнике спрашивал Замятин В. П. Полонско-го в письме от 11 сентября 1918 г.: «Что узнали относительно альманаха, затеваемого Чулковым, Архиповым и прочими?» (РГАЛИ. Ф. 1328, оп. 1, № 147. Л. 2).

3. 24 сентября 1918 г. Замятин писал А. М. Ремизову: «У Шишкова — есть мой рас<сказ> „Пирог“, на ½ листа, предназначенный для Киевского альманаха. Если этот Киевский разладится — давайте рассказ куда-нибудь» (Цит. по: *Замятин — Ремизову*. С. 179). Рассказ под названием «Сподручница грешных» был впервые опубликован в альманахе «Пересвет» (М., 1922).

4. Текст этой лекции, прочитанной 9(22) сентября в Лебедянском народном университете, опубликован в изд.: Соч. Мюнхен. Т. 4. С. 348—365.

5. «Былое» — журнал, посвященный истории русского революционно-го движения. Выходил в 1900—1904, 1906—1907, 1917—1926 гг.

6. Даманская Августа Филипповна (1875—1959) — писательница, близкий друг Л. Н. и Е. И. Замятиных. В 1918 г. петроградское издательство «Жизнь и знание» выпустило две ее книги: «Где-то там» и «Стеклянная стена».

№ 194

19 октября 1918 г. Лебедянь

6/19—X—1918. Лебедянь.

Так жалко мне, что Вы не приехали в Лебедянь. Эти две недели тут было удивительно. Синее небо — без единого облачка, тишина — стеклянная, жарко. По утрам — часа полтора—два работал («Север»¹) в саду, пока не начинало уж очень припекать. После обеда брал подушку и с книгой уходил лежать где-нибудь на лавочке в саду. И все это — без пальто, в одном моем голубом golf-jacket*, — это в октябре-то!

Ну, а сегодня лето кончилось. Еще тихо, но уже прохладно, небо серое.

А я как раз вчера кончил переделку «Севера» и рассчитывал несколько дней погулять, поболтаться на солнце.

---

* куртка для игры в гольф (англ.).

«Север» — потолстел, появилось несколько новых действующих лиц. Впрочем, два раза переписать — мне, конечно, мало: в Питере — еще раз надо.

От хронического недосыпания (высыпался только первые два—три дня по приезде; за остальное время — кажется, только раз выпал восемь часов, а то все 6—7) — работалось очень трудно и медленно. Авось в Питере раз, другой лягу часа в два — и отвыкну просыпаться в 6 часов (такое у меня правило).

Ехать будет трудно. Провезти, может быть, ничего не удастся, или очень мало: на неск<ольких> промежуточных станциях от Лебедяни до Москвы — нещадно и не считаясь ни с какими декрета-

В Государственный Контроль
при Народном Комиссариате по Просвещению.

В виду того, что содержание за март месяц с.г. части лиц, оставшихся в Удательстве Союза Деятелей. Удовольствованной Литературы и части членов Редакционной Коллегии уже выплачено, нижеподписавшиеся просят уплатить за март месяц всем остальным Членам Редакционной Коллегии.

А. А. Блок

Н. С. Гумилев

Е. И. Замятина

К. Чуковский

Д. С. Мережковский

331574

Подписи-автографы А. А. Блока, Н. С. Гумилева,
Е. И. Замятина, К. Чуковского, Д. С. Мережковского на заявлении
в Государственный контроль при Наркомпросе. 1919 г.

ми — отбирают. Максимум на что можно рассчитывать: полпуда, из них фунтов десять печеного хлеба. Вот жалко нет Вас и Агры: втроем протащили бы уже 1 ½ пуда. Никакие охранные и разрешительные грамоты не помогают.

А еще жалко — не поедите Вы яблок. Тут яблоки так валяются, почти не едят их. Всякий раз иду в амбар: пахнет антоновкой, коричневым деревом — и Вас вспоминаю: вот бы — припустить, как захрустели бы яблоки.

Жалко, что не приехала: стала бы здесь, конечно, еще красивее. И Дадока, бедный, может быть, немного подрос бы тут.

Скажите ему: скоро приеду. Выеду в среду, четверг — что-нибудь в этом роде. В Москве — м<ожет> б<ыть>, остановлюсь на сутки² (если поеду с Пришвиным вместе — он, ведь, тут рядом, в Ельце³), а может быть — и прямо.

Евг З

1. См. подробнее наст. изд., коммент. к публикации повести «Север».

2. Замятин решил задержаться в Москве. На следующий день он писал В. Полонскому: «Где Вы, Вячеслав Павлович? На Варварке — или на островах Таити? <...> В конце недели, может быть уже буду в Москве проездом. Дайте свой адрес, хочу повидать<ся> с Вами» (РГАЛИ. Ф. 1328, оп. 1, № 147. Л. 1).

3. Писатель Михаил Михайлович Пришвин (1873—1954) жил у родных в с. Хрущево Орловской губернии, неподалеку от Ельца.

№ 195

Лето 1920.¹ Петроград

Милые Милуса и Миса².

Очень жаль, что до завтрашнего вечера Вас не увижу. Но что поделаешь — назвался груздем. А жарница-то какая! В городе так скверно и так завидно, что вы там дачники...

Завтра в 11 уже д<олжен> быть в театре: продолжается читка³. С шестичасовым — выеду. Обедаю на веранде в Ермоловке⁴. Б<ыть> м<ожет>, Агриппине П<авловне>⁵ совсем не приезжать завтра? Чай кой-как сделаю себе.

Очень устал позавчера и особенно вчера, так что вечерами не мог даже никуда пойти; м<ожет> б<ыть>, только сегодня соберусь к Шишкову.

Запросил за «Лира» 50 000 (Усова: «Дуррак!»). А вот и не дурак — потому что я вру: я загнул не 50 000, а ... двести пятьдесят — за одно-

го «Лира». Каково? Меньше двухсот не возьму; боюсь, что согласятся и на двести пятьдесят. За «Шейлока»⁶ — поменьше, особо.

В Горохре⁷ не берут простой карточки. Не знаю, что сделать, посоветуйте. В институте можно сдать простую, но нужно дать подписку, что я нигде не получаю красноармейского пайка; тогда в Горохр — переучетную.

Завтра с шестичасовым едет Шапошников⁸ — передайте это (влюбленной в него) Липе⁹, Шапошников привезет сп<ирт>. Едет, кажется, Ремизов.

Посылаю 2 письма Вам. Звонила Вам Гегелло¹⁰.

Е.

1. Датируется по содержанию.

2. Миса или Миша — кукла, плюшевый мишка. См. примеч. 3 к п. 196.

3. Летом 1920 г. Замятин и А. А. Блок редактировали перевод А. В. Дружинина трагедии В. Шекспира «Король Лир» для готовящейся постановки в Большом драматическом театре. Премьера — 21 сентября 1920 г. (см. записи А. А. Блока от 4 и 27 мая, 27 июля, 3, 4, 6, 10, 12, 17 и 20 августа, 10, 14, 17 и 21 сентября // Блок А. Записные книжки, 1901—1920. М., 1965. С. 492—493, 497—499, 501—502). В примечаниях к ним В. Н. Орлов указывал: «Сохранился машинописный экземпляр „Короля Лира“ в переводе А. В. Дружинина, испещренный поправками Е. Замятина и Блока (собрание В. Н. Орлова)» (Там же. С. 598). Местонахождение этого экземпляра в настоящее время составителям неизвестно.

4. Речь идет о даче Литературного фонда, которую на летний сезон Замятин получил в качестве сотрудника издательства «Всемирная литература». Н. А. Тихонова, дочь издательского работника А. Н. Тихонова, вспоминала: «Сотрудники „Всемирной литературы“ и „Дома Искусств“ получили на лето 1920 года целый дачный поселок — Ермоловку по Сестрорецкой железной дороге. Дач было много, всем хватало, но все они были разграблены, и в них оставались только стены, подчас нарядные. Соседями нашими были Шалапины, Чуковские, Анненковы, Замятины, Гржебины, Познеры, Ремизовы и многие другие» (Тихонова Н. А. Девушка в синем. М., 1992. С. 36). По воспоминаниям Н. Чуковского, Замятины здесь же провели лето 1918 г. (см.: Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 63—64).

5. См. примеч. 1 к п. 120.

6. Второе название пьесы В. Шекспира «Венецианский купец». Над текстом перевода для постановки в Большом драматическом театре, вероятно, работали Блок и Замятин (см. Записи Блока от 10 июня, 23 и 27 ноября // Блок А. Записные книжки... С. 494, 508; см. также письмо Замятина к

А. Н. Бенуа от 9(22) августа 1920 г. // *Темы и вариации*. Р. 359—362). Премьера спектакля состоялась 27 ноября 1920 г.

7. Городской отдел охраны памятников искусства.

8. Шапошников Николай Александрович — ассистент Петроградского политехнического института, поэт. О нем см. коммент. А. М. Грачевой к Дневнику А. М. Ремизова за 1917—1921 гг. (Минувшее: Ист. альм. М., 1991. Т. 16. С. 538).

9. Вероятно, Гальперина-Гринштейн Олимпиада Борисовна, сестра Е. Б. Анненковой, жены художника Ю. П. Анненкова.

10. Можно предположить, что имеется в виду Серафима Павловна (урожд. Довгелло, 1876—1943) — палеограф, жена Алексея Михайловича Ремизова, которая была знакома с Замятиными.

№ 196

13 мая 1921 г. Дно

Дно. 30 апр. 1921. 4 часа н<очи>

Путешествую. Что же было бы за путешествие без приключений? Первое — с Петербурга: никакого спального вагона не оказалось, и мы просидели с Добужинским¹ (и прочими международными пассажирами) в вагон-ресторане за столиком (пустым) до 3 ч<а-сов>. — Дно. Ночь дов<ольно> теплая. Я вытащил пальто. Сидим около вокзала на скамейке. Воздух — соколовский². Поужинали (какая телятина! какие котлеты!). Собираемся пить чай — тут же, на воздухе. Завтра утром — к куму. Пришел петерб<ургский> поезд: с ним посылаю письма.

Поклон Вам, Р<остиславу>, М<ише>³, А<графене> П<авловне>.

Е 3.

1. Добужинский Мстислав Валерьянович (1875—1957) — живописец, график, театральный художник. Он и члены его семьи — жена Елизавета Осиповна (урожд. Волькенштейн, 1875—1965), сыновья — Ростислав (Стива) и Всеволод (Додя) — были дружны с Л. Н. и Е. И. Замятиными.

2. Вероятно, Замятин вспоминает воздух в селе Соколово Тамбовской губернии, Кирсановского уезда на реке Ирке, где он бывал вместе с Людмилой Николаевной.

3. Речь идет о куклах (Ростиславе или Растопырке и плюшевом Мишке). Подробнее о них рассказала Ирина Николаевна Пунина в письме к научному сотруднику Отдела рукописей РНБ Н. И. Крайневой от 5 июля 1990 г.: «У Замятиных, когда они еще жили в Ленинграде, было две куклы: Ростик — мальчик в брюках и курточке и Мишка. Они жили в шкафу на

одной из верхних полок. Когда Анна Андреевна <Ахматова — М. Л.> навещала их <Замятиных — М. Л.> перед их отъездом за границу, она часто брала меня с собой. В то время как взрослые разговаривали в дальней комнате — мне обычно Л<юдмила> Н<иколаевна> доставала эти куклы, и я играла с ними. Однажды я тихо спросила: „Почему у вас нет настоящих детей?“. Этот вопрос возник после того, как Л<юдмила> Н<иколаевна> мне подробно рассказывала, как она гуляет с ними, кормит, укладывает спать. Мне показалось, что так можно заниматься только с настоящими ребятами. Л<юдмила> Н<иколаевна> ответила: „Сейчас нам нельзя иметь настоящих детей“» (ОР РНБ. Ф. 1073). Куклы Ростислав и плюшевый Мишка стали для друзей семьи Замятиных ее полноправными членами. Им посылают приветы, дарят книги и фотографии (см. Каталог. № 54, 74, 76, 83). Художник Ю. Анненков, рисуя в 1921 г. портрет Замятина, изобразил справа от него Ростислава с поднятой рукой (см. *Анненков*. С. 245). Позднее качества, которыми наделили кукол, Замятин иногда приписывал себе и своим друзьям. Л. Н. Лунца — члена содружества «Серапионовы братья» Замятин сравнивал со своим «чудесным плюшевым Мишкой» (*Соч.: Мюнхен*. Т. 4. С. 532). Далее в письмах Замятин называет Ростиславом актера М. А. Чехова (см. п. 222 и 253); от имени «Ростислав» Замятин образует новое слово — глагол «оростиславеть», означающий «потерять волю, поддаться течению жизни».

№ 197

18 мая 1921 г. Холомки

Среда. 18—V, 1921. Холомки¹

Есть оказия отправить письмо. Пишу его, глядя из окна на осколочек Шелони, лес и поля, а под окном — пастух играет на жалейке. Очень хорошо. Погода все время чудесная; позавчера была гроза. Пухнут мои записные книжки. Масса материала. Пробыл бы здесь дольше, да дела в Питере, 23-го — вечер в Доме Искусств².

Вероятно, вернусь через Псков в понедельник 23-го или в среду³). Поклон Расте и Мишке.

Евг З.

¹) Поезда ходят через день.

1. В «Холомках», имении князей Гагариных (Псковская губерния, в 25 верстах от г. Порхова) и в соседнем имении Новосильцовых «Бельское устье» была организована под эгидой «Дома Искусств» колония для петроградских писателей и художников. О событиях, происходивших там летом

1921 г., см.: Анненков. С. 248—251; Милашевский В. А. Вчера. Позавчера... . 2-е изд., испр. и доп. М., 1989. С. 227—237; Чуковский. С. 159—160, 175—181; Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. С. 93—99. Сохранился альбом дочери князя А. Г. Гагарина Софьи Андреевны Гагариной с рисунками Н. Э. Радлова и С. А. Гагариной — на них изображены обитатели «Холомков», в том числе Е. Замятин. Альбом хранится в семейном архиве А. П. и Т. В. Гагариных (Петербург).

2. На 23 мая в «Доме Искусств» был назначен вечер с участием Е. И. Замятина, Н. Н. Никитина, Л. Н. Лунца, М. М. Зоценко. Замятин на вечере не был. «Замятин в деревне — не приехал», — записал К. И. Чуковский 24 мая в своем дневнике (Чуковский. С. 170).

3. Слово «среди» вписано Замятым позднее вместо зачеркнутого «вторник».

№ 198

12 июня 1921 г. Москва

Воскресенье 12—VI—1921.

Открытку с адресом куда-то заложил — беру у Зивы¹. Ночь прожили в купе вчетвером. К сожалению, моя спутница и девица напротив прострекотали часов до 3-х. Заснул поздно, но все-таки спал часов 5—4 и чувствую себя вполне прилично. От сиденья в вагоне и лежки — безо всякой суеты — уже отдохнул как-то. День прохладный, ехать хорошо (пишу в вагоне — за ¼ ч<аса> до Москвы).

Зив берет извозчика и едет к себе на Маросейку. Кажется, я использую ее изв<озчика>, заброшу к ней вещи и оттуда буду звонить Ашукину², Крылову³. А, м<ожет> б<ыть>, и ночью на Маросейке с комфортом: все будут на даче, включая болтушку Зив. Не скучайте. И пусть мальчишки не скучают.

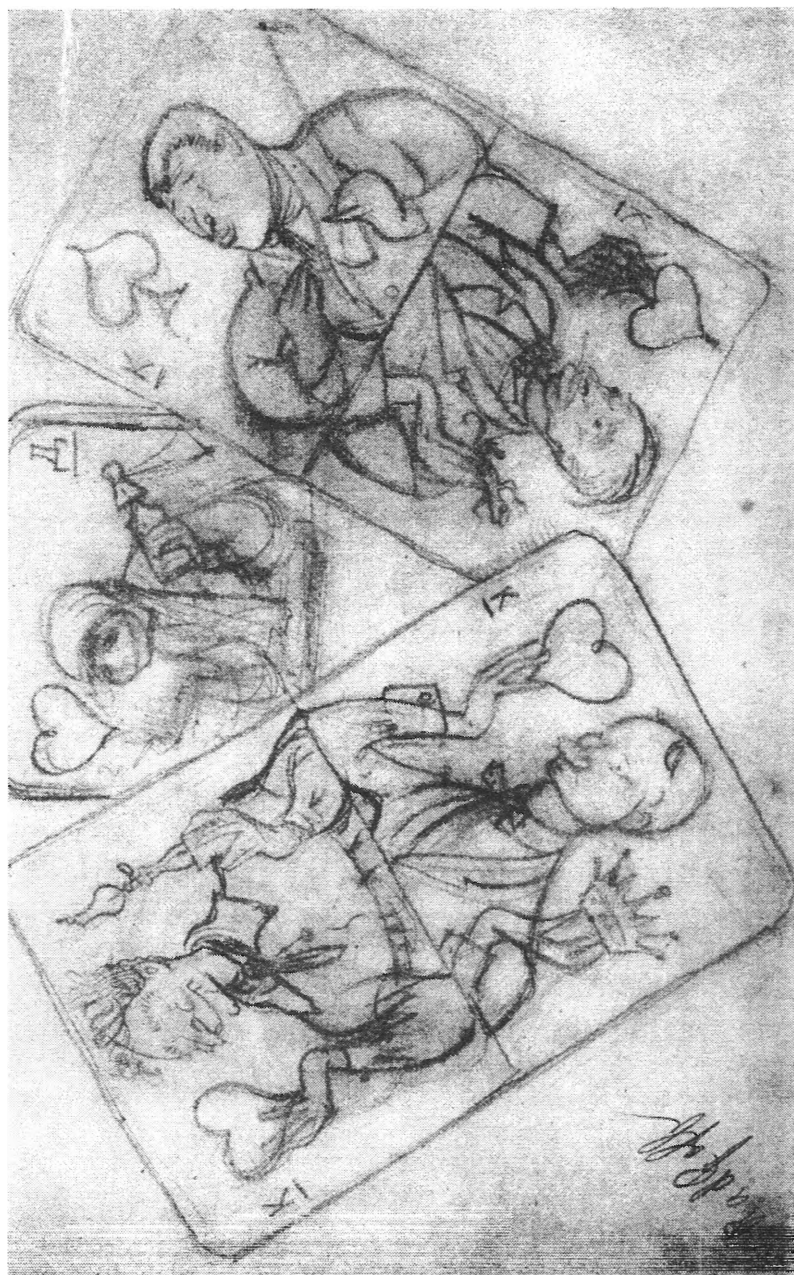
Е 3

Сегодня ночью на Маросейке. Иду обедать к Ашукину⁴. Завтра, вероятно, переберусь к Крылову, созвонился с ним.

1. Письмо Замятина — на именной открытке технической конторы М. В. Зива. Максим Васильевич Зив — инженер, бывший владелец Торгового дома пишущих машин в Петрограде и Москве. Его дочь Ольга Максимовна Зив (1904—1963) — писательница, член «Цеха поэтов», занималась в семинаре Н. С. Гумилева вместе с К. И. Чуковским и В. С. Познером, позднее работала репортером газеты «Комсомольская правда».

Е. И. Замятин в Холомках. Худож. Н. Э. Радлов. 1921 г.

Е. И. Замятин в Холможках. Худож. Н. Э. Радов. 1921 г.

2. Ашукин Николай Сергеевич (1890—1972) — литературовед, поэт, библиограф.

3. Б. В. Крылов. См. примеч. 7 к п. 1.

4. О приезде Замятина в Москву Ашукину сообщил Борис Андреевич Пильняк в своем письме от 22 мая 1921 г.: «Замятину я написал еще неделю назад,— про тебя, про все... Он тебя предупредит телеграммой. Я думаю он приедет в воскресенье 5 июня...» (Цит. по: Пильняк — Замятину. С. 123).

№ 199 ¹

17 июня 1921 г. Москва

Пятница 17—VI—1921. Москва

Милая Мила Николаевна. Отправил Вам одну открытку, в день приезда, другую — в среду — с оказией (не надеюсь). В Лебедянь, по-видим<ому>, не удастся проехать: в справ<очном> сказали, что с 6 мая движ<ения> от Аст<апово> до Ельца нет. Сегодня один человек навел справки на вокзале: тот же ответ. Завтра еду, д<олжно> б<ыть>, к Пильняку ² (он уехал домой позавчера) — до вторника или среды. М<ожет> б<ыть>, по возвращении выяснится что-н<и>-б<удь> еще новое отн<осительно> Леб<едяни>. Если нет — в воскресенье или понед<ельник> вернусь. В понед<ельник> 13-го читал в Союзе Пис<ателей> («Ловца» ³). Старики — ругались очень, молодые — хвалили. Читал во вторн<ик>, ради денег (35 т<ысяч>), в Союзе Поэтов ⁴ 2—3 сказки. В пятницу на след<ующей> нед<еле> читаю в Доме Печати ⁵; и на след<ующей> же неделе — у имажинистов ⁶ (50 т<ысяч>). Вчера был у Зиновия ⁷; денег еще нет; может будут в конце след<ующей> нед<ели>. Видел Тихонова ⁸. Сегодня иду на засед<ание> Союза Пис<ателей>.

Пятница 17—VI—1921. Москва

Живу не у Бориса, а у Ив<ана> Касаткина ⁹ — есть такой писатель (очень славный, похож — на Засупоно Смирнова ¹⁰). Это — в центре (Шеремет<ьевский> пер<еулок>, 5-й Дом Советов, кв. 78), но приходится жить нелепо: ложусь в 3—4, недосыпаю хронически. Питаюсь не замечательно.

В одном дворе со мной, оказалось, живет Липочка. Иду позавчера — глядь, она. Отощала. Сводила меня в «Летучую мышь» ¹¹.

Сегодня (сейчас) звоню Крылову и иду к нему (заходил к нему ненадолго в воскресенье), и на обр<атном> пути к Вепринцеву ¹². Узнал, что есть бесперес<адочное> сообщение из Москвы на Челябинку через Самару — Уфу.

В общем — устал, и рад буду вернуться в Питер, засесть за работу. Не скучайте. И скажите, чтобы Миша и Ростя не скучали.

ЕЗ

1. Письмо на двух открытках.

2. Борис Андреевич Пильняк (Вогау, 1894—1938) — писатель, до 1924 г. жил в Коломне. Замятин познакомился с Пильняком весной 1921 г., когда тот приехал в Петроград. Знакомство переросло в многолетнюю дружбу. Сохранились 16 писем Замятина к Пильняку (1921—1930-е гг.; ИМЛИ). Они опубликованы сыном Б.Пильняка Борисом Борисовичем Андроникашвили-Пильняком в 1994 г. (см.: Знамя. 1994. № 9. С. 123—153).

3. Рассказ Замятина «Ловец человек», опубликован в журнале «Дом Искусств» (1921. № 2).

4. Всероссийский союз поэтов — профессиональное творческое объединение поэтов разных литературных школ, групп, направлений; возник в 1918 г. В первые годы существования его деятельность в основном сводилась к организации вечеров поэзии, литературных судов, лекций и диспутов. Союз поэтов с осени 1919 г. занимал помещение бывшего кафе «Домино» (Тверская ул., 18). Здесь было открыто Кафе поэтов и находилась комната Президиума Союза поэтов.

5. Дом Печати находился по адресу: Никитский бульвар, Арбат, 8.

6. Вероятно, в кафе «Стойло Пегаса» (Тверская ул., 37), где собирались имажинисты. Об атмосфере, царившей здесь, см.: С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 384.

7. Гржебин Зиновий Исаевич (1869—1929) — художник, издатель. Некоторое время Гржебин заведовал издательской частью «Всемирной литературы», в 1919 г. основал свою фирму «Издательство З. И. Гржебина», с отделениями в Петербурге, Москве и Берлине. Здесь, вероятно, речь идет о гонораре за сборник «Островитяне» (выпущен издательством З. И. Гржебина в Петрограде в 1922 г.) или за повесть «Север», опубликованную в «Петербургском альманахе» (Пб., 1922).

8. Тихонов Александр Николаевич (Серебров, 1880—1956) — писатель, издательский работник, в 1918—1924 гг. заведовал издательством «Всемирная литература».

9. Касаткин Иван Михайлович (1880—1938) — писатель.

10. Смирнов Александр Александрович (1883—1962) — литературовед, переводчик, в это время был экспертом по западноевропейской литературе Средневековья и Возрождения в редколлегии издательства «Всемирная литература». Замятин ласково называет его засупоней. Засупоня — народное слово, от «супонь» (упряжь) — растяпа, не умеющий обращаться с упряжью.

11. Московский театр-кабаре «Летучая мышь» Н. Ф. Балиева (1908—?) располагался в Большом Гнезниковском пер., 10. В 1920 г. руководитель театра Н. Ф. Балиев и значительная часть труппы уехали за границу.

12. Вероятно, Вепринцев Сергей Николаевич — издательский работник, позднее был редактором газеты «Новая Шанхайская заря», в 1926 г. создавал Китайско-русское общество культурных связей.

№ 200

20 июня 1921 г. Коломна

Коломна. Никола-на-Посадах. 20—VI—1921.

Вот мои дальнейшие приключения. В субботу выехал из Москвы в Коломну. На Рязанском вокзале — очередь через весь вокзал и на улице. Уехать, конечно не удалось бы, если бы не подвернулась какая-то баба: «Не надо ли билетик в Коломну?» Купил за четыре булочки из сделанных Вами. Ехал часа 3 ½—4 в теплушке, в полов<ине> двенадцатого был в Коломне. На вокзале — Пильняк.

Домишко его — деревянный флигелек о 4-х комнатах, безалаберный. Вы бы на другой день умерли здесь от беспорядка, от того, что самовар и хлебные крошки до трех часов на столе, и от того, что книги — где попало — на сундуках, на столах, на полках.

Жена — молчаливая, веснущатая¹, беременная врачиха², с утра — в больнице. Прислуга — Лиза, и у Лизы — прическа гораздо лучше, чем у хозяйки.

Но зато Коломна — чудесная: кремль, башни, монастыри, соборы, церкви, Москва-река, Ока. Самый Никола Пильняковский (домик к<оторы>й Пильняк снимает — в церковной ограде) — прелестный. К сожалению, у этого Николы — очень зычный голосина, и вот, напр<имер>, сегодня, на Духов День, он заорал в 9 утра, а легли — в полтретьего (тут по солнцу живут).

Вчера с утра бродили по Коломне, заходили в церкви, слазили на две колокольни и на Кремлевскую стену. Пообедали (кислые щи с куском гуся и каша с молоком); хотел лечь спать после обеда — Пильняк не дал. В 5 ч<асов> пошли в гости за 7 верст — к инженерам цементного завода; вернулись в полвторого. Не высыпаюсь хронически. Сегодня постараюсь лечь рано.

На нынешний день — планы такие. Сейчас — начало первого. В час пойдем на Съезд Советов. Это любопытно. В 3 — обед (вчера приятель принес Пильняку в подарок рыбину — будет рыба). Потом — спать. Потом кой-куда прогуляемся. Вечером — почитываем друг дружку: я — Пильняка, Пильняк — меня. Завтра — не знаю

что. Послезавтра — вероятно, в Москву. Отсюда ходит какой-то автомобиль в Москву: Пильняк хочет устроиться так, чтобы нам ехать на авто. Это было бы самое приятное.

В среду в Москве будет Горький³. Мне еще нужно кончить с ним и Гржебиным кое-что, зайти к Вепринцеву, попытаться устроить Ваше путешествие.

В пятницу, как уже писал в открытках, читаю в Доме Печати; в четверг или субботу — у имажинистов.

Относит^{ельно} своего путешествия в Лебединь — пребываю в неизвестности. Целый ряд сведений, что проехать туда нельзя; а с другой стороны — Липочка уверяет, что одна ее знакомая девица уехала в Елец. Не знаю. Думаю — едва ли удастся.

Очень изводит — недосыпание. За последний месяц — я, кажется, всего только раза 2 спал по 8—9 часов. Голова — совсем садовая, впечатления воспринимаются плохо.

Заварил дело с пьесой⁴: делаю попытку устроить ее к Незлобину⁵. Человек, к^{оторый} передаст ее туда (Юрий Соболев⁶), боится, что пьеса окажется нецензурной. Не знаю. Увидим.

Ну вот и все. Если не выйдет путешествие в Лебединь — в начале след^{ующей} недели буду в Питере, хотя Пильняк усиленно зовет опять вернуться в Коломну.

Жму руку Р^{остиславу} и М^{ише}.

В пятницу был на засед^{ании} Правл^{ения} Союза Пис^{ателей}. Познакомился с Айхенвальдом⁷. Он очень хвалил «Ловца человек». Похож на Ремизова.

Е.⁸

1. Так у Замятина.

2. Соколова Мария Алексеевна — врач, первая жена писателя Б. А. Пильняка.

3. А. М. Горький в 1919—1922 гг. входил в редакционный совет Издательства З. И. Гржебина.

4. Речь идет о пьесе Замятина «Огни св. Доминика» (1920). Она была написана для Секции исторических картин при издательстве «Всемирная литература», но поставлена не была (см. подробнее: *Автобиография*—31. С. 13).

5. Театр Незлобина был создан в Москве в 1909 г. антрепренером, режиссером и актером Константином Николаевичем Незлобиным (1857—1930). В 1917 г. был преобразован в товарищество актеров. В декабре 1921 г. передан в ведение управления государственными академическими театрами. В 1922 г. соединился с театром РСФСР 1-м и стал называться «Театр Актера».

6. Соболев Юрий Васильевич (1887—1940) — театровед, критик, историк литературы.

7. Айхенвальд Юлий Исаевич (1872—1928) — критик, литературовед, в 1922 г. был выслан из Советской России.

8. На обороте первого листа Б. Пильняк сделал приписку: «Шлю нижайший поклон. Пишу на приступке, на улице, у почтового ящика. Целую ручку. Бор. Пильняк».

№ 201

25 июня 1921 г. Москва

Суббота, 25—VI—1921. Москва

В четверг вернулся от Пильняка — на автомобиле; встать пришлось в 5 утра. Лег — в 2 (все Пильняк меня разговаривал). Поселился теперь у Бориса. Прокорм ничего, но не высыпаюсь хронически: Б<орис> ложится в 2, в 3 — встает в 9—9 1/2. — Вчера читал — в Доме Печати. Читал «Ловца» и «Пещеру»¹. Сверх всякого ожидания прошло с успехом: тут обыкновенно ругают нещадно. После чтения выступало 4 челове<ека>, 5-ый Полонский. Из них ругались за «Пещеру» только одна ком<мунист>ка, остальные — хвалили. Ком<мунист>ку я выбрил недурно в заклоч<ительном> слове, ибо был в ударе. Заплатили 50. В понед<ельник> читаю у имажинистов: невредны будут лишние полсотни. — В Доме П<ечати> был Вепр<инцев>. Долго с ним беседовал после; от него оконч<ательно> узнаю отн<осительно> Лебедяни сегодня или завтра. Моя справка (справлялся сам на Пав<елецком> вокз<але>) пока неутешительна: путь м<ежду> Аст<апово> и Ельц<ом> разрушен, и где-то там — Антонов². В Доме же Печати встретил Надежду Львовну³ (помните такую?); м<ожет> б<ыть>, через нее удастся сделать удобное путеш<ество> для Вас в Златоуст. Во вторн<ик> утром идем к Лунач<арскому>⁴ насчет газеты⁵.

Если не поеду в Леб<едянь> — во вторник выеду.

Получил 2 Ваши письма: в Коломну и через Добуж<инского>⁶.

Е

1. Рассказ «Пещера» был написан в 1920 г., опубликован в журнале «Записки мечтателей» (1922. № 5).

2. Антонов Александр Степанович (1888—1922) — член партии социалистов-революционеров с 1906 г., возглавил крестьянское антибольшевистское восстание в Тамбовской и Воронежской губерниях в 1920—1921 гг. Убит при аресте 24 июня 1922 г. в Борисоглебском уезде.

3. Вероятно, Надежда Львовна Гинзбург. В 1921 г. она вышла замуж за Самуила Мироновича Аланского.

4. Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — государственный деятель, писатель, критик, в 1917—1929 гг. — народный комиссар просвещения.

5. В 1921 г. Замятин вместе с А. Н. Тихоновым, А. Л. Волынским и К. И. Чуковским вошел в Редакционный совет основанной Всероссийским союзом писателей «Литературной газеты» (подробнее см. наст. изд.: коммент. к публикации статьи «Пора»).

6. М. В. Добужинский находился в Москве, где вел переговоры о постановке пьесы А. Блока «Роза и Крест» во 2-м Театре МОНО (бывшем Незлобина).

№ 202

23 сентября 1921 г. Москва

Москва. Пятница 23—IX—1921.

Ехали в купе втроем (во всех купе так). У м-ме Финкельштейн¹ (она оказалась м-ме, немедленно всем сообщила автобиографию) через полчаса, после того, как легли спать, случился припадок аппендицита. Спутник по купе бегал за горячей водой — бутылки и т<ак> д<але>. Прошло, но она всю ночь не подвязывала языка, зажигала огонь — и уснуть удалось только под утро — на час — 1 ½. В Москве поселился в комн<атах> Всем<ирной> Лит<ературы> у Суткевич². Обедал вчера у Лидина³, хорошо. Сегодня выспался. Скоро двигаюсь на вокзал: записаться в очередь на плацкарту. Запишусь и, м<о>жет> б<ыть>, зайду к Борису. Удастся ли достать плацкарту — и уехать сегодня — не знаю еще. Авань. В Москве тепло.

3 ч<аса>. Уже на вокзале. Судя по справкам, удастся попасть и сегодня уехать. Напишу из Богоявленска.

Растоп<ырке>⁴ поручаю развлекать Вас и следить, чтобы Вы ели яйца, свинину и не простужались.

ЕЗ

1. Финкельштейн (Синайская-Финкельштейн) Варвара Дмитриевна (1872—1940-е гг.) — педагог, писательница.

2. Вероятно, Мария Генриховна Суткевич — секретарь московского отделения издательства «Всемирная литература» (1918—1924).

3. Лидин Владимир Германович (1894—1979) — писатель.

4. См. примеч. 3 к п. 196.

24 сентября 1921 г. Раненбург¹Суббота 24—IX—1921. Раненбург 6 часов

Плацкарту от Москвы получил сидячую, и всю ночь свертывался в крендель, в узел, завязывал себя как галстук. С полчаса, может, дремал. В 10 у<тра> в Раненбурге. Грязный, вида 1918 года, вокзал. Спят на полу бабы и шинели. Мухи, нахальные, как девицы на Невском. И с бабами, шинелями, мухами — сидеть с 10 у<тра> сегодня — до 8—9 у<тра> завтра, когда пойдет поезд на Астапово и Лебединь. Днем ничего, но со страхом думаю о ночи.

Читаю «Анж Пигу»², облегчаю багаж. Обед был из 5 блюд: тресковая котлета (последняя), кусок пирога, яйцо, кружка чаю с хлебом и маслом и яблоко. Провизии хватит, есть еще пирог, яйца, хлеб. Продают кое-что около вокзала — ходил, глядел.

Вчера из Москвы послал открытку. Эту опушу в московский поезд (сейчас придет). На вокзале в Москве читал газету — и вычитал, что главой Д<альне>-В<осточной> Р<еспублики> вместо Краснощекова³, стал Николай Мих<айлович> Матвеев⁴: так и пропечатано с отчеством. Каково?

ЕЗ

1. В 1948 г. город Раненбург был переименован в Чаплыгин (Липецкая обл.).

2. «Анж Пигу» — роман Александра Дюма-отца (1802—1870).

3. Краснощеков Александр Михайлович (1880—1937) — советский государственный и партийный деятель, в 1920—1921 гг. Председатель правительства и министр иностранных дел Дальневосточной республики.

4. Н. М. Матвеев — с ноября 1920 г. член правительства Дальневосточной республики, в августе 1921 — ноябре 1922 г. — Председатель правительства Дальневосточной республики. См. также примеч. 5 к п. 5.

25 сентября 1921 г. Лебединь

Воскресенье, 25—IX—1921.

Наконец — чудеса! — я в Лебедини. Почти не спал последние две ночи (от Москвы до Раненбурга и ночь в Раненбурге), устал, но еще держусь. Тут все очень жалко и бедно. Инда кольнуло даже, когда я видел, каким торжеством был привезенный мной сахар к чаю. Едят плохо. Продали корову — обеспечились хлебом надолго.

Есть своя картошка — и это едва ли не все. Детский сад — по-прежнему. Окна в доме покосились...

Мне провизии хватило: ел вдосталь и еще осталось — неск<олько> кусков пирога, сало (его обнаружил только в Раненбурге), пара яиц, хлеб.

Через неделю, в воскресенье, выеду — хотя это, оказывается, очень трудно (сесть в поезд). В крайнем случае, в воскресенье утром выеду в Елец, и уже там сяду, чтобы ехать прямо в Москву.

Письмо это повезет одна докторша Колпенская¹, к<отора>я сегодня едет в Москву.

Поцелуйте Зеленкову², М<ищу> и Р<остислава>.

1. Вероятно, Колпенская Ольга Николаевна (1872—?) — врач.

2. М. С. Хорошева-Зеленкова. См. примеч. 1 к п. 17. Хорошева бывала у Замятиных на собраниях группы «Серрапионовы братья» (см. *Соч. Мюнхен*. Т. 4. С. 533).

№ 205

26 июля 1923 г. Петергоф

Четверг 26—VII—1923. Петергоф.

Милая Мила Николаевна. Пишу Вам, сидя на балконе морозовской¹ комнаты в Петергофе. Вчера с утра в Петерб<урге> лил дождь — думал, что ехать уже не придется, потом — улыбнулось. На пароход было поздно, поехал поездом 5.50.— Тут средне: народу мало, настроение уныленькое, Морозова нет, Опалова² кисла как то вино, какое мы пили у Шишковых — почти не встает с постели от живота (сегодня спектакль — везут ее на подводе, и уж как будет играть — не знаю). Морозова — жалко: пришел ко мне взять денег, говорит — два дня не ел; понедельник и вторник я кормил его у себя. Во вторник он был у меня с режиссером из Севзапкино Ивановским³.

Я все дни в городе окаянно работал, по Всемирке⁴ кое-что и свою корректуру для «Петрограда»⁵, и проредактировал уже почти половину романа Уэллса для «Мысли»⁶. По возвращении в город — получаю от Вольфсона⁷ еще 100 р<ублей> золотом — за свою статью об Уэллсе⁸.

От Тихонова было письмо в понедельник, где он сообщает о разговоре Абр<ама> Эфроса⁹ с Каменевым¹⁰ и Лидина с Воронским¹¹. Все это как будто говорит (пока), что придется ехать. Мне все равно. Здесь надоело все, тесно, нужно что-то новое.

Очень хорошо, что Вы встретились с Малышевым¹² и поехали в Нижний спокойно. Видите я, пожалуй, прав был, что Вам нужно было выехать в воскресенье. Жду известий из Нижнего.

Сегодня здесь выпался, бездельничаю, читаю Конан-Дойля¹³ и «Мир приключений»¹⁴, очень лениво, спокойно и скушно.

ЕвгЗ.

1. Морозов Александр Николаевич — актер, режиссер, руководитель театральной студии в Петрограде. Летом 1923 г. актеры его студии выступали в санаториях и домах отдыха в Петергофе и Ораниенбауме, артисты снимали комнаты в Петергофе (см.: Тургенев-Цветинович В. И. Студийная молодежь 20—30-х гг.: Воспоминания, 7 нояб. 1979 г. // ОР РНБ. Ф. 1000, оп. 6, № 32. Л. 26).

2. Опалова Евгения Эммануиловна (1901—?) — актриса, в 1923 г. — жена А. Н. Морозова.

3. Ивановский Александр Викторович (1881—1968) — режиссер театра и кино, сценарист.

4. Во «Всемирной литературе» под редакцией Замятина выходили переводы произведений Г. Уэллса, Д. Лондона, Б. Шоу, Э. Синклера, Р. Роллана, О. Генри и др.

5. Вероятно, имеется в виду корректура сборника повестей и рассказов «На куличках» (Пг.; М., 1923).

6. Замятин редактировал для издательства «Мысль» «Собрание сочинений» Г. Уэллса в 12 томах.

7. Вольфсон Лев Владимирович — владелец издательства «Мысль».

8. Статья Замятина «Генеалогическое дерево Уэллса» вошла в первый том Собрания сочинений Г. Уэллса (Л., 1924. С. 7—41).

9. Эфрос Абрам Маркович (1888—1954) — поэт, искусствовед, переводчик.

10. Каменев Лев Борисович (Розенфельд, 1883—1936) — в 1918—1926 гг. председатель Московского Совета.

11. Воронский Александр Константинович (1884—1947) — литературный критик и публицист. С 1921 по 1927 гг. редактор журнала «Красная новь», вместе с Н. И. Бухариным редактировал журнал «Прожектор», возглавлял издательство «Круг».

12. Вероятно, Малышев Сергей Васильевич (1877—1933) — писатель.

13. Артур Конан Дойль (1859—1930) — английский писатель. Собрание сочинений Конан Дойля в 22 книгах на русском языке вышло в 1911 г.

14. «Мир приключений» — ежемесячный иллюстрированный сборник, выпускавшийся издательством П. П. Сойкина в Петрограде—Ленинграде с 1910—1918, 1920—1930 гг. В сборниках регулярно печатались произведения А. Конан Дойля.

31 июля 1923 г. Петроград

Вторник. СПб. 31—VII—1923

Сейчас 10 час<ов> вечера, холодно, серо, осенне. Если так же и у Вас там — я не завидую. По тому, что говорил Мальшев — мне казалось, что должно было быть не так плохо.

«Какая злая воля забросила меня сюда»... Думаю, что отчасти — моя злая воля. Я уехать еще не мог, а чтобы прийти в себя — теперь это я особенно чувствую — мне нужно на время остаться одному. Просто сил больше не хватало выносить Ваш измученный вид и каждую минуту вспоминать, что я — виной, и все эти разговоры. А сейчас я уже отошел немного, уравновесился. Кажется, возвращается прежнее мое состояние «окамененного нечувствия» (об избавлении от которого есть молитва в православной церкви) — состояние последних моих лет, когда жизнь только на поверхности, на один вершок глубины.

И все-таки «злая воля» моя — если она тут и была — может быть, не совсем злая и эгоистическая. Мне как-то обидно было, что Ваша жизнь уперлась в кухню, в мелочи, в Аграфену, в чистую скатерть. И мне хотелось сделать попытку чем-нибудь заполнить Вас (потому что я, кроме огорчений, ничем не способен Вас заполнить). Я еще не уверен, что эта попытка неудачна.

Обо мне — не беспокойтесь, никак. У меня — никаких новых огорчений. К заграничной этой истории¹ — я уже давно привык — как к тем своим ботинкам желтым на пуговицах: хоть и тесны, а могу пройти от Заячьего Ремиза² до Петергофа. Тихонов приехал ни с чем. Был дважды у Лунач<арского>, тот дважды при нем говорил по телеф<ону> с Ун<шлихтом>³, было обещано навести справки — и по сю пору ничего нет. Тихонов пишет завтра письмо, чтобы напомнить Лун<ачарскому>. Обещал выяснить дело и Воронский — и написать мне. Я сейчас буду писать Воронскому. Об «ангелочке»⁴ у Тих<онова> впечатление — как о человеке, от которого чего-н<и>-б<удь> серьезного ждать трудно. Если пришлось бы ехать — ей-Богу, сейчас поехал бы охотно.

В Петергофе было скучно: какие-то сонные, больные. У Опаловой — колит, серьезный, лежит, не вставая. Я прожил там до вечера понедельника, ни разу не выкупался, было холодно — но все-таки отдохнул (почти ничего не делал). Поеду ли еще — не знаю: по газетам — какой-то антициклон, полоса дождей и холодов. — Для Крыма, кажется, надо миллиардов 20—25 на месяц (по сведениям Тих<о>

нова> — только что сидел у него) — и паспорт. — Вы ничего не написали мне о результатах разговоров с Винавером⁵.

«Рассказ о самом главном»⁶ — дальше не двинулся: все занимаюсь редактурой для «Мысли», «Современного Запада»⁷, листами «Всемирной Литературы» и т. д. Сейчас буду читать последнюю, 2-ю корректуру 2-х последних листов «На куличках».

Е.

Приехала Липочка — я еще не видел. Сегодня звонил Соколовскому⁸: он поехал встречать Мэри⁹. Юрий — в Москве.

Тихонов¹⁰ рассказал, что Новицкий¹⁰ написал мне письмо. Письма я не получил — как, должно быть, и многих других.

1. Под «заграничной историей» Замятин подразумевал историю своего ареста в 1922 г. и несостоявшейся высылки из России в 1922—1923 гг. О причинах высылки см. подробнее: *Галушкин*—1. С. 12—23.

Как и многие другие деятели науки и культуры, 17 августа 1922 г. Замятин был арестован в Петрограде. Накануне, 16 августа против него было возбуждено уголовное дело по обвинению в том, что «он с момента Октябрьского переворота и по настоящее время не только не примирился с существующей в России рабоче-крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в момент внешних затруднений для РСФСР свою контрреволюционную деятельность усиливая, т. е. в преступлении предусмотренном ст. 57 Уголовного Кодекса РСФСР. Как меру пресечения избрать содержание под стражей» (Здесь и далее материалы дела Е. И. Замятина цитируются по: Блеер В. Н. Письмо директору ГПБ В. Н. Зайцеву от 21 марта 1991 г. // ОР РНБ. Ф. 292 (Е. И. и Л. Н. Замятины)).

Замятину в тюрьме было выдано постановление о бессрочной высылке из России за подписью Г. Ягоды, а также виза за № 5076 от 11 октября 1922 г. (см.: *Анненков*. С. 262).

Не зная о настроениях Замятина в тюрьме, его друзья П. Е. Щеголев, Е. Б. и Ю. П. Анненковы добились отсрочки приговора (см.: Замятин Е. И. Письмо Ю. П. Анненкову [после 9 сент. 1922 г.] // РГАЛИ. Ф. 2618 (Ю. П. Анненков), оп. 1, № 30. Л. 1—2 об.). «Вследствие постановления комиссии тов. Дзержинского от 31/VIII 1922 г. высылка была отсрочена до особого распоряжения». Замятин был освобожден из-под стражи с подпиской о невыезде 9 сентября 1922 г. (Блеер В. Н. Письмо директору ГПБ...). В тот же день он узнал от Бориса Пильняка, что его высылка за границу не состоится. В конце сентября Замятин вместе с Ю. Анненковым проважал паромом с высылаемыми литераторами на Николаевской набережной в Пет-

роgrade. «Сразу же после этого,— вспоминал Анненков,— Замятин подал прошение о его высылке за границу, но получил категорический отказ» (Анненков. С. 266).

Уже осенью 1922 г. Замятин осознавал невозможность нормальной жизни в России. Он писал А. К. Воронскому: «Я все же кажется поеду <...> за границу. Это и лучше: оставаться сейчас здесь при том отношении ко мне, к<оторо>е созд<алось>, при той травле по моему адресу, к<отора>я сейчас идет (и будет идти) — мне тяжело оставаться здесь. Вы это поймете. Нелегко мне будет и за границей — именно потому, что я не белый, но это уже по-другому, и, думаю, легче. Если меня будут высылать куда-нибудь внутрь России или оставят в Петербурге (пока отобрана подписка о невыезде) — буду просить Вас помочь мне выбраться за границу — на время» (Цит. по: Галушкин—1. С. 16).

На протяжении 1923 и 1924 гг. положение Замятина оставалось неопределенным. О намерении властей выслать Замятина за границу сообщила 13 февраля 1923 г. берлинская газета «Дни», об этом же свидетельствуют письма Б. А. Пильняка Замятину — от 23 января и 3 апреля 1923 г. (см.: Пильняк — Замятину. С. 129—130).

7 июня 1923 г. Замятин писал Я. Н. Блоху: «Всю зиму я прожил вокзально, на сложенных чемоданах — и скоро, по-видимому, начну их распаковывать на время. В феврале мне вручили паспорта — с просьбой выехать в недельный срок. Этого я сделать не мог — взял отсрочку до парохода. А теперь, по-видимому, расхотели расставаться со мной (хотя никакого официального уведомления о том я не имею — но похоже на то). Может быть, не захотят расстаться и позже — Бог весть; но если любовь ко мне окажется не так велика, то летом, позже, возьму паспорт и на некоторое время, приеду». (РГАЛИ. Ф. 2853 (Я. Н. Блох), оп. 1, № 13. Л. 1).

Уголовное дело в отношении Замятина было прекращено по постановлению Ленинградского Губернского Отдела ОГПУ от 8 августа 1924 г.

Материалы следственного дела Е. Замятина частично опубликованы. См.: Лахузен Т., Максимова Е., Эндрюс Э. О синтетизме, математике и прочем...: Роман «Мы» Е. И. Замятина: К 110-летию Е. И. Замятина. СПб., 1994. С. 104—109; Файман Г. «И посадили его в темницу...» // Рус. мысль. 1996. 25—31 янв. № 4110. С. 11; 1—7 февр. № 4111. С. 11.

2. Заячий Ремиз — название дома отдыха в окрестностях Петергофа.

3. Уншлихт Иосиф Станиславович (1879—1938) — в 1921—1923 гг. заместитель председателя ВЧК—ГПУ.

4. Вероятно, Замятин имеет в виду А. В. Луначарского.

5. Винавер Михаил Львович (1880—1942) — адвокат, заместитель Екатерины Павловны Пешковой по Политическому Красному Кресту.

6. «Рассказ о самом главном» был напечатан в журнале «Русский современник» (1924. № 1).

7. Замятин, А. Н. Тихонов и К. И. Чуковский вошли в состав редакционной коллегии журнала «Современный Запад» (1922—1924). Было выпущено шесть книжек журнала. Замятин и Чуковский составляли раздел «Хроника».

8. Вероятно, Соколовский Алексей Казимирович — художник, искусствовед.

9. Вспоминая о Мэри, художник и мемуарист Юрий Павлович Анненков (1889—1974) в своей книге «Дневник моих встреч», спустя несколько десятилетий, не назвал ее фамилию. Он писал: «Красавица-петербуржанка тех лет, за которой мы оба тогда одновременно ухаживали (или, как говорил Замятин,— „приударяли“»)» (Анненков. С. 258).

10. Новицкий Алексей Петрович (1862—1934) — искусствовед, представитель издательства «Всемирная литература» в Москве.

№ 207

5 августа 1923 г. Петроград

СПб. 5—VIII—1923

Милая Мила Николаевна. Ваши письма — алгебра: я никак не могу себе представить ни Вашей жизни сейчас, ни комнаты, ни людей, какие около Вас (есть же!). Как с амбулаторией? Конечно, вовсе не так страшно, как Вам казалось — уверен, что Вы — на высоте, и Вас уже начинают обожать. Кто же работает с Вами? Венгеровы¹? Много ли времени отнимает работа? И куда Вы деваете вечера?

Моя двухнедельная без Вас биография — пока проста как амёба. До понедельника вечера — был в Петергофе, со вторника — в Петербурге безвыездно, вернее — безвыездно в своей комнате. Никуда не хожу по целым дням: сижу и до обалдения накаливаю хронику для № 4 «Запада». Возни с этим оказалось масса; до сегодня проделал только $\frac{3}{4}$ работы, — м<ожет> б<ыть>, сегодня кончу. Очень мало людей (сравнительно) и у меня бывало. Однажды (в пятницу) был Разумник-Иванов, завтракал, сидел долго. Читал он мой роман², очень ему понравился. Основное его возражение, что Д-503 мыслит так же, как я, автор «Островитян»³ — слишком современно-импрессионистски и образно. Просит читать весь роман целиком в «Вольфиле»⁴, по пятницам. Вероятней всего, первый раз — в ближ<айшую> пятницу — я буду читать сам, а затем — если уеду (вероятно) — пятницы 2—3 будет читать кто-нибудь.

Другой раз был у меня и завтракал Вольтинский⁵. Он напрашивался в гости давно, при Вас еще, но Вы как-то не очень хотели. Во вторник в «Жизни Искусства» появится какая-то его статья⁶, где он пишет, между прочим, обо мне, о Чук<овском> — вообще о соврем<енной> литер<атуре>. Говорит, будто хочет писать обо мне большую статью. — Скоро выйдет книга Чук<овского>⁷ — тоже есмь там и я; любопытно, что он напишет — Браудо⁸ просил мои книги, чтобы написать о них в немецкую «Die Schöne Literatur»⁹. — Разумн<ик> говорил, что один из моск<овских> Вольфильцев, некий Браун¹⁰, пишет книгу обо мне. — Вчера в мое отсутствие звонил мне во Всем<ирную> Илья Ник<олаевич>¹¹; вероятно, есть уже ответ от моего переводчика в Нью-Йорке¹². Вот все новости.

Очень хочется съездить в Крым. Чувствую — устал, авось хоть солнце и море очистят заржавевшую мою машину. Скорее всего — в Коктебель; там — дешевле. Смирнов (наш, Всемирочный), вернувшийся из Крыма, уверяет, что там можно прописаться по удост<оверениям> со службы. Вероятно, рискну. В среду 8-го, — очевидно, не успею (вчера отдал посл<еднюю> корр<ектуру> посл<еднего> листа «Куличек», но еще денежные и всякие дела с «Мыслью» и с «Западом»). В среду 15-го едет Азов¹³, присосежусь к нему. — Вчера брал ванну, выспался, чувствую себя хорошо; четв<ерг>, пятн<ица> и субб<ота> — просыпался в 8, отвратно; вторник и среду — спал ничего. — Из Москвы ничего, тишина полнейшая. — Это третье мое письмо Вам. Одно было из Петергофа, одно послал во вторн<ик> из Петербурга. Получены?

Приехала Мэри. Был у нее в пятницу вечером. Впечатления у нее гнусные. Худа — ценочно. Кое-что привезла, как Лека¹⁴, <также> с Лекой гов<орила> по телеф<ону>. «Зачем, говорит, я сюда приехала» (Лека).

Сегодня серо, холодновато, изредка начинает моросить. Хотел ехать утром с пароходом — неохота. Если разгуляется — м<ожет> б<ыть>, поеду вечером. Пойду к Ахматовой¹⁵.

1. Вероятно, Венгеров Абрам Семенович — провизор и его жена Елизавета Юрьевна.

2. Роман «Мы» был завершен к середине 1921 г., но не был разрешен цензурой. Впервые в России был напечатан в 1988 г. в журнале «Знамя» (№ 4—5). О «допечатной» истории романа см.: *Галушкин—1*.

3. Повесть «Островитяне», основанная на материале современной английской жизни, была впервые опубликована в составе второго альманаха «Скифы» (Пг., 1918).

4. Вольная философская ассоциация (Вольфила, 1919—1924). Инициаторами ее создания были Иванов-Разумник, А. Блок, А. Белый и др. Первое публичное заседание 16 ноября 1919 г. открылось докладом А. Блока «Крушение гуманизма».

5. Волынский Аким Львович (Флексер, 1863—1926) — критик, философ, искусствовед.

6. Статья Волынского «Лики и лица» была опубликована в еженедельнике «Жизнь искусства» лишь в октябре 1923 г. (9 окт. № 40).

7. Вероятно, речь идет о брошюре К. Чуковского «Две души М. Горького» (Л., 1924). Упоминаний имени Замятина в брошюре нет, однако в ней содержится скрытая полемика с некоторыми его художественными идеями.

8. Евгений Максимович Браудо (1882—1939) — литературовед, критик и переводчик, заведовал немецким отделом в издательстве «Всемирная Литература».

9. Немецкая газета «Die Schöne Literatur», издаваемая в Берлине.

10. Браун Яков Вениаминович (1889—1937) — писатель, критик, исследователь творчества Замятина (см. его статью «Взыскующий человека» // Сиб. огни. 1923. № 5/6). 1 июня 1924 г. Я. Браун писал Замятину: «<...> надеюсь, дорогой Евгений Иванович, Вы заметили к<a>к ошипана и редакцией, и цензурой моя статья о Вас (Вы убедитесь из сравнения с оригиналом, который я просил жену отдать Вам) — в „Сиб<ирских> огнях“. Не взыщите. Осенью надеюсь кончить книгу статей „Человек и Вещь“; тогда, в отдельной книге, и статья о Вас появится в истинном своем виде, с целым рядом новых замечаний (формальных), которые лишь теперь мне стали ясны» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 41. Л. 2 об.).

11. Неустановленное лицо.

12. На английский язык роман «Мы» перевел Григорий Зильбург (Gregory Zilboorg, 1890—1959), известный врач-психиатр. Он родился в Киеве, закончил в 1917 г. Психоневрологический институт в Петрограде, служил в медицинских частях русской армии во время первой мировой войны, участвовал в Февральской революции 1917 г. В 1919 г. эмигрировал в США и в 1920-е гг. занимался литературными переводами; параллельно изучал медицину в Колумбийском университете г. Нью-Йорка (см.: *Мальмстад*. С. 121).

13. Азов, Вл. Азов — псевдонимы Владимира Александровича Ашкинази (1873—1941) — фельетониста, театрального критика, переводчика.

14. Вероятно, актриса Большого драматического театра Е. Андреева (сообщено Р. М. Добужинским).

15. Дневниковые записи и мемуары современников (см.: *Чуковский*; Лукницкий П. Н. Об Анне Ахматовой / Публ. В. К. Лукницкой, коммент.

А. Маньковского // Наше наследие. 1988. № 6. С. 57—72) свидетельствуют о том, что отношения между Анной Андреевной Ахматовой и Замятиными были самые дружеские.

Сохранилась переписка Ахматовой с Е. И. и Л. Н. Замятиными, а также книги Ахматовой с ее дарственными надписями, адресованными Евгению Ивановичу и Людмиле Николаевне. Эти материалы относятся к 1921—1927 гг. Пять писем Ахматовой к Л. Н. Замятиной опубликованы Р. Д. Тименчиком (*Темы и вариации*. С. 453—462). В настоящее время девять писем Замятина к Ахматовой подготовлены к печати Е. Ю. Литвин: семь из них хранятся в РГАЛИ (Ф. 13 (А. А. Ахматова), оп. 1, № 141); два других — в ИМЛИ (Ф. 47, оп. 3, № 31).

Об обстоятельствах первой встречи Е. Замятина и А. Ахматовой нам неизвестно. Одну из случайных уличных встреч Ахматовой и Замятина 30 марта 1920 г. зафиксировал в своем дневнике К. И. Чуковский: «Мы встретили ее <Ахматову — М. Л.> и Шилейку, когда шли с Блоком и Замятиным из „Всемирной“» (Чуковский. С. 143). Дружеские отношения между Ахматовой и Людмилой Николаевной, вероятно, возникли в августе 1922 г., во время ареста Замятина — на это прямо указывают ее дарственные надписи на книгах (см. Каталог. № 81 и 82). 24 сентября 1922 г. в день проводов парохода «Обербургомистр Хакен» с высылкаемыми за границу философами и литераторами, когда вопрос о высылке Замятина не был еще решен окончательно, Ахматова написала стихотворение «Здравствуй Питер! Плохо старый...» и посвятила его Людмиле Николаевне (см.: *Искусство Ленинграда*. 1989. № 5. С. 67).

В последующие годы Ахматова и Замятин регулярно встречаются на литературных вечерах, в гостях у общих знакомых, бывают друг у друга дома. Замятины опекают Ахматову: Людмила Николаевна помогает ей и как врач (см.: Лукницкий П. Н. Указ. соч.), Евгений Иванович, используя свои литературные и издательские связи, хлопочет о публикации произведений Ахматовой, о восстановлении ей академического пайка.

15 ноября 1931 г. Ахматова была в числе немногих близких друзей Замятиных (С. М. Алянский, Я. П. Гребенщиков, Е. П. Корчагина-Александровская, А. А. Кроленко, З. А. Никитина, И. Я. Рабинович, М. А. Сергеев, Н. К. Шведе-Радлова), кто провожал на Варшавском вокзале Замятиных за границу (ОР РНБ. Ф. 1120, № 225. Л. 39об.).

Будучи во Франции, Замятины продолжали поддерживать Ахматову. Так, 11 декабря 1933 г. Замятин в письме З. А. Шаховской просил ее отправить пакет для Ахматовой А. П. Гроздовой, которая уже неоднократно доставляла Ахматовой такие посылки (см.: Шаховская З. А. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 245).

СПб. 12—VIII—1923

Милая Мила Николаевна. Сейчас (в воскресенье утром), когда я пишу Вам это, у меня в бумажнике лежит уже билет — на среду 15-го, на 8.30 — Петербург—Феодосия. Снимаюсь с якоря и пускаюсь в авантюры — еду в Коктебели (в Джанкое — пересадка). В Коктебели, судя по сведениям, меньше всего пузонэпов — а может, и совсем нет, дешевле всего. Там — Волошин¹, Шкапская², кажется, Всево-лод³ Иванов³, — ничего публика. Есть даже, как будто, шансы на даче Волошина — очень гостеприимного — получить комнату gratis*. Как я уже писал, по словам А. А. Смирнова, в Крыму прописывают и по удостоверениям со службы (там трудкнижек вообще нет еще); так что, надеюсь, и тут все обойдется. На худой конец — спутешествую, выкупаюсь один раз, поверну оглобли и двинусь хотя бы в Нижний.

В среду едет и Тихонов (во вторн<ик> на прошл<ой> неделе он уехал в Москву — сегодня д<олжен> вернуться) — конечно, мягко, а я — жестко (цена моему билету — 2300). И едет до Бахмута Миша Слонимский.

Он — с неделю в Петербурге, часто бывал у меня. Вообще, эта неделя была гостевая: дважды был Разумник, один раз обедал; еще один тип, который — как я писал — сочиняет монографию обо мне; Слонимский, Груздев, Израилевич⁴. Два раза был у Мэри, один раз обедал там. В пятницу в Вольфиле читал начало, 12 глав, романа (продолжать будут еще две пятницы без меня).

Мэри оч<ень> похудела, но зато в острых, как иголки, туфельках — и соответственно прочее. Довольна, что вернулась. Кажется, уже писал, что она говорила с Лекой по т<е>л<е>ф<ону>. Лека ру-гается: «Зачем меня черт сюда занес».

Уезжаю, закончивши все по «Западу» для № 4. И с своей книгой тоже: она выйдет в среду—четверг на след<ующей> неделе из типографии. Жаль, что не было времени дописать окончательно «Расск<аз> о самом главном» — беру с собой. — Завтра должен выйти № 2 «Русск<ого> искусства» с моей статьей⁵. Если попадетсЯ — взгляните № 10 «Прожектора»: там карриатура «Заседание русской литературы»⁶; найдете много знакомых, в том числе малознакомого Вам меня — под столом, где я возлежу на головах у Ремизова, Бело-

* бесплатно (фр.).

го, Куприна, Мережковского, Гиппиус, Чирикова⁷. А в № «Жизни Иск<усства>» от 14-го авг<уста> должна быть статья Волынского, где есть что-то и обо мне (не знаю еще, что).

Вчера получил письмо из Нью-Йорка, от Kennaday⁸. Переводчик Зильбург уехал на неск<олько> недель в Канаду, и поэтому более подробные информации обещает послать после его возвращения. Он, оказ<ывается>, учится в медицинск<ом> колледже и из-за экзаменов очень задержал перевод романа, но, по-видимому, действительно послал для авторизации (не полученный мною) текст. Я написал, что на худой конец — разрешаю печатать без авторизации. Об «Островитянах» сообщают, что их «убедили, что в настоящее время неудобно издавать эту книгу in this country»...

Еще — литературное: «Петроград» объявляет конкурс на роман. В жюри: Сологуб⁹ и я, и критики — Горнфельд¹⁰, Раз<умник>-Иванов и Эйхенбаум¹¹.

Теперь — о Вас. Довольно туманно Вы написали о регистрационных недоразумениях. Это меня беспокоит. Впрочем, если дело пахнет только тем, что Вы с двумя десятками червонцев раньше, чем думали, уедете в Златоуст — беды мало. Думаю, Вам все-таки приятно иметь свои — и не очень маленькие — деньги. Опять же Вы, вероятно, убедились, что лечебность — не забыли, хоть куда, и отдохнули от кухни, Агры, меня и всех петербургских пакостей.

С Агрой у меня, кстати, благоденствие, никогда никаких недоразумений. Сейчас написал ей с десяток разных доверенностей: в Институт, на обмен карточек, на паек, на золотое обеспечение и т. д. Она уже разложила мои чемоданы и хочет меня упаковать так же заблаговременно, как это было у Вас. Ростислава и Михаила регулярно укладывает спать; Ростиславу сшила новую куртку (а мне — нет!) (шьет: завтра, в среду — кончит).

У меня — дел еще много: кончить редактуру для «Мысли»; купить белые туфли и еще кой-что; достать денег. Пока у меня всего 8 черв<онцев>, причем 5 еще у Алекс<ея> Казим<ировича>¹². Во вторн<ик> должен получить в «Мысли» штук 7, завтра в «Петрограде» — 5, и Тихонов обещал привезти из Москвы и выплатить мне по журналу 5—10. Итого до 25 наберется, думаю; хватит.

От меня и от Агры — письмо Вам было отправлено в воскресенье; от Вас получено, кажется, во вторник и больше — пока нет. Сейчас спущусь к Тихонову — думаю; приехал, и если что от него узнаю — припишу.

---

* в этой стране (англ.).

Ну и день! Сейчас — 10 веч<ера>. С 8, после обеда, были: Милашевский¹³, Браун (тот молодой моск<овский> критик, к<оторы>й пишет статью обо мне), Боженко¹⁴, Миклашевский¹⁵ — приходил звать оппонентом на свой доклад об искусстве у Вольн<ых> Каменщиков¹⁶. А вернулся домой только в 7 — ушел в 12 ½: доставал деньги — 2 раза был в «Мысли», раз в «Петрограде», менял деньги на червонцы, делал покупки — и хуже всего — два раза был и без конца ждал в цензуре. Зарезали «Сподручницу грешных»¹⁷, отвоевал. Впереди — на завтра: укладка вещей, штук 6 писем, зайти к Ахматовой¹⁸, к Мэри, прочесть одну рукопись для «Мысли»... Неужто настанет минута, когда сяду в вагон, буду глазеть в окно и читать роман?

Только сегодня приехал Тих<онов>; ничего по моим делам не удалось ему узнать. Плевать, на обр<атном> пути сам заеду в Москву. Он едет тоже завтра, если достанет билет; Слонимский еще задержится. Денег со мною будет черв<онцев> 25, червонца 2—3 оставлю Агре — и доверенности — на зол<отое> обесп<ечение> за авт<уст> и сент<ябрь>, во «Всемирной» и Политехникуме. Хватит, думаю.

Устал. Сплю все часов по 6, просыпаюсь в 8, кишки балуются, пью таннальбин (купил еще 50 гр<аммов>).

Рад, что Вы, по-видимому, начали спать и вообще приходите в себя. Пора. Капшлять-то по вечерам — кончили? Вы можете меня, конечно, обрезать, как часто бывало: «Вам это должно быть безразлично», — но что сделаешь — не безразлично.

Пока мой адрес такой: Феодосия. Крепостной пер., д<ача> быв<шая> Минкина, Любви Евсеевне Копылевич, для И. В. Карноуховой¹⁹ с просьбой передать Евг<ению> Иван<овичу>.

Письмо опущу в четверг в Москве. — Сейчас иду в ванну.

Е.

Очень рад, что около Вас завелись какие-то люди, что Вы не сидите дома и одна.

Кланяйтесь ангелочку. Когда кончается ярмарка? На обр<атном> пути, может, и заверну туда.

16—VIII. Еду, увы, не в купе: все жесткие вагоны — общие. Средне-комфортабельно. Народ кругом — скучнейший. В Москве сейчас (стоим 3 часа) постараюсь увидеть Воронского.

1. Волошин Максимилиан Александрович (1877—1932) — поэт, критик, искусствовед, владелец дома в Коктебеле, который благодаря радушию

хозяина получил название «Дом поэта». Сюда на протяжении 1920-х и начала 1930-х гг. съезжались на отдых литераторы и музыканты, ученые и артисты.

2. Шкапская Мария Михайловна (урожд. Андреевская, 1891—1952) — поэтесса, переводчица.

3. Иванов Всеволод Вячеславович (1895—1963) — писатель.

4. Слонимский Михаил Леонидович (1897—1972) — писатель; Груздев Илья Александрович (1892—1960) — литературный критик; Израилевич Яков (Жак) Львович (1872—1953) — секретарь М. Ф. Андреевой.

5. Чтение первых глав романа в Вольной философской ассоциации состоялось 10 августа. На это указывает письмо Иванова-Разумника Замятину от 7 августа 1923 г. (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 91). См. также: Гаген-Торн Н. И. Вольфила: Вол. филос. ассоц. в Ленинграде в 1920—1922 гг. / Публ. и предисл. Г. Ю. Гаген-Торн // Вопр. философии. 1990. № 4. С. 98—99.

6. В журнале «Русское искусство» за 1923 г. (№ 2/3) была опубликована статья Замятина «Новая русская проза».

7. В журнале «Прожектор» (1923. 30 июня) была помещена карикатура Бориса Ефимова «Пленарное заседание русской литературы»: под столом председательствующего был изображен Замятин, возлежащий на писателях Е. Н. Чирикове, Андрее Белом, И. А. Бунине, Д. С. Мережковском, А. И. Куприне, А. М. Ремизове. За исключением Замятина все, изображенные под столом, находились в эмиграции.

8. Kennaday Paul (Кеннеди Поль) — директор-распорядитель иностранной службы печати («The Foreign Press Service»). Сохранилось его письмо Е. Замятину из Нью-Йорка от 21 июля 1922 г. В нем он сообщал Замятину, что получил текст «Островилян» и передал его Зильбургу, он также выражал надежду, что Замятин вскоре вышлет текст романа «Мы» (см.: ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 97. Л. 1).

9. Сологуб Федор (Тетерников Федор Кузьмич, 1863—1927) — поэт, прозаик, драматург.

10. Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867—1941) — литературный критик.

11. Эйхенбаум Борис Михайлович (1886—1958) — литературовед.

12. Соколовский Алексей Казимирович.

13. Милашевский Владимир Алексеевич (1893—1976) — художник.

14. Боженко Константин Никанорович (1878—1939) — литератор.

15. Миклашевский Константин Михайлович (1886—1944) — литературовед, автор книги «Гипертрофия искусства».

16. В Петрограде в 1920-х гг. существовал художественный кружок «Живое творчество: Ложа вольных каменщиков искусства». Здесь делали доклады, смотрели кино, устраивали вечера. Сохранилось одно из приглашений Замятину на собрание ложи, посвященное «Собеседованию о Новом и

Старом театре» 2 июня (вероятно, 1923 г.). Это собрание проходило по адресу: Невский пр., д. 60, кв. 7. Предполагалось, что его откроет «старейший из братьев каменщиков — брат Владимир Николаевич Давыдов» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 82). 17 августа 1923 г. А. А. Кроленко записал в своем дневнике: «Миклашевск<ий> приглашает на свой доклад в понед<ельник>» и 20 августа: «Доклад Миклашев<ского> длился 1 ½ часа и несмотря на забавность был весьма пуст» (ОР РНБ. Ф. 1120, № 219. Л. 115 об., 117).

17. Предполагалось, что рассказ «Сподручница грешных» войдет в сборник «На куличках», который готовило издательство «Петроград».

18. На следующий день 15 августа Замятин отправил утром записку А. Ахматовой с А. П. Гроздовой. На конверте было указано: «Моей великой современнице Анне Ахматовой на Фонтанку 18, кв. 28». Замятин писал:

«Дорогая великая современница.

Будьте добры, дайте мне на несколько часов мои тайны — надо кое-что взять с собой. Дульциня принесет их Вам обратно вечером. А я до отъезда (сегодня в 8—30) еще забегу к Вам.

Ваш Евг. Замятин

15—VIII—1923»

(РГАЛИ. Ф. 13 (А. А. Ахматова), оп. 1, № 141. Л. 3).

Под «моими тайнами» Замятин подразумевал свою шуточную пьесу «Борьба за престол». В ней, подражая «Тайнам Мадридского двора», он изобразил смену Правления Дома литераторов. Одной из героинь пьесы была Ахматова.

19. Карнаухова Ирина Валерьяновна (1901—1959) — впоследствии детская писательница, занималась фольклором.

№ 209

21 августа 1923 г. Коктебель

Вторник 21—VIII—1923. Коктебель

Перед окном — море. Это — на даче у Волошина. Сейчас отсюда уезжает один доктор в Москву — посылаю наскоро несколько строк.

Ехать было очень утомительно. На станции в Петерб<урге> надули: в жестких вагонах не было купе — все общие — и оттого все время ехал бессонно. Если бы знал, конечно, взял бы мягкое место.

Из Джанкоя решил свернуть на Севастополь, и оттуда ехать в Коктебель пароходом: нашлись попутчики, к<оторы>е убедили, что это будет великолепное путешествие.

В Севастополе был в 7 утра в субботу. В субботу же шел пароход на Феодосию. Оказались орды, войска пассажиров. С большим тру-

дом достали билеты I класса, и сидели всю ночь на палубе на чемоданах. В Феодосии — в воскр<есень> в 2 часа дня. Усталость такая, что ехать в Коктебель, попасть к Волошину, разговоривать — не было сил. Ночевал в Феодосии в гостинице.

У Волошина — 2 дачи, очень хороших. Живет человек 20 разно-го народу — еще не всех видел и знаю. Он был очень рад мне, кажется,— по случаю приезда устроил у себя чтение своих стихов — до 12 ночи, а у меня весь вечер слипались глаза.

Временно ночевал в одной комнате, откуда хозяин уехал на день. Сегодня устраиваюсь оседло. Комната, как келья: белая, толстостенная, маленькое окошечко, кровать, стол, стул. Примитивно весьма. Есть ресторанчик¹, где можно пить и есть — недорого: обед из 2—3 блюд 40 мил<лионов>, ужин — одно блюдо — 30 мил<лионов>. Масса фруктов; дешево: виноград 10—12 м<иллионов>, груши — 10 м<иллионов>, арбузы по 10—15 штука, персики, дыни.

К счастью, пока кишки мне позволяют фруктовать.

Купаться начал в субботу, в Севастополе. Продолжил в Феодосии — в воскресенье и вчера утром. Сегодня — купался уже здесь утром.

Спать все еще никак не научусь, недосыпаю хронически. Вчера лег в час, проснулся в 8. Постараюсь выспать себя сегодня.

Адрес: Феодосия, дом Айвазовского², Максимилиану Александр<овичу> Волошину, для меня. На случай э<стренности> телеграм-мы: Феодосия, Коктебель нарочным, Волошину для меня.

Е

В Москве стояли 3 часа. Видел Воронского; он звонил при мне по т<е>л<е>ф<ону>, справлялся обо мне, никого на месте не было, Агранов³ приехал из отпуска, Воронский обещал узнать.

1. Речь идет о кафе «Бубны», принадлежавшем греку А. Г. Синопли (см. подробнее: *Воспоминания о Волошине*. С. 315, 476).

2. Дом-музей И. К. Айвазовского в Феодосии.

3. Агранов Яков Саулович (1893—1938). С 1919 г. «особоуполномоченный по важнейшим делам» и одновременно секретарь Совнаркома, позднее «особоуполномоченный по секретным делам», вошел в Коллегию ВЧК, Коллегию ОГПУ, в конце 1920-х гг.— начальник Секретного отдела, с 1923 г.— первый заместитель наркома внутренних дел. Занимался процессами так называемых «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии», «Ленинградского террористического центра» и др. В 1923 г.— прокурор ГПУ.

26—VIII—1923. Коктебель

Уже неделю как здесь. Живу — как татарин, как краб, головы будто и нет совсем.

Волошинская дача — в 10 шагах от моря. Утром встаю — и в одной простыне иду купаться. Потом в ресторан — пить чай и есть яйца. Затем — дома, прибрать комнату, написать письма, оскоблить физиономию, а в пол-первого, в час — на пляж — печься на солнце, еще раз купаться, и в 2 — обедать в ресторан. Обеды из 2 блюд, 50 мил<лионов>, иногда — недурные, иногда — средние. Зато — дыни, груши, арбузы, виноград, все — дешево.

К сожалению, не то — обеды, не то — увлечение фруктами, не знаю, но только сегодня ночью — рожал, болел живот, утромпил таннальбин, посадил себя на рис дня на два. И увы! — купаться сегодня не буду.

Вообще, на волошинской даче — не очень хорошо. Я выбрал себе комнату в маленьком флигельке, еще не знал, кто напротив (тоже в флигельке). Оказалось — некая харьковская певица с маленькой девочкой; встают часов в 6—7 утра, обе голосисты невероятно, и будят меня. А лечь никак не ухитрюсь раньше 12, а то и часу. И конечно, не высыпаюсь — ни разу не спал даже и 8 часов.

Не взирая на это, чувствую себя сносно — солнце, купанье, прогулки.

Впрочем, больших прогулок пока не делал — только один раз в большой компании ходил верст за 9—10. Преимущественно — косяно в индивидуализме. Только по вечерам иногда хожу к Максиму Волошину. Он много интересного рассказывает мне о крымской жизни за эти годы, а я — прихожу домой и записываю. Иногда по вечерам у него — чтения; похоже, что заставят меня читать роман.

Письмо это сегодня, кажется, не уйдет; никто не едет в Феодосию (поезда на Севастополь и дальше из Феодосии — 2 раза в неделю, по воскр<есеньям> и средам).

15/28. Успенье. Оказия — только завтра: уезжает в Петербург муж Шкапской¹. Это письмо бросит в Москве. Сюда письма — доходят плохо.

Погода — два дня — чудесная, жарко, теплые лунные ночи. Уже забронзовел: полчаса — минут 40 каждый день лежу на солнце, на пляже. Больше нельзя: многие обжигаются до волдырей, у иных поднимается температура. Со вчерашнего дня — опять купаюсь;

рисовые дни сегодня кончил, принялся опять за груши. Мне очень жалко, что Вы не пользуетесь всеми этими благами: в воде, в винограде, на солнце, в грушах, в дынях — Вам было бы раздолье.

Есть милая публика: одна молодая врачебная чета москвичей — ассистентов моск<овского> ун<иверситета>; московская актриса Сахновская², одна художница; Шкапская с мужем; дочь заведующей редакцией в «Мысли» — Карноухова³; сам Макс Волошин — очень интересен. У него — прекрасная библиотека.

Дня через три уедет Софья Андреевна Толстая⁴ — вероятно, поселюсь в ее комнате, будет лучше.

Вчера вечером начал читать у Макса роман, публично; сегодня продолжаю⁵.

Е

1. Шкапский Глеб Орестович (1891—1962) — радиоинженер.

2. Сахновская Зоя Александровна — актриса Малого театра.

3. И. В. Карнаухова — дочь переводчицы Аллы Митрофановны Карнауховой, работавшей в издательстве «Мысль».

4. Софья Андреевна Толстая (1900—1957) — внучка Л. Н. Толстого, ставшая женой С. А. Есенина в середине 1925 г.

5. Замятин читал роман «Мы» у Волошина и вечером 3 сентября (см.: Чуковский. С. 249).

№ 211

7 сентября 1923 г. Коктебель

7—IX—1923. Коктебель.

Милая Мила Николаевна. Пищу Вам в своей белой келье (со сводами), при копилочке, одетый по-городскому — в воротничке: сегодня будет в клубе — платный вечер, в пользу одной актрисы, обитающей на даче у Волошина. Я буду читать «Пещеру» и играть (!) в одной одноактной сценке.

Живу здесь уже почти 3 недели, но отдыхом своим недоволен. Первое — почти все время недосыпаю: шумно по утрам (приходят торговцы, бегают дети), а ложусь поздно — то сам читал (роман) у Волошина, то еще кто читал, то прогулки. Второе — питание: в ресторане неважно, кишки не ладят, фрукты соблазняют. Также и женщины.

К счастью, завтра уезжает от Волошина 15 человек; сразу будет пусто, тихо и отдохновенно. Ничего не делаю (не пишу). Все время было жарко, только сегодня холодно, облачно, ветер.

Дней 5 как приехал Чуковский¹.

От Вас здесь — ни одного письма. Где Вы — не знаю. Пишу на дачу в Злагоуст.

Пробуду, думаю, числа до 25-го.

Е

1. К. Чуковский приехал в Коктебель 3 сентября (см.: *Чуковский*. С. 249).

№ 212

10 сентября 1923 г. Коктебель

Коктебель. 10—IX—1923.

Милая Мила Николаевна, хорошая. Мне как-то горько было от последнего Вашего письма и оттого, что Вам уже не хочется писать мне, и от мысли, что может быть так лучше. Какое у меня право сказать Вам: «Не ездите туда-то» или «Приезжайте туда-то»? Ну, хорошо, Персия. Что же вместо этого могу предложить Вам я — изломанный, больной, неудовлетворенный ничем и никем? Боюсь, что я выжжен, выболел, пуст — и бог его знает, что буду делать, что <бы> чем-нибудь напихать эту пустоту.

Впрочем, сейчас пока у меня ни на что нет энергии. Сначала, когда приехал — от солнца, от новизны чуть-чуть мелькнуло что-то. А теперь — гладко и лысо.

Уже четыре недели здесь, а чувствую себя не очень важно. Сплю плоховато. С питанием последние недели 1 ½ устроился хорошо (ходил вместе с Чуковским на одну дачу — завтракать утром, обедать и ужинать), физиономия, говорят, стала круглень. Но — усталость, спина болит больше, чем прежде. Очень возможно, что это — от солнечных ванн и от купания — особенно в последние дни, когда были сильные ветра и прибой. На днях завели знакомство с одним московским доктором — может быть, схожу к нему — очень любопытный и умный.

Публика поразъехалась. На Волошинской даче и на пляже пусто. Через неделю уезжают еще многие. Может быть, уеду и я. А может быть, апатия моя и еще задержит меня здесь. Надо ехать отсюда в Лебедянь — не хочется.

Завтра Чуковский и две девицы собираются ехать в Судак на линеijke, тянут меня — должно быть, поеду; вернемся в понеде<ельник> вечером (это — верст 30 отсюда). Это письмо повезет Вам в Москву советский дипломат Кожевников¹ — жил все время у Воло-

шина, завтра едет в Москву. С ним же посылаю один проредактированный здесь роман Уэллса для «Мысли» — и тут не дают покоя. Прислали из Петербурга, очень просили посмотреть — не хотелось, все-таки сделал. Писать — ничего не пишу. Так, подбирается кой-какой материал, рассказывают кое-что разные люди о всем, что творилось в эти годы на юге.

Одно письмо в Златоуст недавно Вам уже послал, но адрес был какой-то фантастический, едва ли дойдет. Писал там о вечере, какой был устроен в Коктеб<ельском> клубе в пользу одной актрисы (живет у Волошина). Я читал из «Алатыря»² и вдвоем с этой самой актрисой ... играл одноактную пьеску. Говорят — хорошо.

Е

Иногда думаю: какие люди около Вас и что у Вас с ними? Не пейте много вина, не надо.— И думаю, что у Вас выйдет за путешествие по Волге?

Агре писал, чтобы насчет электр<ичества> сходила к Влад<имиру> Влад<имировичу>³.

1. Кожевников Иннокентий Серафимович (1879—1931) — сотрудник Наркомата иностранных дел, в 1921 г.— товарищ министра иностранных дел Дальневосточной республики, в 1922 г.— полпред РСФСР в Бухаре, в феврале—августе 1923 г.— полпред СССР в Литве (г. Ковно). С 28 августа 1923 г. освобожден от работы в НКИД РСФСР (СССР?).

2. Рассказ «Алатырь» (1914). См. примеч. 5 к п. 132.

3. Вероятно, В. В. Святловский.

№ 213

28 сентября — 3 октября 1923 г. Коктебель

Коктебель. 28—IX—1923

Милая Мила Николаевна — нынче было первое осеннее утро — с маленьким дождем и прохладно (сейчас — 2 часа — уже совсем тепло). Сейчас с волошинской дачи едут в Москву и Петербург — с ними посылаю письмо.

Коктебель сегодня совсем опустеет — много уезжает. Я тоже хотел ехать сегодня. Но решил остаться еще на неделю: завелись тут знакомые инженеры-путейцы (начальник Курской дороги), у них через неделю будет свой вагон, мягкий — приглашают ехать с ними. А так — уехать трудно, вагоны скверные, с клопами — до самой Москвы. На институт и на все дела в Питере как-то махнул рукой.

Очень не хочется из Москвы трястись в Лебедянь, уж не знаю, поеду ли.

Выходит, проживу здесь почти два месяца. Отдыхом будет в сущности последний месяц, когда переселился в новую комнату, очень тихую*. И еще горе: стоят несколько дней часы, просыпаюсь поэтому иной день спозаранок. Чувствую себя сносно, ничего не делаю. Лежу на солнце, купаюсь раз—два в день, понемногу (у меня что-то вроде левостороннего ишиаса, бывает — ночью места не найду, и так и этак — все больно; сейчас — почти прошло). Последние дни — опять кишки не ладят, бросил есть фрукты (а какие груши пошли!). Сегодня взвешивался — со времени приезда прибавил всего 4 фунта.

На днях от Воронского получил письмо. Пишет, что был у прокурора Г.П.У.¹, говорил с ним обо мне. Мне — по словам Воронского — надо подать в Г.П.У. заявление о пересмотре моего дела и о том, чтобы меня оставили. Стало быть, эта канитель все еще тянется.

От Вас после последнего письма из Нижнего — ничего. После этого письма встоскнулось о Вас на несколько дней, потом опять осело на дно. Живу — и как-то ничего не хочется: ни гулять, ни есть, ни любить, ни писать, только бы лежать на солнце и ни о чем не думать.

Завтра Ваши именины, а мне нечего подарить Вам — ничего у меня нет.

Кланяйтесь Марии и Сергею Константинычу².

Евг 3

Феодосия 3—IX.³

Народу уезжает уйма. Девицы, к<оторы>е должны были уехать в воскресенье, сидят до сих пор. Поэтому — взял у них письмо и везу сам. Вагон, о к<оторо>м писал, пришел раньше, чем думали, и сегодня уже едем в Москву. Едем — комфортабельно: у нас с Чуковским двухместное купе I класса, дальше — комиссар дороги с женой, и след<ующее> купе — начальник дороги. В купе II кл<асса> (вагон-микст) — инженер с женой и братом, врач — ассист<ент> одного проф<ессора> Моск<овского> ун<иверситета> с женой и дочерью (балерина, очень хорошая и интересная девушка) — и еще один железнодорожник с семьей. Всё — коктейльские знакомые. У проводника в вагоне — самовар и почтение всяческое. Мы с Чуковским везем с собою виноград и груши. Едем сегодня в 12—30 ночи, в субботу днем — будем в Москве. За билет заплатили уйму денег.

* Как-то недавно ночью проснулся от того, что на руке у меня сидела мышь. Вы бы умерли со страху.

1. Я. С. Агранов.

2. Ильинский Сергей Константинович — инженер, муж Марии Николаевны Усовой.

3. Ошибочно. Нужно — 3—X.

№ 214

8—9 октября 1923 г. Москва

Москва, 8—IX¹—1923.

Доехали совсем незаметно — в компании. Изнемог от недосыпа. Чуковский поднимался чем- свет, я за ним — тоже. С багажом, (к<оторы>й мы везли в вагоне) страшные строгости, штрафы за каждый фунт сверх 2-х пудов, но при высокой помощи — все довезли благополучно. По телеф<ону> с вокзала узнал, что в Москве — Тихонов. На Леонтьевском, значит, уже нельзя было остановиться, отправился к комиссару дороги (грузин, врач, очень милый), поселился у него в кабинете. Вчера опять мало спал: созвонился с Пильняком, вечер допоздна просидел с ним (в субботу). Днем вчера — отправился с Тихоновым на выставку, погода была прекрасная, бродили долго, устал очень. Может быть, поэтому сегодня, наконец (уж не знаю, за сколько времени — впервые) — выспался, встал в 9 часов. Сейчас созвонился с Воронским и поеду к нему. От него узнаю о своих делах — и кончу тогда письмо. Вечером встречусь с Пильняком в Союзе Писателей. У него — есть английская жена, к<отора>я скоро, вероятно, сюда, в Россию, приедет². Из «Круга»³ он ушел, сам издаст свои книги.

У Тихонова — все идет война с Ионовым⁴, денег во «Всемирной» нет по-прежнему.

В Москве — Шкловский Виктор⁵, вернулся. Я его еще не видел. Скоро возвращается Андрей Белый⁶.

9—IX.

У Воронского был. По его совету подал заявление в Г.П.У., чтобы выяснить дело. «Круг» издает литер<атурно>-критический сборник «Писатели о литературе и о себе»⁷. Есть статьи А. Толстого, Пильняка, Никитина, еще чья-то⁸. Воронский очень просит меня; вернусь в Петербург — напишу ужо.

Виделся с 1-й Студией⁹. Опять разговоры о пьесе — «Островитяне». Кажется, тоже придется писать. Был у Лежнева («Россия») ¹⁰. «Россия» превращается в толстый журнал; в № 1 — Горький, Бельгий, Ремизов, разные знаменитые немцы. Требуется мой рассказ. Вообще, кажется, в Петербурге нужно будет сесть за стол и кончить хоть на время беспутную свою и бродячую жизнь. Устал от этого — и, в частности, тут в Москве. Вчера вернулся домой в 3 ½ часа; спал до 8—8 ½. Сегодня пойду к Дикому ¹¹ (1-я Студия) с Тихоновым; там будут студийцы и горькое пьянство. Мне — горькое.

В Лебедежь, по всем видимостям, не поеду: там могу пробыть только дня 3—4, и 4 ночи не спать в дороге (туда и обратно). Попасть в Институт в конце октября — вместо середины сентября — неловко.

Вчера видел в магазине «На куличках» ¹². Так книжка вышла недурно, но цензура, черт ее возьми, все-таки выбросила один рассказ («Сподручница грешных») — и книжка испорчена ¹³. Обидно.

Е 3.

1. Ошибочно. Здесь и далее должно быть: 8—X; 9—X.

2. Пильняк вернулся из Англии, куда он попал при содействии советского посла в Англии Л. Б. Красина. О целях этой трехмесячной командировки Пильняк писал И. М. Касаткину: «Я и Никитин в Лондоне, работаем в Аркосе, в Бюро Информации. Задача бюро — возможно четче отразить действительное экономическое состояние России» (Цит. по: *Пильняк — Замятину*. С. 131).

3. «Круг» — издательство Артели писателей (1922—1929), возглавляемое А. К. Воронским вместе с А. Я. Аросевым и Н. Н. Асеевым, Пильняк входил в правление издательства и выполнял функции редактора.

4. Ионов Илья Ионович (1887—1942) — заведующий Петроградским Госиздатом. «Всемирная литература» сохраняла свою независимость только благодаря благожелательной позиции заведующего ГИЗом в 1921—1924 гг. О. Ю. Шмидта, издательству покровительствовал также А. В. Луначарский. Все эти годы главным противником «Всемирной литературы» оставался И. И. Ионов. Он неоднократно пытался влить «Всемирную литературу» в отдел иностранной художественной литературы руководимого им Петроградского отделения ГИЗа. Такая попытка была предпринята в 1922 г., но тогда А. Н. Тихонову удалось отстоять издательство. В 1924 г. Ионов был назначен заведующим Госиздатом РСФСР, и 13 декабря 1924 г. он подписал приказ о расформировании этого издательства.

5. Писатель и литературовед Виктор Борисович Шкловский (1893—1984) вернулся из Берлина, где он находился с середины 1922 г.

6. Писатель Андрей Белый вернулся из Берлина в Москву 26 октября 1923 г. 21 сентября В. Ф. Ходасевич записал в своем «Камерфурьерском журнале»: «Шкловский уезжает сегодня в Россию» (см.: *Минувшее*. Т. 14. С. 435).

7. Сборник вышел под названием «Писатели об искусстве и о себе: Сб. ст. № 1» (М.; Л., 1924).

8. В сборник вошла статья Замятина «О литературе, революции, энтропии и о прочем». В октябре 1923 г. Замятин писал Волошину из Петрограда: «На днях послал в „Круг“ Воронскому статью „О литературе, революции, энтропии и о прочем“ — для практического сборника; почти уверен, что статья окажется верблюдом, а Воронский — игольным ушком» (Цит. по: *Замятин — Волошину*. С. 121).

В сборнике «Писатели об искусстве и о себе» кроме указанной работы Замятина были опубликованы статьи: А. Н. Толстого — «Литературные заметки» и И. Касаткина — «Литературные ухабы: Мысли вслух», Л. Сейфуллиной — «Лоскутки мыслей о литературе», Вс. Вяч. Иванова — «О себе как об искусстве», Б. А. Пильняка — «Отрывки из дневника», А. Соболя — «Косноязычное», Н. Н. Никитина — «Вредные мысли», В. Г. Лидина — «Об искусстве и о себе», А. Яковлева — «О жизни и творчестве», Н. Огнева — «Только через массу».

9. Первая студия Московского Художественного театра обратилась к Замятину с предложением написать пьесу на основе его повести «Островитяне» (1917).

10. Лежнев Исая Григорьевич (Альтшуллер, 1891—1955) — литературовед, публицист, редактор журнала «Россия». После закрытия журнала предпринял попытку его возродить. 20 июля 1923 г. Лежнев писал Замятину: «После долгих и мучительных хлопот мне, наконец, разрешено возобновить „Новую Россию“, как „толстый“ ежемесячный журнал. Журнал будет подготовляться, редактироваться, цензуроваться в Москве, но печататься в Берлине...» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 118. Л. 1).

11. Дикий Алексей Денисович (1889—1955) — актер и режиссер Первой студии МХАТ, затем МХАТ 2-го.

12. В сборнике «На куличках» (Пг.; М., 1923) были опубликованы повесть «На куличках», рассказы «Знамение», «Африка», «Детская», «Письменно», «Апрель», «Правда истинная».

13. Вернувшись в Ленинград, Замятин обнаружил, что цензура «вырезала» не только «Сподручницу грешных». В октябре 1923 г. он написал из Петрограда М. А. Волошину: «...без меня вышел мой том с вырезанными из него двумя рассказами — это уж подарок» (см.: *Замятин — Волошину*. С. 121).

20 апреля 1924 г. Москва

Апреля 20 < 192 > 4.

Ну и кружало! Ну и дела! Хожу недоспанный, хронически. Во вторник вечером был у Пильняков², слегка пили. Проливной дождь. В среду днем был у Дикого, читал свои наброски к «Левше»³. Написанный 1-й акт Дикому очень понравился, принял, было, даже и скоморохов. Потом явилось — сценическое — возражение против того, чтобы давать на сцене 2 раза Петербург (1-ый и 4-ый акт). Проектируется сделать 3 акта: 1-ый — Англия (Царь и Платов в Англии), 2-й акт мой — Тула; 3-ий — Петербург (англичане в Петербурге — материал моего прежнего 3-го акта + 3-ий акт)⁴. Вообще, он гораздо покладистей, чем в письмах. Я — тоже.

В понедельник днем читаю в 1-й Студии «Островитян»⁵. Вечером в понедельник — читаю «Рассказ о самом гл<авном>» — в Союзе Писателей. Во вторник, по просьбе 3-ей Студии, читаю у них об Уэллсе (они ставят переделку из Уэллса). Кроме того, меня усиленно обхаживают для публичного прочтения лекции об Уэллсе и лекции о соврем<енной> прозе в Политехнич<еском> Музее. Условия довольно выгодные; но это уже, вероятно, на Фоминой.

Насчет «Островитян» — на всякий случай — вел вчера разговоры с Малым театром.

Вечер «Современника»⁶ прошел так себе. Овации — настоящие — одной Анне Андреевны. В Вечерн<их> «Изв<естиях>» и сегодня в «Правде»⁷ — как и следовало ожидать — вечер обрутали — легонько. После вечера — пир у Магарам⁸. Блюдов 10, тридцатилетний портвейн, шампанское, ликер. До 7 часов утра. Возвращались — утро великолепное, летнее. <...> Вообще вчера и сегодня — лето.

С журналом — вчера мы, было совсем, приуныли. Был вчера вечером на заседании Союза Пис<ателей> — и там Тих<онов> сообщил, что журнал закрывают, не дадут выйти уже 1-му №⁹. Поэтому утро сегодня проведено в приемной у Луначарского — Тих<онов>, Эфрос и я беседовали с ним, затем — без конца — с цензурой. Кое-как отбились: т<о> е<сть> первый № выпустят, а что дальше — неизвестно. Узнаем во вторник, после засед<ания> Коллегии в цензуре.

Сейчас иду обедать к Пильняку. Потом — если успею — заеду к Воронскому — для разговоров о журнале и о своем романе¹⁰. Вечером — первый раз — попаду в театр: «Книга золотая»¹¹ — в 1-й Студии; после спектакля все — в Студию, какая-т<о> вечеринка у них. Завтра — тоже, может быть, попаду в театр куда-нибудь.

Живу пока все еще в «Эрмитаже»¹². Окна на улицу — трамваи, грузовики — просыпаюсь с 8 часов. Сегодня, кажется, дадут номер окнами во двор.

В вагоне — часа 3—4 спал. В соседнем купе, оказывается, ехал Файнер с Любовью Абрамовной¹³. Может быть, попаду туда — к ним — завтра обедать, — хотя завтра же обещался к Чулкову¹⁴.

Пильняк ждет от Вас письма¹⁵.

Всего хорошего.

ЕЗ.

1. Написано на бланке журнала «Русский современник».

2. Пильняк в это время жил у своей второй жены — Ольги Сергеевны Щербиновской, актрисы Малого театра, по адресу: Поварская ул., д. 26, кв. 8.

3. Основой для пьесы «Блоха» послужил рассказ Н. С. Лескова «Сказ о тульском косом Левше и стальной блохе». МХАТ 2-й, как вспоминал Ю. П. Анненков, обратился к А. Н. Толстому с просьбой инсценировать этот рассказ, но «Толстой отказался, заявив, что это невозможно. Театр обратился тогда к Замятину <...>» (Анненков. С. 266). 18 января 1924 г. актер В. П. Ключарев писал Замятину: «<...> Не согласитесь ли написать пьесу, взяв основой „Левшу“ со всякими отклонениями и вариациями» (Цит. по: Дикий. С. 285).

3 февраля 1924 г. Замятин ответил В. П. Ключареву: «<...> лесковская блоха меня укусила — так здорово, что на прошлой неделе я уже сделал первый эскизный набросок пьесы» (РГАЛИ. Ф. 2376 (А. Д. Дикий), оп. 1, № 263. Л. 1).

4. Замятин «<...> опустил целый ряд глав лесковского рассказа: 1-ую, 2-ую, 3-ую, 6-ую, 7-ую и 8-ую. Одновременно с этим Замятин ввел ряд новых персонажей, вдохновленный итальянской народной комедией <...>» (Анненков. С. 267).

5. По мотивам повести «Островитяне» Замятин написал пьесу «Общество Почетных Звонарей». 18 января 1924 г. В. П. Ключарев писал Замятину из Москвы: «Сейчас у Студии, как раз острее чем когда-либо ощущается нехватка пьес для нового репертуара, и самое бы время появиться „Островитянам“» (РГАЛИ. Ф. 2376, оп. 1, № 263. Л. 1).

6. 17 апреля 1924 г. в преддверии выхода первого номера журнала «Русский современник» в Москве в зале Консерватории прошел вечер «Литературное сегодня». В нем приняли участие А. А. Ахматова, Е. И. Замятин, К. И. Чуковский, А. М. Эфрос, Б. А. Пильняк, М. А. Чехов. На вечере Замятин читал рассказ «Чудо в пепельную среду» (см.: Дни. Берлин, 1924. 4 мая).

7. В газете «Вечерняя Москва» 18 апреля была напечатана статья Бориса Бобовича «Литературные вечера: Вечер „Русского современника“»; в «Правде» за 19 апреля — статья А. Сергеева «Вчерашнее „сегодня“».

8. Магарам Николай Иосифович — редактор журнала «Русский современник».

9. 21 февраля 1924 г. Замятин писал Льву Лунцу в Гамбург: «<...> на днях Тихонов приехал из Москвы и привез разрешение на журнал толстый, как Щеголев. Имя ему Русский Современник. В редакции: заграничной — Горький, в России — Тихонов, я, А. М. Эфрос и, может быть, Чуковский. Издание — бесповоротно частное. Четыре дня уже как сижу по уши в рукописях и заседаниях по журналу, забыл, чем пахнет снег. Первый № выйдет в конце марта <...>» (Новый журн. 1966. Т. 83. С. 167). Первый номер журнала был подготовлен к печати в середине апреля 1924 г.

10. Речь идет о последней попытке Замятина получить цензурное разрешение на роман «Мы». 21 марта 1924 г. Замятин писал Л. Н. Лунцу о журнале «Русский современник»: «Первый № выйдет в конце марта: «Воспоминания о Ленине» Горького и его рассказ; м<ожет> б<ыть> — мой роман (если проволокут его через все заставы) <...>» (Лев Лунц и Серапионовы братья / Публ. и коммент. Г. Керн // Новый журн. 1966. Т. 83. С. 167). 30 марта в ленинградском еженедельнике «Зори» (№ 12. С. 16) появилось сообщение о публикации «Мы» в первом номере журнала. Журнал вышел из печати 16 мая — без романа «Мы», но с замятинским «Рассказом о самом главном» (см. коммент. Е. А. Тоддеса, А. П. и М. О. Чудаковых // Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 463). В конце апреля — начале мая состоялось обсуждение романа в ленинградском Гублите (см. *Галушкин*—2. С. 372).

11. Пьесу А. Н. Толстого «Любовь — книга золотая» поставила Первая студия МХАТ. Режиссер — С. Г. Бирман, декорации — Д. Н. Кардовского. Премьера состоялась 3 января 1924 г.

12. В московской гостинице «Эрмитаж» кроме Замятина остановились также К. И. Чуковский и А. А. Ахматова.

13. Вероятно, Любовь Абрамовна Ческис — секретарь издательства «Всемирная литература».

14. Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — поэт, прозаик, жил в Москве на Смоленском бульваре.

15. В письме от 5 апреля 1924 г. Пильняк просил Евгения Ивановича и Людмилу Николаевну устроить свою бывшую жену Марию Алексеевну в Ленинграде: «Мария Алексеевна не хочет оставаться в Коломне, думает переехать в Питер,— я должен буду подыскать ей там квартиру и место, врачебное <...> помоги мне в этом, укажи советом, спротежируй, создай хоть синекуру, за которую я буду оплачивать тайком от нее, она по специ-

альности хирург, но хорошо знакома с женскими болезнями и детскими, и врач она не плохой». (Цит. по: *Пильняк — Замятину*. С. 138—139). Проект об устройстве Марии Алексеевны в Ленинграде не осуществился.

№ 216

23 апреля 1924 г. Москва¹

1924. IV²

Мила Николаевна, милая, что же такое с Вами — Вы не пишете, и я беспокоюсь. Получил и прочитал Ваше письмо только сегодня утром. Завтра мне еще раз надо увидеться с Воронским — закинуть удочку насчет романа — и еще раз с Диким и еще одним из 1-й Студии³ поговорить о «Левше». И завтра же еду — в пятницу буду дома. Достать билет, оказывается, очень трудно, но уж как-нибудь постараюсь — поеду хоть жестко.

Жить здесь до Фоминой, я, конечно, не собирался, а, вероятно, придется после Фоминой приехать сюда дня на 2—3, чтобы прочитать лекцию.

Устал в Москве (но усталость уже другая, чем в Петербурге — не головная) и надоело. Уеду с удовольствием.

Пусть мальчишки до пятницы получше присмотрят за Вами.

Е.

Спасибо за письмо. Оно такое хорошее, что мне прямо стыдно.

1. Датируется по содержанию.

2. Дата проставлена карандашом рукой Л. Н. Замятиной.

3. Ключарев Виктор Павлович (1898—1957) — актер Первой студии МХАТ, позднее МХАТа 2-го, одновременно был ответственным за репертуарную часть Студии.

№ 217

8 сентября 1924 г. Лебедянь

8—IX—1924. Лебедянь.

Милая дружечка (— лебедянское слово), я не сегодня — завтра уеду отсюда — в Москву и Питер, пишу отсюда уже последний раз. Пожалуй, жаль, что я не поехал на юг — надо было бы уехать отсюда одновременно с Вами. А то эти две недели было здесь так — ни работа, ни отдых, середка на половинке. Хороших дней было только три—четыре, да и то настоящий летний, жаркий — только один,

в воскресенье 7-го — такой же день, какие были при Вас, так что я ходил без своей синей кофты и после обеда валялся в саду на наших старых местах. Остальные дни — в саду было неуютно, ветрено, часто — шел дождь, а сегодня — льет ливень, с грозой и градом весь день. Вчера мы с тетей Варей собирали в саду яблоки—антоновку и остатки белого аниса внизу, я вспоминал Вас. Да вообще — беда: тут куда ни пойдешь — натыкаешься на Вас. Ходил гулять мало: раза два на станцию с Женей¹, один раз в поле с Ал<ександрой> Ив<ановной>², два раза в Казаки с тетей Варей³. Вот и все.

Потратил зря время на то, чтобы заставить себя работать — толку не вышло, ходил все время невыспанный. Только и сделал, что проштудировал протоколы Литературного совещания⁴ и сделал кой-какие отрывочные, черновые наброски для статьи⁵. Начал писать небольшой рассказ (именуется «Небылица»), сажился за него раза три—четыре, набросал страницы две—три и застрял. Нельзя было даже кончить редактуру романа — оригинал английский оставил в Петербурге.

Последнюю неделю был богат газетами («Известия», «Правда») ⁶. Два раза попадались заметки о «Блохе»⁷, — из них явствует, что «Блоха» идет в декабре — как и предполагалось; идет после «Гамлета». А так как «Гамлет» уже сработан, и так как на одном «Гамлете» далеко театр не уедет, то, очевидно, сейчас там вовсе примутся (или уже принялись) за «Блоху». Сезон во 2-м Худож<ественном> уже открылся — 7-го, «Расточителем»⁸ — стало быть Дикий уже вернулся. В 1-м Худож<ественном> открывается в четверг 11-го. Сделал в «Блохе» маленькие изменения — поеду, отдам им, выберем художника. Похоже, что придется все-таки остановиться на Кустодиеве⁹. Из Москвы, вероятно, напишу. По приезде в Петербург — надо будет устраивать «Общество Поч<етных> Звонарей» — пора, самый раз — начало сезона — тот самый момент, о котором говорил Толстой¹⁰.

Что делается в журнале, где Тихонов, Чуковский — ничего не знаю, не пишут.

От Вас — кроме письма с дороги, из Рязска ничего не получал.

Е 3

1. Волков Евгений Владимирович (1907—1982) — сын А. И. и В. В. Волковых, племянник Е. Замятина (сообщено С. В. Волковым).

2. А. И. Волкова.

3. Варвара Александровна Платонова (?—1931) — младшая сестра матери Е. Замятина.

4. 9—10 мая 1924 г. в Москве при Отделе печати ЦК РКП(б) состоялось совещание, посвященное вопросам партийной политики в области художественной литературы. Летом 1924 г. издательство «Красная новь» выпустило стенографический отчет этого совещания. На совещании в ЦК РКП(б) С. Родов заявил, что «Русский современник» «враждебен рабочему классу». 12 мая К. И. Чуковский записал в дневнике: «Первый номер „Современника“ вызвал в официальных кругах недовольство <...>» (см. подробнее: Чуковский. С. 274).

5. Речь идет о набросках для статьи «Перегудам от редакции Русского современника», помещенной в последней, четвертой книжке журнала. В ней содержался ответ на травлю, начатую на страницах печати критиками Г. Лелевичем (статья «Несовременный „Современник“» в журнале «Большевик» (№ 5—6)), К. Розенталем (статья о № 1—3 «Русского современника» в газ. «Правда» (1924. 5 нояб.)), С. Родовым и др. В написании этой статьи участвовал К. И. Чуковский (см.: Чуковский. С. 292). В архиве Чуковского сохранилась 3-я глава этой статьи, запрещенная цензурой. Целиком статья опубликована в газете «Книжное обозрение» (1989. № 18).

6. Газета «Известия» 5 сентября 1924 г. в разделе «Театр» сообщала: «Постановка пьесы Замятина „Блоха“ (по Лескову) отодвигается до декабря».

7. Репетиции спектакля «Гамлет» в МХАТ 2-м с 10 сентября шли почти ежедневно. Премьера состоялась 20 ноября 1924 г.

8. Спектаклем «Расточитель» (по Н. С. Лескову) 7 сентября МХАТ 2-й (бывш. Первая студия МХАТ) открыл сезон в новом помещении на площади Свердлова (где раньше находился Новый театр). Пьеса была поставлена режиссером Б. М. Сушкевичем в декорациях А. А. Гейрога. А. Д. Дикий играл в спектакле роль Молчанова.

9. Кустодиев Борис Михайлович (1878—1927) — живописец, театральный художник.

10. Алексей Николаевич Толстой (1882—1945) — писатель и драматург, активно сотрудничал с петроградскими и московскими театрами.

№ 218

15 сентября 1924 г. Москва

15—IX—1924

Мила Николаевна, милая. Я уже дня три в Москве. Живу в общежитии ЦКУБУ. Так оно ничего бы — отдельная комната, но поднимаются здесь спозаранок — с 7 ½ начинаются стук и шум, конечно, не высыпаюсь. Возвращаться домой можно только до часу: потом двери закрывают. Поэтому вчера, когда заболтался в ресторане с Пильнячихой и еще одной актрисой Малого театра в какой-то по-

чти незнакомой компании — пришлось ночевать в Пильнячье к квартире, в какой-то клетушке — спал часа 3. Вообще время идет очень бестолково.

Дела мои — так. Первое: «Островитян» Студия не берет — так обернулось. Надо устраивать в другом театре. Вчера отдал один экземпляр в Малый. Сегодня или завтра отдам второй экземпляр в III Студию или Коршу. Придется из-за этого задержаться в Москве.

Второе: Ильинский из Студии ушел¹. Поэтому Левшу будет играть Волков. Другие роли распределяются так: Платов — Дикий; Царь — Володя Попов, Кисельворде — Геирот, 1-й халдей — Готовцев, 2-й — Бирман, 3-й — Подгорный или Громов²; Полшкипер — Ключарев. После окончательного распределения — напишу еще раз. Музыка будет писать Оранский или Александров³ — молодые моск^{овские} композиторы. Художника все еще не можем найти, все совещаемся, консультирует Абр^{ам} Эфрос.

О «Блохе» появилась рецензия в «Жизни иск^сства»: хвалят во всю мочь и предсказывают, что-де будет «гвоздем сезона». Рецензия написана членом Реперт^уарного Комитета в Москве⁴. Вообще пьесу одобряют коммунисты (помимо прочих смертных).

Приехал я для решения разных вопросов о «Блохе» — оказывается, в самый раз. Попросят сделать еще кой-какие небольшие добавления.

Вчера получил здесь кучу писем, дожидавшихся меня в Петербурге: от Бориса Григорьева⁵, от Елизаветы Георг^иевны⁶, от Эренбурга⁷, от Уманского⁸, от Ремизова (открытку) и ... каталог издательства Dutton⁹ из Нью-Йорка. Там нашел анонс о выходе «We», но с такой рекламой, что я почесываюсь. Идиоты!

№ 3 «Совр^еменник^а» еще не вышел. Тихонов на Кавказе; Чуковский взялся, было, за работу, но по обыкновению, заболел. Положение «Совр^еменника» непрочное, похоже. Ветра переменялись: к Воронскому в «Красную Новь» приставили двух напостовцев¹⁰, один из них — Раскольников. Возможно, что Воронский уйдет.

О «Совр^еменнике» были еще рецензии — ругательные (между прочим, в № 2 «Октябрь»¹¹). Были заметки в «Mercure de France», в «Morning Post».

Вот, кажется, все главные новости. Кажется, ничего не забыл — хоть голова и садовая.

Е.

1. Ильинский Игорь Владимирович (1901—1987) — актер, режиссер. В июне 1924 г. в конце гастролей Первой Студии МХАТ в Ленинграде

М. А. Чехов предложил И. В. Ильинскому роль Левши. Кроме того, он пригласил его войти в основной состав театра при условии, что тот уйдет из Театра имени Вс. Мейерхольда (см.: Ильинский И. В. Сам о себе. М., 1984. С. 263—271). Однако Ильинский остался у Мейерхольда.

2. Волков Леонид Александрович (Зимнюков, 1893—1976), Попов Владимир Александрович (1889—1968), Гейрот Александр Александрович (1882—1947), Готовцев Владимир Васильевич (1885—1976), Бирман Серафима Германовна (1890—1976), Подгорный Владимир Афанасьевич (1887—1944), Громов Виктор Алексеевич (1899—1975) — актеры.

3. Оранский Виктор Александрович (Гершов, 1899—1953) — композитор, в 1923—1925 гг. заведовал музыкальной частью Второй Студии МХАТ 2-го; Александров Анатолий Николаевич (1888—1982) — композитор.

4. В журнале «Жизнь искусства» (1924. № 36. 2 сент.) была опубликована под псевдонимом «Садко» заметка критика Владимира Ивановича Блюма (1877—1941) «В Московском Художественном театре». В ней в числе ближайших постановок значились «Блоха», комедия Замятина по рассказу Лескова и «Петербург» Андрея Белого. Неделей раньше Блюм сообщил о готовящихся спектаклях «Блоха» — Лескова—Замятина и «Пугачевщина» К. Тренева с очень высокой оценкой работы Замятина (см.: Садко. В поисках репертуара // Жизнь искусства. 1924. № 35. 26 авг. С. 7—8).

5. Григорьев Борис Дмитриевич (1886—1939) — художник, близкий друг Замятиных, с 1922 г. — в эмиграции.

6. Елизавета Георгиевна Григорьева (урожд. фон Браше) — жена Б. Д. Григорьева.

7. Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) находился в это время в Париже.

8. Уманский Дмитрий Александрович — переводчик русской литературы на немецкий язык, сотрудничал с австрийским издательством «Theater Verlag Otto Eirich». В конце апреля 1924 г. Уманский был в Ленинграде и встречался с Замятиным. В письме к Ф. Сологубу 6 июня 1924 г. он писал: «В ближайшие дни я надеюсь получить рукописи пьес Е. И. Замятина» (ИРЛИ. Ф. 289 (Ф. Сологуб), оп. 3. № 696). Уманский перевел 2 рассказа Замятина: «Глаза» («Die Hunderaugen»), напечатанный в 1925 г. в газете «Das Neue Ufer», и «Пещера» («Die Höhle»), опубликованный в журнале «Die Neue Rundschau» (1925. № 1) (см.: СС. Т. 4. С. 286—287).

9. «Dutton & Co» — американское издательство, готовило к выпуску роман «Мы» на английском языке. Сообщение о готовящемся издании романа на английском языке появилось в июльском номере журнала «Новая русская книга» (1923. № 5/6. С. 51).

10. Осенью 1924 г. в редакционную коплегию журнала «Красная Новь» были введены сторонники «напостовства» — Федор Федорович Расколь-

ников и заместитель заведующего отделом печати ЦК ВКП(б) Владимир Гордеевич Сорин. См. подробно: ЛН—93. С. 538—539.

11. Во втором номере журнала «Октябрь» за 1924 г. была помещена рецензия на первый номер журнала «Русский современник». Автор, скрывающий свое имя за инициалами А. С., писал о журнале: «<...> он представляет собой попытку организовать правый фланг литературы от внутренних эмигрантов до наиболее чуждых попутчиков. Не случайное (надеемся) сотрудничество Асеева и Бабеля, а Ахматова, Сологуб и Замятин определяют лицо журнала. „Современник“ определяется тем, что он смотрит в прошлое, что только в ушедшем он и живет... О прошлом и безысходном настоящем — также Сологуб. Той же безысходностью, в сущности, веет и от „Рассказа о самом главном“ Замятина» (Октябрь. 1924. № 2. С. 215—216).

№ 219

28 сентября 1924 г. Ленинград

28—IX—1924.

В Москве — третьего дня, когда я уезжал оттуда — была такая жарница, что нельзя было ходить в пальто, нельзя было ходить в жилете. А тут, в Петербурге — холод, сырость, серость, гнусь.

Уехал из Москвы так и не закончивши всех своих дел. Кончил одно, главное: с художником для «Блохи». После долгих разговоров и совещаний с Диким и Эфросом — решили попробовать (по совету Москвина¹) Крымова², хотя мне это и казалось диким. Было с Крымовым несколько свиданий. Затем он пришел в театр на чтение пьесы (я читал для всех актеров, занятых в пьесе).

Накануне моего отъезда уговорились вечером сойтись у Дико-го — Крымов должен был принести туда эскиз декорации 1 акта. Принес. Я поглядел — и заплакал: совсем не то. Так Крымову и сказал. Решили, что утром в день отъезда еще раз зайду к нему — втолковать то, что надо. Прихожу — он показывает мне новый эскиз. И это оказалось, как будто, именно то, что надо. Так что я уезжал уже спокойно.

Крымов пьесой очень заразился, работает с большим аппетитом. У него есть большая смелость (в сто раз больше, чем у Кустодиева, на котором хотели остановиться), декорации, думаю, выйдут³. Крымов очень хотел, чтобы я остался еще на некоторое время, чтобы он мог показать мне эскизы декораций к другим актам, но на это нужна была еще неделя — дней пять, а из Питера уже была получена тревожная телеграмма о журнале...

С музыкантом (Оранским) тоже говорили несколько раз; там — дело надежное.

Финансовые мои переговоры с театром (о какой-нибудь сумме сверх авторских) остались незаконченными. Разговаривать пришлось с Берсеневым⁴, он все время вилял, тянул, жался, отлынивал, хитрил. Препротивный оказался человек. Кончать это придется отсюда, письменно.

С «Звонарями» — тоже еще ничего не решено. По просьбе Студии МХАТ (бывшей 2-й Студии) читал им «Звонарей», но оказалось — платонически. Дал рукопись для чтения в Малый театр и Коршу. И там, и там все кормили завтраками (читает несколько человек в каждом театре). Уехал, так и не дождавшись ответа. Впрочем, из последних разговоров с режиссером Малого театра вижу, что там не выйдет. Шлуглейту (директору Корша)⁵ пьеса, по его словам, понравилась, и он будет проводить ее в Художественном Совете. Тут — шансов порядочно; о результатах обещал написать в конце следующей недели. Если не выгорит и здесь, буду действовать в бывшей III Студии, б. IV Студии⁶, в Камерном. Одновременно здесь, в Петербурге, начну разговоры с Михайловским театром и с Болдрамой⁷.

Очень жалею, что потоп в Петербурге⁸ был без меня. По рассказам — зрелище было удивительное. Кажется, подпыльла Анна Андреевна (я ее еще не видел). Моховая осталась сухой почему-то. Весь Невский, начиная от Литейного вниз — разворочен, ни единого кусочка торца не осталось. На набережной против Гагаринской видел вчера — стоит огромная барка, выплунутая Невой⁹. Были залиты Мариинский, Михайловский, Большой Драматический. Впрочем, сегодня театры уже открываются. В Большом Драматическом идут репетиции Никитинской пьесы — «Праздник Йоргена»¹⁰ — ею хотят открыть там сезон.

Над журналом — густые тучи. Насчет № 4 уверенности нет. № 3 отпечатан весь, но типография не может допечатать обложки — нет тока из-за наводнения¹¹. В понедельник или вторник приезжает Эфрос — обсудить положение.

Был в «Мысли»¹². Мое заказное письмо там не получили. Из Всемирной Литературы им кто-то сообщил, что я в Крыму, послали телеграмму в Коктебель, где меня, конечно, не оказалось. Извинялись, кланялись. Во вторник получу с них деньги (очень кстати: приехал сюда банкротом, а с журнала не могу получить еще за сентябрь — нет денег в кассе). Вольфсон желает издавать мои пье-

сы. Воронский обещал выяснить в «Круге» вопрос о переиздании «Островитян»¹³.

Весь день вчера был в делах, никого из знакомых еще не видел. Видел Ростислава и Мишу, но они без Вас — не живые. Узнал (еще в Москве, от Дикого), что Леночка Анненкова¹⁴ наконец выбралась, получила паспорт и уже давно в Париже. Хотела поступить в театр (кажется, к Дягилеву)¹⁵. Но оказалось, что в этот же театр поступает Тина¹⁶ — Юрий¹⁷ тоже в Париже. Врет там, по слухам, направо и налево — главным образом, направо — поет по-эмигрантски. Нахалище!

Ремонт в квартире еще не кончен¹⁸. Остался, правда, сущий пустяк: положить колосники в печке. Но топить пока нельзя, а уже прохладно. Обещают кончить завтра—послезавтра.

Приехал я, не уведомив предварительно Аграфену. Она оказалась как раз в тот день в душевительном настроении — была в церкви, и я не мог попасть домой часов до 2-х. Впрочем, не горевал: выпил кофе у Лора и занялся всякими делами.

Вечером взял ванну. Сегодня проснулся в 7 — хожу, как всегда, невыспанный.

Узнал, что Вы простудились, что в Златоусте мороз и снег (или врет Аграфена). А я надеялся, что там — такое же лето, как все эти две недели в Москве. Если погода плохая — засиживаться в Златоусте не стоит.

В Лебедяни публику оставил в унылом настроении: Педтехникум закрыли, Владимир Васильевич¹⁹ остался без работы, Женя²⁰ — свободным гражданином. Не очень весело!

Привет Марии, Серг<ею> Конст<антиновичу>, Андрею.

Е

Вчера не послал письма — не было конверта. Днем был у Аннушки²¹. Конечно, Пунин²². Собирается уезжать с квартиры: назначили плату 80 руб. в м<есяц>.

1. Москвин Иван Михайлович (1874—1946) — актер Московского Художественного театра.

2. Крымов Николай Петрович (1884—1958) — живописец, театральный художник.

3. К. И. Чуковский после встречи с Замятиным 29 сентября 1924 г. отметил: «Изо всех возможных декораторов он <Замятин — М. Л.> выбрал Крымова и доволен» (*Чуковский*. С. 289).

4. Берсенев Иван Николаевич (Павлищев, 1889—1951) — актер, режиссер.
5. Шлуглейт Мориц Миронович (1883—1939) — театральный деятель, административный работник.
6. Председатель Художественного Совета IV Студии МХАТ Константин Михайлович Бабанин 14 мая 1924 г. обратился к Замятину с предложением отдать пьесу «Общество Почетных Звонарей» в их театр (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 32).
7. Ленинградский Большой драматический театр.
8. 24 сентября в Ленинграде произошло наводнение.
9. Прогулку по городу Замятин совершил вместе с К. И. Чуковским. Последний отметил в дневнике 29 сентября: «<...> мы пошли гулять на Неву и увидели баржу на набережной — неподалеку от Летнего сада». (*Чуковский*. С. 289).
10. Никитин Николай Николаевич (1895—1963) — писатель, драматург. Его пьеса «Корона и плащ» по мотивам «Праздника святого Йоргена» Х. Бергстеда была поставлена в Большом драматическом театре (премьера — 17 октября 1924 г.).
11. Причина задержки выхода журнала состояла в другом. 4—5 октября Чуковский записал в дневнике: «С ц<ензурой> опять нелады. Прибегает Василий (в субботу) — „К. И., не пускают «Современник» в продажу!“ — „Почему?“ — „Да потому, что Вы вписали туда одну строчку“. Оказывается, что исправляя Финка, я после цензуры вставил строчку о суждальском красном мужичке, которого теперь живописуют как икону. Контроль задержал книгу. Бегу на Казанскую, торгуюсь, умоляю — и наконец разрешают» (*Чуковский*. С. 289).
12. 13 июня Замятин подписал договор с книгоиздательством «Мысль» (владелец — Л. В. Вольфсон) на издание пьес «Блоха» и «Общество Почетных Звонарей» (см.: ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 64). Обе пьесы вышли отдельными изданиями в 1926 г.
13. Ни повесть «Островитяне», ни сборник «Островитяне», незадолго до этого выпущенный двумя изданиями Издательством Гржебина, в «Круге» изданы не были.
14. Анненкова Елена Борисовна (урожд. Гальперина, 1897—196?) — балерина, первая жена Ю. П. Анненкова, вскоре вернулась в Советский Союз.
15. Дягилев Сергей Павлович (1872—1929) — театральный деятель. На основе «Русских сезонов в Париже» (1907—1913) создал постоянную труппу «Русский балет Дягилева», существовавшую до 1929 г.
16. Тина — Валентина Ивановна Анненкова — балерина, вторая жена Ю. П. Анненкова.

17. С 1924 г. Ю. Анненков постоянно жил и работал во Франции. После приезда Замятиных в Париж в 1932 г. он поддерживал с ними близкие дружеские отношения.

18. Речь идет о квартире Замятиных на Моховой ул., д. 36, кв. 8.

19. В. В. Волков.

20. Е. В. Волков.

21. А. А. Ахматова до ноября 1924 г. жила на наб. р. Фонтанки, 2, кв. 307; 3 ноября переехала на наб. р. Фонтанки, 34.

22. Пунин Николай Николаевич (1888—1953) — искусствовед, муж А. А. Ахматовой.

№ 220

Телеграмма

29 сентября 1924 г. Ленинград

Поздравляем¹ Ростислав Миша «Я»

1. Замятин поздравляет Людмилу Николаевну с именинами, она в это время жила у М. Н. и С. К. Ильинских в Златоусте (Первая Зарайская, 8а). На обороте телеграммы — пометы Л. Н. Замятиной.

№ 221

22 ноября 1924 г. Москва

22—XI—1924

Миша Николаевна, пишу в ужасной спешке — сейчас чтение статьи. Первое — жив-здоров. Ехал комфортабельно: один в купе.

Второе — был в театре, смотрел эскизы: плохо. Устроили с Диким заговор: свергнуть Крымова¹ и пригласить Кустодиева. Кустодиеву посылаю письмо² одновременно — оно будет доставлено вместе с Вашим — этим — Всемирной³.

Пожалуйста — проверьте, верно ли я написал адрес Кустодиева (его т<е>л<е>ф<он> 206—76, зовут его Борис Мих<айлович>). И затем: доставьте Кустодиеву экземпляр «Блохи» (у меня в письм<енном> столе, в правой тумбочке, на средней полке (или верхней)). Все это очень срочно.

«Общ<ество> Поч<етных> Звонарей» — у Корша не идет. Ё ЦЕКУБУ⁴ ночевки не устроилось: ночью у Пильняка или в уборной Чехова⁵.

ЕвгЗ

1. А. Д. Дикий вспоминал о Н. П. Крымове: «Он работал с увлечением, тщательно, а эскизы представил довольно поздно, когда работа входила в решающую стадию. Эскизы были великолепные. С полотна глядела на нас русская уездная „натуральная“ Тула: низенькие хатки, голые, облетевшие деревья, на одном из них — черная намокшая ворона. Повторяю, это было прекрасно, но совсем не то, что нужно было нам.

Ведь мы мыслили себе „Блоху“ как балаганное представление, лубок <...>. Весь спектакль должен был стать игровым, шутейным, пряничным, и потому мне нужны были не натуральные, а лубочная Тула, лубочная Англия и лубочный Петербург.

Я заявил на художественном совете, что бракую эскизы Крымова, несмотря на их высокое качество. <...> ... к тому времени я уже точно себе представлял, какой художник нужен для оформления задуманного нами спектакля „Блоха“. Решено было обратиться к Б. М. Кустодиеву» (Дикий А. Повесть о театральной юности. М., 1957. С. 338 — 339).

2. Это письмо сохранилось. В нем, написанном в тот же день, 22 ноября Замятин писал Б. М. Кустодиеву: «<...> единственный художник, который может дать в пьесе то, что нужно,— это Вы <...> Работа срочная: для эскизов — недели три. <...> Одновременно посылаю письмо своей жене, чтобы она доставила Вам экземпляр пьесы. <...> пожалуйста, пожалуйста,— соглашайтесь!» (Цит. по: Дикий. С. 303).

3. Издательство «Всемирная литература».

4. Речь идет об общежитии Центральной Комиссии по улучшению быта ученых при Совете Народных комиссаров РСФСР, которое помещалось на Пречистенской наб., 5. Здесь, приезжая по делам в Москву, часто останавливался Замятин.

5. Чехов Михаил Александрович (1891—1955) — актер и режиссер, племянник А. П. Чехова и любимый ученик К. С. Станиславского. С 1912 г. он играл в Первой студии МХТ, с 1922 г. — ее директор. В 1924—1928 гг. актер, режиссер и директор МХАТ 2-го. Имеется свидетельство А. Д. Дикого, говорящее об интересе М. Чехова к пьесе «Блоха»: «...вскоре после премьеры „Блохи“ М. А. Чехов через И. Н. Берсенева дал мне знать, что хотел бы в порядке очередного ввода сыграть в моем спектакле Левшу» (Дикий. С. 186). Об имени «Ростислав» см. примеч. 3 к п. 196.

№ 222

24 ноября 1924 г. Москва

24—XI—1924.

Милая Мила Николаевна — видно, придется Вам потревожить Агру и послать ее в Политехникум¹. Канцелярия Кораблестрои-

тельного> факультета — кажется, в III этаже бывшего второго общежития.

Вы, очевидно, получили предыдущее письмо — потому что от Кустодиева уже получен ответ, что он согласен работать декорации и костюмы. — Я приехал сюда в тот самый момент, когда Дикий собирался телегр<афировать> мне, чтобы я приезжал: моя поддержка нужна была, чтобы произвести революцию и свергнуть Крымова. Эскизы декораций и костюмов Крымов уже сделал: не то, серо, слабо — это могло провалить пьесу.

Сегодня с утра до 4-х сидел у Дикого: делали (вернее, намечали) кое-какие изменения в IV акте, обсуждали костюмы и прочее. Сейчас — в «Совр<еменнике>». В 8 буду у Пильняка, где сегодня винно-литературное сборище: Белый читает несколько глав из романа². Будет, должно быть, порядочно народу, в том числе — может быть — Лужский³ и Ваш Качалов⁴.

Вчера обедал у Липочки. Она очень подурнела, по мне. Вечером с Пильняком был на «Ревизоре» в Худож<ественном>⁵. Чехов⁶ — Ростислав — удивительный; очень хороши Москвин, Книппер⁷. Был в антрактах у Лужского и Москвина. Лужскому отдал пьесу.

Сегодня видел Бабанина⁸; для них пьеса сложна. Завтра буду сдавать пьесу в III Студию и в Камерный⁹. Вечером пойду смотреть «Гамлета» — Чехова¹⁰.

В ЦЕКУБУ все еще нет комнаты, живу в театре. Вчера прямо из Худож<ественного> пошел спать, но все-таки лег в час, проснулся в начале 9-го, глаза сонные третий день — завтра будет четвертый. Может быть, завтра перееду в ЦЕКУБУ. В четверг — в пятницу, может быть, выберусь домой.

У Магарамы нету денег; «Современник» трещит. Пробуем устроить комбинацию с другим издателем — через Пильняка¹¹; на меня возложена миссия обработать Пильняка. Вообще — дел выше головы; скольких хождений стоило добыть рукописи пьесы из Малого и от Корша!

Если будет охота и время, м<ожет> б<ыть>, начнете переписывать мою статью «О синтетизме» из Анненк<овской> книж<ки>¹² — экземп<л>ра> 3.

Евг 3

1. Ленинградский политехнический институт.

2. События 23 и 24 ноября Б. Пильняк отразил в автобиографическом рассказе «Расплеснутое время», написанном 12 декабря 1924 г.: «Приехал из Питера Замятин. Обедали, собрались в театр. Евгений с репетиции (при-

езжал смотреть, как ставят во Втором МХТ „Блоху“) заезжал в Современник, привез оттуда мне письмо, присланное в адрес редакции (когда собрался я уже из дома, звонил Рукавишников <...>); Евгений передал мне письмо <...> Замятин и я, мы пошли в Художественный на „Ревизора“, в антракте Евгений пошел за кулисы <...> <На следующий день,— сост.> Вечером мы собрались слушать Андрея Белого» (Пильняк Б. Расплеснутое время: Рассказы, повести, романы. М., 1990. С. 70—72).

3. Лужский Василий Васильевич (Калужский, 1869—1931) — артист, режиссер, один из основателей МХТ.

4. Качалов Василий Иванович (Шверубович, 1875—1948) — артист, в труппе Московского Художественного театра с 1900 г. Сохранились два его письма к Людмиле Николаевне Замятиной (ОР РНБ. Ф. 292, № 18).

5. Спектакль «Ревизор» по пьесе Н. В. Гоголя в Московском Художественном академическом театре. Постановка К. С. Станиславского, художник — К. Ф. Юон. Премьера состоялась 8 октября 1921 г.

6. М. А. Чехов в «Ревизоре» сыграл Хлестакова.

7. И. М. Москвин в «Ревизоре» играл роль Городничего; актриса Ольга Леонардовна Книшпер-Чехова (1868—1959) — играла роль Анны Андреевны, в очередь с М. П. Лилиной.

8. См. примеч. 6 к п. 219.

9. Камерный театр, его основателем и бессменным руководителем с 1915 г. был режиссер Александр Яковлевич Таиров (1885—1950).

10. М. Чехов сыграл Гамлета в спектакле МХАТ 2-го (премьера — 20 ноября 1924 г.). Режиссеры В. С. Смышляев, В. Н. Татаринов, А. И. Чебан; художник — М. В. Либак.

11. Попытки найти деньги для издания журнала «Русский современник» не увенчались успехом (см.: Чуковский. С. 293—295, 302).

12. Статья Замятина «О синтетизме» была опубликована в книге: Анненков Ю. Портреты / Текст Е. Замятина, М. Кузьмина, М. Бабенчикова. СПб., 1922.

№ 223

27—28 ноября 1924 г. Москва

XI 1924 г.¹

Милая Мила Николаевна — может случиться, еще задержусь и выеду в воскресенье или понедельник. Больше всего сбил с толку Лужский: ему пьеса очень понравилась, он передал ее Качалову — Качалов прочитал только три акта, ему тоже понравилось (заходил сегодня в гости к Качалову — он Вам кланяется). Завтра должен чи-

тать Москвин. И пока не будет покончено так или иначе с МХАТ — не хочется кончать с двумя другими театрами, с к<оторы>ми веду разговор. Эти театры — Камерный и III Студия. В III Студии просят завтра прочесть пьесу всем. А я простужен — насморк, хриплю, уж и не знаю как будет.

Сейчас еду обедать к Пильняку, оттуда — на суд над Бабелем, где будет выступать Буденный².

Деньги у меня есть: взял аванс в театре.

Позвоните Кустодиеву, что приеду в понед<ельник> или вторн<ик>³.

ЕЗ

1. Помета Л. Н. Замятиной карандашом, дата уточняется по содержанию.

2. Вероятно, речь идет об одном из «литературных судов», которые стали распространенной формой общественных дискуссий о литературе.

Журнал «Красная Новь» в первом и третьем номерах за 1924 г. напечатал главы из книги И. Э. Бабеля «Конармия». С. М. Буденный в отзыве на эту публикацию обвинил писателя в лживом изображении Красной армии: «Гражданин Бабель рассказывает нам про Конную Армию бабьи сплетни, роется в бабьем барахле — белье, с ужасом по-бабьи рассказывает о том, что голодный красноармеец где-то взял буханку хлеба и курицу; выдумывает небылицы, обливает грязью лучших командиров-коммунистов, фантазирует и просто лжет» (Буденный С. М. Бабизм Бабеля из «Красной Нови» // Октябрь. 1924. № 3. С. 196—197).

И. Бабель направил письмо в редакцию журнала «Октябрь». В нем он подчеркивал, что Конармия и ее герои — художественные образы и ничего общего с реальными людьми не имеют. Он, однако, признал, что имя героя повести перешло от реального человека — начальника 6-й дивизии Первой Конной Армии С. К. Тимошенко из-за поспешной публикации глав книги (Бабель И. Письмо в редакцию // Октябрь. 1924. № 4. С. 223).

Об одном из таких «литературных судов» над «Конармией» сообщила газета «Читатель и писатель» (1928. 18 февр. С. 6): «Ко дню 10-летия Красной армии клубные кружки 56 кавалерийского полка готовят Литературный Суд над „Конармией“. В Суде примут участие инспектор кавалерии Красной Армии, член Реввоенсовета СССР тов. С. М. Буденный и автор „Конармии“ И. Э. Бабель».

3. Замятин вернулся во вторник 2 декабря 1924 г. и писал А. Д. Дикому: «<...> сегодня приехал — и сегодня же отнес макет Кустодиеву.» (Дикый. С. 306).

6 февраля 1925 г. Москва

6—II—1925

Мила Николаевна, простите ради Бога, что заставил беспокоиться своим молчанием. Наполовину виновата Липочка — обещала оказию, я к оказии написал, а затем это расстроилось.

Пишу в Художественном — сижу, жду Лужского — уговорились увидеться сегодня с ним и Немировичем¹.

Устал безобразно. Вчера — репетиция (первая генеральная) до 6, затем разговоры, в 7 уехал из театра, а в 8 уже должен был читать в Доме ученых². Сегодня — тоже: с утра с Чеховым, Диким и др.<угими> режиссерами сидели, делали замечания по вчерашней репетиции, сделали много купюр.

Парадная генеральная — в понедельник. Волков — хорош³. Плох — Гейрот⁴, беда! О Крымове писал — что места у него нету.

Отн<осительно> А<лександра> Н<иколаевича>⁵ ничего нового. Ек<атерина> П<авловна>⁶ обещала дать мне справку⁷ сегодня.

Денег для Веры Вл. пока не достал⁸. Некогда. После генеральной — или, м<ожет> б<ыть>, в воскресенье.

ЕвгЗ

1. Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943) — режиссер, один из основателей и директор Московского Художественного театра.

2. Газета «Известия» (1925. 11 февр.) сообщила: «В четверг 5 с. м. в Доме Ученых ЦКУБУ Евг. Замятин прочел свою новую пьесу „Общество Почетных Звонарей“ (Трагикомедия в 4 действиях)».

3. Л. А. Волков исполнял роль Левши.

4. А. А. Гейрот играл в спектакле роль Кисельвроде.

5. А. Н. Тихонов.

6. Пешкова Екатерина Павловна (урожд. Волжина, 1878—1965) — жена М. Горького.

7. Вероятно, по аресту А. Н. Тихонова, который в начале февраля 1925 г. был арестован и провел в заключении около четырех месяцев (см. запись К. И. Чуковского от 15 февраля 1925 г. в изд.: Чуковский. С. 325).

8. Фамилия не установлена. Вероятно, сотрудница журнала «Русский современник», которой А. Н. Тихонов должен был привезти из Москвы деньги для выплаты сотрудникам журнала (Чуковский. С. 325). В связи с арестом А. Н. Тихонова, Замятин пытался выполнить эту задачу.

7 февраля 1925 г. Москва

Парадная репетиция девятого понедельник приезжайте

Автограф А. Д. Дикого на театральной программе. 1925 г.

20—V—1925

Мила Николаевна — Рабинович (настоящий)¹ привезет это письмо (которое пишу в кафе, утром). Конференция² кончилась только вчера в 6 вечера. Заседали буквально целые дни — не было ни минуты свободной, чтобы написать — еле успевали обедать.

Вчера был на «Блохе» — и только тут в первый раз за эти дни увидел Дикого и прочих. В театре встретил Марголина³.

Живу в гостинице — на Тверской. Уеду ли отсюда завтра — не знаю. Может быть, и не успею все сделать — тогда еще задержусь на день.

Сегодня — миллион дел: Ефрос, Ек<атерина> Павл<овна> Пешкова, Немирович, Воронский. С Диким условился встретиться в суде (над Ключаревым)⁴ часа в 2.

Good buy*. Не вешайте головы.

Е

1. Вероятно, Рабинович Иосиф Яковлевич (псевд. О. Ларин) — журналист, юрист, юристконсульт Литературного фонда, улаживал финансовые дела писателей с издательствами.

2. 15—19 мая 1925 г. в Москве проходила Первая Всероссийская конференция драматургов.

3. Марголин Самуил Акимович (1893—1953) — режиссер, театральный критик.

4. 30 апреля 1925 г. в газете «Вечерняя Москва» был опубликован фельетон Д. Угрюмова «Глупость в квадрате» о постановке спектакля «Король квадратной республики» в МХАТ 2-м. В ней рецензент оскорбил исполнительницу главной роли О. И. Пыжову. В этот же день после окончания спектакля В. П. Ключарев обругал Угрюмова и дал ему пощечину. В Краснопресненском народном суде в течение пяти дней разбиралось дело артистов МХАТ 2-го Ключарева, Г. В. Музалевского, А. М. Жилинского, Афонина, А. И. Благонравова, привлеченных «за оскорбление действием» рецензента Д. Угрюмова. Приговором суда Ключарев был присужден к лишению свободы сроком на один месяц. Остальные оправданы (см.: Дело об избиении рецензента // Новый зритель. 1925. № 22. 2 июня).

---

* До свидания (англ.).

№ 227

26 июля 1925 г. Москва

26—VII—1925

Мила Николаевна, посылаю доверенности и три подписи бланковых — текст доверенности, когда понадобится, напишите на машинке.

Я забыл листки анализов (мочи и пр.). Они в письменном столе, в средн<ем> ящике, справа, вместе с письмами. Пожалуйста, вытащите их и пошлите мне — придется послать до востребования.

С Тих<оновым>¹ говорил по телеф<ону>. Он едет во вторник к Волошину.

Тороплюсь сдать письмо и садиться на поезд.

Извинитесь перед Рост<иславом> и Мишей.

Е.

1. А. Н. Тихонов. Об этом свидетельствует приписка Замятина к письму А. Н. Тихонова — М. А. Волошину с просьбой устроить Тихонова в Коктебеле, сделанная 10 июня (см. *Замятин — Волошину*. С. 124).

№ 228

27 июля 1925 г. Мальчевская

27—VII—1925

Чем дальше еду, тем яснее: что юг — в Петербурге, а здесь — север. Небо — тучное, солнца нет, вчера раза два лил дождь. На душе — тоже тучи. Вагон полупустой, из окон — пустыни и степи, в купе со мной только один какой-то идиот, который храпит целые дни. За все время ни с кем не сказал ни слова — лежу и читаю, дочитываю уже пятую книгу.

Попробовал сегодня утром выпить кофе (мало спал) — ничего хорошего не вышло. Больше уж не буду.

Е

№ 229

31 июля 1925 г. Кисловодск

31—VII—1925

Пока хорошего мало. Главная беда — разваливаюсь от недосыпания. Никак еще не устроюсь с комнатой. Вообще мытарства здесь

жестокие — пока дойдешь до ванн, нужно пройти девять Дантовых кругов — и я только случайно был избавлен от части их.

В день приезда (голодный — вагон-ресторан отцепили рано утром) что-то поскорей съел — и к доктору, к Самсонову. Разыскал его на дому, где он меня и принял (что здесь отнюдь не полагается). Щупал, стучал: все в порядке (увеличена селезенка). Колит, по его мнению, на нервной почве — с самого начала — результат «нервно-психических травм». Назначена диета и нарзанные ванны. Через неделю, вероятно, прибавятся Есс<ентуки> № 4 и солнечные ванны.

От Самсонова — по гостиницам: с пансионатом он советовал не торопиться — возьмут деньги вперед за месяц, а там хоть плачь, а живи. Словом, к вечеру еле нашел комнату: под окном — орала всю ночь горная речонка, рядом — уборная... Словом, спал часа 2 ½—2. Вечером перед тем как спать — пошел выпить чаю в кафе и тут-то встретил некую благодетельную женщину — ту самую, к<отора>я однажды звонила без конца к нам, чтобы добиться Тихонова. Это — моск<овская> поэтесса и моя поклонница. С ее помощью и с помощью 3-х рублей я в один день сделал то, что другие делают в 3 дня, причем становятся в очередь в 5 утра; получил курортную и ванную книжки. В четверг надо было бы опять стать в очередь в 5 утра — запись к доктору — я стал в час дня. Сегодня в 6 веч<ера> первая ванна — нарзан пополам с пресной водой 27°. Сейчас бегу доставать билетики на ванны на всю неделю.

Эта же благодетельница, с пом<ощью> своих знакомств, устроила комнату в отеле «Центр». В комнате — двери справа и двери слева: справа до 12 гости, слева в 6 ½ иудейчик просыпается и поет песни, а родители восторгаются, а я не сплю и ругаюсь последними словами...

Сегодня, кажется, дадут здесь комнату поспокойней. Бегу — доставать удостоверение — и в очередь.

Е

№ 230

5 августа 1925 г. Кисловодск

5—VIII—1925.

Милуша, милая — как больно мне от Вашего письма — как больно! О каком же «прощении» может идти речь, когда я чувствую себя виноватым? Виноватым не в чем-нибудь ином, а в том, что мучаю Вас. И, если угодно, мне даже бывает как-то легче, когда Вы сделае-

те мне больно: как будто этим снимается с меня часть моей тяжести. Таким вот каким-то — хоть маленьким — искуплением был и день моего отъезда. И, конечно же, у меня не осталось от этого дня ничего злого: только боль, это — совсем другое.

Я как будто боюсь поверить, что у Вас такая большая душа и такое большое чувство, и все хочется найти какие-то минусы, чтобы не так стыдно было за себя. Потому что я на большое уже не способен. Был когда-то, знаю. А потом — не то нелепая моя жизнь меня истолкла, не то литература меня съела. Вот Вы мне часто не верите, когда я говорю: «не знаю», а ведь я говорю то, что есть. Я так привык себя чувствовать за других — за разных Атилл¹ — что уже потерял тот инструмент, каким настоящее отличают от выдуманного (если только и в самом деле есть настоящее).

Ну, Бог с ней — с психологией. Во всяком случае, вот чему должна поверить: вероятно, единственный человек, чью боль я чувствую как свою — это ты.

Я пока чувствую себя неважно: не сплю, никак не найду тихого для себя помещения. В гостинице за 9 дней переменял уже пять комнат. Раза три ходил искать в частных домах: всюду одно и то же — двери в соседние комнаты и там — дети. Вчера утро потратил на осмотр комнат с пансионом. Взять здесь комнату — дело довольно рискованное — деньги берут вперед но, кажется, пойду на этот риск. В гостинице больше жить нет мочи.

Отчасти я и сам виноват: все встают здесь рано — ванны начинаются в 6 ½ утра — надо бы ложиться часов в 10. А я последние дни ложился в 12, а то и позже. Это — из-за III Студии: они сейчас здесь, каждый вечер путался с ними. К счастью, завтра—послезавтра уезжают.

Взял пока 6 ванн нарзанных (ванны не каждый день — после 2—3 ванн полагается перерыв). Ванны эти — действительно, вещь очень хорошая. И чувствую, если бы я только спал — через неделю стал бы человеком.

Был вчера у доктора еще раз. Кроме ванн, получил циркулярные души — так что это пойдет попеременно: день — ванна, день — душ.

Сейчас — как запечатаю письмо — пойду в один пансионат. Адрес пока все тот же — до востребования. Когда устроюсь оседло — с почтамта письма будут пересылаться мне.

Неужели до сих пор не получены деньги из Москвы от Госиздата? И затем — я просил «Мысль» выплатить Вам остаток денег по Уэллсу и 125 руб<лей> — по выходе «Блохи». Получено ли это? Ни

от Уманского, ни из Америки² — тоже, конечно, нет? Ради Бога — не надо сидеть на фунгах — и беречь их. Для чего?

Листа с подписями для Ахматовой³ Лукницкий⁴ мне не оставил: хотел оставить Пунину. Если оставил случайно — то на пись-м<енном> столе справа.

Е

1. 11 марта 1925 г. Замятин писал заведующему славянским отделением Нью-Йоркской Публичной библиотеки Авраму Ярмолинскому: «<...> буду продолжать начатую еще осенью большую повесть. А может случить-

Автограф А. А. Ахматовой. 1925 г.

ся — переверну этот материал в пьесу — в трагедию. Тема меня очень занимает: столкновение гибнущей, одряхлевшей римской цивилизации — и варварского, молодого востока — гуннов» (*Мальмстад*. С. 118).

2. Вероятно, письмо от переводчика Г. Зильбурга или А. Ярмолинского.

3. Вероятно, речь идет о бумагах, связанных с назначением персональной пенсии А. А. Ахматовой. В конце января — начале февраля 1925 г. Михаил Васильевич Борисоглебский — секретарь Ленинградского отделения Всероссийского Союза писателей сообщил председателю ЛО ВСП Федору Кузьмичу Сологубу: «Посылаю Вам <...> черновик Вашей бумаги об А. А. Ахматовой, отзывы Эйхенбаума и Горбачева и черновики ходатайства в Секцию Научных Работников и Комиссию по предоставлению персональных пенсий при Наркомпросе. По исправлению не откажите переслать мне ходатайства набело» (ОР РНБ. Ф. 92, оп. 1, № 211. Л. 1).

4. Лукницкий Павел Николаевич (1902—1973) — поэт и прозаик, друг Ахматовой и помощник в ее литературных делах.

№ 231

18 августа 1925 г. Кисловодск

18—VIII—1925

Что такое Кисловодск? Я очень коротко написал об этом в письме, посланном Максимовичу¹ — я ему дал такой свой адрес: Палестина, Кисловодск, до востребования. Иностранцев — вроде меня — здесь очень мало.

Я пишу сейчас у себя в номере — все никак не могу вырваться «из оков ненавистного центра» (Костя Едыткин²). Для нормального человека — вероятно, комната очень хорошая: верхний этаж, с балконом — сверху вот сейчас, вечером — чудесный вид: гора — черная — в огнях — домики. Внизу — шум, толпы палестинцев, колеса извозчиков, даже трамвайчик (грузовой) — как будто живешь в Москве на Кузнецком. Этот вечный шум, базар — раздражает. А главное — с 5 утра начинают двери стрелять двенадцатигидриевой и я просыпаюсь. Часов 8 спал раза 2—3 за все время, а то все 5—6—6 ½ часов. Не очень-то, конечно, поправишься этак. Хотя все толстокожие кругом — спят ангельски. Одна баба-Яга — я — не сплю.

Сейчас уже начинает кой-кто уезжать — завтра попробую опять переселиться в частную комнату в тихом семействе — поищу, есть шансы найти. На прошлой неделе — в виде опыта попробовал ночевать в освободившейся комнате, рекомендованной одним московским журналистом. Действительно, тихо. Но когда я ночью проснулся взглянуть на часы и зажег спичку, то больше уже спать не лег:

увидал на постели клопов. В ту ночь спал часа два. Нет, видно, для меня единственный курорт — Лебедянь.

Ресторанчиков здесь много и неплохих, кормят подходяще (хоть и дороговато). Это все же не Коктебель. Но иной день согрешаешь куском дыни, иной день пирожком в кафе — и колитик с перебоями, с паузами — плетется понемножку.

Через полчаса — пойду к доктору: всякая новая порция ванн или других процедур (порции выдаются, примерно, на неделю) сопровождается визитом к доктору. А визит к доктору — предварительной записью (становятся в очередь с 5—6 утра) и прочими удовольствиями. Сегодня отельная горничная — коммунистка мне эту запись не смогла сделать — и я потратил полдня, чтобы разными окольными путями добиться приема. Очень нудно.

Когда выберусь отсюда — не знаю. Я решил попробовать еще неделю: если засплю вдруг в новом помещении — тогда Кисловодском так и закончу лето. А если не выйдет — уеду куда-нибудь — мелькает в голове мысль даже о Лебедяни. Скорее всего дело кончится тем, что в середине сентября или раньше — буду в Москве.

Двух писем, посланных мне нераспечатанными — увы, не получил. Лучше их или не посылать или посылать заказными только.

Просьба: разыщите у себя в архиве окончательный вариант статьи «О литературе, революции, энтропии и о прочем»³, дайте отстучать на машинке и пошлите поскорей: Ladyschnikow⁴. Verlag, Berlin № 50 Rankestrasse 33, Herrn S. Liberman⁵.

Е

Если в рукописи статья не найдется, надо переписать ее из сборника «Писатели о себе» — изд. «Круг».

Приехала ли Аграфена? Я из писем что-то не вижу.

1. Максимович Анатолий Семенович — хирург, друг Замятина. См. подробнее: примеч. 2 к п. 260.

2. Костя Едыткин — персонаж рассказа Замятина «Алатырь» (1914).

3. Статья «О литературе, революции, энтропии и о прочем» позднее была переведена на немецкий язык Семеном Фришманом (Semjon Frischmann) и опубликована в журнале «Russische Rundschau» (1925. Okt.—nov. S. 59—64).

4. Ладыжников Иван Павлович (1874—1945) — издательский работник, один из руководителей акционерного издательства «Книга» (Берлин) в 1921—1930 гг.

5. Либерман Семен Петрович (Lieberman Semjon) — переводчик, сотрудничал с издательством «Книга» И. П. Ладыжникова, принимал участие в издательских делах Замятина в Германии, переводил на немецкий язык пьесы «Огни Св. Доминика» и «Атилла», поддерживал постоянные контакты с переводчиками произведений Замятина — Д. А. Уманским и др. Сохранились его письма к Замятину за 1925—1926 гг. (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 122). 28 июля 1925 г. он обратился к писателю с просьбой дать для журнала «Russische Rundschau» статью «О литературе, революции, энтропии и о прочем».

№ 232

25 августа 1925 г. Кисловодск

25—VIII—1925

Уже неделю живу не в отеле, а в частном пансионате. Знакомые все поразъехались, кругом — новые люди, серенькие и скушноватенькие, как небо сегодня. Я не прочь был бы полечить себя недельки две—три скукой, да боюсь не высижу и здесь: опять все то же — плохо сплю, часов 6 — редко когда 7.

На пансионат этот я давно целился, но место освободилось только прошлый понедельник. При доме сад, все это на подъеме в горы, воздух чудесный, нет этого раздражающего уличного шума. Хорошо кормят, я заказываю то, что мне нужно — и если бы только спал, живо округлился бы. Ложусь спать ... в 10, самое позднее в 11. Но утром в 5 — мимо моей двери идет хозяйка на базар, стучит входной дверью — и кончено...

Кроме ванны, проделываю сейчас «влажные укутывания» — нечто вроде согревающего компресса на все тело — на полчаса, затем душ. После этого чувствуешь себя очень добродушно. Кишки — странные: день ахово, день хорошо. Кругом все лопают дыни, арбузы, персики, я — смотрю.

Еще не решил, что буду делать дальше. Если очень изведет недосып, может быть вдруг возьму и уеду в Лебедянь недели на 1 ½—2. Но жаль как-то быть тут и не увидеть самого красивого — черноморского побережья: может быть, поеду туда. Ведь здесь — юг, в конце концов, совсем не чувствуется: частые дожди, не жарко — в Лебедяни прошлым летом было куда южнее.

Мозги, конечно, очень разленились и лежат в голове, как раставшее желе. Не мог бы, кажется, сейчас написать ни строчки. Может быть, такое состояние и полезно.

Ходят ко мне 2—3 литературных человечка — поклонники. А так — выкинул из головы и Аггилу, и «Современник»¹ — живу безмысленно, а может — и бессмысленно.

Е

В прошлом письме я просил переписать статью «О революции, энтропии» и т. д. потому, что в сборнике Воронский по цензурным причинам выкинул один абзац².

1. Замятин предполагал, что повесть «Бич Божий» будет опубликована в пятой книге журнала «Русский современник». В четвертой — было объявлено содержание пятого номера: проза М. Горького, «Бич божий» Замятина, произведения С. Сергеева-Ценского, И. Бабея.

2. В архиве Замятина сохранились три варианта этой статьи (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 1, № 190—192). В российских изданиях статья печатается по тексту первой публикации в сборнике «Писатели об искусстве и о себе» (см.: Соч. С. 446—452). В мюнхенском издании сочинений писателя без ссылки на источник опубликован другой вариант статьи (Соч. Мюнхен. Т. 4. С. 291—297).

№ 233

30 августа 1925 г. Кисловодск

30—VIII—1925

Из пансионата, где я живу, сейчас двое едут в Москву. Одному из них — врачу, очень милому — я даю это письмо.

Последние 5—6 дней чувствую себя неплохо. Немножко отоспался (но ложусь — в половине десятого!), кишки — как у большого. Сегодня брал свою двадцатую ванну — двадцать нормальный курс. И очень вероятно, что во вторник уеду отсюда — в среду в 12 дня буду в Сочи и в тот же день постараюсь уехать в Гагры или Нов<ый> Афон — в Сочи тот же базар, что и здесь, в Кисловодске. Окончательно это решу завтра вечером — пойду последний раз к Самсонову: если он не скажет, что нельзя — поеду. Как только выясню свой новый адрес — протелеграфирую.

Мне приходит в голову, может быть, и не очень лепая мысль: а не заманить ли все-таки Вас на юг? Не захотите ли Вы поехать туда, где буду я? Я там думаю пробыть числа до 14—15 сентября, потом — в Москву; надо решать дело с «Звонарями»¹, с «Атиллою» — ждет Тихонов по «Современнику». А Вы могли бы посидеть у моря еще с месяц.

На днях читал «Атилли» двум актерам III Студии — Глазунову², директору ихнему и еще одному. Очень понравилось. Может, и правда вышло хорошо? Надо все-таки поторапливаться в Москву: не удастся ли использовать этот сезон?

Бегу на вокзал.

ЕЗ

1. Трагикомедию «Общество Почетных Звонарей» Московский Художественный театр 1-й начинал репетировать дважды, но пьеса поставлена не была (см. *Автобиография*—31. С. 13—14).

2. Глазунов Освальд Федорович — директор Государственной академической студии им. Евг. Вахтангова.

№ 234

2 сентября 1925 г. Кисловодск

2—XI¹—1925

Вчера вечером был у доктора. Он самым решительным образом советовал остаться здесь и взять еще несколько холодных нарзанных ванн 24°—22°, чтобы «закрепить достигнутый результат». Третий день здесь — петербургский октябрь, холодно, дождь. Сидеть в пансионате среди опротивевших до тошноты людей — не очень весело. И все же решил послушаться доктора и потерпеть еще несколько дней.

Получено ли мое предыдущее письмо? Я отправил его с оказией до Москвы — писал, что еду в Гагры 31-го или 1-го и хотел заманить Вас туда. Я мог бы туда выехать во вторник или среду на след<ую>щей неделе и пробыть там неделю — дней 10. Если Вы не захотите ехать туда — я, может быть, тоже не поеду, а просижу еще несколько лишних дней в Кисловодске и двинусь прямо в Москву. Надо же все-таки кончать в Москве дела свои с пьесами.

Сегодня гулял в парке (застегнув пальто на все пуговицы) с одним знакомым журналистом, рассказывал ему об Атилле — и оказалось, что это — ни к чему, что на театре ничего хорошего из этого не выйдет, что получается какая-то советская пьеса. Это у меня-то! Даже карандаш сломал. А может быть — это действует осень.

Дней 10 кишки стараются, сплю неплохо (запираю комнату в 9¼—9½, полчаса — на завешивание двух окон, в одиннадцатом — засыпаю, просыпаюсь — будит шум — в 6½—6, сегодня — без четверти 6). Взвешивался — прибавил... 2 фунта. Нечего сказать!

Иду сейчас на вокзал сдавать письмо. Значит, Миля Николаевна, еще раз: если решите расстаться с Петербургом на месяц—полтора, телеграфируйте мне.

Е

1. Исправлено карандашом Л. Н. Замятиной на «IX».

№ 235

10 сентября 1925 г. Армавир

Армавир 10—IX—1925

Неожиданно для себя самого — вчера решил бросить Кисловодск и дня на 4 поехать на Нов<ый> Афон. Соблазнил попутчик — один московский журналист — и подействовал двухдневный заулемный¹ дождь в Кисловодске. От Вас ни письма, ни телеграммы не получил. Чувствую себя терпимо: главное — кишки уже больше 2-х недель ведут себя прилично. Сплю незамечательно. Адрес до 17—18/IX — Нов<ый> Афон до востреб<ования>.

ЕЗ

В Москве буду числа 18—20.

1. Заулемный — так у Замятина. Заулевный дождь — затяжной дождь (диал.).

№ 236

21 сентября 1925 г. Москва

21—IX—1925

Наконец — в Москве. Замерз, послал телеграмму, а сегодня как нарочно уже тепло. Путешествие мое было очень утомительно — и все же как-то освежило, так что я не жалел, что поехал.

Здесь, в Москве, устроился в ЦЕКУБУ (Пречист<енская> наб<ережная> 5), но вчера отдельной комнаты еще не было, уложили спать в гостиной — два больших окна — все ясно.

Сюрпризы здесь пока мало приятные. Первый: от m-те Дикой узнал относ<ительно> «Блохи» — книжки¹. Второе: от Дикого по телефону — что у Корша уже всю репетируют «Звонарей», торопятся. Это мне не нравится — может получиться выкидыш, а не настоящий спектакль. Дикого увижу только сегодня поздно вечером. Тогда все узнаю.

Вчера был в МХАТ 2-м. Говорили об «Атилле». Единственный день, когда все члены Правления, режиссеры и т. д. свободны — суббота. В субботу вечером — буду у них читать. На МХАТ 1-й за «Звонарей» все-таки зол — им «Атилле» не дам. К тому же «Пугачевщина»², по общим отзывам, у них провалилась (завтра иду смотреть).

Сейчас иду брать аванс в Союзе Драм<атических> Пис<ателей>. Днем — с Тихон<овым> и Ефросом о «Современнике». Вечером — Лужский звал в Худож<ественный> театр на чтение пьесы Булгакова³, вечером позже — к Дикому.

«Блоха» идет с аншлагами. У Вол<оди> Попова скоро будет дублер — Азарин⁴.

Адрес — или Пречист<енская> наб<ережная> 5, или МХАТ 2, Д. А. Кленову⁵ для меня.

Е.

1. Возможно, речь идет о переговорах Замятина об издании пьесы «Блоха» с Московским театральным издательством (см.: Письмо Московского театрального издательства к Замятину от 2 октября 1925 г. // ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 66).

2. Первое представление спектакля «Пугачевщина» по пьесе К. А. Тренева состоялось в МХАТ 19 сентября 1925 г. Режиссеры: Вл. И. Немирович-Данченко, В. В. Лужский, Л. М. Леонидов. Художник — А. Ф. Степанов. Роль Пугачева в очередь играли И. М. Москвин и Л. М. Леонидов.

3. Речь идет о первой редакции пьесы М. А. Булгакова «Дни Турбиных», носившей название «Белая гвардия». Текст первой редакции был написан в июле—сентябре 1925 г. (см.: Булгаков М. А. Пьесы 1920-х годов. Л., 1989. С. 514—519). Свидетельство Замятина позволяет уточнить дату первой возможной читки этой пьесы в Московском Художественном театре (Ср.: *Булгаков*. С. 612).

4. Азарин Азарий Михайлович (Мессерер, 1897—1937) — актер, в очередь с Л. Волковым играл роль Левши. Об Азарине в этой роли см.: *Гиацинтова*. С. 292—293.

5. Кленов Дмитрий Александрович (1898—?) — инспектор МХАТ 2-го.

№ 237

28 сентября 1925 г. Москва

28—IX—1925.

Милая Мила Николаевна. Пишу потому, что может случиться, что пройдет еще несколько дней, пока из отвлеченного я превра-

щусь в реального. Беды в том мало: в реальности — все оказывается куда хуже, чем в отвлеченности.

Такова же и судьба Атииллы. В субботу читал в МХАТ 2-м. Народу было немного, человек 10—15; Чехова не было — Берсенев, Сушкевич, Чебан, Подгорный, Бирман, Гиацинтова¹, Бромлей, Соловьева, Пыжова², еще кто-го. После чтения — ласково ругали. Деловых разговоров с членами Правления после этого у меня не было, но во рту остался вкус, что пьеса не понравилась.

Читал рукопись Лужский. Говорил некие комплименты, просил дать для прочтения в реперт<уарно>-худ<ожественный> к<омите>т МХАТ 1-го. Но все это, по-моему, не очень уверенно. Вчера вечером сидел у него в театре, говорили об Атиилле: так-де так, но от меня и от темы им-де хочется еще большего.

Сегодня буду читать Атиилу в III Студии. А когда вернусь — надо будет, явно, начать писать эту вещь еще раз — с начала.

К «Звонарям» у Корша оч<ень> интересный макет — конструкцию сделал худ<ожник> Борис Эрдман³. Но постройка дорога и сложна — театр хочет от нее увильнуть, я наседаю — разговоры идут почти каждый день, окончательные будут во вторник.

Сейчас иду в Госиздат. Только в субботу узнал, что эти прохвосты до сих пор не перевели денег.

Сегодня — первый раз за неделю в Москве — выспался. Видел вчера Качалова — кланяется Вам.

Пальто получил.

Е

1. Сушкевич Борис Михайлович (1887—1946) — актер, режиссер, педагог; Чебан Александр Иванович (Чебанов, 1886—1954) — актер, режиссер; Гиацинтова Софья Владимировна (1895—1982) — актриса, режиссер.

2. Бромлей Надежда Николаевна (1889—1966), Соловьева Вера Васильевна (1892—?), Пыжова Ольга Ивановна (1894—1972) — актрисы.

3. Эрдман Борис Робертович (1899—1960) — театральным художником.

№ 238

19 декабря 1925 г. Москва

19—XII—1925

Телеграммы не получил от Вас — стало быть, еду с надеждой. Тих<онова> — не видел, только говорил по телефону. Очень глупо выходит: он на днях едет в Питер. Туда же выехал Лежнев. Был в

МХАТ 2-м: они не едут весной никуда¹. Ночью спал. Вагон сегодня плацкартный, жесткий, грязный...

Е

1. МХАТ 2-й весной 1926 г. все же выехал на гастроли в Тифлис и Баку, летом играл спектакли в Ростове-на-Дону.

№ 239

20—21 декабря 1925 г. Лебедянь

20—XII—1925

И вот в столовой, около лампы, мы сидим втроем: тетя Варя, Женя и я. А мать — лежит одна, в нетопленном зале. И никогда уж больше я ее не увижу — а еще хуже, что она меня никогда не увидит. Хуже — потому что она меня любила, конечно, в десять раз больше, чем я ее. А мне теперь горько, что мало сравнительно о ней заботился. Так много мелочей, пустяков, которые ей могли доставить радость. И — уж поздно.

Странно, что все вышло так же, как с моим отцом: так же — в тот же день, в субботу — заболела, в тот же день — в пятницу — конец, и так же — в воскресенье — приехал я, на несколько часов позже, чем нужно.

Мне сейчас рассказывали, что во время болезни мать несколько раз говорила: «А может быть не он приедет, а Людмила Ник<олаевна> приедет — тогда будет свой врач, скорее, глядишь, поправлюсь».

Больше всех сейчас — по-видимому — горюет Женя. Жалко на него смотреть: так плачет. Я попал сюда уже в состоянии «окамененного нечувствия» — может быть, к счастью — а, может, после будет хуже. Когда я приехал при тех же обстоятельствах в 16-м году, мне было страшнее — хотя мать я любил больше отца.

Послезавтра, когда все будет кончено, выеду в Москву. Не знаю сейчас, что лучше: остаться в Москве или ехать домой? Что посоветуете Вы — единственная мать, которая у меня осталась? Письмо лучше всего адресовать на Липочку (— или телеграмму).

Я буду не здесь — в том доме — ночевать. Там неудобно, холодно. Мальчики оба очень неприятны, девочка — ничего¹. Лучше всех Женя — он как-то вообще изменился к лучшему.

Ради — уж не знаю чего — берегите себя.

Е

21—XII. До чего каменный я, должно быть: спал сегодня ночью хорошо. Днем ходил в сад — было солнце; смотрел Ваш кальвиль². Какая тишина и грусть! — Пока не забыл, о «Блохе»: думаю, Юрьеву не надо говорить, что москвичи не приедут. — Дикий поругался в театре, отказался от роли Платова — играет Благодрахов.

1. Замятин имеет в виду детей А. И. и В. В. Волковых — Евгения Владимировича (см. примеч. 1 к п. 217), Сергея Владимировича (род. 1916) и Ксению Владимировну (род. 1924).

2. Эту яблоню в саду у лебедянского дома Замятиных Евгений Иванович и его родные подарили Людмиле Николаевне и оформили подарок шутилой дарственной записью (см. каталог. № 30).

№ 240

24 декабря 1925 г. Москва

24—XII—1925

Мила Николаевна, пишу Вам уже из Москвы, невменяемо — усталый, так что письмо может выйти несуразное. Не спал ночь (выехал из Лебедяни вчера, в среду) — совершенно, ни на секунду: два грудных младенца, Васька и Мишка, орали внизу подо мной всю ночь.

Здесь тоже не везет: мест в ЦЕКУБУ нет, на сегодня и завтра устроился в театре, в уборной Чехова. Завтра буду в МХАТ 2-м на генеральной новой их пьесы — «1825 год»¹, послезавтра — на «Блохе» с Азариным. В субботу утром назначено совещание с дирекцией у Корша по поводу «Звонарей». Был там сегодня; вопрос пока висит в воздухе.

Пишу это письмо в расчете, что Вы получите его завтра днем. Я не знаю, поправились ли Вы уже. Если да, то, может быть, получив письмо, уложите багаж и приедете (Баршев!²) на несколько дней — посмотреть «Блоху». Но погода здесь — имейте в виду — отвратительная, льет дождь. Так что, если у Вас все такие же температуры — пожалуйста, сидите дома. Тогда я очень быстро вернусь — выеду, может быть, в субботу или воскресенье. Телеграфируйте мне на театр, поедете или нет. С помещением будет трудно: Липочка как-то сократилась (кажется, две комнаты теперь занимает Платов³), Ханум уехала, но не оставила никому ключа от комнаты. Но, думаю, все же Вы где-нибудь можете устроиться — у Дикого, у Крылюва — не знаю, где еще.

Еще раз повторяю: путешествие Вам разрешается только в том случае, если Вы пришли к обычным своим температурам; иначе — ни в коем случае.

Следующий раз после 26-го «Блоха» идет 8-го: юбилейный 50-й спектакль. Жаль, что едва ли удастся дожить здесь до этого юбилея.

Жду ответа.

Е

1. К столетней годовщине восстания декабристов МХАТ 2-й поставил пьесу Н. А. Венкстерн «В 1825 году». Режиссер — Б. М. Сушкевич, при участии И. Н. Берсенева. Художник — С. В. Чехонин. Балетмейстер А. М. Мессерер. Критик П. А. Марков охарактеризовал пьесу так: «наивная и острожная мелодрама, обезоруживающая критика чистотой намерений и кропотливостью мировоззрения» (об этом спектакле см. подробнее: *Гиацинтова*. С. 248—251).

2. Баршев Николай Валерьянович (1888—1938) — писатель, член правления Ленинградского отделения Всероссийского Союза писателей. Замятин намекает на обширные связи Баршева на железной дороге. После окончания Политехнического института Баршев работал в Министерстве путей сообщения.

3. Замятин имеет в виду А. Д. Дикого.

№ 241

До сентября 1926 г.¹ Ленинград

Все это так сложно и так больно, что писать об этом еще невозможней, чем говорить. Я не могу.

Только одно: все лишние укоры совести — лишние. Ведь я все знал — или чувствовал, и если все-таки не мог, то тут Вы не при чем — причина во мне самом.

Как мне удастся переступить через себя — не знаю. Может быть — для этого надо наступить на себя. Может быть, когда-нибудь сделаю и это. Трудно жить... — или мы просто не умеем?

Е.

А то, что кроме всего другого между М и Ж — это, к несчастью или к счастью, есть и у меня. Иначе я жил бы очень спокойно... и деревянно.

1. От этого письма сохранился конверт с пометой Л. Н. Замятиной карандашом «1926»; на нем нечеткий сургучный отпечаток монограммы «ЕЗ».

4 сентября 1926 г. Москва¹

4—IX—1926

Ну, и я тоже неживой: отвратительно себя чувствую, не сплю. Под окном у меня с 5—6 час^{<ов>} начинается езда ломовиков. В четверг проснулся часов в 5 (лег около 11 ½); вчера был дома около 11, но заходил один—другой из цекубовых жителей, потом с час завешивал, лег в половине первого, а заснул — неизвестно почему — часа в 2 ½, в 7 — уже проснулся... Разваливаюсь помаленьку.

Вдобавок — прекрасная погода. Я прогулял вчера весь день без пальто. Ночью уже задыхался от жесточайшего насморка. Хорошо, что еще не плачу, как Вы, а то бы носу никуда нельзя показать: придти куда-нибудь со слезами разговаривать об Атилле...

В Малом Театре с директором² говорил только вчера. Экстра-любезен. Но в этом сезоне у них все полно — отводят поэтому даже пьесе Южина³, будут читать «Атиллу» — уже в расчете на след^{<ую>}щий сезон.

Вчера днем — было свидание с Лужским. Дело, по-моему, здесь довольно безнадежное. Может быть, все-таки дам прочитать П. Маркову⁴.

Зашел вчера в Союз Пис^{<ателей>} — в ресторан. Встретил там Колло Береснева⁵. Потом поехали с ним ко мне пить чай. Он предлагает устроить так, чтобы мне предложили от Мейерхольда⁶ — дать для знакомства «Атиллу»⁷. Что ж, дам.

Сам Коля — может быть, поступит к Мейерхольду. Сенсация: туда вернулся Ильинский Игорь.

Сегодня в 3 в Союзе Пис^{<ателей>} назначил свидание Коле Никитину — он здесь. Поговорю с ним и о квартире.

Посылаю «мандат»⁸, письмо Якову⁹ — и мой Вам привет.

Е.

P.S. Сейчас посылаю все спешной почтой. Если до того, как Вы уйдете в церковь, письмо не принесут — скажите, чтобы его доставила Аграфена, хотя бы во время пира. Мне жалко, что я не увижу всего этого.

А здесь мне скушно.

1. В Москву Замятин, вероятно, приехал из Лебедяни. Об этом свидетельствует телеграмма Н. Ф. Монахова, отправленная 26 августа 1926 г. из Ленинграда в Лебедянь (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 147).

2. В. К. Владимиров.

3. Вероятно, речь идет о пьесе драматурга и артиста Александра Ивановича Сумбатова (сценический псевд. Южин, 1857—1927) «Рафаэль и Фортарина». В это время он был почетным директором Малого театра и председателем Художественного совета.

4. Марков Павел Александрович (1897—1980) — критик, театровед, с 1925 по 1949 гг. заведующий литературной частью МХАТа.

5. Береснев Николай Яковлевич — актер и режиссер театра и кино.

6. Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940) — режиссер, в это время руководитель Театра им. Вс. Мейерхольда.

7. Замятин закончил пьесу «Атилла», вероятно, в конце мая — начале июня 1926 г. 9 июня он писал А. Ярмолинскому: «I have recently finished my tragedy „Attila“ (verses!) and handed it for the next winter season to the Great Dramatic Theater here»* (Цит. по: *Мальмстад*. С. 128). Несколько ранее, 10 мая на литературно-художественном вечере в Союзе Писателей Замятин прочел несколько сцен из трагедии (Селиванов А. Весенний смотр литературы // Крас. газ. 1926. 13 мая. Веч. вып.). Сохранилась копия договора дирекции Большого драматического театра с Е. И. Замятиным, заключенного 7 июня 1926 г. По условиям договора Замятин передал право постановки пьесы «исключительно ГБДТ» и не мог никому передавать ее в течение трех лет с момента премьеры и печатать ее до конца 1926—27 гг. Автор должен был завершить пьесу не позднее 15 августа 1926 г. Театр давал обязательство поставить ее в сезоне 1926—27 гг. (*О постановке пьесы «Атилла»*. Л. 13).

8. Далее в тексте письма Замятин изобразил печатными буквами штамп: «СССР. Наркомвнудел. Лебедянский Волисполком».

9. Вероятно, письмо Якову Петровичу Гребенщикову, вместе с шуточным «мандатом» были поздравлением в связи с его свадьбой.

№ 243

7 сентября 1926 г. Москва

7—IX—1926

Милая Мила Николаевна. Пишу Вам, сидя у Берсенева — или, вернее, не столько у Берсенева, сколько у художника Вьшеславцева¹ — на Поварской, в прекрасном доме Ростовых из «Войны и мира»².

Дела мои движутся очень медленно — как я и ожидал. Сижусь сейчас и думаю, что может быть даже и не стоит мне никуда ехать: только

---

* «Только недавно закончил трагедию „Атилла“ (стихи!) и отдал ее для следующего зимнего сезона в Большой драматический театр» (англ.).

приедешь, разлакомишься — и уж изволь ехать назад. Едва ли удастся что-нибудь выяснить раньше конца недели.

Стало быть, о Малом — я уже писал: разговор может идти только о след<ующем> сезоне. О разговоре с Лужским — тоже. Вчера состоялся контакт с Павликом Марковым. Его пьеса заинтересовала, по-видимому, больше, чем Лужского¹). Но для постановки он ее считает очень трудной; в частности для них невыгодно — потому что мало женских ролей. Во всяком случае, пьеса тоже не влезет в этот сезон. Марков передал рукопись для прочтения Леонидову³ — единственно возможному у них Атилле. Впечатления Леонидова будут мне известны, вероятно, завтра.

Тем временем, через одного театрального журналиста — фактума Мейерхольда⁴ — идет разведка в этом направлении. Завтра утром предварительный его разговор с Мейерхольдом, после чего, вероятно, состоится мое свидание с Мейерхольдом — едва ли раньше четверга. Самым разумным, конечно, было бы дождаться ответа от Мейерхольда, и в случае негата отдать один экземпляр «Атиллы» хаханговцам, один — Малому — и ехать, куда глаза глядят.

С «Землей и Фабр<икой>» ничего не удастся выяснить: Нарбут⁵ — в отъезде, в отпуску.

Надо еще просмотреть перевод «Островитян» и отправить Либберману⁶. И ему же одновременно послать «Атиллу» (рукопись отдал переписывать). Вечером сегодня иду к Лидину — он неплохо знает немецкий, поможет мне с «Островитянами».

В субботу был на «Горячем сердце»⁷. Такой был невыспанный, с насморком, кашлем и, должно быть, с легкой температурой — что после III акта уехал домой. Ждал большего. Хороши Москвин и Тарханов; пьеса скучна.

С Колей Никитиным вижу ежедневно: он живет там же, где и я. С квартирой его — дело конченное. Сам он просится к нам в жильцы. Теперь: что ж делать нам с квартирой? Сегодня опубликован декрет о квартирной плате (в «Известиях»). Одно из примечаний: литераторы и художники с заработком не свыше 400 в месяц — приравниваются к служащим. Если взять летнее полугодие (апрель — октябрь) — у меня так и выйдет; тогда, пожалуй, не так страшна будет стоимость нашей квартиры. А без гаража в ней еще — куда ни шло — можно жить.

Думаю, что Ник<олай> Фед<орович> не будет по отношению к нам особенным варваром при определении квартирной платы. Поговорите с ним еще, прикиньте вместе с ним, сколько придется платить за квартиру: может быть, выйдет не очень много.

Едва ли сейчас удастся найти подходящую маленькую квартиру. Разве уж подвернется какой счастливый случай (вроде Коли — Никитинского) — тогда надо его брать за шиворот. А так, думаю, больше всего смысла переселиться в Бодровские апартаменты⁸: комнаты — недурные, площадь — не такая большая, детей — наверху нет, домоуправление — все то же — милостивое. Поразведайте сперва у Мих<аила> Яковл<евича> — не слишком ли там холодно (снизу), и если нет — переселяйтесь. Это не очень трудно — из этажа в этаж, и стоит пустяки. Если это переселение состоится, по-моему, жильцы Бодровской квартиры должны переложить на свой счет одну печь (— компенсация нашей), а другую печь у них мы переложили бы на свой счет; тогда, глядишь, не будет холодно там. Распределение комнат мы, кажется, уже прикидывали; если не ошибаюсь — моя спальня рядом с столовой, дальше — кабинет, ваша комната — из коридора направо. Телефонные штепселя — один у меня в кабинете, другой — в столовой, или у Вас в комнате.

Теперь о финских делах⁹. Заявите об отсрочке уплаты без пени — я посылаю. Но, пожалуй, особой надобности в подаче его нет: если сейчас внести, скажем, 150 рублей — пеня на остальные 150 за два месяца всего только 18 руб<лей>. Чистые листы за моей подписью посылаю; квитанцию — тоже.

Перешлите Лаврушке¹⁰ записку насчет режиссера — не нужен ли им.

Возможно, что к Вам заявится художник Вышеславцев (Николай Николаевич). Очень интересный и культурный человек. Сведите его с Анной Андреевной: он хочет ее рисовать. Собирается рисовать и меня¹¹.

Сегодня из дальних странствий приезжает Пильняк¹². Может быть, увижусь с ним. А сейчас — пойду к Кустодиеву: думаю, он сегодня приехал.

Затем — прощайте. Уже третий час. Надо идти.

Привет Вам, мальчикам, Аннушке¹³.

Е

P.S. Я с своей простудой уже почти разделался. А Вы — уже за-температурили? Уехали бы Вы куда-нибудь, а?

^{*)} Марков думает почему-то, что пьеса д<олжна> понравиться Чехову. Но Чехова еще нет — он на Капри¹⁴.

1. Вышеславцев Николай Николаевич (1890—1952) — художник-портретист, книжный график.

2. Замятин имеет в виду дом 52 на Поварской ул., где помещался Союз Писателей.

3. Леонидов Леонид Миронович (Вольфензон, 1873—1941) — артист МХАТ.

4. Вероятно, Волков Николай Дмитриевич (1894—1965) — театровед, театральный критик, биограф В. Э. Мейерхольда.

5. Нарбут Владимир Иванович (1888—1944?) — поэт, возглавлял издательство «Земля и фабрика», в котором Замятин предполагал издать свое собрание сочинений.

6. С. Либерман перевел пьесу «Огни св. Доминика» на немецкий язык («Neil. Dominicks Feuer»).

7. 4 сентября во МХАТе шел спектакль «Горячее сердце» по пьесе А. Н. Островского. Режиссеры — М. М. Тарханов и И. Я. Судаков. И. М. Москвин играл роль Хлынова, Михаил Михайлович Тарханов (Москвин, 1877—1948) играл роль городничего Градобоева.

8. Вероятно, речь идет о квартире бухгалтера Сергея Георгиевича Бодрова на Моховой ул., 36.

9. Вероятно, речь идет о ломбардных операциях.

10. Вероятно, Андрею Николаевичу Лаврентьеву (1882 — 1935), артисту и режиссеру Большого драматического театра.

11. О местонахождении портретов А. Ахматовой и Е. Замятина, выполненных Н. Н. Вышеславцевым, составителям неизвестно.

12. Пильняк в феврале 1926 г. отправился в путешествие по Корее, Китаю и Японии.

13. А. А. Ахматовой.

14. М. А. Чехов лето 1926 г. провел в Германии и Италии, посетил Берлин, Венецию, Рим, Капри, 24 сентября вернулся в Москву.

№ 244

10 сентября 1926 г. Москва

10—IX—1926

Только что пообедал в Союзе Писателей. Обедали: Дикой с Шурочкой, Борис Пастернак¹, Пильняк, Коля Никитин и я. Происходило это после генеральной «Евграфа» в МХАТ 2-м². Играют прекрасно, а пьеса — слабая. А сейчас сижу у Всево^{лода} Иванова (это напротив Союза)³ и пишу.

Дела мои — на точке замерзания. Мейерхольда — никак не поймаю: он на даче. Фактотума только что встретил; говорит, что непременно увидит Мейерхольда завтра утром и позвонит мне, а ве-

чером на «Мандате»⁴ состоится свидание — если принципиально «Атилла» Мейерхольда заинтересует.

Вечером вчера был в МХАТ 1-м на «Продавцах славы»⁵. Видел там Суханова⁶; его дамой оказалась... сестра Елиз<аветы> Георг<ивны> Григорьевой, только что приехавшая из Парижа. На сестру не похожа: некрасивая.

Там же видел заведующего репертуаром у вахтанговцев⁷; спрашивал, не дам ли им пьесу. Если бы выяснил, наконец, с Мейерхольдом — дал бы «Атилле» туда и был бы свободен.

До сих пор не устроилось еще с редактурой перевода «Островитян». Придется, кажется, нанять для этого человека: заплатить — пускай проверит и исправит.

Деньги, вообще, помаленьку идут. За одну переписку «Атиллы» содрали столько, что жуть...

Коля Никитин увещевает меня ехать и уверяет, что раньше 15-го октября не стоит показываться в театр. Так-то оно так, да вспоминая прошлогоднюю историю с «Звонарями».

В МХАТ 2-м справлялся насчет сумм, вырученных от летней «Блохи». Оказывается, бухгалтерия еще не подсчитала. Справку о числе спектаклей — посылаю.

О квартире: с Аграчевыми, по-моему, стоит поменяться. Надо только разузнать, как Паутовы — не очень ли шумны. Но хуже Левиных и левинских потомков — не будет. А переселиться к Аграчевым — очень легко и почти ничего не будет стоить. Бодровы, конечно, не уйдут, но надо учесть то, что в их квартире до переселения печи требуют перекладки — зимою это будет уж поздно. Словом — тут я Вам даю *carte blanche*^{*}, решайте сами, Вам виднее на месте. Если гаража больше уж нет — можно жить и на старом пепелище⁸. Но не забудьте, что левинёнок у Вас над головой останется, и тихоновские вещи — тоже останутся.

Ну, вот как будто и все.

Денег здесь, вероятно, смогу достать еще у Стрельникова⁹.

С Марковым или с Леонидовым насчет «Атиллы» больше пока не говорил.

Как водится в Москве — не высыпаюсь хронически. Ложусь рано — возвращаюсь домой часов в 11 — но и очень рано просыпаюсь. Устал от этого.

Пишите мне еще.

Заявление мое ругательное — передайте в Дрампис¹⁰.

---

^{*} полную свободу действий (фр.).

Очень рад, что Вам удалось выгадать деньги из Севзапкино¹¹ — я не очень надеялся.

Е

1. Пастернак Борис Леонидович (1890—1960) — поэт, писатель, переводчик.

2. Спектакль МХАТ 2-го «Евграф, искатель приключений» по пьесе А. А. Файко. Режиссер — С. Г. Бирман. Постановка Б. М. Сушкевича, художник — Н. П. Акимов, музыка — Н. Н. Рахманова.

3. Всеволод Вячеславович Иванов жил по адресу: Тверской бул., 14, кв. 7, напротив «Дома Герцена».

4. Спектакль «Мандат» по пьесе Н. Р. Эрдмана в Театре им. Вс. Мейерхольда. Постановщик — В. Мейерхольд. Оформление — И. Ю. Шлепянова. Премьера — 20 апреля 1925 г. Вероятно, 11 сентября на этом спектакле Замятин не был (см. п. 246).

5. 9 сентября на Малой сцене МХАТ шел спектакль «Продавцы славы» по пьесе французских драматургов Поля Нивуа (1889—1958) и Марселя Паньоля (1895—1974). Художественный руководитель — К. С. Станиславский. Режиссеры — В. В. Лужский и Н. М. Горчаков. Премьера — 15 июня 1926 г.

6. Суханов Николай Николаевич (Гиммер, 1882—1940) — экономист, писатель, публицист.

7. Помощником директора по репертуару в Государственной академической студии им. Евг. Вахтангова был Лев Петрович Русланов, консультантами — Павел Григорьевич Антокольский и Николай Робертович Эрдман.

8. Речь идет о несостоявшемся обмене квартиры Замятиных в доме 36 по Моховой улице. Там же жили Абрам Наумович Аграчев, Сергей Георгиевич Бодров, Левины Борис Самойлович и Давид Самойлович (1891—1928), сотрудник издательства «Всемирная литература». Факт проживания Паутовых в этом доме не установлен.

9. Вероятно, Стрельников Иван Васильевич — уполномоченный московской конторы Ленинградского общества драматических и музыкальных писателей (Драмосоюза). Контора помещалась в Большом Гнезниковском пер., 10.

10. Ленинградское общество драматических и музыкальных писателей.

11. 24 марта 1926 г. Замятин заключил договор с Севзапкино (Северо-Западное областное управление по делам фотографии и кинематографии). По его условиям Замятин продал Севзапкино «в полную собственность, с сохранением за собою авторского права» киносценарий «Северная любовь» (по рассказу «Север»). По условиям договора Севзапкино должно было уплатить автору 1000 рублей. Автор представил сценарий к указанному

сроку — 1 июня 1926 г., но деньги, вероятно, выплачены не были. Журнал «Новый зритель» 26 октября (1926. № 43. С. 18) сообщил: «На ленинградской фабрике принят к постановке сценарий Е. Замятина „Северная любовь“». Сохранились два варианта сценария — «Север» и «Северная любовь», оба — 1926 г. (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 1, № 145, 146).

№ 245

17 сентября 1926 г. Москва

17—IX—1926.

Мила Николаевна, милая — я еду, только сегодня — по всем видимостям в Гагры. Туда же через несколько дней едут Никитин, Лидин.

Не столько еду — сколько везу себя, волоку, посылаю. Еду без аппетита, не радуюсь. Если бы ехали Вы со мной — я бы радовался хотя бы тому, что радуетесь Вы — как радовался в Лебедяни. Ну, может быть, солнце чуть-чуть поможет.

Этого несчастного Мейерхольда видел только вчера (все был на даче, черт). Просидел у него часа 1 ½. Был очень любезен, комплиментировал «Блоху». Оставил ему «Атилли».

Другой экземпляр «Атииллы» — в III Студии. Третий — у Леонидова, к<оторы>й так и не удосужился до сих пор прочитать. Четвертый экз<емпляр> — отношу сегодня обратно в Малый театр. Пятый — посылаю сегодня Либерману в Берлин. Сколько было возни с исправлением переписки...

И еще больше — с переводом «Островитян». Уйму времени убил на это. Сегодня их тоже посылаю Либерману.

Уже пол-второго, а еще масса дел сегодня. Сейчас еду из ЦЕКУ-БУ в город.

Вернусь в середине октября. Пишите мне — Гагры, до востребования — адреса другого не имею.

Поезжайте в Царское — погода в Питере, должно быть, такая же как здесь — прекрасная.

Е.

Вчера договорился почти окончательно с «Землей и Фабр<и-кой>»¹: берутся издавать мои книги. Вопрос еще идет только о пьесах (роман, конечно — нет²).

Е.

1. «Земля и Фабрика» — акционерное кооперативное издательство. Основано в Москве 17 марта 1922 г. В 1930 г. вошло в состав Государственного издательства «Художественная литература». Издательство возглавляли — сначала В. И. Нарбут, затем И. И. Ионов (1928 — 1929).

2. Речь идет о романе «Мы».

№ 246

18 сентября 1926 г. Харьков—Таганрог

18—IX—1926

Злая осень, холод. По стеклу ползут капли. Я сижу в пальто — один в купе. Вагон пустой — только еще одно купе, кроме моего, заселено — какие-то супруги с девочкой. Да и весь поезд пустой и тоскливый. И я — такой же как поезд, а может и еще хуже. Куда я себя волоку и зачем? Все равно, ведь, от пустоты, от тоски, от одиночества, от прожитой жизни — не убежать. Уж просто так бегу, из упрямства. От московской бестолковости устал, а в Петербург возвращаться — тоже не хочется. Домой? У меня нет моего дома — так мне сейчас кажется...

И — точка. Лучше закурить папиросу — и о чем-нибудь другом.

Вчерашний день в Москве закончил в МХАТ 2-м на «Блохе». Это уж входит в обычай: уезжать на вокзал с «Блохи». Взял у Кленова ложу — в ней были: молодой журналист-американец с американкой, Толстая—Есенина, Суханов с своей дамой — сестрой Елиз<аветы> Георг<иевны> — и я. Американец приехал больше всего из-за московских театров. «Блохой» восхитился, говорил, что в Америке она имела бы большой успех. Будет об этом спектакле писать.

В Москве отвратительно спал все время — 5—7—6 часов. Ложился все время благочестиво-рано — но просыпался еще раньше — самое позднее в 7 ½. Кажется, пришел в нормальный свой, долебединский вид. С кишками было средне — если не считать несчастного случая, приключившегося после того как однажды поел рыбы в ресторане Союза Писателей. Весь следующий день ничего абсолютно не ел (голый чай) — кое-как заштопал.

А вообще в Москве в этот раз было очень скучно. Больше все сидел дома, правил перевод «Островитян», копии «Атиллы». В театре был, значит, только на «Горячем сердце», на «Декабристах»¹, на «Евграфе» (дважды)² и на «Блохе». Качалов в «Декабристах» в восторг меня не привел: в 1 акте чувствуются в его игре какие-то агитационные задания. Вообще спектакль — не Художественному бы театру...

Поезд останавливается: Харьков. За окном тьма. Пойду сейчас, отправлю письмо.

Вложенное письмо — отправьте по адресу: Политехн<ический> Инст<итут>. Канцелярия Кораблестроит<ельного> Факультета.

Вчера у Стрельн<икова> взял аванс — только 50 р<ублей>; еще 50 поклялся тотчас же выслать в Гагры.

Е

18—IX. В Харькове не успел — посылаю из Таганрога. Чуть теплее, но — осень и тут.

И в Таганроге — не успел. Отправлю из Ростова. От Таганрога до Ростова днем еду впервой. При другой погоде было бы красиво.

Адрес пока (еще раз): Гагры, почтамт, до востреб<ования>. Письма туда идут, слышал я, плохо — без конца.

Е

1. 8, 11 и 16 сентября во МХАТ шел спектакль «Николай I и декабристы». Премьера — 19 мая 1926 г. Инсценировка А. Р. Кугеля по роману Д. С. Мережковского «Четырнадцатое декабря». Художественный руководитель постановки — К. С. Станиславский. Режиссер — Н. Н. Литовцева. Художники — Д. Н. Кардовский и В. А. Симов. Качалов играл Николая I.

2. Замятин был на генеральной репетиции «Евграф» 10 сентября и, вероятно, во второй раз или на общественном просмотре 14 сентября или на спектакле 15 сентября.

№ 247

23 сентября 1926 г. Гагры

Гагры. 23—IX—1926

Итак, путешествие продолжается. Осень — тоже.

В Сочи — вытащил теплое пальто: юг. На первый автомобиль в Гагры — не попал. Уехал только со вторым — в 3 ½ часа дня. Отъехали верст 5 от Сочи — начался осенний дождь, и лил всю дорогу до Гагр. Приятное путешествие — в открытом автомобиле (вернее, автобусе) — открыт с боков, сверху — деревянная крыша. Ехали (75 верст) с 3 ½ до 9 ½, с получасовой остановкой. Холод собачий — без теплого пальто погиб бы. Доехал — промерз.

Ехало нас четверо. Свободных комнат в гостинице оказалось две. Ночь, дождь лупит, все уже спят. Носильщик разыскал мне, наконец, комнату у какого-то толстого армянина — частную. В со-

седней комнате сам армянин и четверо ребят. Кое-как, слегка поспал; наутро получил комнату в так называемом «Дворце».

Это уже вторник, 21-е. Лужи, довольно прохладно, но дождя-то хоть нет. Один, как перст.

Сижу в конторе гостиницы, сдаю паспорт. Вдруг влетает какая-то девица, а за нею — Лавров. Оказывается, он здесь с супругой — Вы ее видели, очень милая девочка — живет тут уже дней 10. Провожу дни с ними.

Часов с 4-х дня вторника — опять осень и дождь на сутки. В среду — вдруг солнце, тепло. Рискнул окунуться в море: ничего, жив. Сегодня — солнце, тепло с полудня. Очень сильный прибой — купаться по-настоящему не пришлось: так только — помазался соленой водой.

Очень сонный сегодня и незамечательно себя чувствую: спал часов 5—6, шумно, дверинный стук и человеческий топот в коридоре. Комнаты поспокойней — никак не освобождаются.

Не очень важное пропитание, ресторанный. Но пока еще — к удивлению (тьфу! тьфу!) держусь прилично.

Сегодня — первый, в сущности, погожий день — использовали с Лавровыми для прогулок: одну сделали до обеда — в ущелье, другую после обеда — по верхней горной дорожке, а назад — по берегу. Места здесь чудесные — я это, к сожалению, только вижу, а не чувствую. Я огорчаюсь, что Вы — на Моховой и не видите всего этого. Для меня, в конце концов, все это пропадает даром, я какой-то неживой, а Вы бы могли радоваться всему этому.

Если высплюсь — завтра поработаю еще над частушками и некоторыми несделанными кусочками для «Блохи» — и пошлю все Монахову¹, чтобы он получил все около 1-го октября. Нелепая у меня какая-то выходит эта поездка: надо уже довольно скоро уезжать.

Лавровы уезжают раньше, на днях: 1-го будут в Москве. С ними напишу еще.

Извинитесь за меня перед Кустодиевым: не успел зайти на Волхонку. О результатах конкурса в «Известиях» уже было напечатано. К сожалению, в числе премированных Борис Михайлович не упомянут.

К Форш² тоже не успел зайти (письмо от Разумника получил — с просьбой зайти к Форш в Москве).

Сейчас (9 вечера, а по здешнему — 10) иду вниз — бросить письмо в ящик, чтобы оно ушло завтра и попало к 29-му (17-му) в Петербург.

И если попадет — поздравляю Вас, Мила Николаевна, любезная моя. Желаю быть веселой без меня.

Анне Андреевне — бью челом. Гребенщикову с семейством³. Снимался сегодня с Лавровыми — под пальмой.

P.S. Сегодня взвесился: 4 [пуда] — 8 ½ [фунтов]. Неглиже брал сегодня солнечную ванну.

1. 26 августа артист и режиссер Большого драматического театра Николай Федорович Монахов (1875—1936) из Ленинграда отправил Замятину в Лебедянь телеграмму следующего содержания: «Пьесу письмо получил. Начну работу <с> начала октября. Пришлите пока частушки. Привет. Монахов» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 147). Для спектакля в Большом драматическом театре текст пьесы «Блоха» был существенно переработан и значительно отличался от варианта, поставленного МХАТ 2-м. Б. М. Кустодиев сделал иные, отличающиеся от московской постановки декорации. Музыка к спектаклю написал Ю. А. Шапорин.

2. Форш Ольга Дмитриевна (урожд. Комарова, 1873—1961) — писательница.

3. Я. П. Гребенщиков, его жена Лидия Константиновна Чичагова (1899—1942), его сестры Вера Петровна и Елизавета Петровна Гребенщиковы.

№ 248

7 октября 1926 г. Гагры

7—X—1926

Письма отсюда идут так безобразно, что пожалуй я окажусь в Петерб<урге> раньше этой открытки.— Сегодня утром уехала отсюда в Сухум очень милая и веселая компания (включая полпреда Колю¹ с супругой Ириной), с которой водился и я. И сегодня — опять осень. Еще позавчера была жаркая, летняя ночь и ночью — гроза, а со вчерашнего дня — холодный ветер. Если сегодня погода разгуляется, рискну выкупаться: осталось уж немного, 4—5 дней.

Сегодня (редкий случай) прилично спал, чувствую себя человеком, а не яичной скорлупой. Иду с газетой на солнце. Вчера только получил Ваше письмо от 23. Я послал Вам длинное, унылое письмо с дороги — и другое длинное, отсюда. Неужто не получены? А открытка? А телеграмма?

Получен № «Ж<изни> Искусства» с репертуаром Бол<ьшо-го> Драм<атического> ... без «Атиппы»².

1. За писателем Николаем Николаевичем Никигиным после его поездки в 1923 г. в Германию и Англию закрепилось прозвище «полпред». В

1924 г., рецензируя книгу Н. Никитина «Сейчас на Западе» (Пг., 1924), Замятин иронично писал о нем: «Испытанный борец за пролетариат, видный советский сановник, может быть, полпред, <...> об этом догадываешься сразу, — через Германию, через Рур едет в Лондон». Рассказывая об интервью, данном писателем английским журналистам, Замятин заметил: «Все раздражаются хохотом и всем становится ясно, что этот испытанный борец за пролетариат, этот сановник и полпред, осаждаемый интервьюерами... — только Ник. Никитин, талантливо имитирующий М. А. Чехова в „Ревизоре“ <Чехов играл роль Хлестакова — М. Л.>. Серапионовы братья — должны сохранить за ним этот титул: „Полпред Ник. Никитин — звучит хорошо“» (Рус. современник. 1924. № 2. С. 287—288).

2. 28 сентября 1926 г. журнал «Жизнь искусства» поместил заметку С. Воскресенского «Большой драматический театр». Рассказывая о планах театра на сезон 1926—1927 гг., автор не назвал «Атиллу», однако, сообщил о предстоящей премьере другой пьесы Замятина: «„Блоха“ идет с переработанным текстом и от результатов (решительности) этой переработки зависит ее значимость» (Жизнь искусства. 1926. № 39. 28 сент. С. 7).

№ 249

22 января 1927 г. Ленинград

22—I—1927

Наконец-то сел писать письма. Вам — первой.

В среду — после вокзала — гости просидели у меня до пол-третьего (Шварц¹, Зощенко, Флит, Маршак²). Насочиняли кое-что для Фиги³.

В четверг ходил сонный — и болела шея. Вечером пошел к Максимовичу, который вскрыл фурункулу *lege artis*, залпил йодом, строго-настрого запретил всякие мази. Спать улегся раненько. Был Разумник.

Вчера зря совсем потратил день на писание фиговой биографии Мейерхольда. Зря — потому что вечером, на фиговом собрании у Петрова⁴, решили специального фигового чествования Мейерхольда не устраивать, а только дать кое-что на чествовании, устраиваемом Домом Искусств. Я доволен: больше не надо будет заниматься биографией. И только завтра с Зощенко и другими — сочиним приветствие.

Сегодня вечером иду к Сергееву⁵ — попробую продать ему «Роберта Майера»⁶ — и вообще поговорю (насчет своих дел и Разумничих⁷).

Вчера получил письмо от тети Вари: живет в ужасной температуре от 2° до 5°, просит послать денег. Завтра пошлю.

И еще письмо: от Лужского. Уведомляет, что их молодые актеры начинают работу над «Звонарями». Делается это в порядке «самостоятельной работы», т. е. попадет на сцену только в том случае, если руководители театра убедятся, что работа выходит интересной⁸.

Пожалуйста, отправьте заказным прилагаемое письмо к Либерману, и еще — телеграмму Зильбургу.

Очень дороги стали здесь ножи для бритвы: рупь двадцать. Если в Москве дешевле — купите.

Привет от меня, Рост<ислава>, Миши — Вам и М<арии> Н<иколаевне>.

Е.

1. Шварц Антон Исаакович (1896—1954) — чтец-декламатор, двоюродный брат драматурга Е. Л. Шварца.

2. Зощенко Михаил Михайлович (1895—1958) — писатель; Флит Александр Матвеевич (1891—1954) — театральный критик, автор пародий; Маршак Самуил Яковлевич (1887—1964) — поэт.

3. Физико-Исследовательская геоцентрическая ассоциация (ФИГА) существовала при Ленинградском Доме Искусств. Зимой 1926—27 гг. ФИГА устроила несколько вечеров пародий (в том числе вечер 20 ноября 1926 г., специально посвященный «Блохе»). В архиве Н. В. Петрова сохранились материалы этой шуточной ассоциации — протоколы собраний членов ФИГИ и бесед лаборантов лаборатории современного искусства, явочный лист открытия лаборатории, песни, частушки, тексты для живой газеты «Фиговый листок» (РГАЛИ. Ф. 2358, оп. 1, № 52). В работе ФИГИ принимали участие десятки писателей, артистов, художников. Среди них: Н. П. Акимов, А. И. и Е. Л. Шварц, М. М. Зощенко, Н. Э. Радлов и Н. К. Шведе-Радлова, М. Л. Слонимский, Н. Н. Ходотов, П. Е. Щеголев, П. И. Лешков, О. П. Бейол, Ю. А. Шапорин, В. М. Дешевов, К. К. Тверской и др.

В связи с приездом Мейерхольда в Ленинград в январе 1927 г. члены ассоциации готовили приветствие для чествования режиссера в Доме Искусств.

Отрывок из приветствия по рукописи из Парижского архива Замятина напечатан в журнале «Грани» (Мюнхен. 1962. № 81) — в этой публикации обозначен только один соавтор — М. М. Зощенко. В журнале «Странник» (1991. № 1) А. Ю. Галушкин издал текст приветствия Мейерхольду по автографу, хранящемуся в ИМЛИ (Ф. 47, оп. 2, № 94). В комментарии при ссылке на это письмо Замятина пропущен один из авторов — А. Флит.

4. Н. В. Петров жил на ул. Белинского, 6.

5. Сергеев Михаил Алексеевич (1888—1965) — издательский работник, критик, очеркист, этнограф, в 1925 г. председатель правления издательства «Прибой».

6. Биографический очерк Замятина «Роберт Майер» дважды выпустило Издательство З. И. Гржебина (Берлин; Пб., 1921; Берлин; Пб.; М., 1922). В «Прибое» этот очерк не издавался.

7. О делах Иванова-Разумника.

8. «В МХАТе 1-м ее <пьесу „Общество Почетных Звонарей“ — М. Л.> начинали репетировать дважды, — вспоминал Замятин, — но до постановки дело так и не дошло» (*Автобиография*—31. С. 13).

№ 250

23—24 января 1927 г. Ленинград

2 часа. 23—I—1927

Сейчас ко мне придут Зоценко, Шварц, Маршак — для фиговой работы. К 5 пойду обедать к... Рериху¹. Это брат Н. К. Рериха; у него остановился Бабенчиков², устраивает там — как он звонил — обед специально «в честь» меня. Потом должен созвониться с Разумником и заехать ненадолго к Мейерхольду (об «Атилле»). Потом — на фокстротный вечер.

Вчера мне звонил Ключарев; надо еще сегодня увидеться и с ним. Он уезжает завтра; с ним пошло это письмо — дойдет, думаю, скорее, чем почтой.

Если понадобятся деньги — пожалуйста, дайте знать, сейчас же пришлю.

Адрес Либермана: Herrn S. Lieberman, Mommsen-strasse, 19^{III} bei Se.ft. Berlin—Charlottenburg.

P.S. 24—I—1927.

Сегодня от Либермана получил письмо — ему моего, значит, посылать не надо. Вашу вторую отк<ытку> тоже получил.

Е

1. Рерих Борис Константинович (1885—1945) — брат художника Н. К. Рериха, архитектор, живописец, рисовальщик, в это время заместитель председателя Комитета Общества Поощрения Художеств. Жил по адресу: наб. р. Мойки, 83.

2. Бабенчиков Михаил Васильевич (1890—1957) — искусствовед, художник, был дружен с Н. К. Рерихом. Вместе с Замятиным писал тексты к книге: Анненков Ю. Портреты / Текст Е. Замятина, М. Кузмина, М. Бабенчикова. Пб., 1922.

6 марта 1927 г. Москва

6—III—1927

Вот Вам, Мила Николаевна, рапорт:

В вагоне спал часа 4—5. Сейчас поэтому сонный, сижу дома, никуда идти не хочется (звонил Тихонов, звал к Лидину¹, у которого сегодня — разные писатели). Комнату дали пока большую (три окна — ужас! — правда, окна узкие, но все-таки...), завтра только перейду в маленькую.

Был на «Эрике»², заходил к Ростиславу Чехову. Обхаживали меня Ключеварев, Пыжова и прочая оппозиция³.

Кишки — не дай Бог!

Завтра читаю в Союзе; к сожалению, в этот же день юбилейный вечер Рукавишников⁴.

Дела:

позвоните в Политехникум 5—14—89 (канцелярия) Кораблестроительного фак<ультета>), что в среду я не буду;

позвоните Коле Никитину, чтобы взял и поскорей прочитал Сухановскую пьесу⁵ — и о результате (хорошо, если бы и Пиотровский⁶ проглядел) мне надо бы знать здесь, в Москве.

Тап⁷ уже тербит меня. Прощайте.

Е.

1. В. Г. Лидин входил в правление Всероссийского Союза писателей, жил на ул. М. Никитской д. 8, кв. 6.

2. 6 марта 1927 г. во МХАТ 2-м шел спектакль «Эрик XIV» по пьесе А. Стриндберга. Постановщик — Е. Б. Вахтангов, режиссер Б. М. Сушкевич, композитор Н. Н. Рахманов, художник И. И. Нивинский.

3. Осенью 1926 г. во МХАТ 2-ом обострился конфликт между М. Чеховым и частью труппы, выступившей с обвинениями в адрес режиссера в том, что он не хочет иметь в репертуаре современных пьес и губит театр, искажая пьесы классического репертуара ради «мистики». С. В. Гиацинтова вспоминала: «В театре образовалась „оппозиция“ — так именовалась эта группа потом во всех официальных документах и на собраниях. Семерых недовольных артистов, среди которых, увы, были Пыжова, Волков и Ключеварев, возглавил Алексей Дикий» (Гиацинтова. С. 259). Подробнее об этом см.: Чехов. С. 473—500.

4. Рукавишников Иван Сергеевич (1877—1930) — поэт, прозаик. После Октября 1917 г. организовал два музея в Н. Новгороде, преподавал в Московском высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова.

5. Речь идет, вероятно, о пьесе Н. Н. Суханова (см. примеч. 6 к п. 244) «1917 год: Драм. хроника в 5 д.» (М.; Л., 1928), написанной в соавторстве с И. С. Платоном.

6. Пиотровский Адриан Иванович (1898—1938) — драматург, театральный критик, в это время заведовал литературной частью Большого драматического театра, писал сценарии для кино.

7. Тап — прозвище В. П. Ключарева.

№ 252

10 марта 1927 г. Москва

Четверг, 10—III—1927

Сейчас сажусь держать корректуру первых листов — «Нечестивые рассказы»¹, а до этого хочу написать Вам несколько строк. Они будут резиновые и ватные — такие же, как моя голова,— уж который день сплю все по 6 часов.

Получили ли мое письмо, к<оторо>е отправил Вам с оказией — с Тапом (в воскресенье)? Или этот старый хрен до сих пор носит его в кармане?

В воскресенье был на «Эрике», вечер сидел дома, рано лег спать — и еще раньше проснулся, чувствовал себя в понедельник прегнусно. День — кое-что перестряпывал в «Атилле»² и набрасывал содержание II и III актов — чтобы не мямлить при чтении. Поехал в город, пообедал — опять вернулся домой, пробовал заснуть — конечно, зря. На чтении народу было довольно: не то, чтоб зал был битком набит, но все места были заняты. Слушали и принимали хорошо. Особенно (как и следовало ожидать) «Чурыгина»³.

После чтения меня увлекли вниз, в ресторан, где происходил банкет в честь Рукавишников. Банкет был довольно жалкий, народу — мало. Сидел против Шверубовича⁴. Ему нельзя пить, а он пьет, глаза у него пухнут...

Вторник, день. МХАТ 2-й, МХАТ 1-й, Гиз. Лужскому давал интерпретации насчет «Звонарей» — работу ведет он. «Трудная,— говорит,— пьеса, и еще неизвестно, что выйдет». С Марковым — разговор о «Пещере»: торопят⁵.

В Гиз'е — сюрприз (что за олухи!): прочитали «Атиллу» и боятся его печатать... Возможно, что из-за этого разойдусь с ними. Будет с ними еще свидание.

Вечером — был у Мейерхольда дома, в гостях. Был еще Эрдман («Мандат») ⁶. Сегодня иду на «Ревизора» ⁷, там назначено rendez-vous* с Мейерхольдом, уговоримся о времени чтения «Атииллы».

Вчера — день в «Круге», у Суханова; вечером — был на «Турбинных» ⁸. Хороший спектакль.

Сегодня постараюсь прижать к стенке директора Малого театра ⁹. Придется идти к Нарбуту: уже звонил несколько раз. А днем — надо читать корректуру. Когда все успею — не знаю.

Не вижу никого из знакомых: звонят, зовут, обижаются, а мне все некогда.

Боюсь, что задержусь и пропущу вторую среду. Тогда телеграфирую: «Известите Институт», а Вы, пожалуйста, позвоните в Политехникум (5—14—89), что не буду.

В Таповском письме просил сказать Никитину, чтобы поскорее читал Сухановскую работу. Ею, кстати сказать, очень заинтересовались в Малом — и после переделок будут ставить.

Тихонов говорит, что деньги (40) послал через предст<авителя> «Круга» в Петербурге.

Е.

1. Сборник «Нечестивые рассказы» Замятин готовил для издательства «Круг».

2. В архиве Замятина сохранились многочисленные наброски, варианты и различные редакции пьесы «Атилла» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 1. № 131, 135, 136, 138, 139, 143).

3. Только что написанный рассказ Замятина «Слово предоставляется товарищу Чурыгину». Он опубликован в шестом альманахе Артели писателей «Круг» (М.; Л., 1927. С. 145—154).

4. Настоящая фамилия В. И. Качалова.

5. Речь идет об инсценировке рассказа Замятина «Пещера» (см. подробнее наст. изд., коммент. к публикации пьесы «Пещера»).

6. Эрдман Николай Робертович (1902—1970) — писатель, драматург, автор пьесы «Мандат» (1925).

7. «Ревизор» — спектакль Театра им. Вс. Мейерхольда (премьера — 9 декабря 1926 г.) Сценический текст — В. Э. Мейерхольда и М. М. Коренева. Художники — В. Э. Мейерхольд и В. П. Киселев. Композитор — М. Ф. Гнесин.

---

* свидание (фр.).

8. «Дни Турбиных» — спектакль МХАТ по пьесе М. А. Булгакова. Постановщик — И. Я. Судаков при участии К. С. Станиславского. Художник — Н. П. Ульянов. Премьера — 5 октября 1926 г.

9. Владимир Владимирович Константинович.

№ 253

14 марта 1927 г. Москва

14—III—1927

Милая Мила Николаевна — получил Вашу лаконическую открытку. Все будет исполнено: в МХАТ'е 2-м буду завтра, поговорю с Ростиславом¹; с Тихоновым² — в среду.

Уже из этого Вы можете заключить, что застреваю здесь. Госиздат из меня жилы вытягивает: теперь все дело передано сюда, все читают рукописи, боятся, торгуются. Безголовый народ: больше всего боятся «Атиилы», затем — «Еразма»³, «Руси»⁴ и «Огней св. Доминика». Окончательный ответ обещали дать завтра⁵ в четверг («завтра» зачеркнутое — уже было сегодня). ЗиФ⁶ — дает теперь мне те же суммы примерно, что и Гиз. Предлагает, кроме того, издаваться «Книга»⁷. Думаю, что с Гиз'ом, в конце концов, не сойдуся и попаду в лоно «Прибоя»⁸.

В пятницу читал «Атиилу» Мейерхольду. Он считает, что пьеса построена очень хорошо, но ставить ее вообще нельзя: в костюмах, с мечами и прочим — выйдет неминуемая Вампука⁹. Малый театр хочет говорить уже не о следующем сезоне, а о сезоне 28—29 года. Вообще — не жаждут. Так что ясно: как и ждал, «Атиилу» привезу домой.

Сегодня вечером иду к Шверубовичу в гости¹⁰; во вторник — дам ему почитать «Атиилу» — так, на всякий случай.

Начал делать пьесу из «Пещеры». Завтра по этому поводу свидание с Марковым.

Кроме «Турбиных» и «Эрика» смотрел «Ревизора» у Мейерхольда и «Дни и ночи» в Камерном¹¹ (вчера). Завтра пойду на «Дело»¹².

А вообще — такая какая-то усталость от хронического недосыпа, что вожу себя под руки всюду и таскаю себя на буксире. Не веселюсь. Ни разу нигде даже не пил ничего (только завтракал у Мейерхольда — выпил с ним водки).

Предсказание Ваше было правильное: кишки-то в Москве наладились.

Позвоните, пожалуйста, завтра же в Институт, что в среду не буду (т<e>л<e>ф<он> — 5—14—89).

Пишу на почтамте, стоя и голодный (седьмой час — еще с утра не ел), оттого такой почерк.

Е.

1. С. М. А. Чеховым.
2. А. Н. Тихонов.
3. Рассказ «О том, как исцелен был инок Еразм».
4. Рассказ «Русь» написан в 1923 г.
5. Слово «завтра» зачеркнуто Замятиным.
6. «ЗиФ» — «Земля и Фабрика». См. примеч. 1 к п. 245.
7. Акционерное издательство «Книга» в Берлине. В 1921—1930 гг. одним из его руководителей был И. П. Ладыжников.
8. «Прибой» — рабочее кооперативное издательство (1922—1930). Председателем правления был М. А. Сергеев, редактором Литературно-художественного отдела — М. Л. Слонимский.
9. «Вампука, невеста Африканская» — комическая опера, поставленная в 1909 г. Р. А. Унгерном в Петербургском театре «Кривое зеркало». Само слово «Вампука» с тех пор стало нарицательным, им обозначают театральные несурзаицы, уход от реальной действительности (о происхождении названия см.: Крыжицкий Г. К. Дороги театральные. М., 1976. Ч. 2: В предгрозовые годы. С. 215—219).
10. Шверубович (В. И. Качалов) жил в проезде Художественного театра, 3, кв. 9.
11. Спектакль Камерного театра «День и Ночь» — оперетта Ш. Лекока (текст В. З. Масса). Премьера — 18 декабря 1926 г. Режиссер — А. Я. Таиров. Художники — В. Л. и Г. А. Стенберги, балетмейстер — Н. А. Глан.
12. «Дело» — спектакль МХАТ 2-го по второй части трилогии А. В. Сухова-Кобылина (премьера — 8 февраля 1927 г.). Постановка Б. М. Сушкевича, художник — Н. А. Андреев. Роль Муромского сыграл М. А. Чехов (см. подробнее: Чехов. С. 478—479; Марков П. «Дело». МХАТ 2-й // Правда. 1927. 12 февр.).

№ 254

3 июля 1927 г. Медвежья Гора

3—VII—1927

Пишу на станции Медвежья Гора. Камни, сосны и Онежское озеро — как море. Жарища. В вагоне душно и ленно. Еду с вечера один в купе. Спал ничего, терпимо. Кишочки — будто и нету совсем. Поезд плетется медленно, в гору, стоим на станциях подолгу. Места дикие.

Не сидите, ради бога, в городе. На вольном воздухе куда лучше. Рядом со мной говорят по-суомалайненски, надписи на станциях — тоже.

Читаю «Москву»¹. Привет Ростиславу и Мише.

Сейчас иду обедать (бульон, макароны).

Е

1. Роман А. Белого «Москва» (М., 1926) или литературно-художественный альманах «Москва» (Берлин, 1926). В альманахе был опубликован отрывок из рассказа Замятина «Русь» (под названием «Москва Кустодиева»).

№ 255

6 июля 1927 г. Александровск

Александровск¹, 6—VII—1927

В мансарде — маленькое — для Ростислава — итальянское окошечко; перед окном — залив, скалистые берега, покачиваются три одномачтовых бота; узенький, длинный пешеходный мостик — на ту сторону залива; на перильцах развешаны сети. Это — сейчас у меня перед глазами. И происходит все это в Александровске, чуть что не на полдосе. Вчера и позавчера было так жарко, что (с натяжкой) могло бы сойти и за Крым — если бы не снежные морщинки на берегах — и совсем не на большой высоте, а почти внизу — этот снег будет лежать все лето.

А сегодня уж в Крым никак не поверишь: с утра, при солнце, задул сильный «полуночник», такой ледяной, что я пошел пройтись в свитере и в пиджаке — и замерз.

В Мурманске меня встретил администратор экспедиции, и с ним мы тотчас же отправились на бот, который уходил в Александровск. Бот, моторный, казенный — еще часа полтора болтался в порту, брал разный груз, вышли мы в море только в 10 ½ веч<ера>. Пришли в Александровск — в 3 ½ ночи — или дня, если угодно: ночи — никакой. Солнце минут на 15 укрылось за горой — и опять жарит всюю. В Александровске комната была уже для меня снята, но не приготовлена — пока там, в мансарде, висели сети, шубы, оленьи шкуры — все это в домишке колониста, рыбака. Взбудили хозяйку, поставила она чайник, начала мыть и прибирать — словом, лег я около 7 утра, встал в 10 ½—11. Часов с 4-х начали съемку — снимали сцену, когда приказчик поливает водой Степку в чану, а затем в том же чану — Марей² поливает приказчика. Кончили часов около 7 ½. Обедал в этот день у актеров — сам еще не успел купить припасов.

После обеда на моторном боте, часов в 9 ½ — поехали в одну из бухт — в «Среднюю Губу» — часа 1 ½ езды. Очень красивое место: огромный водопад, лесок, в леску большое озеро. Думаем ввести как-нибудь этот водопад в фильм. Вернулись... в 2 часа ночи (ездили: Ивановский³, Нелидов⁴, я, оператор и помощник Ивановского). Лег в 3, встал в 10—11. Все уже уехали на съемку. Днем гулял, делал закупки в кооперативе, сейчас — уже после обеда (уха из свежей семги, семга вареная, какао) — иду отнести письмо (сегодня едет один из актеров в Петербург), потом зайду к Ивановскому с Нелидовым — они живут в одном доме.

Обеды мне будет готовить хозяйка, Фекла Ивановна. Обеды будут столь несложны (уха, уха, уха, вареная или жареная треска или семга), что хозяйка справится.

На весь Александровск (400 жителей) — один кооператив, похожий на лавку Кортумы⁵: конфеты, сети, архангельские бублики, семга, обои, чулки... Белого хлеба в Александровске в продаже нет: возят с оказиями из Мурманска или пекут дома.

Места — дикие и красивые, воздух — свежий как семга. Пока не жалею, что поехал — тем более, что, может быть, вернемся и раньше 1-го. По неизвестной причине — здесь, в Александровске, кишочки (тьфу! тьфу!) пока ведут себя прилично.

Почта отсюда ходит... раз в неделю. Но фактически — оказии в Мурманск — каждый день, через день. Пишите — Мурманск, до востребования.

Разузнайте у Шапиро⁶ или у Лаврушки⁷, чем кончилось дело с Акимовскими макетами⁸. И, ради бога, не сидите в городе.

Е

1. Поселок Александровск в устье Кольской губы (ныне — г. Полярный). Здесь проходили съемки фильма «Северная любовь» по мотивам повести Замятина «Север». Режиссер — А. В. Ивановский; операторы — В. Симбирцев, П. Паллей; художник — И. Махлис; ассистенты режиссера — Ю. Музыкант, Н. Дорьян. В ролях: Марей, рыбак — В. Чудаков, Степка — Боря Лыткин, лавочник — А. П. Нелидов, старуха, сводница — Е. П. Корчагина-Александровская. См. подробнее: Из истории Ленфильма: Ст., воспоминания, документы, 1920-е гг. Л., 1968. Вып. 1. С. 276.

2. Степка и Марей — герои повести «Север», по которой Замятин сделал киносценарий.

3. См. примеч. 3 к п. 205.

4. Нелидов Анатолий Павлович (1879—1949) — актер.

5. Лавка купца Кортумы — место действия в рассказе «Север».

6. Шапиро Рувим Абрамович — директор Ленинградского Большого драматического театра.

7. Лаврушка — А. Н. Лаврентьев.

8. В июне 1927 г. Дирекция Большого драматического театра представила свой репертуарный план в Губернский театральный совет (план подписали главный режиссер А. Н. Лаврентьев и заведующий литературной частью театра А. И. Пиотровский). В нем, кроме пьес «Рост» А. Гребнева и «Любовь Яровая» К. А. Тренева, значилась трагедия «Атилла» Е. И. Замятина. Театр аннотировал пьесу так: «Тема: столкновение новой культуры с древней обветшавшей цивилизацией, созданная на материале нашей эры». Был указан срок выпуска спектакля — 15—20 декабря 1927 г. Художник Николай Павлович Акимов готовил оформление этого спектакля.

№ 256

11 июля 1927 г. Александровск

11—VII—1927

Сегодня уезжает отсюда несколько актеров — повезут это письмо — Вам, Мила Николаевна, Ростислав и Миша.

Я мало сплю (рано приходится вставать), но целый день на воздухе — и каком! — соленом, океанском — и чувствую себя неплохо.

Вот мой день сегодня: встал в 7 — в начале 8-го, в пол-девятого был уже на моторном боте. Два часа шли до места съемки: шумная, быстрая речка, невысокие горы, водопадище и... комары. Вернулся домой в 7, пообедал (скромно: рисовая каша, яичница с ветчиной, какао — свежей рыбы сегодня нет). Немножко отдохнул, вот сейчас напишу письмо и иду к Ивановскому. А завтра с утра едем туда же. И вроде этого каждый день.

Может быть, останусь еще на несколько дней, когда все уже уедут — нарочно, чтобы поваландаться с рыбаками (есть уже приятели, только некогда поговорить с ними). Во всяком случае, буду дома раньше 1-го, в двадцатых числах.

Вчера снимали гулянку, хороводы. Позавчера — становище лопарей, вежи, олени — это было очень живописно. Выдумываю новые сцены, где будет использован водопад.

Кончаю и бегу, чтобы не опоздать с письмом.

С северным приветом

ЕвгЗ

17 июля 1927 г. Александровск

Александровск, 17—VII—1927

Ну, Мила Николаевна — на севере диком остаюсь я один: Ивановский, Нелидов и все прочие сегодня ночью уезжают на моторном боте в Мурманск (часов 5 езды), а оттуда завтра в 12 дня — в Питер. Со мной остаются только два оператора — заснять кое-какую натуру: прибой, птичий базар и прочее.

В середине след<ующей> недели с рейсовым пароходом (из Архангельска в Вардэ¹) уеду и я. Думаю из Мурманска поездом только до Петрозаводска, а оттуда пароходом до Петербурга (два дня). Приеду, вероятно, утром в понедельник (если не раздумаю с пароходом).

С понедельника здесь погода переменилась: северные ветра, дожди, туманы (очень красивые); ясных было только дня два; сегодня очень осенне. Живу в свитере, даже сплю.

Вчера все было готово к съемке новых, придуманных мною сцен у водопада. И вчера же на совещании (кончившемся в 2 ночи) Ивановский струсил — и решил отказаться от этих сцен. Кое-что будет доснимать в Петербурге. Пусть уж без меня: надоело.

Работа была все-таки утомительная: каждый день — рано вставать, а обедать иногда приходилось часов в 9 вечера. Так что уж и я рад, что пришло к концу.

Сегодня чуть ли не в первый раз выспался (съемки не было). Вздумал писать какой-то новый рассказ — очень простой. Сейчас 10 вечера (светло) — иду отнести письмо и распрощать<ся>.

Е

1. Вардэ — пароходная пристань на полуострове Варяг-Ньяр (в Баренцевом море), ныне — территория Норвегии.

21 августа 1927 г. Тифлис

21—VIII—1927

Сiju уже в Тифлисе. Проехал двести верст на автомобиле, поглупел, нос будто обварен кипятком. Из Минеральных еле выбрался. Оказывается, билет на Бакинский поезд достать очень трудно. Пробовал через носильщика на дневной — не вышло, уехал с 11-часовым ночным, и то носильщик достал с заднего хода, за порядочную мзду. С авто — тоже были приключения: приехал во Влади-

к<авказ> — казенный уже ушел, нескольким пассажирам (и мне в том числе) сосватали частный. Этот десять раз ломался в пути, в результате — пришлось остановиться на ночлег в 20 в<ерстах> от Тифлиса. Ну, и ночлег был! Мечтаю выспаться сегодня. В Боржоме, вероятно, во вторник. Оттуда напишу.

Во время автом<обильного> путеш<ествия> погода была неудачная — облачно. Здесь жарища.

№ 259

25 августа 1927 г. Боржоме

Боржом. 25—VIII—1927

Ну вот — со вчерашнего вечера уже в Боржоме. Тифлисом доволен; очень хорош старый город — улочки, церкви, clo's'y^{*}, похожие на эдинбургские. Вино — «очень интересное», как рекомендуют в духанах. Только дороговизна жестокая. В Боржоме — увы — пока тоже (паршивенький номер — 5 руб<лей>). Пробовал вчера сам найти комнату, не нашел; сейчас пойду с комиссионером. Был вчера у доктора, завтра буду наслаждаться выкачиванием... Исследование будет сделано только к понедельнику, когда и получу все назначения. Пока — только ванны. Место, в общем, диковатое и захолустное. Хожу, как дурак, один. Пока — ничего, а что дальше будет не знаю. Думаю, что завтра—послезавтра уже дам более прочный адрес. Пока, если понадобится, до востребования. Погода прекрасная.

Е

№ 260

31 августа 1927 г. Боржоме

31—VIII—1927

Ну, Милая Николаевна, я думаю — Вам хорошо, лучше, чем мне. Из Вас ничего не выкачивают, не нужно разыскивать комнату, можно купаться, можно есть фрукты. А мои дела вот какие.

В понедельник, со всякими исследованиями, был уже у доктора — это второй раз. Все доктора здесь адзе и швили (мой Микеладзе¹, тифлисский доцент), я не верую в них, как полагается верить в Бога и в доктора. К счастью, я сам — доктор, и вижу, что Микеладзе — не совсем Максимович², все же.

---

* от англ. water closet — уборная.

Как и Самсонов в Кисловодске, этот Микеладзе нашел в верхушке правого легкого следы заглохшего процесса. Это, конечно, не важно: область истории. Мне не понравился результат исследования желудочного сока: жестокая ахилия — свободной соляной кислоты 0, связанной — 8, только. Поэтому вода основного Боржомского источника — Екатерининского не годится, можно попробовать Евгениевский или — еще лучше — Эссендуки № 17. Всю историю лекарь мой считает функцион<альным> неврозом и думает, что вообще дело не столько в воде, сколько в отдыхе и диете. Диета — minimum хлеба, по возможности — белковая пища, белое мясо, яйца. Внутрь — конечно, acid. mur.³ с пепсином, а перед едой — condurange и chinin comp⁴. Если бы не было в Эссендуках таких толп народу, очередей и суеты — он направил бы меня туда.

Ну, вот, мозги у меня и раскорячились: может, и правда, уехать отсюда в Эссендуки? За Боржом: здесь никаких очередей и толп, прекрасный парк, жарко будет весь сентябрь, нашел здесь недурную комнату, прилично сплю. Против: вода не эссендукская, питание — хуже, чем в Эссендуках, врачей хороших по-настоящему нет, жизнь — дороже эссендукской. Кругом тут одни кавказцы, я чувствую себя Робинзоном. Хватит ли во мне робинзонства на месяц — не знаю.

Позавчера, впрочем, в парке меня окликнули: оказывается, преп<одаватель> Политехникума инженер Виноградов⁵, с ним еще один инженер и две ихних дамы, а кроме того — очень любопытный инженер — американец. Проболтался с ними 1 ½ дня: они уехали в Тифлис, приедут назад в конце недели (без американца).

Еще мне жаль было бы уезжать отсюда потому, что тогда уж едва ли попаду вместе с Вами в Сухум или еще куда — и обидно уехать, не увидав Батума (куда зовет Виноградов — он ездит в отдельном вагоне и через неделю должен быть в Батуме).

Во всяком случае, до конца недели здесь еще пробуду. За это время рассчитываю получить что-нибудь от Вас, узнать, как устроилась, списалась ли с Марией, а, может, Вас в Геленджике уже нету; а я, сдуру, все еще пишу туда?

Если захотите подать свой голос при решении вопроса — Эссендуки или Боржом — загубите рупь на телеграмму.

Читал сегодня в «Известиях» ругательную статью о Новом Афоне: будто бы тесно там и плохо⁶. А читали Вы «протест писателей» по пов<оду> Сакко и Ванц<етти>⁷?

Адрес (если не получены мои открытки) Боржом, до востреб<ования>, мне⁸.

Е

1. Микеладзе Шалва Антонович (1884—?) — врач, специалист по внутренним болезням, доцент терапевтической клиники Тифлисского университета.

2. Вероятно, Анатолий Семенович Максимович (1893—1971), врач-хирург. В 1919—1920 гг. работал санитарным инспектором Петроградского укрепленного района, позднее — заместителем председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемиями (см.: [Некролог] // Вестн. хирургии им. И. И. Грекова. 1971. № 10. С. 154).

3. Acid. mur. (лат., сокр.) — см. примеч. 3 к п. 70.

4. Лекарственный препарат, содержащий растение кондуранго и хинин.

5. Виноградов Иван Владимирович (1890—?), инженер, в 1930 г. аспирант Ленинградского кораблестроительного института, в 1943 г. — декан Кораблестроительного факультета этого института.

6. Газета «Известия» 26 августа опубликовала материал о плохих условиях для отдыхающих курортников в Новом Афоне: Ольшевец М. Простой рассказ о «несчастных» курортниках: (Письмо с Кавказа).

7. 24 августа «Известия» напечатали заявление с протестом против казни итальянских рабочих Сакко и Ванцетти, подписанное Федерацией объединений советских писателей (см.: Писатели протестуют // Изв. ЦИК и ВЦИК. 1927. 24 авг.).

8. За текстом следует приписка рукой Л. Н. Замятиной: «Крылов Б. Люб<овь> Ив<ановна> Лункевич».

№ 261

12—13 сентября 1927 г. *Ессентуки*

12—IX—1927

Ну, Милая Николаевна, вот Вам продолжение повести дней моих и приключений.

В Боржоме я начал честно лечиться: каждый день принимал теплые ванны из боржома и дважды в день пил воду евгениевского источника. На другой же день как стал пить воду — забурчало в животе и пошло, и пошло... только и знаю, что бегаю в брус. Я доложил об этом своему грузинскому доктору. «Наверно, оттого что после воды сырые фрукты ели». А я никаких фруктов и в рот не брал. «Ну, так надо на время воду перестать пить».

Тут я и решил не на время, а совсем эту воду перестать пить и бежать отсюда в Ессентуки. Тем более, что пошли дожди, 11-го сентября кончались концерты в парке, начинала уже уезжать публика.

Перед Ессентуками все-таки решил съездить на два дня взглянуть на Батум и на дороге от Боржома до Батума: уж очень — все

говорили — красива. Не будь компании (все тот же профессор Политехникума Виноградов с женой) — может, и не поехал бы, а так — взвихрился, упихал вещи и покатил.

Дорога (часов 10 езды), верно, очень хороша. Ехали и любовались. К вечеру стало еще красивей: где-то впереди без перерыва сверкали молнии. Еще попозже молнии оказались уже не впереди, а над нами — и полил дождь, да какой: никогда такого не видал.

Словом, угодил я в Батуме (и надо же было!) в этот самый шторм и наводнение, о к<отор>м, вероятно, Вы уже читали¹. Наш поезд был последним, какой проскочил в Батум: следующий за ним, нефтяной, уже свалился с размытого пути (часа через два). Потоками с гор под Батумом снесло два моста, завалило обвалом туннель — и все, попавшие в Батум, оказались отрезанными. Можно было уехать только пароходом. У меня был большой соблазн бросить всякое лечение и неожиданно заявиться в Геленджик, но смотреть, как другие будут купаться в море — не утешительно, а мне было сказано (в Боржоме), что купаться мне не рекомендуется.

Когда шторм утих, стали возить на небольшом пароходике из Батума в Кобулеты (от Кобулет путь был в исправности). С первым же рейсом я отправился. Это было в четверг, 8-го. Покачивало в пути. Дошли до Кобулет, стали на якорь и на лодках начали переправлять пассажиров на берег. Переправа длилась три часа. На якорь болтало ужасно. Укачались не только женщины, но и многие из мужеска пола. Я — горжусь — уцелел: только разболелась голова.

Из Кобулет вместо девяти поездов на Тифлис шло только два, пассажиров — орда, на вечерний поезд опоздали, ночевать — негде. Я решил ехать на следующий день, и не из Кобулет, а из Чаквы (станция перед Кобулетами), где скорее можно было найти ночлег. Тот же пароходик доставил меня в Чакву, часов в 7 вечера я был там (вышли из Батума в час).

Повезло: на одной даче нашел комнату на ночь, поспал немного. Утром в чемодане у себя нашел скорпиона. Вот страшилище! По счастью, вовремя его увидел, а то было бы еще одно — и очень неприятное — приключение.

Брожу на вокзале в Чакве и вдруг вижу: навстречу мне никто иной, как Рувим Шапиро с супругой и с адъютантом в виде Философа Васильевича! Конечно — радостная встреча. И на линейке поехали вместе в Кобулеты из Чаквы (чтобы приехать раньше, чем поездом приедут пассажиры и достать билет). Дорога — 12 верст — ужасная, размытая, идет дождь, у Шапиро болит живот, гастрит.

Доехали. Я изобразил из себя профессора Политехнического Института, обольстил начальника станции и до открытия продажи достал для всех билеты в мягком вагоне. Если бы не это — остались бы, или ехали бы ночь в жестком, сидя.

Шапиро с женой из-за живота своего остался в Тифлисе, а я с Философом Васильевичем поехал дальше, на скором.

И вот,— в Эссентуках, в чистом номере, с хорошей постелью, вымылся сегодня в ванне — культура! После Боржома, после отвратительной, затхлой комнаты в батумской гостинице — приятно.

В Эссентуках в поликлинике сначала сказали мне то же, что говорили в Боржоме: что сезон в Эссентуках в этом году до 15 октября. Потом вышло новое распоряжение: сезон — до 1-го только.

Сегодня начал пить воду — 17 №, горячую (45°).

Был у доктора: его здесь хвалят, фамилия у него хорошая — Ахматов, он заведует терапевтическим отделением. С ним у меня дело пошло скорее, чем в Боржоме — на руках у меня уже были результаты исследований.

Кроме № 17-го (три раза в день), получил:

высокие клизмы из № 4 — через день,

два дня серно-щелочных ванн,

горячие грязевые ванны на живот (39°; 15 мин<ут>).

Все эти развлечения — будут отнимать у меня целые дни. Ни о какой работе, по-видимому, нечего и думать. С утра — тащиться к источнику, стоять в очереди, чтобы выпить полстакана воды; перед обедом и ужином — тоже. Грязевая ванна отнимает часа три: после этой ванны — простая ванна, потом отдых на месте не менее полу-часа, потом отдых дома — 1 ½—2 часа. Не знаю, когда удастся съездить в Кисловодск, отыскать Шишкова, Ильинских — да там, поди, куча знакомых людей; тут, пока, встретил в парке нынче только одного — из Драмписа.

После 1-го, когда закроется грязелечебница здесь, Ахматов рекомендует отправиться в Кисловодск; там будет работать грязелечебница, и там же рекомендует взять, сколько успею, нарзанных ванн — для нервов.

13—IX.

Вчера в половине одиннадцатого уже мирно спал. Встал в 7 — и начал трудовой день. Он осложнился тем, что я не член профсоюза, а для таких курортн<ая> книжка стоит 40 руб<лей> вместо 5. Пришлось специально идти к директору (езде очереди), втирать очки — насилиу втер. Сейчас через парк иду на почту — отправлю письмо,

потом — сернощелочная ванна, потом обед. Кормят очень хорошо и недорого: полный комплект еды — 2.50 в день (утренний завтрак — чай, яйца, икра, каша; обед — три блюда; ужин — ветчина, яйца, каша, зелень, чай). В Боржоме за один такой же как здесь обед — с одним и тем же меню (в Боржоме — ничего, кроме цыплят) — платил два рубля.

Ну, вот — пишу я все это, а где Вы — не знаю; может Вас в Геленджике уже давно нету. Думаю, что Вам жилось лучше, чем мне — Вы купались, отдыхали, а не трепались, как я. Жду, что напишете.

Мой адрес: Эссендуки, гост<иница> «Казбек», комн<ата> 78.

Из Петербурга ни одного письма не получил; увы — может быть, они в Боржоме; просил переслать оттуда сюда. — Погода здесь прекрасная, пред моим приездом 2 недели лил дождь и было холодно, публика разбежалась.

Е

Это — четвертое письмо Вам.

1. 7 сентября в районе Батума прошли сильные ливни, из-за них произошел обвал входа в Зеленомысский туннель, железнодорожное сообщение было прервано (см.: Ливни в Аджаристане // Известия. 1927. 8 сент.).

№ 262

20 сентября 1927 г. Эссендуки

20—IX—1927 Эссендуки

Телеграмму из Сухума получил только сейчас: она была на гл<авной> почте, а я спрашивал на почте в парке. Значит, мое 8-страничное письмо получено? (адресовано было Геленджик). Пью воду, купаюсь в грязи и проделываю все прочее. Кишки пока все-таки не очень-то. Завтра опять иду к доктору. Главное — никак не выплюсь: здесь встают в 5—6, и я вынужден — тоже. Из гостиницы уже сбежал в пансионат. Но и тут будят с утра; кормят — хорошо.

Вчера ванн не было, ездил в Кислов<одск>. Орда народу. Шишкова нет. Зато встретил Тихонова. В Эссендуках виделся с Натальей Вас<ильевой>¹; кажется, сегодня приезжает Толстой.

Погода — чудесная; не жарко. Завидую Вам. Вы, наверное, на самом деле отдыхаете. Напишите (после 1-го — Кислов<одск>, <до> востр<ебования>).

Е

1. Крандиевская-Толстая Наталия Васильевна (1888—1963) — поэтесса, жена А. Н. Толстого в 1915—1935 гг.

№ 263

23 сентября 1927 г. Ессентуки

23—IX—1927

Только что водворился в новой комнате — в новом пансионате (это за 2 ½ недели — уже третья комната: нигде не могу спать — шум, дверинный хлопок). Рядом в комнате — Толстой (приехал сегодня, послезавтра с Нат<алией> Вас<ильевной> переезжает в Кисловодск). В Кисловодске — есть слух — появился Федин Костя. Я на следующей неделе кончу грязевой курс (10 ванн) и тоже в Кисловодск. Грязи — очень утомительная вещь, после них — такая слабость. Но я в них верю больше, чем во что-нибудь.

Дня три назад — было очередное епиходовское приключение¹: украли мои милые часы (царство им небесное!). Страдаю несчастный; взял часы взаймы. В Кислов<одске> — тоже либо придется достать у кого-н<и>б<удь>, либо купить.— Три дня было холодно, сегодня опять лето.— Вчера получил из Боржома Вашу телегр<аму> и открытку.

Е

1. Замятин сравнивает себя с Епиходовым — персонажем пьесы «Вишневы сад» А. П. Чехова. Епиходов — отражение ситуации из серии несчастий, в основном, мелких, бытовых.

№ 264

7 октября 1927 г. Кисловодск

7—X—1927

«Все же интересно, где Вы находитесь и почему скрываете свое местожительство...» Это — из Вашего (коллективного) письма, к<о>торо>е получил (из Ессент<уков>) только вчера. И это адресую теперь Вам. Что Вы съездили в Сухум и опять возвращаетесь на Новый Афон и до чего приятная компания (очевидно, уже новая) — об этом я узнал от Марии — я с ней встречаюсь (12-го она и С<ергей> К<онстантинович> уезжают, уже взяты билеты на Сочи).— Я живу на одной даче с Толстыми (ул. Бухарина 12, панс<ионат> «Ларисса»). Толстой работает, я — еще не могу, все еще никак не очухаюсь после Ессентукского лечения. Каждый день встречаюсь с Тихоно-

вым. Сообщил, что послал за кварт<иру> 100 р<ублей>, но деньги (кажется) вернули назад — за отсутствием адресатов. Живу очень растительно и скушно. В Кисловодске уже нес<колько> дней осенне и пусто, публики мало. Беру души и ванны. Наслаждаюсь зубо-врачеванием: повыскакали пломбы.

Е

№ 265

11 октября 1927 г. Кисловодск

11—X—1927

Пишу, сидя у Ильинских: с ними, думаю, письмо дойдет скорее. День у меня сегодня торжественный, особенный: неизвестно почему — спал два часа после обеда и первый раз за два месяца чувствую себя выспанным. От безсна — совсем стал разваливаться: хронически просыпаюсь 5 1/2—6 часов. Сейчас живу в комнате, где и тьма, и тихо — и все-таки не сплю.

Узнал на днях от Марии Ник<олаевны>, что Ваш путь — усыпан розами (мой — терниями). Рад, если на самом деле Вам приятно на Афоне. Думаю, что так — и думаю, Вы не жалеете, что я уломал Вас поехать. Ну, что бы Вы делали в Петербурге?

Два дня у нас в Кисловодске — холодина, сегодня утром горы около Кисловодска были с снеговыми макушками — наверху выпал снег. Вероятно, я возьму ванн 16 — и уеду (пока взял 7). На несколько дней остановлюсь в Москве (по-старому — на Пречистенской наб<ережной>, в общежитии ЦЕКУБУ) — получить деньги с МХАТ¹, с «Круга»². Относительно «Атиллы» паршивец Нелидов³ ничего не пишет — на днях послал ему спешное письмо, жду ответа. Здесь — не работаю.

В конце недели, вероятно, уезжают Толстые; вчера приехал Миша Зоценко. С Толстыми и с Тихоновым играю в теннис; увеселяю себя зубо-врачеванием, даже делаю коронку — надо.

Не знаю, все ли Ваши письма получил; последнее было — открытка с Афона перед путеш<ествием> в Сухум.

Не торопитесь на север: очень там сейчас скверно — как говорят приезжающие оттуда. Не надо ли денег? — если нужно, телеграфируйте. Привезли бы бутылочку афонского церковного.

Е

1. Деньги с МХАТ 2-го за «Блоху».

2. Вероятно, в издательстве «Круг» Замятин получил гонорар за том «Нечестивые рассказы» (вышел в первой половине 1927 г.).

3. Замятин ждет письмо от актера А. П. Нелидова — оно придет через несколько дней. В нем (датировано «9 октября 1927 г.») Нелидов сообщил Замятину о своих переговорах с директором Малого театра о постановке «Атиллы» и о том, что В. К. Владимиров «имеет экземпляр пьесы в 1-й редакции, но ищет более легкие в постановочном отношении пьесы», потому что театр снят с государственного обеспечения (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 147. Л. 1). В последующие годы Нелидов по поручению Замятина вел переговоры о постановках его пьес и сценариев в театре и кино.

№ 266

5 июня 1928 г. Москва

Москва. Вторник, 5/VI—28

Итак, одним беспризорником в Москве стало больше: в ЦЕКУ-БУ места пока нет, м. б.— вечером, а скорее всего — придется отправиться к Новицкому¹ — и, конечно, не выспаться (продолжение путешествия — в вагоне спал часа 4).— Пишу это в фойе МХАТ 2-го (где мои вещи). Утром застал здесь Монах<ова> и Лавр<ентьева>². Сегодня вечером Мон<ахов> идет к Раск<ольникову>³ это будет хоть и не официальный, но по существу — решающий разговор⁴. Тихон<ов> говорил с Горьким об «Ат<илле>» — Горький возмутился. Тих<онов> будет у него завтра утром (только), передаст мое письмо и рукопись. С Шапиркой⁵ говорил по телефону.

Хожу сонный. Полдня просидел у Тих<онова> в изд-ве Федерации: разный народ там. Не знаю, что буду делать вечером: в гости идти что-то никуда не хочется.— Тут теплее, чем в Питере, но все же не жарко.

Е.

1. А. П. Новицкий. См. примеч. 10 к п. 206.

2. В мае—июне 1928 г. Большой драматический театр гастролировал в Москве в помещении МХАТ.

3. Ф. Ф. Раскольников в это время возглавлял Художественно-политический совет при Главреперткоме.

4. Н. Ф. Монахов пытался добиться отмены запрещения постановки пьесы «Атилла» в ленинградском Большом драматическом театре. 15 мая 1928 г. пьеса обсуждалась в театре на заседании Художественного совета с участием корреспондентов «Рабочего и театра», «Красной газеты», «Ленинградской правды». Докладчиком выступил постановщик спектакля

Б. В. Зон, он же прочел аудитории пьесу Замятина. Затем собравшиеся осмотрели макет декораций к спектаклю, сделанный Н. П. Акимовым. На заседании была принята резолюция «Признать пьесу „Атилла“ высокоинтересной для советского зрителя. Отметить ее литературно-драматическую ценность. Утвердить ее к постановке 1928—1929 г. Макет художника Н. П. Акимова, представленный Б. В. Зоном — принять» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 268 (БДТ), оп. 1, № 30. Л. 9). Однако в мае 1928 г. решением Областного реперткома пьеса была запрещена как «недостаточно выдержанная».

Материалы, относящиеся к постановке «Атиллы» в Большом драматическом театре: договор с автором пьесы, протоколы заседаний Художественного совета театра, переписка с Ленинградским областным отделом по делам литературы, издательств и зрелищ, с Главным репертуарным комитетом и др. — хранятся в архиве Большого драматического театра (По вопросу о постановке пьесы Е. И. Замятина «Атилла» // ЦГАЛИ СПб. Ф. 268, оп. 1, № 30).

5. Р. А. Шапиро.

№ 267

6 июня 1928 г. Москва

Москва. 6—VI—1928

Ну, Мила Николаевна, дела Атиллы моего — не важные. Вчера Монахов был у Раскольниково, но попал к нему на пиршество — разговор был мимоходный — и все же неутешительный. — «Да что вы, — говорит, — так держитесь за эту пьесу? Я вам могу порекомендовать получше и поактуальней...»

Теперь одна надежда только — на Горького. Вероятно, к завтрашнему дню он уже прочтет пьесу. Завтра утром у него будет Тихонов, днем я у Тихонова (в изд-ве Федерации). Вечером я встречу с Горьким¹ в Союзе Писателей (там устраивается встреча Горькому Федерацией²).

Одновременно налаживаю дела с изданием Собрания в издательстве Федерации. Заседание там в пятницу или в субботу. Если откажутся издавать или потребуют много выкинуть — пойду кончать с «Ник<итинскими> суб<ботниками>»³.

Завтра переезжаю в ЦЕКУБУ — пишите туда. Сегодня у Новицкого — выспался, чудом (рано вчера лег).

Был нынче у Эфроса, у Лидина и ... у Сергея Мальшева⁴ (случайно встретил его на улице, он затащил к себе).

Любопытного много. Горький затевает журнал и — газету⁵!

Пожалуйста, Мила Николаевна, позвоните Федину, чтобы скорее посылал протокол Ленинградского Отделения Федерации о моем собрании сочинений — к пятнице это должно быть здесь.

Сейчас кое-что налажу еще насчет «Атилллы» (пишу в МХАТ 2-м, во время спектакля⁶), потом еду к Лаврову.

Е.

1. 28 мая М. Горький вернулся в Советский Союз из Сорренто.

2. Федерация Объединений Советских писателей (ФОСП).

3. 28 января 1928 г. Замятин заключил договор с кооперативным издательством «Никитинские субботники» на издание собрания сочинений в 6-ти томах (см.: ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 71). В интервью газете «Читатель и писатель» Замятин сообщил: «Сейчас готовлю к печати 6 томов, где будет собрано почти все, написанное до сих пор. Последний из этих шести томов, впервые появляющийся в виде отдельной книги том критических статей и воспоминаний, в т. ч. написанные этой зимой воспоминания о покойном Б. М. Кустодиеве» (Читатель и писатель. 1928. 18 февр. С. 4).

4. С. В. Малышев жил во Вспольном пер., 6, кв. 1.

5. Речь идет о журнале «Наши достижения», выходившем под редакцией Горького с 1929 по 1936 г. Замысел создать новую газету — не осуществился.

6. В этот день в помещении МХАТа 2-го (пл. Свердлова, 2/7) шел спектакль «Разлом» (по пьесе Б. Лавренева) гастролировавшего в Москве ленинградского Большого драматического театра.

№ 268

8 июня 1928 г. Москва

8—VI—1928.

Милая Николаевна, наверное Вы уже получили письмо, посланное Вам через Шапирку. Здесь Вы найдете продолжение моих приключений.

Очень большого труда стоило убедить Шапиро, чтобы он не боялся дать Горькому протокол заседания Художественного Совета театра (с рабкорами). Наконец, он сдался и вручил протокол Лаврушке. Лаврушка во всем этом деле ведет себя лучше. Вчера утром он съездил сам к Горькому и отвез ему протокол.

Днем вчера был (обедал) у Булгакова (он вернулся с Кавказа раньше времени из-за запрещения его пьесы¹). К 7 1/2 поехал в Союз: там Федерация устраивала встречу Горькому². Духота, нудь, ведра помойных речей (Гладков, Бахметьев, Либединский, Кольцов³ и про-

чие; от Союза — никто не говорил), скука. Две какие-то девушки без билетов влезли (во 2-й этаж) по лестнице и попали в зал через окно, возле к<оторо>го я сидел.

Кончили в 10. Обступили архиерея⁴. Я поздоровался с ним и уже решил, что никаких разговоров не выйдет, но он сам сказал: «Мне необходимо с Вами поговорить, сегодня же, тут». Небольшая группа, человек 15—20, тайными ходами прошла в ресторан Союза вместе с Горьким, и там удалось поговорить с ним.

Пьесу он прочитал. «Очень хорошая драма, всерьез. И, конечно, нужно поставить. Нужно печатать. И то, что не разрешают — это не годится, не годится...» Ну, и так далее. При Горьком состоит Крючков⁵, я говорил с ним. Крючков уверяет, что дело передано Горьким какому-то влиятельному лицу⁶, к<оторо>е через 4—5 дней все это должно кончить.

Думаю, что Главрепертком теперь упираться не будет. Но достаточно ли будет для театра этого разрешения? Похоже, что нужно добиться большего, чем разрешение: рекомендации этой пьесы для постановки. М<ожет> б<ыть>, в начале след<ующей> недели будет у меня частное свидание с Горьким. К воскресенью, конечно, не освобожусь.

Комнату в ЦЕКУБУ получил, и хорошую, но... окно обращено к лесопилке, с 6 утра — гудки, боюсь, что и отсюда сбегу. Пишите все же сюда или на изд-во «Федерация» (адрес у Федина или Казакова⁷).

Вчера после Горьковских увеселений Толстой (он в ЦЕКУБУ, рядом со мной), Пильняк, Тихонов увлекли меня в Кружок⁸. Там — Щеголевы (и Валентина)⁹, Лавруша, Лидин, Буданцев¹⁰. Лег поздно, встал рано. Зато вчера у Новицкого — выспался: стали часы — и я по ошибке проспал до 10, а лег около часу. Сегодня лягу в 11.

Сейчас иду к Тихонову — настроить его: в 7 вечера вопрос о моих книгах будет поставлен в изд-ве Федерации. Около 9 — в Союзе на засед<ании> Правления.

Вчера был град, дождь; сегодня ясно.

Е.

1. Михаил Афанасьевич Булгаков вместе с женой Любовью Евгеньевной Белозерской в апреле 1928 г. поехал в Тифлис, затем через Батум — в Зеленый Мыс. 9 мая 1928 г. на заседании Главреперткома его пьеса «Бег», принятая МХАТ к постановке, была расценена как произведение неприемлемое. 9 мая П. А. Марков телеграфировал Булгакову в Батум: «Постановка „Бега“ возможна только при условии некоторых переделок просим раз-

решения вступить в переговоры реперткомом относительно переработки». (Цит. по: Булгаков М. А. Пьесы 1920-х годов. М., 1989. С. 556).

2. Газета «Известия» дала подробный отчет об этой встрече: «Вчера впервые встретился Максим Горький с широкими писательскими массами. Зал Дома Герцена не мог вместить всех явившихся поведать свои дела старшему товарищу». Кроме указанных в письме, на вечере выступили А. А. Фадеев, Степной, Матэ Залка, Губер, Лежнев и Богданов, председательствовал А. Фадеев (см.: Максим Горький в Москве: Среди писателей // Изв. ЦИК и ВЦИК. 1927. 8 июня). Сохранилась фотография, запечатлевшая эту встречу. Она воспроизведена в изд.: ЛН—70. С. 183.

3. Гладков Федор Васильевич (1883—1958) — писатель; Бахметьев Владимир Матвеевич (1885—1963) — прозаик, драматург, критик; Либединский Юрий Николаевич (1898—1959) — писатель; Кольцов Михаил Ефимович (Фридлянд, 1898—1942) — писатель, журналист.

4. М. Горького.

5. Крючков Петр Петрович (1889—1938) — личный секретарь М. Горького.

6. Вероятно, речь идет о Ф. Ф. Раскольникове или о партийном работнике Алексее Ивановиче Свидерском (1878—1933); в 1928—1929 гг. — начальник Главискуства.

7. Козаков Михаил Эммануилович (1897—1954) — писатель.

8. Ночной ресторан при Кружке друзей искусства и культуры (Богословский пер., 8).

9. П. Е. и В. А. Щеголевы.

10. Буданцев Сергей Федорович (1896—1940) — прозаик, поэт.

№ 269

11 июня 1928 г. Москва

11—VI—1928

Ну, Мила Николаевна, наверное, уже Толстой рассказал Вам о моих делах. Дела — застряли, я — тоже. Теперь главная задержка из-за собр<ания> соч<инений>. В пятницу (8-го) ред<акционный> совет Федерации обсуждал дело — долго, уставя брады. И не рискнули решить столь важный политический вопрос сразу: решен он будет только в эту пятницу, после предварительного обсуждения по группам. Отказаться — у них, по-видимому, не хватит духу, — будут возражать только против отд<ельных> вещей. Если этих возражений будет много — я предпочту выпустить книги в Федерации же, но под маркой «Круга», к<оторы>й имеет право быть менее целомудренным.

Но это буду знать в пятницу 15-го вечером; если ничего не выйдет (вероятно — выйдет) — в субботу же пойду к «Субботникам». Если выйдет — буду кончать с Федерацией или «Кругом», т. е. — выгребать из них деньги. Думаю, там или здесь — денег добуду. Поэтому не тоскуйте о затратах на ремонт.

Письмо от Бережного¹ получил только сейчас (спираль у Лаврушки, его еще нет в театре).

Насчет обоев — мне все равно. Думаю, надо сначала попробовать сделать кабинет в № 1. Пускай обои там зеленые — не беда. Если переберусь в № 3 — беж будет еще лучше. Но хорошо ли беж с грушевым, почти такого же тона, деревом (столовая?). Если Дина² считает, что ничего — ладно, пусть. — Телефонные штепсели в № 1 и № 3. В № 1 — в простенке между окнами (или у окна слева); лучше всего в простенке и в № 3.

Со вчерашнего дня — тепло, лето. Знакомых в городе осталось мало, и делать мне в сущности, нечего. Может б<ыть>, уеду дня на два на дачу — в Кунцево — к поклоннику — беллетристу Огневу³.

Это начал писать в вегет<арианской> столовой, где обедал; кончаю в изд<ательств>е Федерации. От Тих<онова> сейчас узнал, что Горький имел раз<говор> с Раскольниковым и всячески рекомендовал ему пьесе. Раскольников сказал... что еще не читал пьесы, скоро прочтет. В разговоре с Монаховым — выходило, что читал; сказать Г<орько>му, что пьеса ему не очень понравилась — не рискнул. Это уже хорошо. — Днем в театре, встретил Гулю⁴, она заинтересована в пьесе из-за Керки⁵ и хочет действовать через Свидерского⁶ — завтра дам ей экземпляр.

Вечером сегодня, д<олжно> б<ыть>, пойду к Лужскому⁷. На завтра звала Книшпер⁸, или же взгляну на «Растратчиков»⁹.

Сегодня совсем лето, жарко.

Е

1. Бережной Тимофей Иванович (1889—1963) — администратор Большого драматического театра.

2. Шведе-Радлова Надежда Константиновна (урожд. Плансон, 1895—1944) — художница, вторая жена художника Н. Э. Радлова.

3. Н. Огнев — псевдоним литератора Михаила Григорьевича Розанова (1888—1938).

4. Августа Николаевна Николаева — актриса Большого драматического театра.

5. Керка — одна из героинь трагедии «Атилла».

6. См. примеч. 6 к п. 268.

7. В. В. Лужский жил по адресу: Сивцев-Вражек, 25, кв. 2.

8. О. Л. Книшпер-Чехова жила на Гоголевском бульваре, 23, кв. 3.

9. Спектакль «Растратчики» (инсценировка одноименной повести В. П. Катаева) в Московском художественном театре. Постановщик К. С. Станиславский. Режиссер — И. Я. Судаков. Художник — И. М. Рабинович.

№ 270

14 июня 1928 г. Москва

14—VI—1928

Думал, что уже сегодня смогу написать Вам о результатах. Увы! Вчера около 10 веч<ера> узнал, что ответ относ<ительно> «Ат<ил-лы>» будет только в пятницу утром... Если ответ будет положительный — надо еще будет выжать из Реперткома, чтобы он рекомендовал (официально) театру пьесу. В пятницу вечером — выяснится с Федерацией. В общем — с прошлого четверга неделю ровно сижу и жду у моря погоды.

Жить в ЦЕКУБУ было бы хорошо, если бы здесь не поднимались в 7—7 ½. А лечь раньше часу никак не умудришься. Вчера звали к себе Пильняк, Бул<аков> — никуда не пошел — невоюготу — лег в 11 ½, часов 8 спал. (Вепринцеву звонил — не было дома). Сегодня иду обедать — и вообще — к Пильняку. В понед<ельник> вечером был у Лужского, там были Качалов и Немирович. В воскресенье — у Книшпер, с тем же самым Дапа, с каким мы были у Толстого.

Вчера весь день была осень, дождь, туфли мои с дырами в подошве... Сегодня опять лето.

Е.

Какой у вас хлеб? Здесь — серый, белого нигде нету.

№ 271

17 июня 1928 г. Москва

17—VI—1928

Ну, Мила Николаевна, Атилла — наказан за все свои жестокости и грехи, мытарства его все продолжают и им не видно конца. В пятницу дозвонился, наконец, к Горькому и поговорил с ним. У него был вторичный разговор с Раскольниковым, Раскольников сказал, что пьесу разрешат и (будто бы) намылят голову тому молодому человеку, к<оторы>й запретил. Вчера вечером я сам был у Раск<оль-

никова>, дома, и имел с ним длинный разговор. Пьеса ему кажется интересной и всякие прочие комплименты, но ... гунны и сам герой — недостаточно воспитаны и деликатны, поэтому нужны некоторые изменения в 1 акте (сцена обыска послов, история сожжения гуннских беглецов, монолог с головой Вледы, кое-что в сцене Атилла — Ильдегонда¹). После изменений я должен представить рукопись в офици<альной> порядке в Главрепертком и недели через 1 ½—2 они пропустят пьесу, но не по литере А, а хорошо, если по Б (по А идут такие вещи, как «Мятеж» Фурманова²).

Дело, конечно, бы ускорилося, если бы я проделал все эти изменения здесь, в Москве. Но так как сплю здесь все время плохо и так как у меня нет полного варианта пьесы, то вероятно приеду кончать это в Петербург и уже отсюда пошлю в Глав<е>репертком>. Тогда, думаю, выеду во вторник. Понедельник и вторник нужны, чтобы кончить дела с собранием сочинений.

В пятницу в ред<акционном> совете Федерации постановили — собр<ание> соч<инений> принять, V том (статьи) — пока условно, впредь до рассмотрения их³. Торгуются насчет гонорара; хотят заплатить не 35 руб. лист — тысяча (как «Субботники»), а только 30; я не соглашаюсь, в понед<ельник> Тихонов выяснит этот вопрос — вероятно, в положит<ельном> смысле. Тогда подпишу договор и, м<ожет> б<ыть>, во вторник получу деньги.

В понед<ельник> в 4 — у меня свидание с Горьким.

Все утро у меня сегодня просидел Верейский⁴. Сейчас иду кормиться.

Е

1. Вледа и Ильдегонда — герои трагедии «Атилла».

2. В отличие от пьес Е. Замятина, пьеса «Мятеж» Д. А. Фурманова и С. Поливанова шла по литере «А», т. е. была рекомендована Главным репертуарным комитетом гораздо большему числу театров.

3. Сохранилась записка Замятина о составе его собрания сочинений, датированная 27 ноября 1927 г. Предполагался следующий его состав: том 1 — «Уездное», том 2 — «На куличках», том 3 — «Островитяне», том 4 — «Икс» и другие рассказы, том 5 — пьесы, том 6 — воспоминания и статьи. Автор намеревался включить в 4 том «Нечестивые рассказы», изданные в «Круге» в 1927 г., и несколько новых рассказов, в 6 том — воспоминания об А. Блоке, о Л. Андрееве, о Б. М. Кустодиеве, статьи о Г. Уэллсе, О. Генри, Ф. Сологубе, о современной русской прозе и др. Замятин подчеркнул, что «некоторые статьи будут дополнены и переработаны» (РГАЛИ. Ф. 1776, оп. 1, № 3).

4. Художник Георгий Семенович Верейский (1886—1962). Известны два портрета Замятина (автолитографии), выполненные им в 1927 г.

№ 272

18 июня 1928 г. Москва

18—VI—1928

Вчера, конечно, до вечера протаскал письмо в кармане и решил послать сегодня — вместе с этим — тем более, что обстоятельства слегка изменились. Театр торопит, чтобы я скорее сделал изменения в «Атилле»¹ и сдал в Главрепертком — им нужно выяснить, наконец, ставить пьесу или нет. Придется посидеть еще здесь и попынтеть над несчастным «Атиллою». Во всяком случае, попробую — м<ожет> б<ыть>, в день—два и кончу.

Для этой работы мне нужен несокращенный вариант «Атиллы» (нужно кое-что внести оттуда). Пожалуйста, Мила Николаевна, найдите в шкапу с стекл<янными> дверцами среди бумаг, к<оторы>е я выложил туда перед отъездом, экземпляр пьесы с печатью Б<ольшого> Драм<атического> театра. Кажется, это еще не сокращенный вариант. Шапиро выезжает во вторник в Москву — пошлите мне с ним рукопись.

Я почти уверен, что не ошибаюсь — что этот экземпляр несокращенный (посмотрите, есть ли там эти вот реплики в сцене Атилла — Ильдег<онда>: «Ильдег<онда>: Что ты варвар я знала, но не знала, что ты заложницу оскорбить посмеешь. Ат<илла>: Как? Ты заложница?» И дальше: «Ат<илла>: «Не заложница больше ты... Моим словом, как мечом, я разрубил...» — что-то в этом роде. Если это есть — экземпляр несокращенный). Если же этот экземпляр уже переписан с купюрами, в корзине с моими рукописями Вы найдете папку с материалами по «Ат<илле>» — там есть перепис<анный> на маш<инке> полный текст — или же моя (карандаш) рукопись пьесы. Мне нужны, в сущности, только I и IV акты.

Пишу это в изд<ательстве> Федерации, где сегодня, должно быть, буду подписывать договор.— Вечером сегодня в 7 ½ — еду к Горькому. Потом в ЦЕКУБУ, беру ванну — и ночевать уже к Пильняку. Пильняк улетел на Кавказ², его комната свободна, перееду туда, а то в ЦЕКУБУ будят регулярно в 7 ½ час³.

Рядом за столом сидит кум Соколов-Микитов³, иду с ним в вегетарианку обедать.

Был два раза на шахтинском процессе⁴. Очень противно. Вообще все здесь надоело, не чаю, когда выберусь.

Е

1. Замятин вспоминал о работе над «Атиллою»: «Пьесу пришлось написать дважды: один, уже вполне готовый, вариант был разобран потом на кирпичи, и из них потом все здание было еще раз построено заново» (*Автобиография*—31. С. 14).

2. Пильняк в 1928 г. выступал с лекциями в Кисловодске, Одессе и других южных городах.

3. Соколов-Микитов Иван Сергеевич (1892—1975) — писатель. Е. И. Замятин был крестным отцом его дочери Лидии (сообщено А. Н. Стрижевым).

4. 18 мая в Москве в Колонном зале Дома Союза начался открытый судебный процесс по делу о контрреволюционной организации инженеров и техников, работавших в каменноугольной промышленности СССР. Государственными обвинителями выступили — Н. В. Крыленко и Г. К. Рогинский. Дело рассматривал Верховный Суд СССР под председательством А. Я. Вышинского. Процесс продолжался 35 дней. Газета «Известия» печатала ежедневные подробные отчеты о ходе судебного процесса.

№ 273 ¹

22 июня 1928 г. Москва

22—VI—1928

Идет дождь, у меня насморк, я чихаю — сижу за столом Тихонова (его нет). В соседней комнате круговская девушка стучит на машинке — переписывает изменения в 1 акте «Ат<иллы>». Сегодня кончил, просидел три утра — до чего противно и трудно было это делать... Завтра сдам в Главрепертком. Ответ Раскольников обещал «в срочном порядке» — недели через 1 ½. Сидеть и ждать здесь — конечно, не стоит. Но не исключена возможность, что потребуются еще какие-нибудь изменения и придется ехать еще раз.

К Керженцеву ² не ходил — некогда было. Сегодня говорил с Тихоновым: он не советует, говорит, что рискованно, что, вероятно, окажется достаточно того, что напишет Горький о пьесе (Горький обещал дать театру свое письменное краткое мнение о пьесе, театром может орудовать, может его напечатать). Вдобавок, еще неизвестны результаты чтения пьесы Свидерским (ему, как я писал, дала рукопись Гуля, я сегодня вечером увижу ее в театре).

Договор с изд<ательств>вом «Федерация» на книги подписан (на V том — статьи — пока условно). Условия те же, что в «Субботниках» (35 р. за лист — тысячу), но деньги у них есть и они выплатят все не в 2 года, а меньше чем в год. Пока беру денег немного, чтобы не портить государственную роспись доходов до 1 окт<ября>. Во

всяком случае — деньги теперь будут, так что делайте по ремонту все, что захочется (умывальник в ванной, душ).

Отчего до моего приезда не хотите взять кабинет? Плохо сделан?

Если не нужно будет идти к Керженцеву, я, м<ожет> б<ыть>, выеду в воскресенье или понедельник. На завтра у меня: сдать пьесу в Главреп<ертком>, получить деньги, кончить дела с «Субботниками»³. В воскресенье надо будет съездить к Огневу в Кунцево — давно обещал и все не мог попасть.

Сейчас иду обедать к С. А. Есениной-Толстой³, потом ненадолго к Кайсар-ханум (она разыскала меня сегодня по телефону, ей сказал Тихонов, что я здесь), потом в театр (Б<ольшой> Драм<атический>) — и домой, к Пильняку.

Скажите Ростиславу (а он пусть скажет Вам), что он зря загрузил.

Е

1. Написано на бланке издательства «Федерация».

2. Керженцев (Лебедев) Платон Михайлович (1881—1940) — партийный деятель, историк, публицист, в 1928—1930 гг. — заместитель заведующего Агитпропа ЦК ВКП(б).

3. Издательство «Никитинские субботники» находилось по адресу: Москва, ул. Герцена, 10. Председателем правления была Евдокия Федоровна Никитина (1895—1973). В состав правления входили: И. Н. Розанов, М. Я. Козырев, А. С. Новиков-Прибой, А. С. Яковлев.

4. С. А. Есенина-Толстая жила в Померанцевом пер., 3, кв. 8.

№ 274¹

23 июня 1928 г. Москва

23-VI-8

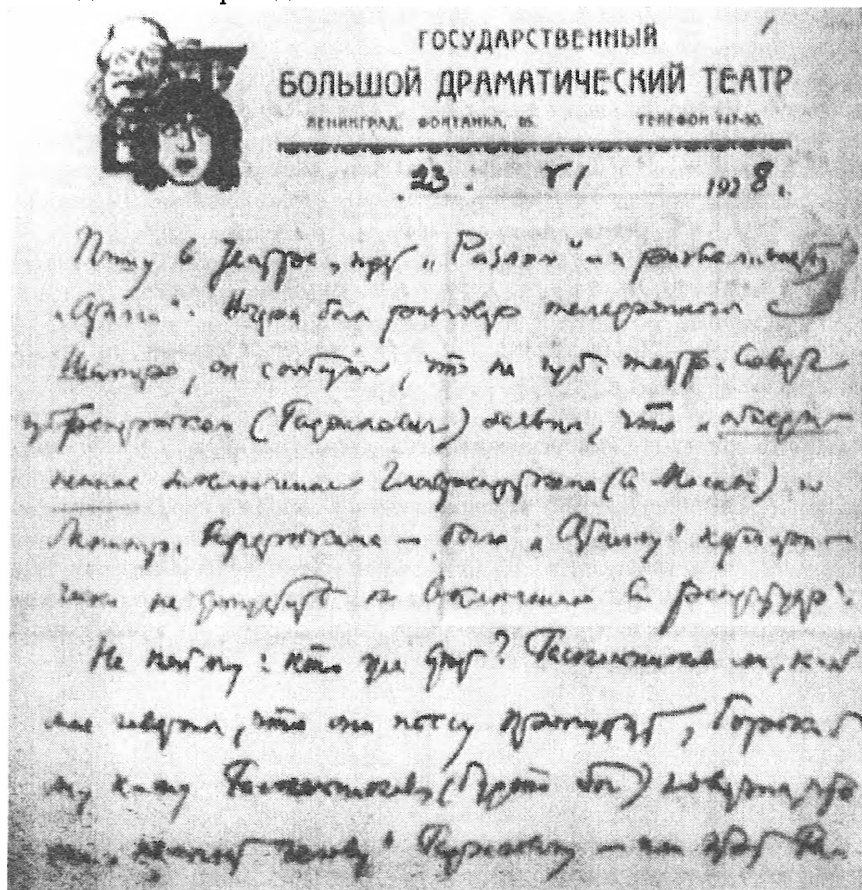
Пишу в театре, идет «Разлом»² — и разваливается «Атилла». Вчера был разговор телефонный с Шапиро, он сообщил, что на губ<ернском> театр<альном> Совете Губререпертком (Рафалович)³ заявил, что «объединенное заключение Главререперткома (в Москве) и Ленингр<адского> реперткома — было «Атилле» категорически не допустить к включению в репертуар».

Не пойму: кто же врет? Раскольников ли, к<оторы>й мне говорил, что они пьесу пропустят, Горький ли, к<оторо>му Раскольников (будто бы) говорил, что они «намылят голову» Рафаловичу — или этот Рафалович.

С Раскольниковым я сегодня еще раз говорил по телефону: условились, что я в понедельник сдам ему пьесу с изменениями — разговор был весьма благожелательный.

А сейчас говорил с Лаврушкой и Бережным — они говорят, что театру одного разрешения Главреперткома теперь мало, нужно что-то большее, чей-то нажим — театр будет трусить поставить так.

Затем, говорил сейчас с Гулей. К сожалению, ее посредник, сводивший ее с Свицерским, уехал. Свицерский пьесу уже прочел и, очевидно, звонил Раскольникову (Раскольников говорил мне по телеф<ону>, что «пьесой заинтересован Свицерский») ⁴. На Свицерского нужно будет нажать через Щеголева — они старые приятели ⁵. Это сделаю по приезде.

Похоже, что в понедельник придется пойти к Керженцеву. Выеду, вероятно, во вторник.

У меня насморк, кашель, башка болит и — можете сами представить — прелестное настроение.

Е.

1. Письмо — на бланке Большого драматического театра.

2. Спектакль «Разлом» Большого драматического театра шел в помещении МХАТ. Постановщик — К. Тверской. Музыка — В. М. Дешевова. Оформление — М. З. Левина.

3. Василий Евгеньевич Рафалович (1900—?) — политредактор по зрелищам Ленинградского областного отдела по делам литературы, издательств и зрелищ. На заседании Ленинградского Областлита 21 июня 1928 г. было принято решение: «Пьесу Замятина „Атилла“ исключить из репертуарного плана сезона 1928—29 г., предложив театру работы над ней приостановить» (Цит. по: *О постановке пьесы «Атилла»*. Л. 11).

4. Несмотря на то, что 4 июля 1928 г. на заседании Главного репертуарного комитета было принято решение: «Пьесу „Атилла“ в переработанном виде разрешить» (Там же. Л. 12), понадобились дополнительные действия, чтобы добиться ее разрешения.

5. П. Е. Щеголев действительно обратился за помощью к А. И. Свидерскому. Свидерский поручил П. Е. Щеголеву передать директору Большого драматического театра Р. А. Шапиро свое положительное мнение об «Атилле». Как председатель Драмсоюза П. Е. Щеголев обратился к Шапиро с письмом 18 сентября 1928 г., в котором сообщил о том, что «Свидерский никаких препятствий в постановке пьесы не видит» (Там же. Л. 6). Несмотря на хлопоты Свидерского и Щеголева, 26 сентября 1928 г. Ленинградский Областлит известил Шапиро о том, что «пьеса Е. Замятина „Атилла“, разрешенная ГРК <Главрепертком — М. Л.> в порядке цензурирования, не рекомендуется Лен. Областлитом для демонстрирования в Большом Драматическом театре (в порядке планирования репертуара)» (Там же. Л. 1). 26 сентября Замятин обратился с письмом в дирекцию Большого драматического театра за разъяснениями о причинах прекращения работы театра над пьесой (Там же. Л. 2).

№ 275

26 июня 1928 г. Москва

Москва, 26—VI—1928

Ну, Мила Николаевна — еще застрял... На сегодня уже заказал себе билет — и не еду.

Был сегодня в Главреперткоме. По неизвестной счастливой случайности сегодня выспался (за всю свою московскую жизнь — третий раз) и был поэтому в Главреперткоме достаточно красноречив. Говорил не только с Раскольниковым, но и со всем синклитом. Демонстрировал изменения, сделанные в I и IV актах. Удовлетворены I актом, в начале IV нужны еще небольшие изменения. Но, оказывается, Раскольников при первой встрече... забыл сказать, что не приемлет во II акте фигуру еп. Анниана. Просмотрели Анниана — другие члены Главреп<ерткома>, тоже согласны, что он слишком привлекателен. Придется его, беднягу, кромсать... Сейчас сдам письма, поем в вегетарианке — и домой, работать. Авось, удастся сегодня кончить. Тогда завтра сдам в Главреп<ертком> — и один экземпляр (полученный от Вас — здесь в Драмосоюзе уже нет «Атильпы») отдам Керженцеву. Ему только что звонил, что сегодня к нему не приду.

Говорил с Раскольниковым о выступлении Раф<аловича> на заседании театрального совета в Ленинграде. Раскольников совершенно твердо заявил мне, что у них (в Главреп<ертком>) никаких запретов не было и что предст<авитель> Ленингр<адского> губреп<ерткома> не мог этого говорить, не имел оснований. Попросту говоря Раф<алович> из любви ко мне — нагло соврал¹.

Детали Вы узнаете из прилагаемого письма на имя А. Н. Лаврентьева. Будьте добры, Мила Николаевна, тотчас же по получении письма отдайте Андрею Николаевичу (завтра, в среду, он, кажется, уезжает). Если не будет в театре Лавруши — отдайте Бережному.

Вчера узнал еще одну приятную новость в «Субботниках»: им в одном офиц<иальном> учреждении заявили, что моего собрания не разрешат... Весело? Впрочем, по словам тех же субботинцев Федерация в привилегированном² положении — ей разрешают свободнее (у них — в Федерации — выходят книги Воронского³, даже Разумника — о Щедрине⁴).

Вчера был у Шурочки Дикой. Было человек 12. Я чувствовал себя прескверно, поэтому в 12 уже удрал. Вообще за все 3 недели в Москве только два раза лег позже часу: один раз, когда еще был с Толстым в Кружке, и позже еще один раз.

По доверенности получите деньги в Драмосоюзе: по условию с Левиком⁵ вторые 250 они должны выдать через 2 недели после первых 250. Срок уже вышел.

Представьте себе, что несмотря ни на что, кишки последние недели 1 ½ — ничего. Берите кабинет. Душ не столь необходим, но умывальник, думаю, нужен — в ванне неудобно умываться.

Да, еще забыл: если успеете, возьмите у Серг<ея> Фед<оровича> Дубянского⁶ (т<е>л<е>ф<он> 1—28—93, Кирочная 11, кв. 26) материалы двух томов моего собр<ания> соч<инений> и пошлите мне их спешной почт<ой> на «Федерацию». Тогда я получу здесь еще денег.

Е.

1. Спустя месяц, 26 июля 1928 г. Ф. Ф. Раскольников направил Замятину письмо следующего содержания:

«Уважаемый Евгений Иванович.

Ваша пьеса „Атилла“ разрешена Главреперткомом в Вашей последней редакции без поправок и без каких бы то ни было купюр. Вопрос о литеровке пьесы оставлен открытым до просмотровой репетиции.

Ф. Раскольников».

(Цит. по копии письма. См. *О постановке пьесы «Атилла»*. Л. 12).

2. Так у Замятина. Сознательно нарушая принятые нормы орфографии, Замятин иногда таким образом выражал свое отношение к существу вопроса.

3. А. К. Воронский в «Федерации» выпустил следующие книги: «Литературные портреты» (В 2 т. М., [1928]); «За живой и мертвой водой: Воспоминания» (Кн. 1—2. М., 1929; 2-е изд. [1930?]; 3-е изд. 1930—1931).

4. Иванов-Разумник готовил для издательства «Федерация» книгу «М. Е. Салтыков-Щедрин: Жизнь и творчество». Первая ее часть была выпущена в Москве в 1930 г.

5. Левик Сергей Юрьевич (1883—1967) — оперный певец, театральный деятель, член Правления Драмсоюза, заведовал его финансовой частью. Сохранилась его докладная записка в Правление Драмсоюза от 20 мая 1926 г. (ОР РНБ. Ф. 187, № 956).

6. Дубянский Сергей Федорович — юрист.

№ 276

27 июня 1928 г. Москва¹

Среда. VI—1928

Результат разговоров Г<орько>го с Раскольниковым (вернее ответ Раскольникова)² буду знать сегодня вечером — позвоню туда в 9 часов. Завтра напишу.

В Москве на этот раз скучнее, чем когда-нибудь. А уехать раньше субботы — а, м<ожет> б<ыть>, даже и понедельника — не удастся: надо покончить с собранием и взять денег.

Сегодня вечером, кажется, попаду даже к Вепринцеву.

Завтра обедаю у Пильняка.

Е.

СХЕМА СЛОВАРЯ

(Данным образом были указаны только общераспространенные и отдельные, например: 1903, а также 17 августа 1917 и т. д. Другие сокращения приводятся в алфавите жаргонным шрифтом. Неужное вычеркнуто).

8

- 1) Фамилия, имя и отчество Замятин, Евгений Иванович
- ~~2) Место~~
- 3) Социальное положение и профессия - Инженер. Трест. 1933 г. Писатель.
- 4) Специальность - лингвистика
- 5) Дата и место рождения - 1884 г. Гор. Лебедянь, Тамб. губ.
- 6) Сведения о родителях: О (отец и мать) Иван Захарович Замятин
 М (сестра, братья и другие родственники) Варвара Александровна Подкова
- ~~7) Сведения о родителях по отцу и матери~~
- 8) Семейные отношения и родственники или родственной линии или линии
Сестра - Александровна Замятин - Числа
- ~~9) Сведения о детях. О (детей, подрастающих)~~
А (детей, подрастающих)
- 10) Образовательная школа (школа, высш. учеб. завед.) Революционная гимназия Цуккер-Бургиньян. Писатель. Инж. - Коробейников Александрович
- ~~11) Политические~~
- 12) Принадлежность к роду или организации Член Союз Писателей
- 13) Служба и др. биографические данные С 1908 по 1919 г. - артист драм. теат. Замятин; С 1911 по 1918 г. - член Коробейников Александрович. Инж. Оклада Зух Зух в Англии (16 в 1911 г.) - повариха, переводчик. После революционных событий в СССР Замятин (20 и 21 лет), работал в Волжском институте инженеров, в Москве Замятин, в Тресте Восток. С 1921 г. Замятин, редакторские труды, в том числе "Сборник статей"
- 14) Изученные языки, особенности, диалекты, наречия, карикатуры, роли и т. д.
Языки: польский, русский, украинский (1914), немецкий (20), французский (22), английский (23), голландский (24), в переводах и переводах, французский, немецкий, белорусский (25), Опыты перевода "Сборник статей" (26), Опыты перевода "Сборник статей" (27), (оба созданные) - 1926-1928 (28-29).
- 15) Любительские занятия - музыка, чтение
- 16) Местожительство Владимир, ул. Мухоморова 29

Дата 18-1-28

Подпись Евг. Замятин

Е. И. Замятин. Анкета для «Словаря современников». 1928 г.

1. Датируется по содержанию.
2. О дальнейших действиях Замятина и Горького, добивавшихся разрешения постановки «Атиллы», см.: *Примочкина*. С. 157—158.

№ 277

8 августа 1929 г. Коктебель

8—VIII—1929.

«Надеюсь получить от Вас сегодня письмо» ... А адрес-то сообщила? Куда там: «в большом городе»¹ — ясно — растерялась. Уж я написал открытку до востребования — и вот только что собирался ее отправить, как принесли Ваше письмо.

Ну, что же — я живу по-прежнему: сплю прилично через ночь (вчера — ничего, сегодня по неведомой причине проснулся с 6 утра); кишочки — то ничего, ничего, а то вдруг опять лопнут (сегодня).

День с креслом хожу кругом дома в поисках тени, вечером — иду куда-нибудь. Ложусь уже позже — часов в 11; курю по-прежнему скромно 5—6.

Вчера днем путешествовал в сельсовет, в деревню: там — мухи, духота, очередь. Встретил там знакомых — композитора Игоря Миклашевского² с женой (Миклашевский — очень приятный человек). Композитор от скуки сидел за писаря — выдал мне не в очередь хлебную карточку. Удостоверения для Вас пока не дали; буду говорить вечером сегодня во время концерта с предсельсоветом — думаю, добыюсь. Вчера был у Миклашевских на даче Манасеиной³; оказывается, муж дачевладелицы актер Болдрамы (Ардавдин⁴); там же живет брат Миши Слонимского с женой⁵. Вчера же были у меня визитеры: Саранчин⁶ — приехал только что; и Мальшкин, писатель («Падение Даира» и пр.)⁷, к которому абонирован на завтрашний вечер.— В теннис все еще не начал играть: нет туфель.— Волошинское поселение до сих пор еще не обследовал и познания о нем пока очень поверхностные. От Булгакова — ничего⁸.

Получил еще открытку от вахтанговцев.

Почему же все-таки Тася⁹ не написала Вам?

Привет семейству Епиходовых¹⁰.

Читаю сегодня, должно быть, «Десятиминутную драму»¹¹.

1. Людмила Николаевна в это время находилась в Судаке. 27 июля 1929 г. Замятины вместе выехали поездом из Ленинграда в Крым. На это указывает письмо Л. Н. Замятиной к М. А. Булгакову от 25 июля 1929 г. (см.: *Замя-*

тины — Булгакову. С. 180. В этой публикации письмо ошибочно датировано 1928 г.).

2. Миклашевский Игорь Сергеевич (1894—1942) — композитор, дирижер.

3. Манасеина Наталья Ивановна (1869—1930) — писательница, имела дачу в Коктебеле.

4. Н. В. Ардавдин — актер и режиссер ленинградского Большого драматического театра.

5. Слонимский Александр Леонидович (1881—1964) — брат М. Л. Слонимского, историк литературы; его жена — Лидия Леонидовна Слонимская, филолог.

6. Саранчин Михаил Михайлович — книговед.

7. Малышкин Александр Георгиевич (1892—1938) — писатель, автор повести «Падение Дaira».

8. Вероятно, Замятин ждал от Булгакова ответа на свое письмо от 15 июля 1929 г., в котором информировал его о том, что хочет предложить московским театрам «хорошую американскую пьесу» (см. примеч. 6 к п. 286) и просил сообщить, где находятся П. А. Марков и А. Я. Таиров, кто остался в Москве из МХАТ 2-го и Театра им. Евг. Вахтангова (см.: *Замятины — Булгакову*. С. 181).

9. Тася, Туся, Тися — Н. В. Крандиевская-Толстая. См. примеч. 1 к п. 262.

10. См. примеч. 1 к п. 263.

11. «Десятиминутная драма» — рассказ Замятина, действие в котором происходит в ленинградском трамвае. Опубл.: Гул земли: Лит.-научн. и худож. сб. Л., 1928. С. 25—26.

№ 278

11 августа 1929 г. Коктебель

11—VIII—1929

Многоуважаемая Милочка,

слушайте мое признание: я, поселившись у Бутковой¹, несомненно вляпался в романическую историю. Понимаете: у нее — три или четыре обожателя, и сегодня ночью они мне устроили форменный скандал. Так дальше жить нельзя...

Разумеется «она» — это не Евг<ения> Александровна: ибо у нее, как известно, могут быть только поклонницы. «Она» — это Бутковская собака, Тукушка, и ее поклонники сживут меня со свету — тем, что будят меня до свету. Сегодня не сплю из-за них с 6 часов, вчера — тоже вроде этого. Попробую еще ночь—другую — и сбегу, благо у Волошина, кажется, освобождаются уже комнаты: кажется,

во вторник уезжает Инна Валерьяновна², я целюсь на ее келью. Сейчас пойду погляжу ее (келью) днем, и узнаю, каково там по части тишины, а равно — что за прокорм у Волошина, можно ли менять меню. Не выйдет там — предлагают на днях комнату на даче Манасеиной. Похоже, что у Бутковой не удержусь, хоть тут очень за мной ухаживают (вчера, например, устроили навес от солнца, перед дверью). А прогос*: числа 17—18 августа к Бутковой приезжает на житье еще одна девушка (одна уже здесь со вторника).

Сегодня утром — сильный прибор: сбегал, обдало меня — и вылез: не до плаванья, холодный ветер. А часов с 8 ½ лил дождь до 10. Сейчас — что-то вроде солнца, теплеет. Если к вечеру больше не будет дождя — пойду сегодня играть в теннис: туфли (болгарские — «тырлики») заказал и вчера получил.

От недосыпа — усталость; к путешествиям пока не склонен (в том числе и в Судак). А дальше — поглядим.

Целую мою будущую Тусю и Вас.

Е.

1. Буткова Евгения Александровна — актриса Малого театра и театра Корша, с 1921 г. жила в Судак. 27 июля 1929 г. из Ленинграда Замятин писал Самуилу Мироновичу Алянскому: «Завтра утром я уезжаю — зайти в Издательство сегодня так и не успел. Мой адрес — впредь до изменения: Крым, Коктебель, дом Бояджиева, Е. А. Бутковой — для меня». В следующем, написанном уже в Коктебеле письме к Алянскому от 3 августа Замятин подтвердил тот же адрес (РГАЛИ. Ф. 20 (С. М. Алянский), оп. 1, № 6. Л. 3, 4).

2. Вероятно, Замятин ошибся при написании имени. Речь идет об Ирине Валерьяновне Карнауховой.

№ 279

Телеграмма¹

13 августа 1929 г. Коктебель²

Приеду сегодня Епиходов

1. Телеграмма адресована: «Судак, дача Спендиаровой, Замятиной». Людмила Николаевна жила в это время на даче у композитора Александра Афанасьевича Спендиарова (1871—1928), с которым Е. И. Замятин был знаком еще с 1923 г., со времени своей прошлой поездки в Крым (см. письмо

---

* кстати (фр.).

А. А. Спендиарова Замятину (декабрь 1923 г.) // ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 184).
Замятин был знаком с женой Спендиарова Варварой Леонидовной и дочерью Мариной (р. 1903).

2. Дата телеграфного бланка.

№ 280

18 августа 1929 г. Коктебель

18—VIII—1929

Милые Миля и Тися¹,

Епиходовы наказаны судьбой за то, что играли чувствами бедного старика (моими): я плакал, расставаясь, а они (и Вы обе) смеялись! Наказание было жестокое: в коктебельскую жарышу, после бессонной ночи — они должны были полтора часа слушать стихи Макса! Обидней всего, что я — ни за что — тоже пострадал и был до отвала настихован.

Спектакль был любопытный — девушки и Фефа² Вам расскажут. Потом — ужин, вино, фокстрот — до первого утреннего трамвая. Впрочем, я чувствовал себя отцом многочисленного семейства Толстойроых³ и вел более солидно, чем следовало бы.

Я похож сегодня на фаршированный кабачок, поджаренный в собственном соку: ночью была жара у меня в комнате, с 8 утра я уже не мог спать, спал совсем мало.

А потому и пишу мало: сил нет.

Сейчас Толстойровы (девушки) пошли к Шагинян⁴, Фефа пошел трепаться к Максy, а я, один, сижу на полотняном кресле перед домом и пишу. Солнце за облаком, легкий ветерок, уже становится можно жить. Пойду сейчас полежать на пляж и выкупаться. Будущее мое мне неизвестно — за исключением того, что буду сегодня спать, как убитый.

ЕЗ.

1. Н. В. Крандиевская-Толстая отдыхала в Судакe вместе с Л. Н. Замятиной.

2. Волькенштейн Федор Федорович (1908—1985) — физик, сын Н. В. Крандиевской-Толстой от первого брака с присяжным поверенным Федором Акимовичем Волькенштейном.

3. Вероятно, так Замятин шуточно называл членов семьи А. Н. Толстого.

4. Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888—1982) — писательница.

23—VIII—1929

Приключения Епиходова.

Том II

После двух штормовых дней (суббота и воскресенье) Епиходов упорно наслаждался одиночеством. Но судьбе не угодно было продлить это. В понедельник, в 5 вечера, Епиходов лежал голый на пляже, счастливый одиночеством и локковским «Счастливецем»¹ — как вдруг некто зовет его, затем приближается: Вадим Никольский² и с ним Елена Станиславовна. Этот вечер Епиходов обещал придти к Вересаеву³, новоприбывшие увеселялись одни, но следующие два дня — вместе. Вадим уехал с Еленой> С<таниславовной>, придет позже еще и, кажется, с супругой⁴ (к<отора>я сейчас в Балаклаве).

Во вторник Епиходов купил на базаре грущ, набил ими карманы штанов, расплатился, пошел домой. Когда пришел — обнаружилось, что кошелек нету: карманы сделаны мелкие, кошелек вывалился. Денег там почти не было — копейки, но был ключ от комнаты. Епиходов сидел на ступенях и ждал, пока придет слесарь и откроет. В награду Епиходов получил подарок от Бутковой: крошечный портмонэ.

В среду утром Епиходов, выкупавшись, забыл трусики на берегу и вспомнил о них часа через два. Добрые соседи по купанью (это были влюбленные — потому и добрые) подобрали трусики и вручили их по принадлежности.

В среду вечером было *soirée dansante et buvante*^{*}. Епиходову, по совести говоря, было скучновато. А лег поздно, спал мало. В четверг Епиходов страдал над упаковкой вещей и перетаскиванием их к Волошину. При переселении опять пропали трусики, еле нашлись. Комната после Бутковской — неудобна, но всегда есть сквознячок, нет такой жары и духоты — и пока нет собачьей любви под дверью.

Сахару у Епиходова уже немного, а в природе его нигде нет: сегодня будет сделана попытка достать здесь в кооперативе по книжке, но шансов на успех мало. Нет ли в большом городе? А не то, пожалуй, тоже придется выписывать из Питера — равно как танальбин.

---

* вечер с танцами и угощениями (фр.).

Еще одно приключение: третьего дня попробовал играть в теннис бедный Епиходов — и больше одного гейма сыграть не мог — так заболела рука.

Епиходов хорошо выспался в воскресенье и в среду: брунс — перемененно. — О дальнейших приключениях у Волошина (они начинаются только сегодня) будет написано.

Е(пиходов).

А какова почтовая бумага в нашем городе?

1. Роман английского писателя У. Д. Локка «Счастливец» в переводе А. Койранского (М., 1916; Харьков, [1928?]).

2. Никольский Вадим Дмитриевич в это время работал специалистом Государственного гидрологического института в Ленинграде.

3. Вересаев Викентий Викентьевич (Смидович, 1867—1945) — писатель.

4. Вероятно, Никольская Анна Борисовна (1899—?), литературовед, научный сотрудник Комиссии древнеукраинской письменности.

№ 282

27 августа 1929 г. Коктебель

Вторник, 27—VIII—1929

Многоуважаемая Милочка,
мои достижения нижеследующие:

1) комната, в к<отор>ой даже сегодня, сейчас, когда дует ветер, называемый «астрахан» — прохладно;

2) я четыре дня сплю здесь, как большой — до 8—8 ½ часов утра (правда, позже ложусь — позавчера, напр<имер>, по случаю фокстрота — в 12);

3) вчера взвесился — за месяц Крыма сбавил кило (63 вм<есто> 64-х);

4) на днях ездили на моторной лодке в Отузы — мимо Кут-Кайя и Карадага; горы не хуже, а глядишь и лучше Сокола; над Карадагом плавало сразу 5 орлов;

5) не ем ни одной виноградинки, ни арбузинки, ни дынинки — изредка только печеные груши (кишочки не утешают);

6) купаюсь дважды, а иногда и трижды в день;

7) курю папирос 10—12 в день — слишком много курильщиков кругом;

8) вчера был у Бутковой — она нашла, что вид у меня стал лучше, что я отношу насчет того, что сплю и не умираю в комнате от жары;

9) получил вчера готовый экземпляр «Блохиного жития»¹ и
10) полфунта сахара.

Насчет сахару я, конечно, поплакал авансом — потому что у меня еще фунта 1 ½ песку. Овсянка еще не получена.

На Волошинской даче есть несколько любопытных или приятных экземпляров мужского и, к сожалению, как-то ничего особенно увлекательного среди дам — или я стар стал, не знаю. — Вчера только уехал харьковский профессор-психиатр², специально работающий по гипнозу и метапсихическим явлениям — поговорили с ним всласть. Вчера появился один профессор-восточник³, к<оторы>й указал мне две новые книжки по Атилле, к<a>к будто очень любопытных. Это письмо передаст Вам профессор-археолог Борис Петрович Денике⁴ — по-моему, он очень мил.

На Волошинской даче я живу всего только 4 дня (переехал в четверг вечером — 22-го): еще не знаю, захочется ли здесь долго жить. Думал в начале след<ующей> недели эвакуироваться в Судак, потом съездить в Алушту и, может быть, заглянувши мимоходом в Мисхор, Алупку, Ялгу — отдохнуть неск<олько> дней в Балаклаве и оттуда — через Севастополь в Москву (отсюда, из Феодосии, билеты достать очень трудно). Таковы пока мои планы. Раз Вам уже приехал Судак и уезжает Тася — сидеть там Вам долго, конечно, не стоит. Приехали ли к Спендиаровым⁵ гости из Питера? Ответить на открытку от «судакских дур и дураков» не мог, ибо с таким адресом письмо на почте не приняли.

Е.

Марианну⁶ и Фефу мое письмо уже не застанет. Сироту Тисю — целую; пускай не уезжает так скоро.

1. В 1929 г. «Издательство писателей в Ленинграде» выпустило книгу «Житие Блохи» с рисунками Б. М. Кустодиева и текстом Замятина. В ней в пародийной форме была представлена история постановки пьесы «Блоха» в Ленинграде и Москве.

2. Вероятно, Щербак Александр Ефимович (1863—1934) — невропатолог, организатор и руководитель Института физических методов лечения в Севастополе.

3. Вероятно, Бороздин Илья Николаевич (1883—1959) — археолог, работал в московской секции Государственной Академии истории материальной культуры, заведовал отделом Советского востока Музея восточных культур.

4. Денике Борис Петрович (1885—1941) — историк-археолог.

5. См. примеч. 1 к п. 279.

6. Марианна Алексеевна Толстая (1911—1988) — дочь А. Н. Толстого и Софьи Исааковны Дымшиц (1885—1963).

№ 283

29—30 августа 1929 г. Коктебель

Четверг. 29—VIII—1929

Многоуважаемая Милочка,

сегодня во время обеда (обедаю я все время здесь, на Волошинской даче) примчался Вересаев, залез (к ужасу Волошина) в клумбу и сунул мне в руки № «Комсомольской правды» от 27/VIII¹. Через несколько минут прибежал Адрианов² с номером «Лит<ературной> Газ<еты>» от 26-го и «Веч. Красной» тоже от 26-го³. Всеобщая паника: везде — статьи, адресованные Пильняку и мне: почему напечатан в «Петрополисе» роман Пильняка «Красное дерево», запрещенный у нас цензурой, и почему напечатан в «Воле России» роман «Мы»? Все это связано с кампанией против Союза писателей, начатой в «Лит<ературной> Газ<ете>» и «Комсомольской> Правде»⁴. Если Вам удастся достать эти газеты — посмотрите; как водится — наиболее гнусно в «Комсомольской> Правде»; в «Лит<ературной> Газ<ете>» — еще ничего. Пойду после чая, часов в 6, потолкую с Вересаевым; пожалуй, на сей раз придется отвечать в газете⁵.

Насчет Коктебеля я Вам ничего не писал потому, что похоже — Коктебель мне скоро приестся, как Вам Судак, а тогда — какой же смысл Вам приезжать сюда? Уж тогда лучше уехать и из Коктебеля, и из Судака (нам — а не мне).

Куда — еще подумаем: сейчас — лень. По путеводителю — парох<од> отх<одит> из Судака по понед<ельникам> в 5.30 у<тра>, прих<одит> в Ялгу в 11 у<тра>, в Севаст<ополь> в 7 веч<ера> (без зах<ода> в Алушту). Узнайте, не ходят ли катера из Судака в Алушту (и Ялгу)? Здесь мне говорили, что ходят. Узнавши — конечно, напишите.

Получил Тисин сахар, дай ей бог похудеть за это. Получил сегодня овсянку.

По случаю сенсационных газет сегодня купил арбуз и наелся после обеда — не знаю, что будет.

Сегодня вечером иду к Бутковой — давно обещался что-нибудь прочитать ей и соседним девушкам.

Время провожу глупо: лежу в комнате и читаю. Все — ветер: гулять неохота, от ветра болит голова. Вчера к вечеру с Бор<исом>

Петр<овичем> и еще небольшой компанией — погуляли немного. Сегодня — едва ли удастся.

Е.

Пятница. Опять — ветер, свистит еще свирепей. Утром под волной принял душ. Купаюсь раз в день — утром; сегодня, пожалуй, буду и перед обедом: из-за вчерашнего вечера у Бутковой заснул в час, проснулся рано. Были там Вересаевы⁶; скучновато. Сегодня тоже зван вечером — к Дейч-Слоницкой⁷: кажется, не пойду — надо выпиться.

1. Газета «Комсомольская правда» 27 августа 1929 г. опубликовала подборку материалов под общим названием «Красное дерево» с белой сердцевиной: Антиобщественный поступок писателей Б. Пильняка и Е. Замятина. Что ответит Союз писателей». Среди них: статья за подписью «И. Б.» «Беспринципность ли только?»; эпиграммы А. Жарова «Красным по белому» и Д. Алтаузена «„Мы“ и „вы“», пародия М. Колосова «Грызуны» (подражание Пильняку); реплика И. Уткина «О ком и для кого».

2. Адрианов Сергей Александрович (1871—1941) — литературовед.

3. 26 августа «Литературная газета» на первой полосе поместила заметку Б. М. Фрадкина (под псевдонимом «Б. Волин») «Недопустимые явления». В ней автор «негодовал» по поводу «явлений, компрометирующих советскую литературу». К ним критик относил интерес русской эмиграции к произведениям М. Булгакова, М. Зощенко, Б. Пильняка. В вину Пильняку была поставлена публикация романа «Красное дерево» в берлинском издательстве «Петрополис», Замятину — что он не выразил свое несогласие с публикацией романа «Мы» в пражском журнале «Воля России» (1927. № 1—4). Статью Фрадкина в тот же день перепечатала «Красная газета» под названием «И нашим и вашим» (1929. 26 авг. Веч. вып.). Вслед за этими публикациями на страницах газет и журналов появились читательские и писательские заявления с требованиями «призвать к ответу», «указать на дверь» и пр. «Каждый номер газеты буквально рвался, — вспоминал И. М. Басалаев, — каждое новое сообщение о Замятине обсуждалось горячо всеми. Сам Замятин, надо отдать ему должное, держал себя спокойно» (Цит. по: *Воспоминания о Волошине*. С. 581).

4. Это предположение Замятина подтвердилось: 2 дня спустя М. Ф. Чумандрин выступил с заметками «Итак, что же такое Союз писателей?» на страницах «Красной газеты» (1929. 31 авг. и 2 сент. Веч. вып.). В них были сформулированы обвинения в адрес Всероссийского союза писателей: «отсутствие политического лица» и «беспринципность». О реакции рядовых

членов Союза писателей на происходящее красноречиво говорит письмо ленинградского писателя М. В. Борисоглебского к А. И. Свирскому от 4 сентября 1929 г.: «В прошлую субботу и в понедельник появились два подвала „Что такое Всероссийский Союз Писателей“, написанные Чумандриним. Интересно, чем эта история кончится для Союза и что делать нам, рядовым членам. Напиши мне, что думают по этому поводу наши в Москве, здешних я не видел и разговаривать с ними не собираюсь» (ОР РНБ. Ф. 92, оп. 1, № 208. Л. 6 об.).

5. 8 сентября в Отгузах Замятин написал письмо в редакцию «Литературной газеты». И. М. Басалаев вспоминал: «Перед отъездом Замятин показал письмо-ответ, которое он хотел послать в редакцию „Литературной“. Письмо было небольшое и сжатое. Во всяком случае, оно претерпело, видимо, много, прежде чем было послано в газету» (*Воспоминания о Волошине*. С. 582). 12 сентября в Алуште Замятин написал второе письмо в правление Всероссийского Союза советских писателей. Копию этого письма, в котором он разъяснял обстоятельства публикации романа «Мы», отправил в Ленинградское отделение Правления Всероссийского союза писателей (см. подробнее: *Соч.*, с. 531). О дальнейших событиях, об участии в них М. Горького см.: Любимова М. Ю. Е. И. Замятин и Б. А. Пильняк: (Материалы к биографиям) // *Источниковедческое изучение памятников письменной культуры*: Сб. науч. тр. / РНБ. СПб., 1994. С. 98—108.

6. В. В. Вересаев и его жена Мария Гермогеновна Смидович (1875—1963).

7. Дейша-Сионицкая Мария Адриановна (1861—1932) — оперная певица, профессор Московской консерватории. Это приглашение сохранилось:

«Коктебель 30/VIII 29 г.

Многоуважаемый Евгений Иванович,
я просила вчера, чтобы Вам передали мое приглашение на сегодняшний вечер. Если Вы будете так добры и не откажете нам в этом, то не найдете ли возможным сделать нам большое удовольствие, прочесть Ваш вчерашний расказ, который так очаровал меня.

С Вашего позволения мы будем ждать Вас часов около 8 ½, т. е. после ужина.

Уважающая Вас

М. Дейша-Сионицкая

Р.С. Максимилиан Александрович тоже обещал быть у нас. Будут Вересаевы, Кузнецовы, Матвеевы и живущие у меня профессора». (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 70).

5.IX.1929 Коктебель²

Приеду завтра трехчасовым

1. Телеграмма адресована: Судак, дача Спендиаровой, Замятиной.
2. Дата телеграфного бланка.

№ 285

24 сентября 1929 г. Москва

Вторник, 24/IX

Пишу это на почтамте, на Тверской. И так как я — Епиходов, то писать мне трудно: рука болит — нарыв (тот самый, к<оторы>й мазали йодом у Мих<аила> Аф<анасьевича>). Вчера утром я его вскрыл, а за ночь он опять возродился — всю ночь болела рука, спал мало. Хожу сегодня тенью Гамлета (вчера был еще хоть куда — спал около 8 ч<асов>, единственный раз за все время).

Сейчас кончу писать — и (к 6 час<ам>) отправлюсь обедать к Липочке. Ее же мобилизую, чтоб перевязала мне руку — сделала бы компресс.

От Липочки получил сегодня (с Фед<иным>¹ было свидание) Ваше письмо. И другое — утром по почте из Клина.

От вернувшихся моск<овских> делегатов по т<е>л<е>ф<ону> общий характер л<енин>гр<адского> общего собр<ания> уже известен. И так — как будто принята Моск<овская> резолюция. Относительно меня — неясно: повторяется ли моск<овский> текст, имеются ли в нем поправки (относ<ительно> ко мне) или обо мне имеется отдельная резолюция. Рассчитываю сегодня—завтра получить от Вас еще письмо — с текстом резолюции.

После этих ленингр<адских> поправок и после моего «Письма в ред<акцию>» — (к<оторо>е будет писаться завтра — сегодня голова совсем садовая) — очевидно, новая атака, на этот раз уже специально на меня. Узнал, что вчера на Пленуме ВАППа Фадеев² говорил, что вот все насели на Пильняка, а главный-то зубр не он; что ленинградцы, кажется, не хотят выдать нам этого зубра головой, но мы добьемся etc.

С Горьким рассчитываю увидеться завтра или послезавтра.

В ожидании ленингр<адских> известий сидел у Бориса, ходил по гостям. Вчера обедал у Софьи Андреевны³. Завтра — с Борисом

и его супругой — у одной их приятельницы, а вечером — идем на «Негра» к Таирову⁴.

Относительно Лебедяни — еще не знаю. Похоже, что не поеду: очень уж устал, болит рука.

Живу у Бориса по-прежнему. Одно окно (балкон) завесил навеки; с двумя кое-как справляюсь. Взял у него теплое пальто (вчера) и больше не мерзну.

Окончательный подсчет денег в «Федерации» дал не такой уж плохой итог: не 1900, а 2200. «Блоха» опять идет 29-го.

Привет мой Вам и детям-сиротам.

Е

1. 21 сентября Замятин отправил К. Федину письмо, в котором, в частности, писал: «Сегодня днем узнал, что завтра у вас — общее собрание в Союзе, и что сегодня выезжают — разлагать ленинградцев — члены нового Правления (нового?) Союза Шмидт, Кин, Кириллов, Огнев и Леонов. Очевидно, на общем собрании будет поставлен вопрос и о романе „Мы“. <...> Я решил на завтрашнее собрание не ехать. Мотивы:

если ленинградцы окажутся народом столь же хлипким, как и москвичи — у меня нет охоты видеть это позорище; и если это будет собрание московского типа (Горький правильно назвал это „самосудом“) — что бы я ни говорил, это все равно заготовленных Шмидтом резолюций ни на йоту не изменит; если общее собрание в Ленинграде окажется иным — мое присутствие там излишне, потому что ничего не могу добавить к моим объяснениям (переданным тебе Н. В. Толстой)» (Цит. по: Лих. учеба. 1990. № 2. С. 82). 23 сентября 1929 г. К. А. Федин сообщил Замятину из Ленинграда: «<...> вчерашний день, вероятно, мало чем отличался от „большого московского дня“ в Союзе. Разброд и растерянность Правления достигли страшных размеров. Решения принимались наспех и под таким чудовищным давлением, что под конец все чувствовали себя совершенно раздавленными. Правление „было взято“ измором. Общее собрание было прервано для того, чтобы правление вынесло окончательное решение по твоему делу». Далее Федин написал о постановлении правления: «Сущность его — помимо словесности — сводится к следующему: 1. разрешение тобой английского перевода признано политической ошибкой; 2. констатировано, что ты не признал своей ошибки в объяснениях; 3. что ты не отказался от идей романа „Мы“, признанных нашей общественностью антисоветскими. Пункт четвертый касается запрещения опубликовывать за границей произведения, „отвергнутые советской общественностью“ <...> Общее собрание приняло резолюцию, осуждающую и тебя, и Пильняка». Может быть, это письмо Федина 24 сентября было передано Замятину О. Б. Гальпериной-Гринштейн.

2. Фадеев Александр Александрович (1901—1956) — писатель.

3. У С. А. Толстой-Есениной.

4. Спектакль Камерного театра «Негр» Ю. О'Нила (перевод П. Зенкевича и Н. Крымовой). Постановка А. Я. Таирова. Художники — В. и Г. Стенберги. Музыка А. Метнера. Премьера — 21 февраля 1929 г.

№ 286

28 сентября 1929 г. Москва

28—IX—1929

Ну, вот — вчера, наконец, был у Горького. Сидел у него долго — сначала так, потом за обедом. Он был очень мил и любезен — я был тоже мил — по случаю выпанности. Вручил Горькому два документа: свое письмо в редакцию «Литературной Газеты» и заявление — мотивированное — о выезде за границу¹. Дня через три об этом заявлении он будет говорить с разными высокими особами.

Мое «письмо в редакцию» уже новое и более обширное (написанное в четверг) — кончается моей декларацией об уходе из Союза. Есть сегодня сведения, что как будто Волин² не хочет его печатать в газете — ибо оно ставит Волина в неловкое положение. Писательским кругам — письмо уже известно.

Говорил с Таниным³: наш протест поддержан прокуратурой и дело или будет снова рассматриваться или Гражданская Кассационная коллегия Верховного суда утвердит последний приговор ленинградский (отменив постановление пленума). Сейчас еду к Танину.

Сегодня буду говорить с вахтанговцами.

Живу все еще у Бориса. Рука — лучше, но дыра в ней порядочная — поэтому так и пишу — трудно.

Если не поеду в Лебедянь — вернусь, думаю, в четверг — чтобы пойти на «Причальную мачту»⁴ — пусть Ольга Дмитриевна готовит билет.

За все время два раза все-таки выпался: кишки ничего. — Вечером сегодня у Ляли Спендиаровой.

Привет Вам и детям.

Е.

Это письмо посылаю Вам с Софой Магарам. В понедельник Вам будет, вероятно, звонить Куза, Василий Васильевич⁵ — из Вахтанговского театра. Дайте ему рукопись пьесы (Венгеровой)⁶ для прочтения — что получено, но пусть не возит с собой.

На всякий случай — выньте из лев<ой> тумб<очки> письм<енного> стола роман (на машинке — 2 экз.) и там же — переписка в больш<ом> конв<ерте> (на 2-ой полке); и, кроме того, рукопись рец<ензии> из Внешархива.

1. См. каталог, № 21

2. Б. Волин — псевдоним Бориса Михайловича Фрадкина (1886—1957) — редактора «Литературной газеты».

3. Танин Павел Михайлович — юрист.

4. «Причальная мачта» — пьеса О. Д. Форш, была поставлена в октябре 1929 г. в Ленинградском государственном театре драмы. Режиссер-постановщик — Л. С. Вивьен.

5. Куза Василий Васильевич (1902—1941) — артист и режиссер Театра им. Вахтангова, в это время — заместитель директора театра.

6. Речь идет о пьесе «Сенсация». З. А. Венгерова перевела на русский язык пьесу «The front page» Бен Хекта и Ч. Мак Артура; Замятин сделал редакцию пьесы для театра.

№ 287

21 октября 1929 г. Москва

21—X—1929.

Москва.

Ну, Мила Николаевна — доехал. Весь вечер лежал, отдохнул немного. Заснул поздно — только после Бололого, но проснулся перед 8-ью — еще ничего, на полдня хватит.

Сейчас звонил с вокзала в ЦЕКУБУ: чудеса — есть комната, еду пока туда, а неудобно будет — переберусь к Борису. Звонил к А<лексею> М<аксимовичу> — там еще спят, придется сначала отвезти чемодан, потом вернуться в город. Рука — ничего, не болела, радловские сардинки[†] — тоже пока больше не шевелятся.

Е.

1. Замятин вспоминает ужин у Н. Э. Радлова. Художник Николай Эрнестович Радлов (1889—1942) и его вторая жена, художница Надежда Константиновна Шведе-Радлова (см. примеч. 2 к п. 269) жили на Миллионной ул., 13, кв. 4. В их квартире часто бывал Е. И. Замятин. Здесь, приезжая в Ленинград, бывал М. А. Булгаков; в письме Замятину от 19 июля 1929 г. он передавал привет «миллионщикам» (см.: *Булгаков*. С. 430). Н. К. Шведе-Радлова в своих дневниках описала гостей, бывавших на Миллионной (см.: РГАЛИ. Ф. 2786 (Н. Э. Радлов), оп. 1, № 158).

24 октября 1929 г. Москва

24—X—1929.

Ну, самые деловые мои дни прошли. У Горького был в понедельник и вчера. Любезен — очень. Итоги вот какие: во вторник он говорил со Сталиным — дал ему копию моего (Ал<ексею> Ив<ановичу>¹) ответа. И говорил (второй раз) с Ягодой². В конце концов тот сказал: «Ну, если он будет настаивать — мы, пожалуй, выпустим, но уже назад — не пустим...» Начинать это дело (как гов<орит> Г<орький>) нужно все же нормальным порядком.

В понед<ельник> было свидание Алексеев — Максимычча и Иванаыча. Для путеш<ествия> это, кажется, бесполезно. Ответ свой А<лексею> И<вановичу>³ я занес сам в Секретариат. Кажется, сделал это не зря: были любопытные разговоры (в частности, об «Атилле»).

Вчерашний день: с часу до трех у Горьк<ого>, на час — в Федерацию, обед — у Куза, вечером у Мих<аила> Аф<анасьевича>. У него какие-то сердечные припадки,пил валерьянку, лежал в постели.

Сегодня — до 3-х — сидел дома: набрасывал сокращения в пьесе. Сейчас (3 ч.) отнесу один экз<емпляр> пьесы ваханговцам, передам (вероятно, Русланову⁴) это письмо для Вас. Потом д<олжно> б<ыть> к Пильняку. — Его роман разрешили⁵.

Завтра получаю в «Федер<ации>» половину денег (остальные во вторник). М<ожет> б<ыть>, до вторника скатаю в Лебедянь — хоть и не хочется трепаться. А может — и не поеду.

С кишками — незамечательно. Вчера выпил опийный порошок, кое-как прожил. Рука — ничего: бинтую сам, научился. Каким-то чудом вчера проснулся в 9 ч., ничего. А сегодня — рано: около 7 ½, тут недалеко гудит заводской гудок и меня будит.

Миня еще не звонил, — есть ли письма от Вас — не знаю. Позв<оно> или зайду сегодня.

Е.

Привет Вам от Тимоши⁶ (она уже здорова) и от М<ихаила> Аф<анасьевича>.

Вчера в 6 веч<ера> Горький отбыл.

«Письмо в ред<акцию>» — кажется, не буду печатать.

1. Вероятно, речь идет о письме Замятина к Алексею Ивановичу Рыкову (1881—1938) — председателю ВСНХ и СНК СССР и РСФСР, в котором

он сформулировал свою просьбу о выезде за границу (см. письмо к Рыкову в наст. изд.).

2. Ягода Генрих Григорьевич (1891—1938) — в это время занимал должность заместителя председателя коллегии ОГПУ.

3. А. И. Рыкову.

4. Русланов Лев Петрович — актер и режиссер Театра им. Евг. Вахтангова.

5. Роман Пильняка «Красное дерево».

6. Тимоша — Надежда Алексеевна Пешкова (1900—1971), жена Максима Алексеевича Пешкова (1897—1934) — сына М. Горького.

№ 289

25 октября 1929 г. Москва¹

Пятница, 25/Х

Ну, взял себя за шиворот и везу в Лебедянь. Билет уже в кармане: сегодня в 8 вечера, в жестком, плацкарта. Обратное д^олжен б^ыть в понедельник или вторник. Так что домой попаду только в четверг—пятницу на след^яущей нед^еле.

Е.

1. Письмо на открытке с изображением Лубянского сквера и дома Наркомвнудела.

№ 290

29 октября 1929 г. Москва

29—X—1929.

Вернулся из Лебедяни, сижу уже у Бориса. Очень жалел, Людмилочка, что Вас не было в Лебедяни. Один день там была чудесная погода — приятно было пойти погулять в поле. Выспался там две ночи, подкормился — и если бы не путешествие в жестком вагоне (две бессонных ночи!) — поездка была бы неплохая.

В Москве — расчеты с «Федерацией» и два деловых визита в связи с путешествием. Хорошо, если бы Вы пока взяли анкеты для поездки и начали собирать нужные бумажки¹ — вероятно, их легион.

Вернусь, думаю, в пятницу. Сейчас еду к Алеше Дикому, потом, м^ожет б^ыть к Мих^аилу > Аф^анасьевичу >.

Е²

1. Речь идет о документах для выезда за границу. До конца 1929 г. Замятин продолжал хлопотать о получении разрешения на выезд за границу. 4 декабря 1929 г. Замятин с женой подали официальные ходатайства в Ленинградский Облисполком о поездке за границу, 12 декабря им было отказано. 24 декабря Замятин обратился к председателю коллегии ОГПУ Ягоде, напоминая ему: «При личном свидании в конце октября, М. Горький сообщил мне, на основании разговора с Вами, что если я буду настаивать на необходимости заграничной поездки, то соответствующее разрешение мне будет дано» (Цит. по: *Примочкина*. С. 159), одновременно Замятин вновь обращался к А. И. Рыкову. В январе 1930 г. Административное управление НКВД РСФСР сообщило «гражданину Замятину», что «действие Адмотдела Ленинградского Облисполкома признано правильным и отмене не подлежит».

2. На обороте письма — следующая приписка Б. Пильняка: «Так же кланяется и целует Пильняк-Сакко и сообщает, что будет он привезен в Ленинград, о чем и просит сообщить А. А. Ахматовой, ради свидания с которой оный Пильняк, гл<авным> обр<азом>, и стремится в Северную Пальмиру.

Еще раз целуя и кланяясь пребывает Бор. Пил<ьянк>».

№ 291

31 октября — 1 ноября 1929 г. Москва

31—X—1929

Милочка Николаевна — к сожалению, застряну еще в Москве: в субботу у меня свидание со Шмитом¹. Уж надо сделать все, что можно — хотя на успех не очень надеюсь (как раз сегодня получил кое-какие неутешительные сведения).

У Бориса я переселился в другую комнату — маленькую, с одним окном — тьма египетская, но под окном лает собака ростом с жеребенка с шалыпинским басом, и рядом — кухня. Словом, живу полусонный, неизвестно как.

Сегодня (четверг) весь день безвыходно просидел дома. Часов до 3-х занимался пьесой. Потом пришел Борис — под мышкой бутылка шампанского: по случаю подписания договора на роман и получения денег (роман пойдет в альм<анахе> «Недра», потом в ГИЗе)². Обед. После обеда — до 11 — пришел один человечек (в сущности, ко мне), весь вечер он сидел и рассказывал очень интересные вещи. Сейчас готовят чай — я пишу это — потом спать.

1—XI.

Ну, конечно: милая собачка разбудила меня в 6. День будет развездной: свидание с Диким, обедаю у Соф<ьи> Андр<еевны>³, свидание с Мих<аилом> Аф<анасьевичем>. Вечером веду двух американцев (пристегивается и Борис) на «Блоху»⁴.

Свидание со Шмитом — должно состояться в субботу вечером (завтра буду ему звонить). М<ожет> б<ыть>, успею выехать в субботу — тогда дома в воскресенье.

Е.

1. Шмидт Василий Владимирович (1886—1938) — в 1929—1930 гг. заместитель председателя СНК СССР, член Президиума ВЦСПС.

2. Роман Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море», в который полностью вошла повесть «Красное дерево», в 1930 г. вышел в издательстве «Недра», в Государственном издательстве РСФСР не издавался.

3. С. А. Толстая-Есенина жила в Померанцевом пер., 3, кв. 8.

4. Вероятно, один из них — американский литератор и журналист Юджин Лайонз (1898—1985), в 1928—1934 гг. корреспондент Юнайтед Пресс в Москве. Итальянский литературовед и переводчик Этторе Ло Гатто вспоминал: «С Евг<ением> Замятиным я несколько раз встречался в Москве, впервые в доме Софьи Андреевны Есениной, второй раз в дома американского журналиста — Лайонса и, по крайней мере, один раз в Доме Герцена...» (Ло Гатто Э. Мои встречи с Россией. М., 1991. С. 73).

№ 292

19 января 1930 г. Москва

19—I—1930.

Милая Мила Николаевна,

начинаю с горчицы: ночь не спал ни секундоочки. На нижних местах в купе оказалось два бессонных человека, мужского и женского пола: в самый тот час, когда я уже начинал засыпать (около 3-х) — они решили, что все равно не заснут и начали тихо беседовать, слегка для вентиляции открыв дверь. Ну, и кончено. Живу не спатый.

Приехал на Елецкий переулоч¹ (есть такой). Хозяева чрезвычайно лобезны, но... Дверь из Андрюшиной комнаты выходит в их кухню—столовую—спальню — универсальную комнату. Это мне неутешительно — не говоря уже о кровати. Предложили мне комнату ихней девушки, рядом: неплохо (хоть и два окна). Расположился.

Оказывается — стеночка фанерная, и та же универсальная комната рядом. Сегодня во всяком случае ночью здесь.

В два часа, позавтракав — был у вахтанговцев. У них шла генеральная. Видел Кузу. Он был болен — гриппом, а потому забросил все дела и ничего не писал мне. «Сенсация»² — Главреперткомом разрешена, хотя и без восторга («пьеса буржуазная, нет классового освещения» etc.). На днях начнут репетиции. Выпустят пьесу 15 апреля, срок — точный. Ставит пьесу Симонов³. Деньги с них получить будет можно. Скажите Петрову⁴, что я просил Вас передать ему, что пьеса имеет официальный штамп Главр(епер)кома).

Сейчас (5 ч<асов>) иду обедать, потом попробую поспать немного, потом — к Люб(ов)и Абр(амовне)⁵ — Мих(аил) Аф(анасьевич) жив: я ему звонил, дома его не было.

Е

1. В Елецком переулке жили М. Н. и С. К. Ильинские и их сын Андрей.

2. См. примеч. 6 к п. 286.

3. Симонов Рубен Николаевич (1899—1968) — режиссер Театра им. Евг. Вахтангова.

4. Николай Васильевич Петров — с 1928 г. главный режиссер Ленинградского государственного театра драмы.

5. Л. А. Ческис. См. примеч. 12 к п. 215.

№ 293

25—26 января 1930 г. Москва

25—I—1930

Дорогая Милочка Николаевна,

мне не везет, как крещеному: ведь надо же было, чтобы весьма драгоценная для меня персона¹ как раз отбыла из Москвы. И я, и Люб(ов)ь Абр(амовна) — без конца звонили по телефону, все нету и нету, никто не отвечает — и только сегодня мне удалось узнать, что ее нет в Москве.

Эти дни преимущественно возился с вахтанговцами: у них шло распределение ролей в пьесе — столкновения интересов, особенно у женщин. Пока установлено так: Хидди — Куза (очень хотел — Русланов), Бэрнс — Горюнов, шериф — Басов, м<ис>с Грант — Некрасова; Пэгги — Вагрина (красотка!), Молли — Ремизова или жена Русланова (Русинова)². Так как роль Мак-Кью дают одному из премьеров — Захаве³ — просили меня развить эту роль. Сидел над нею однажды дня три назад — и весь день до 5 ч<асов> веч(ера) сегод-

ня. Кажется, кончил. Завтра сделаю еще две вставки в других местах и отдам рукопись для переписки ролей. С понедельника — начинают уже репетиции.

Я переселился к Пильняку. Здесь — тихо; сегодня в первый раз за все дни как следует выспался. Сейчас идем с Борисом на некий файф-о-клок. Он меня уже торопит.

Был на премьере «Коварства и любви». Спектакль — так себе (актеры); Акимов очень хорош⁴.

Сейчас половина девятого; кончили обедать в доме Герцена — сидим: Борис, его некая дама, Клычков⁵ и я. Отсюда с Борисом идем к Шурочке Дикой.

Только что звонил Эк<атерине> П<авловне> Пешковой; увижусь с ней во вторник (зовет обедать).

Созвонился с Васей Каменским⁶ — с ним увижусь, должно быть, завтра. Днем буду у вахтанговцев — кончать дела с Симоновым (режиссером); у него обедал вчера.

В среду кутили в одном месте с Борисом; там встретил Ив<ана> Мих<айловича> Москвина — ну, и пил же он! 9-го февраля он собирается прийти к нам в гости в Питере.

Е.

26/1. У Шурочки вчера пропутались с Борисом до 2 ½ час<ов>, сегодня — невыспанный. И — везет! — на левом глазу ячмень. Сейчас опять сажусь за пьесу; к 5 час<ам> иду на обед к Мих<айлу> Аф<анасьевичу>. Вечером — к Васе, потом — домой: там одно деловое свидание⁷.

У Шурочки попал в объятия Вадима Никольского.

1. Василий Владимирович Шмидт. См. примеч. 1 к п. 291.

2. Горюнов Анатолий Иосифович, Басов Осип Николаевич (1892—1934), Некрасова Мария Федоровна; Вагрина Валентина Григорьевна; Ремизова Александра Исааковна; Русланова (Русинова) Нина Павловна — артисты Театра им. Вахтангова.

3. Захава Борис Евгеньевич (1896—1976) — артист, режиссер Театра им. Вахтангова.

4. Акимов Николай Павлович (1901—1968) — художник театра и кино, график, режиссер. Акимов оформлял спектакль «Коварство и любовь» Ф. Шиллера в Театре им. Евг. Вахтангова (премьера — 20 января 1930 г.). Все рецензенты отмечали, что на первом месте в спектакле — работа ху-

дожника. Критик Н. Д. Волков писал: «Он (Н. П. Акимов — сост.) как будто поставил своей целью развлечь зрителя нарядностью декораций... Неумолимый, не сдерживаемый режиссурой художник постарался как можно прочнее занять внимание зрителя» («Коварство и любовь» // Известия. 1930. 11 февр.).

5. Клычков Сергей Антонович (Лешенков, 1889—1940) — писатель.

6. Каменский Василий Васильевич (1884—1961) — поэт, драматург.

7. На первом листе письма Замятина М. А. Булгаков сделал приписку: «Дорогая Людмила Николаевна, посылаю Вам привет из Москвы. М. Булгаков, 26.I.29 г». В дате Булгаков ошибся: должно быть «30 г.»

№ 294

29—30 января 1930 г. Москва

Среда, 29—I—1930.

Итак — пребываю все у Бориса. Ничего — случается, высыпаю (вчера, сегодня). Все-таки очень безалаберно тут, ложимся — в половине второго, в два — так, зря сидим. И раньше 1—2 дня не удается отсюда выбраться.

Вчера, впрочем, выкатился уже в 11: торопился в МХАТ 1-ый на генеральную «Воскресения». Немножко скучноватый, но хороший спектакль — здорово играют (Еланская, Качалов — «автор» и др.)¹. Перевидал много всякого народу. В том числе поймал Полонского² и говорил с ним об Ане А.³

Дела ее неважные: сейчас «неактивных» начали снимать с акад<емического> обеспечения: сняли, напр<имер>, Чулкова⁴ и А. А.— тоже. Это я узнал позавчера, а вчера насел на Полонского. Он обещал говорить по этому поводу с Халатовым⁵ и с кем-то еще. М<ожет> б<ыть>, даже сегодня узнаю результаты⁶.

Вчера обедал и просидел вечер у Эк<атерины> П<авловны>. Она завтра—послезавтра увидит Ягоду и поговорит с ним.

Сейчас еду в Вахтанг<овский> театр — устроить денежные дела — свои и Венгеровой⁷ (до сих пор все не удосужился). Потом в МХАТ 2-ой разговаривать о новой пьесе. Потом — к 4 1/2 — к Кузе зван на обед⁸. Вечером — либо в театр, либо пойду к Минцам⁹ — забросить еще одну деловую удочку. Завтра вечером — вероятно, будет большое soiree у Симонова¹⁰, где буду я и Мих<аил> Аф<анасьевич> (а м<ожет> б<ыть> это будет в субботу). В пятницу — бал у Бориса.

Через неделю вернется Вас<илий> Влад<имирович>¹¹. Собственно, надо бы дождаться его — хотя и неловко откладывать занятия в

институте¹², да и уж неделю здесь. Ориентацию даст мне ответ Е<ка-
терины> П<авловны> П<ешковой>. Если издержусь — пожалуй,
действительно, на неск<олько> дней съезжу в Узкое¹³.

Комната Андрея — свободна до конца февраля. Отчего бы Вам,
в самом деле, не приехать — особенно, если Мария Ник<олаевна>¹⁴
будет здесь? Все-таки развлечетесь, походите по театрам. Борис про-
сит уведомить, когда приедет (если приедет) Анна Андр<еевна>,
потому что он сам (Борис) тоже собирается в Питер.

Разговаривал на днях с Межрабпом Русью. «Сенсация» для кино
не подходит, но о других вещах затеял разговор (об «Уездном», о
«Наводнении»).

Анне Андр<еевне> лучше пока не говорите о ее делах: м<ожет>
б<ыть>, наладятся.

Е

30—I. Второпях забыл вчера письмо дома — посылаю только сей-
час. Вчера брали с Б<орисом> ванну, и должно быть после этого —
раздуло мой ячмень на левом глазу — окривел совсем. А сегодня в
час надо было идти в театр на читку «Сенсации» по ролям, произ-
носить «слово» о пьесе. Кривой — не могу идти. Позвонил, что не
буду. Вот глупая история!

Просьбы:

1) узнать в ЦЕКУБУ, не опоздаю ли я с перерегистрацией (ка-
жется, до 1 февр<аля>)

2) купите мне ножей для бритв (Shillet) — в Москве нет.

1. Премьера спектакля «Воскресение» (инсценировка по роману
Л. Н. Толстого) состоялась 30 января 1930 г. В. И. Качалов играл Лицо от
автора. Еланская Клавдия Николаевна (1898—1972) — играла Катюшу Мас-
лову. 18 июня 1930 г. Вл. И. Немирович-Данченко из Москвы писал
К. С. Станиславскому: «„Воскресение“ <...> было событием. Это — из луч-
ших спектаклей действительно Художественного театра. Тут слились и оба-
яние Толстого и обаяние Качалова, и лучшие приемы старого Художествен-
ного театра, и очень много настоящих блесков <...> Блестящая Катюша —
Еланская, и по данным, отвечающим образу, и по яркости и силе. Но, разу-
меется, все покрывал Качалов. Давно-давно он не был так великолепен»
(Немирович-Данченко Вл. И. Избранные письма. М., 1979. Т. 2 (1910—1932).
С. 365—366).

2. В. П. Полонский.

3. А. А. Ахматова.

4. См. примеч. 10 к п. 215.

5. Халатов Арташес (Артемий) Баградович (1895 или 1896—1938), в 1927—1932 — председатель правления Госиздата и ОГИЗа РСФСР, председатель ЦЕКУБУ.

6. На следующий день, 30 января 1930 г. Замятин интересовался издательскими делами Ахматовой у Самуила Мироновича Алянского — редактора Издательства писателей в Ленинграде: «Как дела с книгами Анны Андреевны? Если что нужно сделать — я могу, потому что еще некоторое время пробуду в Москве» (РГАЛИ. Ф. 20 (С. М. Алянский), оп. 1, б. Л. 5).

7. Речь идет о гонораре за пьесу «Сенсация» (см. примеч. б к п. 286).

8. В. В. Куза жил в Большом Левшинском переулке, 8а, кв. 2.

9. Вероятно, Минц Исаак Израилевич (1896—1991) — историк, был дружен с А. Н. Толстым.

10. Р. Н. Симонов жил в том же доме, что и В. В. Куза, в кв. 13.

11. В. В. Шмидт.

12. Ленинградский кораблестроительный институт; в 1928 г. выделился из Кораблестроительного факультета Ленинградского политехнического института. С 1928 г. Замятин преподавал в нем на кафедре иностранных языков (см.: Савина В., Нечипоренко В. Доцент ЛКИ Замятин // Вестн. высш. шк. 1989. № 7. С. 88—91).

13. Санаторий Узкое в Кадомском лесничестве под Москвой, бывшее имение князей Трубецких, впоследствии — санаторий Академии наук СССР.

14. М. Н. Ильинская.

№ 295

1—3 февраля 1930 г. Москва

1—II—1930

Милая Мила Николаевна, поздравляю Вас с именинником. Мне очень жалко, что я в этот день не дома и буду праздновать именины в трамвае. Но уж делать нечего — надо дожидаться, тем более что герой моего романа должен приехать во вторник—среду.

Сегодня — морозец, метель. Я сейчас шел по улице и вспоминал, как раньше я любил метель, а теперь вот иду — и не радуюсь. Так же было и вчера у Бориса. Две девушки — американка и китайка — так хорошо, так весело танцевали (была, конечно, и еще публика), а я смотрел — издали.

От безалаберной жизни у Бориса — устал в конце концов. Лечь спать раньше двух — никак не удается. Хозяева спят до 12, а я так не умею.

Сегодня был у вахтанговцев днем, сдал последний кусочек дополнений к пьесе, взял 200 руб<лей> и получил пакет от Алекс<анд>

ринского> театра — договор¹. Завтра пойду — поконсультируюсь с Ганиным² и пошло Вам договор и доверенность на получение денег.

В МХАТ'е 2-м веду переговоры о пьесе. Набросал им сценарий комедии³ — если окажется цензурным, буду писать.

Сегодня днем был у Вересаева⁴, обедал; сейчас сижу у Минцев; готовят угощение — чай, играет грамофончик, фокстротируют...

Как же дела с Вашим сюда путешествием? Я думаю, что до конца след<ующей> недели придется просидеть здесь.

Куза рассказал, что когда Алеша предложил им пьесу⁵, театр ответил ему, что двух американских пьес ставить они не могут, а принятая у них «Сенсация» — лучше, чем его, Алешина...

3—П. Письмо посылаю с Левиком — дойдет вернее и скорее. Ваше спешное от 1/II получил. Борис просит телегр<афировать>, когда приедет Ахматова. В Узкое пока еще не еду. М<ожет> б<ыть>, увидимся здесь, в Москве.

Договоры посылаю в Алекс<андринский> театр (подписанными) отдельно.

Видел Елисеича⁶. Рассказал, что арестованы Тарле и Лихачев⁷. Ну и дела!

1. Речь идет о договоре на пьесу «Сенсация» с Государственным театром драмы в Ленинграде.

2. П. М. Танин жил по адресу: Ермолаевский пер., 2/3, кв. 14.

3. Вероятно, комедия «Рождение Ивана».

4. В. В. Вересаев жил по адресу: ул. Шубинского и 1-го Смоленского пер., 2/3, кв. 14.

5. А. Н. Толстой. О какой пьесе идет речь, нами не установлено.

6. П. Е. Щеголев.

7. Тарле Евгений Викторович (1875—1955) — историк, с 1917 г. профессор Петроградского университета, затем ЛГУ; Лихачев Николай Петрович (1862—1936) — историк, искусствовед. Были арестованы 28 января по так называемому «делу Академии наук».

№ 296

6 февраля 1930 г. Москва

Четверг, 6—II—1930. 3 ч. дня.

Пишу — потому что непохоже что-то, что Вы приедете в Москву. Почему? Мария раздумала ехать сюда — или что? Холод пугает? Холод здесь последние дня два — правда, собачий: вчера при -16° — был сильный ветер, буран.

Днем вчера был на вернисаже выставки Кончаловского¹. Встретил там одного знакомого художника, он потащил меня в мастерскую к своему приятелю. Сегодня к этому знакомцу иду обедать: соблазняет меня тем, что к обеду будет... краб (в мороженом виде привезенный из Владивостока). Вечер — еще не знаю, где буду; может быть, пойду на «Квадратуру» — МХАТ, малая сцена².

Был за эти дни в МХАТ'е 2-м на «Чудаке» — хороший спектакль, играют очень здорово³. И был у Таирова на «Опере нищих»⁴ — очень плохо. Завтра Радин⁵ звал к себе на «Болото» — и завтра пельмени у Всеволожского⁶ Иванова⁶. Пока не решил — куда пойду.

А вообще время проходит более или менее зря и малоинтересно.

Вася⁷ во вторник, наконец, приехал, но захватить его по телефону — дело нелегкое. Пробовали вчера — не вышло. Продолжаем сегодня: авось — выйдем.

По утрам подчищаю рукопись «Сенсации» — готовлю для печати. Веду флирт с дирекцией МХАТ'а 2-го насчет новой пьесы⁸.

Позавчера утром был у вахтанговцев — должна была быть репетиция «Сенсации». Вместо этого слушали заграничный граммофон: фокстроты американские и песенки — выбирались для пьесы, для I акта. Для этой же цели завтра или послезавтра вечером соберемся у Шуручки Дикой.

Пора: еду на обед. — Кофе в зернах куплено. Дину⁹ просил передать, что в Институт послал спешное письмо. — Получили ли доверенности?

Е

1. Кончаловский Петр Петрович (1876—1956) — художник. В 1930 г. состоялась седьмая персональная выставка его работ в 1-м Московском государственном университете (см.: Кончаловский: Худож. наследие. М., 1964. С. 56).

2. Спектакль МХАТ «Квадратура круга» по пьесе В. П. Катаева.

3. Спектакль «Чудак» по пьесе А. Н. Афиногенова поставили Б. М. Сушкевич и А. Чебан; играли: А. М. Азарин, И. Н. Берсенев, С. Г. Бирман, А. И. Благонравов, С. В. Гиацинтова, М. А. Дурасова, В. С. Смышляев. Критик П. А. Марков писал о спектакле: «После многих туманных или далеких от современности и театральной заразительности спектакль «Чудак» возвращает МХАТ 2-му его былую трепетность и активность» (Крас. нива. 1929. № 30).

4. «Опера нищих» («Трехгрошовая опера») Б. Брехта — К. Вейля (перевод В. Шершеневича) — спектакль Камерного театра. (Премьера — 24 января 1930 г.). Постановщик — А. Я. Таиров. Художники В. и Г. Стенберги.

5. Радин Николай Мариусович — актер и режиссер Московского драматического театра (б. Корш), поставил пьесу французского драматурга М. Паньоля «Болого» («Топаз») и сыграл в ней главную роль.

6. Всеволод Вячеславович Иванов жил по адресу: Тверской бульвар, 11, кв. 7.

7. В. В. Шмидт.

8. Замятин по заказу МХАТ 2-го написал пьесу «Африканский делегат» («Африканский гость») — сатирический фарс из советской жизни.

9. Н. К. Шведе-Радлова.

№ 297

11 февраля 1930 г. Москва

11—II—1930

Я устал, измерз — какой холодище! — вчера было 24°R с сильным ветром. И — не везет. В<асилий> В<ладимирович> приехал в Москву из командировки только на 4 дня, носился как угорелый по заседаниям, никак его было не поймать. Наконец, удалось, в субботу вечером было назначено свидание — и не состоялось: в субботу ему экстренно пришлось уехать опять недели на 2 или три.

Возвращения его — ждать нет смысла, да и неудобно жить столько у Бориса. Поэтому в пятницу или субботу буду дома. Едва ли даже привезу ответ от Ек<атерины> П<авловны>: ей аудиенция назначена в конце недели, не раньше. О результатах — напишет.

Вчера с Борисом был у Малышева. Поговорил с ним — обещал поразведать и написать мне.

Сегодня иду обедать к Леониду Волкову¹. Обед тоже отчасти деловой: там, м<ожет> б<ыть>, найду еще один путь.

Остались еще кое-какие финансовые дела.

Вечером, должно быть, буду в Драмосоюзе, где Мих<аил> Аф<анасьевич> читает свою новую пьесу².

Затем — до свидания. Остаюсь

Ваш замерзший ЕЗ

(В комнатах у Бориса — холодище. Топите Вы дома побольше — чего себя морозите?)

Привет — Ильинским.

(Сегодня хожу — выспанный).

1. Артист Л. А. Волков жил в Большом Афанасьевском пер., 33.

2. Вероятно, М. А. Булгаков читал пьесу «Кабала святош». 19 января он прочел ее на совещании литературно-репертуарного комитета в Московском Художественном театре. См. подробно: Булгаков М. А. Пьесы 1930-х годов. СПб., 1994. С. 569. 18 марта Булгаков получил известие, что пьеса запрещена Главреперткомом (см.: *Булгаков*. С. 448).

№ 298

26—27 февраля 1930 г. Ленинград

26—II—1930

Сегодня был бездельный и безумный день: с утра — к Виткиной¹, потом в Публ<ичную> Библиотеку, в изд<ательств>во Писателей², в Драмосоюз³. А вернулся домой — меня уже ждал Гизетти⁴ и истязал меня полтора часа. Но зато, надеюсь, надолго отбыл эту повинность.

В Драмосоюзе получил полтора ста рублей (чистых — авансов уже нет). Там воют люди, севшие на мель с займами индустриализации: Геркен⁵ — чтобы не платить налога — на всю свободную наличность накупил займов, а по новому порядку (с выпуском нового займа и обменом старых на новый) — суммы, вложенные в займы, фактически надолго изъяты из обращения — облигаций нельзя ни заложить, ни продать. Люди панически (таких много) доходят до того, что берут свои вклады из сбер<егательных> касс.

В Публичной узнал, что Марр⁶, к<оторо>го приглашали для чтения лекций в Сорбонну, не получил загр<аничного> паспорта.

В Изд<ательстве> Пис<ателей> одобрил рисунки Рудакова⁷ — они отправляются в цинкографию для клиширования.

В зуболечебнице Виткина и другая врачиха осмотрели сломанный зуб и присудили: остатки надо вырвать. Приятно! Буду ходить щербатый.

Вчера вечером был у Максимовича. Мизинец мой он одобрил. Компрессы отменены — оставлены только лизоловые ванны. Ношу резиновое украшение — и только.

Обедать Львы⁸ не звали (тщетно ждал приглашения сегодня). Завтра в Александринку не иду: открытый спектакль там будет только на след<ующей> неделе; м<ожет> б<ыть>, пойду к Львам завтра.

Говорил сегодня по т<е>л<е>ф<ону> с Петровым; в пятницу днем у нас, вероятно, состоится свидание; с след<ующей> недели он хочет начать репетиции «Сенсации».

Сейчас звонила Липочка: именины Моисея празднуют только сегодня — отправлю на вокзале письмо и пойду.

В Драмосоюзе мне сказали, будто «Петра» сняли⁹. Верно ли? Если увидите рецензии в моск<овских> газетах — привезите. Привет Марии.

Е.

Прилагаю две записочки в МХАТ 1-ый: одна — П<авлу> Ал<ександровичу> Маркову, другая — Фед<ору> Ник<олаевичу> Михальскому¹⁰, непосредственно заведующему билетами. Проще адресоваться к Михальскому — Маркова надо вызывать, ждать.

27—II—1930¹¹

Вчера отправить письмо не успел. Только что принесли Ваше — спешное. Открытки еще не получены.

Был вчера у Анненковых¹² с Диким. Так как там ничего не припасли — Дикий уговорил ехать в Европейскую, чтобы там угостить визитеров (меня и Певцова¹³). Поехали. Было скучно, Дикий упился и был действительно дикий, скандалил, кричал. Лег спать в 4...

Сейчас еду в Политехникум: какую-то дурацкую анкету нужно заполнить (учет техн<ических> сил)¹⁴. Львы и сегодня обедать не зовут.

Очень жалко бедного Андрюшу.

Е.

1. Виткина Александра Александровна — зубной врач, жила по адресу: пр. 25 Октября, 57.

2. «Издательство Писателей в Ленинграде» (кооперативное товарищество) находилось в Гостином дворе.

3. Драмосоюз находился на ул. Марата, 20.

4. Гизетти Александр Алексеевич (1888—1938) — критик, публицист, социолог.

5. Геркен Евгений Георгиевич (1886—1962) — драматург, переводчик, опереточный либреттист.

6. Марр Николай Яковлевич (1864—1934) — филолог, археолог и этнограф, академик, с 1919 по 1934 г. возглавлял Академию истории материальной культуры, директор Государственной Публичной библиотеки с 12 января 1924 г. по 7 июля 1930 г.

7. Художник Константин Иванович Рудаков (1891—1949) оформлял книгу Замятина «Наводнение» (Л., 1930).

8. Львы — Лев Савелий Моисеевич (псевд. Лев Савин, 1881—1947) — писатель и его жена Вера Абрамовна Лев.

9. Спектакль «Петр I» по пьесе А. Н. Толстого в МХАТ 2-м (режиссер — Б. М. Сушкевич) подвергся резкой критике. В. Блюменфельд, в частности,

писал о спектакле: «<...> логика «Петра I», развивающая идею одинокого борца, крайне далека от революционного оптимизма, реакционная в своей сущности» (Рабочий и театр. 1930. № 14. С. 4).

10. Михальский Федор Николаевич (1896—1968) — театральный деятель, с 1918 г. до конца жизни работал в МХАТ инспектором, главным администратором, помощником директора.

11. Это письмо отправлено вместе с предыдущим.

12. Речь идет о сестре Е. Б. Анненковой — О. Б. Гальпериной-Гринштейн и их матери Розалии Филипповне Гальпериной.

13. Певцов Илларион Николаевич (1879—1934) — актер, с 1922 по 1925 г. — в труппе МХАТ и Первой студии МХАТ, в это время — в труппе Ленинградского государственного театра драмы.

14. Вероятно, анкету для готовящегося справочника: Научные работники Ленинграда / АН СССР. Л., 1934. (Наука и науч. работники СССР; Ч. 5). Книга была сдана в набор 16 сентября 1931 г., подписана к печати 14 февраля 1934 г. См. справку о Замятине на с. 136.

№ 299

1 марта 1930 г. Ленинград

1—III—1930

Мила Николаевна, милая — я вчера все думал о Вас — что Вы попали в очень тяжелую историю. Только вчера утром, перечитав письмо, я разобрал в нем это слово — «миллифный». Если диагноз верен — это же ужасно.

После этого прямо совестно писать о себе всякие мелочи и пустяки. И если пишу — то только для того, чтобы Вы за меня были совершенно спокойны.

Аграфена со мной, по-моему, управится без труда. Вчера обедал в столовой, завтра, может быть, пойду тоже.

Вчера ходил на каток, вечером был у Львов (с Фединым и Зощенко — катали шары). Вернулся около половины второго. Дорогие мои прачки, конечно, утром разбудили, но я заснул и осрамился: часы стали, я проснулся только без четверти час. Аграфена уж думала, что я угорел и хотела меня будить.

Сегодня у меня вечером — гости: Тагер¹ и Брюллова² — эту повидать и поговорить с ней мне будет интересно.

Завтра днем — у Федина, заседание Правления Изд<ательства> Писателей³.

В квартире сегодня пахнет вроде как треской: Аграфена варит к обеду краба.

Лев получил от Толстого его пишущую машинку и, кроме того, купил себе еще одну; толстовскую предлагает мне рублей за 170—150: не купить ли?

Петров вчера звонил мне, что уезжает на два дня в Москву, вернется в понедельник — и на понедельник переносится мое свидание с ним⁴.

Присаживаюсь понемножку за «Африканского делегата»⁵, но понастоящему пока не начал.

Жду писем.

Е

1. Тагер Елена Михайловна (1895—1964) — прозаик и переводчик.

2. Брюллова-Шаскольская Надежда Владимировна (1886—?) — литератор, историк, специалист по первобытным религиям.

3. К. А. Федин был председателем правления «Издательства писателей в Ленинграде» (1927—1934).

4. Вероятно, назначенная встреча с Н. В. Петровым, в связи с готовящейся постановкой «Сенсации» в Государственном театре драмы в Ленинграде.

5. «Африканский делегат» — первоначальное название пьесы «Африканский гость: Невероятное происшествие в 3 часах» (впервые опубли.: Новый журн. Нью-Йорк, 1963. № 73. С. 38—95).

№ 300

4 марта 1930 г. Ленинград

4—III—1930

Мила Николаевна — сейчас успею написать только открытку: торопилось, уже 5 ½, а к 6 должен быть к обеду (блины) у Львов. Весь день сегодня (а день был солнечный, весенний) — просидел как дурак за письменным столом: правил переписанную в Драмосоюзе «Сенсацию» — надо посылать в провинцию, есть запросы.

Вчера был на «Ярости»¹. Стопроцентная пьеса! Живой трактир на сцене. У Петрова в кабинете было столько высоких особ, что я туда не пошел. Подожду теперь — пусть сам мне позвонит, когда будет нужно.

Сегодня живу выспанный — это бывает не часто: рано лечь никак не умудрюсь (даже когда сию вечер дома), а над головой — каждый день прачки, ни одного дня передышки! Гастрика моя — ничего, сносная.

Привет Марии и Андрею.

Вчера получил Ваше письмо от 1/III.

Е

Письмо для Михальского пошло — м<ожет> б<ыть>, завтра. Туся звонила.

1. Спектакль «Ярость» по пьесе Е. Г. Яновского в Ленинградском государственном театре драмы. Режиссеры — Н. Петров и М. Вольский, художник — Н. П. Акимов.

№ 301

6 марта 1930 г. Ленинград

6—III—1930

Сегодня солнце и легкий мороз — пойду на каток. А сейчас (4 ч<а>са>) — обедать куда-нибудь в столовую: для домашних обедов ничего не достать — ни рыбы, ни птицы. Масло есть — львиное. У Львов обедал позавчера, обед был с перцем — после этого было не очень хорошо. Весь вечер у них чуть не до часу катали шары (я, Лев, Зоценко). Вечером сегодня, может быть, пойду в концерт, а то уж в гости не знаю, куда и ходить. Вчера вечер — просидел у Озаровской¹. В воскресенье, вероятно, поеду в Детское (только что ушел Разумник). Работа (комедия) — ни с места. Агр<афена> уж раз 5 бегала смотреть, нет ли от Вас писем — и ничего, пусто.

Е

Только что Агр<афена> вернулась с охоты — достала лососины.

1. Озаровская Ольга Эрастовна (1874—1933) — артистка, исполнительница народных сказок, известная собирательница и исполнительница северного фольклора.

№ 302

9 марта 1930 г. Ленинград

9—III—1930

Мила Николаевна, милая — не знаю, кого мне больше жалеть: вас, обеих сестер, или Андрюшу. Кажется, вас, женщин: Андрюша мне чужее, дальше. Бедный мальчик! И главное — безнадежность, бессилие...

Сегодня среди ночи долго не спал. Сначала проснулся и злился на статью обо мне в «Кр<асной> Нови»¹. А потом стал думать об Андрее. Вспомнил рассказы обо всяких чудесных исцелениях, будто бы производимых целителями из «Christian Science» (слышал их прошлой зимой, в Детском). Может быть, попробовать отыскать их? Если надо — попытаюсь, специально съезжу в Детское.

Позавчера вечером опять был у Львов. Там был Костя², подвыпивший, говорил мне всякие слова, говорил, что чуть не плакал, когда читал статью в «Кр<асной> Нови». Статья — подтасованная, с выдуманскими цитатами и, правда, довольно гнусная. Вчера вечером я пробежал ее — на меня она подействовала очень мало. Я уж охотенел.

Утром, вот только сейчас, получена Ваша открытка, от 6/III. Как безобразно долго шла! Настроение — не очень веселое, когда прочтешь такие вещи. И все-таки кончу письмо — и надо попробовать сесть писать веселую комедию... Позавчера начал — немножко сдвинулся с места, надо идти дальше — хотя в цензурность пьесы не верю.

Только что созванивался с Петровым. Оказывается, он был занят подготовкой «ударной бригады» для отправки с пьесой в колхозы. Освобождается только в среду — в среду вечером свидание с ним и на этой же неделе начало репетиций.

Дня три у нас — после солнца и легкого мороза — пасмурь, слякоть, ветер, снег. Сегодня лучше; был план со Львами и Фед<иным> ехать в Детское; но расстроился: Федин — опять катается от живота, да и погода — и настроение — не очень воскресные. Сижу дома, а Аграфена отправляется в Союз, надолго.

Спросите при случае у Мих<аила> Аф<анасьевича>, не знаком ли он с П. С. Коганом³? Если да — очень легко было бы достать для М<ихаила> А<фанасьевича> переводную работу в изд<ательст>ве «Время»⁴. — У Мальшова Вам хорошо бы побывать; если не удастся созвониться — может, пошлете ему откр<ытку> с оплач<енным> ответом? Его адрес: Вспольный пер., 6 кв. 1 (это — в конце Б. Никитской).

Я сплю — ничего; примерно через день как следует высыпаюсь. Кишки — разнообразные. В общ<ем> — терпимо.

Вчера кончили дело с дровами по ордеру. Получим (привезут, д<олжно> б<ыть>, завтра) 3 кубометра по 9 руб<лей> + 10 р<ублей> доставка всех дров. Прежняя стоимость доставки возвращается. — Купите мне, если попадутся, коробки 2—3 папирос «Моссельпром».

1. В журнале «Красная новь» (1930. № 1) была напечатана статья А. Ефремина «Евгений Замятин».

2. К. А. Федин.

3. Коган Петр Семенович (1872—1932) — историк литературы и критик, с 1921 г. — президент Государственной Академии художественных наук (ГАХН).

4. «Время» — артель работников науки, литературы и издательского дела (1922—1934).

№ 303

10 марта 1930 г. Ленинград

10—III—1930.

Утром сегодня встал (выспавшись) — вдруг вижу в окно: зима, намело снегу на крыше; ночью была метель. В 12 вышел из дому, думал — морозно, оказывается уже тает, слякоть, осень. Этакую погоду выбрал я, чтобы ехать на Путиловский завод (на верфь). Вернулся оттуда только в 6. На днях поеду еще.

Вчера был в Филармонии (на конц^{ерте} Юдиной¹). Много было знакомых людей. Елисеич², наконьяченный. Сказал, что Вал^{енти}на^{Андре}евна³ чувствует себя плохо; уже дома. Вызывали Ланга⁴, смотрел, стучал и честно сказал, что не понимает, диагноза поставить не может. Елисеич уходит из Драмосоюза⁵; Левика уже выставили⁶.

Что купить в Москве? Я думаю — икры (в Азрыбе, в Охотном), паюсной — хоть кило; здесь паюсной нигде нет. Из прочего — разве только индейку, если хотите, а так ведь все равно надолго не накупишься, да и у нас все же можно доставать.

Привет мой Ильинским.

По т^{ел}у^{фон}у узнал сегодня от Анны Алекс^{...}, что мать Вадима дотла раскулачили в Белоцерковке.

Е

1. Юдина Мария Вениаминовна (1899—1970) — пианистка, педагог.

2. П. Е. Щеголев.

3. В. А. Щеголева.

4. См. примеч. 3 к п. 62.

5. П. Е. Щеголев — был председателем Драмосоюза.

6. С. Ю. Левик заведовал финансовой частью Драмосоюза.

14 марта 1930 г. Ленинград

14—III—1930

Вчера весь день был нестерпимый холодный ветер, к вечеру пошла настоящая метель, сегодня — опять зима. Сейчас у меня топится печь, Аграфена кончает приборку, скоро пойдет на охоту. Еще только начало 12-го: встал сегодня раненько, но свои 8 часов выпал. Вечером был у Ксен<ии> Мих<айловны>¹ — давно все звонила и звала: там были Радловы² и еще каких-то двое. Я ушел рано — был сонный: третьего дня был у Виноградова³ (помните — есть такой профессор, политехнический). Там был по какому-то случаю ужин и большая инженерно-профессорская компания. Лег спать поздно — около 5, а утром — конечно, прачешная...

Днем вчера долго сидел у меня Иосиф⁴, повествовал о продолжении своих приключений. Между прочим, кажется, у него порядочные шансы, что его не то чтобы вычистят, но выставят по сокращению штатов.

По правде, сегодня или завтра мы уже поджидали Вас, Аграфена уже производила генеральную чистку. Но я понимаю: Марию одну, без С<ергея> К<онстантиновича>, бросить Вам сейчас нельзя. Обо мне не беспокойтесь: сплю — ничего, питаюсь по-моему хорошо. Вместо икры — теперь у меня заведен балык — что, может быть, даже полезней. Вот, овсянка пришла к концу; если в Москве есть — привезите (и если найдете — несколько коробок папир<ос> «Мосельпр<ом>»)⁵.

Мне хочется поскорей разделаться с статьей о Пути<ловской> верфи⁶, эти дни порядочно работаю. После путешествия на завод (придется сделать еще одно) — позавчера полдня просидел в Гидромете⁷; там были очень любезны, оттуда притащил домой два толстых тома материалов, штудирую их.

Только что звонила Тагер⁸ — вечером зайдет ко мне, а позже — я пойду к Анне Андреевне⁹. Сегодня или завтра — уж забыл — обещался пойти на сборище бывших коктебельцев к «коменданту» (Зелинской)¹⁰. Так время и идет (довольно зряшно).

Кажется, сегодня будет время пойти и взять из Адм<инистративного> Отд<ела> 400 р<ублей>. За квартиру заплачено. Нынче утром получил письмо из Леб<едяни>, от В<арвары> Ал<ександровны>¹¹. У них — только черный хлеб, почти нет сахара, нет бумаги — не на чем писать письма... Хочу послать им сухарей и к<аких>-н<и>будь конфет.

Мне очень жалко, что Вы совсем извелись в Москве. Наверно, исхудала, почернела. Вы бы хоть бы ели-то мало-мальски прилично.

Зайдите или позвоните к А. Н. Тихонову и спросите: не организован ли у них новый Редсовет (это мне нужно для решения вопроса о V томе)¹².

Да, еще забыл: здесь нет мятных. Купите в Моссельпр<омовском> магазине хоть ½ кило этих кругленьких «Пектус». Стало быть: мятных, папир<ос> «Моссельпр<ом>», овсянки и икры.

Когда же Вас ждать? Напишите.

1. Вероятно, Ксения Михайловна Жихарева.

2. Вероятно, Николай Эрнестович Радлов и его жена Н. К. Шведе-Радлова.

3. См. примеч. 5 к п. 260.

4. Иосаф Яковлевич Кункин.

5. Слова «(и если найдете — несколько коробок папир<ос> «Моссельпр<ом>»» вписаны Е. И. Замятиным позднее.

6. Место публикации статьи Замятина о Путиловской верфи не установлено.

7. Гипромез — Государственный институт по проектированию металлургических заводов в Ленинграде.

8. См. примеч. 1 к п. 299.

9. А. А. Ахматова.

10. Зелинская Ирина Дмитриевна (1895—1981) — переводчица, библио-текарь.

11. В. А. Платонова — тетка Е. И. Замятина.

12. Речь идет об издании 5-го тома собрания сочинений в «Федерации». 5-й и 6-й тома выпущены не были.

№ 305

17 марта 1930 г. Ленинград

17—III—1930. 6 час.

Сейчас — как только напишу это письмо — еду в Институт.

Вчера с утра — со Львами, Липочкой и Хохловым¹ — поехали в Царское. День был замечательный: синий, солнечный, снег, легкая зима — градуса 2 мороза. Зашел к Шишкову, обедал у Толстых, а затем отправился на розыски каких-н<ибудь> путей к «целителям», о которых уже раньше писал.

Удалось это не без труда, но все-таки удалось. А кончилось тем, что пока хозяйка писала нужное для этих целей письмо в Москву —

я пропустил последний поезд и вернулся ночевать к Толстым. Оказалось, что Львы — тоже опоздали и тоже вернулись...

Ночь провел в холодной Никитиной комнате, кое-как немного поспал. Но все-таки дело сделал.

Одновременно с этим письмом — будет опущено письмо от некой Екате^рины Мечиславовны Абдуловой к ее тетке Марте Михайловне Вагар. В письме г-жа Вагар предупреждается, что Вы, Мила Николаевна, или Мария Николаевна — зайдете к Марте Михайловне в среду или в четверг вечером от 8 до 10. Марта Мих^айловна знает соответствующего врача в Москве — может быть, таким образом удастся найти путь к тому, чтобы выгнать из несчастья Андрюшу.

Адрес Марты Михайловны Вакар — Столовый пер., 4, кв. 11 (вход, кажется, с Мал^{ой} Никитской).

Вот все. Тороплюсь.

Деньги и посылка получены. Спасибо. Но почему же Вы не оставили себе денег?

Е

P.S. Может случиться, что Марта Мих^айловна сама зайдет к Вам — не удивляйтесь.

1. Хохлов Константин Павлович (1885—1956) — с 1921 г.— артист Большого драматического театра, в 1922—1925 гг.— главный режиссер БДТ, в 1925—1930 гг.— режиссер Ленинградского академического театра драмы.

№ 306

18 марта 1930 г. Ленинград

18—III—1930.

Мила Николаевна, милая — только что получил эту отчаянную открытку от 15/III. Слов для утешения никаких нету — да и какие же тут найдешь?

Вчера отправил письмо с указанием адреса дамы, с помощью к^{оторо}й можно найти врача, о к^{оторо}м писал раньше. Но боюсь, что все это — уже поздно.

Попробовали бы, все-таки.

Днем вчера, вернувшись из Детского, я был у здешнего врача той же специальности — они применяют и заочное лечение. Но, оказывается, нужно согласие больного: без согласия могут только

тогда, если больной в бессознательном состоянии. Тут этого не было, и не было у меня согласия, так что я ушел ни с чем.

Если еще задержитесь в Москве, напишите непременно, получено ли мое вчерашнее письмо.

Ничего нового. Зима и у нас — вчера было -10° . Вечер провел в Институте, потом домой — в ванну.

Сегодня, кажется, придется пойти к Анненковым: вечер по случаю отъезда Липочки, с участием Толстых и Львов.

Е

№ 307

20 марта 1930 г. Ленинград

20—III—1930.

Невозможно ни писать, ни думать о том, что у вас там происходит — все человеческие слова спотыкаются об это, как об стену.

Пишу вот для чего: думаю, что теперь Вы скоро уже выедете из Москвы — может быть, хотите привезти с собой Марию? Может быть, ей сейчас непереносно будет ехать домой? Ну, это Вам виднее. И сделайте так, как Вам самой будет легче: может быть, чтобы оставить все это позади (а ведь чтобы жить — только это и остается) — Вам лучше вернуться домой. Не знаю, прямо не знаю — решайте сами. Во всяком случае, мне эта мысль насчет Марии в голову пришла — и я хотел сообщить ее Вам.

У нас — все то же. Зима.

Последние дни стал хуже спать что-то. Сегодня звал Лев обедать — пойду, постараюсь раньше вернуться и лечь. Вчера был Хохлов — просил «Сенсацію» для «Молодого театра»¹, где он режиссирует (для постановки в клубах, по районам). Петров — не возражает; дал Хохлову рукопись.

Сижку над толстыми томами, взятыми из Гипромеза — собираю материал для статьи.

Е.

Привезите мне еще папирос «Моссельпром», если попадутся.

1. Молодой театр — студийный коллектив С. Э. Радлова, с апреля 1928 г. по январь 1934 г. работал при Техникуме сценических искусств, в 1934 г. был переименован в Театр-студию под руководством С. Э. Радлова и вошел в систему ленинградских государственных театров.

26 марта 1930 г. Ленинград

26—III—1930

Ну, Мила Николаевна, здорово Вы застряли — и замучились, наверно — сил нет. Я потому и перестал писать — думал, не успеете получить письма. Теперь уж спутался, не знаю, когда ждать Вас, на всякий случай пишу.

Ничего нового, все по-прежнему — только вместо зимы весна. Как мне и полагается весной — разучился спать (последнюю неделю). Статья о Путиловской верфи идет медленно, никак не могу кончить. Вчера нарочно взял ванну, лег часов в 12 — и все-таки проснулся рано, опять голова неважная.

Пойду сейчас немного пройтись по солнцу, отнесу письмо, потом попробую работать.

Вечером, должно быть, пойду ко Льву — билиярда ради (он сейчас звонил).

Липочка в четверг (20-го) или в пятницу должна была передать Вам мое письмо.

От Вас последнее было от среды 19-го, с тех пор — ничего.

Е.

Последнее время дома обедаю редко — чаще в столовых. Если в Москве существует балык — привезите, тут уже давно нет.

20 мая 1930 г. Москва

20—V—1930

Ну-с, Мила Николаевна — в Москве я. Жив. Нос цел и, кажется, хуеет. Немножко спал. Бросить письмо на Ник<олаевском> вок<зале> не мог, потому что поезд теперь приходит на Курский. Оттуда на изв<озчике> с Акимовым — в дом к вахтанговцам. Думаю, что останусь здесь у Мансуровой¹ или у Симонова. Можно адресовать на Мансурову (Б. Левш<инский>, 8А, кв. 17). Симонов сразу же меня ошарашил: Худож<ественный> Совет отставил Кузу от роли Хилди — дня три назад; Хилди будет играть сам Симонов. Это хорошо: актер он отличный и для Хилди, конечно, куда больше подходит, чем Куза. Но Кузу жаль, он очень огорчен. На репетицию сегодня еще не иду: Симонов только начерно начинает работать свою роль.

Скоро отправлюсь к Манс<уровой> (они изволят еще спать), потом — в МХАТ 2-ой, к Тихон<ову>.

Е

Мила Ник<олаевна>, захватите с собой штуки три²—четыре моих портретов из «Жития Блохи» (в средн<ем> ящ<ике> письм<енного> стола) — буду дарить актерам.

Брунс — уже в полном порядке.

Дела: 1) Найдите — каж<ется>, в ср<еднем> ящ<ике> письм<енного> стола слева — статью, к<отору>ю я писал о «Сенс<ации>» для «Радиолобителя»³; 2) пускай Анненковы позвонят С. В. Балабанову⁴ (есть в тел<ефонной> книге) — он привез деньги от Юрия Анненк<ова>⁵.

1. Мансурова Цецилия Ёльвовна (1897—1976) — актриса Театра им. Вахтангова. В этот раз Замятин у Мансуровой не был (см.: Письмо Мансуровой Е. И. Замятину от 17 мая [1930 г.] // ИМЛП. Ф. 47, оп. 3, № 135).

2. Слово «три» зачеркнуто Е. Замятиным.

3. Эта статья в журнале «Радиолобитель» не публиковалась.

4. Балабанов Семен Владимирович — служащий в управлении Мурманской железной дороги.

5. Вероятно, Ю. П. Анненков передал деньги для Е. Б. Анненковой и Р. Ф. Гальпериной.

№ 310

10 июня 1930 г. Москва

10—VI—1930

Ну, Мила Николаевна — наконец, сегодня я более или менее живой: второй раз в Москве проснулся около 10. Вчера устал смертоносно. Все время после Вашего отъезда провел время в обществе «Африканского Гостя»: полонизировал Превосходного¹, переделывал третий акт. Под Троицу работал и утро, и вечер — только съездил в город пообедать; на Троицу работал до обеда (вечером был у Лежнева²), вчера гнал на курьерских (невывспанный, измятый!) — чтобы к вечеру кончить и ехать к вахтанговцам читать.

Поехал. Читал. Народу было немного (чтение было 8 ½ — во время «Сенсации»); из старших — Орочко, Шукин, Русланов³, Куза. Хохотали — особенно на III акте (изменил я его не очень много — гл<авным> обр<азом>, сократил). Что из этого всего выйдет — еще неизвестно; разговоры о возможности постановки во всяком случае

есть. Просил Куза прочитать еще раз — при бóльшей аудитории. Вероятно, это будет 12-го днем — а вечером 12-го, может быть, удастся уже выехать.

Сегодня созвонился с Ливановым⁴, вечером буду у него и прочту «Афр<иканского> Г<остя>» ему — закину удочку на МХАТ (малую сцену).

Сейчас иду на фабрику-кухню (недалеко от Пильн<яка>) — там иногда бывают папиросы Моссельпром. Потом — домой: надо к вечеру приготовить два испр<авленных> экз<емпляра> «Сенсации» — для цензуры — для сдачи в Драмосоюз.

У Ильинских был позавчера — вчера они уехали. Вчера и третьего дня в Доме Герцена обедал с Мих<аилом> Аф<анасьевичем> и Олешей⁵ (случайно так выходило). На вчерашнем утр<еннем> спектакле «Сенс<ации>» (общ<ественный> просм<отр>) был Мих<аил> Аф<анасьевич>; пьеса ему — говорит — оч<ень> понравилась, игра — нет. Я на «Сенс<ации>» без Вас так больше и не был.

На Александринку я тоже надеюсь больше, чем на вахт<анговцев>. Приеду все равно поздно: изменить едва ли что удастся.

Е

1. Превосходный — персонаж пьесы Замятина «Африканский гость».

2. И. Г. Лежнев (см. примеч. 10 к п. 214) в 1926 г. был выслан за границу. Там работал в Торгпредстве в Берлине. В 1930 г. добился разрешения вернуться в Советский Союз, работал в газете «Правда», издал несколько литературоведческих книг.

3. Орочко Анатолий Алексеевич, Шукин Борис Васильевич (1894—1939), Русланов Лев Петрович (см. примеч. 4 к п. 288) — артисты Театра им. Евг. Вахтангова.

4. Ливанов Борис Николаевич (1904—1972) — артист, режиссер, с 1924 г. и до конца жизни — в труппе МХАТа.

5. Олеша Юрий Карлович (1899—1960) — писатель.

№ 311

7 июля 1930 г. Новосокольники

7—VII—1930

Ну, перебрался в двухместное купе — но не на радость. Только что было с торжеством расположился — один в купе! — только стал задремывать (около полов<ины> второго) подсаживают с маленькой станции еще пассажира. Пока это он возился — сон прошел. А слезать моему спутнику было надо на ст<анции> Дно — в 6 утра,

около 7. Ну, и не спал я до 7. Потом так — чуть подремал — с полчаса. Потом выпил взятой у проводника холодной бурдицы. И только сейчас — в 12 — пью крепкий чай (Ново-Сокольники), пишу Вам письмо, читаю Голсуорси¹.

Е

Продают много лесной земляники.
Вот Вам-то лафа!

1. Голсуорси Джон (1867—1933) — английский писатель.

№ 312

8 июля 1930 г. Киев

Киев. 8—VII—1930

На юге оказалось — северно: в моей разлетаике и в пальто — только-только. Ну, для ходьбы — (а я сейчас иду) — оно и лучше. Ехал с Дна — в двухм<естном> купе один; сегодня ночью спал часов 6. Сейчас — уже у Гедройц¹. У меня сидит Поволоцкий², художник — идем с ним в Мариинский и Царский Парк, потом — в Купеческий Сад. Постараюсь рано вернуться домой и рано лечь спать: в кварт<ире> Гедройц есть еще жилец — тоже художн<ик>, к<оторы>й утром поднимается, и уходит рано в 7. Стало быть...

Е

Уеду в Гоголево³, д<олжно> б<ыть>, завтра ночью. Поезда неудобные: лучшие уходят около 2-х ночи, прих<одят> в 9 ч<асов>.

1. Замятин остановился на квартире у В. И. Гедройц по адресу: ул. Круглоуниверситетская, 7а, кв. 25. Вера Игнатьевна Гедройц (1876—1932) — хирург, профессор Киевского медицинского института, поэтесса и писательница. В 1902—1917 гг. работала старшим ординатором Царскосельского и Павловского госпиталей. С 1910 г. знакома с Ивановым-Разумником и А. М. Ремизовым; публикует свои произведения в «Заветах», «Новом журнале для всех», «Северных записках», «Современном мире».

2. Поволоцкий Леонид Семенович (ум. 1953?) — художник и его жена художница Ирина Дмитриевна Авдиева (1904—1984) были близкими друзьями В. И. Гедройц. Авдиева вспоминала: «Из Ленинграда я поехала в Москву и, вернувшись домой, узнала, что без меня приезжал Замятин. Муж воедил его по схимникам и старцам. Показывал ему киевские древности и провел с ним несколько дней, незабываемых по значимости». О душевном

состоянии Замятина в эти дни свидетельствует Авдиева: «Замятин говорил мужу, что перед ним только два выхода — самоубийство или побег за границу...» (Новое о Сергее Гедройц / Предисл., публ. и коммент. А. Г. Меца // Лица: Биогр. альм. М.; СПб., 1992. Т. 1. С. 306).

3. Гоголево — железнодорожная станция на дороге Лубны—Полтава.

№ 313

12 июля 1930 г. Олешковка

Суббота, 12—VII—30 Олешковка

Милая Милочка Николаевна, наконец я — вроде как на якорю. Из Киева уехал в среду вечером, 8.50... с комфортом: мягкий вагон, но вылезать в 4.30 утра... Билеты достал Кроленко¹ (приехавший во вторник). Ночь, конечно, не спал ни крошки, тем более, что где-то на середине пути подсел к нам в купе еще пассажир.

От Гоголева до Олешковки — 1 ½ часа на автомобиле (вернее: автобусе), 23 версты. Приехали около 8 утра. «Квартирмейстера» еще нет, комнаты нет; чай дадут в 9 ½... Перед обедом получил комнатную — так себе, неважную — у других видел куда лучше (моя комната — в хате у председательницы Сельрады, т. е. Сельсовета — конечно, «беднячки»). Перед обедом свалился, спал не больше часу — все-таки лучше. Зато ночью спал уже 10 часов.

На другой день — сглупил, соблазнился, пошел на прогулку в соседнюю деревню: говорили, что 2 версты — оказались все три. Да три назад: очень устал. Опять немного спал после обеда. Сегодня ночью — не очень важно: блохи.

Очень много ходил и уставал в Киеве, одна усталость накладывалась на другую. «С начала нынешнего вечера» — на несколько дней — стоп! — никаких прогулок больше себе не разрешаю. Лежу, ем, сплю, читаю — и все (вернее, все это надо поставить в будущем времени).

Насчет природы — тут, правда, очень хорошо: около деревни в одном конце — небольшой сосновый лес; с другого края — по пути к реке — луг с редкими деревьями, нечто вроде английского парка. Есть где-то близко запущенный помещичий парк. Река — не очень рядом: все-таки мин<ут> 15—20 ходьбы.

Две недели здесь стояли холода, шли дожди. Вчера и позавчера я это прихватил. Только сегодня потеплело — и потому сейчас, кончив это письмо, иду с Кроленкой купаться: открывать сезон.

Кишки в дороге были так себе, не очень-то. Должно быть, по пути на станциях брал недокипяченную воду. Сегодня — лучше.

С пропитанием — мне не очень легко пока. Ну, не угодно ли — меню вчерашнего обеда: щи ленивые из свинины, свинина жареная и малина с сахаром. Мне сделали вместо щей — суп вегетарианский на молоке: пришлось похлебать жижи из щей. И вместо свинины — дали вегетарианские котлеты... из какой-то крупы с капустой: пришлось съесть кусочек свинины. Ну, правда, вчера я с утра ушел на эту прогулку и не последил сам за обедом — заказал наспех. Сегодня — опять свинина: у меня будет яичница. Ну, думаю, это наладится.

Народу — через край. Приезжают — и остаются сверхсрочно. С комнатами — очень трудно. Ну, если Вы поедете — Вам-то устроят: я говорил и с председателем артели, и с Ларисой². А, вот, чтобы выпросить еще для Зои³ с Наумом Мих<айловичем>, не знаю, боюсь, что не выйдет. Предлагают так: приехать им на риск — если не будет комнаты пансионатной, устроиться где-н<и>б<удь> в соседней деревне — в Великих Сорочинцах (5 в<ерст> от Олефиоровки), с тем чтобы и питаться у крестьян. Это — можно.

Тетя Катя и Катюша⁴ — оказались здесь, в Олефиоровке. У Катюши уже облез нос. Из знакомых — здесь еще только Римские-Корсаковы (Кик, отец и мать)⁵, больше никого. В Панасовке еще не был.

Особенно долго здесь сидеть я все-таки не намерен, надо бы перебраться поужнее, в Крым. Мне очень хочется, чтобы Вы тоже отдохнули этим летом. Вам здесь, думаю, понравится. Я — относит<ельно> комнаты здесь — еще пошлю телеграмму. А если не хочется Вам сюда (табльдот и пр.) — может быть, поедете, например, прямо в Коктебель или еще куда в Крым, хорошо бы с Зоей, а я мог бы приехать туда, отбывши свой срок здесь.

Почта сюда и отсюда — действуется⁶ преотвратительно. Я сегодня — еще не очень сознательный. Через денек напишу еще.

Е

1. Кроленко Александр Александрович (1889—1970) — книговед, директор издательства «Academia» (1921—1929), издательский работник. С 1918 по 1963 г. вел дневниковые записи. Кроленко описал состоявшийся в Олефиоровке 15 июля 1930 г. разговор: «Беседуем с Замягиным на полит<ические> тем<ы>. Он считает, что пятилег<ка> — это реклама для Европы, что из нее нич<его> не выйдет, что она идет за счет сниж<ения> качества, что социализм бессмысл<ен>, т. к. увелич<ивает> сумму челов<еческих> страданий. В катастрофу не верит. Власть сильна и осущест<вляет> свои зада-

ния как египетские пирамиды на крови м<и>л<ли>н<ов>, пока одна-
<ко> он вообще только в красные дни. Каковы стимулы специалистов?»
(ОР РНБ. Ф. 1120, № 224. Л. 40 об.).

2. Яковенко Всеволод Владимирович и Шведова Лариса Владимировна.

3. З. А. Никитина.

4. Корчагина-Александровская Екатерина Павловна (1874—1951) — актриса, с 1915 г. и до конца жизни — в труппе Александринского, позднее Ленинградского академического театра драмы им. Пушкина; ее дочь Александровская Екатерина Владимировна (1899—1973) — в 1920—1926 гг. — актриса Ленинградского академического театра драмы им. Пушкина, с 1926 г. — в БДТ.

5. Римский-Корсаков Андрей Николаевич (1878—1940) — музыковед; его жена Юлия Лазаревна (урожд. Вейсберг, в первом браке Ландау, во втором Крейцер) — композитор. Кик — Виктор Леонидович Крейцер, сын Ю. Л. Вейсберг от второго брака с Л. Крейцером. Ю. Л. Римская-Корсакова 13 июля 1930 г. писала А. Г. Горнфельду из Олефировки: «Здесь Замятин, Кроленко (неунывающий и цветущий!)» (РГАЛИ. Ф. 155, оп. 1, № 449. Л. 4об.).

6. Так у Е. И. Замятина.

№ 314

14 июля 1930 г. Олефировка

14—VII—1930

Ну — пишу уже совсем в здравом уме и твердой памяти, пришел в себя, отоспался и отлежался. Невзирая на какую-то блоху, которая (вместе с десятком воображаемых) несколько раз будит меня ночью, заставляет вскакивать, перетряхиваться, переодеваться — сплю каждый день часов 8. Внутренности — тоже наладились. Чувствую себя уже прилично, человечески.

Вчера — было прекрасных полдня, к вечеру — гроза, дождь, еле добрался домой (из столовой) после ужина — благодаря зонтику Римского-Корсакова. Сегодня — день совсем замечательный. Зелени много, воздух духовитый. Вчера дышал этим воздухом часов этак 10 (после обеда лежал не дома, а на лужку, в кустах). Лениво, скучновато, спокойно. Если пойдет так — я думаю, что за месяц тут можно как следует отдохнуть.

Кормежка — со всячинкой. Утром, от 9 до 10 — завтрак: чай, кофе (суррогат), хлеб ржаной и черный пшеничный (мне — белый), порция масла (единственная в течение дня), каша — одна и та же —

смоленская, и что-нибудь еще (картофель, или творог, или домашн<ий> пашттет). Яйца к завтраку — редко: пока были только один раз. В 3 ½ — обед — 3 блюда (вчера, напр<имер>, лапша, вареная курица с картоф<елем>, малина; сегодня — суп с потро<хами>, битки и кисель). В 6 (а я прихожу в 7) — чай, с белым хлебом и медом, вместо сахара (приношу свой сахар). В 8 ½ — ужин (винегрет из карт<офеля> с огурцами и саго с какой-то отвратит<ельной> медовой жижей — вчерашней; я взял себе домой кипятку и запивал это чаем).

Нет керосину, нет свечей. Я живу милостью тети Кати, от к<ото-ро>й получил ½ свечи; что будет дальше — не знаю. Керосин выменивают: фунт сахару на фунт керосина. Сахару тоже нет. Сапоги русские — 150 р<ублей>, башмаки для девочки — 100; подошвы — 18—20...

Узнал, что за 10 руб<лей> можно здесь снять хорошую комнату (10 р<ублей> — в месяц, конечно). Но удастся ли при этом как следует организовать питание — не знаю. Это — на случай, если бы Вы поехали сюда и Зоя. Для Вас-то комнату как-нибудь Лариса устроит, а вот Зое, может быть, пришлось бы снимать. В столовой для обедающих уже не хватает места (в Олефиоровке — обедает человек 70—80).

Ехать сюда, конечно, и утомительно, и неудобно — все равно, через Киев или прямо через Ромодан — одна бессонная ночь гарантирована. Но это окупается отдыхом здесь. Вот пораскиньте-ка умом — и может быть приедете. По-моему, Вам здесь должно понравиться. Что купанье не близко — ходьбы с полчаса до хороших мест — так Вам это на руку: исхаживать себя.

Это пишу дома (чернил нет): сейчас пройду в канцелярию — надписать адрес. Может быть, там узнаю насчет комнат что-нибудь новое — припишу.

В Панасовке еще не был. Кроленко (к<оторы>й был) говорит, что там публика лучше, атмосфера приятней. Здесь есть площадка для тенниса; попробую скоро играть. Есть и крокетная площадка.

Из канцелярии, д<олжно> б<ыть>, пройду посмотреть, как колхозники косят хлеб: это недалеко, за парком.

7 час. веч.

Перед обедом говорил с предс<едателем> артели — Яковенко: для Вас комната, если Вы приедете, будет; Зое — обещать не могут, для нее остается одно — снять комнату самой здесь же, в Олефиоровке, и самой наладить питание, а может на этот счет удастся и уломать Яковенко. Питание это, кстати, все-таки неважное: обед был паршивенький.

Если поедете, захватите: свечи; сахар кусками; конверты почт<овые>; шнуры для моих коричн<свых> туфель; носки светлые какие у меня найдутся — там есть, кажется, еще зеленые, синие. Письмо мое Рыкову имеется в копии у Миши Слон<имского> — возьмите. Жду извещения — куда Вы решите ехать. В Питере Вам — в каменном мешке — оставаться во всяком случае нельзя. Как у меня в ЦЕКУБУ с Батилиманом¹?

Только что встретил Ларису: она поругалась с Яковенко и 21-го июля уходит отсюда.

1. Поселок Батилиман в Крыму, недалеко от Севастополя. Задолго до Октябрьской революции писатели, художники, артисты и люди свободных профессий купили этот поселок, чтобы устроить здесь «Скит творчества». В начале 1920-х гг. дачи, виноградники и сады были национализированы. В середине 1920-х—1930-е гг. здесь размещался Дом Отдыха ЦЕКУБУ.

№ 315

18 июля 1930 г. Олефировка

Пятница 18—VII—30

Есть оказия в Петербург — и, кажется, верная. А так — посылаешь здесь письмо и не знаешь, когда оно дойдет: может, через 4 дня, а может через 7 — разно бывает.

Я все время прилично сплю, кишки — безукоризненны. Я начинаю толстеть и походить на Ростислава. Даже белые мои штаны — такие же короткие. На воздухе — 12 часов в день, буквально: выхожу утром к завтраку, часов около 10, и возвращаюсь домой часов в 11 (не считая забегов — за простыней, за тем, за сим). Курю по 6—7 папирос.

Я думаю, что Вам стоит сюда приехать. Все-таки, невзирая на всякую безалаберщину в управлении, здесь такой воздух и такие прогулки, что отдохнуть здесь можно к<а>к следует. И если Вы не хотите пансиона — можете снять комнату и питаться у хозяев. Жду от Вас писем — пока ни одного. Послал отсюда 2 письма и 2 телеграммы>.

Е

Можете о жизни здешней расспросить по телеф<ону> Влад<имира> Конст<антиновича> Пядышева.

21—VII—1930

Вчера в 2 часа я еще купался, а вечером — холод, дождь. Изредка накрапывает и довольно холодно сегодня. Пойду ли купаться — не знаю. Вообще, кажется, живем мы тут так, что не знаем завтрашнего дня. Все время — война между Лариссой¹ и председателем правления — Яковенко. Один раз Ларисса уходила со службы — еле вернулась. Яковенко, видимо, старается выжать как можно больше денег — и потому кормит довольно скупо. Да и все труднее доставать провизию. Через 3—4 дня, кажется, кончается у нас весь сахар (пока — утренний чай с сахаром, вечерний — с медом; меду я все-таки побаиваюсь). Белого хлеба — настоящего — какой я еще застал первую неделю, уже нет (нет дрожжей); есть впрочем очень неплохой пшеничный серый, к^оторым я и питаюсь. Так как я состою у Лариссы в «любимчиках», то пока еще мне живется (вернее — «кормится») сносно. Но как пойдет дальше — не знаю. Во всяком случае до сих пор кишки ведут себя отменно. Глас народа уверяет меня, что я поправился и вид у меня — гораздо лучше, чем после приезда.

Теперь — о Вас. «Я решила никуда не ехать... я отдохнула». — Это мне все не нравится. Ну, Мила Николаевна, зачем лишать себя того немногого, что мы еще можем получить в жизни? Ведь я знаю, как Вы любите солнце и воду. Ведь деньги у нас пока есть — хватит. Так что не выдумывайте, пожалуйста, таких скороспелых решений и лучше пораскиньте умом, куда ехать. И я бы хоть часть лета хотел быть вместе с Вами — ну, хоть как в прошлом году.

Кроленко рассказал мне, что Батилиман — место хорошее, но расположен он на скале, и по его словам — «сходить выкупаться — это одолеть 20 этажей». Это уж не очень весело. Правда, там гарантировано хорошее питание, но я уже начинаю насчет этого места сумлеваться! Думаю, что месяц — или до 15 августа — здесь все же пробуду, и потому (если и поеду в Батилиман), то с 17/VIII...

А нельзя ли и Вам попасть в Батилиман — через Анну Михайловну? Или, может быть, так: Батилиман — рядом с Балаклавой, может быть Вам с Зоей поехать в Балаклаву? Или всем поехать в Коктебель? Я дня два назад отправил туда запрос Тамаре Салтыковой² — прошлогоднему коменданту, а Вам бы хорошо было попробовать получить информацию от Вадима³ или непосредственно от его Аннушки⁴ (она сейчас в Коктебеле). Только уж пожалуйста — не обрекайте себя на сиденье в каменном мешке: за потерю карто-

чек — уверяю Вас — такого наказания не полагается. Думаю, что с карточками — с получением новых — справится прекрасно (или непрекрасно) Аграфена, а Вы отлично можете уехать.

22/VII. Тетя Катя вчера за ужином угощала собственного сбора грибами. Я поел... дурак! А сегодня — живот болит, сажаю себя дня на 2 на голодную диету, лишаю купанья..

1. Так у Е. И. Замятина.
2. Тамара Сергеевна Салтыкова.
3. В. Никольского.
4. А. Никольской.

№ 317

23 июля 1930 г. Оленировка

Четверг, 23—VII—1930.

Ну, Мила Николаевна — я Вас что-то завалил письмами. Это — пишу потому, что вчерашнее с заявлением о вступл<ении> в кооператив и пр. — отправил с оказией: так, правда, всегда есть риск, но зато гораздо скорее. Чтобы застраховать себя от риска, честь имею Вас уведомить, что письмо мое повез в Петерб<ург> некий Вадим Васил<ьевич> Обухов. Если он не позвонил Вам, что привез письмо — позвоните Вы ему, у него (говорит) телефон есть, а живет он на Кировной, недалеко от Тавр<ического>.

Новые неутешительные сведения о Батилимане: Кроленко получил письмо, что там и кормить стали средне. Он (Крол<енко>) послезавтра уезжает в Хосту (м<ежду> Сочи и Гаграми) — на Одессу, потом морем. Будто бы в Хосте хорошо пока, и будто бы он может устроить там мне комнату в Доме отдыха ЦЕКУБУ. Как приедет туда — напишет мне. Может быть, и Вы бы поехали в Хосту — с тем, чтобы снять там частным порядком комнату? Это еще один проект.

Погода сегодня чудесная, но я еще не купался (как и вчера) — хотя грибные последствия как будто уже ликвидируются. Сегодня еще держу себя на диете: вот сейчас пойду ужинать — рисовая каша на воде и малиновый кисель. А завтра уже думаю переходить на менее жестокий режим.

Дверь из моей «хатины» в сени открыта — скрипит в сенях сверчок...

В прошлом письме писал о посылке: добавьте в посылку сотню «Пушек» и сахару — кусочками, камень для чистки бел<ых> туфель; и две книжки: Гедройц¹ и Губера² («Месяц туманов») ². Если вышло «Наводнение»³ — тоже пошлите. И конвертов!

Еще просьба: пошлите заказн<ой> бандеролью IV том («Север»), II («На куличках») и «Наводнение» по адресу: Miss Bertha Malnick², 217 Evening Road, London E.5.

Не понял в Вашей открытке (от 13/VII) приписки: «Не забудьте про...» — дальше 2 слова не разобрал. Про что?

Е

И еще: не оставайтесь в каменном мешке.

Пол-ночи не спал: сверчок забрался в комнату и вопил, как океанский!

1. Книги В. И. Гедройц, выпущенные «Издательством писателей в Ленинграде», первая — «Кафтанчик» (Л., 1930); вторая — «Лях» (Л., 1931) или «Отрыв» (Л., Б.г.). О времени выхода книг см.: Лица: Биогр. альм. М.; СПб., 1991. Т. 1. С. 295.

2. Губер П. К. Месяц туманов. Л., 1929.

3. Книга Замятина «Наводнение» вышла в издательстве писателей в Ленинграде (Л., 1930).

4. Сохранились письма переводчицы и издательницы Берты Мальник Е. И. Замятину (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 131—132).

№ 318

27—28 июля 1930 г. Олсфировка

Воскр. 27/VII—30

Было два жарчайших, душных дня, потом — вчера и сегодня — великолепные грозы, ливень. Сейчас опять тепло, воздух удивительный. Вообще, если бы было здесь налажено с питанием — лучше места и искать не надо. А с питанием неважно, особенно — мне. Базар только в Сорочинцах, за 7 верст. Сегодня запоздали на час вернуться посланные за покупками — и к завтраку не было ни крошки масла, ни одного яйца. Обед: картоф<ельный> суп, баранина с карт<офелем> и компот из кислейших яблок. После грибной моей истории я все еще не налажусь никак до первосортного состояния, какое было первые дней 10. Не то, чтобы плохо,— нет, но все-таки не то.

Живущие здесь устроили из-за пропитания скандал. Сегодня вызывали предс<едателя> правления, устроили общее собрание. Было обещано, что впредь питание постараются поставить лучше. Если это будет так — можно застрять и здесь — как советуете Вы (письмо от 20/VII получено). Сегодня или завтра уже надо уплатить

деньги за месяц. А если я останусь — тогда Вам есть смысл приехать.

Тут оказалась одна украинская писательница¹, разыскала меня. Ничего, милая женщина. Откапывает интересный материал.— Думаю присоединиться к ней и тоже пожить. Откопала, например, «бандитку Катерину», у которой она столуется (и у которой могли бы столоваться и Вы) — Катерина эта ходила «в зеленых». Завтра, должно быть, еду с «письменницей» в Сорочинцы: там будут вскрывать под старой церковью склеп гетманов Скоропадских и Апостолов² и исследовать подземные ходы.

И завтра в Сорочинцах у меня еще одно грустное дело: отыскать часовщика — ибо мои часы, по неизвестной причине, стали. Пришлось пустить в ход свои таланты и использовать то, что мне Римская-Корсакова моя ярая поклонница: взял на время часы у нее. Но долго держать, конечно, неудобно, а без часов я — пропащий человек.

Пишу это письмо я уже на новой квартире, куда переселился вчера. С прежней меня выжил сверчок: не спал из-за него три ночи, найти его и поймать — никакой возможности (пробовал). Здесь — тише: сегодня выспался. Это — отдельная хатка, где живут только дачники. Всего две комнаты, одна большая (там — две какие-то харьковские девицы), другая — маленькая — там я.

С Катюшей Корчагиной — совершенно невероятное происшествие: позавчера, когда она гуляла, за ней помчалась лошадь, бродившая по лугу, Катюша — от лошади, лошадь догнала, свалила ее и начала топтать. Повредила, к счастью, только ногу: внутреннее кровоизлияние — и вчера обнаружилась жидкость в коленном суставе. Стало быть, лежать — на месяц... Бедная девушка! Лежит на воздухе, в садике под деревом.

Пнд. 28/VII.

Сегодня рано вскочил — спал всего часов 6 — побежал купаться, потом позавтракал — и поехали в Сорочинцы. Интересная старая церковь, вскрывали склеп «Гетьмана Данилы Апостола», подземные ходы — недалеко от церкви, домик, где родился Гоголь, площадь, где был «Сорочинский ярмарок» ... К 4-м, как раз к обеду — уже дома (до Олешивки — 7 верст). После вчерашних скандалов (общего собрания etc.) — обед сегодня был неплохой. После обеда — дома спал, часа 1 ½. Сейчас (8) выпил чаю — и как стеклышко. Тишина, вечер чудесный, воздух — тоже. Столы наши — и все трапезы — на открытом воздухе...

Я думаю так: если с Батилиманом не выйдет — скачите сюда, проживем здесь недели 2, а потом — в Коктебель. Вас могу устроить не в пансионате, будете кормиться с украинской «письменницей» у «бандитки Катерины». Или же, пробыв 2 недели здесь, поедем я — в Батилим<ан>, а Вы — в Коктебель, там знакомые у Вас будут (Аннушка Никольская, Данько³). Узнайте у Филонова⁴: дадут ли мне отдельн<ую> комн<ату> в Батилим<ане>; если нет — я отказываюсь.

1. Вероятно, Орливно Галина Ивановна (наст. фам. Мневская, 1895—1955) — писательница и актриса. С 1918 г. играла в киевском Молодом театре. В 1920—1925 гг. жила во Львове. В 1925 г. вернулась в Харьков. Первые сборники рассказов напечатала во Львове в 1921—1922 гг. В 1929—1930 гг. выпустила книги «Эмигранты» и «Бабий бунт». Сохранились письма Г. Орливы к Замятину, 1930 г. (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 152).

2. В 1733 г. в Сорочинцах был захоронен миргородский полковник Павел Апостол, здесь же находился родовой склеп Скоропадских.

3. Данько Елена Яковлевна (1898—1942) — писательница и художница, с 1926 по 1932 гг. работала секретарем правления Ленинградского союза писателей.

4. Филонов Илья Михайлович — секретарь секции научных работников Ленинградского областного отдела Союза работников просвещения СССР.

№ 319

29 июля 1930 г. Олешковка

29—VII—1930

Мила Николаевна — только что получил Ваше заказное от 25/VII.

Насчет Батилимана — я и сам уже как-то «колебнулся» — как пишут теперь в газетах. Отказаться от места там, сколько знаю, всегда возможно — даже уплатив деньги (ведь желающих много). Узнайте, пожалуйста, у Филонова о возможности отказа. И нельзя Вам своего отъезда не связывать с Батилиманским вопросом? Я думаю — можно: внесете деньги Филонову (или попросите сделать это Нюньку) и оставьте ему деньги на телеграмму мне. Вот и все. А я к этому времени получу еще сведения о Батилимане (о питании) — и если не поеду, то протелеграфирую Филонову.

Зое рассчитывать на пансион трудно — едва ли выйдет. Но питаться просто, давая деньги хозяевам (они будут покупать и стряпать) — это можно, и думаю — питание будет дешевле и лучше, чем в пансионе.

С этой же почтой отправляю письмо Гедройц насчет Киева: м<ожет> б<ыть> поедем туда?

Е

Уже выкупался и позавтракал. Парит, д<олжно> б<ыть> опять будет дождь. Сейчас иду переносить Катюшу.

7 часов

Письма не дописал — все-таки пошел и выкупался. Когда уже разделся — чуть сбрызнуло дождем, но вода — теплая. После обеда (довольно паршивоватого: суп с капустой и беф-строганов из жесткого мяса с картофелем — без сладкого) с полчаса спал — дома, валялся — читал. Сейчас — уже сияет солнце, опять тепло. Кончу письмо — пойду пить чай. Потом, кажется, придется прочитать что-нибудь: сегодня затеяли какой-то «вечер самодеятельности». А вчера в школе был «концерт» в пользу Олефир<овских> детских яслей: сцена из «Ревизора» — Петров¹, младшая Корчагина² и Тираспольская³; сцена из «Свои люди — сочтемся» — двое Корчагиных⁴; и ряд отдельных номеров.

Это — уже, кажется, мое пятое письмо отсюда (не знаю: все ли доходят — посылаются с отъезжающими). Напишите или протелегр<афируйте>, как решите Вы и Зоя⁵ с приездом сюда — а то я присмотрел тут комнату у крестьян и пока ее задерживаю.

Придется Вам, Мила Николаевна, послать мне сюда посылочку: штуки 2—3 свечей, коробки 2 кнопок (очень быстро портятся), еще одну порцию лекарств моих (Pulsatilla, Arsenic. и Nux vomic.⁶ рецепты в прав<ом> ящ<ике> письм<енного> стола) — я взял 2 порции, но боюсь — не хватит; ну, добавьте плитку тусина шоколада. Вот и все.

Ну, Мила Николаевна — пожалуйста, подумайте и сделайте так, чтобы Вам уехать из Питера. Мне очень неприятно, что Вы там сидите. Вы можете уехать (если говорить о Крыме) и в августе, и остаться где-ниб<удь> в Крымских местах, когда я оттуда уже уеду в Москву — Вам в Москве болтаться незачем.

Е.

1. Н. В. Петров.

2. Екатерина Владимировна Александровская.

3. Тираспольская Надежда Львовна (1867—1962) — актриса Александринского театра.

4. В пьесе «Свои люди — сочтемся» А. Н. Островского Е. П. Корчагина-Александровская играла сваху, Е. В. Александровская — Липочку.

5. З. А. Никитина.

6. Pulsatilla (лат.) — пульсатилла; arsenicum, arsenium (лат.) — мышьяк; pux vomica (лат.) — семя чилибухи, рвотный орех — отхаркивающее средство.

№ 320

Телеграмма

29 июля 1930 г. Олешифировка

Батилиман только гарантии отдельной комнаты

№ 321

6 августа 1930 г. Олешифировка

6—VIII—1930

Сегодня, кажется, самый жаркий за все время день. Вчера было тоже жарко, и ночь была теплая, лунная. Часов в 11 с Корчагиными и еще кое с кем сидели на срубленных «дубах», лунища. Я первый раз за все время сидел без своей (Андрюшиной) разлетайки, и не было холодно. А то по вечерам непременно в этой штуке да еще и в жилете.

Вчера не выспался и пищали кишки (накануне съел — попробовал — два сырых, сладких яблочка), вообще чувствовал себя неважно. Сегодня спал 8 ½ часов, и хоть живот ночью поднывал, но уже — о, дело явно налаживается, обед — подходящий (караси — рыба первый раз за все время).

Сейчас — укладывал вещи: уезжаю.

Правда — недалеко, верст за 10, в деревню Романовку: как доложила мне украинская «письменница» — там есть несколько человек, которые могут рассказать сегодня вечером разные бандитские истории. Хоть и неохота и лень — ехать и, главное, ночевать не дома, но, пожалуй, надо: может и в самом деле наклонится что интересное.

А в субботу, 9-го, в другой деревне — Ковалевке — ярмарка, надо днем съездить туда.

Мила Николаевна, милая, простите меня, Олешифовского дурака, что, имея малое понятие о Батилимане, впутал Вас в эту игру. Никак не думал, что это так затянется и может задержать Вас. Когда я уезжал, Филонов сказал мне, что все выяснится «через неделю — дней 10». Насчет того, что может мне попасться там и не отдельная

комната — только теперь взбрело в мою башку: из рассказов о Батилимане, к^{оторы}е я слышал в Питере, у меня было впечатление, что там — отдельные комнаты. А если гарантии отд^{ельной} комнаты нет — как же мне ехать? Я же сгину от бессонницы — если спать с кем-нибудь. И потому — без такой гарантии — я просто откажусь от Батилимана (что и уполномочиваю Вас сделать — если гарантии Вам не дадут).

Из Коктебеля сведения получены — убийственные: ехать туда нельзя.

Получил посылку: спасибо. Сушки были очень кстати. Хлеб весь заплесневел. Боюсь, что сахару все-таки не хватит: по вечерам иногда дома пью чай.

По несколько раз в день вспоминаю о Вас и жалею, что Вас здесь нет: гриб в лесу — вот бы Вам сорвать! — цветы — вот бы Вам! — Жарюсь на солнце — что я! вот Вы бы — это так! До чего вода в реке теплая — град^{усов} 20.

Привет Тусе, Нюньке (спасибо за лорнет — мой уже сломан) — Мише и Р^{остиславу}.

Все-таки около 1/IX мне надо бы уже трогаться отсюда в Москву (если не выйдет с Батил^{иманом}). Слышал здесь очень хорошее о Сольцах, о Невельском районе: продукты еще есть, и дешевы. Отсюда тоже увозят яйца, масло, мед, муку.

Только что получил две телеграммы: Вашу — и из Коктебеля. В Кокт^{ебеле} комната меня ждет, но... «с питанием трудно, можно получить вне дома» (Волошинского — в казенной столовой, очереди...). Ехать туда — смысла мало. В Батилиман — попробую сам запросить насчет отд^{ельной} комнаты. Вероятно, и это отпадет, как Коктебель — и я останусь здесь, до конца дней. А если так — может быть, уже и Вам есть смысл поехать сюда, а не в Сольцы? Подумайте-ка. Могли бы побыть здесь с месяц.

Это письмо завтра будет отправлено спешной почтой. А я сейчас сажусь на «підводу» и еду в Романовку.

Е.

№ 322

17 августа 1930 г. Синельниково

7 час. веч. 17—VIII—1930. Где-то около Днепропетровска

Ну — еду. Телеграмма об отд^{ельн}ой комнате сначала меня привела в недоумение (после всех прежних «негарантий»), а потом

решил: значит судьба. Тем более что в Олефировке дела стали хуже: масло — через 2 дня в третий, чай иногда — без сахара и без меду, последние два дня — хлеб только ржаной (у меня было несколько сухарей). Власти все ездят, наводят следствие, того и гляди — прихлопнут все дело. Уехали тетя Катя и с ней еще несколько приятных человечков, а понаехали какие-то испанцы из Харькова. Я упаковался — и поплыл. — Плавание с приключениями: поехал на Киев — в Харькове, думал, не достать билета. Началось с того, что в Гоголеве не достал билета на Киев. Сел в поезд без билета — зайдем, в жизни впервой. Так ехал до Ромодана (часа 2), а там проводник, за мзду, купил билет. В Киев приехал в 11 веч<ера>, Гедройц не получила моего письма и не была дома — пришлось ехать в гостиницу... До Севаст<ополя> комиссионер гост<иницы> билет достал — еду один в 2-х местн<ом> купе (пока), но ночь спал очень мало. На станциях — пусто, питаюсь олефировск<ой> курицей и яйцами да чаем с киевск<ими> хлебами (белоснежные! а пирожные там какие!). Едем как в 18-м году: уже опоздали на 7 часов, когда приедем — неведомо, почему уже ½ часа стоим на полустанке — неведомо.

Открыточку из Сольцов получил, проезжая через Сорочинцы.

№ 323

23 августа 1930 г. Батилиман

Батилиман, 23—VIII—1930.

Ну, Мила Николаевна, сознаюсь Вам в том, в чем не хочется сознаться и самому себе: и я уж не тот, и мне — трудно и не хочется сдвинуться с места. Но я еще держу в руках вожжи и погоняю себя. Так погнал и в Батилиман, когда получилась эта неожиданная телеграмма насчет отдельной комнаты.

Путешествие до Батилимана вышло очень утомительное. Началось с Гоголева невезение: как уже писал в открытке (получили?) — билета не достал, сел зайдем — билет проводник купил только в Ромодане. Ехать было грязно, жарко, тесно. Дальше — в Киеве: разлетелся к Гедройц — письмо не получено, в квартире — никого. В 12-м часу ночи пришлось ехать разыскивать номер в гостинице, спал там плохо. Дальше — поезд до Севастополя опоздал на 22 часа! Киевский этот поезд шел в Ростов, два севастопольских вагона должны были в Синельникове прицепить к скорому моск<овскому> поезду, но мы так плелись до Синельникова, что пропустили все моск<овские> вечерние поезда. Нас отцепили... и оставили ночевать в вагонах до утра. Со всей этой канителью заснул в 3-м часу, а раньше 8 —

уже был на ногах. Уехали из Син<ельникова> только в 10, в Севастополь попали только в 5 утра (вместо того чтобы попасть в 8 у<тра> накануне).

В Севастополе — как и везде — в буфете пустыня. Попил жидкого чаю (хорошо еще, что запасся в Киеве булками и бубликами) — и на трамвае в Балаклаву. Там разыскал катер, идущий в Батилиман. «Когда идет?» — «В два». Ну, ладно. Пошел выкупался, пообедал кое-как в столовой, пришел к катеру: на месте. «Когда идет?» — «В четыре». Потом четыре превратились в 8, я успел еще раз выкупаться, выпить чаю — только в 9 ½ вечера — уже темно — попали в Батилиман.

Дали мне комнату — будто бы отдельную — не на 11-й, а на 10-й даче. «Будто бы» — потому что от соседней комнаты отделена тонкой фанерной переборкой, за переборкой — три женщины, два ребенка... Все ясно.

После Украины — показалось здесь так жестоко, черство, сухо. Скалы, камни, ни травинки. Воздух — пустой, без запаха (на Украине — все влажное, сочное, пахнущее). Деревья — горные дубки и сосны, низкорослые — очень похоже на те места, какие Вы видели по дороге из Коктебеля в Судак. Правда — ни пылинки. Правда — море бескрайное отсюда, сверху, но этот верх... заест он меня!

На другой день после приезда я добился перевода в комнату на 11-й даче, отведенную мне еще в Л<енин>град<е>. Комнатка крошечная, с одной дверью без окна, жарко. Переборка — тоже фанерная, чуть получше. Правда, детей нет, и в домике только две комнаты всего: в другой — дама, заведующая здесь хозяйством. И сегодня встала она в половине шестого — в половине шестого встал и я... Высота — черт знает какая. По утрам — купаться уж не придется: только один раз, перед обедом. Вода здесь — часто бывает холодная: вчера утром например — 12 °С, не угодно ли! К 12 дня правда было уже около 20 °С — переменялся ветер. А ветер здесь — да какой, чуть не ураган — поднимается по нескольку раз в день. Вот и сейчас, как на спиритическом сеансе — сами от ветра ходят стулья по веранде (эта открытая белоколонная веранда — наша столовая) и летят на пол тарелки — уже накрыли к ужину.

Кормят здесь, конечно, лучше и разнообразней, чем у Лариссы, все готовится на масле (там было на сале). Я с самого приезда — сел на диету: увы, не выдержали кишки, сдали. Не то — путешествие и неизвестная вода, какую приходилось пить в дороге; не то — кусочек чудесной дыни, купленной в Балаклаве; не то — холодное купанье — не знаю. Но пока еще не налажился. Меня кормят прекрасны-

ми цыплятами с рисом, один раз была рыба, сейчас на ужин дадут рисовую запеканку с яйцом. Завхозша — очень лобезная.

Суббота, 23/VIII.

Ну, конечно, по обычаю — у меня двадцать два несчастья — несчастьица, скажем так. В Киеве в гостинице гвоздем на стуле умудрился разодрать себе ногу. В вагоне в купе ткнулся башкой в отбитый край абажура — разрезал кожу на голове. А вчера утром хотел скомкать и бросить конвертик от безопасной бритвы — и скомкал... бритву (она оказалась в конвертике), раскромсал палец; вчера из-за этого нельзя было плавать — сегодня залили йодом, коллодием — поплыву.

И двадцать второе несчастье: позавчера опять стали мои часы. Отправил их в починку в Севастополь, а пока — вот уж две ночи — страдаю без часов, просыпаюсь ни свет — ни заря. Вчера нарочно улегся рано — в 10 ½, проснулся тоже рано — часов в 6. Но все-таки чувствую себя уже приличней; дошел уже до obs'a. А на столе у меня лежат — и боюсь зря погибнут — прекрасные груши; а в ларьке при Доме отдыха продаются сладкие, румяные яблочки...

Публика здесь — с комвсичинкой. Когда утром в первый день сел за стол — ни одного знакомого лица, хоть бы на смех. Попал я за стол рентгенологов: Неменов с женой¹ напротив, несколько его ассистентов. Потом одна из ассистенток — врачаха (фамилии ее не знаю) оказалась студенческой времен знакомой, из Гребенщиковской компании... За обедом рядом со мной объявился Державин². Вчера за чаем — гляжу — Устиновы³, только что приехавшие. Нашлись поклонники: один такой профессор (Эвальд⁴) с дочерью; один л<енин>гр<адский> студент — лингвист; еще кой-кто. А в общем, по-пильняцки говоря — одиночествую, пока что. Публика вообще держится мелкими кучками, разбродно; больше контакта было даже в Олефировке.

Вот Вам, для полноты, весь наш здешний режим. От 8 до 8 ½ — завтрак: для всех — суррогатный кофе на молоке, для меня — чай, хлеб — черный пшеничный (мне белый, полусдобный); небольшая порция масла, какая-н<и>б<удь> каша с маслом; яйцо или два (мне). В час — обед, три блюда; сегодня, например, безмясный: суп картофельный, рисовые котлеты с помидор<ным> соусом и печеные груши (мне вместо рис<овых> котлет — цыпленок). В 4 часа — чай, белый хлеб, без масла. В 7 — ужин, два блюда и чай (вчера для всех

были синие баклажаны и блинчики с вареньем; мне рисовая запеканка). Вот все. После ужина послоняются немного в столовой — и по конуркам.

Вчера задержался дольше: стояли в очереди на вино, привезли для Д<ома> отд<ыха> по две бутылки красного вина, кажется — неплохого. Вот за обедом попробую. Была здесь выдача папирос — очень хороших; будет, кажется, и еще — но когда и каких, еще неизвестно. Налаживаю дело с покупкой табака — один подвертывается неплохой, 15 руб<лей> фунт.

Сейчас пишу открытку Вадиму (на Коктебель), чтобы он тоже достал мне табаку.

Третьего дня за чаем кто-то окликает меня: оказывается — Антон Шварц, живет в Мисхоре, приехал сюда — здесь был вечер его чтения. Конечно, бывает в Мисхорском салоне знаменитого писателя С. Савина⁵. В Мисхоре, по словам Шварца⁶, можно отлично устроиться: записаться на какой-н<и>б<удь> курс лечения в поликлинике — тогда можно пользоваться столовой поликлиники за 125 в месяц; кормят, будто бы, не хуже чем здесь.

Ну, вот, понаписал. Напишите мне, как же у Вас в Сольцах — кроме открытки я ведь ничего не получил. Здешний мой адрес: Почт<овое> отд<еление> Байдары, Батилиман, Дом отдыха.

Е

1. Неменов Михаил Исаевич (1880—1950) — рентгенолог, профессор, председатель Всероссийской ассоциации рентгенологов и радиологов и его жена Фанни Сауловна, зубной врач.

2. Державин Константин Николаевич (1903—1956) — театровед, критик, с 1927 г. — уполномоченный Всесоюзного общества культурных связей в Ленинграде и член Художественного бюро Ленинградского Совкино.

3. Устинов Георгий Федорович (1888—1932) — прозаик-очеркист и его жена Елизавета Алексеевна Устинова.

4. Эвальд Виктор Владимирович (1860—1935) — инженер-технолог, профессор Института гражданских инженеров, председатель Общества архитекторов.

5. Вероятно, так Замятин называет Льва Савина, который начал заниматься профессиональной литературной деятельностью с 1929 г. См. примеч. 8 к п. 298.

6. А. И. Шварц.

29—VIII—1930.

Ну, Милочка Николаевна, Вы можете считать, что хлопоты Ваши насчет моего Батилимана не даром пропали: мне здесь уже нравится, жизнь как-то наладилась, чувствую себя неплохо. Отдых, может быть, даже полнее, чем на Украине¹, там как-то больше ко мне приставали, больше было людей возле, а здесь — очень один, много читаю; гуляю пока мало. Унутренности тоже наладились — вот уже дней 5; ем в день по одной сырой и по одной печеной груше и немножко винограду. Купаюсь — когда раз, когда два: обычно в 12 — перед обедом, и в 6 — перед ужином.

Последние дня три — северо-восточный ветер, холодно. Вчера утром в половине шестого меня разбудил дождь — застучал в крышу (это был чуть ли не первый дождь за лето). Так я больше и не спал: сначала слушал шум летнего ливня, потом — осеннего мелко-го дождичка. Около 8 на минутку затихло — я сбежал вниз завтракать. Дождь лил и моросил до самого обеда, было очень холодно; кому близко — ушли на свои дачи, остальные толклись до обеда в маленькой комнатке-столовой для детей (их здесь, к сожалению — изобилие).

После ужина — с 8 — был «вечер самодеятельности». Заправили Секции Научных Работников, здесь обитающие (коммунисты) — насели на меня, чтобы я читал. Ну, что ж, читал — «Мучеников науки»¹. Послезавтра в небольшой компании — человек 15 (часть — те же коммунисты), просят прочитать пьесу — «Африканского гостя» — с разговорами после чтения. Мне любопытно, что это будут за разговоры.

Сейчас 9 ½ вечера, внизу шумит море, сквозь деревья светит луна. Снизу после ужина принес себе кружечку чаю, сижу и пью — с печеньем, купленным еще в Киеве. Кормлюсь я неплохо — но надо сказать, что я на особом положении. Утром — каша (чаще всего пшенная), мне сверх того — два яйца; всем — какао на молоке, черныи пшеничный хлеб, масло; мне — чай и два белых сухаря (ем и черный хлеб), конечно — и масло. Сегодня на обед всем — вегетарианский картофельный суп, рисовые котлеты и груши; мне — тот же суп, вареный цыпленок (хоть на диете уже и не сижу и чего диетнее рисовых котлет?), печеная груша. Ужин — как всем: варе-

ный картофель с маслом (картофель — куда вкуснее нашего северного) и яичница.

Перед ужином сделал прогулку — часа полтора. Очень красивые тут места: камни, скалы. После дождя — пахнет сосной, можжевельником. Потом купался; вода теплая, но вылезать под ветром — у-ух! Погодка похожа на последние дни в прошлом году в Профессорском Уголке.

Ходить вверх и вниз — приноровился; к себе на дачу поднимаюсь только дважды в день: после обеда и на ночь. Подъем по отлогой дороге — минут 12 (это от дачи, где столовая); подъем от моря до столовой — минут 20.

Может быть с 1—3 сентября переселюсь ниже — либо в отдельный домик «кабинет Чирикова»², либо на дачу Короленко³. Его дочь⁴ жила здесь — на днях уехала; в ее распоряжении 3 комнаты на ее даче (бывшей), она предложила мне жить там, но одна комната — веранда, две другие — дурацкие — без дверей: как мне справиться со светом? Ну, погляжу.

Как же у Вас дела в Сольцах? На днях прочитал в Вечерней Правде, что температура в Ленинградской области — 27°, порадовался за Вас. Пожалуйста, сидите там подольше — если там неплохо!

Е

Получил на днях от Валечки письмо и путевку (переслали из Олефиновки).

¹) Кстати — дня 2—3 назад получил оттуда открытку от компаньонов по столу — пишут, что я уехал вовремя, что там с каждым днем все хуже (очевидно — с питанием).

Кончаю письмо — сажусь за швейную работу: чинить белые штаны и теннисную рубашку: рвется все — беда! Ну, немного еще — до конца хватит. Покупаю табак! Два фунта уже есть.

31/VIII. Вчера и позавчера почта не работала: под Севастополем было какое-то крушение, поезд идет только сегодня. Поэтому — письмо лежало два дня. Утром сегодня опять проснулся в 6 часов (соседи!). Все-таки ничего. Погода уже хорошая, не жарко.

1. Рассказ «Мученики науки» (впервые опубли.: Новый журн. 1962. № 67. С. 12—25).

2. «Чириковский кабинет» — дача, принадлежавшая писателю Е. Н. Чирикову. Отсюда в 1919 г. он уехал из России в эмиграцию. Писатель под-

робно описал свой дом и Батилиман в автобиографическом романе «Зверь из бездны» (Прага, 1926. С. 203).

3. Писатель Владимир Галактионович Короленко.

4. Короленко (по мужу — Ляхович) Наталия Владимировна или Короленко Софья Владимировна.

№ 325

2 сентября 1930 г. Батилиман

2—IX—1930

Оба Ваших спешных письма пришли одновременно — сегодня, час назад. Не очень утешительные письма! Конец лета у Вас оказался подмочен этим самым ливнем, и Вы, явно, существуете с температурой. История с квартирой — тоже благодарю покорно! Не прописать ли нам у себя Женю (комнату в Лесном он может за собою оставить). Боюсь, что Вы правы: из-за квартирных дел и институтских, пожалуй, придется сначала ехать в Питер, а уж потом — в Москву. Точно зафиксировать день выезда — трудно: билеты доставать нелегко (достает их Дом отдыха). Вероятно, выеду 16-го — 18 сентября, не позже.

Насчет житья своего здесь послал два длинных закрытых письма отсюда — одно третьего дня. Думаю, что они — хоть с запозданием — но дошли. Живу очень неплохо, с кишками — все ладно, ем — как большой — по фунгу винограда в день. Винограду достать и привезти будет нелегко: в свободной продаже его нет, только через кооперацию, а там — по нормам. Ну, авось устроюсь.

Вот сейчас, от едущих сегодня узнал, что с мягкими местами на Л<енин>гр<ад> — очень трудно. А ехать (три ночи) в жестком — ой, ой! Как бы из-за этого не пришлось ехать через Москву.

Посылаю заявление в Профсоюз. Кроме этого заявления анкеты в письме никакой не было. Поэтому заработок не указываю (в заявлении нет соответствующей графы). Посылаю листок (два) с подписью — на всякий случай. Или, может быть, речь идет об анкете для кооператива? Та уже давно мною послана.

Напишите открытку о получении этого письма: посылаю его с оказией — хотя и верной (проф. Эвальд).

Е

В Институт пишу отдельное письмо: болен и прочее...

№ 326

9 сентября 1930 г. Батилиман

9—IX—1930

Ну, Мила Николаевна — это последнее письмо отсюда: на 16-е заказан уже билет, прямой — на Ленинград. Если не достанут прямого — придется ехать через Москву, тогда, м<ожет> б<ыть>, задержусь там дня на два — только сделаю предварительную рекогносцировку, а кончать дела — приеду из Петербурга. Стало быть, в пятницу, 19-го, или 21—22-го — если поеду через Москву — буду дома.

Здесь с 6-го переселился в «Чириковский кабинет». Добиться было трудно, но зато — это идеально: маленький отдельный домик в одну комнату между скал, никого ни над головой, ни рядом, отдельная веранда. К сожалению, привык просыпаться в начале 7-го, и даже здесь просыпаюсь все так же; только вчера спал 9 часов, потому что утром лазал на гору Куш-Кайя — и очень устал (путешествие туда и обратно — 5 ½ часов!).

Тем не менее — опять поростиславел. Отношу это на счет винограда. Внутренности — работают ладно.

Виноград для Вас и детей — кажется, удастся достать и привезти. А для себя — достал вчера 3 ф<унта> хорошего табаку. Хорошего! Дорого, но надо покупать — и, кажется, куплю еще, растрочу на это всю свободную наличность.

Сегодня — опять лето и теплое море! А то все дни — было осенне, свирепый ветер, море холодное — 9—10°, купался — вернее окунался — не каждый день. Сейчас иду на солнце, потом — в воду.

Е.

№ 327

Телеграмма

16 сентября 1930 г. Севастополь

Через Москву дома вероятно воскресенье

Е. И. Замятин, В. П. Ключарев, Л. Н. Замятина. Ленинград. 1930 г.

№ 328

3 июня 1931 г. Москва

3—VI—1931

Наверное, послезавтра Сергеев будет звонить Вам, что я уехал из Москвы в country* — так Вы не верьте. Верно, что хотел — и даже сегодня утром уже начал собирать вещишки — но... звонок по т<e>-л<e>ф<ону> от вахтанговцев: «билет на пароход не достали — надо за 7 дней» (просил их достать билет).

Тем дело и кончилось. Остался. В Лебедянь, что ли, съездить? Да уж, кажется, тоже поздно: опять сегодня Крючков уверял, что вопрос — дней. Послезавтра, вероятно, поеду на дачу к старику¹ — ему лучше.

Сейчас опять сижу у Марии — она даст мне стакан кофе (давно не пил!), а потом, к 4-м, иду к своему режиссеру, к<оторы>й будет

---

* деревня (англ.).

ставить «Елу»²: там совещание по поводу либретто совместно с заведующим литературной частью Совкино. Третьего дня был на фабрике, подписал договор на либретто — должен сдать 10-го июня. Получил аванс 500 (невозвратный): если либретто пройдет — получу еще 500.

Из-за кинодел покупками несколько дней не занимался. Мажет быть — пойду завтра или послезавтра (завтра утро буду сидеть над либретто). Все нет подходящих номеров обуви ни для меня, ни для Вас.

Мария Николаевна получила от меня 3 пары чулок, папиросы, немного чаю и кофе, сыр.

Спал по 6—7 часов: наверху жильцы поднимают стук с 8 ½ утра. Кишки — не весьма.

Недавно был у Вересаева. Его дача в Коктебеле пустая, предлагает жить там. Хорошо бы, но как с пропитанием? Наверно, есть нечего.

Ну, надо бежать. До свидания.

6 час.

Режиссер обманул — не пришел. Пообедал в доме Герцена (сегодня — неплохо) и иду к О. Л. Книшпер: это у меня пристань днем, чтобы не тащиться на Мещанскую. Попробую созвониться оттуда с режиссером и увидеться вечером.

Какие летние дни! Липы цветут, а я пропадаю в камне... как и Вы.

Е

1. М. Горькому.

2. Идея инсценировки рассказа Замятина «Ела» возникла в начале 1929 г. — тогда А. П. Нелидов передал режиссеру киностудии «Межрабпом-Русь» Юрию Андреевичу Желябужскому рассказ и известил об этом Замятина (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 147. Л. 3). Тогда же Замятин получил от Желябужского письмо (не датировано), в котором режиссер просил разрешить ему инсценировать рассказ и сообщил о своем желании поставить по нему фильм (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 77). Этот проект осуществлен не был. Здесь, вероятно, речь идет о новом проекте с другим режиссером.

№ 329

16 июня 1931 г. Москва

16—VI—1931

Если бы не этот черт Борис Васильевич¹ — я бы написал и послал письмо еще вчера: вчера утром — на день раньше — он вва-

лился домой. Хорошо еще, что с вокзала позвонил — я успел раздеться и прибраться немного. А потом пришлось сидеть с ним, а потом — укладывать багаж и искать нового приюта...

Пристанище у него — не клад: в сущности, не две комнаты, а одна, потому что дверей из спальни в столовую нет, и если в этом двухкомнатном помещении уже есть один человек — мое дело пропащее.

Поэтому вчера же к вечеру перебрался к Книппер. Тут — тихая комната, одно окно, дверь — есть как будто все, что нужно. Но кроме того, что нужно, есть еще и лишнее: клопы... Спал сегодня часа 4 только; выходит, надо мне, вечному жиду, искать новую жишплощадь. Вот сейчас напишу письмо и пойду. М<ожет> б<ыть>, проживу здесь до завтра: завтра придет с дачи Вс<еволод> Иванов — ткнусь к нему; установил контакт с Подгорным² — м<ожет> б<ыть>, устроюсь у него. Третьего дня был у Ольги Серг<еевны>³: там из кабинета, где я всегда обитал, вынесли тахту, сняли занавеси — поселить меня будет много возни, неохота (сегодня приглашен туда к обеду).

Это — моя квартирная жизнь. Пока — адрес Бор<иса> Вас<ильевича>, я с ним буду в контакте.

Для дел — первый день после приезда пропал: в вагоне (хотя белье, за мзду, и достал) спать не удалось, ходил весь день и разваливался. Единственным занятием было: висел на телефоне, звонил Крючкову — насчет свидания с А<лексеем> М<аксимовичем>⁴. 13-го это устроить не удалось, да и к лучшему: какой уж я был разговорщик в этот день! Уговорились на воскресенье, 14-го, к часу дня.

С часу просидел там до... 6 вечера, с прокормом. Были только свои да Александр Николаевич⁵. Старик был очень любезен. Из этих 5 часов деловых разговоров было полчаса, вдвоем. Результат: взялся хлопотать и сегодня или завтра мое письмо «в собственные руки». От путешествия сначала отговаривал и предложил окончательный мой ответ отложить на день, т. е. до вчера. Вчера около 3-х было вторичное свидание, опять попал в самый обед. После обеда, часа в 4, попросил письмо передать, распрощались — он на дачу, я — на второй обед: к Меламеду.

Познакомился с ихней супругой: очень милая, пикантная женщина. Как раз вчера вернулся из своих странствований его приятель и сообщил, что кроме пенсне — выполнил все мои заказы, купил все — вплоть до коричневого костюма. Все это дней через 10 придет с его багажом — и с его женой. Мелам<ед> в конце июня уезжает домой. До этого будет в Ленинграде — числа 22—23. Жаль, если я к этому времени не вернусь. Покупок здесь еще не начинал.

У Марии Ник<олаевны> был 13-го. Она очень разочарована, что я приехал один.

С Мих<аилом> Аф<анасьевичем> пока только созванивался; увидимся, вероятно, только завтра.

Вечером завтра, должно быть, буду у Бор<иса> Вас<ильевича>.

1. Борис Васильевич Крылов.

2. Подгорный Владимир Афанасьевич — артист МХАТ 2-го жил по адресу: ул. Станкевича, 20, кв. 7.

3. О. С. Щербиновская.

4. С. М. Горьким.

5. А. Н. Тихонов.

№ 330

22 июня 1931 г. Москва

22—VI—1931.

Письмо это пишется на Елецком пер<еулке> — в ожидании обеда (по ленкублитовски: судак). Зато завтракал сегодня по-американски. После завтрака отправился за покупками. Для Вас кое-что нашлось, но не все. Есть хорошие лакир<ованные> туфли, но размер 35 (для калош № 2 — нужно 34); на мой взгляд — туфли будут великоваты, но, может быть, все же купить? Есть недурные серые № 34 — но с франц<узским> каблуком, ведь такие Вы не любите? М<ожет> б<ыть>, на днях будут и № 34, но надеяться — не очень надеюсь. Так что напишите поскорей насчет лакир<ованных> и серых — брать ли какие-н<и>б<удь> из них. М<ожет> б<ыть>, даже разоритесь на спешное письмо.

Для меня в магазине, кроме носков, к сожалению, ничего не нашлось. Готовые синие костюмы — очень неважного, грубого материала. Ботинок — нет; говорят, на днях будут. Вообще — не очень богато и пышно.

Прочие мои дела — в неизвестности. Вчера узнал только, что мое заявление пошло по начальству, но результаты еще неизвестны. Подожду еще несколько дней, тем более, что есть здесь и кой-какие другие дела: с кинофабриками.

Во-первых, кажется, опять воскресает либретто «Ельы»¹, и со мною как будто хотят договариваться о надписях (фильм — немой). И вторых, первому из читавших либретто «Подземелье Гунтона»² — эта вещь показалась очень интересной, так что она пускается даль-

ше в ускоренном порядке и, м<ожет> б<ыть>, 25-го уже буду знать результаты.

24-го пойду посмотреть «Сенс<ацию>» с Бэрнсом—Кузой³. «Сенс<ация>» в июне шла 3-го, 4-го, 15-го, пойдет 24-го и 27-го. Затем ее везут на 6—8 спектаклей в Харьков. После спектакля 24-го будет читаться «Рождение Ивана»⁴.

Ну, вот как будто и все мои новости.

На новой квартире — хорошо: темно, тихо, старушка — очень приятная. М<ария> Н<иколаевна> выбрала мне овсянки — ем по утрам; она же снабдила меня десятком яиц. Сегодня не выспался — потому что вчера вечером неожиданно появился хозяин квартиры, то—сё: разговоры — легли в 2, проснулся в половине девятого. Ну, ничего: день сегодня — не очень трудовой. Вечером, д<олжно> б<ыть>, пойду к Дикому или к Николаю. А вообще многих знакомых в Москве нет, болтаюсь как-то зря, время идет не очень интересно.

«Линия огня» здесь⁵ — все говорят — успеха не имела — скучища.

Е

Я — очень умный, что купил плохой кошелек: третьего дня вытащили в трамвае в давке. Денег было немного, но... ключ от квартиры, где я живу, и ключ от чемодана. Очередное приключение...

Да, еще: относительно бумажной ткани. Что такое — «сколько можно»? Можно и 10, и 20, и 50 метров. Сколько примерно Вам надо и на какой это предмет — мне бы знать хоть приблизительно, а то куплю черт знает чего.

1. Сценарий по одноименному рассказу Замятина. Рассказ «Ела» написан в начале 1928 г., опубликован в альманахе «Писатели Крыму» (М., 1928). Текст сохранился (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 1, № 163, 164).

2. В архиве Замятина в ИМЛИ сохранился план пьесы «Подземелье Гунтона» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 1, № 162).

3. Роль Уолтера Бэрнса исполнял также А. И. Горюнов.

4. Предполагалось, что МХАТ 2-й будет ставить пьесу Замятина «Рождение Ивана». Владимир Подгорный и Юрий Соболев в письме от 2 апреля 1931 г. сообщили Замятину: «Мы своевременно получили Ваше письмо и экземпляры либретто <„Рождение Ивана“ — М. Л.>. Прочитав либретто еще раз, мы с еще большей уверенностью считаем нужным сказать, что будущая пьеса представляется нам большим художественным явлением. В Реперткомэ, к нашему огорчению, заявили, что они принципиально либ-

ретто не читают. Взгляд же их на автора (Замятина) таков, что о его пьесе они считают возможным судить именно по получению пьесы и не иначе. Откровенно сообщая Вам об этом заявлении, мы, все же решаемся просить Вас не бросать работы. Мы верим, что пьеса „Рождение Ивана“ будет хороша» (ИМЛТИ. Ф. 47, оп. 3, № 162. Л. 3). Замятин в июне 1931 г. отправил 2 экземпляра пьесы В. А. Подгорному в Тифлис (Театр им. Вахтангова находился там на гастролях), тот прочитал пьесу, передал ее для чтения Б. М. Сушкевичу и И. Н. Берсеневу (там же. Л. 4). 10 июля в письме Замятину Подгорный сообщил о своем отрицательном отношении к пьесе и о мнении И. Н. Берсенева: «Это „совершенно невероятное событие“ не в плане и не в стиле нашего театра» (там же. Л. 6—6об.).

5. Спектакль Камерного театра по пьесе Н. Н. Никитина «Линия огня». Постановщик — А. Я. Таиров. Художники — В. и Г. Стенберги. Премьера — 6 июня 1931 г.

№ 331

25 июня 1931 г. Москва

25—VI—1931

И это письмо пишется на почтовом отделении Елецкого переулка, содержимом Ильинскими.

Только что М<ария> Н<иколаевна> передала мне письмо. Анат<олий> Сем<енович>¹ мне письмо передал; поручения по возможности будут исполнены — сомневаюсь только, удастся ли купить часы.

Сегодня — «в делах, в делах», как говаривал Павел Елисеич². Больше всего возни с кинофабриками и фильмами. «Еретик» понравился на Совкинофабрике — завтра у меня по этому поводу свидания со Смирновым; но, думаю, это не выйдет — постановка слишком дорогая и сложная. Гораздо больше шансов насчет «Подземелья Гунтона» — м<ожет> б<ыть>, ответ будет завтра.

А нынче вечером — свидание с режиссером, к<оторо>му дают для постановки «Елу».

Завтра Ал<ексей> М<аксимович> будет в городе; вероятно, увижусь с ним и хоть что-н<ибудь> узнаю. Если ответ неизвестно когда — уеду из Москвы.

Завтра же днем — предполагал идти делать покупки; как все это удастся совместить — не знаю.

Спираль не нужна: старушка, оставленная при квартире, снабжает меня кипятком.

Утром сегодня в половине десятого — я только что начал обтирание — ввалился Борис Никол<аевич>³. Поил его чаем; просидел почти до часу; из-за этого все сдвинулось — и тороплюсь.

Е

Пожалуйста, позвоните 40—79 Ек<атерине> Петр<овне> Зариной⁴ — пусть пришлет за письмом.

1. Хирург Анатолий Семенович Максимович жил неподалеку от Замятиных — в Ковенском пер., 23, о чем свидетельствует письмо М. А. Сергеева к Е. М. Тагер, относящееся к началу 1960-х гг. (ОР РНБ. Ф. 1177 (Е. М. Тагер)).

2. П. Е. Щеголев.

3. Борис Николаевич Бугаев (А. Белый) приехал в Москву 24 июня, чтобы хлопотать об освобождении жены Клавдии Николаевны Васильевой (она была арестована 30 мая в Детском Селе и отвезена в Москву на Лубянку). 26 июня он написал заявление в коллегиию ОГПУ с изложением некоторых обстоятельств, сопутствующих аресту (см.: *Минувшие*. Вып. 12. С. 353; Вып. 15. С. 300).

4. Зарина Екатерина Петровна (1882—?) — ассистент Ленинградского машиностроительного института, Ленинградского кораблестроительного института, Государственных курсов иностранных языков, преподаватель немецкого языка. Жила по адресу: Саперный пер., 19, кв. 6.

№ 332

29 июня 1931 г. Москва

29—VI—1931

После двух холодных дней — два дня настоящее лето, жара. Надоело сидеть в московских камнях, устал, скверно сплю — третьего дня неизвестно почему заснул только часов в 5. Невыспанный хожу уже дня 4. Кисбчки¹ — тоже: день хорошо, день плохо. Обедаю чаще всего в доме Герц<ена>: дорого и не очень важно.

А уехать — еще нельзя. От Петра П<етровича>² один и тот же ответ: «Должно разрешиться на днях. Подождите, не уезжайте». Позавчера сказал, что требуется экземпляр «Ат<иллы>» — я передал. Сегодня опять звонил — хотел уж сам поехать на дачу к А<лексею> М<аксимовичу>. Ответ: «Не выйдет. Он серьезно болен, кровохаркание, там сидят врачи». А я сижу у моря и жду погоды. И так как погода превосходная, то сейчас (2 часа) еду на дачу к В<севолоду> Иванову: авось, день погуляю — отдохну.

Завтра утром — тоже путешествие за город, на кинофабрику: подписывать договор на либретто «Елы» и получать аванс³. С «Под-з<емельем> Гунтона» — дело провалилось: решили, что мало показан общественный элемент, а острая личная интрига — еще более отодвигает его на задний план. С «Еретиком» — еще неизвестно.

Вчера встретился с директором МХАТа 2-го. Уговаривал кончать пьесу. Сообщил, что первой новой постановкой осенью будет возобновление «Блохи»⁴ — которая будет репетироваться в Л<енин>-гр<ад>е, в сентябре⁵.

Одно мое письмо, д<олжно> б<ыть>, не получено: я просил написать, сколько примерно надо купить маркизета, батиста или др<угой> тонкой ткани — и еще: покупать ли лакир<ованные> туфли № 35 (для калош № 2 нужен 34 № — которого все нет) или купить серые туфли № 34 с французск<им> каблуком. Выбор вещей в магазинах стал очень бедный; для меня ботинок подходящего № все нет.

Мел<амед> уезжает завтра.

Если выяснится, что мне придется прождать еще неск<олько> дней — м<ожет> б<ыть>, уеду на дачу, в деревню — на пароходе по Москве и Оке, там живет один знакомый профессор. Это лучше, чем зря торчать здесь (зря — потому что к этому времени мои кинодела будут закончены).

Не пожить ли Вам пока в комнатах Бор<иса> Ник<олаевича> в Детском⁶?

Бандероли посланы — просто, чтобы поменьше было багажа, а то он растет понемногу.

1. Кишочки.

2. От П. П. Крючкова.

3. Договор с Московской кинофабрикой на экранизацию рассказа «Ела» был подписан Замятиным и директором кинофабрики В. Л. Степановым. По условиям договора авторский гонорар составил 1000 рублей. На тексте договора дата: «28/VI—31 г.» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 104).

4. Замятин работал над новыми текстами для возобновления спектакля «Блоха» в МХАТ 2-м. 11 декабря 1929 г. Владимир Афанасьевич Подгорный писал Замятину: «Наше Художественное Совецание при Дирекции, выполняя директивы Главискусства, постановило ввести в спектакли, форма которых допускает это, нечто вроде политических интермедий. Считая, что форма «Блохи» допускает эти интермедийные вставки, мы обращаемся к Вам с просьбой дать текст таковых». Далее он предлагал автору «Блохи» ввести фразы, отмечающие то или иное «современное политическое событие или общественно-важное явление» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 162).

Л. 1). Предполагалось, что «Блоха» будет возобновлена в декабре 1930 г. — об этом В. А. Подгорный сообщал Замятину в письме 13 октября. Однако, сроки возобновления отодвинулись на осень 1931 г. 20 октября 1931 г. Подгорный написал Замятину: «<...> первое представление «Блохи» по возобновлении, назначено на 15 ноября. Следующие спектакли 21-го и 29 ноября. Кроме того — «Блоха» с февраля мес<яца>, включается в абонементные спектакли» (там же. Л. 8).

5. Предполагалось, что «Блоху» МХАТ 2-й будет репетировать во время гастрольных выступлений в Ленинграде.

6. С апреля 1931 г. Б. Н. Бугаев (А. Белый) и К. Н. Васильева поселились в Детском Селе в доме вдовы историка В. В. Сиповского Елены Львовны Сиповской (они занимали одну из комнат). В ее же доме (Октябрьский бульвар, 32) жил Иванов-Разумник с семьей.

№ 333

9—10 июля 1931 г. Москва

9—VII—1931

Вечер — десятый час. Сиджу у себя во дворе на скамеечке, слегка пахнет липой с соседнего двора. Вечер — изумительный, а для меня — пропащий, еще один из многих. Вот сейчас набросаю это письмо, выпью чаю — и за работу: надо кончить либретто «Елы»¹. А ночью — никак не мог заснуть (вчера вечером работал — должно быть, от этого), голова — оловянная. Из-за этой работы и из-за Горького, к<оторы>й все время кормит меня завтраками и все откладывает наше свидание с ним — никуда не поехал, пропадаю здесь.

Сегодня — телефон: вероятно, свидание — послезавтра утром (11-го); и вероятно — к этому времени будет ответ. Сегодня за обедом Алекс<андр> Ник<олаевич>² передавал мне, что есть слухи, будто дело мое не вышло — но это пока так, «кулуарные сплетни».

10—VII.

Была небольшая гроза, стало чуть легче. Все утро (вернее, день: сейчас уже около 5 ч<асов>) сидел, работал. Вчера заснул часов в 6, встал в 9 ½ — и ничего, жив, даже лучше чем вчера.

Сегодня работать вечером не буду: авось, буду тогда спать.

Сегодняшний телефон: аудиенция, вероятно, завтра вечером — в 5 поеду туда, на дачу. И будто бы — будет уже ответ.

Утром 12-го, часов до 2-х, 3-х — постараюсь позвонить Вам по телефону. Тогда, думаю, уже выяснится срок моего (наконец!) выезда из Москвы.

Вчера был у Марии и получил Ваше письмо. Если еще застряну — конечно, приезжайте: устроить жилье — нетрудно, хотя бы у Мих<аила> Аф<анасьевича> (он сейчас один) или у вахтанговцев.

Е

1. Сценарий был закончен и сдан на кинофабрику, но не был принят. 23 июля 1931 г. заведующий сценарным отделом известил Замятина о том, что сценарный отдел отклонил либретто «Елы» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 105).

2. А. Н. Тихонов.

№ 334

10 августа 1931 г. Ленинград

Лгр 10—VIII—1931

2 часа дня

Только что ушла Зарина — сидели опять с ней с 11 ч<асов> над немецк<ой> грамматикой для института¹; наконец — готово. А 5-е и 6-е в городе и 8-е в Петергофе (весь день лил заулемный дождь) я просидел над английской грамматикой; вероятно — тоже кончу сегодня.

5-го вечером у меня были гости — Серг<ей> Дмитр<иевич>² с супругой, Шторм³, еще кой-кто. В 11 вечера позвонил Мих<аил> Мих<айлович>⁴: идти после 12 к Орнальдо⁵. Соблазнился — и ругал себя потом: ничего интересного не было, только ужин, вино, много народу. Лег около 5, проспал пароход.

Днем (6-го) звонил Ливанов⁶: жаждет придти ко мне с молодой женой. Уговорились — решил остаться на вечер в городе. Случайно забрел вечером Губер⁷, потом Мих<аил> Мих<айлович>, а Ливанов позвонил в 11, что его задержали — может придти только к 12; я сказал, что поздно. Вероятно, припожалует сегодня.

В Петергофе — купаюсь каждый день, удалось выбрать «сухие» полчаса даже 8-го. Говорят — поправился. Но если это так, то причины тому чеснок и петергофский воздух, а никак не питание: оно — с каждым днем все хуже. Вчера — не угодно ли: завтрак утренний — хлеб, масло и кислый творог — долой! обед — щи, соленейшая треска с винегретом и жуткое песочное пирожное — долой! Обед сделал себе сам (яйца, какао, овсянка) — на спиртовке. М<ожет> б<ыть>, сегодня Анат<олий> Сем<енович>⁸ устроит там обеда в другом Доме отдыха, а то прямо хоть уезжать оттуда.

Завтра с пароходом уеду и вернусь 12-го, чтобы пойти по паспортным делам. Хотя думаю, что раньше 14-го едва ли что будет.

Насчет Лебедяни — хорошо бы, конечно, Вам туда уехать с Марией⁹, но все равно — пока нет оттуда ответа от Алекс<андры> Ив<ановны>¹⁰, придется сидеть в Москве. И потерпите еще лишних 2—3 дня, чтобы в случае необходимости поговорить опять с Петром Петровичем¹¹. Если, скажем, 12—14 здесь ничего из Москвы получено не будет, я пошлю Вам тотчас же срочную телеграмму — «звоните Крючкову» — и позвонивши, Вы поедете в Лебедянъ (конечно при условии, что к этому времени, у Вас будет ответ из Лебедяни).

А что ж другой проект — насчет путешествия в Зубцов¹²? Говорили Вы по этому поводу с Мих<аилом> Афанас<ьевичем>?

Кстати: что значит, что он «в трансе»¹³? Завидует — или что?

Приехал Кроленко¹⁴: даже он напуган условиями путешествия, хотя жить в деревне — было очень хорошо.

Если не выйдет отдыха в Леб<едяни> — я еще не совсем бросил мысль о Коктебеле. Мне что: с 1 сентября — по Институту я в отпуске.

Отчего Вам не жить у Андр<ея>, если в той комн<ате>, где Вы сейчас — шумно и клоповато? Или позвоните Липочке — она Вам устроит помещение (дом<ашний> т<е>л<е>ф<он> 75—51; служебн. 68—79). А почему бы Вам с Марией не проехаться на 2 дня на паро<оде> по Москве и Оке? Это Лип<очка> может организовать.

Поздравляю Вас с выигрышем по займу! Везет Вам как в покер.

Посылаю спешное вместо телегр<аммы>, потому что простую телегр<амму> все равно получите сегодня веч<ером> или завтра днем.

Сегодня первый раз после Вас обедал дома — обед был шикарный: суп рис<овый>, лососина и цветн<ая> капуста. Пишите мне почаще!

1. Вероятно, речь идет о книге «Сокращенная немецкая грамматика». Книга вышла только в 1932 г., имени Замятина среди ее авторов не было (см.: Бубелло Н. П., Зарина Е. П., Подревенская А. И. Сокращенная немецкая грамматика / Под общ. ред. Е. П. Зариной. Л., 1932). Возможно, Замятин принимал участие в еще одной работе, подготовленной Е. П. Зариной (см.: Зарина Е. П. Немецкая хрестоматия для кораблестроителей. М.; Л., 1932. Ч. 1).

2. Вероятно, Мстиславский (Масловский) Сергей Дмитриевич (1876—1943) — журналист, писатель.

3. Шторм Георгий Петрович (1898—1978) — писатель, автор книг: Карма Йога: Поэма (Ростов н/Д, 1921); Вещие вещи: Рассказ (М., 1927); Ход слова (М.; Л., 1930).

4. М. М. Зощенко.

5. Орнальдо Дора Петровна и Орнальдо-Смирнов Николай Андреевич — артисты, жили на пр. Нахимсона, 4.

6. См. примеч. 4 к п. 310.

7. Губер Петр Константинович (1886—1941) — прозаик, литературовед, переводчик. Заведовал Лавкой писателей в Ленинграде.

8. А. С. Максимович.

9. С. М. Н. Ильинской — сестрой Людмилы Николаевны.

10. От А. И. Волковой.

11. П. П. Крючков.

12. Зубцов — небольшой городок — место, где река Вазуза впадает в Волгу. Вероятно, М. А. Булгаков предложил Замятину воспользоваться приглашением Наталии Алексеевны Венкстерн (она в середине июня 1931 г. в телеграмме пригласила его с женой приехать в Зубцов на летний отдых). Сам Булгаков пробыл в Зубцове с 10 по 21 июля, после его отъезда в Зубцове оставалась его жена Любовь Евгеньевна Белозерская (см.: *Булгаков*. С. 459—600).

13. О том, что Булгаков находился «в трансе», свидетельствует письмо Булгакова В. В. Вересаеву, написанное 22—28 июля, в котором он описал свое душевное состояние и в частности: «У меня перебито крыло <...> Есть у меня мучительное несчастье. Это то, что не состоялся мой разговор с генсекром. Это ужас и черный гроб. Я иступленно хочу видеть хоть на краткий срок иные страны. Я встаю с этой мыслью и с нею засыпаю» (*Булгаков*. С. 460).

14. А. А. Кроленко вернулся с Украины, из Олешивки (ОР РНБ. Ф. 1120, № 224. Л. 36 об.—54). Пройдет три месяца и 15 ноября 1931 г. Кроленко примет участие в проводах Е. И. и Л. Н. Замятиных за границу. Его дневниковая запись, сделанная в тот же день, является пока единственным свидетельством о дате и об обстоятельствах отъезда Замятиных из Ленинграда (см. ОР РНБ. Ф. 1120, № 225. Л. 39 об.).

ПИСЬМА К М. А. ЗАМЯТИНОЙ

№ 1

Конец 1880-х — нач. 1890-х гг. Лебедянь

Милая мама я
жыф и здароф¹ как папино здаровие тебе желаю здаровие и
Сани² милая мама Я немного скучаю поетому пиежжай как можно
скарей в портфеле лежыт бумажная штучка незабудь купи мне са-
поги ато мне вытти нельзя встарых башмакашках Милый папа за-
писываю расхот вчара Алекандра Васильна приезжала и написала
тебе письмо Катя тоже здорова атветь когда фстречать вас и целую
вас всех

будте вы все здоров

сынтвой Женя Замятин

К письмам Замятина приложен конверт с карандашной пометой М. А. Замятиной: «Женички письма».

1. Детские письма Замятина воспроизводятся с максимальным приближением к оригиналу.

2. А. И. Волкова.

№ 2

Конец 1880-х — нач. 1890-х гг. Лебедянь

Дорогая Мама!

Я здоров, а Саня больна, но ты не беспокойся, прочитав эти слова. Саша больна не опасно: у Сашки железы её мазали вчера иодом. На двор гулять ни разу не ходили. Наша коза стала брухаться. Астры наши в банке с луком взошли. Ем постное, яйца и молоко. Весна! ручьи текут, снег тает, дождь идет.

Крепко целую тебя. Твой сын Ж. З.

Мне Папа привез книг из прогимназии Семья и Школа за 1878 г.

Мы ждем не дождемся когда ты приедешь.

К письму приложены шесть рисунков Замятина с его надписями: «Сказка», «Нимфы», «Амур», «Старички Дида, Лило и Мика», «Старичок Лилла», «Марс», озаглавленные общим названием «Картинки».

Милая мама я

знаю и здоровья • как поживаете

теперь стало здоровее и сами знаете мама я

немного скучаю постолю пискать как ~~ка~~

~~моя~~ шарей ~~фра~~ в портфеле и др. сойт

одумавшая итушка незачем купи мне
сапоги ато мне вытти илль

встаричь баиннааинька

милый папа записываю

растор ~~то~~ ~~ка~~ александр

едаильна • приезжай ^{зав} и напиши

тебе письмо Катя тебе здоровья

а тебе когда • стрегать ~~б~~ ~~а~~

и целую ~~б~~ ~~а~~ • с любовью

здрав
здравствуй

ПИСЬМА, ТЕЛЕГРАММЫ, ЗАПИСКИ И ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ

ПИСЬМА К НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ (КАТЕ)

№ 1

Февраль 1892 г. Лебедянь

Милая Катя! как ты поживаешь? котик наш совсем вырос а я совсем выучился писать я теперь учу арифметику. у нас отелилась телушечка но мы ее продали Зинаиде михайловне

Катя как я написал тебе пожалуйста ответь на его мое письмо пожалуйста не думай что его написал не я вот моя к тебе прозба: привези мне майския ночи книгу Евгений Иванович Замятин

№ 2

26 февраля 1892 г. Лебедянь

Милая Катя здравствуй!

Почему ты так долго нам не напишешь письма? Весело-ли ты проводишь время? Слышала ли ты что вышел 2-й выпуск билетов благотворительной лоттереи. Папа подарил мне и Саше по 1-му купону.

Тебе Бабушка тоже купила на твое имя 1-н купон. Может быть ты счастлива и тебе достанется тысяч 20. У нас был целый билет (т. е. 5 купонов) 1-й лоттереи да жаль что ни чего не досталось.

Теперь папа завален делами: он состоит председателем в комитете о голодающих и папе прислали 2 вагона ржи и овса и папа должен роздать на каждое село и к нему из разных сел приезжают за получением ржи и овса священники. Папа рожь и овес роздает по весу и потому купил весы.

Мы эту зиму слава Богу здоровы; но чтобы я и Саша еще больше окрепли здоровьем мама купила нам рыбьяго жиру и мы уже пьем его 3-и недели. Я и Саша часто выходим гулять. Милая Катя твой любимчик котик Мурка заболел у него завелся солитер и нам было жаль его убивать и мы его отдали.

Милая Катя мне купили новый хороший мячик за 75 копеек. Купила мне его мама. Знаешь ли Катя мы себе купили крещенской ярмаркой лошадку очень красивую цвет ея черенкий и назвали мы ее Зоркой. Евгений Замятин. 1892-го года февраля 26 дня.

ПИСЬМО Е. П. КАЗАНОВИЧ

23 октября 1923 г. Петроград

Очень прошу извинить, что все откладывал с ответом: не мог отыскать рукопись рассказа, из которого хотел читать в воскресенье. Теперь нашел — могу прочитать часть (половину) «Рассказа о самом главном»¹; читать все — пожалуй, много, больше часу.

Евг Замятин.

23—X—1923

К письму приложен конверт. На нем рукой Замятина написано: «Мой-ка 21 кв. 6 г-же Е. Казанович».

Казанович Евлалия Павловна (1886—1942) — литературовед, с 1913 по 1929 г. работала в Пушкинском Доме, с 1919 по 1929 г. заведовала его библиотекой. См.: Из дневников Е. П. Казанович / Публ. В. Н. Сажина // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 160—180.

1. «Рассказ о самом главном» — написан Замятиным в 1923 г. Это одно из наиболее значительных его произведений начала 1920-х гг. На одной из авторских черновых редакций (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 1, № 82—84) стоит авторская дата: «1.VI.1923» (см.: Соч. С. 545). «Рассказ...» был опубликован в журн. «Рус. современник» (1924. Кн. 1. С. 11—39).

ПИСЬМО М. М. ЗОЩЕНКО¹

20 марта 1924 г. Ленинград

Дорогой Михаил Михайлыч. Как же Ваши паноптические дела²? От Вас ни слуху — ни духу. Или Вы заняты на крышах мартовским делом? Если, невзирая на это, есть что для Паноптикума — пришлите.

И еще: как Ваша повесть³? Мне об ней уж накапали в мозги. Когда покажете?

Евг Замятин

20—III—1924.

Это письмо к Михаилу Михайловичу Зощенко связано с работой Замятина в ред. журн. «Рус. Современник».

1. Адресат атрибутируется по содержанию.

2. Замятин имеет в виду третий раздел журн. «Рус. Современник», который был назван: «Паноптикум» и начинался эпиграфом из А. Блока «От-

крыт паноптикум печальный...» В этом разделе из номера в номер (за исключением третьего номера) печаталась «Тетрадь примечаний и мыслей Онуфрия Зуева». В «Тетради...» автор в маске простака-книгочая регистрировал неточности и несообразности в современной печати. Все это было пропущено сквозь призму хаотически усвоенных героем стереотипов, характерных для обывателя 1920-х гг. К. Чуковский в июне 1969 г. в беседах с М. О. Чудаковой свидетельствовал: «Онуфрий Зуев — это был Замятин. Я поставлял ему материал из текущей печати, а он писал» (Соч. С. 506).

3. Первые повести М. Зощенко «Коза» и «Аполлон и Тамара» были опубликованы в сборнике «Картонный домик: Рассказы» (Пг., 1923). Следующие две — «Мудрость», впервые напечатанная в журн. «Прожектор» (1924. № 15), и «Люди» наряду с двумя первыми вошли в сборник «Веселая жизнь» (Л., 1924). Повести «Страшная ночь» и «О чем пел соловей» в 1925 г. были опубликованы в 1 и 2 кн. альманаха «Ковш». Какую из них в данном письме упоминает Замятин, установить не удалось. В связи с неудачным переводом одной из них на немецкий язык Д. А. Уманским С. П. Либерман писал Замятину 2 сентября 1925 г. из Берлина: «С «Козой» Зощенко произошла дичь — Уманский ее наполовину выбрил» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 122. Л. 3).

ПИСЬМО К. М. ЖИХАРЕВОЙ

2 августа 1926 г. Лебедянь

2—VIII—1926

Дорогая Ксения Михайловна,

у меня к Вам просьба — как к секретарю Правления Союза: сочините мне от Союза удостоверение, что-де такой-то состоит членом Правления Союза и направляется Союзом для лечения туда-то. А это самое «туда» — я впишу сам, потому что пока еще и сам не знаю, где оно это «туда» находится. Здесь погода — неважная, надо отсюда уезжать, и если только удастся получить из Питера деньги — непременно продвинуть куда-нибудь к югу.

В прошлом году такую же бумажку от Союза я брал и она в Кисловодске мне помогла: на всякие лечебные операции сделали скидку в 30% — авось, поможет где-нибудь и теперь.

Если можно, пошлите удостоверение заказным и не задержите с ответом.

Привет.

Евг. Замятин.

Адрес: г. Лебедянь, Тамб. губ., Покровская ул., 12, В. А. Платоновой.

Ксения Михайловна Жихарева (1876 или 1879—1950) — переводчица, сотрудник секретариата Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей.

Сохранилось ответное, недатированное письмо Жихаревой к Замятину, написанное на бланке Всероссийского Союза писателей. Письмо начинается так:

«Дорогой Евгений Иванович,
посылаю Вам удостоверение — такое же, как прошлогоднее <...> магическое действие его на администрацию курортных учреждений уже испытано. Не написала «член Правления», п<отому> что Федор Кузьмич <Сологуб — М. Л.> из своих удостоверений всегда очень строго изгоняет всякие намеки на высокое звание председателя и правленца, говоря, что <...> повышенный % уважения как бы не отозвался понижением % скидки, а существен-то ведь последний» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 78. Л. 1).

В этом письме Жихарева сообщила о том, что надежды Замятина на получение денег от Госиздата безосновательны: в Госиздате и издательстве «Прибой» — нет денег на выплату гонораров авторам, и о том, что вся художественная литература «отошла» от Госиздата в издательство «Земля и Фабрика». Далее она писала о последних ленинградских новостях: о предстоящем отъезде И. И. Ионова на 2 года за границу, о новой книге П. Н. Медведева об А. А. Блоке; о похоронах А. Л. Вольнского.

ТЕЛЕГРАММА А. К. ГЛАЗУНОВУ

21 апреля 1927 г. Ленинград

Здесь улица Плеханова 10 Глазунову

Глубокоуважаемый Александр Константинович

Годовое общее собрание встретив дружными рукоплесканиями единогласное избрание вас председателем драмосоюза радуется тому что наступил десятый год Вашего непрерывного пребывания во главе общества и надеется еще долгие годы видеть вас на председатelsком посту председатель собрания Евгений Замятин

Глазунов Александр Константинович (1865—1936) — композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель, с 1918 по 1927 г. Председатель Ленинградского общества драматических и музыкальных писателей (Драмосоюза).

Замятин был членом Драмосоюза: сохранился его членский билет (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 18).

**ЗАЯВЛЕНИЕ В МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ
ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ПО ПОВОДУ
КОНФИСКАЦИИ КНИГИ Б. А. РОЗОВА «ПОСЛЕ БУРИ»**

В моск<овское> отд<еление> Правления В.С.П.

после октября 1927 г.

В сентябре 1927 г. изд<ательст>во<м> «Мысль» в Ленингр<аде> был выпущен роман Бориса Розова «После бури» — по разрешению Лен<инградского> Гублита... В октябре того же года эта книга была конфискована Политконтролем без объяснения причин. По поводу конфискации книги Розова Л<енинградское> отд<еление> Правления, совместно с Ленингр<адским> Советом Ф<едерации> С<оветских> П<исателей>, обращался в Л<енинградский> Гублит, но это ни к каким результатам не привело. Считая, что наложение ареста на роман Розова не имеет под собою никаких оснований и, скорее всего, является результатом какого-либо недоразумения, Л<енинградское> отд<еление> правл<ения> просит М<осковское> отд<еление> Правления внести вопрос о романе Розова на рассмотрение Моск<овского> Совета Ф<едерации> С<оветских> П<исателей>, чтобы через ФСП обратиться в соответствующие инстанции, от которых зависит снятие ареста с книги.

Приписка <М. А. Булгакова>:

Р.С. Одновременно с этим отношен<ием> высылается книга Б. Розова «После бури».

Вероятно, это заявление было написано после 24 октября 1927 г., когда Правление ленинградского отделения Всероссийского союза писателей возбудило ходатайство о снятии запрета Главлита на роман Бориса Александровича Розова (?—1941) «После бури» (ИМЛИ. Ф. 157, оп. 1, № 10. Л. 185), 12 марта 1928 г. ходатайство было возобновлено (Там же. Л. 265—265 об.). 5 июня 1928 г. Правление ЛО ВСП постановило собрать материалы, относящиеся к запрещению романа и передать их М. Горькому (Сообщено А. Ю. Галушкиным).

Сохранились два письма Розова к Замятину 1928—1929 гг. 14 сентября 1928 г. он извещал Замятина о бедственном положении Виктора Сергеевича Миролобова: «<...> он уже месяц как сокращен, находится без работы и весьма нуждается: по словам его, он даже не обедает. Виктор Сергеевич просил меня сообщить о его положении. Необходимо оказать ему поддержку. Решил в первую очередь сообщить об этом Вам» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 174. Л. 1). Во втором письме 13 июня 1929 г. он просил Замятина напи-

сать в издательство «Федерация» на имя А. Н. Тихонова отзыв на роман «Работники науки»: «Это чрезвычайно важно и будет иметь большое значение для судьбы рукописи в издательстве. Как мне известно, А. Н. Тихонов чрезвычайно считается с Вашим мнением» (Там же. Л. 2).

ПИСЬМО А. И. РАКОВСКОМУ

1927 г. Ленинград

Дорогой Леонтий Осипович,
после Комиссаровой¹ и Рославлевой² дайте, пожалуйста, возможность прочесть одно—два стихотворения поэту Маркову—сибиряку³, сотруднику «Сибирских огней»⁴.

Евг. Замятин.

Раковский Леонтий Иосифович (Осипович) (1896—1979) — прозаик, секретарь Правления Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей. 17 января 1928 г. он принял дела от бывшего секретаря ЛО ВСП М. В. Борисоглебского (см.: ОР РНБ. Ф. 92, оп. 1, № 22). Неизменно избирался в руководящие органы Союза писателей, был председателем правления Литературного фонда. В 1920-е — нач. 1930-х годов вышли его книги: Зеленая Америка: Повести и рассказы. Л., 1927; Свадьба: Рассказы. Л., 1927; Сивопляс: Повести и рассказы. Л., 1928; Четвертая жена: Роман. Л., 1930; Хозяин. М., 1930; Блудный пес: Рассказ. Л., 1931.

1. Комиссарова Мария Ивановна (1903—1994) — поэт, переводчик. С 1924 г. работала в библиографическом отделе «Красной газеты» Автор книги: Первопуток: Стихотворения. Л., 1928.

2. Рославлева Надежда Яковлевна (1901—1942) — поэт, прозаик, автор книг: Ветер и ночь: Стихи. Л., 1927; Ремесла. Л., 1931.

3. Марков Сергей Николаевич (1906—1979) — поэт, прозаик.

4. Журн. «Сиб. огни» издается в Новосибирске с 1922 г.

ПРОЕКТ ЗАЯВЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ В МОССОВЕТ С ПРОСЬБОЙ ОСТАВИТЬ ДОМ ГЕРЦЕНА В РАСПОРЯЖЕНИИ МОСКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСП

1928 г.

По имеющимся в Л<енин>гр<адском> отд<елении> ВСП сведениям имеется в виду Дом Герцена, находящийся в распоряжении Моск<овского> отд<еления> ВСП, передать в распоряжение Вс<е-

союзной> Фед<ерации> Пис<ателей>. Отобрание от ВСП дома Герцена, переданного Союзу Моссоветом еще в ... году, Л<енин>градское отд<еление> ВСП может рассматривать только как выражение недоверия к ВСП. Мы не можем уяснить себе оснований, вызывающих такое недоверие и видим себя вынужденными самым решительным образом протестовать против такого отношения к старейшей литер<атурной> организации, объединяющей большое число наиб<олее> квалифицированных художников слова СССР. Домом Герцена, которым заведовал ВСП, фактически пользовались все литературные организации, так что с передачей Дома в другие руки положение не изменится — только незаслуженно будет нанесен моральный ущерб Вс<ероссийскому> союзу п<исателей>.

Мы считаем вместе с тем необходимым отметить, что ВСП является единственной литературной организацией, не имеющей никаких правительственных субсидий: единственным видом помощи, оказывавшейся ВСП, было предоставление в распоряжение его Дома Герцена. Это давало возможность Московскому отделу ВСП уделять из своих средств не более 100 руб<лей> в мес<яц> на самые элементарные нужды (оплату квартиры, отопление и пр.) Ленингр<адского> Отдел<ения> ВСП. С отобранием Дома Герц<ена> от ВСП — Л<енингр>адское отд<еление> ВСП окажется лишенным этой скромной товарищеской помощи и окажется в чрезвычайно трудном положении — м<ожет> б<ыть>, даже вынужден будет ликвидировать свою деятельность.

Мы сомневаемся в том, чтобы это совпадало с общей линией отношения правительства к писательским организациям и потому еще раз настоятельно просим оставить управление Домом Герцена в руках Моск<овского> Отд<еления> ВСП.

Вероятно, проект заявления был составлен Замятиним в связи с тем, что в начале февраля 1928 г. в различных инстанциях обсуждался вопрос о предоставлении помещения для клуба Федерации объединений советских писателей (Сообщено А. Ю. Галушкиным). Этот вопрос был решен 3 августа 1928 г.: постановлением Совнаркома ФОСП был предоставлен дом № 52 по ул. Воровского (см.: На лит. посту. 1928. № 18. С. 78).

«Дом Герцена» (на Тверском бул., 25, теперь в нем размещается Литературный институт) был торжественно открыт 1 нояб. 1925 г. Первоначально находился в распоряжении Московского отделения Всероссийского союза писателей. В нем размещались правления многочисленных литературных организаций, ресторан, а также жилые комнаты для писателей.

ПИСЬМО Э. Ф. ГОЛЛЕРБАХУ

28 февраля 1929 г. Ленинград

28—II—1929

Многоуважаемый Эрик Федорович,

будьте добры, позвоните мне (по телефону 2—40—72¹), если успеете, завтра — в пятницу 1-го марта — часов до 2½: нужно выяснить кое-какие вопросы в связи с Вашим заявлением в Конфл<икт-ную> Комиссию Союза Писателей (относительно И. С. Зильберштейна)².

Привет.

ЕвгЗамятин

Голлербах Эрик Федорович (1895—1945) — искусствовед, литературовед, коллекционер и библиофил, с Замятиным его связывали профессиональные интересы и дружеские отношения. Сохранились два письма Голлербаха Замятину от 6 января 1929 г. и 6 декабря 1930 г. (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 61. Л. 1—2). См. также записи Замятина в альбомах Э. Ф. Голлербаха (Каталог. № 9, 10).

1. Номер телефона Замятина в квартире на ул. Жуковского, 29, кв. 18.

2. 28 декабря 1928 г. Голлербах обратился в конфликтную комиссию при Всероссийском союзе писателей с просьбой разобраться в обстоятельствах своего конфликта с литературоведом Илейей Самойловичем Зильберштейном (1905—1988). В начале 1928 г. Голлербах и Зильберштейн предложили издательству «Academia» план новой серии «Памятники быта русских художников» и первую книгу для нее «Воспоминания П. П. Соколова». Из-за финансовых и организационных трудностей этот проект не был осуществлен. Тогда Зильберштейн стал действовать самостоятельно (не известив при этом своего соавтора) и 5 июля 1928 г. заключил договор на книгу с издательством «Федерация». Голлербах параллельно вел самостоятельно переговоры об издании «Воспоминаний...» с Издательством Комитета популяризации художественных изданий и передал рукопись со вступительной статьей и подробными комментариями 9 октября 1928 г. для предпринятой Комитетом серии «Из прошлого русского искусства».

Конфликтная комиссия рассматривала этот вопрос на четырех заседаниях. В его обсуждении принимали участие члены комиссии — Е. И. Замятин, В. С. Миролюбов, А. М. Редько, О. Д. Форш. Замятин готовил проект резолюции (сохранились его черновые наброски резолюции). 27 марта 1929 г. Конфликтная комиссия приняла резолюцию, в которой, в частности отмечалось: «не запрещать Зильберштейну публиковать свою работу»,

однако «принятые Зильберштейном меры должны считаться недопустимыми в литературной среде». 15 апреля 1929 г. Правление Всероссийского союза писателей утвердило эту резолюцию конфликтной комиссии (см. ИРЛИ. Ф. 291 (ВСП)).

ВНУТРЕННЯЯ РЕЦЕНЗИЯ ДЛЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ НА РОМАН БОРИСА НЕВЕРОВА «ШЕСТЬ ДЕВЯТОК»

«Шесть девяток»

Чрезвычайно трудным<и> для наших прозаиков, почти вымирающими оказываются жанры сатирические. Некоторые из критиков — В. Блюм недавно — дошли даже до утверждений, что сейчас сатира невозможна и не нужна. Жизнь, однако, говорит другое: спрос на сатиру у читателя есть — и есть предложение, далеко не покрывающее спрос. Тем ценнее становится всякая новая работа в области сатирического жанра.

Одной из таких работ является роман «Шесть девяток» молодого автора Бориса Неверова. Роман построен целиком на современном советском материале. Действующие лица: директор швейного треста — хозяйственник из бывших торговцев; торговец новой формации, сумевший обработать даже этого старого, прожженного дельца; несколько мошенников калибром помельче — владелица магазина дамских нарядов и альфонс — бывший грузинский князь. Этим отрицательным типам в романе противопоставлено несколько положительных, главным образом — молодежь: дочь директора треста и рабочий — комсомолец, являющиеся звеньями любовной интриги романа.

Роман написан далеко не банально, читается с интересом. Этот интерес все время освежается чередованием в романе сатирических пассажей с лирическими, и также несомненно свойственным автору чувством юмора. Оптимистическая развязка романа дает еще больше оснований рекомендовать его к печати.

Евг. Замятин

14—VII—1929 г.

Имя Бориса Неверова не попало на страницы литературных энциклопедий и словарей; в Российской национальной библиотеке имеется только одна его книга: Неверов Б. Шесть девяток: Роман. Л., 1930.

Известны четыре рецензии на роман: Златова Е. Борис Неверов // Реценз. 1929. № 46. Об. обл.; Книги, не рекомендованные к печати // Крас.

библиотекарь. 1930. № 2. С. 36; Альконд А. Бездарное чтение // РОСТ. 1930. № 8/9. С. 45; Киреев Б. В мусорный ящик // Кн. и революция. 1930. № 6. С. 43.

Все рецензии на литературный дебют молодого писателя были резко отрицательными. «Перед нами только пустячок, забавный и развлекающий», — отозвался Б. Киреев. В другой рецензии читаем: «С любовью и умением описывая рестораны, вина и бокалы, автор иногда упоминает о рабочей массе с фабрики, однако о фабрике и массе он дает весьма скудное и туманное представление: мы узнаем лишь, что фабрика имеет тяжелые фабричные ворота, а рабочая масса любит сидеть в пивной и пить «Мичмана Джона»» [А. Альконд].

В Отделе рукописей хранится еще одна внутренняя рецензия на этот роман: Каверин В. А. Отзыв о романе Бориса Неверова «Брюкаторг» («Шесть девяток») (ОР РНБ. Ф. 709, оп. 1, № 16).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Когда я, после летней поездки, вернулся в Москву, все дело с моим романом «Мы» уже было закончено: было уже установлено, что появление отрывков из «Мы» в пражской «Воле России» — это мой поступок, и относительно «поступка» уже вынесены были все надлежащие резолюции.

Но факты — упрямы, они упрямее резолюций, каждый из них может быть подтвержден документами или людьми, и я хочу, чтобы они стали известны моим читателям. Факты эти сводятся к следующему.

1) Роман «Мы» написан в 1920-ом году. В 1921-ом рукопись романа была отправлена (простейшим способом: заказной бандеролью через Петроградский почтамт) в Берлин, издательству Гржебина. Это издательство имело тогда отделения в Берлине, Москве и Петрограде, и с издательством я был связан договорными отношениями.

2) В конце 1923-го года копия этой рукописи была передана издательством для перевода романа на английский язык (вышел этот перевод только в 1925 г.) и затем — на чешский. О появлении романа «Мы» в переводах я не раз заявлял печатно (в своих библиографиях и автобиографиях — см. «Вестник Литературы», «Литературная Россия» под ред. Лидина и т. д.); заметки об этом печатались также в советских газетах; никаких протестов по поводу появления этих переводов я до сих пор не слышал.

3) В 1924-ом году выяснилось, что вследствие цензурных затруднений роман «Мы» в советской России не может быть напечатан. Ввиду этого все предложения выпустить «Мы» за границей по-русски я отклонял. Такие предложения имелись, как от издательства Гржебина, так — позже — и от издательства «Петрополис» (последний раз летом 1929-го года).

4) Весной 1927-го года отрывки из романа «Мы» появились в пражском журнале «Воля России». И. Г. Эренбург, письмом из Парижа, по-товарищески предупредил меня об этом. Так впервые я узнал о своем «поступке».

5) Тогда же, летом 1927-го года, Эренбург по моей просьбе отправил в редакцию «Воли России» письмо с требованием от моего имени — прекратить печатание отрывков из «Мы». Аналогичное требование было переслано «Воле России» от моего имени также и еще одним из советских писателей, бывших тогда за границей. Считаться с этими моими требованиями «Воля России» не пожелала.

6) От Эренбурга я узнал и еще одно: напечатанные в «Воле России» отрывки из «Мы» были снабжены предисловием, информирующим читателя, что роман печатается в переводе с чешского на русский. Сам я не видел «Воли России» и не знаю, что получилось из этого перевода русского романа с иностранного языка обратно на русский. Но что бы ни получилось, при наличии самой скромной логики ясно, что такая операция над художественным произведением не могла быть сделана с ведома и согласия автора.

Вот это и есть мой «поступок». Похоже ли это на то, что писалось о нем в газетах (например на то, что я прочитал на днях в «Ленинградской Правде», где так прямо и напечатано: «... Е. Замятин предоставил *carte blanche* «Воле России» на опубликование своей повести «Мы», — № газеты от 22 сент.).

Начало газетной кампании по моему адресу положено было статьей Волина в № 19 «Литературной Газеты».

В своей статье Волин забыл сказать о том, что о моем романе «Мы» он вспомнил с запозданием на девять лет (ибо роман, как говорилось, написан в 1920-ом году).

В своей статье Волин забыл сказать о том, что о напечатании отрывков из романа «Мы» в «Воле России» он вспомнил с запозданием на два с половиною года (ибо эти отрывки, как говорилось, были напечатаны весной 1927-го года).

И наконец Волин забыл сказать о редакционном предисловии «Воли России», из которого явствует, что отрывки из романа печатаются без моего ведома и согласия.

Это — поступок Волина. Сознательным<и> или случайными были эти его умолчания — я не знаю, но последствием их было неправильное освещение дела в дальнейшем.

Дело это обсуждалось в Исполбюро ФОСП'а — постановление Исполбюро опубликовано в № 21 «Лит. Газеты». В § 2-ом Исполбюро «решительно осуждает поступок названных писателей — Пильняка и Замятина». А в § 4-ом того же постановления Исполбюро предлагает ленинградскому отделению ФОСП'а «срочно расследовать обстоятельства издания за границей романа Замятина «Мы».

Итак, сначала — приговор, потом — расследование. Ни один суд в мире, вероятно, еще не знает такого случая. Это — поступок Федерации Писателей.

Дальше — вопрос о напечатании романа «Мы» в «Воле России» обсуждался на общем собрании Моск. Отд. Всероссийского Союза Писателей и позже — на общем собрании Ленингр. Отд. Союза.

Московское общее собрание, не дожидаясь моих объяснений, не выразив даже желаний их выслушать,— приняло резолюцию, осуждающую все тот же мой «поступок». Члены Моск. Отд. Союза нашли своевременным выразить свой протест также и по поводу содержания романа, написанного девять лет назад и большинству собрания неизвестного. В наши годы девять лет — это в сущности девять веков. Я не собираюсь защищать здесь роман, имеющий девятивековую давность,— я думаю только, что если бы московские члены Союза протестовали против романа «Мы» шесть лет назад, когда роман был прочитан на одном из литературных вечеров Союза,— это было бы более своевременно.

Общее Собрание Ленингр. Отд. Союза состоялось 22-го сентября, и о результатах его я знаю только по газетной заметке («Вечерн. Красная» от 23-го сент.). Из этой заметки видно, что в Ленинграде уже были прочитаны мои объяснения по делу, что там мнения присутствовавших на собрании разделились,— часть писателей после моих объяснений считала исчерпанным весь инцидент, но большинство все же нашло более осторожным осудить мой «поступок».

Таков поступок Всероссийского Союза Писателей. И из этого последнего поступка я делаю свой вывод:

состоять в литературной организации, которая, хотя бы косвенно, принимает участие в травле своего сочлена,— я не могу и этим письмом заявляю о выходе своем из Всероссийского Союза Писателей.

24 сентября 1929.

Москва.

Это письмо было напечатано с незначительной редакторской правкой в «Лит. газ.» (1929. 7 окт.).

Об обстоятельствах, предшествовавших его написанию и сопутствовавших его публикации, см. в письмах Замятина к Л. Н. Замятиной (п. 283—286) и комментарии Е. Барабанова к роману «Мы» в изд.: *Соч.* С. 528—537.

По свидетельству Ю. П. Анненкова, в составлении этого письма принимала участие Л. Н. Замятина (см.: *Анненков.* С. 273).

ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ А. И. РЫКОВУ

30 сентября 1929 г.

В Англии я видел такое развлечение: негр из окна будочки высунул голову, все время вертит ею, а публика издала швыряет в эту голову мячами — по одному пенсу за мяч.

Последние восемь лет я состою в должности такого негра для советской прессы. Из написанного мною за все эти годы не было ни одной вещи, не прошедшей цензуру — и не было ни одной вещи, которая бы не вызвала газетной травли. Совершенно достаточно было того, что вещь подписана моим именем. В этом отношении особенно показательна имевшая место прошлый год история с моей пьесой «Атилла».

Над этой пьесой я работал больше двух лет — и я думал, что после этой пьесы я найду общий с советской общественностью язык. Думать так я имел основания: когда пьеса, принятая к постановке Ленингр. Большим Драматическим Театром, была прочитана на Художественном Совете Театра в присутствии рабкоров — представителей 18-ти ленинградских заводов, представители эти единодушно высказались за постановку пьесы, как подлинно-героической и революционной. Мне известно аналогичное об этой пьесе мнение М. Горького. Тем не менее по настоянию Ленинградского Обл. Реперткома, постановка пьесы была сорвана (хотя театр уже затратил немалую сумму на постановку).

Теперь, в сентябре этого года, по моему адресу открыта была новая, ожесточеннейшая из всех бывших до сих пор, кампания газетной травли. Поводом послужил мой роман «Мы», написанный девять лет назад, по-русски не печатавшийся, и два с половиной года назад появившийся (в выдержках) в Пражской «Воле России» — без моего разрешения и ведома, и несмотря на мои протесты. Действи-

тельные обстоятельства этого дела изложены в моем «Письме в редакцию» «Литературной Газеты» (копия прилагается). Когда вытаскивается из архива вещь девятилетней давности; когда основой для суждений служит статья (Волина), построенная на очень искусных умолчаниях; когда в военно-полевом порядке выносятся жесточайшие резолюции без выслушания моих объяснений — это иначе, как травлей назвать нельзя. Последствия этой травли таковы, что для меня в дальнейшем исключена всякая возможность литературной работы.

Эта последняя история окончательно убедила меня в том, что по крайней мере, в данный момент мое присутствие в Советской России явно излишне — и для Советской России и для меня. Поэтому я прошу разрешить мне (вместе с женой) выехать за границу, хотя бы на год. Это — для меня единственное средство восстановить свою трудоспособность и привести в порядок нервную систему, жестоко расшатанную всем, пережитым мною за последние годы. Вместе с тем, может быть то, что я увижу на Западе, скорее поможет мне понять то, чего я очевидно еще не понимаю в революции.

Я считаю нужным добавить, что ближайшей целью моей поездки является работа по постановке моей пьесы «Блоха» в Нью-Йорке в этом сезоне — соответствующий договор заключен мною с З. Венгеровой, переведшей мою пьесу на английский язык, и американским драматургом Альбергом, несколько видоизменяющим пьесу для Нью-Йоркской сцены.

Датируется по первому экземпляру этого письма (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 127). На нем — пометы Е. Замятина (зелеными чернилами): «Председателю Совета Народных комиссаров СССР А. И. Рыкову» (в правом верхнем углу письма); «Ленинград, ул. Жуковского 29, кв. 16 Е. И. Замятину» (в левом нижнем углу); за текстом письма — подпись и дата автографы: «Евг. Замятин. 30—IX 1929». Первый и второй абзацы текста — слева, на полях отчеркнуты зелеными чернилами; третий и четвертый — простым карандашом.

Об обстоятельствах, предшествовавших письму, см. п. 283—286; обширный комментарий к нему содержится в комментариях Е. Барабанова к роману «Мы» (Соч. С. 526—541).

**ВНУТРЕННЯЯ РЕЦЕНЗИЯ ДЛЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА ПИСАТЕЛЕЙ
В ЛЕНИНГРАДЕ НА СБОРНИК РАССКАЗОВ
Л. И. БОРИСОВА «ЧЕТЫРЕ С ПЛЮСОМ»**

Л. Борисов. Четыре с плюсом. Рассказы.

В сборнике — четыре рассказа хороших: «Беспризорный Галка», «Известный вам Галка», «Экипаж для детей» и «Холодная кровь». Слабее — «Птенец и флейта» и еще слабее — «Суслик» и «Чужая». Но четыре праведника в этом сборнике — пожалуй, спасут грешников: печатать книгу стоит, особенно, если учесть недостаток рукописей в Изд-ве.

В выгодах автора (и изд-ва) было бы поставить первым не рассказ «Чужая» — один из слабых, а какой-нибудь другой.

Евг Замятин

20—X—1929.

Борисов Леонид Ильич (1897—1972) к этому времени был известен как автор сборника стихов «По солнечной стороне» (Лг., 1922) и романа «Ход конем» (Л., 1927). Рецензируемая Замятиным книга вышла под названием «Галка» (Л., 1930). В ней были опубликованы рассказы «„Дикие“ и дачники», «Беспризорный Галка», «Известный Вам Галка», «Экипаж для детей», «До свидания, Галка». Рассказ «Суслик» был напечатан в журн. «Прожектор» (1929. № 46).